

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининко,

кандидат педагогических наук

В. Л. Кубышко,

кандидат педагогических наук

С. С. Маляев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V. L. Kubyshko,

Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyarkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванов,
доктор юридических наук, профессор

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

Н. Н. Карпов

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И. И. Котляров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

N. N. Karpov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

I. I. Kotlyarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грушев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, доцент

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

Г. С. Човдырова,
доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. S. Chovdyrova,
Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселiani,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
**Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина**

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629**

*Подписано в печать 25.08.2022 г.
Цена договорная*

**Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ****Содержание** **№ 4 • 2022****ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

*Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки*

АЛЕКСЕЕВ А. И. Правовое регулирование деятельности дзайбацу как инструмент обеспечения экономической безопасности Японии в период Второй Мировой войны.....	12
АНКОСИ М. М. Криминологическая характеристика этнической преступности	17
АХМЕДОВ Р. М. Некоторые особенности духовных завещаний (рукописных грамот) о передаче уделов феодальной Руси.....	21
БАРАНОВ А. А., СОЛОМАТИНА Е. А. Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения как одно из направлений национальной политики Российской Федерации по безопасности дорожного движения.....	26
БАТЫРОВ А. Х. Понятие и значение правового института условий отбывания лишения свободы в ИУ	31
БОГДАНОВ А. В., РУМЯНЦЕВ Н. В., ХАЗОВ Е. Н. Правовая культура и нравственное воспитание несовершеннолетних.....	35
БУБНОВ С. В. Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции в противодействии скулшутингу	41
БУЛАВКИН А. А., МАЛАХОВА Н. В. Административно-юрисдикционные полномочия полиции на водном транспорте: особенности и проблемы реализации.....	46
БЫЧКОВ В. В. Следственно-оперативная характеристика преступлений экстремистской направленности	52
ВАСЕЧКО А. А., ЩЕЛОКОВ К. С. К вопросу о монополизации государством насилия в современном обществе.....	58
ГАЕВОЙ А. И., МУЛЛАГАЛЕЕВА Л. Р., ВЕЦКАЯ С. А. Сравнительно-правовой анализ института возвращения прокурором уголовного дела следователю по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран.....	63
ГРОШЕВ С. Н. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин	68
ДАВИТАДЗЕ М. Д., ПУНГИН С. А. Некоторые проблемные аспекты правового регулирования института обращений граждан в Российской Федерации	72
ДОНСКАЯ М. В., АНУЧИН Д. А. Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции на территории Российской Федерации сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России	78
ЕРМАГАНБЕТОВ А. С. Влияние различных экономических факторов на состояние безопасности дорожного движения	83
ЕРМАКОВ С. В., ГУБАНОВ Д. Д., СИЛКИН А. М. Цифровая валюта с криминальной окраской.....	89
ЖУРАВЛЕВ В. В. Административно-правовой статус должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом назначения служебной проверки.....	94
ЗУБОВА М. В. О проблемах и перспективах создания в России частных военных компаний.....	99
КАЗАНЦЕВ С. Я., САФИН Н. М. Малозначительность деяния в уголовном законодательстве Российской Федерации.....	105
КАЛИНИН В. Н. Формы и методы реализации правозащитной деятельности институтом Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации	109

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

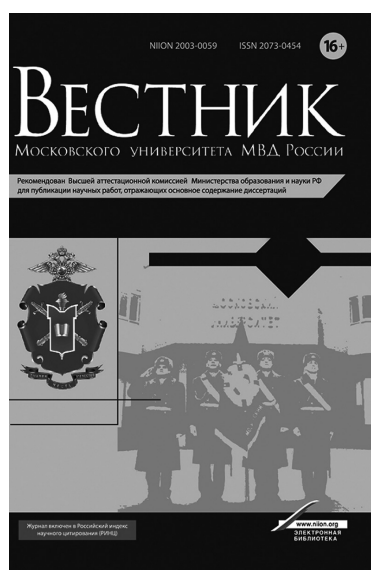
• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

**Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).**

Заказ № 75

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикоты
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

КИРСАНОВ А. Ю. О поправках к Конституции Российской Федерации: pro et contra	113
КОВШЕВАЦКИЙ В. И., МАРКИНА Э. В. Проблемы юридического закрепления участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях	117
КОЛОКОЛОВ Н. А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом — моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпции невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать).....	120
КОРНИЕНКОВА М. Р., ДЯКИНА С. Н. Актуальные вопросы квалификации террористического акта	133
КОУЛИБАЛИ ЛАСИНА ПЕХОН. Некоторые особенности, понятие и виды электронных споров.....	137
КУДИН О. В. Российские соотечественники за рубежом: кто они?	143
ЛЕДНЕВ А. Е., МИХАЙЛОВА Е. А. К вопросу о необходимости законодательного закрепления дефиниции «преступность при чрезвычайной ситуации»	149
МОЛЧАНОВА Т. В. Сравнительные статистические позиции учета лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности.....	151
НИКОНОРОВ Е. А. Некоторые особенности административно-процессуального статуса свидетеля и понятого как участников производства по делам об административных правонарушениях	156
ПАЛИЙ В. М., ПАНАСОВ Е. И. Нормативно-правовое регулирование профилактики дорожно-транспортных происшествий.....	162
ПЕТЛИЦКИЙ С. В. Уголовно-процессуальная деятельность в общей системе организации раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь	166
ПОПОВ Д. А. Общая криминологическая характеристика криминального банкротства	172
ПРОКОПОВИЧ Г. А. Реализация прав российского государства в отношении малого бизнеса, обоснованных его экономическим суверенитетом	175
ПРУДНИКОВ А. С. Конституционно-правовое регулирование отбора высококвалифицированных специалистов в Испанской Республике	183
ПРУДНИКОВА Т. А. Организационно-правовое регулирование отбора высококвалифицированных специалистов в Австрийской Республике.....	187
РЖАНИЦЫНА И. А. Причины безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации: проблемы и пути решения	191
САМОЙЛОВ В. Д., НУРАДИНОВ Ш. М., ЗЕМСКОВА А. В. О конституционно-правовом статусе правоохранительной службы	194
САРБАЕВ Г. М. Закон и мораль.....	198
СЕМОЧКИНА А. А., ВИЛЬМС А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за эвтаназию.....	201
СЕНИНА Е. Н. Зарубежный опыт восстановительной юстиции и медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов.....	209
СИМОНЕНКО Д. А. Некоторые аспекты современного состояния законодательного регулирования конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел	215
СКАЧКО А. В., ПОЛЯКОВА А. В. Механизм реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений	221
СУЛТАНОВ К. А. Административно-правовая охрана окружающей среды в субъектах Российской Федерации.....	228
ТЕРЕНКОВ И. Е. Юридическая оценка применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны	232
ТЕРЕХОВ М. Г. Мошенничество с использованием смарт-контрактов и суррогатов цифровых активов (криптовалют) в гражданско-правовых отношениях, осуществляемых в цифровой среде (сети Интернет)	236

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобрнауки России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ТИТОР С. Е. Оценка качества профессионального образования для установления категорий риска при организации государственного надзора	242
ТРОСТЯНЕЦКАЯ В. В. О проблемах установления и применения признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства ...	248
ФАЛИЛЕЕВ О. О. Перспективы развития института существенного изменения обстоятельств в российском гражданском законодательстве ...	253
ФЕДОРОВА И. В., КАРДАШЕВСКИЙ В. В., СНИБАБОВ Д. И., КУКСОВ В. А. Меры, применяемые комиссией по делам несовершеннолетних, по защите их прав	257
ДАНГ ВЬЕТ ХЫНГ. Роль понятия «общие условия» в формировании сущности общих условий предварительного расследования (сравнительно-правовое исследование законодательства Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам)	263
ЦИМБАЛ В. Н. Анализ деструктивной информации в социальных сетях и мессенджерах	269
ЧУКРЕЕВ В. А. Противодействие незаконной трансплантации органов и тканей в зарубежном законодательстве	275
ЧУЛАХОВ В. Н., ЛУКИНСКИЙ И. С. О месте криминалистического сканирования в системе криминалистической техники	280
ШАРУХА И. А. Проблемные вопросы уголовно-правового противодействия общественно опасной деятельности некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан	284
ЭРИШВИЛИ Н. Д., ГРИГОРЬЕВ А. И., МОЧАЛОВА В. А. Юридические презумпции в парадигме развития российского налогового права	290

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Математические, статистические
и инструментальные методы экономики
Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

БИРТАНОВ А. Г., НИКИТИН А. В., ПЕРЯКИНА М. П. О проблемах железнодорожной инфраструктуры транспортной системы России	298
ДОЛБИЛОВ А. В., КУЗНЕЦОВА Е. И. Оценка проблем и перспектив развития рынка микрофинансирования в России	301
ЛЯПИН А. Е. Статистический инструментальный исследования взаимосвязи налоговой нагрузки и уровня теневой экономики	306
МИНАКОВ А. В., МИЛОСЛАВСКАЯ М. М. Риски и угрозы при обеспечении экономической безопасности коммерческих банков в сфере потребительского кредитования в России	312
САРАДЖЕВА О. В. Пути повышения финансовой устойчивости предприятия электронной торговли в целях обеспечения его экономической безопасности	320

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

НИКОЛАЕВА Ю. В., МУСАТОВА О. А. Профилактика конфликтов в управленческой деятельности	324
РЕНКАС Е. В., ТАРАСОВА М. А. Профилактика правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений как широкий комплекс мероприятий воспитательного характера	329
СТАВЦЕВ А. А. Позитивная психология как инструмент социализации, воспитания и ресоциализации личности	332
СУХОВ А. Н. Социальная психология преступности: теоретико-отраслевой аспект	336
ЧИХЛАДЗЕ Л. Т. Может ли в принципе существовать хороший учебник для хорошего научного наставника и для хорошего студента?	342

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and
technics, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor*

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
**L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina**

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629**

*It is sent for the press 25.08.2022
Contractual price*

**Editorial Staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2.
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>**

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 4 • 2022

JURISPRUDENCE

*Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences*

ALEKSEEV A. I. Legal regulation of zaibatsu as an instrument of providing of economic security in Japan during the World War II.....	12
ANKOSI M. M. Criminological characteristics of ethnic crime	17
AKHMEDOV R. M. Some features of spiritual wills (handwritten letters) on the transfer of the fief of feudal Russia	21
BARANOV A. A., SOLOMATINA E. A. Promotion of road safety in the activities of the departments of the State Road Safety Inspectorate as one of the directions of the national policy of the Russian Federation on road safety.....	26
BATYROV A. H. The concept and significance of the legal institution of the conditions for serving deprivation of liberty in correctional institutions	31
BOGDANOV A. V., RUMYANTSEV N. V., KHAZOV E. N. Legal culture and moral education of minors	35
BUBNOV S. V. Actual problems of the activities of the police commissioner in combating schoolshooting.....	41
BULAVKIN A. A., MALAKHOVA N. V. Administrative-jurisdictional powers of the police in water transport: features and problems of implementation.....	46
BYCHKOV V. V. Investigative and operational characteristics of extremist crimes	52
VASECHKO A. A., SHCHELOKOV K. S. To the issue of violence monopolization by state in the modern society	58
GAEVOY A. I., MULLAGALEEVA L. R., VETSKAYA S. A. Comparative legal analysis of the institute of returning by a prosecutor of a criminal case to investigator under legislation of the Russian Federation and foreign countries	63
GROSHEV S. N. Tax on bachelors, single and small-family citizens in the USSR. On the issue of men's rights	68
DAVITADZE M. D., PUNGIN S. A. Some problematic aspects of the legal regulation of the institution of citizens' appeals in the Russian Federation.....	72
DONSKAYA M. V., ANUCHIN D. A. Topical issues of countering illegal migration on the territory of the Russian Federation by employees of migration departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia	78
ERMAGANBETOV A. S. The influence of various economic factors on the state of road safety.....	83
ERMAKOV S. V., GUBANOV D. D., SILKIN A. M. Digital currency with criminal overtones.....	89
ZHURAVLEV V. V. Administrative and legal status of officials of internal affairs bodies entitled to appoint an internal audit.....	94
ZUBOVA M. V. About the problems and prospects of creating private military companies in Russia.....	99
KAZANTSEV S. YA., SAFIN N. M. The insignificance of an act in the criminal legislation of the Russian Federation.....	105
KALININ V. N. Forms and methods of implementation of human rights activities of the institute of the Commissioner for Children's Rights in the Russian Federation	109

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

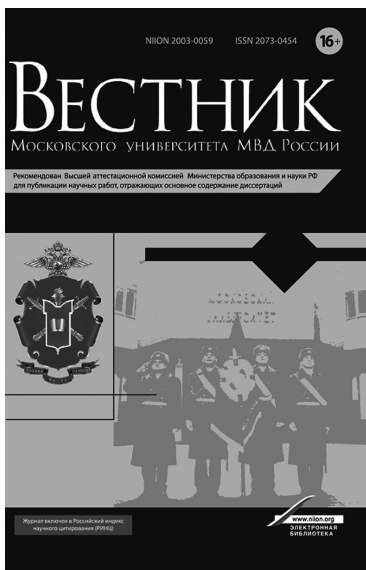
• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)

Order № 75

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russia named after
V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

KIRSANOV A. YU. On amendments to the Constitution of the Russian Federation: pro et contra.....	113
KOVSHEVATSKY V. I., MARKINA E. V. Problems of legal consolidation of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses.....	117
KOLOKOLOV N. A. General principles of necessary defense. Part one: questions of theory, history and practice regarding the application of the Castle Doctrine (my home is my fortress), Stand your ground (no obligation to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (the attacker is a priori guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from a civil suit), as well as the concept of Duty to retreat (obliged to flee).....	120
KORNIENKOVA M. R., DYAKINA S. N. Current issues of qualifying a terrorist act.....	133
COULIBALY LACINA PEHON. Some features, concept and types of e-disputes.....	137
KUDIN O. V. Russian compatriots abroad: who are they?	143
LEDNEV A. E., MIKHAILOVA E. A. To the question of the need for legislative consolidation of the definition of «Crime in an emergency situation».....	149
MOLCHANOVA T. V. Comparative statistical positions of accounting for persons committing crimes in the sphere of economic activity	151
NIKONOROV E. A. Some features of the administrative-procedural status of a witness and understood as participants in proceedings on administrative offenses.....	156
PALY V. M., PANASOV E. I. Regulatory and legal regulation of the prevention of road accidents.....	162
PETLITSKIY S. V. Criminal procedural activity in the general system of organizing the disclosure and investigation of crimes in the Republic of Belarus	166
POPOV D. A. General criminological characterization of criminal bankruptcy.....	172
PROKOPOVICH G. A. Realization of the rights of the Russian state in relation to small business justified by its economic sovereignty.....	175
PRUDNIKOV A. S. Constitutional and legal regulation of the selection of highly qualified specialists in the Spanish Republic.....	183
PRUDNIKOVA T. A. Organizational and legal regulation of the selection of highly qualified specialists in the Republic of Austria.....	187
RZHANITSYNA I. A. Causes of neglect and homelessness in the Russian Federation: problems and ways of solution.....	191
SAMOILOV V. D., NURADINOV SH. M., ZEMSKOVA A. V. On the constitutional and legal status of the law enforcement service	194
SARBAYEV G. M. Law and morality	198
SEMOCHKINA A. A., VILMS A. A. Actual problems of criminal liability for euthanasia.....	201
SENINA E. N. Foreign experience of restorative justice and mediation in the resolution of criminal law conflicts	209
SIMONENKO D. A. Some aspects of the current state of legal regulation of the confidential assistance of individuals to the operational units of the internal affairs bodies.....	215
SKACHKO A. V., POLYAKOVA A. V. The mechanism for implementing the principle of competitiveness of the parties in pre-trial proceedings in the investigation of penitentiary crimes.....	221
SULTANOV K. A. Administrative and legal protection of the environment in the subjects of the Russian Federation	228
TERENKOV I. E. Legal assessment of the use of firearms by police officers in the state of necessary defense.....	232
TEREKHOV M. G. Fraud using smart contracts and digital asset surrogates (cryptocurrencies) in civil law relations carried out in a digital environment (Internet).....	236

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of lawenforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency "Ural-Press Okrug" 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

TITOR S. E. Assessment of the quality of vocational education for the establishment of risk categories in the organization of state supervision	242
TROSTYANETSKAYA V. V. About problems of establishing and interpreting the signs of the subjective side of the corpus delicti providing for criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity	248
FALILEEV O. O. Prospects for the development of the institute of significant changes in circumstances in the Russian civil legislation.....	253
FEDOROVA I. V., KARDASHEVSKIY V. V., SINIBABOV D. I., KUKSOV V. A. Measures applied by the commission on juvenile affairs to protect their rights	257
DANG VIET HUNG. The role of the concept of «general conditions» in the formation of the essence of the general conditions of the preliminary investigation (comparative legal study of the legislation of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam)	263
TSIMBAL V. N. Analysis of destructive information in social networks and messengers	269
CHUKREEV V. A. Countering illegal organ and tissue transplantation in foreign legislation.....	275
CHULAKHOV V. N., LUKINSKY I. S. About the place of forensic scanning in the system of forensic technology	280
SHARUKHA I. A. Problems of criminal law counteraction to socially dangerous activities of non-profit organizations that infringe on the identity and rights of citizens	284
ERIASHVILI N. D., GRIGORIEV A. I., MOCHALOVA V. A. Legal presumptions in the development paradigm of Russian tax law	290

ECONOMIC SCIENCE

*Mathematical, statistical
and instrumental methods of economics
Regional and sectoral economics
Finance*

BIRTANOV A. G., NIKITIN A. V., PERYAKINA M. P. On the problems of railway infrastructure of the transport system of Russia	298
DOLBILOV A. V., KUZNETSOVA E. I. Assessment of problems and prospects for the development of the microfinance market in Russia	301
LYAPIN A. E. Statistical tools for studying the relationship between the tax burden and the level of the shadow economy	306
MINAKOV A. V., MILOSLAVSKAYA M. M. Risks and threats in ensuring the economic security of commercial banks in the field of consumer lending in Russia	312
SARADZHEVA O. V. Ways to increase the financial stability of an e-commerce enterprise in order to ensure its economic security.....	320

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

NIKOLAEVA YU. N., MUSATOVA O. A. Prevention of conflicts in management activities.....	324
RENKAS E. V., TARASOVA M. A. Prevention of offenses in the sphere of family and household relations as a wide range of educational measures	329
STAVTSEV A. A. Positive psychology as a tool of socialization, upbringing and re-socialization of a person.....	332
SUKHOV A. N. Social psychology of crime: theoretical and sectoral aspect.....	336
CHIKHLADZE L. T. Can there really be a good textbook for a good scientific mentor and for a good student?	342

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-12-16>

НИОН: 2003-0059-4/22-342

MOSURED: 77/27-003-2022-04-541

Правовое регулирование деятельности дзайбацу как инструмент обеспечения экономической безопасности Японии в период Второй Мировой войны

Александр Иванович Алексеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, thekeplerslab@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются меры законодательного регулирования деятельности финансово-промышленных групп, реализованные Японией в период Второй Мировой войны в целях обеспечения экономической безопасности страны; проводится анализ отдельных нормативных правовых актов, а также выделяются как отдельные меры, так и общие направления обеспечения законодательного регулирования с оценкой эффективности и определения как позитивных, так и негативных эффектов.

Ключевые слова: дзайбацу, мобилизация, экономическая безопасность, вооружённый конфликт, Япония, Вторая Мировая война

Для цитирования: Алексеев А. И. Правовое регулирование деятельности дзайбацу как инструмент обеспечения экономической безопасности Японии в период Второй Мировой войны // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 12–16. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-12-16>.

Original article

Legal regulation of zaibatsu as an instrument of providing of economic security in Japan during the World War II

Alekseev Aleksandr Ivanovich

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, thekeplerslab@gmail.com

Abstract. The measures of legislative regulation of the activities of financial and industrial groups implemented by Japan during the Second World War in order to ensure the economic security of the country are considered, an analysis of individual regulatory legal acts is carried out, and both individual measures and general directions of legislative regulation are highlighted with an assessment of effectiveness and determination of both positive and negative effects.

Keywords: zaibatsu, mobilization, economic security, military conflict, Japan, World War II

For citation: Alekseev A. I. Legal regulation of zaibatsu as an instrument of providing of economic security in Japan during the World War II. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):12–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-12-16>.

На протяжении всей истории развития цивилизации, войны и вооружённые конфликты являлись одними из наиболее разрушительных угроз экономической безопасности страны, особенно таким её аспектам, как устойчивый гражданский оборот, обуславливающий отсутствие кризисных явлений в обществе, а также производство национальными предприятиями товаров, работ и услуг, в том числе, в рамках государственного военного (оборонного) заказа. Деятельность частных лиц в контексте реализации обеспечения дан-

ных направлений, помимо основной для коммерческого предприятия цели извлечения прибыли, также обеспечивает экономическую безопасность суверенного государства.

В период войн и вооружённых конфликтов перечень традиционных угроз экономической безопасности государства существенным образом трансформируется. Так, в результате закрытия международных рынков снижается риск увеличения влияния иностранных лиц на национальную экономику в результа-

те использования гражданско-правовых механизмов, однако возникают риски физического уничтожения важных для обеспечения экономической безопасности объектов инфраструктуры, как прямо, так и в результате невозможности обеспечения национальных вооружённых сил необходимым оснащением в рамках государственного оборонного (военного) заказа.

Государство как основной субъект деятельности по обеспечению экономической безопасности, в целях предупреждения реализации данных рисков в ходе вооружённых конфликтов, осуществляет регулирование деятельности остальных субъектов гражданского оборота посредством своего основного инструмента — права, выраженного в нормативных правовых актах. Направленные на обеспечение экономической безопасности страны нормативные правовые акты могут приниматься как заблаговременно, до начала вооружённого конфликта, так и в ответ на непосредственно возникающие риски и угрозы.

В период Второй Мировой войны как наиболее крупного вооружённого конфликта XX в. одним из наиболее примечательных моделей обеспечения экономической безопасности представляется опыт Японии как государства, нарушение экономической безопасности и национального суверенитета в результате навязывания США и европейскими государствами неравноправных договоров в ходе «открытия» Японии для иностранных рынков стало толчком к осуществлению масштабной индустриализации в период второй половины XIX – первой половины XX вв.

Одним из основных субъектов деятельности по индустриализации Японии в данный период выступили дзайбацу — финансово-промышленные группы, характеризовавшиеся осуществлением управления членами одного клана, состоящего из нескольких семейств, и обладающего относительно малой долей собственности по отношению к общему объёму активов всей финансово-промышленной группы; доминирующим или монопольным положением на определенном рынке товаров, работ и услуг при негласной поддержке государства, а также пирамидальной структурой подчинения входящих в структуру финансово-промышленной группы предприятий, позволяющих не соблюдать права, свободы и законные интересы участников со стороны, не входящих в клан. Данные группы в первой половине XX в., с 1895 по 1939 г. обеспечили увеличение валового внутреннего продукта более чем в три раза [3, с. 59].

По данным, которые приводят Р. Морк и М. Накамура, к концу Второй Мировой войны и капитуляции Японии, несмотря на многочисленные бомбардировки, закрытие международного гражданского оборота, а также мобилизацию экономики для первоочередного обеспечения военных нужд, объём валового внутреннего продукта в период 1939–1945 гг. снизился только на 12,5 % [3, с. 59]. По нашему мнению, это свидетельствует о высоком уровне эффективности мер, пред-

принятых государством для обеспечения экономической безопасности страны, в результате чего опыт Японии является актуальным для исследования на предмет выявления эффективных стратегий, в частности, отражённых в нормативных правовых актах того времени.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы обеспечения нужд вооружённых сил Японии необходимыми товарами, работами и услугами в период 1939–1945 г. субъектами предпринимательской деятельности, являлся принятый 1 апреля 1938 года Закон о национальной мобилизации (国家総動員法) [6]. В соответствии с положениями данного нормативного правового акта правительство Японии наделялось широким кругом полномочий по контролю и управлению национальными ресурсами, в том числе промышленностью, капиталом и трудом.

Закон о национальной мобилизации, в отличие от предшествовавшего ему Закона о мобилизации производства аммуниции 1918 г. (軍需工業動員法) [9], основным способом воздействия на субъектов предпринимательской деятельности со стороны которого являлось, в первую очередь, предоставление гарантий, льгот и субсидирование, обладал явно выраженным императивным характером. В частности, в соответствии со ст. 5 Закона 1938 г., правительство получало право в случае необходимости осуществлять полный контроль за осуществлением предприятием предпринимательской и иной деятельности, к примеру, осуществлять разрешение трудовых споров на данных предприятиях, в соответствии с положениями ст. 7 Закона 1938 г., определять размер заработной платы, нанимать и увольнять работников (ст. 6 Закона 1938 г.).

Под действие Закона о национальной мобилизации 1938 г. попадал широкий круг производств, включавший в себя предприятия по производству оружия и боеприпасов (п. 1 ст. 2 Закона 1938 г.), одежды и продовольствия (п. 2 ст. 2 Закона 1938 г.), медицинских препаратов (п. 3 ст. 2 Закона 1938 г.), транспортных средств как наземных, так и водных и воздушных (п. 4 ст. 2 Закона 1938 г.), топлива и электричества (п. 7 ст. 2 Закона 1938 г.) и др. В круг полномочий правительства, помимо вышеуказанных, в отношении данных предприятий входило право на организацию и прямое управление производством товаров, работ и услуг, их распространением, транспортировкой, использованием и хранением (ст. 8 Закона 1938 г.).

В соответствии с положениями ст. 9 Закона 1938 г. правительство получило право ограничивать импорт и экспорт товаров, работ и услуг, входящих в перечень необходимых для осуществления национальной мобилизации, а также право на уменьшение или освобождение от обязанности по уплате налога на импорт или экспорт. В случае необходимости, в соответствии с положениями ст. 11 Закона 1938 г., правительство могло самостоятельно создавать предприятия, объединять существующие, изменять цель осуществления дея-

тельности предприятия, а также распределять полученную в ходе подобной деятельности прибыль.

В то же время, несмотря на первоочередное обеспечение интересов государства, некоторые положения Закона 1938 г. предусматривали меры по защите прав, свобод и законных интересов владельцев мобилизованных субъектов предпринимательской деятельности. В частности, положениями ст. 15 Закона 1938 г. предусматривался максимальный срок экспроприации предприятия в размере 10 лет, по истечении которого владелец предприятия имел приоритетное право выкупа данного предприятия у правительства. Необходимость выкупа экспроприированного предприятия обуславливалась тем, что, в соответствии с положениями ст. 16 Закона 1938 г., правительство могло, в случае необходимости, устанавливать новое оборудование, которое по стоимости могло превосходить находившееся до мобилизации.

Осуществление экспроприации могло осуществляться в рамках двух основных моделей: с полным переходом управления к правительству или сохранением прежней структуры управления. В первом случае государство передавало полномочия бывших собственников и менеджеров специально нанятым, в соответствии с положениями ст. 21 Закона 1938 г., лицам. В рамках же сохранения прежней структуры управления роль назначенных государством администраторов выполняли собственники и менеджеры предприятия. В соответствии с положениями ст. 26 Закона 1938 г. им гарантировалась выплата заработной платы в ходе осуществления деятельности по управлению мобилизованным предприятием. В то же время приоритетной оставалась выплата заработной платы за счет собственных средств субъекта предпринимательской деятельности, субсидирование за счет средств государственного бюджета осуществлялось исключительно в случаях отсутствия прибыли у предприятия. С целью контроля за объемом прибыли, получаемой предприятиями, в соответствии со ст. ст. 30 и 31 Закона 1938 г., правительство получило право на осуществление контроля и надзора за прибылью мобилизованных предприятий.

Помимо прав в отношении управления и контроля за субъектами предпринимательской деятельности, осуществляющими деятельность по производству необходимых для вооруженных сил товаров, работ и услуг, правительство получило дополнительные права в иных сферах. В частности, положениями ст. 20 Закона 1938 г. допускалась возможность ограничивать, в случае необходимости, свободу печати посредством осуществления правительством запрета на публикацию неопределенно широкого круга материалов в средствах массовой информации.

Помимо предприятий, осуществлявших непосредственное производство необходимых для вооруженных сил товаров, работ и услуг, в соответствии с положениями ст. 22 Закона 1938 г. правительство получило

право на осуществление прямого управления учебными заведениями, включая школы, учебными центрами и иными органами, осуществлявшими подготовку специалистов в области производства необходимых в рамках национальной мобилизации товаров, работ и услуг. В рамках данного прямого управления правительством осуществлялся комплекс мер по ограничению прав и свобод учащихся в целях ограничения критики внешне- и внутривластного курса правительства Японии, в том числе, посредством ограничения прав лиц, критиковавших участие Японии во Второй Мировой войне [4, с. 68].

Особенностью Закона 1938 г. являлось установление уголовной ответственности за нарушение ряда его положений. Так, лицо, осуществившее импорт или экспорт товаров, работ или услуг в нарушение положений ст. 9 Закона 1938 г., в соответствии с положениями ст. 32 Закона 1938 г., могло быть привлечено к уголовной ответственности в виде штрафа до десяти тысяч иен или лишения свобод на срок до трех лет. Товары, в отношении которых виновное лицо осуществило преступное деяние, подлежали конфискации.

В случае уклонения от осуществления управления мобилизованным предприятием лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности, в соответствии с п. 4 ст. 33 Закона 1938 г., в виде штрафа до 5 000 иен или лишения свободы на срок до трех лет. В случае уклонения собственника предприятия от передачи его правительству в рамках национальной мобилизации, он, в соответствии с положениями ст. 36 Закона 1938 г., мог быть привлечен к уголовной ответственности в виде штрафа в размере до одной тысячи иен или лишением свободы с привлечением к обязательным работам на срок до одного года.

Лицо, опубликовавшее материал в средствах массовой информации, а также автор данного материала, распространение которого было запрещено, в соответствии с положениями ст. 20 Закона 1938 г., могло быть, в соответствии с положениями ст. 39 Закона 1938 г., к уголовной ответственности в виде штрафа в размере до двух тысяч иен или лишения свободы на срок до двух лет. Аналогичный размер уголовного наказания был установлен положениями ст. 44 Закона 1938 г. для лиц, разгласивших ставшую им известной конфиденциальную информацию, касающуюся осуществления правительством национальной мобилизации.

В целях осуществления деятельности по обеспечению национальной мобилизации в рамках Закона 1938 г. правительством Японии был разработан Указ о создании Совета по национальной мобилизации 1938 г. (国家総動員審議会官制) [10]. Данный Совет, в соответствии с положениями ст. 1 Указа 1938 г., находился под прямым контролем премьер-министра. В соответствии с положениями ст. 2 Указа 1938 г., его структура включала в себя президента, вице-президента и до пятидесяти членов, по запросу премьер-министра в состав Совета, в соответствии со ст. 3 Указа 1938 г.,

могли вводиться дополнительные члены, в т. ч. чиновники правительства, члены палат парламента Японии и представители экспертного сообщества.

Закон о национальной мобилизации 1938 г. был отменен только по окончании Второй Мировой войны, в соответствии с положениями разработанного при содействии Оккупационной администрации Верховного главнокомандующего Союзными силами Закона об отмене экстренных мер военного времени 1945 г. (国家総動員法及戦時緊急措置法廃止法律) [7], помимо указанного акта, отменившего действие широкого круга нормативных правовых актов, направленных на мобилизацию ресурсов Японии для участия во Второй Мировой войне.

Основным нормативным правовым актом, регулировавшим вопросы осуществления японскими подданными трудовой функции в период Второй Мировой войны в рамках национальной мобилизации, стал принятый 8 июля 1939 года Указ о национальной трудовой мобилизации (国民徴用令) [8]. Данный указ дополнял положения Закона 1938 г. в отношении реализации трудовой обязанности работниками предприятий, осуществлявших выполнение государственного военного заказа в целях обеспечения нужд вооруженных сил Японии.

В соответствии с положениями ст. 7 Указа 1939 г. министр здравоохранения и социальной защиты получал право на осуществление привлечения широкого круга лиц к осуществлению трудовой деятельности на обеспечивавших выполнение военного заказа предприятиях в принудительном порядке. Единственной мерой, обеспечивавшей в рамках данного нормативного правового акта защиту трудовых прав и свобод работников, было императивное требование, в силу п. 4 ст. 8 Указа 1939 г., указывать конкретный период, в течение которого работник привлекался к труду. Единственным основанием для освобождения от осуществления трудовой деятельности в принудительном порядке, являлась, в соответствии со ст. 14 Указа 1939 г., тяжелая болезнь работника.

В соответствии с положениями ст. 19 Указа 1939 г., распоряжение о привлечении лица к труду должно оформляться в письменном виде. В случае привлечения лица к труду на предприятии, располагающимся вне территории, на которой лицо имеет место жительства, положениями Указа предусматривался ряд гарантий, таких как обеспечение выплаты заработной платы в двойном размере, а также компенсация расходов на проезд и проживание в месте осуществления трудовой деятельности (ст. 19 Указа 1939 г.). Установленные положениями ст. 21 Указа 1939 г. перечень лиц, которые могли быть привлечены к осуществлению трудовых функций в рамках национальной мобилизации, включал в себя, помимо военных и гражданских специалистов, медицинских работников, ветеринаров, а также корейских водолазов и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. По оценкам исследователей, в

период с 1941 по 1945 гг. в рамках национальной мобилизации трудовых ресурсов к принудительному труду было привлечено более шести миллионов человек [5, с. 36]. В случае привлечения к труду лиц, проживавших на территории находившейся под контролем Японии Кореи, они могли осуществлять трудовую деятельность как на предприятиях, находившихся на территории Кореи, так и на территории Японского архипелага. В частности, вопрос о компенсациях жертвам данной принудительной мобилизации является одним и ключевых камней преткновения в международных отношениях Японии и Южной Кореи [1, с. 20].

Роль правовых актов о национальной мобилизации в период Второй Мировой войны может быть охарактеризована как крайне противоречивая. С одной стороны, правительство активно использовало предоставленные инструменты прямого управления субъектами предпринимательской деятельности, однако, в то же время, противодействие представителей сообщества предпринимателей вкупе с пробелами и неточностями в нормативных правовых актах, по оценкам исследователей привело к резкой криминализации японского гражданского оборота, «ухода в тень» многих гражданско-правовых правоотношений [2, с. 107], в результате чего японская экономика недополучала необходимые в период войны ресурсы, а органы государственной власти были вынуждены выделять и без того ограниченные ресурсы на выявление и преследование недобросовестных участников гражданского оборота.

Вторым негативным фактором разработанного японским законодателем комплекса мер по обеспечению устойчивости японской экономики и производства в период войны в рамках национальной мобилизации послужил низкий уровень предпринимательских навыков назначенных для управления предприятиями государственных служащих. Наиболее эффективными оказались предприятия, в которых при наличии принуждения сохранялась прежняя структура управления и частные лица в качестве руководства. Так, из-за возросшего в ходе неэффективного государственного управления сельским хозяйством половина потребления риса — основного продукта в данный период — в Японии обеспечивалась посредством его вывоза из захваченных материковых территорий, а маршрут, по которому рис доставлялся на территорию архипелага, получил название «Линия жизни» [2, с. 107].

В результате анализа правового регулирования деятельности дзайбацу как инструмента обеспечения экономической безопасности Японии в период Второй Мировой войны нами были выделены следующие основные аспекты, обеспечившие, по нашему мнению, экономическую безопасность страны в данный период:

1. Императивный характер регулирования деятельности частных предприятий в период вооруженного конфликта, обязывание по совершению действия или воздержания от него,

а не стимулирующие меры, рассчитанные на добровольное выполнение субъектами экономической деятельности.

2. Комплексный характер регулирования, в рамках которого органы государственной власти могли устанавливать не только внешние аспекты деятельности дзайбацу, такие как участие в международной торговле или перечень контрагентов, но и внутренние, такие как режим рабочего дня, размер дивидендов и заработной платы и др.
3. Защита прав и свобод участников гражданского оборота, что особенно важно при императивном регулировании для сохранения предпринимательской инициативы. Так, наиболее эффективным, по нашему мнению, в рамках данного аспекта являлось законодательное ограничение продолжительности действия установленных мер.
4. В целях предупреждения кризисных социальных и экономических явления эффективными мерами оказались ограничение свободы печати и введение уголовной ответственности за нарушение положений закона, направленных на обеспечение экономической безопасности страны.

По нашему мнению, выявленные положения могут послужить в качестве средства обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в случае начала войны или крупномасштабных боевых действий. Так, наиболее эффективными направлениями в данном случае представляются введение императивного управления российскими финансово-промышленными группами, но при сохранении структуры управления, высших должностных лиц, вкупе с установлением и обеспечением привлечения к ответственности лиц за нарушение императивных мер. Также, по нашему мнению, существенным фактором является законодательное обеспечение временного характера данных мер.

В заключение необходимо отметить, что мобилизация национальной экономики в ходе вооружённого конфликта является необходимой мерой не только для обеспечения экономической безопасности страны и выполнения государственного оборонного заказа, но и для обеспечения занятости населения, наличия необходимых широкому кругу лиц товаров, работ и услуг, для предупреждения паники и социальных кризисов в стране.

Список источников / References

1. Горячев Н. Н., Горячева Е. А. Торговая во-

йна между Японией и Южной Кореей: конец альянса? // У карты Тихого океана. 2019. № 3. С. 20–22. (1. Goryachev N. N., Goryacheva E. A. Trade war between Japan and South Korea: the end of alliance? // Pacific ocean map. 2019. № 3. P. 20–22.)

2. Попов Г. Г. Япония на пути к участию во Второй Мировой войне : первые шаги мобилизации экономики и китайский вопрос. // Историко-экономические исследования. 2017. № 1. С. 103–124. (2. Popov G. G. Japan before participation in World War II : first step to mobilization of economics and China issue // Historic and economic studies. 2017. № 1. P. 103–124.)
3. Morck R., Nakamura M. Business Groups and the Big Push : Meiji Japan's Mass Privatization and Subsequent Growth // NBER Working Paper Series. Working Paper 13171. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2007. 63 p.
4. Ozawa Xi. Kokka sōdōin taisei-ka ni okeru kyōiku seido kaikaku // Tōhokujoshidaigaku kiyō. 2011. № 50. P. 66–75.
5. Rice R. Japanese Labor in World War II // International Labor and Working-Class History. 1990. № 38. P. 29–45.
6. Kokka Sōdōinhō // Kokuritsu Kokkaitoshokan dejitaru korekushon [Электронный ресурс/ Electronic resource]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1029225> (дата обращения/ accessed: 30.05.2021).
7. Kokka sōdōinhō hōrei senji no hōsoku // Nihonhōrei sakuin [Электронный ресурс/ Electronic resource]. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000037446¤t=-1> (дата обращения/ accessed: 30.05.2021).
8. Kokumin chōyō-rei // Kokuritsu Kokkaitoshokan dejitaru korekushon [Электронный ресурс/ Electronic resource]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2960245/1> (дата обращения/ accessed: 02.06.2021).
9. Gunjukōgyō Dōin-hō // Kokuritsu Kokkaitoshokan dejitaru korekushon [Электронный ресурс/ Electronic resource]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1440677> (дата обращения/ accessed: 30.05.2021).
10. Zenkoku dōin kyōgi-kai seifu seido // Nihonhōrei sakuin [Электронный ресурс/ Electronic resource]. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000027634¤t=-1> (дата обращения/ accessed: 30.05.2021).

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 343:352

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-17-20>

НИОН: 2003-0059-4/22-343

MOSURED: 77/27-003-2022-04-542

Криминологическая характеристика этнической преступности

Муртаз Михайлович Анкоси

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, murtaz.ankosi@mail.ru

Аннотация. Проанализированы проблемы этнической преступности; обозначены криминологические ориентиры, направленные на ее выявление. Обосновывается криминологический анализ личности преступника, совершающего противоправные деяния в составе этнической организованной преступной группировки. Проведен криминологический анализ основных детерминант возникновения этнической преступности в мегаполисах на примере города Москвы.

Ключевые слова: преступление, организованная преступная группа, криминологические детерминанты, криминологический аспект, этническая преступность

Для цитирования: Анкоси М. М. Криминологическая характеристика этнической преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 17–20. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-17-20>.

Original article

Criminological characteristics of ethnic crime

Murtaz M. Ankosi

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, murtaz.ankosi@mail.ru

Abstract. The problems of ethnic crime and identifies criminological guidelines aimed at identifying it are analyzed. The criminological analysis of the identity of a criminal who commits illegal acts as part of an ethnic organized criminal group is substantiated. A criminological analysis of the main determinants of the occurrence of ethnic crime in megacities is carried out, using the example of the city of Moscow.

Keywords: crime, organized criminal group, criminological determinants, criminological aspect, ethnic crime

For citation: Ankosi M. M. Criminological characteristics of ethnic crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):17–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-17-20>.

Несмотря на довольно активную законодательную деятельность, разрабатываемые научно-исследовательские работы и диссертационные исследования, на сегодняшний день можно констатировать, что нормативная урегулированность и криминологические аспекты предупреждения и выявления этнической преступности еще далеки от совершенства.

Проведенная аналитическая работа позволяет констатировать, что преступления, совершаемые организованными этническими преступными формированиями, не только влекут за собой тяжкие последствия, но и создают условия для возникновения в обществе межнациональных (межэтнических) конфликтов, что ведёт к дестабилизации государственного и обще-

ственного развития. При этом для организованных преступных формирований, созданных на этнической основе, характерно наличие присущих исключительно им черт и качеств, затрудняющих деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и предварительное расследование, при выявлении, пресечении, документировании, расследовании и раскрытии совершаемых ими преступлений.

При этом отметим, что в период с 2010 по 2021 гг. организованная этническая преступность расширила свои возможности посредством связи с соотечественниками в регионах, а также в странах СНГ при совершении преступлений, что делает ее транснациональной. Также, несмотря на активную борьбу право-

© Анкоси М. М., 2022

охранительных органов с организованной этнической преступностью, все еще имеют место быть преступления, связанные с нелегальным оборотом наркотиков, угоном автотранспорта, похищение и торговля женщинами и детьми, религиозный экстремизм, торговля оружием и пр.

Остается достаточно напряженной проблема миграции из стран ближнего зарубежья, являющаяся в ряде случаев катализатором социальных конфликтов. В этом смысле необходимо согласиться, что «многонациональный состав российского государства и возросший в последние десятилетия поток прибывающих в страну мигрантов из стран ближнего зарубежья в условиях ее нестабильного экономического состояния обуславливают их последовательную криминализацию и рост организованной этнопреступности. Это одна из угроз для национальной безопасности страны, так как интенсивные миграционные процессы с неизбежностью ведут к росту националистических настроений и проявлений экстремизма в различных его формах» [5].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что противодействие этническим преступным формированиям в современных условиях представляет собой объективную необходимость для обеспечения стабильности развития и деятельности государственных и общественных институтов. В связи с этим проведение криминологического предупреждения организованной этнической преступности приобретает особую актуальность и научную значимость в условиях угрозы этнических конфликтов на территории Российской Федерации, роста активности экстремистских и террористических организаций.

Этническая организованная преступность является производной от более широкого объекта криминологического исследования — этнической преступности, поскольку преступления совершаемые представителями различных этнических групп не всегда обусловлены факторами их сплоченности, этнического объединения, а в большей степени вызваны причинами невозможности устройства мигрантов на работу на новом месте, постоянной смены рода занятий, бытовой неустроенности, полуплеганального образа жизни [6, с. 414].

В юридической литературе под этнической организованной преступностью понимается совокупность преступлений, совершенных устойчивыми (сплоченными) группами, члены которой принадлежат к одному этносу [7]. При этом отмечается, что понятие «этническая преступность» не закреплено в нормах действующего российского законодательства, что на фоне отсутствия единого понятия организованной преступности [3] выглядит легко объяснимым.

По этой причине в криминологической науке существуют несколько концептуальных подходов к изу-

чению этнической преступности и этнической организованной преступности. Так, одни ученые, например, Е. С. Жигарев и Р. Г. Чехходзе, полагают, что изучение этнических аспектов преступности лучше происходит через исследование социальной антропологии, основу которой составляет внутренний и духовный мир человека. (СНОСКА) Иного мнения придерживается А. М. Зюков, который предлагает изучать организованные преступные группы, созданные по этническому признаку, с позиции выявления отклонений этнических групп [4].

Вместе с тем единого подхода к рассмотрению организованной этнической преступности и необходимости её дальнейшего исследования в отечественной научной доктрине выработать не удалось. При проведении исследований авторами затрагивались отдельные аспекты предупреждения организованной этнической преступности, криминологической характеристики личности участника организованного преступного формирования, созданного на этнической основе, необоснованно мало внимания уделялось вопросам мотивации их криминальной деятельности и влияния на неё этнических обычаев и традиций.

Одной из основных причин разрастания этнической организованной преступности в городе Москве является то, что данный субъект Федерации является столицей Российского государства, что свидетельствует, как минимум, в пользу широких границ административно-территориального устройства крупного города – мегаполиса, включая внутригородское деление московских публично-территориальных образований. Если посмотреть на Москву с позиции внутригородского деления то можно убедиться в масштабах социальной, административной, политической, экономической организации общества. На бытовом уровне Москву олицетворяют с городом, в котором обращается большое количество финансовых и иных ресурсов, что важно для достижения планов обывателя по типу «американской мечты», которую в основном связывают с мигрантами, прибывающими в США в поисках лучшей жизни.

Представляется, что этот миф был создан не только в недрах общественного сознания, но имеет устойчивые политические и экономические причины, поскольку известно, что процесс урбанизации в государствах идет через факторы преобразования сельских поселений в городские, развития промышленности, торговли, что закономерно обуславливает процессы миграции населения в города, особенно такие крупные как Москва. По данным Росстата за последние 20 лет, с 1999 по 2019 гг., из стран-участниц Содружества Независимых Государств прибыло более 8 млн человек, а из стран дальнего зарубежья более 800 тыс иностранных граждан [8, с. 101]. А это не могло, не отразиться на криминогенном состоянии в

крупнейшем городе мира — Москве, что несомненно вызывает беспокойство местных жителей и влияет на уровень преступности различной направленности.

Условия территориального расширения города являются общими для функционирования организованной преступности, вне зависимости создана ли она по этническому принципу или нет. Вместе с тем корреляция между условиями формирования этнической организованной преступности и условиями расширения границ города могут проявляться в тех значениях — показателях этнической организованной преступности, когда объекты государственного и муниципального значения, возникающие в связи с территориальным — агломерационным расширением Москвы, взаимосвязаны с интересами этнического преступного сообщества. Теория урбанистики к негативным последствиям расширения городов относит рост преступности [1].

Однако, сложность криминологического исследования детерминант этнической организованной преступности состоит в оценке субъектного состава такой преступности т.е. лиц вовлеченных в преступную деятельность этнических преступных сообществ и группировок. В юридической литературе и в специальных исследованиях часто делается упор на причины миграции, лежащие в основе этнической преступности.

При анализе детерминанта этнической организованной преступности, в части исследования фактора полиэтнического состава города Москвы, необходимо отметить, что важно выявление не тех условий, которые способствуют совершению преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства, или преступлений совершенных в отношении этих категорий лиц, а те условия, которые создают благоприятную почву для их вовлечения в деятельность этнических организованных сообществ и группировок.

Следовательно, выявление склонности к групповым преступлениям в среде мигрантов, иностранных граждан и лиц без гражданства, является важнейшей задачей общей превенции, включая двойную превенцию. Представляется, что политика многонационального и многоконфессионального народа России только усложнила работу правоохранительных органов по борьбе с этническими преступными группировками, которые хорошо маскируются под демократические режимы властвования, в отдельных случаях имеют неплохую юридическую защиту, что дает возможность избежать наказания за организацию таких преступных групп.

В заключение представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1) в комплексе мер по предупреждению преступлений, связанных с экстремистской деятельностью приоритетное направление должно принадлежать мерам идеологического характера. Чрезвычайно важ-

ным является развитие идеологии межнационального согласия, дружбы и сотрудничества народов этноса, поиска национальной идеи, консолидирующей российское общество, объединяющей все народы многонационального Российского государства, бережного и уважительного отношения к культуре каждого народа;

2) для более эффективной и целенаправленной борьбы с этнической организованной преступностью, необходимо сформировать специальные, независимые структуры со своими подразделениями в регионах Российской Федерации, а также уделить особое внимание кадровому составу. Необходимы сотрудники с высоко морально-нравственными качествами и принципами, необходимо создание федеральных целевых программ, направленных на профилактику, предупреждение как организованной преступности, так и преступности в целом. Профилактика преступлений — задача всего общества и всех органов Российской Федерации, решаемая различными методами, способами политическими, экономическими и т. д.

Список источников

1. Безвербный В. А. Социально-экономические последствия расширения Москвы и урбанизации Московской области // *European research*, 2015, № 7(8).
2. Гриб В. Г. Характеристика и особенности личности лидеров и участников организованных преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах. Ученые записки / Правотворчество и правоприменительный процесс в современной России. Вып. 1. М. : МФПА; Маркет ДС, 2007.
3. Евланова О. А. Влияние преступности мигрантов на организованный криминальный рынок в России / О. А. Евланова // *Организованный терроризм и организованная преступность*. М., 2002.
4. Зюков А. М. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых представителями разных этнических групп : автореф. дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 26 с.
5. Исхаков А. М. Субъект организации незаконной миграции // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право*. 2015. № 3(16). С. 110–111.
6. *Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова*. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЗАО «Юстицинформ», 2006.
7. Рабданова Э. К вопросу о феномене этнической преступности // *Сибирский юридический вестник*. 2003. № 3.
8. *Российский статистический ежегодник. 2019 : стат.сб. / Росстат*. М., 2019.

References

1. Bezverbny V. A. Socio-economic consequences of the expansion of Moscow and the urbanization of the Moscow region // *European research*, 2015, № 7(8).
2. Grib V. G. Characteristics and personality traits of leaders and participants of organized criminal communities operating in the economy and other spheres. *Scientific notes / Lawmaking and law enforcement process in modern Russia*. Issue 1. Moscow : MFPA; Market DS, 2007.
3. Evlanova O. A. The impact of migrant crime on the organized criminal market in Russia / O. A. Evlanova // *Organized terrorism and organized crime*. M., 2002.
4. Zyukov A.M. Criminological characteristics of crimes committed by representatives of different ethnic groups : abstract. dis. cand. jurid. sciences. Ryazan, 2005. 26 p.
5. Iskhakov A. M. The subject of the organization of illegal migration // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. History and Law series. 2015. № 3(16). P. 110–111.
6. *Criminology: textbook for universities* / edited by prof. V. D. Malkov. 2nd ed., reprint. and additional M. : CJSC «Justicinform», 2006.
7. Rabdanova E. On the phenomenon of ethnic crime // *Siberian Legal Bulletin*. 2003. № 3.
8. *Russian Statistical Yearbook. 2019 : stat.sat.* / Rosstat. M., 2019.

Информация об авторе

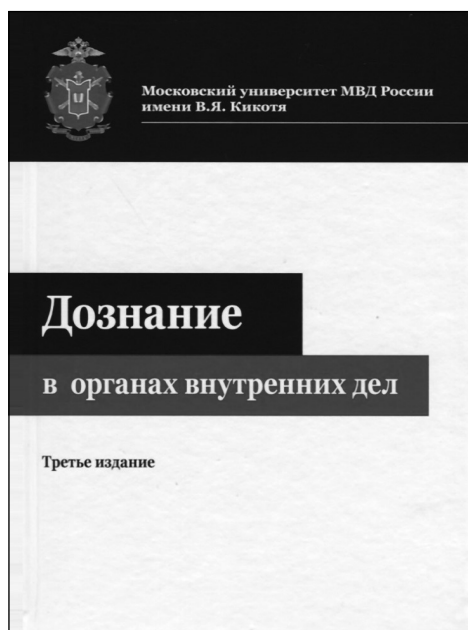
М. М. Анкоси — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. M. Ankosi — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф.К. Зиннурова, А.С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-21-25>

НИОН: 2003-0059-4/22-344

MOSURED: 77/27-003-2022-04-543

Некоторые особенности духовных завещаний (рукописных грамот) о передаче уделов феодальной Руси

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы о передаче политической власти и имущественного комплекса уделов Руси по наследственной преемственности.

Ключевые слова: Русь, рукописание, духовное завещание, князь, духовенство

Для цитирования: Ахмедов Р. М. Некоторые особенности духовных завещаний (рукописных грамот) о передаче уделов феодальной Руси // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 21–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-21-25>.

Original article

Some features of spiritual wills (handwritten letters) on the transfer of the fief of feudal Russia

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. The problematic issues of the transfer of political power and the property complex of the estates of Russia by hereditary succession are considered.

Keywords: Rus, handwriting, spiritual testament, prince, clergy

For citation: Akhmedov R. M. Some features of spiritual wills (handwritten letters) on the transfer of the fief of feudal Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):21–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-21-25>.

В средневековом периоде особое правовое значение в сохранении и передаче политической власти в удельных землях Руси приобрело завещание, которое именовалось как духовная или рукописная грамота (заветы творить). Изначально, форма внешнего выражения завещания в древнерусской среде являлась устной, но в своей юридической сути представляла собой схожее калькирование отдельных форм частного-юридического акта из римского права, по которой объявлялась воля наследодателя. В последующем, по мере усложнения социально-правовых отношений, роста расслоения населения по материальному достатку, аристократическая часть русичей стала оформлять завещание в письменном виде.

Применение письменной формы составления духовной позволила выработать особую процедуру оформления завещательного акта, определить состав

лиц, свидетельствовавших о решении наследодателя. Характерно, что в качестве лица, свидетельствовавшего излагаемую волю завещателя, после крещения Руси, обязательно стал присутствовать представитель церкви. Вероятно, особый статус представителя церкви придавал совершаемому завещательному акту не только правовой характер, но и сакральные гарантии исполнения воли завещателя в полном объеме. Отсюда и подобная доверительность к церковнослужителям в этом юридически значимом акте.

Порядок оформления письменного завещания наследуемого имущества в средневековой Руси довольно подробно рассмотрел в своем научном труде профессор В. В. Момотов [6, с. 235–257]. Им описаны характерные юридические свойства, признаки процедурного порядка оформления завещания, юридическое значение совершаемого акта и его последствия для

© Ахмедов Р. М., 2022

участников. Поэтому, дабы не повторяться в существенных деталях, которые обозначены В. В. Момотовым, рассмотрим то, что оказалось им не затронутым в исследовании. А именно, особенности оформления рукописания (духовных грамот) относительно передачи княжества-удела между потомками княжеского рода в период установившейся феодальной раздробленности на Руси.

Необходимо изначально отметить, что в феодальной Руси в наследственных правоотношениях княжеская семья рассматривалась как универсальная «корпорация». Кончина одного из ее членов, как правило, не производила существенного пересмотра правового положения княжеского рода среди других аналогичных родов. Поэтому если умирал князь, то вся сумма его прав тотчас же переходила к очередному наследнику, согласно лиственничному порядку, что не нарушало преемственности власти.

Первоначально духовные завещания по своей правовой природе, как отмечал В. И. Сергеевич, относились к категории льготных, которые обеспечивали лицу, ими обладавшему, определенные фискальные и судебные послабления, исходившие от великокняжеской власти [8, с. 117]. Подобное обстоятельство способствовало развитию компетенции удельного князя и его ближайшего окружения по выполнению административных полномочий и поручений, исходивших от великого князя на вверенной территории, обеспечивало им кормление. Указывало на то, что дарованные права могли попирались полномочиями старшего «волостителя», в силу отсутствия права на политическую самостоятельность у местных князей. В этих памятниках прописывался порядок передачи власти, ее преемственности между кровниками, определялась вертикаль взаимоотношения великого князя с удельным. Несмотря на усиление феодальной раздробленности, в целом передача власти в уделах Руси согласно рукописной грамоты осуществлялась по старине на протяжении всего домонгольского периода.

Существенно изменилась правовая природа ранее выданных духовных грамот великокняжеской властью в монгольский период, ввиду того, что ордынские ханы, став полноправными распорядителями на завоеванных территориях, начали самостоятельно определять преемство политических прав среди удельных глав Руси. Духовные завещания (грамоты) приобрели расширенное гражданско-правовое значение, представляя собой документ, содержащий распоряжение завещателя о распределении недвижимого и движимого имущества между наследниками. При этом первенство политической власти оставалось за ордынским правителем, но на местах передавалось по наследству, если только князь не проявлял сепаратизма в отношении хана. В этом случае князь лишался всего, и имущества, и власти в уделе, становясь изгоем

в случае сохранения ему и его потомству жизни.

Пересмотр существенных условий духовной грамоты стал возможен в силу того, что произошла перемена в осознании духовно-нравственного начала, уровня правосознания у правообладателя удела. Удел стал рассматриваться в качестве княжества-отчины, которое обладало единым хозяйственным комплексом с набором правораспорядительных полномочий относительно материальных ресурсов, населения в пределах территориальной юрисдикции княжества.

По юридической конструкции духовная грамота представляла собой «ряд» (порядок), по которому прописывалось, что каждый потомок — сын получал в наследство от завещателя-отца. Определенная доля наследства предоставлялась также вдове с дочерьми.

Старшинство в наследовании устанавливалось по упрощенной схеме: старшего сына, после кончины отца, именовали великим (старшим) князем прописывая в духовной грамоте фразу «в отца место». Статус старшего князя, придавал лицу-обладателю титула дополнительные преимущества в виде земельных наделов и взимаемых с них доходов «на старейший путь». Характерно, что стольные (главные) города княжества, как и тяглый люд, в раздел между наследниками не шли, оставаясь в общем фамильном владении.

Младшие князья («братья младшие») в своих земельных владениях приобретали статус самостоятельного правителя, но в грамотах обязывались между собой «быти за одно». Это означало, что, несмотря на приобретение самостоятельных прав на часть земельного, имущественного комплекса удела, став во главе этой территории, младшие князья должны прибывать по зову старшего князя. Также обязывались «не иметь закладников в чужих землях, не посылать в них даньщиков, не покупать сел, земли» [4, с. 486]. Тем самым фактически им вменялось сохранять свои территориальные владения без изменения их правового режима и не нарушать установившийся паритет имущественного баланса между братьями-князьями согласно старшинству.

Подобная подмена содержательной части духовного завещания указывала на то, что политико-правовая ситуация в монгольской Руси складывалась вне первенства в обладании политической властью между удельными русскими князьями. Основное предназначение удельного князя в качестве правителя стало представлять собой категорию хозяйственника, который стремился сохранить княжество с имущественным комплексом и людьми для своих потомков.

Текстологическая часть рукописания составлялась дьяком в присутствии послуха (свидетель «доброй славы»; заслуживающий доверия) и духовного отца завещателя, скреплялась печатью. В конце грамоты дьяк, готовивший документ, указывал свое имя, что необходимо было, вероятно, для устранения последующей

фальсификации документа и придания юридической правдивости грамоты. Это не случайно, дьяк считался лицом, обладавшим навыками юрико-технической деятельности и знавшим основные правовые формулы для конкретного социально-правового случая.

Характерным признаком документа являлось то, что в нем всегда делалась оговорка, что наследодатель составлял завещание «при своем животе, своим целым умом» либо «о умом пишу грамот дшвную где ми што взят, кому што дати [1, с. 543, 547]. По мнению О. В. Мартышина, оговорка, вероятно, вызвана имевшимися случаями оспаривания заинтересованными лицами завещаний, как якобы написанных в беспмятстве, не в здравом уме либо под воздействием принуждения. Поэтому при любом оспаривании завещания, на его юридическую защиту должны были встать послухи [5, с. 327]. Схожее мнение относительно оговорки высказал В. О. Ключевский [3, с. 105].

Реципированное византийское законодательство внесло ряд существенных новаций в содержание рукописания. Так, в качестве ограничительных оснований для подачи завещательного акта, согласно норм Эклоги, являлись: несовершеннолетие завещателя; наличие у завещателя физиологических отклонений (глухота, немота) либо психического заболевания (душевнобольные, бесноватые), а также случаи нахождения в плену. В то же время, в указанном перечне имелись исключения. В частности, глухие и немые могли завещать, если недуг приобретен ими после того, как они научились грамоте и могут подписаться под завещанием.

Подобного рода ограничительные нормы по завещательной записи существовали в Прохироне: «Иже в немощи телесней ум погубив, не может завещати в бзумии, но егда исчиситися ум. Власть имать слепии, аще от рождения; аще ли от недуга написан завет творити, седмь или пять свидетель призвав, глаголя пред ними наследника имя со знаменем... Аще завещает под властью сыи, или не совершен сыи возрастом, или раб – не тверд завет; аще убо самовластен умрет, совершен же возрастом и свободен, тверд завет» [9, с. 86–87].

В качестве дополнительных реципированных новаций установлены требования к количественному составу послухов, фиксировавших волю завещателя (устно либо письменно). Так, Прохирон указывал на необходимость наличия не менее пяти–семи свидетелей, лишь тогда объявленное завещание приобретало юридическую силу. Эклог, в свою очередь, предусматривал количество послухов не более трех. Но практика применения норм Эклоги по определению количественного состава свидетелей не приобрела свое правоприменение на Руси. Как отмечал Я. Н. Щапов, на Руси считалось достаточным участие трех, пяти либо семи послухов [9, с. 92–93]. На это указывал и первый кодифицированный древнерусский памятник

— Русская Правда, где количественный состав послухов определен в составе не менее семи человек (ст. 15 Краткой редакции, в ст. 18 Пространной редакции).

В этой связи можно предположить, что требования к завещателям, которые ограничивали бы их дееспособность, отсутствуют в русских оригинальных юридических памятниках. Их не знало древнерусское обычное право, «княжье право». В случае наличия вышперечисленных заболеваний, физиологических отклонений у завещателя, скорее всего, отечественный правоприменитель применял аналогию реципированного права, как и в вопросах количественного приглашения послухов на оформление завещательного акта, разрешая тем самым возможную коллизию и придавая правовой характер воле лица, изъявившего желание оформить рукописание.

В заключительной части памятник заверялся, удостоверялся завещателем и дьяком путем скрепления печатью. В случае безграмотности лица, изъявившего оформить духовное завещание, просто ставилась удостоверительная печать, но при обязательном присутствии послухов, о чем особо оговаривала запись в завещании [6, с. 251].

Хранились рукописания, как и все другие письменные акты, в архиве стольного града княжества, как правило, в главных удельных церквях. На допустимость этого предположения указывает В. В. Момотов, который в своем исследовании отмечает, что духовное завещание, оформленное в Псковском княжестве, следовало сдавать на сохранность в архив, который располагался в Лавре Святой Троицы [6, с. 243].

В этой связи возникает вопрос: почему сохранность важного документа обеспечивала церковь, а не княжеский дом? Скорее всего, для принятия подобного решения имелись существенные причины. Предположим наиболее вероятные.

Во-первых, церковные и монастырские строения — это каменные сооружения, которые считались оборонительными, что обеспечивало сохранность имущества и безопасность лиц проживавших в случае неожиданной внешней вооруженной агрессии, природной стихии либо пожаров, которые были регулярными явлениями в средневековой Руси.

Во-вторых, имущество и документы, находившиеся в религиозном заведении, подлежали строгому учету, считались неприкосновенными, кража и умышленная порча их влекли суровые меры наказания в отношении виновного лица.

В-третьих, духовные лица обладали духовно-нравственным авторитетом среди местного населения, «учительное слово» которых являлось весомым аргументом в качестве разрешения социально-правового конфликта. Следовательно, эти лица выступали гарантами сохранности переданных документов. Бо-

лее того, являлись, как ранее отмечалось, послухами при совершении актов записей, оформлении духовных завещаний.

В-четвертых, с учетом ранее предоставленных прав-привилегий православным церквям специальным великокняжеским законодательством, а также подтвержденных ярлыками ордынских правителей, полномочия и компетенции местных владык были существенно и весомее в народной среде нежели у местной администрации.

Следовательно, в случае возникновения локального социально-политического конфликта в борьбе за власть, вполне допустимо утверждать, что слово пастьеры и представленный им соответствующий юридический документ из хранилища, определявший порядок перехода светской власти в княжеском домене, были убедительными доказательствами в разрешении спора. Как следствие, духовные завещания (грамоты) не случайно передавались на хранение в местную церковь под гарантии сохранности владыки и его священнического штата. Но обязательства по его исполнению, доведению до наследников возлагались на душеприказчиков.

В качестве древнейшего завещательного свидетельства, дошедшего до наших дней, можно привести пример духовных грамот 1287 г., в которых князь Владимир Васильевич Волинский составил при жизни свои завещания в случае смерти. В одном он завещал брату своему Мстиславу стольный город Владимир-Волинский со всеми пригородами и земельными владениями, составлявшими его удел. В другом — выделял из удела город Кобрын и некоторые сельские поселения, завещая их своей жене. Чтобы придать рукописаниям силу законного решения, эти акты санкционированы утвердительной подписью ордынского хана.

Однако, после смерти Владимира Васильевича жители города Берестье не пожелали подчиниться воле завещателя, пригласив к себе на княжение его племянника Юрия Львовича. Тем самым жители нарушили завещательный акт, отраженный в рукописании. В целях восстановления законных прав Мстислав Васильевич инициировал публичное судебное разбирательство, которое произошло в ставке хана. По результатам разбирательства, решение хана было однозначным: «Юрий вынужден был оставить Берестье, в Мстислава «сретоша горожане со кресты от мала до велика» [7, с. 64–65].

Представленный пример указывал на то, что, несмотря на произошедшую перемену в политико-правовом устройстве Руси, ордынские ханы соблюдали местные юридические традиции. Это позволило соблюсти баланс межкняжеских сил, сохранить многие уделы в прежних территориальных владениях, их имущественное состояние, а также сформировать практику подобного рода судебных разбирательств.

Существенное назначение духовных грамот меняется во второй половине XV в. в момент усиления политической положения «Господаря всея Руси». Примером тому предсмертные распоряжения двух бездетных князей Московского княжеского дома — Юрия Дмитровского в 1472 г. и Андрея Вологодского в 1481 г., которые в них санкционировали полную ликвидацию своих выморочных уделов как самостоятельных княжеств в пользу Московского государя [2, с. 150–151]. Это указывало на начавшиеся перемены в государственном устройстве Руси.

В конце XV в. политическая система суверенных удельных княжеств постепенно сошла практически на нет. Соответственно, вопрос о целесообразности дальнейшего оформления духовных завещаний (рукописных грамот) о наследовании княжества-волости, которые стали передаваться в держание на условиях государевой службы великому князю, сам по себе отпал. Однако назначение духовных завещаний в качестве способа передачи имущественных активов наследникам от завещателя осталось прежним, что, собственно, и способствовало сохранению законной формы реализации наследственных прав, но уже без указания политических прав, полномочий.

Таким образом, можно отметить, что в феодальной Руси имелась сложившаяся практика оформления духовных грамот о передаче уделов, волостей потомкам. Завещательное рукописание имело юридическую силу и подлежало обязательному правоприменению после смерти наследодателя. Нарушение условий рукописания считалось правонарушением, которое разрешалось в судебном порядке. В монгольском периоде, скорее всего, завещание усиливалось ярлыком хана Орды, который выдавали его потомкам-наследникам в случае возникновения спорных ситуации по завещанию.

Центробежные устремления «Господаря всея Руси» в формировании Русского государства в единое «тело» способствовали тому, что духовные завещания стали правораспорядительными актами для наследников относительно только имущества, без передачи политических (суверенных) полномочий в отношении земельных владений.

Значительную роль в обеспечении правореализации и правдивости рукописной грамоты оказывали духовные лица, которые фактически свидетельствовали содержательные положения, зафиксированные в духовном завещании; выступали разрешителями возникавших локальных межкняжеских конфликтов за обладание политической властью в уделе; обеспечивали сохранность документа.

Список источников

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии

- Н. Калачова. Том первый. СПб : Типография императорской академии наук, 1857.
2. Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Ленинград : Наука, 1989.
 3. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М. : Академический проект, 2018.
 4. Мавродин В. В. Древняя и средневековая Русь. СПб : Наука, 2009.
 5. Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М. : Российское право, 1992.
 6. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : дис. доктора юрид. наук. М., 2003.
 7. Самоквасов Д. Я. История русского права. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1899.
 8. Сергеевич В. И. Древности русского права : в 3 т. / В. И. Сергеевич ; вступ. ст. Ю. И. Семенова ; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2007.
 9. Щапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб : Издательство Олега Абышко, 2011.

References

1. Acts relating to the legal life of Ancient Russia. Published by the Archeographic Commission under the editorship of commission member N. Kalachov. Volume one. St. Petersburg : Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1857.
2. Alekseev Yu. G. Liberation of Russia from the Horde yoke. Leningrad : Nauka, 1989.
3. Klyuchevsky V. O. Boyar Duma of Ancient Russia. Moscow : Academic Project, 2018.
4. Mavrodin V. V. Ancient and Medieval Russia. St. Petersburg : Nauka, 2009.
5. Martyshin O. V. Volny Novgorod. Socio-political system and the law of the feudal Republic. Moscow : Russian Law, 1992.
6. Momotov V. V. Formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries : dissertation of the Doctor of Jurisprudence. Russian Russian Law. M., 2003.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов — заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov — Head of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022. The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

7. Samokvasov D. Ya. History of Russian Law. M. : A. I. Mamontov Printing Company, 1899.
8. Sergeevich V. I. Antiquities of Russian law : in 3 vols. / V. I. Sergeevich ; intro. art. Yu. I. Semenova ; State publ. ist. b-ka of Russia. M., 2007.
9. Shchapov Ya. N. The Byzantine «Eclogue of Laws» in the Russian written tradition. St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2011.

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М. Особенности реализации вероисповедальной политики на Руси в период господства Золотой Орды // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 17. Том 2. М. : ООО «Издательство «Юрист», 2017.
2. Ахмедов Р. М. Правовое значение «Устава князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» в утверждении христианских императивов в древнерусском обществе // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1.
3. Ахмедов Р. М. Источники Русской Правды : нормы Закона Русского или влияние римско-византийских церковно-правовых законов? // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M. Features of the implementation of religious policy in Russia during the reign of the Golden Horde // Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences. Issue 17. Volume 2. Moscow : LLC «Publishing House «Lawyer», 2017.
2. Akhmedov R. M. The legal significance of the «Charter of Prince Vladimir Svyatoslavovich on tithes, courts and people of the church» in the approval of Christian imperatives in the Old Russian society // Bulletin of Economic Security. 2020. № 1.
3. Akhmedov R. M. Sources of Russian Truth: the norms of the Russian Law or the influence of Roman-Byzantine church-legal laws? // Education. Science. Scientific personnel. 2020. № 3.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-26-30>

NION: 2003-0059-4/22-345

MOSURED: 77/27-003-2022-04-544

Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения как одно из направлений национальной политики Российской Федерации по безопасности дорожного движения

Александр Александрович Баранов¹, Елена Александровна Соломатина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ baranoff75@mail.ru

² kadarka777@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены и проанализированы показатели и основные направления работы подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения; отражены формы реализации основных направлений национальной политики Российской Федерации по безопасности дорожного движения в целом.

Ключевые слова: Государственная инспекция безопасности дорожного движения, национальная политика Российской Федерации по безопасности дорожного движения, предупреждение преступлений

Для цитирования: Баранов А. А., Соломатина Е. А. Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения как одно из направлений национальной политики Российской Федерации по безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 26–30. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-26-30>.

Original article

Promotion of road safety in the activities of the departments of the State Road Safety Inspectorate as one of the directions of the national policy of the Russian Federation on road safety

Alexander A. Baranov¹, Elena A. Solomatina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ baranoff75@mail.ru

² kadarka777@mail.ru

Abstract. The indicators and the main directions of the work of the departments of the State Road Safety Inspectorate are considered and analyzed, the forms of implementation of the main directions of the national policy of the Russian Federation on road safety in general are reflected.

Keywords: State Road Safety Inspectorate, national policy of the Russian Federation on road safety, crime prevention

For citation: Baranov A. A., Solomatina E. A. Promotion of road safety in the activities of the departments of the State Road Safety Inspectorate as one of the directions of the national policy of the Russian Federation on road safety. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):26–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-26-30>.

Сегодня в России, принят программный много-целевой подход к проблеме безопасности дорожного движения. Безусловно, общей и главной причиной снижения в целом аварийности в нашей стране явля-

ется пропаганда безопасности дорожного движения, разработка и реализация государственных стратегий и целевых программ по повышению безопасности движения. Каждый год в рамках расширенного засе-

© Баранов А. А., Соломатина Е. А., 2022

дания Коллегии МВД России результаты деятельности ГИБДД озвучиваются Министром перед Президентом Российской Федерации, который оценивает их достаточно высоко.

Принятая стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы является основой для формирования и реализации государственной политики в области безопасности дорожного движения на федеральном, региональном, муниципальном и межотраслевом уровнях, а также планирования, обеспечивающего системный подход к решению проблемы дорожно-транспортного травматизма, где главной задачей является деятельность по профилактике дорожно-транспортных происшествий как системы мер экономического, социально-культурного, воспитательного и правового характера, проводимых государственными органами и общественными организациями в целях снижения уровня аварийности на автотранспорте.

Целями Стратегии определены повышение безопасности дорожного движения, а также стремление к нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях к 2030 году.

В качестве целевого ориентира на 2024 год установлен показатель социального риска, составляющий не более четырёх погибших на 100 тысяч населения.

Отметим основные направления реализации Стратегии:

- изменение поведения участников дорожного движения с целью безусловного соблюдения норм и правил в дорожном движении;
- повышение защищенности от дорожно-транспортных происшествий и их последствий наиболее уязвимых участников дорожного движения, прежде всего детей и пешеходов;
- совершенствование улично-дорожной сети по условиям безопасности дорожного движения, включая развитие работ по организации дорожного движения;
- совершенствование организационно-правовых механизмов допуска транспортных средств и их водителей к участию в дорожном движении;
- совершенствование системы управления безопасностью дорожного движения;
- развитие системы оказания помощи и спасения пострадавших в результате дорожно-транспортных происшествий¹.

В контексте реализации основных направлений обеспечения безопасности дорожного движения, согласно ст. 5 Федерального закона от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) «О безопасности до-

рожного движения» безопасность дорожного движения осуществляется посредством:

- установления полномочий и ответственности Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, юридических и физических лиц в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий и снижения тяжести их последствий;
- регулирования деятельности на автомобильном, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве;
- разработки и утверждения в установленном порядке законодательных, иных нормативных правовых актов по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения: технических регламентов, правил, документов по стандартизации, принимаемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о стандартизации, технических норм и других нормативных документов;
- осуществления деятельности по организации дорожного движения;
- материального и финансового обеспечения мероприятий по безопасности дорожного движения;
- организации подготовки водителей транспортных средств и обучения граждан правилам и требованиям безопасности движения;
- проведения комплекса мероприятий по медицинскому обеспечению безопасности дорожного движения;
- осуществления обязательной сертификации или декларирования соответствия транспортных средств, а также составных частей конструкций, предметов дополнительного оборудования, запасных частей и принадлежностей транспортных средств;
- лицензирования отдельных видов деятельности, осуществляемых на автомобильном транспорте, в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- проведения социально ориентированной политики в области страхования на транспорте;
- осуществления федерального государственного надзора в области обеспечения безопасно-

¹ См.: Информационный ресурс Интернет: <https://мвд.рф/Deljatelnost/results/ь> (дата обращения: 25.01.2022).

сти дорожного движения¹.

Безусловно, очень важна пропагандистская деятельностью сотрудников ГИБДД, под которой понимается специально организованное психологическое воздействие, направленное на формирование общих интересов, взаимопонимания, общественного мнения как в отношении к правоохранительным органам, так и в отношении законопослушного поведения граждан и участников дорожного движения в целом. Такое психологическое воздействие осуществляется с учетом особенностей различных категорий участников дорожного движения, возрастных особенностей и т. д., основанное на предварительном изучении различных групп населения, социологических опросов и многое другое.

Кроме того, под пропагандой безопасности дорожного движения понимают целенаправленную деятельность, осуществляемую субъектами пропаганды по распространению знаний, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснению законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Повышение у участников дорожного движения уровня правосознания и правовой культуры в области дорожного движения отмечено в Положении о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации².

Реализация данной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- проведение мероприятий, направленных на профилактику дорожно-транспортных происшествий и снижение тяжести их последствий, в том числе детского дорожно-транспортного травматизма и информационно-пропагандистское сопровождение деятельности Госавтоинспекции;
- разъяснение законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, целей и задач деятельности Госавтоинспекции, а также распространение правовых и технических знаний по тематике обеспечения безопасности дорожного движения для предупреждения ДТП и правонарушений, повышения уровня ответственности граждан за свои действия в процессе участия в дорожном движении;
- формирование положительного имиджа по-

лиции, в том числе Госавтоинспекции, и укрепление доверия населения к ее деятельности, а также привлечение внимания населения к проблемам обеспечения безопасности дорожного движения;

- предупреждение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами обязательных требований законодательства и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации в области безопасности дорожного движения;
- информирование участников дорожного движения по тематике обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе о состоянии аварийности, причинах возникновения ДТП в рамках своей компетенции, изменениях в организации дорожного движения, а также по иным актуальным вопросам обеспечения безопасности дорожного движения;
- выработка наиболее эффективных форм пропаганды безопасности дорожного движения и организация их применения;
- содействие организациям, осуществляющим образовательную деятельность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, в обучении граждан правилам безопасного поведения на дорогах³.

Таким образом, на сегодняшний день безопасность дорожного движения в Российской Федерации остается весьма важной и актуальной темой.

Приведем для наглядности несколько характерных примеров, отражающих непосредственную деятельность подразделений государственной инспекции безопасности дорожного движения по пропаганде безопасности дорожного движения.

Так, сотрудниками ОГИБДД УМВД России по г. Владикавказу совместно с инспекторами ОБ ДПС ГИБДД УМВД по г. Владикавказу в рамках ОПМ «Водитель — Пешеход», реализуемого на территории республики с 10 по 14 января 2021 года, в центре города провели профилактические мероприятия, направленные на профилактику дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов.

В рамках мероприятия полицейские напомнили гражданам об основных Правилах дорожного движения, соблюдение которых является гарантом сохранности на проезжей части.

Отметим, что сотрудники Госавтоинспекции на

¹ См.: Информационный ресурс Интернет: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 25.01.2022).

² См.: Приказ от 29 декабря 2018 г. № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации».

³ Приложение к приказу МВД РФ от 29 декабря 2018 г. № 903 «Об утверждении наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения».

регулярной основе читают лекции в образовательных учреждениях, раздают агитационные памятки, призывают водителей быть осторожными и бдительными на проезжей части. Так, инспекторы по пропаганде безопасности дорожного движения совместно с инспекторами ОБ ДПС ГИБДД УМВД России по г. Владикавказу раздавали водителям и пешеходам буклеты, содержащие рекомендации по формированию правильного поведения на дороге¹.

Сегодня, объявленный Госавтоинспекцией марафон «Севастополь, засветись!» набирает популярность среди взрослых и детей, которые активно призывают пешеходов стать заметнее. Поэтому ученики одной из школ города подготовили флешмоб в стихотворной форме, призывающий носить светоотражающие элементы в темное время суток, а также продемонстрировали их многообразие и способы размещения на одежде, рюкзаках и обуви.

Сотрудники ГИБДД поддержали учеников и помогли записать на видео их инициативу, чтобы разместить в официальных аккаунтах социальных сетей, охватив как можно большее количество людей, особенно пешеходов.

Помимо флешмоба для школьников старших и младших классов автоинспекторы и педагоги мобильного комплекса «Лаборатория безопасности» провели обучающие занятия, где повторили основные Правила дорожного движения. Сотрудники полиции, в рамках проводимого мероприятия, рассказали о наиболее частных дорожно-транспортных происшествиях, которые случаются с детьми в городе и рассказали, как не стать участником ДТП².

Также следует высоко оценить работу сотрудников отдела ГИБДД МУ МВД России «Оренбургское» которые на регулярной основе проводят профилактические беседы с участием несовершеннолетних участников дорожного движения по формированию навыков безопасного поведения во дворах и на улицах города.

Занятия проходят в целях недопущения дорожно-транспортных происшествий с участием юных участников дорожного движения. Во время занятия сотрудники Госавтоинспекции рассказывали детям о дорожных знаках, которые помогают водителям и пешеходам безопасно передвигаться, их видах и предназначении.

При работе с населением сотрудники ГИБДД особое внимание обращают на правила поведения в автотранспорте. Особенно, в игровой форме положительно проходит работа с детьми по правилам пользования

ремней безопасности в машине³.

С развитием технического прогресса и популярности телекоммуникационной сети Интернет все большую актуальность приобретают ресурсы социальных сетей. Масштаб распространения в них информации различной направленности, трудно переоценить. Интернет-информация планомерно завоевывает лидирующие позиции перед печатными источниками ее получения. В пропаганде безопасного поведения на дорогах, формировании нетерпимого отношения к нарушителям с помощью открытой и скрытой агитации, социальные сети способны оказать помощь и серьезное воздействие на участников дорожного движения⁴.

При этом деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения осуществляется в следующих формах:

1. Организация и проведение массовых информационно-пропагандистских и профилактических мероприятий, в том числе конкурсов и соревнований по безопасности дорожного движения.

2. Участие в организации и проведении конференций, выставок, форумов, совещаний, дискуссий и семинаров по безопасности дорожного движения.

3. Участие в подготовке материалов по пропаганде безопасности дорожного движения для заседаний комиссий по обеспечению безопасности.

4. Участие в качестве консультантов и рецензентов в создании печатной продукции, кино-, аудио- и видеопроизведений, социальной рекламы, сценических постановок по безопасности дорожного движения, а также содействие в организации дальнейшего их использования.

5. Организация трансляций обращений к участникам дорожного движения посредством технических средств информации в местах массового пребывания людей.

6. Проведение просветительских мероприятий (занятий, бесед и инструктажей) с различными категориями участников дорожного движения.

7. Распространение применяемого положительного опыта и наиболее эффективных форм пропаганды безопасности дорожного движения.

8. Участие в разработке и реализации мероприятий федеральных, региональных (в том числе городских и муниципальных) целевых программ, направленных на предупреждение дорожно-транспортных правонарушений, в том числе с детьми.

9. Организация функционирования и наполнения информационными материалами интернет-сайта Го-

¹ См.: информационный ресурс Интернет: <https://мвд.рф/news/item/27924306> (дата обращения: 20.02.2022).

² См.: Информационный ресурс Интернет: <https://мвд.рф/Deljatelnost/results/ь> (дата обращения: 25.01.2022).

³ См.: Информационный ресурс Интернет: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴ Приложение к приказу МВД РФ от 29 декабря 2018 г. № 903 «Об утверждении наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения».

савтоинспекции в составе аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России» и иных интернет-ресурсов, администрируемых ГУОБДД МВД России, в том числе ведомственных аккаунтов в социальных сетях и другие.

Таким образом, тесное взаимодействие Государственной инспекции безопасности дорожного движения с другими подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными организациями и объединениями, средствами массовой информации и иными заинтересованными субъектами позволяет повысить эффективность деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также повысить доверие граждан к представителям государства.

В заключении, в качестве вывода, следует отметить, что только комплексная работа, сопровождающаяся широкой информационно-пропагандистской поддержкой, позволяет добиться существенных результатов в деятельности службы ГИБДД по пропаганде безопасности дорожного движения.

Библиографический список

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год. Информационно-анализ

тический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021. 79 с.

2. Возможности и перспективы применения сотрудниками Госавтоинспекции инновационных форм и методов информационного пропагандистского воздействия на участников дорожного движения : методические (практические) рекомендации / сост.: Ю. Н. Калюжный, О. Е. Губенков, Л. А. Пашин, С. А. Жбанова, В. М. Грядун, Ф. Н. Зейналов, В. В. Афонин, А. В. Амеличкин, Е. А. Ляшенко, А. Ю. Коршунов, П. Г. Андреев, И. А. Былинин. Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2019. 102 с.

Bibliographic list

1. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020. Informational and analytical review. M. : FCU «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2021. 79 p.
2. Opportunities and prospects for the use of innovative forms and methods of informational propaganda influence on road users by employees of the State Traffic Inspectorate : methodical (practical) recommendations / comp.: Yu. N. Kalyuzhny, O. E. Gubenkov, L. A. Pashin, S. A. Zhbanova, V. M. Grydunov, F. N. Zeynalov, V. V. Afonin, A. V. Amelichkin, E. A. Lyashenko, A. Yu. Korshunov, P. G. Andreev, I. A. Bylinin. Orel : ORYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2019. 102 p.

Информация об авторах

А. А. Баранов — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. Соломатина — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Baranov — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. A. Solomatina — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-31-34>

НИОН: 2003-0059-4/22-346

MOSURED: 77/27-003-2022-04-545

Понятие и значение правового института условий отбывания лишения свободы в ИУ

Ахмед Хусенович Батыров

Уголовно-исполнительная инспекция ОФСИН России по Республике Ингушетия, Назрань,
Республика Ингушетия, Россия, batyrov.93.93@mail.ru

Аннотация. Основным объемом наказания в виде лишения свободы заключен в режиме, устанавливаемом в местах лишения свободы, положения которого требуют создания различных условий отбывания наказания для различных категорий осужденных. В уголовно-исполнительном законодательстве определены правила и требования режима, которые являются общими для всех видов мест лишения свободы закрытого типа и регулируют порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Однако режим в исправительной колонии минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания будет значительно отличаться от режима в исправительной колонии максимального уровня безопасности, причем не по существу, а по степени суровости.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, федеральная служба исполнения наказания, контрольный пропускной пункт, отбывание наказания, штраф, срок, условия и порядок отбывания наказания в исправительных колониях общего режима

Для цитирования: Батыров А. Х. Понятие и значение правового института условий отбывания лишения свободы в ИУ // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 31–34. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-31-34>.

Original article

The concept and significance of the legal institution of the conditions for serving deprivation of liberty in correctional institutions

Ahmed H. Batyrov

Penal Enforcement Inspectorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Ingushetia,
Nazran, Republic of Ingushetia, Russia, batyrov.93.93@mail.ru

Abstract. The main volume of punishment in the form of deprivation of liberty is concluded in the regime established in places of deprivation of liberty, the provisions of which require the creation of different conditions for serving sentences for different categories of convicts. The penitentiary legislation defines the rules and requirements of the regime, which are common to all types of places of deprivation of liberty of a closed type and regulate the procedure for the execution and serving of a sentence of deprivation of liberty. However, the regime in a penal colony with a minimum level of security with lighter conditions of detention will differ significantly from the regime in a penal colony with a maximum level of security, and not in essence, but in degree of severity.

Keywords: penitentiary legislation, federal service for the execution of sentences, checkpoint, serving sentences, fines, terms, conditions and procedures for serving sentences in correctional colonies of general regime

For citation: Batyrov A. H. The concept and significance of the legal institution of the conditions for serving deprivation of liberty in correctional institutions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):31–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-31-34>.

© Батыров А. Х., 2022

Отдельные исправительные учреждения классифицируются на конкретные группы, включающие в себя определенные виды таких заведений. Исходя из выделенной группы определяется режим содержания субъектов, обуславливающий условия и порядок соответствующего отбывания наказания. Итак, выделяются:

Первая группа включает в себя колонии-поселения (далее — КП). В представленных учреждениях содержатся следующие лица:

- субъекты, осуждение которых обусловилось осуществлением преступления по неосторожности, при условии отсутствия подобного наказания ранее;
- субъекты, которые были направлены в рассматриваемые учреждения путем перевода из изначально определенных для них исправительных колоний, в которых действует общий режим, а также строгий;
- субъекты, осуждение которых обусловилось умышленным осуществлением преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, при условии отсутствия подобного наказания ранее.

Текущая система отечественного ФСИН включает в себя 106 КП. Количественный показатель субъектов, отбывавших наказание в указанных отечественных учреждениях в августе 2021 г. составил 28378 лиц. Условия отбывания наказания в КП включают в себя: отсутствие охраны; предоставление осужденным свободы передвижения в границах конкретного КП; отсутствие лимита свиданий; отсутствие униформы; безлимитное разрешение на наличные финансовые ресурсы, а также ценные вещи; размещение в специальных общежитиях [1].

Во вторую группу входят исправительные колонии общего режима (далее — ИКОР). В рассматриваемых учреждениях содержатся как мужчины, так и женщины. При этом первая категория включает в себя лиц, которые лишены свободы вследствие осуществления преступлений, относящихся к группе тяжких (при условии отсутствия подобного наказания ранее); вторая — лиц, которые лишены свободы вследствие осуществления преступлений, относящихся к группе тяжких и особо тяжких, а равно в случае рецидива преступления.

Наглядная дифференциация условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами наказания в рассматриваемых учреждениях, представлена в виде схемы на рисунке 1.

Третья группа объединяет исправительные колонии строгого режима (далее — ИКСТ). В данных учреждениях содержатся субъекты мужского пола, которые лишены свободы вследствие осуществления преступлений, относящихся к группе особо тяжких (при условии отсутствия подобного наказания ранее),

а также в случае рецидива преступлений (в том числе опасного) при условии наличия у него практического опыта лишения свободы.

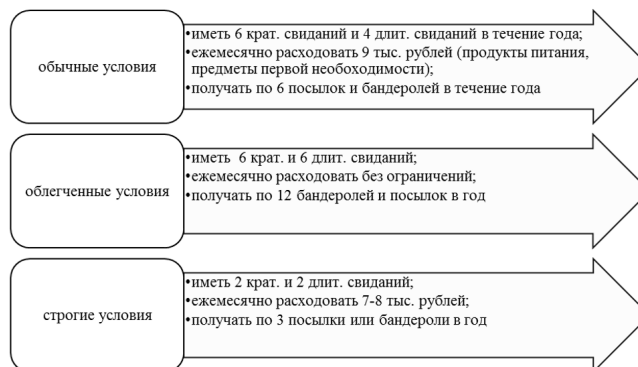

Рис. 1. Условия и порядок отбывания наказания в исправительных колониях общего режима

Наглядная дифференциация условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами наказания в рассматриваемых учреждениях, представлена на рисунке 2.

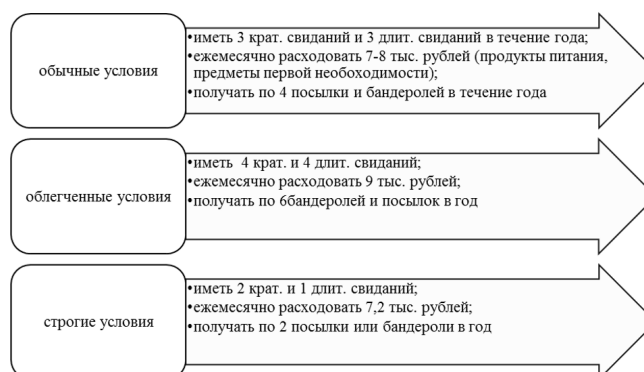

Рис. 2. Условия и порядок отбывания наказания в исправительных колониях строгого режима

Четвертая группа состоит из исправительных колоний особого режима (далее — ИКОСР). В данных учреждениях содержатся субъекты мужского пола, пожизненно приговоренные к лишению свободы. Кроме того, здесь отбывают наказание лица, осужденные за рецидив преступлений, относящийся к категории особо опасного.

Наглядная дифференциация условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами наказания в рассматриваемых учреждениях, представлена на рисунке 3.

Текущая система отечественного ФСИН включает в себя 663 исправительную колонию. Количественный показатель субъектов, отбывавших наказание в указанных отечественных учреждениях в августе 2021 г. составил 361 306 лиц.

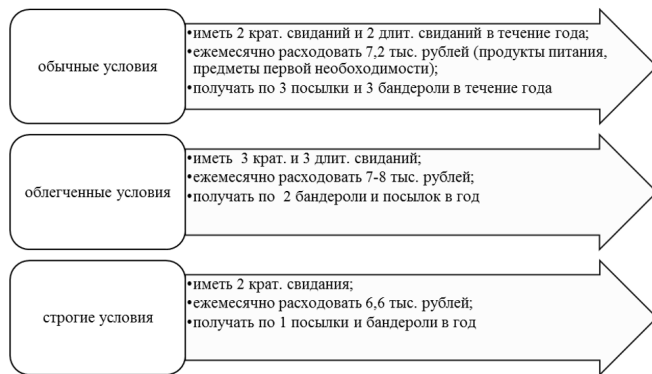

Рис. 3. Условия и порядок отбывания наказания в исправительных колониях особого режима

Пятая группа объединяет воспитательные колонии (далее — ВК). Контингент субъектов данных учреждений состоит из несовершеннолетних лиц, судебный приговор в отношении которых вменяет лишение свободы. Кроме того, здесь содержатся субъекты, которые оставлены в ВК до своего девятнадцатилетия. Предусматривается нормативная возможность формирования в рассматриваемых учреждениях изолированных отдельных участков, в рамках которых действует режим ИКОР. Такое подразделение необходимо для отграничения осужденных, ставших совершеннолетними в процессе отбывания назначенного им наказания. Количественный показатель субъектов, отбывавших наказание в указанных отечественных учреждениях в августе 2021 г. составил 875 лиц.

Наглядная дифференциация условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами наказания в воспитательных колониях, представлена на рисунке 4.

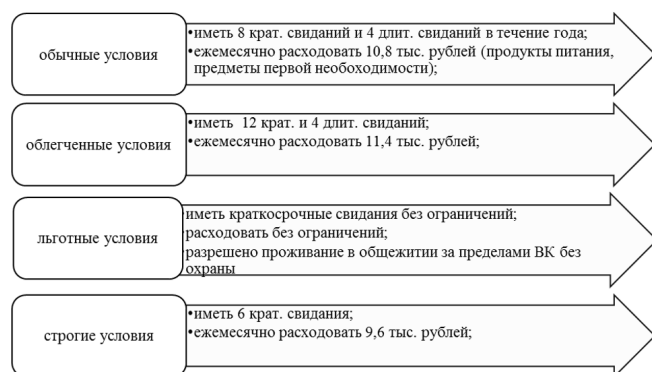

Рис. 4. Условия и порядок отбывания наказания в воспитательных колониях

В шестую группу входят тюрьмы. Категории субъектов, подлежащих содержанию в представленных учреждениях, устанавливаются положениями ч. 7 ст. 74 УИК РФ, включая в себя:

- лиц, соответствующее осуждение которых об-

условлено рецидивом преступлений, носящим особо опасный характер;

- лиц, которым вменена как минимум пятилетняя продолжительность лишения свободы в связи с осуществлением преступлений, входящих в категорию особо тяжких;
- лиц, ранее отбывавших наказание в исправительных колониях и неоднократно целенаправленно нарушавших существующий там режим.

Наглядная дифференциация условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами наказания в тюрьмах, представлена на рисунке 5.

Общий режим	Строгий режим
<ul style="list-style-type: none"> •иметь 2 крат. и 2 длит. свидания в год; •ежемесячно расходовать 7,2 тыс. рублей; •пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью 1,5 часа; •получать 2 посылки или передачи и 2 бандероли в течение года 	<ul style="list-style-type: none"> •иметь 2 крат. свидания в год; •ежемесячно расходовать 6 тыс. рублей; •пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью 1 час; •получать 1 посылку и 1 бандероль в течение года

Рис. 5. Условия и порядок отбывания наказания в тюрьмах

Текущая система отечественного ФСИН включает в себя восемь тюрем. Количественный показатель субъектов, отбывавших наказание в указанных учреждениях в августе 2021 г. составил 1298 лиц.

Последняя группа состоит из лечебных исправительных учреждений (далее — ЛИУ). Рассматриваемая категория объединяет учреждения, в которых проходит отбытие назначенного наказания субъектов с туберкулезом (имеющим открытую форму), алкоголизмом, а также наркоманией. Правила организации и последующей работы данных учреждений регламентируются Приказом Минюста России от 11.02.2015 г. № 33. Что касается непосредственных условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами наказания в ЛИУ, то они аналогичны определенным судебной инстанцией для конкретного осужденного. Минимальный метраж предоставляемой субъекту в рассматриваемых учреждениях жилой площади равняется 3 кв. м. Наличие у субъектов финансовых ресурсов на соответствующих лицевых счетах обуславливают отсутствие ограничений в покупке товаров, относящихся к категории первой необходимости, а также продуктов.

Представленная классификация свидетельствует о дифференциации условий и порядка, соблюдаемых при отбывании субъектами лишения свободы, исходя из вида конкретного учреждения. Так, максимально строгое правовое положение таких лиц наличествует в тюрьмах, а сравнительно более «мягкое» — в воспитательных колониях и КП.

Список источников

1. Безрукова А. Е. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях / А. Е. Безрукова // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11 (16). С. 67–73.

References

1. Bezrukova A. E. Conditions of serving a sentence in correctional institutions / A. E. Bezrukova // The Tauride scientific observer. 2016. № 11 (16). P. 67–73.

Библиографический список

1. Голодов П. В. Анализ зарубежного опыта пенитенциарной деятельности / П. В. Голодов, Б. А. Спасенников // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 10–14.
2. Зубарев С. М. Виды и структура правового статуса осужденных // Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. А. С. Михлина. М. : Юрайт, 2010. С. 90–95.
3. Куликов В. Тюрьма пустеет / В. Куликов // Российская газета. 2020. 30 января. № 20 (8074).
4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы). 21 мая 2015 года.
5. Постановление Правительства РФ от 5 сентября 2006 № 540 «О Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» // СЗ РФ. 2006. № 39.
6. Сафронов М. Г. Назначение наказания в виде лишения свободы : магистерская диссертация / М. Г. Сафонов. Барнаул, 2017. 77 с.
7. Тепляшин П. В. Современный уголовно-испол-

нительный анализ иберийского типа европейских пенитенциарных систем / П. В. Тепляшин // Современное право. 2016. № 4. С. 113–120.

8. Южанин В. Е. Уголовно-исполнительные правоотношения : лекция / В. Е. Южанин. Рязань : РИПЭ Минюста РФ, 2000. 55 с.

Bibliographic list

1. Golodov P. V. Analysis of foreign experience of penitentiary activity / P. V. Golodov, B. A. Spasennikov // Penal enforcement system : law, economics, management. 2015. № 5. P. 10–14.
2. Zubarev S. M. Types and structure of the legal status of convicts // Penal enforcement law : textbook / edited by A. S. Mikhlin. M. : Yurayt, 2010. P. 90–95.
3. Kulikov V. Prison empties / V. Kulikov // Rossiyskaya Gazeta. 2020. January 30. № 20 (8074).
4. United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Mandela Rules). May 21, 2015.
5. Decree of the Government of the Russian Federation № 540 of September 5, 2006 «On the Federal target Program «Development of the penal enforcement system (2007–2016)» // SZ RF. 2006. № 39.
6. Safronov M. G. The appointment of punishment in the form of imprisonment : master's thesis / M. G. Safonov. Barnaul, 2017. 77 p.
7. Teplyashin P. V. Modern penal enforcement analysis of the Iberian type of European penitentiary systems / P. V. Teplyashin // Modern law. 2016. № 4. P. 113–120.
8. Yuzhanin V. E. Penal law relations: lecture / V. E. Yuzhanin. Ryazan : RIPE of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2000. 55 p.

Информация об авторе

А. Х. Батыров — инспектор ОИН Уголовно-исполнительная инспекция ОФСИН России по Республике Ингушетия.

Information about the author

A. H. Batyrov — Inspector of SEI of the Penal Enforcement Inspectorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Ingushetia.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-35-40>

НИОН: 2003-0059-4/22-347

MOSURED: 77/27-003-2022-04-546

Правовая культура и нравственное воспитание несовершеннолетних

Анатолий Васильевич Богданов¹, Николай Викторович Румянцев², Евгений Николаевич Хазов³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^{2,3} Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, Москва, Россия

² rumyantsevn.v@ya.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы правового воспитания несовершеннолетних. Анализируются причины и условия совершения и распространения правонарушений и преступности в молодежной среде. Предлагаются основные направления профилактических мероприятий по предупреждению и противодействию правонарушениям среди несовершеннолетних на территории России.

Ключевые слова: несовершеннолетние, молодежная среда, правовое воспитание, нравственность, правонарушение, преступность, профилактика, противодействие, подразделения органов внутренних дел

Для цитирования: Богданов А. В., Румянцев Н. В., Хазов Е. Н. Правовая культура и нравственное воспитание несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 35–40. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-35-40>.

Original article

Legal culture and moral education of minors

Anatoliy V. Bogdanov¹, Nikolai V. Rumyantsev², Evgeniy N. Khazov³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

² rumyantsevn.v@ya.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The issues of legal education of minors are considered. The causes and conditions of the commission and spread of offenses and crime among young people are analyzed. The main directions of preventive measures for the prevention and counteraction of offenses among minors on the territory of Russia are proposed.

Keywords: minors, youth environment, legal education, morality, offense, crime, prevention, counteraction, divisions of internal affairs bodies

For citation: Bogdanov A. V., Rumyantsev N. V., Khazov E. N. Legal culture and moral education of minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):35–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-35-40>.

Молодежная политика сегодня – одно из приоритетных направлений в России. Государство оценивается всем мировым сообществом по своему отношению к молодежи. Они не только наше будущее, но и наше настоящее. В современном мире с его огромным информационным потоком, не всегда хорошим, и с сумасшедшим ритмом жизни, родительское воспитание

как бы отошло на второй план. Дети зачастую предоставлены сами себе, воспитательный процесс формируется Интернетом и улицей [1].

Но нельзя забывать, что сегодняшние дети — это будущее России. И тогда приходит понимание той огромной ответственности, которая лежит на государстве в числе и на сотрудиниках ОВД. Лучше предупредить, чем

наказать. Ведь наказание — не лучший способ воздействия. Главными детерминантами преступности несовершеннолетних были, есть и будут социально-экономические и информационные причины [2].

В средствах массовой информации, в том числе и в Интернете, активно насаждаются безнравственность, вседозволенность, насилие, жестокость, псевдокультура, стремление к обогащению любыми, в том числе и криминальными, способами, и это необходимо убрать. Интернет — это одно из средств, провоцирующих несовершеннолетних на противоправные деяния. Зачастую, родители уделяют больше внимания на материальное благосостояния подростков, а не просвещение и образование. А вот многодетная семья — это одно из благодатных условий для воспитания детей [3].

Проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями несовершеннолетних всегда отличались актуальностью и остротой предупреждения, все это является многоаспектной комплексной проблемой. Это работа по правовому просвещению, как неотъемлемая часть системы профилактики преступлений и правонарушений несовершеннолетних. В повседневной работе органам внутренних дел надлежит пользоваться информационно-разъяснительными, видео и аудиоматериалами, задействовать возможности социальной рекламы, внедрять новые формы правового просвещения и правового информирования, в том числе используя современные информационные технологии, а главное правовое и духовно- нравственное воспитание [4].

Наши дети — это и наша ответственность [5]. Но либеральное воспитание в России не всегда правильный путь. Мы сейчас переживаем глобальные перемены в семейных ценностях. Духовная и нравственная деформация личности несовершеннолетних отражается и в эмоциональных особенностях. У большинства несовершеннолетних, совершивших правонарушения и преступления, имеются устойчивые отклонения в правовой и духовно-нравственной направленности, выражающиеся в отсутствии положительных и правильных установок.

Криминальные навыки, приобретенные человеком в несовершеннолетнем возрасте, нередко сопровождают его на протяжении длительного времени, если не всей жизни. Значительная часть преступников-рецидивистов, «воров в законе» свою первую судимость получили в несовершеннолетнем возрасте. Еще большую актуальность преступность несовершеннолетних приобретает в связи с большой опасностью совершаемых ими уголовно-наказуемых деяний насильственного характера, в частности массовых убийств. Большинство несовершеннолетних, совершивших массовые убийства в школах, как правило, находились под влиянием сообщений о предыдущих массовых убийствах, распространяемых СМИ. Избежать полностью массовых убийств в учебных заведениях как показала практика практически невозможно [6].

Несовершеннолетний преступник, совершив-

ший массовые убийства — это пользователь информационно-телекоммуникационных сетей, участник деструктивных молодежных пропагандирующих насилие, жестокость, агрессивность в обществе и образовательных учреждениях движений. Кроме того, в последнее время в ряде стран обострилась проблема «школьного терроризма». Отдельные несовершеннолетние, обычно имеющие трудности с социализацией, руководствуясь мотивами личной мести, не только участвуют в пропаганде массовых убийств в закрытых интернет-сообществах, но и идут на совершение преступлений. Этот контингент крайне уязвим для вербовщиков террористических и экстремистских структур [7].

Группы в соцсетях, подростковые контакты, то, что о нем думают сверстники, то, как они смотрят на современную жизнь — все это становится важнее, чем семья, семейные ценности и правила. Общеизвестно, что сеть Интернет и СМИ оказывают огромное влияние на сознание и поведение граждан, общественное мнение, уровень образованности, воспитания, поведения, культуры в целом, но особенно на несовершеннолетних. С наступлением эры Интернета несовершеннолетние пользователи доверяют сети самое сокровенное, делясь с незнакомцами из всех уголков планеты мыслями, намерениями, планами, рассказывая о своих поступках, а именно издевательствах над своими сверстниками. Зависимость от социальных сетей зачастую такая же зависимость, как и от наркотиков и спиртного. Справочник всемирной психологии относит это к болезни. Это уже стало какой-то болезнью, сродни пандемии, когда с виду нормальные ребята хвастаются собственной жестокостью. То, что еще недавно считалось неприемлемым, постыдным, ныне возведено в ранг героизма. Особо обратим внимание на то, что имена совершивших массовые убийства звучат чаще, чем имена погибших. Само по себе это безжалостная характеристика современного информационного поля. Эмпатия — искреннее сочувствие — все сильнее уступает место желанию собрать посты на человеческих трагедиях [8].

Все чаще несовершеннолетние вовлекаются в Интернет-сообщества, пропагандирующие вооруженные нападения в учебных заведениях и школах, а также и иных местах массового скопления граждан, в протестные акции и чрезмерное освещение в СМИ массовых убийств и их героизация. Само собой социальные сети наиболее популярны среди подростков. К сожалению, сегодня многие из них именно в виртуальном мире находят единомышленников, там же ожидают оценки своих поступков, обсуждают любые темы. Понятие добра и зла в интернете смешаны, как никогда. Отсюда — многочисленные видео, на которых запечатлены жестокие и странные кадры [9].

Крайне важно не допускать вовлечения молодежи и особенно несовершеннолетних в несогласованные массовые акции, оградить их от различных провока-

ций в сети Интернет и в жизни. Если судить по социальным сетям, молодежь сплошь и рядом мечтает стать лишь блогерами и певицами [10].

Если мы будем молча смотреть, как среди молодежи крепнут отчуждения, ненависть, злоба, агрессия, то завтра эти сорняки пустят корни и дадут поросль, которую будет очень трудно выкорчевать, что мы сейчас наблюдаем в Украине. Мы и наши дети выросли практически в разных странах и разных реальностях. Между нами и нашими подростками случился технологический скачок. Наши дети выросли в совершенно другом мире. Современный подросток разбирается в цифровых технологиях лучше, и им стала более доступна любая информация. Да, подросток входит в мир Интернета и видит, что мир очень разный [11].

Будущее детей определяется семьей. В последнее время семья с ее укладом и вековыми традициями для многих молодых людей перестала быть ценностью: исчезли уважение к старшим, к истории своего рода и своей страны, почитанию родителей, произошел разрыв между поколениями, а отношение к своим детям все больше становится безответственным. Воспитание ребенка — важнейшая составляющая ответственного родительства. Ответственный родитель — это не то же самое, что заботливый и добрый родитель [12].

Основная цель государства и общества обратить внимание на проблемы семьи, поскольку в семье с детства формируется личность гражданина, реализуется приобщение ребенка к цивилизованному обществу. Большинство проблем несовершеннолетних с законом в основе своей имеет «взрослое происхождение». Качество воспитания в некоторых семьях оказывается крайне низким. Несовершеннолетние нередко оступаются по недосмотру, из-за недостатка доброго внимания к ним, отсутствия предостережения, мудрого совета. Ведь задача родителей — не только любовь, уважение, но и адаптация подростка к современному миру [13].

Мы должны поддерживать и помогать своим детям, чтобы прожить этот трудный период несовершеннолетия, поддерживая его и напоминая, что все, что с ним происходит — нормально. Мы обязаны помочь установить и удержать границы, не позволяя обращаться с родителями и в школе грубо, и самим руководителям и учителям не скатываться в грубость и обвинения. Да, несовершеннолетние могут вести себя резко и даже оскорбительно, и очень важно в этот момент «не поддаваться на провокации», не позволять обращаться с собой в оскорбительной манере и самому не скатываться в оскорбления. Психологическая травма, которую могут понести родители. Это и унижающее, обесценивающее поведение, и рукоприкладство, шантаж, к которому порой прибегают родители, не отдавая себе отчета. А самое главное — это уважать ребенка [14].

Подростки очень эмоциональны, они могут, не подумав, высказать что-то резкое, обидное, часть того, не желая, и необходимо понять, что это возраст, эмо-

ции, перестройка нервной системы, родителям необходимо вести диалог с детьми, объяснять, что такое хорошо и плохо [15].

Большинство несовершеннолетних находят поддержку в семье, школах, учебных заведениях, спортивных коллективах, группах сверстников вне школы. Но сейчас у ученика зачастую больше прав, чем у учителя. Советник по воспитанию в школах не решит вопрос воспитания. Подростковый и молодежный возраст (13–21) — это возраст внутренней самоидентификации, самоопределения. О подростковом периоде родителям надо задуматься задолго до его наступления [16].

С появлением материального состояния и благополучия родители не уделяют подростку настоящего внимания, они просто от него откупаются. И тогда у ребенка формируется способность что-то хотеть. Вырастают подростки, у которых все есть, но при этом нет ощущения, что они нужны обществу, государству, родителям. В душе пустота, которая заполняется алкоголем, наркотиками, преступными проявлениями [17].

Согласно ст. 65 Семейного кодекса РФ родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Министр внутренних дел России отметил, что на учете в органах внутренних дел состоят более 130 тыс. родителей, как не исполняющие свои обязанности по воспитанию детей [18]. Современные несовершеннолетние требуют особого подхода. Показатели, характеризующие преступность несовершеннолетних в России, остаются серьезной проблемой, для решения которой необходим комплексный подход.

Меняется и мотивация указанных преступлений, которая существенно в корне отличается от мотивации убийств, совершаемых взрослыми. Проблема совершения преступлений и правонарушений несовершеннолетними, а также профилактика, как и в целом, защита прав и свобод детей стала наиболее социально уязвимой, незащищенной частью нашего общества, остается в центре повышенного внимания общества и государства [19].

Необходимо вести работу по выявлению раннего семейного неблагополучия, а именно: посещение семей, оказавшихся в социально-опасном положении, рейды по местам концентрации несовершеннолетних, предупреждение семейного неблагополучия [20].

Необходим единый банк данных учета семей и детей, находящихся в социально-опасном положении, который будет разделен по субъектам РФ. Несовершеннолетние компенсируют отсутствие родительского внимания и участия в жизни общества своими собственными мерами возмездия [21].

Преступность несовершеннолетних является одной из наиболее самых актуальных проблем, которую необходимо решать. В общей преступности возрастает доля тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних, есть тенденция увеличения удельного веса несовершеннолетних, ранее совершивших

преступления, стабильно высоким остается удельный вес групповых преступлений, совершаемых несовершеннолетними [22].

В складывающихся в настоящее время социально-экономических и информационных условиях все больше число семей попадают в трудную ситуацию, а особенно дети. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних становится одной из важных задач субъектов системы профилактики муниципалитетов. Решение этой задачи муниципалитетов зависит не столько от создания защищенной информационно-телекоммуникационной среды, сколько от формирования у несовершеннолетних необходимых личностных компетенций, позволяющих им безопасно взаимодействовать с существующей информационной средой [23].

Родители и педагоги должны знать о существующих угрозах в Интернете и уметь с ними работать, чтобы оградить детей от опасной информации, и такое понимание должно быть на уровне семьи [24].

Поэтому с помощью этих средств воздействия разложить и обезоружить молодежь значительно проще и быстрее. Среди органов и учреждений системы профилактики особое место занимают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) [25].

Основная задача подразделений Подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) и оперативных сотрудников состоит не только в том, чтобы не допустить совершения несовершеннолетними преступлений и правонарушений, но и оградить их от преступлений в отношении их самих.

Список источников

1. Зинченко Е. Ю., Евсеева И. Г., Хазов Е. Н. Конституционно-правовой статус несовершеннолетнего и проблемы его обеспечения и защиты // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2020. № 2. С. 101–104.
2. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности полиции по предупреждению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних // *Вестник Московского университета МВД России*. 2017. № 3. С. 218–222.
3. Богданов А. В., Румянцев Н. В., Хазов Е. Н. Роль и значение семьи, общества и государства в правовом воспитании несовершеннолетних // *Вестник экономической безопасности*. 2020. № 2. С. 66–70.
4. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 1. С. 158–161.
5. Указ Президента РФ от 7 апреля 2020 г. №249 (ред. от 11 мая 2020 г. № 317) «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 13 апреля 2020 г. № 15 (часть I). ст. 2243.
6. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Образовательные учреждения как наиболее уязвимые объекты террористических и экстремистских проявлений // *Криминологический журнал*. 2021(2). С. 26–32.
7. Лобзов К. М., Богданов А. В., Ильинский И. И. и др. *Экстремистские организации : сущность, идеология, тактика их деятельности*. Новосибирск, 2021.
8. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационные технологии и их роль обеспечение безопасности личности, общества и государства // *Международный журнал «Мировая экономика проблемы безопасности»*. 2021. № 01. С. 17–24.
9. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Комахин Б. Н. Преступность несовершеннолетних : новые решения и новые проблемы // *Вестник Московского университета МВД России*. 2013. № 4. С. 34–38.
10. Папазова Ю. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Обеспечение информационной безопасности правоохранительными органами России // *Научно-аналитический журнал. Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. Law. Safety. Emergency situations*. № 3 (52). С. 45–52.
11. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Причины и условия появления и распространения преступности в молодежной среде экстремистской и террористической направленности // *Криминологический журнал*. 2019. № 2. С. 18–22.
12. Хазова В. Е., Хазов Е. Н. Основы конституционно-правового статуса несовершеннолетнего и его особенности // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2018. № 4. С. 113–117.
13. Хазов Е. Н., Алексеева И. Ю. Правовая культура и правовое воспитание несовершеннолетних. В сборнике : *Правовая культура современного российского общества*. 2002. С. 36–40.
14. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н., Евсеева И. Г., Никитский М. В. Особенности правового положения несовершеннолетних мигрантов в России // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 4. С. 30–35.
15. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Пантюхин К. Ю. Основные направления по предотвращению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2016. № 2(31). С. 135–139.
16. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные причины и условия, способствующие росту преступно-

- сти среди несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 47–51.
17. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет как один из наиболее востребованных ресурсов в противодействии незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 173–179.
 18. <https://tass.ru/obschestvo/9651481/> (дата обращения: 15.10.2020).
 19. Основы национальной безопасности. 2-е изд., перераб. и доп. / Бышков П. А., Гасанов К. К., Егоров С. А., Зеленков М. Ю., Зиборов О. В., Зинченко Е. Ю. и др. Москва, 2022.
 20. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Соблюдение охраны и защиты прав и свобод несовершеннолетних в России // Защити меня. 2020. № 2. С. 6–13.
 21. Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Роль и значение информационных систем и банков данных в деятельности правоохранительных органов // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 27–33.
 22. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Обеспечение конституционных прав и свобод и профилактические мероприятия, проводимые сотрудниками ОВД по предотвращению противоправных действий среди несовершеннолетних. В сборнике : Конституционные основы российского государства: история и современность. Рязань, 2019. С. 23–30.
 23. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Комахин Б. Н. Преступность несовершеннолетних : новые решения и новые проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 34–38.
 24. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 48. <http://pravo.gov.ru> — 01.07.2021.
 25. Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 (ред. от 10.02.2020) «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собрание законодательства РФ, 11.11.2013, № 45, ст. 5829. <http://www.pravo.gov.ru> — 12.02.2020.
- ### References
1. Zinchenko E. Yu., Evseeva I. G., Khazov E. N. The constitutional and legal status of a minor and the problems of its provision and protection // International Journal of Constitutional and State Law. 2020. № 2. P. 101–104.
 2. Bogdanov A.V., Khazov E. N. Main directions of police activity on prevention and prevention of offenses among minors // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3. pp. 218–222.
 3. Bogdanov A.V., Rummyantsev N. V., Khazov E. N. The role and significance of the family, society and the state in the legal education of minors // Bulletin of Economic Security. 2020. № 2. P. 66–70.
 4. Bogdanov A.V., Khazov E. N. The main directions of police activity for the prevention of neglect and delinquency among minors // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1. P. 158–161.
 5. Decree of the President of the Russian Federation of April 7, 2020 № 249 (ed. of May 11, 2020 № 317) «On additional measures of social support for families with children» // Collection of Legislation of the Russian Federation of April 13, 2020. № 15 (Part I). Article 2243.
 6. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Educational institutions as the most vulnerable objects of terrorist and extremist manifestations // Criminological Journal. 2021(2). P. 26–32.
 7. Lobzov K. M., Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., etc. Extremist organizations : the essence, ideology, tactics of their activities. Novosibirsk, 2021.
 8. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Information and telecommunication technologies and their role in ensuring the security of the individual, society and the state // International Journal «World Economy security Problems». 2021. № 01. P. 17–24.
 9. Bogdanov A.V., Khazov E. N., Komakhin B. N. Juvenile delinquency: new solutions and new problems // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4. P. 34–38.
 10. Papazova Yu. V., Bogdanov A.V., Khazov E. N. Ensuring information security by law enforcement agencies of Russia // Scientific and analytical Journal. Right. Safety. Emergency situations. Law. Safety. Emergency situations. № 3(52). P. 45–52.
 11. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. The causes and conditions of the emergence and spread of crime in the youth environment of extremist and terrorist orientation // Criminological Journal. 2019. № 2. P. 18–22.
 12. Khazova V. E., Khazov E. N. Fundamentals of the constitutional and legal status of a minor and its features // International Journal of Constitutional and State Law. 2018. № 4. P. 113–117.
 13. Khazov E. N., Alekseeva I. Yu. Legal culture and legal education of minors. In the collection : Legal culture of modern Russian society. 2002. P. 36–40.
 14. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N., Evseeva I. G., Nikitsky M. V. Features of the legal status of

- minor migrants in Russia // Bulletin of Economic Security. 2019. № 4. P. 30–35.
15. Bogdanov A.V., Khazov E. N., Pantyukhin K. Yu. The main directions for the prevention of offenses and crimes among minors // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2(31). P. 135–139.
 16. Bogdanov A.V., Khazov E. N. The main causes and conditions contributing to the growth of juvenile delinquency in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 12. P. 47–51.
 17. Bogdanov A.V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Information and telecommunication network Internet as one of the most demanded resources in countering drug trafficking // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3. P. 173–179.
 18. <https://tass.ru/obschestvo/9651481/> (date of access: 15.10.2020).
 19. Fundamentals of national security. 2nd ed., reprint. and additional / Byshkov P. A., Hasanov K. K., Egorov S. A., Zelenkov M. Yu., Ziborov O. V., Zinchenko E. Yu., etc. Moscow, 2022.
 20. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Observance of protection and protection of the rights and freedoms of minors in Russia // Protect me. 2020. № 2. P. 6–13.
 21. Bogdanov A. V., Papazova Yu. V., Khazov E. N. The role and significance of information systems and data banks in the activities of law enforcement agencies // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. № 2. P. 27–33.
 22. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Ensuring constitutional rights and freedoms and preventive measures carried out by police officers to prevent illegal actions among minors. In the collection : Constitutional Foundations of the Russian state: History and Modernity. Ryazan, 2019. P. 23–30.
 23. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Komakhin B. N. Juvenile delinquency: new solutions and new problems // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4. P. 34–38.
 24. Federal Law № 436-FZ of 29.12.2010 (as amended on 01.07.2021) «On the protection of children from information harmful to their health and development» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.01.2011. № 1. Article 48. <http://pravo.gov.ru> — 01.07.2021.
 25. Decree of the Government of the Russian Federation of 06.11.2013 № 995 (ed. of 10.02.2020) «On approval of the Approximate Regulations on commissions for minors and protection of their rights» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 11.11.2013. № 45. Article 5829. <http://www.pravo.gov.ru> — 12.02.2020.

Информация об авторах

А. В. Богданов — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Румянцев — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

Е. Н. Хазов — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Bogdanov — Associate Professor of the Department of Operational-investigative activities and special equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. V. Rumyantsev — Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Khazov — Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-41-45>

НИОН: 2003-0059-4/22-348

MOSURED: 77/27-003-2022-04-547

Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции в противодействии скулшутингу

Сергей Владимирович Бубнов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, serzh.bubnov.00@inbox.ru

Аннотация. Анализируются проблемные аспекты, существующие в деятельности участковых уполномоченных полиции в противодействии скулшутингу. Предоставлены мнения различных авторов. Рассмотрен зарубежный опыт по схожей тематике. Сделан вывод о необходимости нивелирования обозначенных проблем, в связи с чем, высказаны соответствующие предложения. Данные предложения актуальны и имеют научную обоснованность.

Ключевые слова: школа, участковый уполномоченный полиции, скулшутинг, буллинг, противодействие, профилактика

Для цитирования: Бубнов С. В. Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции в противодействии скулшутингу // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 41–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-41-45>.

Original article

Actual problems of the activities of the police commissioner in combating schoolshooting

Sergey V. Bubnov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, serzh.bubnov.00@inbox.ru

Abstract. The problematic aspects that exist in the activities of police commissioners in combating skulking are analyzed. The authors' opinions are presented. Foreign experience on a similar theme is considered. The conclusion about the necessity of leveling the designated problems is made, in this connection, the corresponding proposals are made. These proposals are relevant and scientifically valid.

Keywords: school, district police commissioner, schoolshooting, bullying, counteraction, prevention

For citation: Bubnov S. V. Actual problems of the activities of the police commissioner in combating schoolshooting. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):41–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-41-45>.

Учебные заведения всегда являлись одним из самых безопасных мест для обучающихся, но на сегодняшний день большинство родителей и детей находятся в постоянном страхе, порожденном жестокими убийствами в школах, при котором массовая паника, ужас появляются не только от подсчета жертв и материального ущерба, но и от психологической травмы общества.

Статистика совершенных преступлений скулшутинга (англ. — schoolshooting) не только во всем мире,

но и в России, неутешительная: МВД России только с 2017 по 2022 год зафиксировали 70 случаев указанных преступлений в 34 российских регионах¹.

Самый первый случай скулшутинга официально зафиксирован был в 1927 году в школе США, в которой местный фермер устроил взрывы, приведшие к гибели 44 человек (школьников 2-6 классов), 58 — полу-

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации (официальный сайт) [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата доступа: 10.03.2022).

© Бубнов С. В., 2022

чили ранения. В 1999 году в штате Колорадо, в школе Колумбайн, двумя учениками старших классов было убито 13 человек, 23 — ранено, после чего нападавшие застрелились. Признаки копирования в Европе и США скулшутинга (нарицательно — колумбайна) — вооруженного нападения на школьников — в России зафиксированы почти во всех случаях преступных посягательств

В обществе скулшутинг относят к экстремистским движениям среди несовершеннолетней молодежи, но Верховный Суд России 02 февраля 2022 года вынес решение о признании движения колумбайн террористической организацией, запретив его деятельность на территории нашего государства, указав, что сторонники данного движения пропагандируют для достижения своих целей суицид, девиантное поведение, насилие в качестве нормы жизни, осуществляя через тематические группы скулшутинга в соцсетях психологическую обработку по снятию у несовершеннолетних морального запрета на применение насилия, совершение убийств¹.

Затрагивая тему указанной группы преступлений, нельзя не указать причины возникновения агрессивного поведения подростков: биологические — половое взросление (буйство гормонов), личностные факты (генетика, недовоспитание, комплексы и неуверенность в себе, недоверие к людям, обидчивость, вызывающие желание самоутверждения за счет более слабых, заслужить авторитет перед более сильными); семейные — социальный статус и уровень жизни (либо бедность, либо обеспеченность родителей), семейные традиции (непринятие устоявшихся традиций, выраженное в манере одеваться, круге общения, выборе спутника жизни, профессии), крайности в воспитании (чрезмерная любовь, недолюбовь, отсутствие внимания со стороны взрослых).

Солидаризируясь с Ю. В. Суходольской, считаем, что семья — это фундамент, в котором рождается, растет и становится личностью ребенок, и именно от родителей, в первую очередь, зависит психолого-физическое состояние подростка. Почему сотрудники правоохранительной системы находят в квартирах скулшутеров целые арсеналы боеприпасов и оружия? Потому что нет правильно выстроенных отношений между детьми и родителями, отсутствует контроль за детским поведением, как и нет понимания картины мира ребенка: взрослые в своем большинстве нацелены на материальное обеспечение детской жизни, упуская эту жизнь, не стремясь выслушать, услышать, понять и поддержать ребенка. Единого портрета личности скулшутера в не выработано: ими выступают представители мужского пола, некоторым из них,

являющимися изгоями общества, присуще проявление любых негативных качеств (насилие, агрессия и др.), другим — все положительные черты характера (доброта, воспитанность, отзывчивость, обходительность, коммуникабельность, харизматичность, обаяние и др.).

Выявление подростков, которые представляют (могут представлять) опасность для общества, — первоочередная задача родителей, педагогического коллектива, сотрудников правоохранительной системы.

В обязанности сотрудников полиции входит принятие мер, которые направлены на выявление, предупреждение, пресечение различных экстремистских и террористических движений (п. 16 ст. 12 Закона о полиции)². Участковые уполномоченные полиции (далее — УУП) наделены широким кругом полномочий в соответствии с указанным Законом № 3-ФЗ и с Приказом МВД России № 205³, в том числе, обязанностью принимать активное участие в противодействии терроризму и экстремизму.

Возможность получения УУП первичной (оперативной) информации, обусловленная близким и непосредственным контактом с населением вверенного ему административного участка, позволяет относить УУП к основному звену в организации предупреждения, пресечения, профилактики преступлений. Свою работу УУП планирует на основе изучения и анализа сложившейся на вверенном административном участке оперативной обстановки, грамотно применяя на практике знания действующего законодательства и опыт.

Учитывая огромное количество российских школьников, их достаточно активное участие в общественно-политической жизни общества, в школах особую актуальность в борьбе с скулшутингом играет именно профилактическая деятельность УУП, который должен выстраивать рабочие контакты с директором и администрацией школ, находящихся на территории вверенного ему административного участка, в частности, с представителями, курирующими воспитательную работу, внеучебную деятельность школьников, с представителями по безопасности.

Такая деятельность УУП, как правило, включает: получение и анализ сведений о количестве, качественных характеристиках преподавательского состава школы и обучающихся в ней детей, структуре и режиме работы школы; регулярный мониторинг опера-

² Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 21.12.2021) // Российская газета. № 28. 10 февраля 2011 года.

³ Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»: зарегистрировано в Минюсте России 03.07.2019 № 55115 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2019.

¹ Верховный Суд Российской Федерации (официальный сайт) [Электронный ресурс] // <https://vsrf.ru> (дата доступа: 10.03.2022).

тивной обстановки в школе; получение и взаимообмен с руководством школы оперативно-значимой информацией (во взаимодействии с сотрудниками ООДУУ-ПиПДН Управлений МВД России, уголовного розыска, подразделений по противодействию терроризму и экстремизму, представителями общественных объединений и др.); обеспечение общественной безопасности и общественного порядка на своем административном участке; получение и дальнейшее процессуальное оформление сообщений, заявлений, иной информации о правонарушениях и преступлениях, которые совершаются на территории школы и вне ее пределов учащимися данной школы; проведение индивидуально-профилактической работы со школьниками-правонарушителями; выявление школьников – участников молодежных объединений, выявление их мест сбора, совместного общения, установление коммуникативных связей таких объединений; выявление возможных мест потребления и сбыта школьниками запрещенных веществ; профилактическая деятельность по борьбе с различными незаконными движениями (профилактические операции, рейды, правовая пропаганда среди школьников и преподавательского состава, родителей с целью формирования у них чувства толерантности к людям любых социальных принадлежностей, национальностей, религиозных конфессий; др.).

УУП должен тщательно изучать и анализировать поступающую к нему оперативную информацию, особенно в отношении лиц, склонных к распространению радикальных идей среди школьников, материалов экстремистской и террористической направленности (речь идет, в первую очередь, о гражданах, состоящих на учёте: школьники-правонарушители, родители или законные представители несовершеннолетних, состоящие на учете в правоохранительных органах; ранее осужденные, но освобожденные условно-досрочно; ранее осужденные, но освобожденные с назначением ограничительных законодательных мер; ранее судимые; объявленные в розыск и проживающие в пределах административного участка; состоящие на учётах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах; граждан – законных владельцев оружия; другие).

На сегодняшний день деятельность УУП по борьбе с скулшутингом осложнена следующими основными проблемами:

- отсутствие грамотного и актуального информационного обмена между МВД России и Минздравом России по количеству школьников, иных граждан, проживающих на территории административного участка, имеющих психические отклонения. Ссылаясь на врачебную тайну, учреждения Министерства здравоохранения России не информируют правоохранительные органы о лицах, которые имеют

психические расстройства, отклонения, патологии, наркотическую и/или алкогольную зависимость, которые оформляют разрешение на оружие. Например, совершивший скулшутинг ученик 7 класса одной из Саратовских школ (г. Вольск) 28 мая 2019 года, имел суицидальные наклонности, наблюдался у психиатра, проявлял интерес к оружию, но информация о нем в правоохранительные органы города не поступала¹;

- отсутствие на рабочем месте доступа в Интернет, что усложняет возможность оперативно просмотреть и перепроверить информацию в социальных сетях в отношении участников тематических сообществ скулшутинга (веб-сайты, личные страницы, сетевые группы, публикующие фотографии, мемы, картинки, посты на данную тематику);
- высокая служебная нагрузка, не позволяющая выделять максимально достаточное время для работы по борьбе со скулшутингом: несмотря на введение с недавнего времени должности помощника УУП служебная нагрузка на каждого отдельно взятого УУП в связи с повышенной криминальной и нестабильной обстановкой в стране растёт;
- несвоевременное реагирование, нередко игнорирование сотрудниками образовательной системы, чья роль видится доминирующей в исследуемом направлении, на факты буллинга (травля — агрессивное преследование одного школьника другими) среди школьников: практически каждый четвертый российский школьник прямо или косвенно сталкивался с травлей и/или насильственным и моральным воздействием со стороны других школьников, иногда — педагогов, других представителей школы. Противодействие скулшутингу — задача не только сотрудников правоохранительной системы, сотрудники образовательной системы обязаны более активно проводить работу с детьми и родителями из неблагополучных семей, проблемными школьниками, иначе выход один — устанавливать стальные решетки и полицейские экипажи при входе в школу, что видится неразумным;
- недостаточное оснащение школ мерами безопасности (пункт охраны, видеонаблюдение, контрольно-пропускная система входа/выхода, тревожные кнопки и др.): по итогам проверки в 2021 году российских школ выяснилось, что

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации (официальный сайт) [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата доступа: 10.03.2022).

в более 2500 школах нет даже элементарной физической охраны¹ (не предусмотрены ставки охранников).

Обобщая сказанное, сделаем следующие выводы.

1. Подразделения УУП занимают одну из главных ступеней в противодействии скулшутингу, главной их задачей является профилактика.

2. На сегодняшний день деятельность УУП по борьбе с скулшутингом осложнена следующими основными проблемами: отсутствие грамотного и актуального информационного обмена между МВД России и Минздравом России по количеству школьников, иных граждан, проживающих на территории административного участка, имеющих психические отклонения; отсутствие на рабочем месте доступа в Интернет; высокая служебная нагрузка, не позволяющая выделять максимально достаточное время для работы по борьбе со скулшутингом; несвоевременное реагирование, нередко игнорирование сотрудниками образовательной системы на факты буллинга среди школьников; недостаточное оснащение школ мерами безопасности.

3. С целью нивелирования обозначенных проблем в деятельности УУП в противодействии скулшутингу, минимизации рисков новых преступлений в данной сфере необходимо:

А) В деятельности УУП:

- разработать механизм электронного взаимодействия между МВД России и Минздравом России по обмену информацией о лицах, состоящих на учётах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах;
- предоставить доступ УУП к сети Интернет;
- пересмотреть норматив служебной нагрузки на одного УУП (например, в городской местности — не более 4000 жителей с административного участка, на одного старшего УУП — не более 2000 жителей), предусмотреть выделение УУП, в административный участок которого входит максимальное количество школ, закрепив данные положения в Приказе МВД России № 205, иных, корреспондирующих ему, нормативных правовых актах;
- взаимодействовать УУП с представителями школ (директор, замдиректора по воспитательной работе, школьный психолог, руководитель методобъединения классных руководителей по координации мер, представители службы безопасности, охраны, др.) с целью получения актуальной информации;
- взаимодействовать УУП с общественными

объединениями, например, в Туле функционирует с 2019 года Центр информационной безопасности молодёжи и психологической помощи, сотрудники которого в режиме онлайн просматривают все виртуальные группы в соцсетях на предмет опасной, подозрительной и запрещенной для детей информации.

Б) В совместной деятельности всех структур:

- развивать в школах российских регионов меры безопасности (пункт охраны, видеонаблюдение, контрольно-пропускная система входа/выхода, тревожные кнопки, др.), в первую очередь, — обязательную систему видеонаблюдения, интегрированную в автоматический программный комплекс «Безопасный город», контролировать правила безопасности в школах;
- обязать школы закрепить на локальном нормативном уровне индивидуальные карты оценки рисков распространения скулшутинга (содержат параметры, необходимые для заполнения по каждому учащемуся школы: характеристику угрозы, черты личности и поведение, семейную динамику, школьную динамику, социальную динамику, типы угроз, степени риска угроз) и документы по антибуллинговой политике;
- проводить регулярный мониторинг социальных сетей с последующими блокировками сайтов, аккаунтов, пабликов, сообществ, чатов, др., пропагандирующих скулшутинг;
- поддерживать здоровый психологический, физический, моральный климат в школах (исключать буллинг, формировать групповую положительную динамику, заинтересовывать школьников коллективными занятиями, мероприятиями, секциями, кружками, работать над формированием личности школьников без нравоучений и назиданий, а лично, вступая с ними в доверительные отношения, воспитывать их так, чтобы они в дальнейшем не стали ни субъектами, ни объектами скулшутинга).

Мы не можем предугадать возможные случаи скулшутинга, но мы можем посредством эффективных мер профилактики и обеспечения безопасности бороться с данным явлением.

Библиографический список

1. Сидорова Е. З. Принципы и значение уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 4. С. 423–432.
2. Суходольская Ю. В. Субкультуризация массового убийства в образовательных органи-

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации (официальный сайт) [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата доступа: 10.03.2022).

ях как новый российский криминологический феномен // Законность. 2020. № 10. С. 37–40.

Bibliographic list

1. Sidorova E. Z. Principles and significance of criminal policy in the sphere of crime prevention

in the educational environment // Siberian Legal Review. 2021. № 4. P. 423–432.

2. Sukhodolskaya Y. V. Subculturalization of mass murder in educational organizations as a new Russian criminological phenomenon // Legality. 2020. № 10. P. 37–40.

Информация об авторе

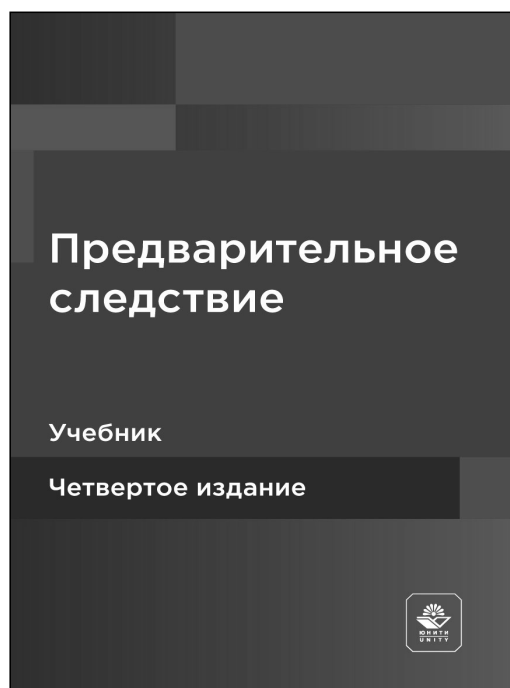
С. В. Бубнов — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. V. Bubnov — Associate Professor of the Department of administrative activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Предварительное следствие. Под ред. Д.А. Иванова, А.С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки "Юриспруденция", по специальности "Правовое обеспечение национальной безопасности", курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-46-51>

НИОН: 2003-0059-4/22-349

MOSURED: 77/27-003-2022-04-548

Административно-юрисдикционные полномочия полиции на водном транспорте: особенности и проблемы реализации

Александр Александрович Булавкин¹, Наталья Владимировна Малахова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ bulavkin_aleksan@mail.ru

² nv_malakhova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы деятельности полиции на водном транспорте, связанные с реализацией административно-юрисдикционных полномочий. В ходе исследования выявлены особенности юрисдикционной деятельности полиции на объектах водного транспорта и недостатки правового регулирования, затрудняющие ее реализацию.

Ключевые слова: полиция, административная юрисдикция, водный транспорт, транспортная безопасность, охрана общественного порядка, административное правонарушение

Для цитирования: Булавкин А. А., Малахова Н. В. Административно-юрисдикционные полномочия полиции на водном транспорте: особенности и проблемы реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 46–51. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-46-51>.

Original article

Administrative-jurisdictional powers of the police in water transport: features and problems of implementation

Alexander A. Bulavkin¹, Natalia V. Malakhova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ bulavkin_aleksan@mail.ru

² nv_malakhova@mail.ru

Abstract. The topical issues of police activities in water transport related to the implementation of administrative and jurisdictional powers are considered. The study revealed the features of the jurisdictional activities of the police at water transport facilities and the shortcomings of legal regulation that make it difficult to implement.

Keywords: police, administrative jurisdiction, water transport, transport security, public order, administrative offense

For citation: Bulavkin A. A., Malakhova N. V. Administrative-jurisdictional powers of the police in water transport: features and problems of implementation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):46–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-46-51>.

Деятельность полиции на объектах водного транспорта основывается на предписаниях действующего законодательства и подзаконных актов, а также международных стандартов и правил. Столь широкий спектр нормативной базы обусловлен тем, что содержательные особенности транспортного комплекса нашей страны требуют весьма насыщенной правовой основы, касающейся его эксплуатации, а также разно-

образных правовых, технических и организационных средств обеспечения его безопасного функционирования [6, с. 252], т. е. обеспечения транспортной безопасности. Транспортная безопасность, в свою очередь, представляет собой состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 г. № 16-ФЗ «О транс-

© Булавкин А. А., Малахова Н. В., 2022

портной безопасности») [1]. Таким образом, полиция, обеспечивая в рамках установленной компетенции «безопасность граждан и общественный порядок на ...транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах...» (подп. 5, п. 1 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2]), по сути своей, занимается обеспечением транспортной безопасности [5].

Следует отметить большой объем участков оперативного обслуживания и объектов, находящихся в ведении территориальных ОВД на водном транспорте, что, безусловно, усложняет несение службы по обеспечению транспортной безопасности. Так, например, протяженность участка оперативного обслуживания линейного отдела МВД России (далее — линорган) на водном транспорте УТ МВД России по ЦФО составляет 1034 км и проходит по акваториям рек Москва, Ока, Волга, Канала имени Москвы, расположенным на территории г. Москвы, Московской, Тверской, Тульской и Калужской областей. При этом в зоне оперативного обслуживания линоргана находятся:

- Московский Северный речной вокзал с прилегающими к нему привокзальной площадью и парком;
- 6 речных портов (АО «Северный порт», ОАО «Южный речной порт», АО «Порт Коломна», ООО «Порт Серпухов», ОАО «Тверской порт», ООО «Порт Кимры»);
- причалы, пристани;
- завод (АО «Хлебниковский машиностроительный и судоремонтный завод»);
- ПАО «Московское речное пароходство»;
- пассажирский и грузовой флот;
- 16 шлюзов, а также другие организации и предприятия водного транспорта по линии экономики.

Множественность объектов и большая протяженность зоны оперативного обслуживания определили организационную структуру ЛО МВД России на водном транспорте УТ МВД России по ЦФО, в которую входят: один линейных отдел полиции в порту «Северный», 4 линейных пункта в портах — «Южный», г. Серпухов, г. Коломна и на пристани «Серебряный бор» [8].

Одним из важнейших и широко применяемых средств охраны правопорядка линейными отделами полиции на водном транспорте является административная юрисдикция. Такое положение обусловлено тем, что в соответствии с законодательством охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются одними из важнейших задач, стоящих перед ОВД (полицией). Не преследуя дискуссионных целей в вопросе о сущности и содержании административной юрисдикции, отметим, что большинство ученых связывают административную юрис-

дикцию с производством по делам об административных правонарушениях [7, с. 199–200].

Надо сказать, что в подведомственности полиции находится широкий круг административных правонарушений, по которым сотрудники уполномочены возбуждать, рассматривать и налагать административные взыскания. Кроме того, указанными полномочиями обладает довольно значительный перечень должностных лиц, в том числе начальники (заместители) территориальных органов внутренних дел на транспорте. Также следует указать на такую особенность как участие в административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции, не обладающих полномочиями по рассмотрению дела об административном правонарушении и наложению взысканий. Так, сотрудники различных служб полиции выявляют и пресекают административные правонарушения, выясняют обстоятельства их совершения, выполняют иные процессуальные действия, обеспечивающие рассмотрение и разрешение дела полномочными должностными лицами другого подразделения органа внутренних дел, либо другого органа государственной власти.

Последняя особенность юрисдикционной деятельности отмечается и в работе полиции на водном транспорте. Это связано с тем, что линорганы в основном реализуют общие надзорные функции, в отличие от Государственной инспекцией по маломерным судам МЧС России, других контрольных и надзорных органов по вопросам, относящимся к безопасности плавания, соблюдению правопорядка, охране жизни людей и окружающей среды на водных объектах. Такая ситуация обусловила ограничение юрисдикционных полномочий в части рассмотрения некоторых дел об административных правонарушениях и принятия по ним решения. При этом линорганы осуществляют свои полномочия в тесном взаимодействии с ГИМС МЧС России, подразделениями Ространснадзора и др.

Например, по данным Санкт-Петербургского линейного отдела МВД России на водном транспорте в 2020 году из 394 выявленных правонарушений, по 194 из них материалы были зарегистрированы в КУСП и направлены для рассмотрения по подведомственности — ГИМС ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу, СЗ УГМРН Ространснадзора, Комитет по транспорту г. Санкт-Петербурга, капитану морского порта «Большой порт «Санкт-Петербург». При наличии оперативной возможности задержанные судоводители и плавательные средства непосредственно на месте нарушения передавались дежурному экипажу ГИМС. Об этом же свидетельствуют и данные по Центральному Федеральному округу (Таблица 1), указывающие на целый перечень выявленных административных правонарушений, не относящихся к подведомственности органов внутренних дел и линорганов на водном транспорте, в частности.

В то же время, в данном контексте, хотелось бы обратить внимание на то, что при осуществлении охраны общественного порядка линейными органами могут выявляться и пресекаться административные правонарушения, посягающие на различные общественные отношения, находящиеся в компетенции органов внутренних дел,

несмотря на, казалось бы, «узкую» функциональную направленность ОВДТ. В этом состоит еще одна особенность юрисдикционной деятельности линейных органов. Так, например, за 2021 год сотрудниками ЛО МВД России на ВТ УТ МВД России по ЦФО выявлено 1079 административных правонарушений (2020 г. — 599; + 80 %):

Таблица 1

<i>Виды административных правонарушений</i>	<i>2021 год Кол-во правонарушений</i>	<i>2020 год Кол-во правонарушений</i>
ст. 6.1.1 КоАП РФ (побой)	1	5
ст. 6.3 КоАП РФ (нарушение санитарных правил)	1	5
ст. 6.8 КоАП РФ (незаконное приобретение, хранение наркотических средств)	3	0
ст. 6.9 КоАП РФ (потребление наркотических средств)	11	10
ст. 6.16 КоАП РФ (нарушение правил оборота наркотических средств)	1	0
ст. 6.24 ч.1 КоАП РФ (нарушение запрета курения)	24	62
ст. 8.37 ч.2 КоАП РФ (нарушение правил рыболовства)	106	242
ст. 8.42 ч.1 КоАП РФ (нарушение режима осуществления хозяйственной и иной деятельности на берегу или водоохранной зоне)	73	88
ст. 11.15.1 КоАП РФ (нарушение требований в области транспортной безопасности)	17	6
ст. 11.17 КоАП РФ (нарушение правил поведения граждан на водном транспорте)	1	1
глава 14 КоАП РФ (нарушения в области предпринимательской деятельности)	5	5
ст. 18.8 КоАП РФ (нарушение иностранным гражданином режима пребывания в РФ)	17	6
ст. 18.10 КоАП РФ (в сфере миграции)	10	0
ст. 19.16 КоАП РФ (порча документа, удостоверяющего личность (паспорта), либо его утрата по небрежности)	2	6
ст. 20.1 КоАП РФ (хулиганство)	150	50
ст. 20.20 ч.1,2 КоАП РФ (распитие алкоголя в запрещенных местах) (потребление наркотических средств в общественных местах)	156	52
ст. 20.21 КоАП РФ (появление в общественных местах в состоянии опьянения)	12	9
ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы (нарушение «масочного режима»)	599	82

Представленный в Таблице 1 перечень правонарушений подтверждает вышеперечисленные особенности юрисдикционной деятельности полиции на водном транспорте.

Представляется необходимым, в рамках проводимого исследования, уделить особое внимание право-

нарушениям, совершаемым на водном транспорте. В КоАП РФ этому аспекту посвящены статьи 11.6–11.13. В то же время, непосредственно в подведомственности ОВДТ находится только лишь ст. 11.9. КоАП РФ «Управление судном судоводителем или иным лицом, находящимися в состоянии опьянения». При этом

рассматривать данное дело и принимать по нему решение уполномочены не только должностные лица полиции, но и представители Федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов; Федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный транспортный надзор; Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России. Такое положение дел связано с тем, что именно у указанных органов государственной власти имеются специальные надзорные полномочия в сфере пользования судами на водных объектах Российской Федерации. Органы внутренних дел в данном случае, как мы уже указывали, обладают лишь общими надзорными полномочиями. Так, в соответствии с п. 8 Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации [3] при плавании на маломерных судах запрещается управлять маломерным судном в состоянии опьянения. Судоводитель обязан выполнять требования должностных лиц Государственной инспекцией по маломерным судам МЧС России, других контрольных и надзорных органов по вопросам, относящимся к безопасности плавания, соблюдению правопорядка, охране жизни людей и окружающей среды на водных объектах (подп. «ж» п. 11 Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации) [3].

Тем не менее, при выявлении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 11.9 КоАП РФ должностные лица линейного отделения полиции на водном транспорте уполномочены возбуждать, рассматривать и принимать решения по данному делу (ч. 1 ст. 28.3, ч. 1 ст. 23.3, п. 2 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ; п. 1.5, п.1.5.1–1.5.10 Приказа МВД России от 30.08.2017 № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание»).

По своей сути, состав правонарушения, предусмотренного ст. 11.9 КоАП РФ, относится к латентному правонарушению. Сотрудникам полиции сложно, не остановив плавательное средство, определить, находится ли судоводитель в состоянии алкогольного опьянения. В свою очередь, как показывает практика, остановка плавательного средства может производиться в ограниченных случаях: либо для пресечения очевидного правонарушения, либо на основании поступившей и зарегистрированной информации о совершающемся правонарушении (преступлении). Также нормативными правовыми актами МВД России не предусмотрены специальные положения, предус-

матривающие возможность проведения профилактических мероприятий для выявления судоводителей, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения.

Важно отметить, что исходя из смысла гл. 23, 25, 27, 28 КоАП РФ, в целях квалификации административного правонарушения и сбора доказательств по делу должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административном правонарушении, применяет необходимые обеспечительные меры: отстранение от управления транспортным средством, задержание транспортного средства, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения либо направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лица, управляющего транспортным средством.

И здесь, несмотря на предоставление необходимых полномочий КоАП РФ, возникает проблема, связанная с отсутствием ведомственного нормативного правового акта, устанавливающего основания и алгоритм действий сотрудников при применении данных мер.

В большей степени это касается проведения медицинского освидетельствования судоводителей. У должностных лиц подразделений полиции на транспорте отсутствуют полномочия по проведению освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, управляющих транспортными (плавательными) средствами.

Это, по меньшей мере, удивительно, так как нормы гл. 27 КоАП РФ, а также п. 4 раздела II, п. 11 раздела III Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26.06.2008 № 475, а также подп. 1 п. 5 Приложения 1 к приказу Минздрава России от 18.12.2015 г. № 933н определяют порядок проведения указанных административных процедур, устанавливая круг должностных лиц, уполномоченных их производить, которыми являются должностные лица, обладающие правами государственного контроля и надзора за безопасностью движения и эксплуатации транспортных средств соответствующего вида (ГИБДД, ГИМС, ГМРН и т. п.). Но в этом перечне отсутствуют должностные лица ОВДТ, которые по сути своей обладают правами государственного контроля и надзора за безопасностью движения плавательных транспортных средств.

Исходя из вышесказанного, предлагаем меры по

совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации в данной области, которые состоят во внесении изменений в КоАП РФ, в части включения в перечень лиц, уполномоченных отстранять от управления транспортными средствами лиц с признаками опьянения, проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, направления на медицинское освидетельствование данных лиц, а также задержания транспортных (плавательных) средств должностных лиц подразделений полиции на транспорте.

Потребуется также внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти в сфере здравоохранения. Не менее важным аспектом, представляется необходимость разработки ведомственного регламента по выполнению указанных административных процедур, а также по освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения (на месте). В данный нормативный правовой акт должен войти не только подробный и исчерпывающий перечень административных процедур, осуществляемых сотрудниками полиции на водном транспорте, но и детальный порядок их исполнения. Разработка такого документа является насущной необходимостью, тем более, что для подразделений ГИБДД такой регламент разработан и успешно действует [4].

В продолжение вышеизложенного, с целью обеспечения охраны общественного порядка и выполнения возложенных на полицию задач видится целесообразным наделение должностных лиц органов внутренних дел правом составлять протоколы об административных правонарушениях, ответственность за совершение которых предусмотрена частями 1, 1.1, 2 статьи 11.7, статьями 11.8, 11.8.1 КоАП РФ, с соответствующим внесением изменений в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

Подводя итог проведенному исследованию, следует еще раз подчеркнуть, что полиция, осуществляя правоохрану, в том числе, реализуя юрисдикционные полномочия на объектах водного транспорта, обеспечивает транспортную безопасность, что также требует своего законодательного закрепления.

Список источников

1. Федеральный закон от 09.02.2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2022).
2. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021 г.) «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]:

Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2022).

3. Приказ МЧС России от 29.06.2005 г. № 502 «Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2022).
4. Приказ МВД России от 23.08.2017 г. № 664 (ред. от 21.12.2017 г.) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Булавкин А. А. Основные особенности и специфика организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта // В сборнике трудов V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко «Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности : теория и практика». Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 343–351.
6. Зиганшин М. М. Правовое регулирование обеспечения транспортной безопасности в деятельности полиции // «Российская юстиция», 2017, № 1.
7. Административная деятельность полиции : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардшевского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
8. <https://цфот.мвд.рф/>

References

1. Federal Law № 16-FZ of 09.02.2007 «On Transport security» // SPS «ConsultantPlus». [Electronic resource]: Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed: 31.03.2022).
2. Federal Law № 3-FZ dated 07.02.2011 (ed. dated 21.12.2021) «On the Police» // SPS «ConsultantPlus». [Electronic resource]: Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed:

- 21.03.2022).
3. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia № 502 dated 29.06.2005 «On approval of the Rules for the use of small vessels on water bodies of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». [Electronic resource]: Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed: 31.03.2022).
 4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 664 dated 23.08.2017 (ed. dated 21.12.2017) «On approval of the Administrative Regulations for the Execution by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function for the Implementation of Federal state supervision over compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety» // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource]: Access mode: <http://www.consultant.ru> (accessed: 21.03.2022).
 5. Bulavkin A. A. The main features and specifics of the organization of public order protection and public safety at railway, water and air transport facilities // In the proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Vasilyevich Denisenko «Administrative and legal regulation of law enforcement : theory and practice». Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. P. 343–351.
 6. Ziganshin M. M. Legal regulation of transport security in police activities // «Russian Justice», 2017, № 1.
 7. Administrative activity of the police : a textbook for university students studying in the field of training «Jurisprudence» / edited by O. V. Ziborov, V. V. Kardshevsky. M.: UNITY-DANA, 2021.
 8. <https://цфот.мвд.рф/>

Информация об авторах

А. А. Булавкин — заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук;

Н. В. Малахова — доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Bulavkin — Deputy Head of the Department of Administrative Activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences;

N. V. Malakhova — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of internal affairs bodies of the Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-52-57>

НИОН: 2003-0059-4/22-350

MOSURED: 77/27-003-2022-04-549

Следственно-оперативная характеристика преступлений экстремистской направленности

Василий Васильевич Бычков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, bychkov_vasilij@bk.ru

Аннотация. Анализируется элементный состав и соотношение характеристик преступления: криминологической, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминалистической, оперативно-разыскной. Формулируется необходимость введения в практику раскрытия и расследования преступлений следственно-оперативной характеристики с распределением ее элементов по блокам в соответствии с выполнением задач, поставленных перед лицами, осуществляющими раскрытие и расследование преступлений.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, раскрытие, расследование, криминологическая характеристика преступления, уголовно-правовая характеристика, уголовно-процессуальная характеристика, криминалистическая характеристика, оперативно-разыскная характеристика, следственно-оперативная характеристика

Для цитирования: Бычков В. В. Следственно-оперативная характеристика преступлений экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 52–57. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-52-57>.

Original article

Investigative and operational characteristics of extremist crimes

Vasily V. Bychkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
bychkov_vasilij@bk.ru

Abstract. The elemental composition and the ratio of the characteristics of the crime are analyzed: criminological, criminal-legal, criminal-procedural, criminalistic, operational-search. The necessity of introducing into the practice of disclosure and investigation of crimes of investigative and operational characteristics with the distribution of its elements into blocks in accordance with the fulfillment of the tasks assigned to persons engaged in the disclosure and investigation of crimes.

Keywords: extremism, extremist crimes, disclosure, investigation, criminological characteristic of the crime, criminal-legal characteristic, criminal procedural characteristic, forensic characteristic, operational-search characteristic, investigative and operational characteristic

For citation: Bychkov V. V. Investigative and operational characteristics of extremist crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):52–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-52-57>.

В Российской Федерации с начала XXI века фиксируется усиление экстремистских проявлений. С 2004 г. по 2017 г. количество преступлений экстремистской направленности увеличилось почти в 12 раз — со 130 до

© Бычков В. В., 2022

1521¹. В 2018 г. было отмечено некоторое снижение — до 1265 [см. подробно: 6], а в 2019 г. этот показатель еще больше сократился, в связи с декриминализацией впервые совершенных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, — до 585. Однако последние годы фиксируется тенденция увеличения количества этих преступлений: если в 2020 г. было зафиксировано 833 преступления, то в 2021 г. — уже 1057.

К сожалению, до настоящего времени противодействие данному виду преступлений, в том числе в форме их раскрытия и расследования, не достаточно эффективно, на что влияет и неполнота знаний о них, в частности, о совокупности их отличительных свойств друг от друга, то есть о их характеристиках.

В настоящее время характеристика преступлений в основном определяется с позиций: криминологии², уголовного права³, криминалистики⁴, уголовного процесса⁵, оперативно-разыскной деятельности⁶. Причем в рамках перечисленных наук изучаются одни и те же общественно опасные деяния и личности, причастные к их совершению. Однако каждая из специальных характеристик изучает преступные деяния и субъектов преступлений с целью выполнения «своих задач».

То есть, лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД) и расследующие преступления, как дознаватели, так и следователи при раскрытии и расследовании уголовно-наказуемых общественно опасных деяний обязаны знать характеристики: криминологическую, уголовно-правовую, криминалистическую и уголовно-процессуальную, а оперативники — еще и оперативно-разыскную. Хотя на практике познания дознавателей и следователей ограничиваются основными элементами уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической характеристик, а оперативников — оперативно-разыскной характеристикой.

Под криминологической характеристикой преступления понимается система сведений о причинах,

условиях, динамике, закономерностях, факторах и последствий преступлений определенного вида, а также свойств личности преступников, их совершающих.

Под уголовно-правовой характеристикой преступления понимается система сведений о признаках состава конкретного вида преступлений.

Криминалистическая характеристика преступления — совокупность криминалистически значимых сведений о преступлениях определенного вида, способствующих расследованию данного преступления.

Лица, осуществляющие ОРД, при раскрытии преступлений обязаны знать основные элементы оперативно-разыскной характеристики [17, с. 5], известную и как оперативно-тактическую [22] характеристику. Следует отметить, что практиками отдано предпочтение понятию «оперативно-разыскная характеристика», так как оно точнее отражает свое предназначение, сущность и связь с теорией оперативно-разыскной деятельности как отрасли научного знания [1, с. 311–349].

По мнению специалистов [напр., 5, с. 202], под оперативно-разыскной характеристикой необходимо понимать информацию о преступлениях определенного вида, на основании которой проявляется механизм их совершения, лица, их совершивших, возможно определить и осуществить определенные оперативно-разыскные мероприятия.

На основании изложенного, криминологическая характеристика преступления способствует определению причин и условий совершения преступления, в ходе уголовно-правовой характеристики разрешаются вопросы квалификации преступления, уголовно-процессуальная устанавливает особенности возбуждения уголовного дела и производства дознания и предварительного следствия с учетом статуса участников уголовного процесса и соблюдения их конституционных прав, криминалистическая и оперативно-разыскная — рассматривают обстоятельства совершения преступления, связанные с его расследованием и раскрытием соответственно.

Однако до настоящего времени не стихает полемика как среди ученых, так и практиков, не только о сущности и названии указанных характеристик, но и по элементному их составу.

К основным элементам криминологической характеристики преступления относятся [см. подробно: 12]:

- 1) причины его совершения;
- 2) условия, способствующие его совершению;
- 3) его динамика или состояние;
- 4) личность преступника;
- 5) личность его жертвы.

При этом в ходе изучения личности преступника и жертвы изучаются, в том числе, психологические и социально-демографические признаки.

Уголовно-правовая характеристика преступления состоит из следующих элементов [см. подробно: 7; 8; 9]:

¹ Здесь и далее информация с официального сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Dejatelnost/statistics>.

² Криминология (от лат. *crimen* — преступление и др.-греч. *λόγος* — учение) — социолого-правовая наука, которая изучает преступность, личность преступника, причины и условия преступности, пути и средства её предупреждения; наука о преступлении.

³ Уголовное право — отрасль права, регулирующая общественные отношения, связанные с совершением преступлений, назначением наказания и применением иных мер уголовно-правового характера.

⁴ Криминалистика (от лат. *criminalis* — преступный, относящийся к преступлению) — юридическая наука, исследующая закономерности приготовления, совершения и раскрытия преступлений, возникновения и существования его следов, собирания, исследования, оценки и использования доказательств; наука о следах преступления.

⁵ Уголовный процесс — это регламентированная законом деятельность участников уголовного судопроизводства.

⁶ Оперативно-разыскная деятельность — деятельность оперативных подразделений государственных органов, законодательно уполномоченных на проведение оперативно-разыскных мероприятий.

- 1) его объект;
- 2) его предмет;
- 3) потерпевший от преступления;
- 4) его объективная сторона;
- 5) его субъект;
- 6) его субъективная сторона.

На основании научных разработок [напр., 20, с. 6; 21; 19, с. 12] и следственной практики к элементам криминалистической характеристики преступления отнесены [см. подробно: 10; 11]:

- 1) его предмет (объект);
- 2) обстановка его совершения (место, время, обстоятельство);
- 3) способ подготовки к его совершению;
- 4) способ его совершения;
- 5) способ его сокрытия;
- 6) слеобразование;
- 7) личность преступника;
- 8) личность жертвы от преступления.

Обобщив мнение ученых и специалистов [18; 13; 23], можно назвать следующие основные элементы оперативно-разыскной характеристики преступления:

- 1) сведения о нем;
- 2) сведения о его предмете (объекте);
- 2) способ его совершения;
- 3) предметы, на которых имеются его следы;
- 4) документы, имеющие отношение к нему и преступнику;
- 5) лица, совершающие аналогичные преступления;
- 6) лица, в отношении которых совершаются аналогичные преступления;
- 7) лица, осведомленные о его событии и/или о преступнике, его соучастниках;
- 8) доступность для оперативного внедрения.

Из перечня оперативно-разыскной характеристики «чисто» оперативно-разыскным элементом является только «доступность для оперативного внедрения» [14, с. 155].

Следует отметить, что и ученые, и специалисты к «оперативной» относят элементы и уголовно-правовой, и криминалистической, и психологической, и социально-демографической характеристик [24].

Высказывалось мнение об оперативно-разыскной характеристики как о совокупности сведений о значимых признаках уголовно-правового, криминологического, криминалистического, психологического и оперативно-разыскного характера конкретного вида преступлений, где агентурно-оперативный элемент является связующим звеном, имеющим значение для определения приемов, средств и методов ОРД [3, с. 763].

Более того, по результатам исследований высказано мнение, что оперативно-разыскная характеристика не только не востребована и не нужна практическим работникам, но и вообще теоретической и практической значимости не имеет [14, с. 158].

По нашему мнению, отказ от оперативно-разыскной характеристики преждевременен, так же как и от криминалистической характеристики, хотя профессор Р. С. Белкин заявил, что: «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом!» [2, с. 217].

Не вооруженным глазом видно, что почти все элементы указанных характеристик соответствуют друг другу, хотя и называемые относительно выполняемой задачи. Например, обстоятельства совершения преступления и объективная сторона преступления, слеобразование и предмет, несущий следы преступления, субъект преступления и лицо, совершившее преступление, потерпевший от преступления и лицо, в отношении которого совершено преступление или жертва.

Следует согласиться с мнением ряда ученых, высказывающих сомнение в целесообразности узкой направленности указанных характеристик, так как их элементы не просто пересекаются, но дублируют друга. При этом субъекты раскрытия и расследования преступлений искусственно их разграничивают по одному лишь названию. Хотя решается общая задача по противодействию преступлений отдельного вида, в частности, и преступности, в общем.

Рядом ученых давно высказывается мнение об объединении перечисленных характеристик в одну, в частности, в социально-правовую [16] или криминальную [15, с. 38] характеристику преступлений.

Однако, по нашему мнению, определение «социально-правовая» не достаточно точно и ясно освещает проблему, так как содержащийся в определении термин «социум» обозначает все общество. Но рассматриваемые вопросы касаются только определенной, причем небольшой его части, а именно — криминальной. По второму определению усматривается тавтология², так как криминал — это и есть преступность.

Мы считаем, что преступление необходимо характеризовать с учетом задач, поставленных перед лицами, его раскрывающими и расследующими.

Таким образом, объединенную систему элементов, способствующих эффективному раскрытию и расследованию преступлений, предлагается обозначить как следственно-оперативную характеристику преступления. При этом определив ее структуру в виде блоков, содержащих не пересекающихся между

¹ Фантом (фр. fantôme < лат. phantasma < др.-греч. φάντασμα «явление; призрак») — образ чего-либо: душа человека, существо, предмет; обычно, из прошлого.

² Тавтология — риторическая фигура, представляющая собой необдуманное повторение одних и тех же (или однокоренных) или близких по смыслу слов, например, «масло масляное», «спросить вопрос».

собой элементы:

- 1) криминологический:
 - причины преступления;
 - условия преступления;
 - динамика преступления;
 - личность преступника (социально-демографические и психологические признаки);
 - личность потерпевшего (социально-демографические и психологические признаки).
- 2) уголовно-правовой (квалифицирующий):
 - объект преступления;
 - предмет преступления;
 - объективная сторона преступления;
 - субъект преступления;
 - субъективная сторона преступления.
- 3) уголовно-процессуальный:
 - обстоятельства, подлежащие доказыванию;
 - доказательства;
 - субъект раскрытия и расследования преступления
 - участники уголовного процесса;
- 4) криминалистический:
 - обстановка совершения преступления (место, время, обстоятельства);
 - способ подготовки к совершению преступления;
 - способ совершения преступления;
 - способ сокрытия преступления;
 - слепообразование.

Сведения о перечисленных элементах могут использовать не только дознаватели и следователи в ходе расследования преступлений, но и с не меньшей эффективностью оперативники при раскрытии преступлений в ходе оперативно-разыскной деятельности, в частности для планирования и реализации оперативно-разыскных мероприятий.

Список источников

1. Аتماжитов В. М., Васильев Н. Н., Харченко С. В. [и др.] Организация оперативно-разыскной деятельности : учебник. М., 2015.
2. Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики : монография. М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА•М), 2001. 240 с.
3. Белкин Р. С. Избранные труды. М. : Норма, 2008. 768 с.
4. Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 256 с.
5. Борин Б. В. Понятие, определение и значение оперативно-разыскной характеристики преступлений экономической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 202–205.
6. Бычков В. В. Динамика российского терроризма и экстремизма в XXI веке // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2018. № 3(21). С. 60–71.
7. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении (статья 205.6 УК РФ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 50–54.
8. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.
9. Бычков В. В. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (статьи 207.1 и 207.2 УК РФ) : уголовно-правовая характеристика и сравнительный анализ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 80–84.
10. Бычков В. В. Криминалистическая характеристика причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности при нападении собаки // Российский следователь. 2014. № 22. С. 6–11.
11. Бычков В. В. Жертва сексуального насилия как элемент криминалистической характеристики половых преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 4. С. 79–84.
12. Бычков В. В. Криминологические особенности проявления бандитизма в Российской Федерации // Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел. 2013. № 1(65). С. 267–274.
13. Демин Ю. В. Оперативно-разыскная характеристика краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Российский следователь. 2021. № 2. С. 61–65.
14. Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-разыскная деятельность в XXI веке. М. : Норма, 2019. 400 с.
15. Козлов В. Ф. К вопросу о соотношении уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 35–38.
16. Кустов А. М. Криминалистическая или социально-правовая характеристика преступлений как ориентир в борьбе с преступностью // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина

- в становлении современной криминалистики : материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). М. : Академия управления МВД России, 2002. С. 220–224.
17. Ларичев В. Д. Роль и значение оперативно-розыскной характеристики // Оперативно-розыскная характеристика преступлений : понятие, сущность и содержание : материалы «круглого стола». М., ВНИИ МВД России, 2008.
 18. Ларичев В. Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 2(44). С. 179–187.
 19. Облаков А. А., Облаков А. Ф. Предпосылки возникновения и развития криминалистической характеристики преступлений как составного элемента криминалистической методики // Российский следователь. 2016. № 13. С. 7–12.
 20. Самойлов А. В. Современное состояние учения о криминалистической характеристике преступлений // Российский следователь. 2010. № 22. С. 5–6.
 21. Скориков Д. Г., Шувалов Н. В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 149–153.
 22. Харченко С. В. Особенности оперативно-розыскной характеристики преступлений, совершаемых в сфере автобизнеса // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 1. С. 120–123.
 23. Шойжилцыренов Б. Б., Ступницкий А. Е. Проблемные вопросы структурных элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений // Российский следователь. 2009. № 14. С. 22–25.
 24. Оперативно-розыскная характеристика преступлений как основа методических рекомендаций по раскрытию преступлений. URL: <https://www.alldetectives.ru/ord>.
 3. Belkin R. S. Selected works. М. : Norma, 2008. 768 p.
 4. Bessonov A. A. Fundamentals of criminalistic teaching on the study and use of criminalistic characteristics of crimes : monograph. М. : Yurlitinform, 2016. 256 p.
 5. Borin B. V. The concept, definition and meaning of operational-investigative characteristics of economic crimes // Gaps in Russian legislation. 2014. № 1. P. 202–205.
 6. Bychkov V. V. Dynamics of Russian terrorism and extremism in the XXI century // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2018. № 3(21). P. 60–71.
 7. Bychkov V. V. Criminal-legal characteristics of failure to report a crime (Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2019. № 2. P. 50–54.
 8. Bychkov V. V. Criminal-legal characteristics of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2019. № 3. P. 26–31.
 9. Bychkov V. V. Public dissemination of deliberately false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens, and socially significant information that entailed grave consequences (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) : criminal-legal characteristics and comparative analysis // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. № 2. P. 80–84.
 10. Bychkov V. V. Criminalistic characteristics of causing serious harm to health by negligence during a dog attack // A Russian investigator. 2014. № 22. P. 6–11.
 11. Bychkov V. V. Victim of sexual violence as an element of criminalistic characteristics of sexual crimes // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2016. № 4. P. 79–84.
 12. Bychkov V. V. Criminological features of the manifestation of banditry in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs. 2013. № 1(65). P. 267–274.
 13. Demin Yu. V. Operational-investigative characteristics of thefts committed from a bank account, as well as in relation to electronic funds // Russian investigator. 2021. № 2. P. 61–65.
 14. Zakhartsev S. I., Ignashchenkov Yu. Yu., Salnikov V. P. Operational investigative activity in the XXI

References

1. Atmazhitov V. M., Vasiliev N. N., Kharchenko S. V. [et al.] Organization of operational investigative activities : textbook. М., 2015.
2. Belkin R. S. Criminalistics : problems of today. Topical issues of Russian criminalistics : monograph. М. : Publishing house NORMA (Publishing group NORMA-INFRA•M), 2001. 240 p.

- century. M. : Norm, 2019. 400 p.
15. Kozlov V. F. On the question of the correlation of criminal law, criminological and criminalistic characteristics of a crime // *Forensic expert*. 2012. № 2. P. 35–38.
 16. Kustov A.M. Criminalistic or socio-legal characteristics of crimes as a guideline in the fight against crime // *The role and significance of R. S. Belkin's activity in the formation of modern criminalistics : materials of the International Scientific Conference (to the 80th anniversary of the birth of R. S. Belkin)*. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. P. 220–224.
 17. Larichev V. D. The role and significance of operational-investigative characteristics // *Operational-investigative characteristics of crimes: concept, essence and content: materials of the «round table»*. Moscow, VNII MIA of Russia, 2008.
 18. Larichev V. D. The content of operational-investigative characteristics of crimes in the sphere of economics // *Society and law*. 2013. № 2(44). P. 179–187.
 19. Clouds A. A., Clouds A. F. Prerequisites for the emergence and development of criminalistic characteristics of crimes as an integral element of criminalistic methodology // *Russian investigator*. 2016. № 13. P. 7–12.
 20. Samoilov A.V. The current state of the doctrine of criminalistic characteristics of crimes // *Russian investigator*. 2010. № 22. P. 5–6.
 21. Skorikov D. G., Shuvalov N. V. The identity of the criminal and the identity of the victim as interrelated elements of the criminalistic characteristics of extremist crimes // *Legal science and law enforcement practices*. 2016. № 2 (36). P. 149–153.
 22. Kharchenko S. V. Features of operational-investigative characteristics of crimes committed in the field of automobile business // *Education. The science. Scientific personnel*. 2015. № 1. P. 120–123.
 23. Shoizhiltzyrenov B. B., Stupnitskiy A. E. Problematic issues of structural elements of operational-investigative characteristics of crimes // *Russian investigator*. 2009. № 14. P. 22–25.
 24. Operational-investigative characteristics of crimes as the basis of methodological recommendations for the disclosure of crimes. URL: <https://www.alldetectives.ru/ord>.

Информация об авторе

В. В. Бычков — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Bychkov — Dean of the Faculty of excellence of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 340.1:34.03

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-58-62>

НИОН: 2003-0059-4/22-351

MOSURED: 77/27-003-2022-04-550

К вопросу о монополизации государством насилия в современном обществе

Алла Александровна Васечко¹, Константин Станиславович Щелоков²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ vasechkoa@yandex.ru

² kon-bureocrat@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено понятие насилия, которое сегодня имеет явный негативный эмоционально-нравственный оттенок. В большинстве философской, религиозной и этической литературе насилие считается злом. Многочисленные международные и внутригосударственные правовые акты направлены на ограничение насильственных актов. В статье поднимается вопрос природы насилия, а также проводится разграничение понятий насилия и принуждения. Правомерные или легализованные виды принуждения, направленные на стабилизацию общественных отношений и обеспечение безопасности, восстановление социальной справедливости и являющиеся исключительно прерогативой государства, нельзя считать насильственными мерами.

Ключевые слова: насилие, агрессия, эгоизм, принуждение, легализованное принуждение, принцип талиона, необходимая оборона

Для цитирования: Васечко А. А., Щелоков К. С. К вопросу о монополизации государством насилия в современном обществе // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 58–62. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-58-62>.

Original article

To the issue of violence monopolization by state in the modern society

Alla A. Vasechko¹, Konstantin S. Shchelokov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ vasechkoa@yandex.ru

² kon-bureocrat@yandex.ru

Abstract. The concept of violence today has a clear negative emotional and moral connotation. In most philosophical, religious and ethical literature, violence is considered evil. Numerous international and domestic legal acts are aimed at limiting violent acts. The article raises the question of the nature of violence, as well as differentiates the concepts of violence and coercion. Legitimate or legalized types of coercion aimed at stabilizing public relations and ensuring security, restoring social justice and being exclusively the prerogative of the State cannot be considered violent measures.

Keywords: violence, aggression, egoism, coercion, legalized coercion, talion principle, justifiable defence

For citation: Vasechko A. A., Shchelokov K. S. To the issue of violence monopolization by state in the modern society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):58–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-58-62>.

Вопросы насилия и права на насилие в современном обществе встают достаточно остро. С одной стороны, происходит общая гуманизация и последовательное утверждение антинасильственных ориентиров общества. Так в прошлом осталось рабство и насильственные методы принуждения к труду, ликви-

дированы членовредительские наказания и квалифицированные виды смертной казни, связанные с причинением значительной боли и страданий, исчезли наказания для учащихся в образовательных учреждениях. Создаются механизмы, защищающие права детей в семьях от насилия взрослых, обсуждаются вопросы ограничения насилия в отношении животных. Вместе с тем последнее столетие ознаменовалось невероятным всплеском немотивированного насилия, исключительного в своей жестокости. Концентрационные лагеря и газовые камеры фашистской Германии, стёртые с лица земли ядерным ударом города в уже побежденной в войне Японии, террористические атаки на небоскребы с использованием самолетов, расстрелы десятков учеников в школах, не поддающиеся объяснению, список можно продолжать...

Понятие насилия многозначно. В частности, под насилием понимается, во-первых, применение физической силы к кому-нибудь, во-вторых, принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности, в-третьих, притеснение, беззаконие [1]. Таким образом, насилие существует в различных формах — в физической, психической, сексуальной, эмоциональной, экономической, политической и других.

Множество споров о природе человеческого насилия породили различные точки зрения. Так, например, представители направления «инстинктивизма», причину насилия видят в природной склонности человека к агрессии. Рассуждая с этих позиций, врожденная агрессия человека, заложенная в нем как генетическая программа самосохранения, является корнем существующего насилия. Природные программы во всем животном мире и в человеке подталкивают особь к самосохранению... [2, с. 128]. З. Фрейд в своей работе «Я и Оно» утверждает, что одержимость жаждой разрушения коренится в инстинктивной природе каждого человека и диалектически противопоставляется стремлению к созиданию, порядку и креативности [3].

Бихевиоризм и близкие концепции придерживаются противоположной точки зрения. Представители данных направлений утверждают, что человеческие поступки происходят под воздействием окружающей среды, социальных и культурных факторов. Человеческая агрессия также исключительно приобретаемое качество.

Глубокое и обстоятельное исследование феномена человеческого насилия дал Э. Фромм в произведении «Анатомия человеческой деструктивности». По мысли автора, следует разделять доброкачественную и злокачественную агрессии. Под первым видом агрессии исследователь подразумевал агрессию, оправдан-

ную с общественной и культурной точек зрения, а под второй — деструктивное стремление причинить боль окружающим ради собственного удовлетворения. Наиболее угрожающим и разрушающим человека и общество фактором является «злокачественная» (деструктивная) агрессия. «В отличие от животных человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению и вне связи с удовлетворением потребностей», — писал Э. Фромм [4, с. 127–128].

По словам Гилянского Я. И., агрессивность в мире животных инструментальна, не превращается в самоцель, внутривидовая агрессия в животном мире, как правило, не приводит к гибели соперника [5, с. 8]. Природа насильственного акта обуславливается, в том числе, и биологической природой человека, которому, так или иначе, свойственна определенная степень агрессии и эгоизма. [6, с. 9]. Однако в отличие от животного мира в человеческом обществе, как субъектом, так и объектом агрессии, является сам человек, а значит, последнему свойственна внутривидовая борьба, направленная на истребление друг друга. В свете сказанного есть основания утверждать, что источником насилия является человек как социальное существо, а само насилие имеет социальную природу. На биологическую основу с течением времени в ходе социализации накладывается культурная программа [2, с. 128] в форме моральных, религиозных, правовых норм, которые выступают своеобразным сдерживающим социальным фактором. Пожалуй, что данная система сдержек безотказно действует лишь в идеальном обществе и во многом зависит от личностных качеств человека. Одной из базовых мотивационно-смысловых характеристик личности является эгоизм. Так, эгоизм — «себялюбие, предпочтение своих, личных интересов интересам других, пренебрежение к интересам общества и других» [1] З. Фрейд рассматривал эгоизм как сущность человеческой природы и главный принцип человеческих отношений [7, с. 8].

Многие философы и правоведы настаивают на мысли о том, что государство и насилие — понятия неразрывно связанные между собой. В трудах Э. Дюринга, Л. Гумпловича, К. Каутского и других эта связь обосновывается насильственной теорией происхождения государства. Фактор насилия в процессе государствообразования, выражающийся в отношениях власти и подчинения, — ключевой элемент теории насилия... [8, с. 71].

Согласно другой теории природная агрессия человека, необузданный человеческий эгоизм порождает беспрестанное всеобщее соперничество, социальный хаос, состояние «войны всех против всех», когда каждому дозволено делать что угодно и по отношению к

кому угодно, владеть пользоваться всем, что он хотел и мог [9, с. 109]. В ситуации возможного полного истощения человеческого рода единственной силой, способной обуздать эгоистические страсти и обезопасить человека, оказывается государство. Теория общественного договора преподносится как одна из ведущих концепций происхождения государства в справочной, учебной и даже научной литературе. Согласно данной концепции посредством договора, заключаемым между людьми и государством, последнему передается ряд прав в целях защиты человеческого рода. При этом принудительные меры становятся инструментом обеспечения безопасности.

Возникает вопрос о соотношении понятий «насилие» и «принуждение». Принуждение возникает там и тогда, где и когда возникает господство одной воли над другой. Принуждение является более широким понятием, и помимо насилия включает и правомерные виды, так называемые, патерналистское и правовое принуждение. Эти виды принуждения являются «легализованными» и предполагают, в первом случае, господство отеческой зрелой воли над незрелой волей до момента достижения зрелости, своего рода заботу, а, во втором случае, в качестве источника принудительных мер предварительную договоренность и согласие тех, против кого оно направлено, для достижения общих благих целей всего сообщества. Насилие же понимается как некое внешнее принуждение, представляющее угрозу жизни и здоровью индивида или группы индивидов. Отличительной чертой любой формы насилия является принципиальное несогласие тех, против кого оно направлено, поскольку ущемляет их права, интересы и цели.

Независимо от того, какую концепцию брать за основную в вопросе возникновения государства, нельзя не признать того факта, что принуждение используется государством в целях поддержания стабильности. Государство, возникнув как объективированное воплощение общественной публичности, начинает монополизировать институт насилия в обществе.

Рассмотрим данный процесс на примере эволюции институтов уголовной ответственности, самообороны и домашней власти хозяина-отца семейства. Ярким проявлением насилия в жизни традиционного общества в правовой сфере являлась реализация «принципа талиона». Принцип талиона «око за око, зуб за зуб», представлял собой механизм восстановления справедливости, поддержания упорядоченности общественных отношений и предупреждения совершения преступлений в условиях родового общества.

До того момента, как государство стало брать под контроль правоохранительную и судебную функ-

цию в обществе, «принцип талиона» являлся, с одной стороны, довольно эффективным регулятором общественных отношений, а с другой — механизмом сдерживания насилия в обществе [10].

Однако такой механизм привлечения к уголовной ответственности изобилует серьезными недостатками. Во-первых, феномен подобного восстановления справедливости, особенно в его крайней зеркальной форме, по сути, приводит к удваиванию насилия. Вместо одного убийства или нападения, увечья становилось два. Во-вторых, деперсонализация субъекта ответственности и, как следствие, насилия. Ответственность за представителя рода несла вся община в целом. Это, особенно ярко проявлялось в таких посягательствах как изнасилование, где объектом восстановления справедливости могла быть совершенно посторонняя женщина, связанная лишь тем, что являлась родственницей насильника. В-третьих, субъективизация оценки общиной характера и размера понесенного ущерба и достаточных мер и средств для восстановления справедливости приводила зачастую к эскалации насилия. Однажды начавшись, вендетты могли длиться десятилетиями, что выражалось в длительной и кровопролитной вражде и насилии.

Все эти недостатки института талиона стали основанием для того, чтобы государство стало брать механизм поддержания правопорядка, установления юридической ответственности и назначения наказания под свой контроль. Возникли государственные правоохранительные органы, были упорядочены юридические процедуры уголовного процесса и судопроизводства, были сформированы независимые судебные органы. Представители государства стали обладать монополией для применения насилия в этой сфере.

В основании института самообороны раннего государственного образования лежал традиционный принцип в классическом виде сформулированный римскими юристами «*Vim vi repellere licet*» — насилие дозволяется отражать силой. Это означало, что для отражения нападения допускается применять любые средства. Это долгое время было бесспорным утверждением, ведь нападающий использовал насилие первым. В некоторых штатах США до сих пор действует положение, когда при вторжении на частную собственность хозяин может застрелить вторгающегося. Однако, на современном этапе, этот институт порождает целый комплекс правовых нюансов о соразмерности защиты нападению. Ведь, при превышении пределов необходимой обороны лицо также несет уголовную ответственность. К тому же сам процесс активной самообороны увеличивает угрозу для здоровья обороняющегося и усиливает эскалацию насилия.

Судебная практика изобилует резонансными историями об уголовной ответственности для защищающихся, которые превысили степень насилия по сравнению с посягательством. Таким образом, государственные институты в лице правоохранительных и судебных органов, крайне редко занимают позицию по безусловному оправданию для защищающегося, а учитывают характер и размер ответных насильственных действий и строго следят за превышением пределов. Тем самым государственная политика заключается в деэскалации и минимизации насилия в современном обществе.

Современный городской обыватель, в отличие от представителей благородных сословий прошлого не носит холодного или огнестрельного оружия и, в значительно меньшей степени, готов «за себя постоять». Культура традиционного общества требовала от мужчины быть воином и защитником себя и своей семьи. В настоящее время помещения и уличное пространство все больше оснащаются средствами видеofиксации, и у каждого есть смартфон с камерой. В таких условиях, более грамотным становится не предпринимать усилия самому для самообороны в момент посягательства, а постараться минимизировать вред, и доверить эту защиту государству, и его специализированным органам, впоследствии, привлекая к ответственности посягателя.

Право отца семейства в применении насилия в отношении своих домочадцев, жены и не отделившихся детей в традиционном обществе не подвергалось сомнению. Отец активно «воспитывал» своих детей и жену через побои и истязания. Он мог быть подвергнут ответственности лишь за причинение смерти или тяжелых увечий своих домочадцев. Насилие мужчины, — отца семейства в отношении жены даже романтизировалось: «бьет — значит, любит», то есть испытывает эмоции и чувства, а не безразличие и апатию. «Мужу, что жену бьет, Бог подает» — мужчина бьющий свою жену, успешный и ему благоприятствует Бог и сопутствует удача, таких пословиц и поговорок можно найти немало в каждой традиционной культуре.

В настоящее время проблема «домашнего насилия» является довольно обсуждаемой в России. Звучат идеи о необходимости принятия специализированного нормативного акта, детально регулирующего данную сферу, чтобы соответствовать международным правовым и культурным стандартам. Однако следует признать, что все необходимое уголовное законодательство для этого есть. Постепенное введение института ювенальной юстиции призвано защитить детей от актов домашнего насилия. В ходе этой работы трансформируется как отношение государственных

социальных работников: учителей в школах и детсадах, инспекторов ПДН, сотрудников органа опеки и попечительства, так и всех равнодушных граждан, соседей, которые не должны проходить мимо актов насилия в отношении детей.

Таким образом, во всех этих сферах мы наблюдаем то, как государственные институты, действуя в интересах упорядочивания общественной отношений, постепенно вытесняют проявления насилия во всех сферах общественной жизни, последовательно монополизируя насилие в своих руках. При этом насилие рассматривается государством как проявление человеческой энтропии, хаоса, нестабильности, в то время как общественные институты — мораль и право — это продукты порядка и человеческой определенности.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/119046>.
2. Овчинников О. В., Деменев А. Г. Философия насилия : взаимодействие социального и биологического // Вестник Северного (арктического) федерального университета. 2019. № 1.
3. Фрейд З. Я и Оно. М., 2019. 160 с.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004.
5. Гилинский Я. И. Социальное насилие. СПб, 2013.
6. Васечко А. А. Щелоков К. С. От насилия к легализованному произволу // Вестник Московского Университета МВД России. 2017. № 4.
7. Ершова Р. В., Омельчанко Е. В. Эгоизм : врожденное или приобретенное? // Вестник РУДН. 2015. № 3.
8. Амиров Р. З. К вопросу о монополии государства на применение насилия // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1.
9. Рувинский Р. З. Дилемма государственности и новая война всех против всех // Полития. 2013. № 2.
10. Федотов А. Г., Никитина Э. В. Место и роль принципа талиона в отечественной уголовно-правовой доктрине // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1. С. 157–162.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Dictionary of the Russian language. [Electronic resource]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/119046>.

2. Ovchinnikov O. V., Demenev A. G. Philosophy of violence: interaction of social and biological // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. 2019. № 1.
3. Freud Z. I and It. M., 2019. 160 p.
4. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. M., 2004.
5. Gilinsky Ya. I. Social violence. St. Petersburg, 2013.
6. Vasechko A. A. Shchelokov K. S. From violence to legalized arbitrariness // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4.
7. Ershova R. V., Omelchanko E. V. Egoism: innate or acquired? // Bulletin of the RUDN. 2015. № 3.
8. Amirov R. Z. On the issue of the monopoly of the state on the use of violence // Gaps in Russian legislation. 2015. № 1.
9. Ruvinsky R. Z. The dilemma of statehood and the new war of all against all // Politiya. 2013. № 2.
10. Fedotov A. G., Nikitina E. V. The place and role of the Talion principle in the domestic criminal law doctrine // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. № 1. P. 157–162.

Информация об авторах

А. А. Васечко — доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

К. С. Щелоков — старший преподаватель кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Vasechko — Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

K. S. Shchelokov — Senior Teacher of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-63-67>

НИОН: 2003-0059-4/22-352

MOSURED: 77/27-003-2022-04-551

Сравнительно-правовой анализ института возвращения прокурором уголовного дела следователю по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран

Александр Иванович Гаевой¹, Лилия Рамилевна Муллагалеева², Светлана Анатольевна Вецкая³

¹ Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

³ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

Аннотация. Изучается российское и зарубежное законодательство, регламентирующее процессуальный институт возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования. На основе анализа законодательства ряда зарубежных стран выявлены прогрессивные тенденции исследуемого института, которые могут быть успешно имплементированы в отечественное законодательство. В заключение сделан вывод о том, что действующий в Российской Федерации институт возвращения уголовного дела для дополнительного следствия имеет как положительные черты, так и нормы, требующие доработки. Зарубежный опыт предусматривает устранение недостатков следствия в ходе судебного заседания, что в свою очередь приводит к не затягиванию сроков следствия и соблюдения принципа разумного срока.

Ключевые слова: досудебное производство, принципы уголовного судопроизводства, предварительное расследование, прокурор, следователь, уголовное дело, сроки предварительного расследования

Для цитирования: Гаевой А. И., Муллагалеева Л. Р., Вецкая С. А. Сравнительно-правовой анализ института возвращения прокурором уголовного дела следователю по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 63–67. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-63-67>.

Original article

Comparative legal analysis of the institute of returning by a prosecutor of a criminal case to investigator under legislation of the Russian Federation and foreign countries

Alexander I. Gaevoy¹, Lilia R. Mullagaleeva², Svetlana A. Vetskaya³

¹ North Caucasian Branch Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Abstract. Russian and foreign legislation governing the procedural institution of a prosecutor returning a criminal case to an investigator for additional investigation have been studied. On the basis of an analysis of the legislation of a number of foreign countries, progressive tendencies of the institution under study have been identified, which can be successfully implemented into domestic legislation. In conclusion, it is concluded that the institution of the return of a criminal case for additional investigation operating in the Russian Federation has both positive features and norms that require revision. Foreign experience provides for the elimination of the shortcomings of the investigation during the trial, which in turn leads to not delaying the time frame for the investigation and adherence to the principle of a reasonable time frame for criminal proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, principles of criminal proceedings, preliminary investigation, prosecutor, investigator, criminal case, terms of preliminary investigation

For citation: Gaevoy A. I., Mullagaleeva L. R., Vetskaya S. A. Comparative legal analysis of the institute of returning by a prosecutor of a criminal case to investigator under legislation of the Russian Federation and foreign countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):63–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-63-67>.

© Гаевой А. И., Муллагалеева Л. Р., Вецкая С. А., 2022

Изучение института возвращения прокурором уголовного дела следователю по уголовно-процессуальному законодательству ряда стран позволяет сравнить данный институт с отечественным, установить его степень разработанности как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах, а также выявить прогрессивные тенденции исследуемого института, которые могут быть успешно имплементированы в отечественное законодательство.

Прокуратуре отведено особое место в осуществлении надзора за органами следствия не только в Российской Федерации, но и в зарубежных странах, что следует из многочисленных международных правовых актов.

Как следует из Конституции Литовской Республики и Закона о прокуратуре от 13.10.1994 г., прокуратура является государственным учреждением, которое способствует обеспечению законности и содействует судам в осуществлении правосудия. К функциям прокуратуры относится контроль деятельности органов предварительного следствия [1, с. 118–119].

Расследование по уголовным делам в Корее проводят органы полиции, но полномочия и ответственность за уголовное расследование возложено только на прокуроров. Так как расследование может быть завершено только прокурором, все дела, расследованные полицией, должны передаваться прокурорам для принятия ими окончательного решения. Как только дело передается прокурорам, они проводят тщательную проверку в отношении адекватности расследования дела полицией в отношении того, все ли относящиеся к делу законы и правила ведения должного процесса были соблюдены. Если нет — полиции отдается приказ провести новое расследование дела или прокуроры сами проводят расследование, чтобы исправить допущенные огрехи [1, с. 118–119].

В УПК Кыргызской Республики институт возвращения уголовного дела для восполнения пробелов следствия в большей степени схож с аналогичным отечественным институтом, но согласно уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики право возвращать уголовное дело имеет только прокурор и суд, а руководитель следственного органа не наделен указанным правом. Для повышения уровня персональной ответственности за качество следствия М. А. Термечиков предлагает дополнить полномочия руководителя следственного подразделения [2, с. 95].

Законодательство Кыргызской Республики предусматривает фактически только производство следственных действий без учета иных процессуальных действий, в производстве которых возникает необходимость при дополнительном следствии (ч. 2 ст. 253 УПК Кыргызской Республики) [3].

Заслуживает внимание также и порядок возвращения уголовного дела для доследования в Социалисти-

ческой Республике Вьетнам (далее — СРВ).

По мнению Май Дак Биен, в СРВ по сравнению с Россией, прокурор обладает значительно большими полномочиями в регулировании уголовно-процессуальной деятельности следователя [4, с. 112].

На наш взгляд большой процент уголовных дел, возвращенных прокурором следователю, обусловлен тотальным контролем прокурора за предварительным следствием.

Несмотря на исключительно властные правоотношения прокурора и следователя, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством СРВ, прокурор принимает решение о возвращении дел в следственные органы в случаях, если:

- важных доказательств по делу недостаточно;
- имеются основания для возбуждения уголовного дела в отношении обвиняемого по другим правонарушениям или есть другие сообщники;
- имеют место серьезные нарушения уголовно-процессуального законодательства [5].

Таким образом, уголовно-процессуальный кодекс СРВ предусматривает возвращение уголовного дела при серьезных или существенных нарушениях уголовно-процессуального законодательства. УПК СРВ содержит достаточно подробные положения о возвращении прокурором уголовного дела следователю, указывая основания для такого возвращения.

Необходимо отметить и отличный от российского институт возвращения уголовного дела прокурором в Республике Армения. Так, в УПК Республики Армении предусмотрена норма, отражающая 12 вопросов, разрешаемых прокурором по делу, поступившему с обвинительным заключением [6]. Проведенный анализ, показал, что вышеуказанная норма перенята из УПК РСФСР 1960 года. При сравнении двух нормативных правовых актов установлено, что отрицательные ответы прокурором на данные вопросы влекут возвращение им уголовного дела следователю, несмотря на то, что вопросы близки по смыслу, а различаются лишь порядком расположения в статье.

По нашему мнению, в Российской Федерации по сравнению с зарубежными странами более выражена система сдержек и противовесов. В отечественном уголовном процессе функции надзора и уголовного преследования отчетливо разграничены между прокурором и следователем. Следователь, являясь самостоятельным должностным лицом, в ходе производства дополнительного следствия устанавливает, имеются ли действительно основания для принятия подобных решений, после чего принимает соответствующие решения, а прокурор проверяет их в порядке надзора.

Анализ института возвращения уголовного дела прокурором и судом для производства дополнительного следствия ряда зарубежных стран показал, что, например, в ФРГ и в Великобритании предусмотрен

порядок восполнения пробелов следствия в судебных заседаниях при рассмотрении уголовных дел по существу без возвращения уголовного дела для дополнительного следствия [7, с. 95].

По этом поводу К. А. Трифонова утверждает, что если для постановления приговора не хватает доказательств, то по ходатайству сторон суд может остановить производство по делу на срок до одного месяца, который в последующем может быть продлен до двух месяцев, для организации государственному обвинителю дополнительных следственных действий [8, с. 68].

Уголовно-процессуальное законодательство Германии предусматривает дополнительное соби́рание доказательств в ходе судебного заседания для восполнения пробелов следствия. Так, в соответствии со ст. 202 УПК Федеративной Республики Германии (далее — ФРГ) перед принятием решения об открытии судебного разбирательства суд может для лучшего разъяснения обстоятельств дела предписать дополнительное соби́рание доказательств [9].

На практике возникает некое затруднение, связанное с тем, на кого возложить исполнение такого решения. При этом П. К. Барабанов уточняет, что невозможно его поручить следственному судье, так как тот проводит следственные действия только по ходатайству прокуратуры, а та теряет такое свое право с момента возбуждения обвинения, то есть направления обвинительного акта в суд. Таким образом, применимы положения ст. 223 УПК ФРГ, то есть поручение допроса одному из судей этого же или другого суда [10, с. 224–225].

Заслуживает внимания и прецедентное право Великобритании, где предусмотрено устранение недостатков, в том числе так называемых «непоправимых дефектов» следствия в судебной стадии без возвращения уголовного дела к производству дополнительного следствия.

Ст. 123 Закона о магистратских судах 1980 года вводит ограничения на обжалования решений об обвинении, потому ошибки, допущенные в документах об его выдвижении, могут быть проигнорированы или исправлены. Прецедентным правом Англии и Уэльса такие дефекты делятся с этой целью на три категории.

1. Незначительные дефекты. Они не требуют исправления и состоят в орфографических или иных несущественных ошибках, которые не способны ввести в заблуждение (например, в деле *RvSandwellJustices v West Midlands Passenger Transport Executive* (1979), обвинение утверждало, что была дефектна шина сзади слева, а фактически это имело место у переднего правого колеса, но осуждение по неисправленному обвинению было поддержано.

2. Дефекты, требующие исправления. Могут быть ситуации, когда обвинение утверждает преступление

по статье закона, которая заменена в той же редакции в другом, более позднем законе или допущена неточность относительно даты совершения предполагаемого преступления. Так по делу *WrightNicholson* (1970) такое исправление было разрешено обвинению, несмотря на то, что обвиняемый имел алиби для первоначально предполагаемой даты. В таком случае, как и в ситуациях, если обвиняемый был введен в заблуждение ошибкой, суд должен исправить это, предоставив перерыв для подготовки защиты дела с учетом поправки.

3. Непоправимые дефекты. Есть фундаментальные ошибки, которые не могут быть исправлены. Это относится к случаям, когда в обвинении назван другой человек — не тот, кого желали привлечь. Единственное средство для этого по суммарным преступлениям — остановить обвинение и начать новый процесс, если не истек 6-месячный срок привлечения к ответственности. Строгость этого подхода в Англии и в Уэльсе можно показать на примере дела *RvSainsburyv Plymouth Magistrates Court* (2006), где обвинение в нарушении законодательства о безопасности пищевых продуктов было выдвинуто *SainsburyPLs*, в то время как торговая фирма носила название *SainsburySupermarketLtd*. Районный судья разрешил изменение по истечении 6-месячного срока с момента выявления нарушения, однако отделение королевской скамьи Высокого суда отменило его решение, постановив, что ненадлежащий обвиняемый не был представлен перед судом своевременно.

П. К. Барабанов также отмечает, что, если обвиняемый неверно назван, но, тем не менее, предстал перед судом (то есть, например, имя и фамилия указаны неверно, но в суд явился и в заседании участвует тот, кто и должен бы быть привлечен как обвиняемый), то изменение обвинения позволено (*AllanWiseman* (1975) [11, с. 45–248].

Таким образом, анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран позволил сделать вывод о том, что действующий в Российской Федерации институт возвращения уголовного дела для дополнительного следствия имеет как апробированные эффективные правовые инструменты, так и аспекты, требующие доработки.

Зарубежный опыт предусматривает устранение недостатков следствия в ходе судебного заседания, что приводит к не затягиванию сроков следствия, а в свою очередь позволяет быстрее защитить права и законные интересы потерпевшей стороны. В то же время необходимо отметить, что сам уголовный процесс ряда исследованных государств (Германия, Великобритания) существенно отличен от российского уголовного процесса. В указанных странах отсутствует процедура направления оконченого производством уголовного дела прокурору. В России суд не может вернуть

уголовное дело по причине неполноты следствия, а только лишь для устранения препятствий его рассмотрения судом. Указанные в законе препятствия не связаны с восполнением неполноты следствия. Несмотря на то, что следователь не может перекладывать на суд свои обязанности по обеспечению качества следствия, в суд попадают и уголовные дела с недостаточным качеством. В этом случае, суд, по сути, должен принять решение, в виде вынесения приговора. По мнению Т. К. Рябининой, в случае недоказанности обвинительной версии, противоречивости или недостаточности доказательств, представленных стороной обвинения, суд должен выносить оправдательные приговоры [12, с. 28]. Но, несмотря на это суды, выявляя нарушения, влекущие необходимость проведения следственных и процессуальных действий, необходимых для восполнения полноты, возвращают прокурору уголовные дела в порядке ст. 237 УПК РФ, указывая при этом основания, отраженные в указанной норме.

Для того, чтобы искоренить подобную практику вполне оправданным было бы наделить суд по примеру законодательства Великобритании полномочиями по устранению недостатков следствия, таких, например, как незначительных дефектов. Также, в случае если суд установит, что предъявленных доказательств недостаточно для постановления приговора, по примеру уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, наделить суд полномочием приостанавливать производство по делу на срок до одного месяца и предложить государственному обвинителю организовать проведение дополнительных следственных действий.

По результатам сравнительно-правового анализа института возвращения прокурором уголовного дела следователю, авторам представляется возможным обосновать следующие выводы.

В Российской Федерации по сравнению с исследованными законодательствами зарубежных стран более четко выражена система сдержек и противовесов. В отечественном уголовном процессе функции надзора и уголовного преследования отчетливо разграничены между прокурором и следователем при возвращении прокурором уголовного дела и при производстве дополнительного следствия. В то время как в Республике Беларусь и Армения прокурор на этапе изучения уголовного дела с обвинительным заключением наделен функцией уголовного преследования, проявляющейся в самостоятельном принятии решений об изменении объема обвинения, о прекращении уголовного дела. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве следователь в ходе дополнительного следствия устанавливает, имеются ли действительно основания для принятия подобных решений, после чего самостоятельно принимает соответствующие решения, а прокурор проверяет данные решения в по-

рядке надзора.

Анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран позволил сделать вывод о том, что действующий в Российской Федерации институт возвращения уголовного дела для дополнительного следствия имеет как положительные черты, так и нормы, требующие доработки. Зарубежный опыт предусматривает устранение недостатков следствия в ходе судебного заседания, что в свою очередь приводит к не затягиванию сроков следствия и соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что сам уголовный процесс указанных государств существенно отличается от российского уголовного судопроизводства, в связи с чем не может являться образцом для отечественного уголовного процесса.

Список источников

1. Додонов В. Н. Прокуратуры стран мира. М. : Юрлитинформ, 2006.
2. Термечиков М. А. Возвращение прокурором уголовного дела для доследования и судом прокурору для восполнения пробелов следствия, не устранимых в суде (по материалам Кыргызской Республики) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (с послед. изменен. и доп.) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики [Электронный ресурс] URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Май Дак Биен. Полномочия прокурора в досудебные производства по уголовно-процессуальному законодательству России и Вьетнама : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения // [Электронный ресурс] URL: <http://www.wipo.int/> (дата обращения: 22.03.2021).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам // [Электронный ресурс] URL: <http://www.parliament.am/legislation> (дата обращения: 21.11.2019).
7. Муллагалеева Л. Р. Возвращение уголовного дела для дополнительного следствия: история и прогрессивные тенденции зарубежного уголовно-процессуального законодательства // Материалы Международной научно-практической конференции «Следствие в России: три века в поисках концепции». М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2017.
8. Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование : проблемы теории и практики :

- дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012.
- Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (с последн. изменен. и доп.) // [Электронный ресурс] URL: <http://kodeksy.by/> (дата обращения: 26.09.2018).
 - Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. М. : Спутник+, 2014.
 - Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. М. : Спутник+, 2015.
 - Рябинина Т. К. Восстановлен ли институт дополнительного расследования? // Государство и право. 2015. № 1.
 - jurid. sciences. Krasnodar, 2012.
 - Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia // [Electronic resource] URL: <http://www.wipo.int/> (accessed: 22.03.2021).
 - Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam // [Electronic resource] URL: <http://www.parliament.am/legislation> (accessed: 21.01.2019).
 - Mullagaleeva L. R. The return of a criminal case for additional investigation: history and progressive trends of foreign criminal procedure legislation // Materials of the International Scientific and Practical Conference «Investigation in Russia: three centuries in search of a concept». Moscow : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017.
 - Trifonova K. A. The Legal Institute for the return of a criminal case for additional investigation : problems of theory and practice : dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2012.
 - Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany (with the latest. changed. and add.) // [Electronic resource] URL: <http://kodeksy.by/> (accessed: 26.09.2018).
 - Barabanov P. K. Criminal trial of Germany. М. : Sputnik+, 2014.
 - Barabanov P. K. Criminal proceedings in the UK. М. : Sputnik+, 2015.
 - Ryabinina T. K. Has the institute of additional investigation been restored? // State and Law. 2015. № 1.

References

- Dodonov V. N. Prosecutor's offices of the countries of the world. М. : Yurlitinform, 2006.
- Termechikov M. A. Return by the prosecutor of the criminal case for further investigation and by the court to the prosecutor to fill in the gaps of the investigation that are not eliminated in court (based on the materials of the Kyrgyz Republic) : dis. ... cand. jurid. Sciences. М., 2010.
- Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic (with the last. changed. and add.) // Official website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic [Electronic resource] URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/> (accessed: 12.01.2021).
- May Duck Bien. Powers of the prosecutor in pre-trial proceedings under the criminal procedure legislation of Russia and Vietnam : dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2012.
- Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia // [Electronic resource] URL: <http://www.wipo.int/> (accessed: 22.03.2021).
- Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam // [Electronic resource] URL: <http://www.parliament.am/legislation> (accessed: 21.01.2019).
- Mullagaleeva L. R. The return of a criminal case for additional investigation: history and progressive trends of foreign criminal procedure legislation // Materials of the International Scientific and Practical Conference «Investigation in Russia: three centuries in search of a concept». Moscow : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017.
- Trifonova K. A. The Legal Institute for the return of a criminal case for additional investigation : problems of theory and practice : dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2012.
- Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany (with the latest. changed. and add.) // [Electronic resource] URL: <http://kodeksy.by/> (accessed: 26.09.2018).
- Barabanov P. K. Criminal trial of Germany. М. : Sputnik+, 2014.
- Barabanov P. K. Criminal proceedings in the UK. М. : Sputnik+, 2015.
- Ryabinina T. K. Has the institute of additional investigation been restored? // State and Law. 2015. № 1.

Информация об авторах

А. И. Гаевой — доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

Л. Р. Муллагалеева — соискатель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

С. А. Вецкая — доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. I. Gaevoy — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

L. R. Mullagaleeva — Applicant of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

S. A. Vetskaya — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 11.07.2022. The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71>

НИОН: 2003-0059-4/22-353

MOSURED: 77/27-003-2022-04-552

Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика налогообложения бездетных граждан в СССР. В работе с помощью исторического метода показаны дискриминационные свойства налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в советском государстве. В своем исследовании автор с помощью сравнительного анализа продемонстрировал дискриминационные характеристики «налога на бездетность» в отношении мужской гендерной группы.

Ключевые слова: налогообложение, дискриминация, права мужчин, Великая Отечественная война, СССР

Для цитирования: Грошев С. Н. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71>.

Original article

Tax on bachelors, single and small-family citizens in the USSR. On the issue of men's rights

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of taxation of childless citizens in the USSR. The paper uses the historical method to show the discriminatory properties of the tax on bachelors, single and small-family citizens in the Soviet state. In his research, the author, using a comparative analysis, demonstrated the discriminatory characteristics of the «childlessness tax» in relation to the male gender group.

Keywords: taxation, discrimination, men's rights, the Great Patriotic War, the USSR

For citation: Groshev S. N. Tax on bachelors, single and small-family citizens in the USSR. On the issue of men's rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):68–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-68-71>.

Исследование проблематики гендерной спецификации нормативной сферы в советский период обладает достаточной актуальностью в связи с тем, что затрагивает аспект социального регулирования в сфере гендерных взаимоотношений. Анализ эволюции нормативного материала в кластере правоотношений между государством и личностью позволит выработать четкую политику правового регулирования юридического статуса гендерных групп в различных отраслях законодательства. Знаковым в этом аспекте

выступает политика государства в сфере налогообложения, трудовых и пенсионных правоотношений, особенности правового регулирования кластера военной службы по призыву и пр.

В этой связи нормативную политику СССР в отношении прав мужчин ярко демонстрирует так называемый «налог на бездетность». О его противоречивых юридических качествах в научной и научно-популярной литературе высказано достаточно много мнений [1, с. 127; 4, с. 68; 3, с. 30], которые, однако, не затраги-

вают тот факт, что дискриминация мужчин по гендерному признаку выступала определенной тенденцией советской власти и «налог на бездетность» являлся лишь малой частью нормативного массива, ущемлявшего права мужской гендерной группы и расширявшего спектр юридических обязанностей в правовом статусе мужчин. Мало того, большую озабоченность в аспекте возможного налогообложения бездетных граждан вызывает стабильно муссирование указанной тематики с позиции рассмотрения такого налога как современного инструментария, способного пополнить государственный бюджет и повысить рождаемость в России [10, с. 123–124].

Безусловно, в настоящее время Российская Федерация является демократическим правовым государством, и подобная налоговая политика в стране будет восприниматься как дискриминация и вызовет негативный отклик у мужского населения. Однако не стоит забывать, что как бы то ни было, в настоящее время существует нормативный массив в отечественной правовой системе, который обладает дискриминационными свойствами, адресатом которых выступают мужчины (военная служба по призыву, пенсионное обеспечение, трудовые правоотношения и пр.). В связи с этим проблематику налогообложения, которое может ущемить права бездетных мужчин, можно считать актуальной и в настоящее время в связи с широким спектром должностований сопряженных с алиментными обязанностями родителей в отношении детей.

Прежде чем приступить к анализу системы налогообложения бездетных и малосемейных граждан в СССР, следует отметить, что подобная практика существовала не только в советском государстве, но также получила широкое распространение и за рубежом. К примеру, в Болгарии с 1909 г. неженатых подданных, достигших тридцати лет, государство обязывало выплачивать налог равный десяти франкам. Указанные фискальные выплаты обладали целевыми свойствами и направлялись на развитие образования. В Италии также существовал подобный налог с 1926 г., который затрагивал только мужчин.

В отечественном правовом поле налог на бездетность был инициирован 21 ноября 1941 года Указом Верховного Совета СССР посредством принятия Закона «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» [9, с. 232], который, однако, не являлся радикальной новацией, так как исторически еще со времен Древней Руси в стране существовала практика социального обеспечения детей-сирот, опиравшаяся не на государственные институты, а на клерикальные

механизмы. После Октябрьской революции 1917 г. советская власть столкнулась с существенными сложностями, связанными с детской беспризорностью и большой массой детей сирот в разрушенной гражданской войной стране. Тем не менее молодое советское государство изыскивало иные способы решения указанных проблем, не прибегая к дополнительной налоговой нагрузке в адрес мужской гендерной группы, создавая разнообразные детские учреждения с полувоенными порядками и обязательной трудовой повинностью. Однако, с началом Великой Отечественной войны количество детей-сирот увеличилось, а волна беспризорности достигла угрожающих масштабов. Кроме того, социальное обеспечение матерей-одиночек и многодетных семей вынудило государство инициировать дискриминационную налоговую политику, так как средств в государственном бюджете с началом войны было явно недостаточно. К примеру, пособия многодетным и одиноким матерям составили в 1941 году 2,1 млрд рублей — данная цифра увеличилась по сравнению с 1940 годом в два раза [6, с. 161]. Тем не менее, в отличие от военного налога, «налог на холостяков» имел место в налоговой практике СССР вплоть до его распада.

Налогообложение неженатых мужчин и женщин, а также бездетных домохозяйств строилось исходя из плоской, а не прогрессивной шкалы. Указанным налогом облагались мужчины, достигшие возраста двадцати лет и не переступившие пятидесятилетний возрастной порог (20–50 лет). В свою очередь женщины облагались таким налогом несколько иначе и верхний возрастной предел в этом качестве был ниже мужского на пять лет при том, что нижний возрастной ценз соответствовал мужскому (20–45 лет). В то же время вступление в брак не спасало граждан от налога на бездетность и семейные пары, не имевшие детей, также были обязаны выплачивать налог государству. Сумма «налога на холостяков» прямо коррелировалась с размером заработной платы бездетных граждан. Так, при заработной плате в 300 рублей в месяц сумма налоговой выплаты составляла 10 рублей в месяц. На первый взгляд ярко выраженные дискриминационные свойства такого налога не слишком существенны и очень схожи с дискриминационными тенденциями существующего в современной России пенсионного законодательства, мало того, снижение возраста налога на бездетность в отношении женщин на пять лет (45 лет) обусловлены свойствами женского организма. Однако от налога на бездетность были освобождены:

- военнослужащие, а также жены мужчин про-

ходящих военную службу;

- учащиеся высших и средних образовательных учреждений (мужчины до 25 лет, женщины до 23 лет);
- граждане, которые по состоянию здоровья не могли меть детей, а также женщины беременность которым была противопоказана в связи с медицинскими показаниями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия звания «мать-героиня» и учреждении ордена «материнская слава» и медали «медаль материнства» [2, с. 76] были внесены некоторые нормативные новшества в указанную налоговую практику. Так, налоговые ставки для одиноких граждан и бездетных семей в городской местности выросли почти вдвое и стали достигать 6 %. Для работников колхозов и граждан, занимавшихся единоличным сельским хозяйством, налоговые ставки по бездетности были фиксированными — 150 рублей в год. При наличии в сельской семье одного ребенка ставка равнялась 50 рублям, а если в указанной семье было двое детей — 25 рублям [7, с. 69]. В то же время на представителей творческих профессий возлагалась обязанность уплаты «налога на бездетность» 6 % от всех доходов, как и тех граждан, которые занимались индивидуальной хозяйственной и иной деятельностью. «Самозанятыми» налоговые выплаты «по бездетности» осуществлялись раз в квартал равными частями.

Советская нормативная база предусматривала и освобождение от «налога на бездетность» в случае если налогоплательщик утратил детей в результате военных действий, а также в случае если имело место усыновление ребенка.

«Налог на бездетность» выступал вторым налогом, которым обложили население с начала Великой Отечественной войны. Указанный налог отличался от военного налога плоской шкалой выплат и как показала история длительностью своего существования. Советская историография склонна считать «налог на бездетность» необходимой фискальной мерой в военный и послевоенный периоды [8, с. 54]. Стоит отметить, что дополнительное налогообложение в виде «налога на холостяков» в общей массе налогов сыграло незначительную роль, составив менее процента от общих налоговых сборов в годы Великой Отечественной войны [5, с. 210].

В заключение необходимо отметить, что налог

на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР обладал дискриминационными свойствами в отношении мужской гендерной группы по критериям возрастного ценза, так как женская гендерная группа после 45 лет уже не попадала под сферу его функционирования. Кроме того, «налог на бездетность» не действовал в отношении жен военнослужащих, в то же время мужья женщин военнослужащих обязаны были платить указанный налог в случае если семья являлась бездетной.

Список источников

1. Белоус А. В., Бородаенко Н. В. Целесообразность введения налога на бездетность в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 6-2. С. 125–127.
2. Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / отв. ред. О. А. Ржевский. М. : Политиздат, 1990. 465 с.
3. Грачев М. С. Налог, сбор и налоговая система : экономические, исторические и правовые аспекты // *Международный бухгалтерский учет*. 2012. № 33. С. 29–36.
4. Григорьев И. А. Налог на холостяков в исторической ретроспективе // *Манускрипт*. 2017. №2 (76). С. 66–68.
5. Дьяченко В. П. История финансов СССР. М. : Наука, 1978. 496 с.
6. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество : политика и повседневность. 1945–1953. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 299 с.
7. Марискин О. И. Налоги в России. История и современность. Саранск : Изд. центр Историко-социологического института МГУ им. Н.П. Огарева, 2008. 335 с.
8. Марьяхин Г. Л. Очерки истории налогов с населения СССР. М. : Экономика, 1964. 185 с.
9. Пономарёв И. Н. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. Л. : Лениздат, 1942. 232 с.
10. Шихатов П. И. Налогообложение в СССР и современной России // *Вестник МИЭП*. 2016. №2 (23). С. 122–129.

References

1. Belous A. V., Borodayenko N. V. Expediency of introducing a tax on childlessness in the Russian Federation // *International Journal of Humanities*

- and Natural Sciences. 2021. № 6-2. P. 125–127.
2. The Great Patriotic War 1941–1945. Events. People. Documents. A brief historical reference / ed. by O. A. Rzhevsky. M. : Politizdat, 1990. 465 p.
 3. Grachev M. S. Tax, collection and tax system : economic, historical and legal aspects // International accounting. 2012. № 33. P. 29–36.
 4. Grigoriev I. A. Tax on bachelors in historical retrospect // Manuscript. 2017. № 2 (76). P. 66–68.
 5. Dyachenko V. P. History of finance of the USSR. M. : Nauka, 1978. 496 p.
 6. Zubkova E. Y. Post-war Soviet society : politics and everyday life. 1945–1953. Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1999. 299 p.
 7. Mariskin O. I. Taxes in Russia. History and modernity. Saransk : Publishing House of the Center of the Historical and Sociological Institute of the Ogarev Moscow State University, 2008. 335 p.
 8. Maryakhin G. L. Essays on the history of taxes from the population of the USSR. M. : Economics, 1964. 185 p.
 9. Ponomarev I. N. Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1941–1942. L.: Lenizdat, 1942. 232 p.
 10. Shikhatov P. I. Taxation in the USSR and modern Russia // Vestnik MIEP. 2016. №2 (23). P. 122–129.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

В.П. Малахов
Н.Д. Эриашвили

**Методологические
и мировоззренческие проблемы
современной юридической
теории**

Второе издание

Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. 2-е изд. Монография. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. 431 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Продемонстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также всех интересующихся философскими и прикладными проблемами правовой жизни общества и личности.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-72-77>

НИОН: 2003-0059-4/22-354

MOSURED: 77/27-003-2022-04-553

Некоторые проблемные аспекты правового регулирования института обращений граждан в Российской Федерации

Мевлуд Демуралович Давитадзе¹, Сергей Александрович Пунгин²

¹ Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России, Одинцово, Московская область, Россия, md2063@mail.ru

^{1,2} Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

² shoxorda@mail.ru

Аннотация. Для всех граждане России декларируются и достаточно четко регламентированы равные возможности для реализации права на обращение в органы власти всех уровней. Но институт обращений граждан в нашей стране работает недостаточно эффективно. В данной статье проводится исследование проблемных вопросов реализации прав граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: институт обращений граждан, реализация права, правовая культура, «правовой нигилизм», злоупотребление правом, неисполнимые и неисполняемые нормы, механизмы решения, цифровые технологии, тотальный контроль, неотвратимость ответственности.

Для цитирования: Давитадзе М. Д., Пунгин С. А. Некоторые проблемные аспекты правового регулирования института обращений граждан в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 72–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-72-77>.

Original article

Some problematic aspects of the legal regulation of the institution of citizens' appeals in the Russian Federation

Mevlud D. Davitadze¹, Sergey A. Pungin²

¹ Odintsovo Branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo, Moscow Region, Russia, md2063@mail.ru

^{1,2} S.Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia

² shoxorda@mail.ru

Abstract. For all Russian citizens, equal opportunities are declared and quite clearly regulated for the realization of the right to appeal to authorities at all levels. But the institution of citizens' appeals in our country does not work effectively enough. This article examines the problematic issues of the realization of citizens' rights to appeal to state authorities and local self-government bodies in the Russian Federation.

Keywords: institution of citizens' appeals, implementation of law, legal culture, «legal nihilism», abuse of law, unenforceable and unenforceable norms, decision mechanisms, digital technologies, total control, inevitability of responsibility

For citation: Davitadze M. D., Pungin S. A. Some problematic aspects of the legal regulation of the institution of citizens' appeals in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):72–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-72-77>.

Процесс строительства гражданского общества в России с переменным успехом идет уже более тридцати лет и продолжается в настоящее время. Одним из существенных элементов гражданского общества является институт обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления

© Давитадзе М. Д., Пунгин С. А., 2022

с целью защиты интересов личности, общества и государства.

Как известно, важнейшим способом получения обратной связи для государственного управления является институт обращений граждан, являющийся неотъемлемой частью института прав и свобод человека и гражданина, декларируемых в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ). И совершенно логичным будет утверждение, что от полноты и качества рассмотрения обращений граждан будет зависеть субъективное оценочное восприятие качества своей жизни отдельными людьми, из которого и складывается общественное мнение по целому ряду вопросов. Право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, закрепленное в ст. 33 Конституции [1] может (и должно) быть реализовано с учетом положений Федерального закона от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2] (далее — ФЗ № 59).

Обращениями граждан в соответствии п. 1 ст. 4 ФЗ № 59 являются «направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления».

Формы, виды и процедуры подачи и рассмотрения обращения граждан определены вышеуказанным законом. Законы субъектов РФ, приказы министерств и ведомств могут давать уточнения к положениям данного закона для учета специфики властных структур и особенностей отдельных территорий.

Обращение граждан может быть изложено в устной и письменной форме. Разновидность таких обращений, которые могут быть изложены в виде предложений, заявлений и жалоб определены в ст. 4 указанного закона.

В ст. 7 ФЗ № 59 излагаются требования к письменному обращению. Однако в указанном законе отсутствует норма, содержащая четкие требования к устному обращению. При этом из содержания п. 3 ст. 13 данного закона можно почерпнуть информацию, что гражданин имеет возможность изложить свой вопрос на личном приеме в устной форме. И это единственное конкретное указание на форму «устное обращение». Иными словами, для того, чтобы сообщение гражданина, изложенное в устной форме, приобрело статус, соответствующий конституционному термину «обращение» (ст. 33 Конституции), при его подаче должны быть соблюдены процедуры, обязательные для личного приема граждан, изложенные в ст. 13 ФЗ № 59.

В то же время, личный прием граждан в системе органов власти организуется посредством издания ведомственных нормативных актов и представляет со-

бой строго регламентированную процедуру, особенно если речь будет идти о личном приеме руководящими должностными лицами. Ведомственные инструкции по организации личных приемов руководящими должностными лицами, как правило, содержат требование о необходимости предварительной подачи гражданином письменного обращения с соответствующей просьбой и изложением сути вопроса, который и предлагается рассмотреть на данном личном приеме. Совершенно ясно, что руководители организаций высшего звена, обязанные по нормам законодательства организовать возможность записи граждан на личный прием на регулярной основе, как правило, не имеют физической возможности принять всех желающих на личный прием. Отсюда появляется возможность выбора среди поданных заявлений (после предварительной проработки) «удобных» вопросов и их успешного разрешения под прицелом видеорекамера. При этом могут «отфутболиваться» вопросы действительно острые, но не имеющих простого и однозначного решения.

Слова «футбол», а также «отписка», «замотать» и др. были использованы П. А. Скобликовым в своем исследовании [3] как названия и определения давно сложившимся и показавшим свою живучесть схемам противодействия должностных лиц реализации конституционного права граждан на обращение. По утверждению автора, данные схемы стали уже традиционными и используются представителями органов власти, прежде всего, для оптимизации и минимизации нагрузки, но также могут иметь и коррупционную подоплеку. В целом, можно сделать вывод, что во многих случаях могут возникать затруднения в реализации права граждан на обращение в устной форме, которые являются следствием решений должностных лиц, руководствующихся своим видением, как должна быть организована эта работа. И о привлечении данных должностных лиц к ответственности за действия или бездействие, прямо не оговоренные в законе, не может идти даже речи.

В то же время, работу органов власти и абсолютного большинства организаций уже многие десятилетия невозможно представить без налаженной системы обработки телефонных сообщений граждан. Для чего были созданы многообразные по содержанию ведомственные и внутриорганизационные нормативные акты, такие как, например, приказ МЧС России от 14.09.2021 г. № 604 «Об утверждении Порядка функционирования телефона доверия в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» [4], в которых как стало известно необоснованно используется, такой термин, как «обращение».

Однако при этом нормативно и технически не была разрешена проблема идентификации личности

звонящего гражданина. Звонки граждан принимались, информация, получаемая от граждан, так или иначе обрабатывалась и использовалась в работе органов и организаций. Однако при этом терминологические и процедурные противоречия Конституции и ФЗ № 59 неизменно сохранялись. Современный уровень развития технических средств коммуникации и обработки информации позволяет многовариантно решить проблему идентификации дистанционно обращающегося гражданина. Причем уже с 2013 года существует и относительно успешно действует в масштабах всей страны система, позволяющая вести личный прием дистанционно. А именно, по поручению Президента в День Конституции 12 декабря ежегодно (за исключением 2020 года) проводится Общероссийский день приема граждан (далее — ОДПГ) [5]. В этот день с 12-00 до 20-00 по местному времени ведется личный прием граждан в: приемной Президента в Москве; приемных Президента в федеральных округах и в административных центрах субъектов; федеральных органах исполнительной власти и в соответствующих территориальных органах; федеральных государственных органах; исполнительных органах государственной власти субъектов РФ; органах местного самоуправления. Любой гражданин, при этом, имеет возможность прийти в любой в представительство любого органа власти, котором функционирует автоматизированное рабочее место единой системы обращений граждан (далее — АРМ ЕС ОГ) и в порядке живой очереди при предъявлении паспорта задать вопрос, относящийся к компетенции любого органа власти России. Оператор АРСМ ЕС ОГ имеет возможность перевести вопрос именно в тот орган власти, в компетенции которого находится разрешение вопроса, заданного заявителем. Общение заявителя с требуемым специалистом происходит в режиме видеоконференцсвязи. При этом соблюдаются все нормативные и процедурные требования ст. 13 ФЗ № 59 к личному приему граждан.

Как мы видим, организационное сопровождение проведения личного приема дистанционно посредством АРМ ЕС ОГ громоздко и ресурсоемко. Процедура идентификации личности при этом буквально воспроизводит п. 2 ст. 13 ФЗ № 59. Однако и любой дистанционный способ организации приема обращений в устной форме будет иметь право на существование, если не противоречит нормам законодательства. Законодатели не торопятся вносить давно и явно требуемые поправки в ФЗ № 59 в этой части. Несмотря на это, крупные коммерческие организации в дистанционной работе с клиентами успешно применяют технические средства, позволяющие идентифицировать личность достаточно надежно. Системы идентификации по биометрическим данным активно развиваются и довольно четко прорисовываются перспективы все

более широкого их применения. Ожидаемо, значительные успехи в этой области достигнуты в финансово-кредитных организациях. Здесь достаточно давно обыденно и повседневно используются различные методики идентификации по биометрическим данным. И граждане вполне сознательно соглашаются с необходимостью хранения и обработки их личных данных с целью, прежде всего, совершенствования защиты от противоправных посягательств на их материальные ценности.

Изучение статистики, представленной в информационно-статистических обзорах обращений граждан, организаций и общественных объединений, направленных в адрес Президента, рассмотренных в 2017, 2018, 2019 и 2020 годах [6], позволяет делать вполне определенные выводы (см. таблицу 1). Устная форма обращения занимает очень малый объем в общем количестве обращение. В среднем это 5,7 %. И просматривается тенденция к уменьшению этого количества, что совершенно логично в контексте влияния на жизнь общества современных телекоммуникационных технологий. Безусловно, уходят в прошлое длительные ожидания личного приема и необходимость прибывать по указанному адресу к определенному времени, а также почтовая корреспонденция. Уже многие люди от юного до преклонного возраста оценили удобство и простоту работы в сети Internet и пользуются ее возможностями для решения своих проблем. Сходную картину, безусловно, дадут любые другие статистические обзоры, касающиеся исполнения ФЗ № 59. В 2020 году из-за вводимых правительствами регионов России мер по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19 эти тенденции только усилились, что выразилось в еще более существенном сокращении количества писем, поступивших по почте. Также, более чем в два раза (даже к наименьшему из показателей по предыдущим годам) уменьшилось количество обращений, принятых в устной форме.

Так неужели устная форма обращений граждан может исчезнуть из правоприменительной практики? И «да», и «нет»! Велика вероятность ухода сначала из практики устной формы обращения гражданина исключительно как к процедуре, предполагающей непосредственное общение в одном помещении с должностным лицом в рамках личного приема. Существует необходимость нормативного закрепления процедур, которые могут быть альтернативой личному приему (аналогичных по статусу), но предполагающих удаленное присутствие с надежной идентификацией по биометрическим данным и системой защиты от противоправных посягательств в виде поправки в ФЗ № 59. Сама изначальная устная форма обращения, безусловно, сохранится как традиция. А использоваться она будет в особых случаях.

Таблица 1.

<i>Отчетный период (год)</i>	<i>Поступило обращений (общее количество)</i>	<i>Поступивших в форме электронного документа (в %)</i>	<i>Поступивших в письменной форме (в %)</i>	<i>Поступивших в устной форме (в %)</i>
2017	889714	62,5	30,4	7,1
2018	935587	65,7	28,1	6,2
2019	718657	64,6	28,7	6,7
2020	1017425	80,3	17	2,7

Как правило, при упоминании нарушений норм законодательства, регулирующих порядок реализации прав граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления, в большинстве случаев говорится о действиях (бездействии) должностных лиц разного уровня. Разумеется, возможные меры по предупреждению нерадивого отношения должностных лиц к своим обязанностям, намеренного уклонения от их исполнения или превышения должностных полномочий, независимо от целей может получать адекватную оценку через применение к нарушителям мер дисциплинарного воздействия или через привлечение к административной и даже уголовной ответственности. Любое решение, принятое по заявлению гражданина, может быть, естественно, обжаловано в вышестоящий орган (должностному лицу) в порядке подчиненности, либо в судебном порядке в соответствии с Федеральным законом 08 марта 2015 г. «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от № 22-ФЗ [7]. Причем во всех случаях общественный контроль будет играть очень большое значение для качественного проведения всех необходимых при разбирательстве процедур. Можно сказать также, что тема привлечения к ответственности за нарушения, посягающие на институт обращений граждан сложна, имеет неоднозначные оценки, но, при этом, достаточно проработана.

Гораздо более сложна ситуация с регулированием правоотношений, возникающих в процессе реализации права граждан на обращение в органы власти, при обратной ситуации — когда злоупотребляет своим правом уже заявитель. Это, например, направление писем клеветнических, оскорбительных и провокационных, рекламных, не содержащих сути вопроса и т. д. В подобных случаях как представители органов власти, как правило, стремятся всячески избегать правовой оценки действиям граждан. А безнаказанность всегда

влечет за собой большие проблемы. Причина этого явления в том, что суды, контролирующие и надзорные органы, как правило, любой спорный момент трактуют в пользу гражданина. Впрочем, законодательством возможности защиты для представителей властей все же предусмотрены. Однако к ней прибегают лишь в крайних случаях, так как такая защита может потребовать колоссальных затрат времени и иных ресурсов.

Вот уже на протяжении целого ряда лет руководство нашей страны направляет значительные усилия на всеобщую вовлеченность граждан страны в использование возможностей цифровых технологий. Достижение целевых показателей по данному вопросу, первую очередь, позволит применять новые технологии управления, а во вторую — даст новые возможности для граждан в реализации своих прав. Государственные услуги станут еще доступнее. Конечно же, должен выйти на новый уровень, соответствующий своему конституционному статусу, и институт обращений граждан. И здесь будут сталкиваться две разнонаправленные тенденции. Упрощение доступности реализации права на обращение для граждан вкупе с широчайшими возможностями для общественного контроля будет стремиться увеличивать общее количество обращений граждан. В то же время, повышение эффективности государственного управления с также очень большими возможностями для разъяснительной работы и практически прямого общения народа с представителями властей, будет значительно снижать количество обращений.

Негативной стороной всеобщей цифровизации может быть использовано для тотального контроля всех сфер жизни общества, вплоть до повседневной жизни людей. Удобство использования цифровых технологий сегодня часто оборачивается серьезными проблемами. Сегодня преступность уверенно переходит из реальной жизни в сферу виртуальную. Сейчас лишиться денежных средств с электронно-

го счета гораздо более вероятно, чем стать жертвой классических кражи, грабежа или разбоя. Кибербезопасность уже публично признается одним из национальных приоритетов [8]. Вполне очевидно, что проблем в этой сфере деятельности предостаточно. И чтобы институт обращений граждан смог продолжать качественно выполнять свои функции, он нуждается в дальнейшем совершенствовании. В первую очередь, должны быть внесены изменения в ФЗ №59. На сегодняшний день в нем, всего лишь, учтена возможность направления обращения в электронном виде и уточнен порядок направления ответов на такие обращения. Назрела необходимость учета в ФЗ № 59 всех возможных при современном уровне развития телекоммуникационных технологий дистанционных способов направления обращений. Конечно же, во главу угла при составлении этих норм должна быть поставлена информационная безопасность.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Российская газета. 2020. 4 июля. (№144). С. 1-5.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. ст. 2060.
3. Скобликов П. А. Российская коррупция. Неформальная энциклопедия. Электронная библиотекаRuLit. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://www.rulit.me> (дата обращения: 27.11.2021).
4. Приказ МЧС России от 14.09.2021 г. № 604 «Об утверждении Порядка функционирования телефона доверия в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://rulaws.ru> (дата обращения: 27.11.2021).
5. Информация о проведении общероссийского дня приёма граждан в День Конституции Российской Федерации 14 декабря 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<http://letters.kremlin.ru> (дата обращения: 27.11.2021).
6. Информационный портал Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<http://letters.kremlin.ru> (дата об-

ращения: 27.11.2021).

7. Федеральный закон от 08.03.2015 № 22-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1392.
8. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2016, № 50, ст. 7074.

References

1. The Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4th. (№ 144). P. 1-5.
2. On the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation : Federal Law № 59- FZ of 02.05.2006 (as amended on 27.12.2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 19. Article 2060.
3. Skoblikov P. A. Russian corruption. An informal encyclopedia. Electronic Librarulit. [Electronic resource] Access mode: URL:<https://www.rulit.me> (accessed: 27.11.2021).
4. The order of EMERCOM of Russia from 14.09.2021 № 604 «On approval of the Procedure of the functioning of the helpline in the Ministry of the Russian Federation for civil defence, emergencies and elimination of consequences of natural disasters». [Electronic resource] access Mode: URL: <https://rulaws.ru> (accessed: 27.11.2021).
5. Information about the All-Russian day of reception of citizens on the Constitution Day of the Russian Federation on December 14, 2020. [Electronic resource] Access mode: URL:<http://letters.kremlin.ru> (accessed: 27.11.2021).
6. Information portal of the Office of the President of the Russian Federation on working with appeals of citizens and organizations. [Electronic resource] Access mode: URL:<http://letters.kremlin.ru> (accessed: 27.11.2021).
7. Federal law 08.03.2015 № 22-FZ (as amended on 23.06.2016) «On the introduction of the code of administrative procedure of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation, 09.03.2015, № 10, art. 1392.
8. The decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646 «On approval of the information security Doctrine of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation, 12.12.2016, № 50, art. 7074.

Информация об авторах

М. Д. Давитадзе — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор;

С. А. Пунгин — магистр кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте.

Information about the authors

M. D. Davitadze — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Odintsovo Branch of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of S.Y. Witte Moscow University, Doctor of Legal Sciences, Professor;

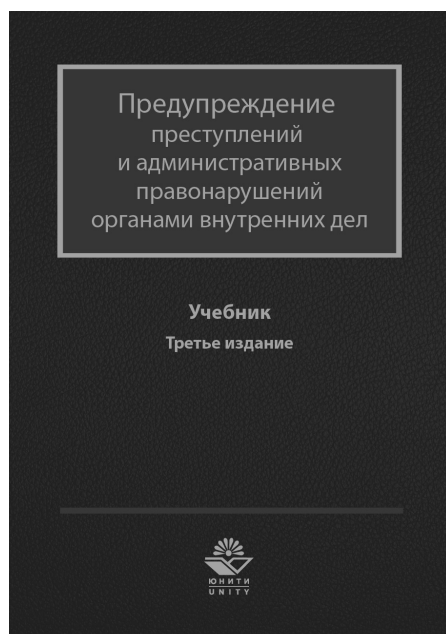
S. A. Pungin — Master of the Department of Theory and History of State and Law of S.Y. Witte Moscow University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-78-82>

НИОН: 2003-0059-4/22-355

MOSURED: 77/27-003-2022-04-554

Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции на территории Российской Федерации сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России

Мария Владимировна Донская¹, Дмитрий Андреевич Анучин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Donskoy8@yandex.ru

² anuchin12052000@gmail.com

Аннотация. Раскрываются проблемы противодействия незаконной миграции на территории Российской Федерации. В результате анализа национальной нормативно-правовой базы рассматриваются особенности работы государственных органов, осуществляющих контроль над нелегальной миграцией. Особое внимание уделяется подразделениям по вопросам миграции МВД России, которым отводится ключевая роль в осуществлении государственной миграционной политики на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, миграционная политика, национальная безопасность

Для цитирования: Донская М. В., Анучин Д. А. Актуальные вопросы противодействия незаконной миграции на территории Российской Федерации сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 78–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-78-82>.

Original article

Topical issues of countering illegal migration on the territory of the Russian Federation by employees of migration departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Maria V. Donskaya¹, Dmitry A. Anuchin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Donskoy8@yandex.ru

² anuchin12052000@gmail.com

Abstract. The problems of countering illegal migration on the territory of the Russian Federation are shown. As a result of the analysis of the national laws, the authors consider the peculiarities of the work of state bodies exercising control over illegal migration. The article pays special attention to the migration units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which have a special role in the implementation of state migration policy on the territory of the Russian Federation.

Keywords: migration, illegal migration, migration policy, national security

For citation: Donskaya M. V., Anuchin D. A. Topical issues of countering illegal migration on the territory of the Russian Federation by employees of migration departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):78–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-78-82>.

В условиях мировой глобализации на первый план выходит необходимость рассмотрения целого ряда значимых для государства проблем, одной из которых является проблема предупреждения, контроля и борьбы с незаконной миграцией на территории Российской Федерации.

© Донская М. В., Анучин Д. А., 2022

«Необходимо поставить надежный заслон на пути незаконной миграции, и в дальнейшем совершенствовать законодательную базу, а главное — правоприменительную практику на этом направлении», — заявил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 года. С точки зрения руководителя нашей страны трудно не согласиться, так как борьба с незаконной миграцией является одним из самых приоритетных и важных аспектов, необходимых для успешного развития внутренней политики нашего государства.

Раскрывая понятие нелегальной миграции в широком смысле, правоведы концентрируют наше внимание на ее социально-правовых и экономических аспектах. Тем самым, предлагая нам рассматривать незаконную миграцию как «совокупность противоправных процессов, включающих: нелегальную миграцию и незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации; общеуголовную преступность мигрантов; организованную национально-этническую преступность мигрантов; терроризм; наркоторговлю; торговлю людьми»[1].

Данная сравнительно-правовая характеристика незаконной миграции помогает сотрудникам подразделений по вопросам миграции МВД России в выборе тех или иных методов, средств и инструментов в борьбе с проявлениями этого противоправного и антиобщественного явления. Являясь предметом изучения криминологии, мотивация и причины совершения тех или иных преступлений носят особый — индивидуально-правовой характер, особенно, когда дело касается перемещения иностранных граждан из одной страны в другую.

В докладе МВД России «О состоянии преступности за январь-август 2021 года» руководством МВД России было обращено отдельное внимание на рост числа совершенных мигрантами преступлений. Их количество составило 27,7 тысяч преступлений за указанный в докладе период, на основании чего социологами был сделан вывод о том, что рост преступности среди мигрантов на территории России связан с непростой социально-экономической обстановкой в стране, образовавшейся из-за пандемии коронавирусной инфекции. Многие иностранные граждане, въехавшие на территорию нашей страны для заработка, лишились работы или вследствие ряда причин лишились легального статуса пребывания на территории России, и тем самым, были вынуждены заниматься криминальной деятельностью. Большинство нелегальных мигрантов были втянуты в террористические и экстремистские организации, многие стали заниматься наркоторговлей и торговлей оружием. Что вынудило руководство нашей страны принимать серьезные меры для полной и

всесторонней борьбы, связанной с незаконной миграцией. «Противодействие незаконной миграции и надзор за соблюдением миграционного законодательства относится к специальным мерам профилактики, которая подразумевает целенаправленное реагирование на специфические причинные комплексы» [2].

Согласно Указу Президента от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» важнейшими задачами в рамках стратегических и национальных приоритетов страны являются: обеспечение государственной и общественной безопасности, противодействие незаконной миграции, усиление контроля над миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и экономическая интеграция мигрантов.

Особая роль в решении данных задач отводится именно сотрудникам подразделений по вопросам миграции МВД России. Именно они сегодня стоят на передовой в противостоянии с лицами, незаконно въехавшими и пребывающими на территории Российской Федерации. При выявлении нарушений в области миграционного законодательства сотрудниками МВД России осуществляется привлечение данных лиц к административной или уголовной ответственности. В Российской Федерации существует расширенная нормативно-правовая база, включающая в себя множество норм, определяющих правила въезда, выезда, пребывания иностранных граждан, а также осуществление ими трудовой деятельности на территории нашего государства. Стоит обратить отдельное внимание на нормы законов, устанавливающих юридическую ответственность для иностранных граждан и лиц, организующих незаконную миграцию на территории Российской Федерации. В частности, необходимо отметить главу 18 КоАП РФ, устанавливающую административную ответственность за совершение правонарушений в области защиты государственной границы РФ и обеспечении режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ. Уголовное наказание ждет лиц, совершивших деяние, предусмотренное ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции», которое посягает на установленный государством порядок въезда, пребывания и транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Данное преступное посягательство относится к группе преступлений против порядка управления.

Вследствие этого сотрудники подразделений по вопросам миграции проводят комплекс мероприятий, направленных на борьбу с нелегальной миграцией. Необходимо отметить специфику деятельности сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России, связанную с осуществлением мониторинга незаконной трудовой деятельности, проведени-

ем совместных рейдов с другими органами государственной власти объектов строительства, торговли и предприятий общественного питания для наиболее эффективной борьбы с нелегалами в сфере трудовой миграции. С помощью плановых и внеплановых проверок сотрудникам полиции удастся пресечь очаги осуществления мигрантами незаконной трудовой деятельности. Нередки случаи выявления преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции». В 2021 году было зарегистрировано 926 преступлений, связанных с организацией незаконной миграции на территории Российской Федерации. И с каждым годом количество возбужденных уголовных дел по данной статье становится все больше и больше. Сотрудниками подразделений по вопросам миграции МВД России совместно с оперативными подразделениями полиции в результате проведения оперативно-розыскных и иных, установленных законодательством РФ, мероприятий удается устанавливать организаторов незаконной миграции и привлекать их к уголовной ответственности. Для эффективного раскрытия данного вида преступления огромное значение имеет обладание сотрудниками точной информацией о наличии каналов незаконной миграции.

Также, при осуществлении миграционной политики на территории РФ важно учитывать цели, с которыми нелегальные мигранты прибывают в нашу страну. Иногда во время проведения мероприятий по мониторингу незаконной миграции инспекторы подразделений по вопросам миграции сталкиваются с лицами, которые намеревались совершить преступления террористической или экстремистской направленности. Такие мигранты задерживаются и передаются другим правоохранительным органам, которые уполномочены возбуждать уголовные дела и осуществлять предварительное расследование в отношении данных лиц.

По мнению практических сотрудников отделов и управлений по вопросам миграции МВД России, в борьбе с нелегальной миграцией назрело множество проблем, которые необходимо срочно решать. Эти проблемы, в основном, связаны с достаточно низким штатом сотрудников в территориальных отделах по вопросам миграции МВД России. На их взгляд, его необходимо расширить, так как у сотрудников, борющихся с незаконной миграцией, просто-напросто не хватает времени для задержания нелегалов и принятия по ним соответствующего решения. Также, на взгляд ряда экспертов, существует необходимость увеличения денежного содержания сотрудников подразделений по вопросам миграции, так как данный вид работы связан с «ненормированностью» рабочего дня и большой опасностью для жизни и здоровья сотрудников, которым приходится часто задерживать

десятки, а то и сотни нелегальных мигрантов за один день. В связи с этим некоторые сотрудники сами начинают переступать черту закона, делая выбор в пользу дополнительных доходов, которые они получают, превышая или злоупотребляя своими должностными полномочиями. «Существование организованной незаконной миграции свидетельствует о наличии коррупционных схем, так как реализация подобных схем без участия сотрудников ГУВМ и подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России невозможно» [3]. Нередки случаи задержания должностных лиц подразделений по вопросам миграции, занимающих руководящие должности.

Для наиболее эффективной борьбы с незаконной миграцией также необходимо повысить взаимодействие подразделений по вопросам миграции МВД России с другими правоохранительными органами. Обмен информацией между ведомствами является неотъемлемой частью комплексной борьбы с преступностью, что особенно важно при наличии информации об участии мигрантов в террористической или экстремистской деятельности. При таком варианте развития событий сотрудникам подразделений по вопросам миграции МВД России без информирования своих коллег из ФСБ России не обойтись. И сделать это необходимо в максимально короткие сроки. Кроме того не стоит забывать и о тесном внутриведомственном сотрудничестве с оперативными подразделениями полиции и подразделениями по охране общественного порядка МВД России, поскольку информация о наличии в том или ином муниципальном образовании источника незаконной миграции поступает от граждан там проживающих. Как правило, по данным вопросам местное население обращается к участковым уполномоченным полиции, которые в свою очередь передают полученную информацию сотрудникам подразделений по вопросам миграции МВД России. На основе информации, полученной, в том числе и от населения, организуется работа сотрудников отдела по вопросам миграции МВД России в борьбе с нелегальной миграцией.

Регулирование процессов миграции и борьба с нелегальными мигрантами является одной из важнейших задач нашего государства, которое направляет усилия на то, чтобы миграция осуществлялась в рамках закона и способствовала интересам экономики, общества и государства.

В 2019 году Президентом РФ был подписан Указ № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Одним из основных направлений миграционной политики Концепция определяет «совершенствование правовой основы противодействия незаконной миграции, в том числе регулирование ответственности лиц

за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации».

Необходимость издания данного указа была продиктована образованием этнических анклавов в ряде субъектов Российской Федерации, и резко возросшей преступности среди мигрантов, что в перспективе можно рассматривать как прямую угрозу для национальной безопасности России. Данные явления очень сильно беспокоят граждан нашего государства, поэтому необходимо рационально и взвешенно подойти к решению данной проблемы во избежание роста напряженности во взаимоотношениях между мигрантами и гражданами Российской Федерации.

28 января 2022 года зампредела Совета Безопасности РФ Д. А. Медведев заявил о том, что: «Ни одна страна без притока мигрантов обойтись не может, но это должен быть цивилизованный процесс, а с этим есть проблемы. У нас их достаточно много, несмотря на все эти пандемические процессы, порядка семи миллионов, подчеркиваю, официально существующих и трудящихся в нашей стране».

Реакцией Президента на существующие проблемы в миграционной сфере стало подписание Указа о создании межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики, председателем которой был назначен Дмитрий Медведев. Комиссия создана для модернизации и повышения качества реализации механизмов государственного управления при осуществлении миграционной политики уполномоченными на то государственными органами РФ. Стоит обратить внимание на тот факт, что базисной составляющей данной Комиссии является именно борьба с незаконной миграцией с целью снижения влияния иностранных граждан на микро и макроэкономические процессы, происходящие в нашей стране. По мнению ряда исследователей, занимающихся изучением миграционной политики РФ, необходимость в создании такой Комиссии назрела очень давно. Это связано, в первую очередь, с обострением криминогенной обстановки в ряде субъектов России. Преступность в некоторых муниципальных образованиях выросла в несколько раз именно из-за обильного притока незаконных мигрантов. Вслед за созданием данной межведомственной комиссии ряд губернаторов мгновенно ввели в своих регионах ряд ограничений для иностранных граждан. Так, глава Калужской области Владислав Шапша объявил о выходе его области из государственной программы по переселению соотечественников из-за рубежа. Также работодателям Калужской области запретили принимать иностранных граждан на работу по патентам в сферах транспорта, торговли и общественного питания. Губернатор Калужской области занял твердую позицию

в решении этого вопроса, и заявил о том, что механизмы сдерживания иностранной рабочей силы будут только нарастать, а борьба с нелегальной миграцией должна осуществляться в комплексе с использованием всех законно установленных мер, выработанных концепцией государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что руководство нашей страны вынуждено принимать решительные меры в организации борьбы с незаконной миграцией. И для полного и всестороннего изучения проблемы профилактики, предупреждения и пресечения преступлений в сфере миграции необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, которая должна строиться на основе практического опыта сотрудников отделов по вопросам миграции МВД России. Ведь именно они все чаще сталкиваются как с лицами, которые заинтересованы в организации нелегальной миграции, так и непосредственно с иностранными гражданами, нарушившими правовые нормы миграционного законодательства при въезде в Российскую Федерацию, а также режим пребывания на ее территории.

Список источников

1. Власов И. С., Голованова Н. А., Артемов В. Ю. Миграция и преступность : сравнительно-правовой анализ : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного анализа при Правительстве Российской Федерации; «Контакт», 2012. 496 с.
2. Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминант экстремистской преступности : монография / Под редакцией доктора юридических наук, профессора В. В. Меркурьева. М. : Юрлитинформ, 2019. 154 с.
3. Гайнутдинова Е. И. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции в миграционной сфере : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2021. 183 с.

References

1. Vlasov I. S., Golovanova N. A., Artemov V. Yu. Migration and crime : comparative legal analysis : monograph. M. : Institute of Legislation and Comparative Analysis under the Government of the Russian Federation; «Contract», 2012. 496 p.
2. Ulyanov M. V. Migration processes in the system of determinants of extremist crime : monograph / Edited by Doctor of Legal sciences, Professor V. V. Merkuriev. M. : Yurlitinform, 2019. 154 p.
3. Gainutdinova E. I. Organizational and legal

foundations of the activities of law enforcement agencies to combat corruption in the migration sphere : dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2021. 183 p.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ.
3. Указ Президента Российской Федерации от 10.02.2022 № 48 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования го-

сударственной миграционной политики» // Собрание законодательства РФ.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation.
2. Decree of the President of the Russian Federation № 622 dated 31.10.2018 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // Collection of legislation of the Russian Federation.
3. Decree of the President of the Russian Federation № 48 dated 10.02.2022 «On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on improving the State migration Policy» // Collection of legislation of the Russian Federation.

Информация об авторах

М. В. Донская — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Д. А. Анучин — курсант 4 «М» курса международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

M. V. Donskaya — Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. A. Anuchin — Cadet the 4th «M» course of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-83-88>

НИОН: 2003-0059-4/22-356

MOSURED: 77/27-003-2022-04-555

Влияние различных экономических факторов на состояние безопасности дорожного движения

Адилъ Серикович Ермаганбетов

Научный центр безопасности дорожного движения, Москва, Россия, aermaganbetov@mvd.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы влияния уровня социально-экономического развития, в том числе дорожных фондов на состояние безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: регионы-доноры, регионы-реципиенты, федеральный дорожный фонд, дорожно-транспортная аварийность

Для цитирования: Ермаганбетов А. С. Влияние различных экономических факторов на состояние безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 83–88. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-83-88>.

Original article

The influence of various economic factors on the state of road safety

Adil' S. Ermaganbetov

Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

aermaganbetov@mvd.ru

Abstract. The issues of the impact of the level of socio-economic development, including road funds on the state of road safety are considered.

Keywords: donor regions, recipient regions, federal road fund, traffic accidents

For citation: Ermaganbetov A. S. The influence of various economic factors on the state of road safety. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):83–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-83-88>.

Большое число аварий на автомобильных дорогах причиняют огромный моральный и материальный ущерб всем пострадавшим в таких ДТП людям, а также всему обществу в целом. Аварийность на дорогах способствует исключению трудоспособного населения из разных сфер производственных отношений [1]. Травматизм от ДТП сопровождается тяжелыми демографическими проблемами и может представлять серьезную угрозу не только для населения, но и для всей страны.

Президент на заседании президиума Госсовета по вопросам безопасности дорожного движения в РФ пояснил, что сохранение жизни, здоровья тысяч граждан нашей страны — важнейшее направление государственной политики. Уровень безопасности дорожного

движения и эффективная работа всех объектов транспортной инфраструктуры напрямую влияет на устойчивость социально-экономического развития страны [2].

При этом складывается ситуация, что более развитая транспортная инфраструктура и высокий уровень состояния безопасности дорожного движения отмечается в регионах с высоким уровнем социально-экономического развития, а фактор социально-экономического развития регионов, действительно, в определенном смысле, оказывает существенное влияние на структуру дорожной аварийности.

В соответствии с положениями Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ) Минфином России определены регионы, не получающие дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (регионы-доноры) и

© Ермаганбетов А. С., 2022

получающие такие дотации (регионы-реципиенты)¹.

Для регионов-доноров характерен более высокий уровень социально-экономического развития по сравнению с регионами-реципиентами, что в свою очередь, находит отражение на показателях аварийности.

С целью подтверждения полученного вывода, были собраны и проанализированы сведения о значениях социального риска для рассматриваемых регионов за временной период с 2011 по 2020 годы.

Так в регионах-донорах отмечаются более низкие значения социального риска по сравнению с регионами-реципиентами (средние значения за 10 лет 14,8 и 17,8 соответственно).

Важным считаем отметить, что за истекшее десятилетие значения социального риска для рассматриваемых категорий регионов снизились почти в два раза (-41,2 % и -46,9 %). При этом регионам, имевшим меньшие значения социального риска, удалось достичь более качественного результата по снижению в процентном выражении значений анализируемого показателя (рис. 1).

Рис. 1. Средние значения социального риска регионов РФ в зависимости от получения федеральных дотаций

В соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 БК РФ ежегодными приказами Минфина России, начиная с 2015 года, определены перечни регионов-реципиентов, сгруппированных в зависимости от размера поступающих дотаций из федерального бюджета. В соответствии с представленными перечнями, регионы-реципиенты условно разделяются на следующие группы.

1. Первую группу составляют регионы, в бюджетах которых доля федеральных дотаций в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет не превышала 10 % объема собственных доходов консолидированного бюджета.

2. Вторую группу составляют регионы, в бюджетах которых доля федеральных дотаций за аналогичный отчетный период превышала 10 % собственных доходов консолидированного бюджета.

3. В третью группу включены регионы, в бюджетах которых доля федеральных дотаций за аналогичный отчетный период превышала 40 % собственных

доходов консолидированного бюджета².

За временной период с 2015 по 2020 годы наибольший социальный риск зафиксирован в регионах третьей группы (среднее значение за указанный период составило 16,4) [3; 4; 5; 6; 7]. В регионах первой и второй группы средние значения социального риска составили 14,3 и 15,5 соответственно. При этом за рассматриваемый период отмечено снижение социального риска для каждой группы регионов. Так, значения социального риска для первой и второй группы регионов снизились почти на треть (-29,4 % и -29,5 % соответственно), а для третьей группы почти на пятую часть (-19,0 %) (рис. 2).

Рис. 2. Средние значения социального риска в регионах-реципиентах

Таким образом, в регионах-реципиентах, имевших меньшую долю дотаций (до 10 %), полученных из федерального бюджета, фиксируются более низкие значения социального риска, а также более качественное в процентном отношении их снижение по сравнению с регионами-реципиентами, в которых доля полученных дотаций из федерального бюджета превышает 10 % и 40 % объема собственных доходов консолидированного бюджета региона.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что регионы с невысоким уровнем социально-экономического развития характеризуются более высокими значениями социального риска и более медленными темпами снижения смертности на дорогах.

Также хочется отметить, что с 2011 года в структуре федерального бюджета был создан федеральный дорожный фонд, который должен был стать еще одной из действенных мер, принятых государством для решения проблемы приведения дорожной сети в нормативное состояние и улучшения ситуации с дорожной аварийностью³.

² Ежегодные приказы Минфина России № 453 от 09.12.2014 г., № 409 от 29.10.2015 г., № 481 от 09.11.2016 г., №1029 от 15.11.2017 г., № 3130 от 14.11.2018 г., № 1032 от 15.11.2019 г. «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 БК РФ».

³ Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 68-ФЗ внесены изменения в Бюджетный кодекс РФ и ряд других законодательных актов, предусматривающие создание системы дорожных фондов. Федеральным законом от 30.11.2011 г. № 361-ФЗ в Бюджетный кодекс РФ внесен ряд новых положений, расширяющих источники формирования дорожных фондов и уточняющих возможность использования ассигнования региональных дорожных фондов для капитального ремонта и ремонта дворовых территории многоквартирных домов, проездов к дворовым территориям многоквартирных домов населенных пунктов.

¹ Ежегодные приказы Минфина России «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса РФ».

В соответствии с БК РФ дорожным фондом признается часть средств бюджета, одной из целей которой является финансовое обеспечение дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог общего пользования.

В соответствии с Правилами формирования и использования бюджетных ассигнований федерального дорожного фонда Министерство транспорта РФ [4] распределяет денежные средства на:

- капитальный ремонт, ремонт и содержание автомобильных дорог общего пользования федерального значения и искусственных сооружений на них, а также их обустройство в целях повышения безопасности дорожного движения;
- восстановление автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального и местного значения при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций;
- обеспечение транспортной безопасности объектов дорожного хозяйства;
- предоставление ГК «Российские автомобильные дороги» субсидий;
- предоставление бюджетам субъектов РФ межбюджетных трансфертов на обеспечение дорожной деятельности;
- выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере дорожного хозяйства;
- осуществление иных мероприятий в отношении автомобильных дорог общего пользования федерального значения.

В результате планомерного развития дорожной отрасли государства, за период с 2011 по 2020 года объем федерального дорожного фонда [5] увеличился на 169,1 %, при этом количество ДТП за истекшее десятилетие сократилось более чем на четверть (-27,4 %), а число погибших в них почти на половину (-42,2 %) (рис. 3).

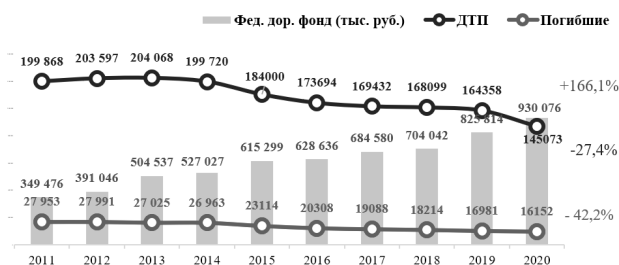

Рис. 3 Соотношение федерального дорожного фонда и показателей аварийности

Указанные факты позволяют выдвинуть гипотезу о наличии взаимосвязи между объемом федерального дорожного фонда и соответственно принятыми обоснованными и обеспеченными управленческими

решениями по его расходованию, позволяють оказывать более точечное и действенное воздействие на основные причины дорожной аварийности, устранение которых поможет существенно сократить количество ДТП и число погибших в них людей.

Кроме того, подтверждение выдвинутой гипотезы позволит сделать вывод об эффективности создания системы дорожных фондов, в качестве основного инструмента, оказывающих наибольшее влияние на состояние безопасности дорожного движения.

В процессе проверки были собраны сведения об объемах федерального дорожного фонда, а также сведения о количестве дорожных происшествий и погибших в них людей за истекшее десятилетие.

Исследованием установлено, что планомерное и последовательное увеличение объемов федерального дорожного фонда имеют очень высокую обратную корреляционную зависимость (-0,94) как с количеством ДТП, так и числом погибших в них людей (рис. 4).

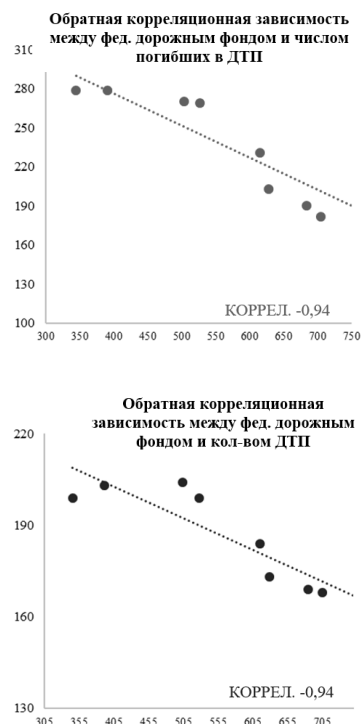

Рис. 4. Наличие корреляционной зависимости между федеральным дорожным фондом и показателями аварийности

Факт имеющейся обратной корреляционной зависимости между рассматриваемыми показателями, также может свидетельствовать о наличии аналогичной зависимости между объемами региональных дорожных фондов, начавших функционировать в большей части регионов с 2012 года, и рассматриваемыми выше абсолютными показателями аварийности¹.

¹ Данные об объемах дорожных фондов взяты из законов субъектов Российской Федерации о бюджетах.

Проведенным исследованием все регионы были сгруппированы в зависимости от степени корреляционной зависимости.

Так, очень высокая обратная корреляционная зависимость (от -0,9 до -1) между региональными дорожными фондами и количеством зафиксированных ДТП установлена в 11 регионах, высокая (от -0,7 до -0,9) — в 36, средняя (от -0,5 до -0,7) — в 17, слабая (от -0,3 до -0,5) в 11 и очень слабая (от 0 до -0,3) — в 5 регионах.

Наличие прямой корреляционной зависимости в 5 регионах (5,9 %) может свидетельствовать о низкой эффективности распределения средств региональных дорожных фондов, направленных на устранение основных причин дорожной аварийности. Так в 3 регионах отмечена очень слабая прямая корреляционная зависимость, и по одному региону с прямой слабой и средней корреляционной зависимостью.

Корреляционная зависимость между объемами региональных дорожных фондов и погибших на их территориях в ДТП людей выглядит следующим образом. Очень высокая обратная корреляционная зависимость установлена в 5 регионах, высокая — в 42, средняя — в 19, слабая — в 11, очень слабая — в 8. При этом прямая корреляционная зависимость отмечена только в 2 регионах и представлена в виде очень слабой (рис. 5).

Для более наглядной иллюстрации наличия корреляционной зависимости в каждом конкретном регионе будет представлена карта России с соответствующей разбивкой субъектов в зависимости от ее степени (рис. 6–7).

Таким образом, ввиду наличия очень высокой обратной корреляционной связи между рассматриваемыми показателями, можно сделать вывод о том, что система дорожных фондов действительно является одним из основных эффективных инструментов, оказывающих существенное влияние на повышение безопасности дорожного движения.

Подводя итоги проведенного исследования можно сделать **следующие выводы**.

Во-первых, регионы с невысоким уровнем социально-экономического развития характеризуются более высокими значениями социального риска и более медленными темпами снижения смертности на дорогах. Кроме того, дотационные регионы, получающие из федерального бюджета меньше бюджетных ассигнований для выравнивания бюджетной обеспеченности, характеризуются более низкими значениями социального риска, а также более качественным в процентном отношении снижением данного показателя по сравнению с дотационными регионами, получающих более значительные бюджетные ассигнования для аналогичных целей.

Во-вторых, созданная система дорожных фондов оказывает существенное влияние на повышение без-

опасности дорожного движения, что подтверждается наличием очень высокой обратной корреляционной связи (-0,94) между объемом федерального дорожного фонда и количеством дорожных происшествий, а также погибших в них, а также наличием в преобладающем количестве регионов (47 с ДТП и погибших в них) высокой и очень высокой корреляционной зависимости между рассматриваемыми показателями.

Таким образом, эффективное расходование средств федерального и региональных дорожных фондов, позволит более эффективно определять «проблемные», с точки зрения дорожной аварийности, регионы и осуществлять мероприятия, направленные на устранение основных причин и условий, способствующих совершению ДТП, что, в свою очередь, в перспективе позволит существенно повысить состояние безопасности дорожного движения в стране.

Список источников

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Наумов С. Б., Лопарев Е. А., Ермаганбетов А. С., Исаев М. М., Шестериков Н. А., Князев А. С., Ивлев В. С., Мохов А. Г. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2020 год // Информационно-аналитический обзор. Москва, 2021.
2. URL:<http://www.Kremlin.ru/events/president/news/51506/> (дата обращения: 12.10.2021).
3. Дымберов А. Д., Князев А. С., Бородин С. Г., Бурмистров А. О., Дедюлин Е. В. Анализ структуры, тенденций и закономерностей дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации за 2015 год // Отчет о НИР (МВД России).
4. Князев А. С., Бурмистров А. О. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года // Информационно-аналитический обзор / Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Москва, 2017.
5. Князев А. С., Линник Т. М., Бурмистров А. О. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2017 года // Отчет о НИР.
6. Линник Т. М., Боронина В. С., Галаева О. В. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2018 года // Информационно-аналитический обзор / Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Москва, 2018.
7. Боронина В. С., Линник Т. М., Наумов С. Б., Шестериков Н. А. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12

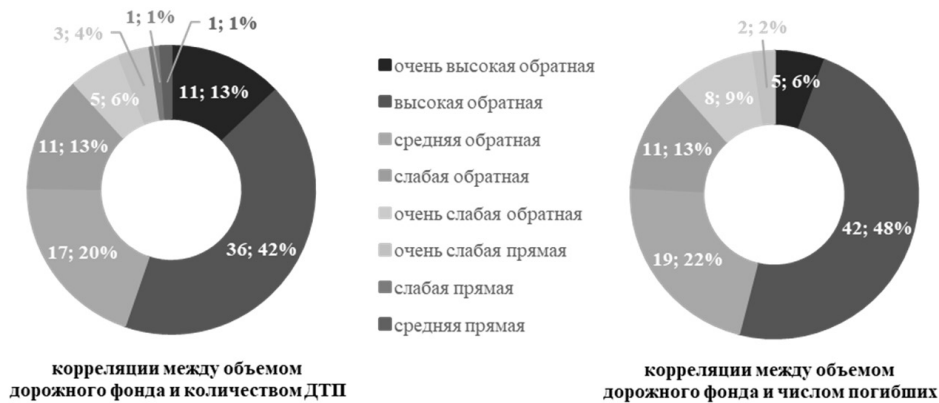

Рис. 5. Наличие корреляционной зависимости между региональными дорожными фондами и показателями аварийности

Рис. 6. Корреляционная зависимость между региональными дорожными фондами и количеством произошедших на территории региона ДТП

Рис. 7. Корреляционная зависимость между региональными дорожными фондами и числом погибших в ДТП

месяцев 2019 года // Информационно-аналитический обзор / Под общей редакцией Д. В. Митрошина. Москва, 2020.

References

1. Bakanov K. S., Lyakhov P. V., Naumov S. B., Loparev E. A., Ermaganbetov A. S., Isaev M. M., Shestikov N. A., Knyazev A. S., Ivlev V. S., Mokhov A. G. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2020 // Information and analytical review. Moscow, 2021.
2. URL:<http://www.Kremlin.ru/events/president/news/51506> / (date of access: 12.10.2021).
3. Dymberov A.D., Knyazev A. S., Borodina S. G., Burmistrov A. O., Dedyulin E. V. Analysis of the structure, trends and patterns of road traffic accidents in the Russian Federation for 2015 // Research report (Ministry of Internal Affairs of Russia).
4. Knyazev A. S., Burmistrov A. O. Road traffic accidents in the Russian Federation for 12 months of 2016 // Information and analytical review / Research Center for Road Safety Problems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2017.
5. Knyazev A. S., Linnik T. M., Burmistrov A. O. Road traffic accidents in the Russian Federation for 12 months of 2017 // Research report.
6. Linnik T. M., Boronina V. S., Galaeva O. V. Road traffic accidents in the Russian Federation for 12 months of 2018 // Information and analytical review / Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2018.

7. Boronina V. S., Linnik T. M., Naumov S. B., Shestikov N. A. Road traffic accidents in the Russian Federation for 12 months of 2019 // Information and analytical review / Under the general editorship of D. V. Mitroshin. Moscow, 2020.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 г. № 1206 (ред. от 22.12.2018) «О порядке формирования и использования бюджетных ассигнований Федерального дорожного фонда и о внесении изменений в Правила формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы» (вместе с «Правилами формирования и использования бюджетных ассигнований Федерального дорожного фонда») // Собрание законодательства РФ, 13.02.2012, № 7, ст. 849.
2. <https://spending.gov.ru/budget/fkr> (дата обращения: 30.11.2021).

Bibliographic list

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 1206 dated 30.12.2011 (ed. dated 22.12.2018) «On the procedure for the formation and use of budget Allocations of the Federal Road Fund and on Amendments to the Rules for the Formation and Implementation of the Federal Targeted Investment Program» (together with the «Rules for the Formation and use of budget allocations of the Federal Road Fund») // Collection of Legislation RF, 13.02.2012, № 7, Article 849.
2. <https://spending.gov.ru/budget/fkr> (accessed: 11/30/2021).

Информация об авторе

А. С. Ермаганбетов — старший научный сотрудник Научного центра безопасности дорожного движения МВД России.

Information about the author

A. S. Ermaganbetov — Senior Researcher of the Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-89-93>

НИОН: 2003-0059-4/22-357

MOSURED: 77/27-003-2022-04-556

Цифровая валюта с криминальной окраской

Сергей Вячеславович Ермаков¹, Денис Дмитриевич Губанов², Артем Михайлович Силкин³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ermak27@mail.ru

² Управление внутренних дел по Северо-Западному административному округу г. Москвы, Москва, Россия, dionis.gubanov@yandex.ru

³ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, timsil@ya.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты совершения операций с цифровыми валютами, а также проблемы деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершенным с использованием цифровых валют. Исследуются вопросы регулирования криптовалют, примеры их использования для легализации имущества добытого преступным путем, меры по противодействию данным преступлениям. Сделан вывод о необходимости оснащения подразделений органов внутренних дел программно-аппаратными комплексами, обеспечивающими контроль в сфере оборота криптовалют.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, биткоин, финансовые операции, легализация, отмывание преступных доходов, противодействие

Для цитирования: Ермаков С. В., Губанов Д. Д., Силкин А. М. Цифровая валюта с криминальной окраской // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 89–93. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-89-93>.

Original article

Digital currency with criminal overtones

Sergey V. Ermakov¹, Denis D. Gubanov², Artem M. Silkin³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ermak27@mail.ru

² Department of Internal Affairs for the North-Western Administrative District of Moscow, Moscow, Russia, dionis.gubanov@yandex.ru

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, timsil@ya.ru

Abstract. The article highlights certain aspects of transactions with digital currencies, the problems of the activities of the authorities to combat crimes committed using digital currencies. The authors of the methods of regulation of cryptocurrencies, examples of their use for the legalization of property in a criminal way, measures to counter this crime. It is concluded that it is necessary to equip the departments of internal organs with software and hardware systems that provide control in the field of cryptocurrency turnover.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, bitcoin, financial transactions, legalization, money laundering, counteraction

For citation: Ermakov S. V., Gubanov D. D., Silkin A. M. Digital currency with criminal overtones. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):89–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-89-93>.

В связи с развитием информационных технологий меняются предметы, способы и средства совершения преступлений. Всё больше преступлений совершается в сети Интернет и с использованием компьютерной техники и технологий. С появлением цифровых валют появились разнообразные формы их использования в преступной деятельности. Криптовалюта может выступать предметом преступления (вымогательство, получение взятки, хищение).

Криптовалюты для одних субъектов являются рискованными инвестициями, показывающими значительный рост, для других — средством расчетов в криминальном мире (в том числе в DarkNet), для третьих — способом уклонения от государственного финансового контроля.

По существу криптовалюта — это спекулятивный инвестиционный квазифинансовый инструмент, нематериальный актив, позволяющий без осуществления государственного финансового контроля хранить средства в виде цифровых записей, осуществлять прозрачные трансграничные платежи и переводы между анонимными субъектами, в том числе посредством компьютерной технологии блокчейн, а также обменивать цифровые записи на фиатные деньги.

Создание криптовалют — это посягательство мирового масштаба на монополию государств по эмиссии денежных знаков.

Для организации противодействия преступлениям, совершаемым с криптовалютой, со стороны правоохранительной системы необходимо, прежде всего, понимание её правового статуса в качестве предмета и средства совершения преступлений.

Так в чем привлекательность использования криптовалюты в преступной деятельности? Анонимность, сложность с идентификацией владельца (бенефициара), децентрализация криптовалют — являются основными факторами, привлекающими криминальных элементов и в тоже время создающими технические проблемы для деятельности правоохранительных органов. В связи с децентрализацией учета криптовалют, такого рода операции позволяют субъектам хозяйственной и незаконной деятельности не пользоваться дорогостоящими услугами банков [1], избежать контроля со стороны государственных органов или третьих лиц, сохранить анонимность сведений о себе, при этом сама операция будет иметь прозрачный вид, так как вся информация о движении средств проверяется и сохраняется по технологии блокчейн. Таким образом, использование цифровых финансовых активов имеет ряд преимуществ по защите и сохранности самих средств, таких как: прозрачность использования;

защищенность криптографическими средствами; невозможность блокирования, ареста; невозможность подделки; отсутствие полноценного надзора.

Несмотря на все преимущества использования криптовалют для субъектов хозяйственной деятельности, для государства данное новшество в финансовой сфере представляет угрозу. Государство теряет контроль за сектором экономических отношений между гражданами, субъектами финансово-хозяйственной деятельности. Граждане, осуществляющие приобретение ничем не обеспеченных виртуальных активов, рискуют своими реальными денежными средствами, и в тоже время получают неконтролируемые доходы, обусловленные ростом обменного курса криптовалюты.

Как было верно замечено учеными, что важно обратить внимание на полномасштабное развитие сервисов для конвертации криптовалюты и обналичивания фиатных средств [2]. Действительно, масштабное привлечение средств граждан в данный квазифинансовый инструмент может повлечь, в том числе и негативные экономические и даже социальные последствия.

На протяжении последних нескольких лет ряд развитых государств пытаются адаптироваться к новой системе расчетов, принимая законодательные акты о цифровых финансовых активах, заключая соглашения с биржами, включая криптомонеты в денежную систему страны, и даже готовится запустить эмиссию собственной криптовалюты.

Так, например, Банк Японии начал тестировать собственную цифровую валюту CBDC в качестве платежного инструмента. В США, штате Огайо правительством штата был разработан проект оплаты налогов предпринимателями криптовалютой Bitcoin. Криптовалютная биржа Coinbase получила лицензию на работу с цифровыми активами от центрального банка Ирландии, от Федерального управления финансового надзора Германии (BaFin) [3].

Само по себе использование криптовалют при расчетах не является преступлением, но при осуществлении расчетов за запрещенные к обороту предметы и за незаконные услуги, а также при легализации (отмывании) преступных доходов, в случае применения криптовалют в схемах по приданию правомерности владения преступными активами, они могут приобрести криминальную окраску.

FATF возложила ответственность на национальные органы за реализацию правил ПОД / ФТ путем использования национальных законов и правил в пределах их юрисдикции. Провайдеры услуг виртуальных активов должны подлежать лицензированию или регистрации. 28 октября 2021 г. принято обновленное

руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и поставщикам услуг виртуальных активов [4].

Совершенно очевидно, что необходима обширная правовая регламентация использования криптовалют [5]. В России предпринята попытка регулирования оборота криптовалют путем принятия закона о цифровых финансовых активах. Вместе с тем, даже сейчас на сайте Банка России нет реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, в котором бы находился хоть один оператор. При этом в руководстве ЦБ вызывают опасения покупки криптовалюты гражданами, и обсуждается вопрос о запрещении использования криптовалют с установлением ответственности.

В Гражданском кодексе РФ цифровые права признаются объектами гражданских прав (ст. 128), а в судебной и следственной практике виртуальные активы рассматриваются в данном контексте в качестве предмета преступления.

Следует отметить что, несмотря на предпринятые попытки по законодательному регулированию нового квазифинансового инструмента, в настоящее время зачастую криптовалюта широко используется в криминальной сфере. Преступники, используют операции с криптовалютами в своих противоправных целях, изобретая новые схемы и способы легализации доходов, добытых преступным путем, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исходя из положений Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», под легализацией следует понимать придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления.

На необходимость закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации вопросов использования цифровых валют при легализации (отмывании) доходов указывали специалисты.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» предметом преступлений, предусмотренных названными статьями, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате

совершения преступления.

Так, в период с 12.07.2018 по 15.10.2018 П. посредством совершения «финансовых» операций по купле-продаже криптовалюты с использованием ресурсов обменника криптовалюты «Localbitcoins», с последующим их переводом на банковские счета ПАО Сбербанк, придавал правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами на общую сумму 325840,14 рублей, приобретенными в результате незаконного сбыта наркотических средств, тем самым обеспечил возможность введения денежных средств в легальный гражданско-правовой оборот [5].

Рассмотрим также пример использования криптовалюты для легализации имущества добытого преступным путем, и примерный алгоритм расследования. Так, например, совершая одно из самых распространенных преступлений, а именно мошенничество, злоумышленник(и) неправомерно завладевают имуществом. Для придания законного вида имуществу с ним будут совершаться различные операции. Криптовалютная биржа в этом плане будет являться удобным инструментом, так похитив денежные средства, мошенник мгновенно покупает один из токенов, представленных на бирже, а далее проводит ряд операций, стараясь запутать следы, в конечном итоге, выводя денежные средства на счета аффилированных лиц. При этом «бенефициар» может остаться полностью анонимным. Следствие будет иметь дело лишь с учредителем подставного юридического лица, брокером, сопровождающим операции, и фирмой, которой причинен ущерб. Для того чтобы восстановить всю цепочку операций, необходимо будет задействовать множество ресурсов правоохранительных органов и получить информационное содействие от криптовалютных бирж.

Не все биржи оказывают содействие правоохранительным органам, а некоторые имеют сомнительную репутацию, и соответственно должны проверяться компетентными органами государства. К таким относятся Bitfinex и аффилированную компанию Tether Ltd. Последняя занимается предоставлением электронной валюты стейблкоина – USDT, обеспеченной долларом США. Несмотря на высокий спрос в начале данного проекта, сейчас это самая обсуждаемая и компрометированная компания, подозреваемая в совершении многих экономических преступлений, расследованием, которых занимается Министерство юстиции США.

Однако во многих криптобиржах используется правило «знай своего клиента». Криптобиржи обычно запрашивают ФИО, дату рождения, почту, номер

телефона, страну и адрес проживания, ID (паспорт, права или другой документ). Данные предоставляются правоохранительным органам. Запросы правоохранительных органов на криптовалютные биржи, в том числе находящиеся за рубежом, можно направлять, непосредственно через электронную форму обратной связи, расположенную на сайте биржи, с указанием служебной почты сотрудника правоохранительного органа.

Кроме того в данных ситуациях возможно направление запросов правоохранительных органов в Росфинмониторинг в рамках организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем.

Проведя в ходе расследования допросы установленных лиц для определения роли и действий каждого участника, и получив ответ криптовалютной биржи о содержании операций, проводимых интересующим следствием клиентом, необходимо установить расчетные счета конечных получателей, которые, в свою очередь, должны будут обналечить денежные средства. Чтобы приблизиться к установлению всех обстоятельств совершенного преступления, следствию необходимо установить также сотрудников биржи (брокеров), участвовавших в проведении операций с интересующим нас электронным-кошельком. Отследить вероятный путь денежных средств, добытых преступным путем, в том числе с использованием различных специальных программных инструментов, таких как «Прозрачный блокчейн».

Установить всех участников преступной схемы представляется не всегда возможным в связи с основным постулатом цифровой валюты — децентрализация учета. Кроме того, трудности возникают при использовании злоумышленниками аккаунтов с криптокошельками, зарегистрированных на подставных либо вымышленных лиц, при совершении множества операций, проводимых с криптовалютой, при использовании миксеров.

Даже получив интересующие IP-адреса, правоохранители сталкиваются с проблемой установления местонахождения конечного оборудования, так как в интернет среде используются различные средства анонимизации (VPN, Tor и другие). Таким образом, без сотрудничества подозреваемого или обвиняемого со следствием в настоящий момент сложно доказать связь лица с криптовалютой и совершенными операциями.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что важно налаживание сотрудничества правоохра-

нительных органов с криптовалюными биржами, с перспективами блокировки электронного кошелька, а в дальнейшем и с наложением ареста на средства, находящиеся на нем с переводом на криптокошельки правоохранительных органов.

Требуется научная и техническая разработка системы следственных действий, проводимых в цифровой среде.

В рамках функционирования системы ПОД / ФТ необходима организация работы служб безопасности торговых площадок и обменников с целью контроля за оборотом криптоактивов, полученных преступным путем, а также служб безопасности кредитных организаций, по контролю за операциями по приобретению криптовалют.

Так как оборот криптовалюты основан на использовании компьютерных технологий, то и противодействие незаконному обороту возможно путем разработки, внедрения и использования специальных программных средств, например, «Прозрачный блокчейн», доступных для использования сотрудниками правоохранительных органов.

Список источников

1. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60d9e83a9a79472621728be2> (дата обращения: 29.11.2021).
2. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 26.11.2021 года.)
3. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
4. URL: <http://www.rbc.ru/> Банк России расширит запрет на использование криптовалюты. 15 Сентября 2021 (дата обращения: 29.11.2021).
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 13 февраля 2020 года. Дело № 1-44/2020 (11801000015000175) URL :<https://sudact.ru/regular/doc/QfdjN3V9rHbV/> (дата обращения 29.11.2021).

References

1. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60d9e83a9a79472621728be2> (accessed: 29.11.2021).
2. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/>

- fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets-2021.html (accessed: 26.11.2021.)
3. Federal Law of July 31, 2020 № 259-FZ «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (part I). Art. 5018.
 4. URL: [http://www.rbc.ru/The Bank of Russia will expand the ban on the use of cryptocurrency. September 15, 2021 \(accessed: 29.11.2021\).](http://www.rbc.ru/The Bank of Russia will expand the ban on the use of cryptocurrency. September 15, 2021 (accessed: 29.11.2021).)
 5. Sentence of the Oktyabrsky District Court of the city of Kirov dated February 13, 2020. Case № 1-44/2020 (11801000015000175) URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QfdjN3V9rHbV/> (accessed: 29.11.2021).

Информация об авторах

С. В. Ермаков — заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Д. Д. Губанов — следователь Следственного управления Управления внутренних дел по Северо-Западному административному округу Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве;

А. М. Силкин — Краснодарский университет МВД России.

Information about the authors

S. V. Ermakov — Deputy Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. D. Gubanov — Investigator of the Investigative Department of the Department of Internal Affairs for the North-Western Administrative District of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the city of Moscow;

A. M. Silkin — Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-94-98>

НИОН: 2003-0059-4/22-358

MOSURED: 77/27-003-2022-04-557

Административно-правовой статус должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом назначения служебной проверки

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

vz15111982@gmail.com

Аннотация. Анализируются административно-правовой статус начальников (руководителей) органов внутренних дел, наделенных правом возбуждения дисциплинарного производства и назначения служебной проверки. Исследуются нормативно-правовые акты, закрепляющие отдельные элементы правового статуса, конкретизируются права, обязанности, запреты и ограничения уполномоченных начальников (руководителей) в их системной взаимосвязи. Изучаются проблемы, возникающие в рамках дисциплинарного производства, и предлагаются пути их преодоления при разрешении дисциплинарно-трудовых споров в системе органов внутренних дел.

Ключевые слова: служебная дисциплина, законность, дисциплинарный проступок, служебная проверка, права, обязанности, запреты и ограничения уполномоченных начальников (руководителей) органах внутренних дел

Для цитирования: Журавлев В. В. Административно-правовой статус должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом назначения служебной проверки // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 94–98. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-94-98>.

Original article

Administrative and legal status of officials of internal affairs bodies entitled to appoint an internal audit

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the administrative and legal status of the heads (heads) of internal affairs bodies who are entitled to initiate disciplinary proceedings and appoint an internal audit. The normative legal acts fixing separate elements of the legal status are analyzed, the rights, duties, prohibitions and restrictions of authorized chiefs (managers) in their systemic interrelation are specified. The problems arising in the framework of disciplinary proceedings are studied, and ways of overcoming them are proposed when resolving disciplinary and labor disputes in the system of internal affairs bodies.

Keywords: official discipline, legality, disciplinary misconduct, official inspection, rights, duties, prohibitions and restrictions of authorized chiefs (managers) of internal affairs bodies

For citation: Zhuravlev V. V. Administrative and legal status of officials of internal affairs bodies entitled to appoint an internal audit. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):94–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-94-98>.

© Журавлев В. В., 2022

Дисциплинарное производство, как часть административно-юрисдикционной деятельности, представляет собой систему последовательных стадий, объединенных общей целью по установлению в деянии сотрудника органов внутренних дел состава проступка, связанного с нарушением служебной дисциплины и разрешения возникшего вследствие этого дисциплинарно-трудового спора в установленном законом порядке. Изучение совокупности процессуальных правоотношений, возникающих в этой связи, требует детального анализа административно-правового статуса его участников, то есть лиц, принимающих участие в дисциплинарном производстве, в целях определения и, при необходимости, нормативного закрепления его элементов: прав и обязанностей, запретов и ограничений, ответственности и гарантий.

Исчерпывающий перечень должностных лиц, наделенных властными полномочиями по возбуждению дисциплинарных дел и наложению дисциплинарных взысканий (далее — уполномоченный начальник (руководитель)) определен Приказом МВД России [1].

Помимо должностных лиц органов внутренних дел целесообразно упомянуть Президента Российской Федерации, который в рамках своего административно-правового статуса наделен полномочиями по освобождению (переводу на нижестоящую должность, увольнению) сотрудников органов внутренних дел, замещающих должности высшего начальствующего состава [2].

Основными правами уполномоченного начальника (руководителя) в рамках осуществления дисциплинарного производства являются:

1. Принимать решение о назначении служебной проверки либо ходатайствовать о ее назначении перед вышестоящим должностным лицом органов внутренних дел.
2. Принимать решение о привлечении подчиненного сотрудника органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности без назначения служебной проверки.
3. Принимать решение об освобождении подчиненного сотрудника от дисциплинарной ответственности в силу малозначительности совершенного проступка.
4. Проводить служебную проверку самостоятельно либо делегировать право ее проведения подчиненному сотруднику (группе сотрудников) в рамках своего властного усмотрения.
5. Продлевать срок проведения служебной проверки.

6. Отстранять сотрудника от проведения служебной проверки по основаниям, указанным в части 2 статьи 52 Федерального закона [6].
7. Принимать решение о выделении материалов служебной проверки в отношении отдельных должностных лиц в случае невозможности ее завершения в силу объективных причин.
8. Принимать решение о проведении дополнительных мероприятий, необходимость в проведении которых возникла в конкретной ситуации при производстве по дисциплинарному делу.
9. Принимать решение о временном отстранении сотрудника от выполнения служебных обязанностей.
10. Утверждать заключение по материалам служебной проверки и подписывать приказ о наложении дисциплинарного взыскания.
11. Ходатайствовать перед вышестоящим руководителем о наложении на сотрудника дисциплинарного взыскания, которое не входит в его властные полномочия.
12. Отменять или изменять дисциплинарные взыскания, наложенные на сотрудника органов внутренних дел нижестоящими начальниками (руководителями), в случаях их несоответствия тяжести совершенного деяния.

Таким образом, анализ прав уполномоченных начальников (руководителей) в дисциплинарном производстве позволяет выделить их основные черты. Во-первых, они представляют собой совокупность властных полномочий, призванных решить вопросы возбуждения, продления и разрешения дисциплинарно-трудового спора. Во-вторых, уполномоченный начальник (руководитель) наделен обширным перечнем надзорных функций, реализация которых призвана обеспечить соблюдение прав и обязанностей участников дисциплинарного производства. В-третьих, он контролирует полноту и всесторонность проведенных в ходе служебной проверки мероприятий, оценивает объективность собранных материалов и выводов, содержащихся в заключении. Следует признать, что процессуальная составляющая принятия уполномоченным начальником (руководителем) властных решений в рамках дисциплинарного производства видится не проработанной, поскольку в большинстве случаев не имеет единообразных форм и утвержденных образцов бланков документов. Так, издание приказа, как правовой формы выражения решения, принятого уполномоченным начальником (руководителем), предусмотрено в ограниченном числе случаев: при необходимости

наложения взыскания или его отмены (изменения), временного отстранения сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка либо отстранения члена комиссии при получении сведений о его возможной личной или косвенной заинтересованности в результатах ее проведения. Принятие большинства других властных решений уполномоченным начальником (руководителем) осуществляется в иных правовых формах, находящих свое фактическое выражение в отдании устных приказов (например, о виде дисциплинарного наказания, подлежащего включению в проект приказа) или наложении соответствующих резолюций на бланках внутренних служебных документов, подготавливаемых должностным лицом в рамках служебной проверки (например, рапортах о продлении сроков служебной проверки, выделении материалов в отношении отдельных сотрудников и т.д.). Полагаем, что существующее состояние порядка использования властных полномочий начальником (руководителем) при разрешении дисциплинарно-трудовых споров в органах внутренних дел не отвечает современным реалиям в административно-юрисдикционной деятельности. В этой связи, их реализация должна быть основана только на применении правовых форм, выражающихся в издании индивидуальных актов управления, либо совершении иных юридически значимых действий путем составления строго определенных процессуальных документов, имеющих установленную форму и внутреннее содержание. Так, принимать решение о возбуждении дела о дисциплинарном проступке целесообразно путем вынесения и утверждения уполномоченным начальником (руководителем) постановления, а продлевать сроки служебной проверки либо выделять отдельные ее материалы следует путем вынесения соответствующего определения.

Основными обязанностями уполномоченного начальника (руководителя) в рамках осуществления дисциплинарного производства являются:

1. Осуществление общего контроля за порядком проведения служебной проверки, соблюдением прав и обязанностей ее участников.
2. Организация служебной проверки по фактам разглашения или утраты сведений, составляющих государственную тайну в соответствии с требованиями постановления Правительства Российской Федерации [3].
3. Согласование решения о проведении служебной проверки в отношении сотрудников подразделений собственной безопасности с упол-

номоченными должностными лицами органов внутренних дел.

4. Выделение и направление материалов, указывающих на наличие в деяниях сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, признаков иного правонарушения (административного, уголовного) по подведомственности.
5. Отстранение сотрудника от проведения служебной проверки при наличии оснований, указанных в части 2 статьи 52 Федерального закона [6].
6. Незамедлительное информирование вышестоящего руководителя (начальника) о факте совершения дисциплинарного проступка сотрудниками нескольких органов (подразделений) внутренних дел для принятия решения о проведении служебной проверки, а также их прямых руководителей (начальников).
7. Принятие мер по оказанию сотруднику органов внутренних дел, в отношении которого проводится служебная проверка, необходимой помощи (социальной, психологической).
8. Принятие предусмотренного законом процессуального решения по результатам проведения служебной проверки и обеспечение его исполнения в установленные сроки.
9. Принятие решение о назначении расследования по иным фактам нарушения дисциплины, выявленным в ходе служебной проверки.
10. Рассмотрение в срок, не превышающий пяти дней, заявлений, ходатайств и жалоб, заявленных сотрудником органов внутренних дел, в отношении которого проводится служебная проверка [4].
11. Ознакомление сотрудника органов внутренних дел в установленный законом срок под расписку с приказом (актом) о наложении дисциплинарного взыскания.
12. Рассмотрение обращения сотрудника органов внутренних дел, обжалующего решение нижестоящего начальника (руководителя) о наложении дисциплинарного взыскания в срок, не превышающий одного месяца [5].
13. В обязанности Министра внутренних дел также входит уведомление Президента Российской Федерации о привлечении к дисциплинарной ответственности сотрудника, замещающего должность в органах внутренних дел, назначение на которую и освобождение

от которой осуществляются Президентом Российской Федерации.

Обобщая перечень обязанностей в рамках дисциплинарного производства, выделим их основные черты. Во-первых, уполномоченный начальник (руководитель) отвечает за выполнения организационно-распорядительных функций, связанных с контролем за процедурным порядком возбуждения дисциплинарного производства в отношении отдельных должностных лиц. Во-вторых, принимает в установленные законом сроки процессуальные решения в рамках предоставленных полномочий по результатам рассмотрения обращений и ходатайств участников дисциплинарного производства, а также по иным фактам нарушений служебной дисциплины и законности, выявленным в ходе служебной проверки. В-третьих, организует исполнение решения, принятого по результатам дисциплинарного производства, и его доведение до сведения заинтересованных лиц. Обратим внимание, что ряд приведенных обязанностей либо не имеют четко определенного срока их выполнения, либо ограничиваются расплывчатыми формулировками, например, «незамедлительно», что является недопустимым в административно-юрисдикционной деятельности и требует соответствующей конкретизации.

Запреты и ограничения, возникающие у уполномоченного начальника (руководителя) в рамках дисциплинарного производства:

1. Недопустимость наложение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных Дисциплинарным уставом.
2. Запрет на разглашение информации, полученной в рамках проведения служебной проверки, которая прямо или косвенно относится к сотрудникам.
3. Запрет на привлечение к проведению служебной проверки должностных лиц, прямо или косвенно заинтересованных в ее результатах.

Обобщая административно-правовой статус должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом назначения служебной проверки, отметим, что он не имеет закрепления в едином нормативном первоисточнике и представляют собой совокупность разрозненных элементов, содержащихся в федеральных законах и подзаконных актах, регламентирующих вопросы разрешения дисциплинарно-трудовых споров в системе органов внутренних дел. Реализация отдельных прав и обязанностей уполномоченного начальника (руководителя), зачастую, затrudняется отсутстви-

ем четкого и последовательного алгоритма действий, унифицированного процессуального порядка и бланков документов, имеющих единообразную форму и содержание. И, наконец, нельзя не отметить необходимость реализации властных полномочий в дисциплинарном производстве путем использования правовых форм, выражающихся в издании письменных индивидуальных актов управления. Таким образом, полагаем, что административно-правовой статус должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом назначения служебной проверки, требует дальнейшей конкретизации, а административно-юрисдикционная деятельность — унификации.

Список источников

1. Приказ МВД России от 01 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 21.12.2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1 «Об утверждении Инструкции по обеспечению режима секретности в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД России от 26.03.2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 14.10.2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 50 dated February 01, 2018 «On approval of the procedure for organizing service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation № 699 dated December 21, 2016 «On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 5, 2004 № 3-1 «On approval of the Instructions for ensuring the secrecy regime in the Russian Federation» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 26.03.2013 № 161 «On approval of the Procedure for conducting an internal audit in the bodies, organizations and subdivisions of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation».
5. Decree of the President of the Russian Federation № 1377 dated 14.10.2012 «On the Disciplinary Charter of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».
6. Federal Law № 342-FZ dated 30.11.2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // [Electronic resource] SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-99-104>

ИИОН: 2003-0059-4/22-359

MOSURED: 77/27-003-2022-04-558

О проблемах и перспективах создания в России частных военных компаний

Марина Валерьевна Зубова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Анализируется международный опыт организации деятельности и правового статуса частных военных компаний. Сделан вывод о том, что частные военные компании вносят серьезный вклад в решение международных военных конфликтов. Высказан ряд предложений по корректировке их деятельности.

Ключевые слова: частные военные компании, частные охранные компании, международные конфликты, национальная безопасность

Для цитирования: Зубова М. В. О проблемах и перспективах создания в России частных военных компаний // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 99–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-99-104>.

Original article

About the problems and prospects of creating private military companies in Russia

Marina V. Zubova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The international experience on the organization of activities and the legal status of private military companies is analyzed. It is concluded that private military companies make a serious contribution to the resolution of international military conflicts. A number of proposals have been made to adjust their activities.

Keywords: private military companies, private security companies, international conflicts, national security

For citation: Zubova M. V. About the problems and prospects of creating private military companies in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):99–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-99-104>.

Сегодня практически любой военный конфликт не обходится без участия частных военных компаний (далее — ЧВК, англ. *private military company*), которые, как считают некоторые военные аналитики, стали высокопрофессиональной ударной силой в ситуациях, которые обычные армейские соединения не могут разрешить иными способами. Между тем, с позиций международного права и национальных законодательств государств, допускающих их создание, ЧВК — это субъект специфической коммерческой деятельности, оказывающий на свободном рынке специализированные услуги. Не случайно, что в нацио-

нальных и межгосударственных документах, наряду с наименованием «ЧВК», используется термин «частная охранная компания» (далее — ЧОК).

По оценкам журнала *The Economist*, рынок услуг ЧВК в настоящее время составляет порядка 100 млрд долл. в год, а в перспективе достигнет 200–350 млрд долл. Некоммерческая организация *War On Want* оценивает этот рынок в 400 млрд долл., считая, что годовая выручка крупного ЧВК может достигать 10 млрд долл. Наибольшее количество ЧВК сосредоточено в США, Бельгии, Великобритании, Израиле и ЮАР, активно действуют ЧВК из Польши и Украины.

© Зубова М. В., 2022

Правовой статус и перечень услуг, которые могут оказывать ЧВК, различаются; как правило, ЧВК решается оказывать следующие услуги:

- вооруженная охрана (оборона) кого-либо или чего-либо (включая охрану посольств, месторождений, заводов, энергетических объектов, военных баз и складов, тюрем, сопровождение колонн и грузов, физическую охрану и т. п.), в том числе на нестабильных территориях и в зонах военных (вооруженных) конфликтов;
- оборудование охраняемых объектов средствами технической защиты, в том числе противопожарной;
- разминирование минных полей и уничтожение неразорвавшихся боеприпасов;
- сбор разведывательной и иной конфиденциальной информации;
- стратегическое планирование, разработка логистики и консультирование;
- языковой перевод и лингвистическое обеспечение;
- подбор, проверка и подготовка кадров для вооруженных сил и их вспомогательных подразделений, неправительственных организаций и частных структур;
- поставка и обслуживание специального оборудования и снаряжения.

Допускается привлечение ЧВК к международным миротворческим операциям, в том числе по линии ООН, но не в качестве военной силы.

Сотрудники (бойцы) ЧВК работают, как правило, по контрактам и выполняют функции охранников, технических работников, советников, консультантов, инструкторов и иных специалистов. Они имеют право на ношение и применение отдельных видов вооружения. Однако обычная деятельность по оказанию услуг ЧВК не предполагает применения оружия и участия в боевых действиях на стороне работодателя, за исключением случаев самообороны.

В случае участия ЧВК в боевых действиях и контртеррористических операциях в составе вооруженных сил или иных легальных вооруженных формирований государства – участника конфликта, в соответствии с Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (далее — *Конвенция против наемничества*), принятой 4 декабря 1989 г. и вступившей в силу 20 октября 2001 г., их командиры и сотрудники могут быть признаны наемниками. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой 24 октября 1970 г., подчеркивается, что «каждое государство обязано воздерживаться в своих между-

народных отношениях от угрозы силой или ее применения... против территориальной целостности или политической независимости любого государства...».

В соответствии со ст. 47 Дополнительного протокола № 1 от 8 июня 1977 г. к Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. на наемников не распространяются права комбатантов (военнослужащих регулярной армии) или военнопленных. Резолюцией ООН от 14 декабря 1979 г. наемничество определено как угроза международному миру и безопасности, наряду с такими преступлениями, как геноцид, убийство и пиратство. Согласно Конвенции против наемничества наемником признается не только нанятый участник вооруженного конфликта, но и лицо, привлеченное за вознаграждение для нарушения территориальной целостности другой страны, свержения правительства или для участия в спланированных насильственных действиях. Международную конвенцию подписали лишь 46 государств-членов. Тем не менее, ее принятие ограничило наемничество как явление.

Многие интересные стали привлекать наемников в конфликтные регионы под видом сотрудников легальных ЧВК, на что постоянно обращают внимание правозащитные организации.

В 2008 г. рядом стран по инициативе США был подписан Документ Монтрё, содержащий более 70 рекомендаций по регулированию деятельности ЧВК в зонах вооруженных конфликтов за пределами страны происхождения. Документ декларирует обязательства ЧВК соблюдать основные права и свободы человека и расследовать совершаемые их сотрудниками нарушения.

В 2010 г. (также по инициативе США) был принят Международный кодекс поведения ЧОК, который носит рекомендательный характер. К нему присоединилось около 600 ЧВК из 70 государств (из США — 62, из Великобритании — 199). В Кодексе фактически была совершена попытка создать правовые основы для легализации наемничества на основе саморегулирования этой деятельности.

В самих США отдельного правового акта по ЧВК нет. Правовая регламентация их создания и деятельности, как и любого другого вида предпринимательства, фрагментарно осуществляется в нормативных правовых актах различного уровня по принципу «разрешено все, что не запрещено». Военные и охранные услуги фактически не разграничиваются, в ряде актов применяется термин «частная военно-охранная деятельность».

Американские ЧВК оказывают различного рода услуги Армии США и другим государственным и негосударственным заказчикам на территории страны и за рубежом. Последнему аспекту уделяется особое внимание в правовой регламентации. Оказание во-

енно-охранных услуг за рубежом регулируется федеральным законом США о контроле над экспортом вооружений, требующим от ЧВК получать лицензию на эту деятельность в Государственном департаменте. В соответствии с правилами международного оборота оружия, установленными Правительством США, американские ЧВК при отправлении за рубеж защитной экипировки, снаряжения, электроники и вооружения должны получать на это соответствующее разрешение. Государственному департаменту США предписано контролировать выполнение ЧВК условий государственных контрактов. Сделки на сумму свыше 50 млн долл. должны быть одобрены Конгрессом.

Вопросы взаимодействия военных и ЧВК регламентирует Министерство обороны США. Согласно доктрине Армии США и руководства Генштаба Армии США 2003 г. по использованию контрактников, включая сотрудников ЧВК, на поле боя армейские командиры могут отдавать сотрудникам ЧВК любые приказы, связанные с исполняемыми контрактными обязательствами. При этом сотрудники ЧВК не рассматриваются ни как комбатанты, ни как некомбатанты, выступая в качестве «сопровождающих армию вспомогательных сил», которые должны подчиняться военному командованию, самостоятельно обеспечивать свою деятельность и при необходимости применять оружие для самообороны. Отдельно оговаривается, что в определенных ситуациях сотрудники ЧВК приобретают статус комбатантов и могут принимать участие в боевых действиях.

Для координации деятельности ЧВК на период проведения специальной операции в Ираке командованием США была создана Ассоциация частных охранных компаний (*Private Security Company Association of Iraq — PSCAI*), в состав которой вошло более 40 ЧВК. По приказу № 17 (*Coalition Provisional Authority Order 17*) контрактники США, в том числе сотрудники военных и охранных компаний, не могут привлекаться к ответственности за совершенные ими преступления в Ираке по законодательству Ирака.

В ЮАР ЧВК, согласно закону о регулировании иностранной военной помощи 1988 г., лицензирует Национальный комитет по контролю над простым вооружением.

В прецедентном законодательстве Великобритании нет упоминаний о ЧВК и военно-охранной деятельности (предпринимательстве), но имеются акты, регламентирующие вопросы частных охранных организаций, которым в том числе разрешается предоставлять соответствующие услуги за рубежом частным, гражданским и военным заказчикам. Рынок охранных услуг саморегулируется, при этом внутри страны оборот оружия ограничен.

В 2012 г. к обеспечению безопасности на Олимпий-

ских играх в Лондоне только одной частной компанией G4S была привлечена 21 тыс. частных охранников.

На парламентских слушаниях 2012 г. отрицалось участие британских частных охранных организаций в боевых действиях в Афганистане, Йемене, Ираке и Ливии. Отмечалось, что если такое и имело место, то только в рамках контрактов частных организаций с местными правительствами.

По имеющейся информации, за рубежом ЧВК британского происхождения действуют либо в юрисдикции США, либо вне правового поля. Отметим, что в соответствии с Документом Монтрё государства – учредители ЧВК имеют обязательства в отношении контроля за их деятельностью.

Законодательство Турции вопросы создания и функционирования ЧВК не регламентирует. Тем не менее 28 февраля 2012 г. на основании специального разрешения Министерства национальной обороны группой высокопоставленных отставных военных, уволенных из армии за исламистские убеждения, была учреждена и официально зарегистрирована ЧВК «САДАТ» (*SADAT International Defense Consultancy Inc., тур. Uluslararası Savunma Danışmanlık Şirketi*) с уставным капиталом 643 тыс. турецких лир и штаб-квартирой в г. Стамбуле, численностью до 3 тыс. чел. В уставе ЧВК записано, что она с соблюдением интересов Турецкой Республики оказывает дружественным Турции странам консалтинговые услуги в вопросе организации национальной обороны, участвует в создании их силовых структур, принимает участие в тендерах на закупку и поставку в эти страны вооружения, боеприпасов, снаряжения, оборудования, продовольствия, осуществляет строительство полигонов и учебных центров с задействованием симуляторов и тренажеров для обучения личного состава воинским специальностям как по обычным, так и по специальным программам, включая тактику партизанской и антипартизанской войны, в том числе с обучением на территории Турции. Председателем правления ЧВК «САДАТ» является бригадный генерал в отставке А. Танрыверди, бывший советник Президента Турции Р. Эрдогана. Руководство компании сотрудничает с мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока, а также Африки, европейскими государствами с влиятельными мусульманскими анклавами (Албания, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Косово).

Собственные ЧВК имеются на Украине («Альбатрос», «Артан групп», «Омега консалтинг» и др.), а ЧВК украинского происхождения зарегистрированы в других странах (*Bowline Defence, Vega Strategic Services Ltd*) и специализируются в основном на охране морского транспорта.

Согласно материалам СМИ, в вооруженном конфликте на Донбассе с украинской стороны участво-

вали американская ЧВК *Academi* в лице ее дочерней компании *Greystone Limited*, а также польская ЧВК *ASBS Othago* (предположительно связана с ЦРУ США). Поскольку Польша подписала Конвенцию против наемничества, действия сотрудников *ASBS Othago* на Украине должны стать предметом судебных разбирательств, которых на настоящий момент не последовало.

В открытых источниках нет информации об участии украинских и иностранных ЧВК в противодействии коалиции вооруженных сил России, ДНР и ЛНР, проводящих специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины, однако присутствие иностранных наемников в украинских вооруженных силах очевидно. Есть основания полагать, что для придания видимой законности привлечения иностранных наемников используется правовая уловка в виде заключения ими контракта с Вооруженными силами Украины.

США и другие западные страны фактически монополизировали международный рынок военно-охранных услуг путем внедрения своих стандартов и создания единого международного органа лицензирования, аудита и мониторинга ЧВК. В определенной мере этому препятствуют международные нормы об ответственности за наемничество, которые не носят всеобъемлющего характера и фактически дезавуированы США и их союзниками.

Российская Федерация не подписала Конвенцию против наемничества, однако ст. 359 УК РФ предусматривает ответственность за непосредственное участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях, а также за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, которым «...признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей».

Поскольку законодательство не регламентирует вопросы организации и функционирования ЧВК, в России нет официально зарегистрированных организаций. Соответственно, структуры, позиционирующие себя как ЧВК, с формальной точки зрения таковыми не являются. Тем не менее они не подпадают и под уголовное преследование за наемничество (ст. 359 УК РФ) и за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ).

Согласно Гагской конвенции 1907 г. и Женевской конвенции 1949 г. (с Дополнительным протоколом 1977 г.) в ряде случаев комбатантами могут признаваться «лица, входящие в ополчение и добро-

вольческие отряды», если они «имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных, определенный и явственно видимый издали отличительный знак, открыто носят оружие, соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны». Отмечается, что добровольцы должны входить в состав вооруженных сил воюющей стороны и могут получать вознаграждение такое же, как и у иных лиц того же ранга.

Таким образом, известная в России и за рубежом «Группа Вагнера» (производная от самопровозглашенной ЧВК «Славянский корпус», далее — Группа), по сути, является неформальным объединением добровольцев, которые при соблюдении требований Гагской и Женевской конвенций могут быть отнесены к комбатантам боевых действий как в странах, их пригласивших, так и в случае их участия в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации. Не случайно, что руководители и бойцы Группы неоднократно награждались государственными наградами Российской Федерации.

В Российской Федерации имеются и другие структуры, причисляющие себя к ЧВК («Антитеррор-Орел», «Мар», *Moran Security Group*, «РСБ-Групп», «Редут-антитеррор», «Легат») и оказывающие соответствующие услуги за рубежом, чаще всего — по охране судов от пиратов. В отличие от неформальной Группы, все они имеют правовой статус ЧОП, который, однако, не наделяет их правом на работу за рубежом даже при выполнении охранных функций. Соответственно, любая деятельность таких компаний за пределами Российской Федерации не может быть связана с российской юрисдикцией.

Несмотря на то, что российское законодательство не предусматривает института ЧВК, на территории нашей страны расположены представительства крупных иностранных компаний, в том числе *Global Protection Agency*, *Digital Security Consulting*, *G4S*, *IFS2I Security Consulting*. Некоторые иностранные ЧВК контактируют с российскими госкорпорациями: ряд зарубежных объектов «Газпрома» охраняет английская *Aegis Defence Services* (она же выступала консультантом Службы безопасности бывшего Президента Украины П. Порошенко). Полагаем, что при сегодняшней мировой обстановке работа в России и с российскими структурами ЧВК, зарегистрированных в недружественных государствах, должна быть приостановлена.

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует о несоответствии положения дел на российском рынке военно-охранных услуг современным экономическим реалиям и актуальным потребностям обеспечения национальной безопасности страны. Россия имеет хороший конкурентный потенциал для создания ЧВК мирового уровня и в состоянии занять весомую долю международного рынка частных военно-охранных

услуг, однако для этого необходимо создать соответствующие правовые условия.

Прежде всего, целесообразно изменить ст. 359 УК РФ («Наемничество»), которая была внесена в период активных боевых действий на Северном Кавказе в качестве меры реагирования на приток в регион иностранных наемников. Данную угрозу, разумеется, следует купировать и далее. Тем не менее, целесообразно дополнить диспозицию статьи нормой, не распространяющей ответственность за наемничество на деятельность сотрудников российских ЧВК (частная охранная организация с особыми уставными задачами), обеспечивающих исполнение контрактов в районах вооруженных конфликтов или военных действий, а также на добровольцев, участвующих в боевых действиях в зарубежных странах с соблюдением условий и требований международного права.

За последние 10 лет был выдвинут ряд законодательных инициатив касательно регулирования деятельности ЧВК. В 2012 г. А. Митрофанов («Справедливая Россия») вносил на рассмотрение законопроект № 62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» (возвращен инициатору как внесенный с нарушением регламента). В 2014 г. Г. Носовко («Справедливая Россия») заявлял о подготовке им проекта «О легализации ЧВК в Российской Федерации» (официально не вносился, получил негативные оценки экспертов и СМИ). В 2016 г. Институт проблем безопасности и устойчивого развития направил в секретариат Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности проект закона «О частной военно-охранной деятельности». В 2017 г. о подготовке законопроекта о создании в России ЧВК на базе ДОСААФ заявлял В. Водолацкий («Единая Россия»). В 2018 г. В. Шамапов («Единая Россия») сообщил о внесении соответствующего законопроекта в Государственную Думу. В апреле 2022 г. группа депутатов во главе с С. Мироновым (СЗРП) внесла проект федерального закона «О частной военной и военно-охранной деятельности».

Приведенные законопроекты преследовали цель создания правовых оснований для образования иррегулярных вооруженных формирований, способных решать боевые задачи в конфликтных зонах вне Российской Федерации. Это представляется методологически неверным и с высокой вероятностью вызовет негативную внешнюю реакцию.

Базовые положения этого вопроса целесообразнее разрешить путем внесения изменений и дополнений в Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 № 2487-1 (ред. от 5 марта 2017) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», в которых предлагается предусмотреть:

- создание частных охранных организаций с

особыми уставными задачами, которым может быть предоставлена возможность осуществления охранной деятельности на объектах повышенного риска и критической инфраструктуры, сопровождения важных грузов, возможности осуществления контрактов с военными организациями, а также решение иных задач, требующих специальных навыков и технического оснащения, в том числе за рубежом;

- предъявление повышенных требований и ограничений к кандидатам на работу и сотрудникам таких частных охранных организаций, их подготовке и переподготовке;
- предоставление сотрудникам специальных социальных гарантий;
- разрешение сотрудникам частных охранных организаций иметь и применять при осуществлении уставной деятельности боевое стрелковое оружие, использовать определенные виды специальной и военной техники, в том числе предоставляемой заказчиками;
- возложение ответственности за действия таких частных охранных организаций за рубежом на их руководителей и заказчиков охранных услуг.

Такой подход соответствовал бы российским принципам правового регулирования деятельности частных охранных организаций и международному опыту организации работы ЧВК.

При необходимости привлечения сотрудников частных охранных организаций с особыми уставными задачами к прямому участию в боевых действиях в отсутствие условий непреодолимой силы, крайней необходимости и самообороны это можно будет делать на основе формирования добровольческих подразделений в составе регулярных вооруженных сил принимающей стороны.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. №3 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.
4. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474

- «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
- Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
 - Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685).
 - 2-FKZ, dated 1 July 2020, № 11-FKZ) // SZ RF. 2020. № 31. Art. 4398.
 - Federal Law «On Security» dated December 28, 2010 № 390-FZ // SZ RF. 2011. № 1. Article 2.
 - Federal Law № 172-FZ of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» // SZ RF. 2014. № 26 (Part I). Article 3378.
 - Decree of the President of the Russian Federation № 474 of July 21, 2020 «On the National development Goals of the Russian Federation until 2030» // SZ RF. 2020. № 30. Art. 4884.
 - Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».
 - The concept of Public security in the Russian Federation (approved by Presidential Decree № Pr-2685 of November 14, 2013).

Bibliographic list

- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 № 3 6-FKZ, dated December 30, 2008 № 7-FKZ, dated February 5, 2014 №

Информация об авторе

М. В. Зубова — старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Zubova — Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 12.07.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 12.07.2022.

Научная статья

УДК 343.2/7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-105-108>

НИОН: 2003-0059-4/22-360

MOSURED: 77/27-003-2022-04-559

Малозначительность деяния в уголовном законодательстве Российской Федерации

Сергей Яковлевич Казанцев¹, Нияз Минерафкатович Сафин²

^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

² lakontan@mail.ru

Аннотация. Дается авторское толкование положений уголовного законодательства о признании деяний, формально содержащих признаки преступления, малозначительными (ч. 2 ст. 14 УК РФ), осуществлен критический анализ сложившейся правоприменительной практики в этой сфере.

Материалами исследования выступила судебная практика применения положений части 2 ст. 14 УК РФ, научные публикации по теме исследования. Используются общие и специальные методы научного познания. Рассмотрены вопросы разграничения преступлений от малозначительных правонарушений, содержащих признаки состава преступления. Выявлены противоречия в сложившейся следственной и судебной практике применения положений части 2 ст. 14 УК РФ на примере хищений чужого имущества. В целях разрешения выявленных противоречий, вносятся предложения по изменению содержания ряда действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: малозначительное деяние, преступления против собственности, хищение чужого имущества

Для цитирования: Казанцев С. Я., Сафин Н. М. Малозначительность деяния в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 105–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-105-108>.

Original article

The insignificance of the act in the criminal legislation of the Russian Federation

Sergey Ya. Kazantsev¹, Niyaz M. Safin²

^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

² lakontan@mail.ru

Abstract. The article gives the author's interpretation of the provisions of criminal legislation on the recognition of acts formally containing signs of a crime as insignificant (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation), a critical analysis of the current law enforcement practice in this area is carried out.

The materials of the study were the judicial practice of applying the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, scientific publications on the topic of the study. General and special methods of scientific cognition were used. The issues of distinguishing crimes from minor offenses containing signs of the corpus delicti are considered. Contradictions have been revealed in the established investigative and judicial practice of applying the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation on the example of theft of someone else's property. In order to resolve the identified contradictions, proposals are being made to change the content of a number of current resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: insignificant act, crimes against property, theft of someone else's property

For citation: Kazantsev S. Ya., Safin N. M. The insignificance of an act in the criminal legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):105–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-105-108>.

© Казанцев С. Я., Сафин Н. М., 2022

Любое противоправное поведение (правонарушение) отличается от правомерного тем, что причиняет вред охраняемым законом общественным отношениям или создает потенциальную угрозу причинения такого вреда. Отсюда следует, что любое правонарушение обладает определенным потенциалом вредоносности (опасности, асоциальности, антисоциальности) и в силу этого запрещено нормами различной отраслевой принадлежности. В российском уголовном законодательстве материальным признаком всех без исключения преступлений признается их общественная опасность. Под ней, в свою очередь, следует понимать отлительно высокий уровень вредоносности, позволяющий охарактеризовать преступления как худший вариант поведения человека и отграничить по этому критерию преступления от иных правонарушений. Именно об этом говорится в части 2 ст. 14 УК РФ, позволяющей по признаку малозначительности урона не относить к преступлению поступок, содержащий все признаки состава уголовно наказуемого деяния.

Вопросы квалификации малозначительных деяний в уголовном законодательстве Российской Федерации изучали В. В. Хилюта, Д. А. Гарбатович, В. Н. Винокуров, Н. А. Лопашенко, Н. А. Колоколов и другие. Вопросы отграничения уголовно наказуемых хищений от малозначительных деяний рассматривались в работах Р. Д. Шарапова, В. Н. Винокурова, М. М. Почкина и др.

Общий уровень вредоносности (опасности) совершенного правонарушения оценивается исходя из учета совокупности двух его характеристик: характера и степени. Общепринято, что характер опасности деяния напрямую зависит от важности объекта посягательства. Поэтому, например, посягательства на жизнь человека, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, даже при наличии признаков, понижающих степень опасности оцениваемого деяния. Исключением из этого правила являются совершение указанных деяний при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, когда такие действия признаются правомерными и даже социально полезными. Степень опасности правонарушения находит свое отражение в иных, отличных от объекта, признаках состава оцениваемого поведения.

Констатация правоприменителем отсутствия в деянии, содержащего все признаки уголовно наказуемого деяния, описанного выше высокого уровня вредоносности, которую законодатель облек в категорию «общественная опасность», обязывает его применить положения части 2 статьи 14 УК РФ о его малозначительности и отказаться от уголовного преследования и, возможно, возложить на лицо иную юридическую ответственность. Положение данной нормы актуально в тех случаях, когда законодатель не прописывает четких критериев, позволяющих разграничить пре-

ступление от иных правонарушений, и вопрос оценки уровня опасности деяния ложится на плечи правоприменителя. Например, в составе незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) сам факт совершения указанных в диспозиции действий образует юридически оконченный состав преступления, независимо от иных обстоятельств, характеризующих данное оцениваемое событие. Однако, например, воспитательная цель незаконного удержания, его незначительная продолжительность, безопасные условия содержания удерживаемого, могут указывать на малозначительность такого деяния.

Напротив, при самовольном оставлении части или места службы военнослужащим, проходящим службу по призыву (ст. 337 УК РФ), законодателем указан четкий критерий (отсутствие без уважительных причин в части или месте службы сроком свыше двух суток), отграничивающий преступление от дисциплинарного проступка. Таким образом, законодатель, установив четкие критерии, дифференцировал уровни юридической ответственности правонарушителя в зависимости от уровня вредоносности (опасности) посягательства, и это, на наш взгляд, исключает в таких ситуациях возможность применения правоприменителем положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Аналогичным образом законодатель четко дифференцировал юридическую ответственность и применительно к хищениям чужого имущества, где критерии, отграничивающие хищение как преступление от административного правонарушения прописаны в статье 7.27 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за мелкое хищение чужого имущества. В ней указаны три критерия, при которых хищение не может являться мелким: 1) если оно совершается в форме грабежа или разбоя; 2) имеются квалифицирующие признаки хищения; 3) размер похищаемого превышает 2500 рублей. По воле законодателя, каждый из этих критериев в отдельности или совокупности, повышает опасность совершенного хищения до уровня преступления, не предусматривая возможности иной его юридической оценки. Например, открытое хищение даже малоценного имущества является общественно опасным уже потому, что способ его совершения, в отличие от кражи, является дерзким. Грабитель вступает в открытый конфликт с потерпевшим и другими лицами, осознающими противоправный характер его действий, и внутренне готов оказать им сопротивление в случае воспрепятствования ими реализации его корыстных замыслов.

Игнорирование установленной законодателем дифференциации юридической ответственности на практике приводит к неприятным парадоксам, которые отмечают в своих публикациях многие теоретики уголовного права. Мы говорим о многочисленных в судебной практике прецедентах, когда к лицу, совер-

шившему на незначительную сумму ненасильственный грабеж, квалифицированную кражу, мошенничество или растрату применяются положения части 2 ст. 14 УК РФ. Что уж говорить о подобных случаях применения положения ч. 2 ст. 14 УК РФ в следственной практике, если итоговым процессуальным решением по таким материалам выступают постановления об отказе в возбуждения уголовного дела, которые, в отличие от решений судов, редко выходят из архивов на обозрение общественности.

В итоге такой «мелкий» правонарушитель, избежав уголовной ответственности, остается «законно» и «правосудно» безнаказанным, поскольку административное законодательство не позволяет его привлечь к ответственности за мелкое хищение чужого имущества, а гражданская ответственность, в части возмещения причиненного вреда, как правило, остается не реализованной и не позволяет предупредить новые посягательства со стороны этого лица. Другие же лица, совершившие менее опасные хищения, описанные в статье 7.27 КоАП РФ, подлежат административной ответственности без всяких оговорок.

Любая норма уголовного закона должна быть реализована в соответствии с его основополагающими принципами. Один из аспектов принципа справедливости гласит, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Этот аспект принципа справедливости уголовного закона достигается путем дифференциации уголовной ответственности, реализуемой законодателем, и ее индивидуализации, осуществляемой судом. Поскольку в хищениях чужого имущества законодатель четко дифференцировал уровни юридической ответственности и наказания, полагаем, что единственным способом обеспечения принципа справедливости применительно к вышеописанным случаям является индивидуализация уголовной ответственности.

Инструментов индивидуализации уголовной ответственности в уголовном законодательстве достаточно. Установив, что грабеж, квалифицированные кража, мошенничество или растрата совершены на незначительную сумму, ничто не мешает судам применить к лицам, их совершившим, положения ст. 64 УК РФ, назначив самый мягкий вид наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией нарушенной нормы, положения ст. 73 УК РФ, постановив считать назначенное наказание условным, а при наличии к тому оснований применить положения статей 75, 76, 76. 2 УК РФ, освободив лицо от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям.

Анализ судебной практики и опыт общения с практикующими в области уголовного права сотрудниками правоохранительных органов показал, что на

первый взгляд единая правоприменительная практика имеет и свои территориальные отличительные особенности, несмотря на то, что на всей территории России действует единое уголовное законодательство. За совершенные при одинаковых обстоятельствах правонарушения, связанные с хищением чужого имущества, следователи одних территориальных правоохранительных органов смело возбуждают уголовные дела, расследуют и направляют их в суд, которые выносят обвинительные приговоры. В других же все заканчивается вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Несмотря на наличие поговорки «сколько юристов — столько же мнений», истинное, правосудное, соответствующее принципам уголовного права решение может быть только одним.

Весомый вклад в приведении практики к единому руслу вносят разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые служат своеобразным маяком в правовом океане. В пункте 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» говорится, что «если действия лица... хотя формально и содержали признаки преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании части 2 статьи 14 УК РФ». Апробировав данное нововведение, Пленум Верховного Суда Российской Федерации конкретизирует свою позицию во введенном 29 июня 2021 пункте 25.4 постановления «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где на примере кражи разъясняет, что в зависимости от степени реализации преступных намерений, размера похищенного, роли подсудимого в преступлении и иных обстоятельств квалифицирующие признаки состава могут усматриваться лишь формально, что указывает на малозначительность такого деяния.

В данных постановлениях, на наш взгляд, Верховный Суд прибегает к расширительному толкованию уголовного закона, беря на себя функции законодателя, который уже осуществил дифференциацию ответственности в зависимости от уровня опасности хищения, его стадий, роли лица в его совершении и других обстоятельств. По сути дела Верховный Суд предлагает правоприменителю поставить под сомнение и осуществить ревизию норм уголовного закона, определяющих основания и меру ответственности лица при неоконченном преступлении, при совершении преступления в соучастии (ст.ст. 30, 32, 33, 34, 35, 36 УК РФ) по признакам их «формальности» к отдельному случаю. В итоге правоприменитель может руководствоваться не только буквой закона, но и целесообразностью, собственным пониманием справедливости. История показывает, что такая практика порочна и граничит с беззаконием.

Как мы видим, поднятая проблема состоит не в казуальности уголовного закона, а в неверном подходе к его толкованию. Для исключения возможности произвольного толкования уголовного закона, считаем, необходимо изъять вышеуказанные разъяснения из текста постановлений Пленума Верховного Суда РФ и оформить их следующим образом: «если в действиях лица, совершившего мошенничество, присвоение или растрату, отсутствуют признаки административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.27 КоАП, но установлены обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, то суд, при наличии к тому оснований предусмотренных уголовным законодательством, может освободить данное лицо от уголовной ответственности или наказания, либо назначить наказание, ниже низшего предела, чем предусмотрено за данное преступление».

Библиографический список

1. Винокуров В. Н. Малозначительность деяния

при хищении имущества // Законность. 2018. № 7. С. 44–46.

2. Гарбатович Д. А. Общественная опасность и состав преступления // Российский судья. 2019. № 10. С. 9–12.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2021).

Bibliographic list

1. Vinokurov V. N. Insignificance of the act in the theft of property // Legality. 2018. № 7. P. 44-46.
2. Garbatovich D. A. Public danger and corpus delicti // Russian judge. 2019. № 10. P. 9–12.
3. 3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 23, 2020) // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 01.06.2021).

Информация об авторах

С. Я. Казанцев — профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан;

Н. М. Сафин — доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

S. Ya. Kazantsev — Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Republic of Tatarstan;

N. M. Safin — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 20.06.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 20.06.2022.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-109-112>

НИОН: 2003-0059-4/22-361

MOSURED: 77/27-003-2022-04-560

Формы и методы реализации правозащитной деятельности институтом Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации

Владимир Николаевич Калинин

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Московская область, Россия, vladimirnk@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются формы и методы правозащитной деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации, позволяющие эффективно защищать права и законные интересы детей.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам ребенка, правозащитная деятельность, формы и методы защиты, защита прав и интересов детей

Для цитирования: Калинин В. Н. Формы и методы реализации правозащитной деятельности институтом Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 109–112. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-109-112>.

Original article

Forms and methods of implementation of human rights activities of the institute of the Commissioner for Children's Rights in the Russian Federation

Vladimir N. Kalinin

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Moscow region, Russia, vladimirnk@yandex.ru

Abstract. The forms and methods of the human rights activities of the Commissioner for Children's Rights in the Russian Federation, which effectively protect the rights and legitimate interests of children, have been examined.

Keywords: Commissioner for Children's Rights, human rights activities, forms and methods of protection, protection of the rights and interests of children

For citation: Kalinin V. N. Forms and methods of implementation of human rights activities of the institute of the Commissioner for Children's Rights in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):109–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-109-112>.

Правозащитная деятельность института Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации включает в себя систему мер, направленных на предотвращение нарушения прав и законных интересов ребенка, восстановление нарушенных прав и законных интересов ребенка, а также принятие мер по привлечению к ответственности за допущенные нарушения лиц, ответственных за обеспечение беспрепятственную реализацию прав и интересов детей.

Институтом Уполномоченного по правам ребенка в своей деятельности используется административная, судебная, медиативная, организационная и просветительская формы правозащитной деятельности [9].

Основной является административная форма ре-

ализации Уполномоченным по правам ребенка правозащитной деятельности, суть которой заключается в восстановлении нарушенных прав и законных интересов посредством использования ресурсов органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц.

Уполномоченные по правам ребенка, реализуя административную форму правозащитной деятельности, направляют вышеуказанным органам и лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых они усматривают нарушение прав и законных интересов детей, или же их вышестоящим органам свое заключение, содержащие рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления прав и

© Калинин В. Н., 2022

интересов ребенка [8].

В случаях, когда восстановить нарушенные права и законные интересы детей административной формой правозащитной деятельности не представляется возможным, Уполномоченные по правам ребенка вправе использовать судебную форму защиты.

Однако часть обращений, поступающих к Уполномоченным по правам ребенка, не может быть разрешена ни посредством административной, ни посредством судебной форм правозащитной деятельности [10].

К такого рода обращениям относятся обращения, связанные с межличностными конфликтами в семьях, в образовательных организациях, с определением местожительства ребенка при разводе родителей, с определением порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно [7].

Поскольку указанная форма защиты не имеет четких процедурных норм, в таких случаях Уполномоченные по правам ребенка выступают в качестве медиаторов, направляя свои усилия на урегулирование межличностного конфликта, что в дальнейшем приводит к его прекращению.

Организационная форма правозащитной деятельности института Уполномоченного по правам ребенка заключается в подготовке или оказании содействия в подготовке проектов правовых документов различного характера — исковые заявления, апелляционные жалобы, частные жалобы, заявления, жалобы, ходатайства в органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностным лицам. Данная форма не менее актуальна, так как уровень правовых знаний у населения недостаточно высок, и многие граждане не в состоянии самостоятельно подготовить документ правового характера, при этом обратиться за платной юридической услугой не хватает финансовых средств.

Просветительская форма правозащитной деятельности направлена на повышение правовой грамотности населения, на пропаганду возможных форм и методов правовой защиты, знание возможной ответственности. Цель данной формы — повысить общий уровень правовой культуры и, как следствие, сократить количество фактов нарушения прав и законных интересов детей. При рассмотрении конкретного случая нарушения прав и законных интересов детей используется одна или совокупность форм правозащитной деятельности.

Методы правозащитной деятельности Уполномоченного по правам ребенка представляют собой приемы, средства и способы его воздействия на субъект, решениями или действиями (бездействием) которого нарушены права и законные интересы ребенка [2].

Разнообразие нарушений, допускаемых в отношении детей, требует от Уполномоченных по правам ребенка применения широкого спектра методов правозащитной деятельности.

Основными методами правозащитной деятельности института Уполномоченного по правам ребенка являются:

- рассмотрение письменных и устных обращений граждан, содержащих предложения, заявления, жалобы граждан, в том числе несовершеннолетних, о нарушении прав и законных интересов детей;
- проведение личных приемов граждан, в том числе и детей;
- проведение самостоятельно или совместно с компетентными органами государственной власти проверок деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, и подведомственных им учреждений, должностных лиц по вопросам соблюдения прав и законных интересов детей;
- посещение организаций и учреждений, в которых находятся дети;
- проведение мероприятий по правовому просвещению населения;
- подготовка проектов документов правового характера;
- проведение форумов, конференций, семинаров, брифингов, «круглых столов», рабочих встреч по вопросам обеспечения и защиты прав детей;
- анализ ситуации и подготовка ежегодных и специальных докладов о состоянии дел с обеспечением и защитой прав и законных интересов детей.

Рассмотрение обращений граждан Уполномоченными по правам ребенка осуществляется в соответствии с действующим законодательством и заключается либо в рассмотрении по существу и направлении письменного ответа, либо дачей устной юридической консультации [3].

Рассмотрение письменных обращений осуществляется двумя способами:

1) самостоятельно Уполномоченным по правам ребенка. При этом Уполномоченными, в случае необходимости, осуществляются выезды в органы государственной власти, в организации и учреждения, в семьи, на территории, запрашиваются документы и материалы (за исключением сферы деятельности судов, органов дознания и предварительного следствия), привлекается экспертное сообщество;

2) перенаправляется в соответствующий орган государственной власти или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение обозначенных в обращении вопросов.

Важно отметить, что даже при перенаправлении обращения Уполномоченными по правам ребенка осуществляется контроль за своевременностью и полнотой рассмотрения обращения гражданина. По устным обращениям, поступающим по телефонной связи или на личных приемах, юридическая консультация дается незамедлительно, как правило, это разъяснение норм действующего законодательства [2].

Проведение личных приемов является важнейшей составляющей деятельности Уполномоченного по правам ребенка. Проводятся как приемы непосред-

ственно на рабочем месте Уполномоченного, так и выездные приемы [11].

В Российской Федерации нет полного доверия населения представителям властных структур, традиционно граждане пытаются решить проблемы не правовыми путями, а обходными: «по благу», «через знакомых», «с помощью презента». И, как итог, неведение и нежелание обращаться в государственные структуры, в том числе к детскому омбудсмену.

Когда же Уполномоченный по правам ребенка сам приезжает в муниципальное образование, в учреждение, на родительское собрание, на предприятие, на сходы граждан, посещает общественные объединения и иные объединения граждан, приемные семьи, многодетные семьи, семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья, общается на прямую с гражданами, рассказывает о своей деятельности, о положительном опыте решения всевозможных ситуаций, граждане начинают доверять ему, делятся своими проблемами, просят помощи [1].

Для удобства работающих граждан, рядом Уполномоченных по правам ребенка личный прием ведется в отдельные будние дни в вечерние часы и в выходные дни.

Если в ходе рассмотрения обращений граждан, при посещении организаций, в которых находятся дети, при мониторинге публикаций в средствах массовой информации и в других случаях Уполномоченному по правам ребенка становятся известны факты о грубом или массовом нарушении прав и законных интересов ребенка, то возникает необходимость проведения проверки. Проверка проводится Уполномоченным самостоятельно либо совместно с компетентными органами государственной власти. В случае выявления нарушений материалы, содержащие необходимую информацию, направляется в соответствующий орган государственной власти для рассмотрения вопроса о привлечении к ответственности виновных лиц.

Посещение Уполномоченными по правам ребенка учреждений образования, здравоохранения, социального обслуживания, системы исполнения наказаний, в которых находятся несовершеннолетние дети, является неотъемлемой частью их работы [6].

Только при личном знакомстве с учреждением, беседе с детьми, администрацией можно определить, какие созданы условия для несовершеннолетних, достаточны ли они для полноценного развития детей, не наносят ли вред физическому и психическому здоровью воспитанников, узнать и распространить опыт лучших практик, эксклюзивных технологий используемых при воспитании и содержании несовершеннолетних детей.

В этой связи всеми без исключения Уполномоченными по правам ребенка в Российской Федерации проводится целый комплекс мероприятий направленных на правовое просвещение населения страны по вопросам обеспечения и защиты прав и законных интересов детей.

Формы и виды таких мероприятий разнообразны. Это форумы, конференции, съезды, лекции, обуче-

ния, «круглые столы», встречи со взрослыми и детьми, творческие конкурсы, акции, флэш-мобы, опросы, социальные ролики, статьи и публикации в средствах массовой информации и на Интернет-ресурсах, распространение полиграфической продукции — памяток, брошюр, буклетов, листовок, выступления на радио и телевидении, спортивные праздники, автопробеги и многие другие. Отдельно можно выделить мероприятия, которые проводятся по инициативе федерального детского омбудсмена одновременно на территории всей страны, в каждом регионе. Традиционно они проходят 1 сентября, в день знаний, носят форму уроков и посвящаются различным темам: «Медиа-безопасность», «Я талантлив», «Моя будущая профессия».

Уполномоченные по правам ребенка ведут постоянный мониторинг ситуации с обеспечением и защитой прав и законных интересов ребенка, анализируют информацию, ставшую им известной из обращений граждан, посещений учреждений, средств массовых информационных, сводок по преступлениям, пожарам, дорожно-транспортным происшествиям, происшествиям на воде, информацию, предоставленную членами детского общественного совета, общественными помощниками, уполномоченными по правам участников образовательного процесса, на предмет наиболее проблемных вопросов сферы детства [4].

Как пример можно привести Всероссийскую информационную кампанию по медиа-безопасности, инициатором которой выступил Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Причиной проведения данной кампании стал рост количества размещаемых в сети Интернет материалов ориентированных на детскую и подростковую аудиторию пропагандирующих употребление наркотиков, призывающих к самоубийству, содержащих видео с детской порнографией, одобряющих нетрадиционные семейные отношения [5].

Детским омбудсменами используются административная судебная, медиативная, организационная и просветительская формы правозащитной деятельности. По отдельному случаю нарушения прав детей может применяться несколько форм. Учитывая разнообразие вопросов сферы детства, Уполномоченными применяется широкий спектр методов правозащитной деятельности. К ним относятся: рассмотрение обращений граждан, проведение личных приемов, проверок, мероприятий по правовому просвещению, форумов, конференций, семинаров, совещаний, рабочих встреч, анализ ситуации и подготовка ежегодных и специальных докладов о состоянии дел с обеспечением и защитой прав и законных интересов детей.

Используемые детским омбудсменом формы и методы правозащитной деятельности позволяют эффективно защищать права и законные интересы детей и их семей. Но для дальнейшего развития правозащитной деятельности необходимо не только развивать имеющиеся, но и искать новые формы и методы деятельности.

Список источников

1. Баринов А. В., Кирьянова Е. С. Применение примирительного процесса (медиации) при разрешении семейных споров // Юридический мир. 2016. № 1. С. 50–54.
2. Башимов М. С. Становление и перспективы института Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 7.
3. Дегтярева Л. Н. Несоввершеннолетние как особый субъект охраны и защиты конституционных прав и законных интересов // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 7. С. 33–37.
4. Желдыбина Т. А. О значении мониторинга как самостоятельного правового института // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 34–41.
5. Ларичев А. А. Контроль над деятельностью муниципалитетов со стороны института омбудсменов : опыт Канады и его применимость в российских условиях // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5. С. 83–96.
6. Кособродов Н. В. К вопросу о воле ребенка по российскому гражданскому законодательству // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 18–20.
7. Матросов Н. А. Медиация на стадии подготовки к судебному разбирательству дел о расторжении брака // Российский судья. 2015. № 10. С. 15–17.
8. Павлова Л. В. Административно-правовое регулирование защиты прав и законных интересов ребенка // Административное право и процесс. 2017. № 4. С. 41–44.
9. Права ребенка / Астахов П. А. М. : Эксмо, 2016. 176 с.
10. Сологуб А. Ю. Соотношение правовой защиты ребенка со смежными правовыми явлениями // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 49–52.
11. Шамрин М. Ю. Взаимодействие Уполномоченного по правам ребенка с исполнительными и

муниципальными органами власти : теоретико-правовой аспект // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 52–60.

References

1. Barinov A. V., Kiryanova E. S. Application of the conciliation process (mediation) in resolving family disputes // Legal World. 2016. № 1. P. 50–54.
2. Bashimov M. S. Formation and prospects of the Institute of the Commissioner for the Rights of the Child in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2009. № 7.
3. Degtyareva L. N. Minors as a special subject of protection and protection of constitutional rights and legitimate interests // State power and local self-government. 2016. № 7. P. 33–37.
4. Zheldybina T. A. On the importance of monitoring as an independent legal institution // Actual problems of Russian law. 2016. № 1. P. 34–41.
5. Larichev A. A. Control over the activities of municipalities by the Institute of Ombudsmen : the experience of Canada and its applicability in Russian conditions // Comparative Constitutional Review. 2016. № 5. P. 83–96.
6. Kosobrodov N. V. On the question of the child's will according to Russian civil legislation // Legislation and economics. 2016. № 11. P. 18–20.
7. Matrosov N. A. Mediation at the stage of preparation for the trial of divorce cases // Russian judge. 2015. № 10. P. 15–17.
8. Pavlova L. V. Administrative and legal regulation of the protection of the rights and legitimate interests of the child // Administrative law and process. 2017. № 4. P. 41–44.
9. The rights of the child / Astakhov P. A. M. : Eksmo, 2016. 176 p.
10. Sologub A. Yu. Correlation of legal protection of a child with related legal phenomena // State power and local self-government. 2014. № 8. P. 49–52.
11. Shamrin M. Yu. Interaction of the Commissioner for Human Rights with executive and municipal authorities : theoretical and legal aspect // Administrative law and process. 2016. № 10. P. 52–60.

Информация об авторе

В. Н. Калинин — старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kalinin — Senior Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-113-116>

НИОН: 2003-0059-4/22-362

MOSURED: 77/27-003-2022-04-561

О поправках к Конституции Российской Федерации: pro et contra

Алексей Юрьевич Кирсанов

Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, inconsult.ak@gmail.com

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства о поправках к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. обосновано несколько суждений: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. является одним из нормативных правовых актов, обладающих наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации; изменения в Конституцию РФ допустимы исключительно в соответствии с Федеральным законом РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г.; поправки необходимо рассматривать как способ реформирования Конституции РФ; допустимость поправок в Конституцию РФ предполагает принятие Федерального закона РФ «О системе нормативных правовых актов в Российской Федерации».

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция Российской Федерации, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г., система нормативных правовых актов, юридическая сила, поправка

Для цитирования: Кирсанов А. Ю. О поправках к Конституции Российской Федерации: pro et contra // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 113–116. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-113-116>.

Original article

On amendments to the Constitution of the Russian Federation: pro et contra

Alexey Yu. Kirsanov

Scientific-research institute of education and science, Moscow, Russia, inconsult.ak@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, several judgments are substantiated in the article: The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 is one of the normative legal acts having the highest legal force on the territory of the Russian Federation; amendments to the Constitution of the Russian Federation are permissible only in accordance with the Federal Law of the Russian Federation «On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation» of February 6, 1998; amendments must be considered as a way to reform of the Constitution of the Russian Federation; the permissibility of amendments to the Constitution of the Russian Federation presupposes the adoption of the Federal Law of the Russian Federation «On the system of regulatory legal acts in the Russian Federation».

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation» dated February 6, 1998, system of regulatory legal acts, legal force, amendment

For citation: Kirsanov A. Yu. On amendments to the Constitution of the Russian Federation: pro et contra. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):113–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-113-116>.

© Кирсанов А. Ю., 2022

Предметом данной статьи является Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. и процесс ее обновления посредством принятия «поправок».

Первоначально о состоянии теории.

Так, Н. А. Трусов отметил следующее: «В преддверии общероссийского голосования и набирающего оборот общественного обсуждения внесенного в Государственную Думу Российской Федерации проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» в статье предпринята попытка найти потенциально возможные в рамках обсуждения дискуссионные вопросы техники и содержания указанного проекта закона. Для этого автор с критической точки зрения оценил предполагаемые им отдельные вопросы техники и содержания указанного проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, предложил свое видение преодоления потенциально дискуссионных вопросов и сформулировал предложения по совершенствованию отдельных положений Конституции Российской Федерации в контексте цели регулирующего воздействия рассматриваемого им проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» [1].

С. А. Авакьян «обсуждает проблему возможных поправок к Конституции Российской Федерации» («В завершение анализа нельзя не сказать о конституционных аспектах пока у нас не представляемого и маловероятного пути завершения карьеры Президента РФ ... — с обозначением преемника, которого изберут новым Президентом. ... Итак, конституционное реформирование имеет в России на современном этапе серьезные основания...») [2].

Убедительны суждения В. Н. Галузо, фактически беспристрастно представившего процесс видоизменения Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. посредством принятия пяти поправок: «20 марта 1998 г. вступил в юридическую силу Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г. В ст. 2 названного Федерального закона РФ от 6 февраля 1998 г. речь идет о новой разновидности нормативного правового акта — «закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации», как «форме нормативного правового акта о поправке к Конституции Российской Федерации». Анализ положений двух частей (ч. 1 и 2) ст. 1 Федерального закона РФ от 6 февраля 1998 г. позволяет выделить три порядка принятия всякой «поправки» к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.: первый порядок — допустимость изменения положений всех статей глав 3–8 Конституции РФ, правовым обосно-

ванием для чего рассматриваются статьи 108, 134 136 Конституции РФ (ч. 1 ст. 1); второй порядок — допустимость изменения положений всех статей глав 1, 2 и 9 Конституции РФ, правовым обоснованием для чего рассматривается статья 135 Конституции РФ (абзац первый ч. 2 ст. 1); третий порядок — допустимость изменения положений статьи 65 Конституции РФ, правовым обоснованием для чего рассматривается статья 137 Конституции РФ (абзац второй ч. 2 ст. 1). ... Спустя десять лет после принятия Федерального закона РФ от 6 февраля 1998 г. были приняты первые две «поправки» к Конституции РФ: «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» («одобрен Государственной Думой 21 ноября 2008 года»; «одобрен Советом Федерации 26 ноября 2008 года»); «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» («одобрен Государственной Думой 21 ноября 2008 года»; «одобрен Советом Федерации 26 ноября 2008 года»). Относительно первой «поправки» имеется отметка «№ 6 – ФКЗ», означающая, что «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» по юридической силе приравнен к федеральному конституционному закону РФ (ФКЗ РФ), являющийся по счету шестым в 2008 г. Относительно второй «поправки» имеется отметка «№ 7-ФКЗ», означающая, что «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» по юридической силе приравнен к федеральному конституционному закону РФ (ФКЗ РФ), являющийся по счету седьмым в 2008 г. ... Принятие названных выше двух «поправок» повлекло не соответствующее правилам законодательной техники второе официальное опубликование Конституции РФ ... Принятие данных нормативных правовых актов («Закон Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации» от 12 ноября 2008 г.: «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы»; «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации») кардинально изменяют представление о системе законодательства. Еще спустя пять лет уполномоченный государственный орган Российской Федерации довел до сведения общественности, разумеется, в официальном источнике опубликования, о третьей «поправке» ... Речь идет о «Законе Российской Федерации о по-

правке к Конституции Российской Федерации» «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» («одобрен Государственной Думой 22 ноября 2013 года»; «одобрен Советом Федерации 27 ноября 2013 года»). Названный нормативный правовой акт состоит из двух статей (статья 1, статья 2) и обозначен как «№ 2-ФКЗ». Данное обозначение означает, что «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» по юридической силе приравнивается к федеральному конституционному закону РФ, что не может не вызывать возражений. В названном нормативном правовом акте видоизменено название главы 7 Конституции РФ и представлено в новой редакции: «Судебная власть и прокуратура». В видоизмененной главе 7 Конституции РФ представлена новая редакция статьи 129: «1. Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом. 2. Генеральный прокурор Российской Федерации и заместители Генерального прокурора Российской Федерации назначаются на должность и освобождаются от должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации. 3. Прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации, согласованному с субъектами Российской Федерации. Прокуроры субъектов Российской Федерации освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. 4. Иные прокуроры, кроме прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров, назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. 5. Прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры назначаются на должность и освобождаются от должности Генеральным прокурором Российской Федерации» ... Четвертая «поправка»: «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» («Одобрено Государственной Думой 23 мая 2014 года»; «Одобрено Советом Федерации 28 мая 2014 года»). Об этом состоялось «уведомление» Совета Федерации ФС РФ: «О Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» № СФ-6 от 28 мая 2014 г. Названный нормативный правовой акт состоит из двух статей (статья 1, статья 2) и обозначен как «№ 11-ФКЗ». Данное обозначение означает, что «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»

по юридической силе приравнивается к федеральному конституционному закону РФ, что не может не вызывать возражений. В последующем статус «член Совета Федерации» был изменен на статус «сенатор Совета Федерации» ... В Федеральном конституционном законе РФ № 11 («Одобрено Государственной Думой 23 мая 2014 года»; «Одобрено Советом Федерации 28 мая 2014 года») ошибочно указан первый источник официального опубликования Конституции РФ, что уже не должно иметь юридических последствий ... И, наконец, пятая «поправка»: «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» («Одобрено Государственной Думой 11 марта 2020 года»; «Одобрено Советом Федерации 11 марта 2020 года»). Названный нормативный правовой акт состоит из двух статей (статья 1, статья 2) и обозначен как «№ 1-ФКЗ» (приложение 27). Данное обозначение означает, что «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» по юридической силе приравнивается к федеральному конституционному закону РФ, что не может не вызывать возражений. ...» [3, с. 67–74].

Попытки ученых не только отследить процесс реформирования Конституции РФ, но и дать ему оценку заслуживают уважения.

Действительно правовым обоснованием для непосредственного реформирования Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. необходимо признать Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г. [4].

Таким образом, исследования относительно реформирования Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. посредством принятия «поправок» необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. является одним из нормативных правовых актов, обладающих наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации.

Во-вторых, изменения в Конституцию РФ допустимы исключительно в соответствии с Федеральным законом РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г.

В-третьих, поправки необходимо рассматривать как способ реформирования Конституции РФ.

В-четвертых, допустимость поправок в Конституцию РФ предполагает принятие Федерального закона

РФ «О системе нормативных правовых актов в Российской Федерации».

4. СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

Список источников

1. Трусов Н. А. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти : критический взгляд на отдельные вопросы техники и содержания проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 22–25.
2. Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации : грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.
3. Галузо В. Н. Власть прокурора в Российской Федерации : монография. Часть IV. Возрождение права. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

References

1. Trusov N. A. On improving the regulation of certain issues of the organization of public power : a critical look at certain issues of technique and content of the draft Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation // State Power and Local Self-government. 2020. № 4. P. 22–25.
2. Avakian S. A. Draft laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation : is the fourth round coming? // Constitutional and Municipal Law. 2020. № 1. P. 31–44.
3. Galuzo V. N. The power of the prosecutor in the Russian Federation : monograph. Part IV. Revival of Law. Moscow : UNITY-DANA, 2021.
4. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 10. Art. 1146.

Информация об авторе

А. Ю. Кирсанов — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки, кандидат юридических наук, адвокат, адвокат международного класса.

Information about the author

A. Yu. Kirsanov — Senior Researcher of the Scientific-research institute of education and science, Candidate of Legal Sciences, Lawyer, International class lawyer.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-117-119>

НИОН: 2003-0059-4/22-363

MOSURED: 77/27-003-2022-04-562

Проблемы юридического закрепления участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Рецензент: профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук **Т. А. Прудникова**

Аннотация. Представлена авторская точка зрения об административно-правовой природе правового статуса прокурора в контексте производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное право, государственное управление, административно-юрисдикционная деятельность, прокурор, административное правонарушение, дело, полномочия, статус

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Проблемы юридического закрепления участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 117–119. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-117-119>.

Original article

Problems of legal consolidation of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences **T. A. Prudnikova**

Abstract. The article presents the authors' point of view on the administrative and legal nature of the legal status of the prosecutor in the context of proceedings on administrative offenses is presented.

Keywords: administrative law, public administration, administrative and jurisdictional activity, prosecutor, administrative offense, case, powers, status

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Problems of legal consolidation of the prosecutor's participation in the proceedings on administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):117–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-117-119>.

В настоящий момент среди ученых административистов распространенной является позиция, что права и обязанности у должностного лица государственного органа, как субъекта публичной власти неразделимы, происходит их слияние. Это представляется справедливым и в отношении административно-юрисдикционной деятельности прокурора. Прокурор не вправе от возбуждения дела об административном правонарушении, если оно отнесено к его компетенции и в действиях лица имеется состав административного правонарушения; проигнорировать незаконное или

необоснованное решение по нему. Подтверждением тому являются законодательная база, регулирующая отдельные элементы его статуса.

Так, в соответствии с п. 2 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» [1] прокурор в предусмотренных законом основаниях уполномочен выносить постановление о возбуждении дела об административном правонарушении.

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2022

При этом, как справедливо отмечено О. В. Шмалий, автономность каждой ветви власти обеспечивается в наличии полномочий контроля за деятельностью других ветвей и в системе сдержек и противовесов [2, с. 10].

Кроме того, следует обратить внимание на отсутствие в КоАП РФ (ст. 2.9 КоАП РФ) понятия «малозначительность», в результате чего должностные лица принимают решения, основываясь на своем административном усмотрении.

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 г. № 10 малозначительность определяется на основе выработанных критериев, и применяется только арбитражными судами. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.05.2005 г. № 5 определяет малозначительное правонарушение, как правонарушение с учетом наступивших последствий не нарушающее существенным образом общественных отношений.

С другой стороны, данная проблема дополняется процессуальной неопределенностью правоприменителя, связанной с непрым выбором оснований малозначительности при принятии подобного решения в рамках кассационного пересмотра арбитражного дела. Все сказанное затрудняет признание прокурором административного правонарушения малозначительным [3, с. 34].

Интересным является вопрос о правовой природе и соотношении схожих по содержанию процессуальных документов (протокола, постановления и определения). Согласно ст. 28.2 КоАП РФ при возбуждении дела об административных правонарушениях прокурор выносит соответствующее постановление. Однако коллизией является то, что должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выносит определение, а между тем, как прокурор обязан вынести постановление. Тем самым, законодатель нас подталкивает сделать логичный вывод о том, что протокол об административном правонарушении и постановление о возбуждении дела об административном правонарушении по своему содержанию имеют общую правовую природу и должны строго соответствовать требованиям, содержащимся в ст. 28.2 КоАП РФ. Однако в практике правоприменения с процессуальной точки зрения в этом аспекте имеются принципиальные различия.

К тому же, не ясным остается вопрос о том, каким процессуальным документом завершается производство по делу об административном правонарушении в случае возбуждения дела постановлением прокурора. Данный вопрос в юридической науке является дискуссионным. Одни ученые-юристы (И. И. Балаклеец и М. Б. Цуприк) считают, что постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении по своей юридической характеристике не выступает актом прокурорского реагирования и не обязательно должно соответствовать требованиям ст. 28.2 КоАП РФ, и является по своему содержанию лишь протоколом об административном правонарушении, описывающим основные моменты события административного правонарушения [4, с. 176]. Дру-

гая группа авторов (А. В. Панцарино, А. Р. Нобель) придерживается противоположной позиции, которая заключается в том, что при несоответствии обсуждаемого постановления прокурора требованиям ст. 28.2 КоАП РФ данное постановление возвращается прокурору согласно требованиям п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ [5, с. 180; 6, с. 68].

Анализируя правоприменительную практику, мы вынуждены согласиться с точкой зрения авторов (И. И. Балаклеец и М. Б. Цуприк), которые полагают, что постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении и протокол об административном правонарушении - два различных по правовой природе актов. Поскольку протокол об административном правонарушении — это официальный документ, фиксирующий определенные события и действия административного правонарушения, в то время как вынесенное прокурором постановление о возбуждении дела об административном правонарушении — это документ официального реагирования на нарушение законности, и для правоприменителя не целесообразно дублировать одну и ту же информацию в протоколе об административном правонарушении и постановлении прокурора, поскольку это совершенно разные в юридическом смысле документы. У прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях есть две основные задачи: надзор за исполнением законности и административное преследование. Функция административного преследования прокурором, является наиболее дискуссионной и вызывает множество споров. В соответствии с ч. 2 ст. 25 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» постановление о возбуждении дела об административном правонарушении выносится только в отношении специального субъекта, то есть должностного лица, обладающего государственно-властными полномочиями. Что противоречит положениям ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, в соответствии с которой прокурор может возбудить дело по любому составу административного правонарушения, предусмотренного федеральным и региональным административно-деликтным законодательством. Данная конкуренция норм приводит к тому, что на практике прокурор выносит свое постановление только в отношении должностных лиц, а если материалы проверки поступают в отношении иных физических и юридических лиц, прокурор передает материалы соответствующим компетентным органам по подведомственности, что приводит к затягиванию процесса рассмотрения дела по существу.

Следовательно, возникает необходимость устранения указанной выше коллизии, путем гармонизации административно-деликтного законодательства и законодательства о прокуратуре. На наш взгляд, представляется целесообразным внести изменения в действующее законодательство о прокуратуре. В частности, изменить конструкцию ч. 2 статьи 25 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», изложив ее в следующем варианте редакции «Прокурор может возбуждать любое дело об административном правона-

рушении, ответственность за которое предусмотрена действующим административно-деликтным законодательством».

Между тем, глава 25 КоАП РФ устанавливает административно-правовой статус прокурора, в соответствии с которым, помимо возбуждения дела об административном правонарушении, имеются также полномочия по представлению доказательств, заявлению ходатайств и прочее. Названные элементы статуса не наделены государственно-властной надзорной составляющей. Тем самым прослеживается некий дуализм в административно-правовом статусе прокурора в рамках административно-юрисдикционной деятельности.

Таким образом, согласно ст. 24.6 КоАП РФ на прокурора возложена функция надзора за исполнением законов при производстве по делу об административном правонарушении, что является продолжением от «общенадзорной» функции, предусмотренной Законом о прокуратуре, обладает своей спецификой, отличаясь от остальных участников производства по делам об административных правонарушениях не только объемом полномочий, но и набором применяемых правовых средств.

Список источников

1. Приказ Генерального прокурора РФ от 19.02.2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» // Законность. 2015. № 5.
2. Шмалий О. В. Правовое обеспечение эффективности исполнительной власти : теоретико-методологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
3. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор : учебник для вузов; под общей редакцией А. Ю. Винокурова. Москва : Издательство Юрайт, 2018.
4. Балаклеец И. И., Цуприк М. Б. Актуальные аспекты участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 11.07.2022. The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 343.102

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-120-132>

НИОН: 2003-0059-4/22-364

MOSURED: 77/27-003-2022-04-563

**Общие начала необходимой обороны.
Часть первая:
вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм
Castle Doctrine (мой дом — моя крепость),
Stand your ground (бежать не обязан),
Affirmative defense (презумпция невиновности),
Intruder culpability (априори виновен нападающий),
Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска),
а также концепции Duty to retreat (обязан бежать)**

Никита Александрович Колоколов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, nikita_kokolov@mail.ru

Аннотация. Право на необходимую оборону (самооборону) — необходимый элемент важного общепризнанного, естественного и неотъемлемого права человека и гражданина на самозащиту. Данное общее правило базируется на природном инстинкте всего живого на самосохранение. В основе этого права всегда лежало доверие общества к благоразумию отдельной личности, подвергшейся нападению, когда правоохранные институты общества и государства в силу объективных (субъективных) причин не успевают прийти на помощь к конкретному человеку.

Анализируются некоторые вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом — моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпция невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать).

Изучается состояние института необходимой обороны, как в России, так и некоторых других странах. Самостоятельным предметом анализа являются выявленные Верховным Судом РФ некоторые ошибки, допущенные участниками уголовного процесса при применении законодательства, регламентирующего понятие: «необходимая оборона» (ст. 37 УК РФ), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью при причинении необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК РФ). Метод исследования: изучение теоретической базы анализируемого института, анализ комплекса конкретных судебных постановлений за последнее десятилетие.

Ключевые слова: защита, самозащита, оборона, самооборона, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, Castle Doctrine, «мой дом — моя крепость», Stand your ground, «бежать не обязан», Affirmative defense, «презумпция невиновности», Intruder culpability, «априори виновен нападающий», Immunity from civil lawsuit, «иммунитет от гражданского иска», Duty to retreat, «обязан бежать», рекомендация Президента РФ

Для цитирования: Колоколов Н. А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом — моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпция невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 120–132. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-120-132>.

Original article

© Колоколов Н. А., 2022

General principles of necessary defense.

Part one:

questions of theory, history and practice regarding
the application of the Castle Doctrine (my home is my fortress),
Stand your ground (no obligation to run),
Affirmative defense (presumption of innocence),
Intruder culpability (the attacker is a priori guilty),
Immunity from civil lawsuit (immunity from a civil suit),
as well as the concept of Duty to retreat (obliged to flee)

Nikita A. Kolokolov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The right to necessary defense (self-defense) is a necessary element of the important universally recognized, natural and inalienable right of a person and citizen to self-defense. This general rule is based on the natural instinct of all living things for self-preservation. This right has always been based on the trust of society in the prudence of an individual who has been attacked, when the law enforcement institutions of society and the state, due to objective (subjective) reasons, do not have time to come to the aid of a particular person.

Some issues of theory, history and practice regarding the application of the Castle Doctrine (my home is my fortress), Stand your ground (no obligation to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (a priori the attacker is guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from a civil suit), as well as the concept of Duty to retreat (obliged to flee), are analyzed.

The state of the institution of necessary defense, both in Russia and in some other countries is studied. An independent subject of analysis are some mistakes identified by the Supreme Court of the Russian Federation, made by the participants in the criminal process when applying the legislation regulating the concepts: «necessary defense» (Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation), a murder committed when the limits of necessary defense were exceeded (Part 1 of Article 108 of the Criminal Code RF), causing grievous bodily harm when causing necessary defense (part 1 of article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation). Research method: study of the theoretical base of the analyzed institution, analysis of a set of specific court decisions over the past decade.

Keywords: defense, self-defense, defense, self-defense, necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, Castle Doctrine, «my home is my fortress», Stand your ground, «not obliged to run», Affirmative defense, «presumption of innocence», Intruder culpability, «a priori guilty forward», Immunity from civil lawsuit, «immunity from a civil suit», Duty to retreat, «obliged to flee», recommendation of the President of the Russian Federation

For citation: Kolokolov N. A. General principles of necessary defense. Part one: questions of theory, history and practice regarding the application of the Castle Doctrine (my home is my fortress), Stand your ground (no obligation to run), Affirmative defense (presumption of innocence), Intruder culpability (the attacker is a priori guilty), Immunity from civil lawsuit (immunity from a civil suit), as well as the concept of Duty to retreat (obliged to flee). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):120–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-120-132>.

Введение

Согласно Конституции РФ «каждый из нас имеет право на жизнь» (ч. 1 ст. 20), «защиту чести и достоинства» (ч. 1 ст. 21), «может защищаться всеми не запрещенными законом способами» (ч. 2 ст. 45). Правда, с сожалением приходится констатировать, что дальнейшего надлежащего закрепления право на самозащиту (самооборону, необходимую оборону) и на межотраслевым, и отраслевым уровнях до сих пор не произошло.

Право личности на самозащиту в целом, необходимую оборону в частности многими правоприменителями до сих пор воспринимается как нечто чуждое публичному правовому регулированию.

Данное обстоятельство изначально обуславливает деформацию профессионального сознания определенной значительной части правоприменителей, которые зачастую, не вникая в суть имевшего место конфликта, свои действия ограничивают наказанием лица,

причинившего наиболее тяжкий вред.

В этой связи автору на память приходят слова моего первого куратора в сфере судебной деятельности (Российская Федерация, Курская область, 1992 год): «Все эти институты сильного душевного волнения (аффекты), необходимая оборона, ее превышение — всего лишь способ уйти от уголовной ответственности за содеянное».

Впрочем, автору памятливы и другие, совершенно противоположные рекомендации по применению законодательства о необходимой обороне (МССР, Кишинев, 1983–1991 годы), в частности не был обнаружен состав преступления в действиях: а) жены, которая, обороняясь от формально «совершенно безопасных» для ее жизни и здоровья побоев со стороны мужа, ножом причинила ему проникающее ранение брюшной полости; б) жителей поселка, которые, защищая от прохожих хулиганов своего соседа, весьма жестко «поколотили» дебоширов.

Нами исследуются судебные некоторые ошибки, возникновение которых обусловлено неправильным толкованием юридико-технических понятий: «драка», «избиение», «защита», «оборона», «самозащита», «самооборона», «необходимая оборона», «превышение пределов необходимой обороны». По результатам исследования автором высказывается предположение о том, что подавляющее большинство ошибок, допущенных в процессе толкования ст. 37, ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, носят субъективный характер.

Президент России В. В. неоднократно подчеркивал, что «о правах человека мы больше привыкли говорить, чем по-настоящему их защищать [1]. Вопрос расширения прав граждан за самозащиту в целом, необходимую оборону, в частности, — далеко не нов. Например, только в 2013–2016 годах в Государственную Думу РФ поступило три соответствующих законопроекта (№ 265537-6 от 23 апреля 2013 года «О внесении изменения в ст. 37 УК РФ»; № 745275-6 от 17 марта 2015 г. «О внесении изменений и дополнений в ст. 37 УК РФ», № 1106899-6 от 23 июня 2016 г. «О внесении изменений в ст. 37 УК РФ») [2]. Общеизвестен лозунг «Мой дом — моя крепость» (Castle Doctrine) Не случайно перманентно велико число тех реформаторов, кто, констатируя беспомощность полиции, активно ратует за 100 % вооружение населения.

Законодатель ожидаемого убоялся предлагаемых ему радикалами форм и методов модернизации самозащиты, посчитал, что все они крайней рискованны, ибо граждане просто перестреляют друг друга, поэтому авторы законопроектов, не учитывающие данного очевидного факта, непрофессиональны.

В очередной раз вопрос о расширении пределов необходимой обороны во всей его остроте был поднят правозащитниками 9 декабря 2021 года на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам

человека. Неслучайно, что уже 27 января 2022 года появилось отдельное поручение Президента РФ о необходимости проработки этого вопроса. В частности, В. В. Путин настоятельно рекомендовал Верховному Суду РФ в очередной раз дополнительно проанализировать противоречивую практику применения ст. 37 УК РФ.

Как теперь хорошо известно, лозунг «Мой дом — моя крепость» в очередной раз не получил никакой поддержки в Правительстве РФ, которое 12 мая 2022 года, заручившись двумя официальными отрицательными отзывами, оценило эту революционную идею как деформацию института самозащиты в тотальное общественно опасное поведение.

Верховный Суд РФ концепцию «Castle Doctrine», а равно сопутствующие ей законодательные «идеи поголовного вооружения народа» поспешил охарактеризовать как явно «излишние», поэтому во исполнение п. 14 перечня поручений Президента РФ от 27 января 2022 года ПР-189 заявил, что судьям для осуществления справедливого правосудия достаточно четко выверенной интерпретационной практики, что касается какой-то там законотворческой деятельности по анализируемой теме, то она изначально представляется явно излишней [6].

Впрочем несмотря на данный общетеоретический подход к решению проблемы, Пленум Верховного Суда РФ рамках «Castle Doctrine» в своем постановлении от 31 мая 2022 года № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» все же счел нужным привести следующую формулировку: «...незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения (п. 3 названного выше постановления в ред. от 31.05.2022 г. № 11)».

Автор воспринимает данный текст как посыл к минимизации «обвинительного уклона» в отношении защищаемого. Классический пример прочтения положений УК РФ по-новому является уголовное дело в отношении Крюкова В.

По приговору Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 10 сентября 2019 года последний был осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ к ограничению свободы на срок 1 год 3 месяца с установлением ограничений и возложением обязанности, предусмотренных ст. 53 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 10 июня 2021 года указанный приговор районного суда отменен, и вынесен новый приговор, согласно которому Крюков признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2021 года апелляционный приговор в отношении Крюкова оставлен без изменения.

Судом апелляционной инстанции было установлено, что 30 марта 2018 года с 22 часов до 23 часов 40 минут 30 марта 2018 года находящийся в дачном доме Крюков В. услышал, как «ломают забор». Когда он вышел во двор, то с ним беспричинно начали скандалить незаконно проникшие на чужую территорию находящиеся в состоянии сильного алкогольного опьянения Д. и бывшие с ним лица (4–5 мужчин). К этому моменту Д. успел «на почве внезапно возникших к Крюкову А. (младшему брату Крюкова В.) личных неприязненных отношений нанести ему удар кулаком в лицо, от которого Крюков А. упал, прыснул в лицо слезоточивым газом» (то есть Д. совершил тяжкое преступление — ч. 2 ст. 213 УК РФ). Продолжая свои противоправные действия Д, а также бывшие с ним мужчины стали угрожать Крюкову В. расправой, били его, брызгали в лицо слезоточивым газом. Все это время Крюков В., а равно его супруга пытались по телефону вызвать кого-либо на помощь. Поскольку Крюкова В. был ослеплен слезоточивым газом, то он стал защищаться от нападавшего на него Д. первым попавшимся под руку предметом, которым оказался топор. Защищая свои жизнь и здоровье, жизнь и здоровье членов своей семьи, Крюков В. лишил жизни Д.

По приговору Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 10 сентября 2019 года Крюков В. был осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ к ограничению свободы на срок 1 год 3 месяца с установлением ограничений и возложением обязанности, предусмотренных ст. 53 УК РФ.

Однако апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 10 июня 2021 г. указанный приговор районного суда отменен, и вынесен новый приговор, согласно которому осужденный был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2021 г. апелляционный приговор в отно-

шении Крюкова В. оставлен без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим определением от 2 июня 2022 года вышеуказанные апелляционное и кассационное определения отменила и возвратила уголовное дело в суд второй инстанции. Примечательно, что решением Верховного Суда РФ Крюков В. из-под стражи был освобожден [4].

1. Естественное право человека и гражданина на самооборону

По общему и, в принципе, неоспариваемому правилу «каждый из нас имеет право на жизнь» (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ), защиту чести и достоинства (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ). Основательное нормативное закрепление данных, бесспорно, естественных и неотъемлемых прав человека и гражданина, как на уровне международных соглашений, так и в Основном законе нашего государства автоматически влечет признание за каждым из жителей Российской Федерации права на самозащиту всеми не запрещенными законами способами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). В число способов самозащиты (системное целое) входит и частный уголовно-правовой правовой институт — необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), суть которой заключается в вынужденном причинении обороняющимся (предикатный потерпевший) вреда здоровью посягающему лицу (предикатный нападающий).

Если эти оба института: самозащиты и необходимой обороны имеют, во-первых, единое естественное происхождение, во-вторых, порождают общепризнанные единые и неотъемлемые права человека и гражданина и, в-третьих, уже закреплены на самом высоком национальном нормативном уровне, то по идее они должны быть как можно более полно и системно раскрыты в иных общегражданских нормативных актах.

С величайшим сожалением приходится констатировать, что развитие общегражданского законодательства в части закрепления категорий «самозащита» и «необходимая оборона» как некоего исключительно важного системного целого фактически приостановилось на уровне отдельных деклараций в Конституции РФ, появления некоторых числа разрозненных норм в Федеральных законах.

Например, в абз. 1 и 2 п. 1 ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» введено понятие «гражданское оружие самообороны», к которому, в частности, отнесено огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие с патронами травматического действия. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 22 октября 2008 года № 584н «Об утверждении норм допустимого воздействия на человека поражающих факторов гражданского оружия самообороны» (далее — Приказ) утверждены нормы допустимого воздействия

патронов травматического действия к огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию и бесствольному оружию отечественного производства, Из Приложению № 3 к этому Приказу следует, что при минимальной разрешенной дальности стрельбы один метр для огнестрельного бесствольного оружия и десять метров для огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия нормой воздействия патронов травматического действия на организм человека является невозможность причинения тяжкого вреда здоровью.

Иными словами, если предикатный нападающий подошел к предикатному защищаемому ближе, чем на десять метров — стрелять в него нельзя из длинноствольного оружия, а если этот же предикатный нападающий уже совсем рядом, душит предикатного защищаемого, то стрелять в него нельзя уже и из бесствольного оружия, в противном случае предикатный нападающий практически автоматически переводится в разряд потевших, а предикатный потерпевший становится подсудимым.

Совершенно очевидно, что приведенный в Приказе регламент по существу запрещает использование оружия самообороны в целях самозащиты. Заинтересованные граждане, которые стреляли в пристававших к ним хулиганов из оружия самообороны на более коротких дистанциях и за это затем были наказаны в уголовном порядке, попытались оспорить регламент, содержащийся в Приложении № 3 к Приказу, однако Верховным Судом РФ в удовлетворении их требований было отказано, поскольку уголовно-правовой институт необходимой обороны не содержит каких-либо числовых (количественных) параметров, так как уголовно наказуемое превышение пределов необходимой обороны не связано с оспоренной нормой и последнее не влияет на правомерность необходимой обороны [3].

Как видим, о необходимой обороне иначе как о каком-то там малозначительном, второстепенном, элементе уголовного права на уровне общегражданских федеральных законов практически ничего и не говорится.

Обратимся к некоторым из предметов нашего непосредственного анализа, например, к ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», которая сама по себе уже исключительно противоречива. В частности, ее базовая посылка, провозглашаемая в ч. 1, правоприменителем принимается за общее обязательное правило и толкуется им только так: право на самозащиту возникает исключительно в случае реальной опасности преступного посягательства для жизни чудом выжившего обороняющегося (предикатного потерпевшего).

Впрочем, ниже законодатель пишет уже о некоей непосредственности угрозы применения такого насилия, что по идее также может декриминализировать адекватную самозащиту жертвы предикатного наси-

лия.

Еще ниже в ч. 2, состоящей из двух предложений, законодатель сначала признает за рискнувшим на самозащиту гражданином право на декриминализованную самооборону даже в случаях, если нападающий пока всего лишь ограничился применением (равно угрожал применением) насилия не опасного для жизни предикатного потерпевшего. Чтобы потенциальная жертва этого насилия не расслаблялась, в следующей фразе законодатель по существу дезавуирует сказанное в первом предложении, требуя от жертвы предикатного посягательства соответствия самозащиты характеру опасности этого посягательства.

Наконец, в ч. 2.1, которой УК РФ 1996 года был дополнен 8 декабря 2003 года (№ 162-ФЗ), допускается, что действия лица, решившегося на самозащиту могут быть декриминализованы, если посягательство было неожиданным, а жертва предикатного насилия не могла объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Сказанное означает: согласно уголовному закону право на самооборону — декларация, признание данного права жертве предикатного насилия еще следует доказать, ибо предикатный нападающий — новый (будущий) потерпевший в результате самообороны доказывать по закону ничего не должен (ч. 2 ст. 14 УПК РФ), ибо это функция органов предварительного расследования, прокурора, суда и лица, решившегося (отважившегося) на самооборону. Скажем больше, в силу ч. 3 ст. 14 УПК РФ все сомнения в том, а было ли предикатное нападение на лиц, решившееся на самооборону, автоматически должны толковаться в пользу предикатного нападающего.

Хорошо известна и базовая причина фрагментарности и противоречивости в закреплении анализируемого естественного права в современных российских законах: речь идет об издавна господствующей в России идеи приоритета публичного перед частным. Результат: наш законодатель практически ничего не желает знать и, как следствие этого, кроме отдельных и разрозненных декларация, ничего не желает сказать: о наличии такой жизненно важной правовой категории как необходимая защита (оборона) от противоправного посягательства, не обладающего признаками конкретного преступления.

Так, согласно ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» предусмотрено наступление административной ответственности за нанесение побоев, совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль. В то же время, в данном кодифицированном нормативном акте (КоАП РФ) отсутствует регламент права потерпевшего на оборону от противоправного посягательства в виде побоев.

К какой-то мере вывод о наличии такого естествен-

ного права у потерпевшего все-таки можно сделать на основании анализа ст. 2.7 КоАП РФ «Крайняя необходимость». Из текста данной нормы усматривается, что устранение опасности, в случае, например, избияния гражданина соседом, потерпевший вправе причинить вред неким охраняемым законом интересам. При этом законодатель подчеркивает, что причиняемый данным интересам вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный вред.

По существу законодатель требует от жестоко избиваемого потерпевшего предвидеть, что нападающий точно не выйдет за пределы регламента предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, в противном случае он, остановив хулигана, рискует из потерпевшего превратиться в виновного.

Как видим, законодатель оставляет без ответа важнейший вопрос, что делать интеллигенту-потерпевшему (ст. 25.2 КоАП РФ) если его «хилого» бьет физически крепкий сосед пусть и «аккуратно, но сильно». При этом за спиной правонарушителя (в недавнем советском прошлом дерзкого хулигана — ч. 2 ст. 206 УК РСФСР), ныне сложного именуемого «лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении» (ст. 25.1 КоАП РФ) стоят его друзья, всем своим видом показывающие, что они готовы прийти товарищу на помощь. Совершенно очевидно, что в таких условиях остановить хулигана, действующего с особой дерзостью (назовем вещи своими именами), можно только применением в отношении него эффективного физического насилия (например, выстрел из пистолета), которое, скорее всего, затем будет квалифицировано как преступление, совершенное бывшим, и как показало развитие событий очень дерзким потерпевшим.

Впрочем, как отмечалось выше, согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ существует возможность защиты от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Такая защита является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

Согласно разъяснениям, данным еще в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» под посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не

опасного для жизни или здоровья).

Юридическая конструкция самообороны как действия двух сторон предполагает сначала появление первого — предикатного правонарушения (преступления), а затем, в случае превышения пределов необходимой обороны, второго уже конкретного преступления. Естественно, что лицо, подвергшееся нападению, будет предикатным потерпевшим, виновный в этом нападении — предикатный нападающий и, соответственно, уже в случае превышения пределов необходимой обороны: предикатный потерпевший становится виновным (обвиняемым, подсудимым, осужденным), а предикатный нападающий — потерпевшим.

Органы предварительного расследования, прокуратуры, иногда и суды спешат сделать свои окончательные выводы, исходя только из тяжести наступивших последствий, при этом забывают учесть все обстоятельства произошедшего события. Действительно, с давнейших времен существует правило: «о мертвых либо хорошо, либо ничего», да и зачем все говорить о мертвых, тем более, если за свое предикатное посягательство они уже наказаны судом божьим.

Анализ юридической действительности позволяет сделать вывод, что как органы предварительного расследования и прокуратуры, так и суды различных инстанций зачастую фактически лишают жертв семейного насилия права на действенную оборону [10]. Под вопрос данными органами государственной власти время от времени ставится даже право на необходимую оборону лиц, стоящих на страже государственного имущества. Так сторона обвинения полностью проигнорировала возможность наличия такого права у егеря М. Впрочем, последнему повезло, такое его естественное право признала за ним коллегия присяжных заседателей, провозгласивших оправдательный вердикт [7]. Наконец, пусть и не сразу такое право признали за заключенным, которого далеко не случайно, вдруг, стал «прессовать» сокамерник [9]. Многие другие весьма спорные ситуации, базой для которых явилось фактическое отторжение правоприменителями права человека и гражданина на необходимую оборону, нами уже подробно анализировались [11].

Вызывает удивление обвинительный уклон авторов тех судебных решений, которые констатируют в приговорах и судебнo-контрольных решениях факт нападения на предикатного потерпевшего, причинение вреда его здоровью, тут же трансформирую этого человека в осужденного за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью.

Да и сам первоначальный конфликт между предикатным потерпевшим и предикатным нападающим по непонятным причинам расценивается не что иное, как обоюдная драка [18, с. 443], несмотря на то, что речь, как правило, идет о целенаправленном, беспричинном

избиении [18, с. 635–636] слабого сильным.

Отдельного разбора заслуживают регламенты, зафиксированные в ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, хотя бы, уже в силу того, что законодатель в силу одних только ведомых ему побуждений объединил в каждой из этих статей два совершенно различных института: «превышение пределов необходимой обороны» и «причинения вреда правонарушителю», ибо в частях первых этих статей речь идет о наказании действий лиц, «загнанных в угол» правонарушителем (одно психологическое состояние), то во втором — у потенциального причинителя вреда есть выбор: правонарушителя с риском для себя задержать или от греха подальше отпустить (совершенно другое психологическое состояние).

Адвокат Илья Костромов не без скепсиса констатирует: «Не давайте отпор бандиту, пока не уточните его планы» [16]. Что касается применения оружия к нападающему, то он, ссылаясь на пьесу Э. Хемингуэя «Пятая колонна», приводит следующие слова героев.

Филипп Ролингс Уилкинсу:

«Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будите при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах».

Уилкинс

«Даже для самозащиты?»

«Ни при каких обстоятельствах вы меня поняли?»

Результат известен: лишенный права на необходимую оборону Уилкинс погибает [21, с. 48].

В развитых правовых порядках весьма также распространены и аналогичный принцип «Стой на своем» (Stand your ground), суть которого — подвергшийся нападению, от любой опасности спастись бегством не должен, даже если таковая возможность у него есть. Напротив, лицо, подвергшееся нападению, пребывает в полном праве встретить агрессора, как говорится, «во всеоружии».

Естественно, что существуют и иные подходы к разрешению вопроса, например, доктрина «Отступай, сколько сможешь» (Duty to retreat). Суть этой концепции: вы уклоняетесь от конфликта насколько это возможно. Преступник сломал входную дверь в квартире, вы прячетесь в ванной комнате, запираетесь на шпингалет. База данной концепции — у нападающего есть права, которые тоже надо соблюдать.

2. Право на самооборону: историко-юридический аспект

Древние римляне прямо признавали естественный (природный) характер необходимой обороны: «Vim enim vi defendere omnes leges omniaque jura permittunt (ведь силу отражать силой все законы и права допускают)» [19, с. 194]. Вот, что об этом говорил Цицерон: «Est igitur haec, iudices, non scripta sed nata lex, quam

non dedimus, accepimus, legimus, verum ex natura ipsa arripimus hausimus, expressimus (Итак, этот закон, судьи, не записанный, но природный, который мы не выучили, восприняли, прочли, но из самой природы взяли, почерпнули извлекли)» [19, с. 194].

Упоминания о праве на самооборону мы найдем в ст. 6 Договора Олега с греками, в Русской правде и Уложении Алексея Михайловича данное право трактуется максимально широко, так как предикатный потерпевший в праве не только защищать себя, членов своей семьи, свое имущество, но и фактически наделялся правом на расправу (то есть, судьи) по отношению к предикатному нападающему. «А хозяин, поймавший в своем домовладении тятя (вора) в ночи, вполне мог его безнаказанно и убить». Скажем больше, хозяин имел право догнать вора за пределами своего домовладения, отобрать похищенное, а если вор этот, окажет сопротивление, то и убить его».

Таким образом, согласно учению школы естественного права: «право обороны не создается государством (монархом), а только признается и санкционируется им» [19, с. 194].

Естественно не бывает прав без ограничений: «додержавший татя (вора) до петухов (утра)», право расправы с ним уже утрачивал. Лишался права на расправу предикатный потерпевший также и в том случае, если предикатный нападающий, пусть и причинил вред здоровью первого, но сдался ему на милость. В таких ситуациях, трогать этого предикатного нападавшего предикатный потерпевший трогать преступника уже не мог, даже если последнему в перспектива грозила смертная казнь — исключительная прерогатива государства (монарха).

2.1. Узурпация права на самооборону государством

Переход всей полноты власти государством (монархом) в последующие периоды человеческой истории повлекла практически полное отрицание наличия у подданных (не путать с понятием граждан) каких-либо естественных (природных) прав. Максимум, на что мог рассчитывать любой подданный, так это на дарование ему какого-то конкретного права. При таких обстоятельствах самооборона юристами того времени толковалась как месть, легитимное право на которую (наказание) принадлежало исключительно государю. Действия лица, решившегося на самовольное ограничение данного права (то есть на самооборону), воспринимались, как посягательство на неотъемлемые прерогативы монарха.

В то же время, было очевидно, что государство (монарх) не в силах предотвратить каждое отдельное преступное посягательство. Чтобы максимально минимизировать число случаев вынужденной самообороны, государство предписывало своим подданным: спасаться бегством, «уступать столько долго, елико

возможно». В то же время, авторы верноподданнических законов того периода прекрасно понимали, что вор, проникший в чужой дом, возможно, «не для кражи единой» — представлял для хозяина, членов его семьи смертельную опасность. Данный тезис явился базой для разрешения: «без страха наказания умертвить (вора), ежели его своего спасения преодолеть было невозможно». Правда, в таких случаях законодатель возлагал на предикатную жертву бремя доказывания: «Во всяком случае тот, кто сослался на оборону, должен не только доказать, что на него напали, но и что он не мог уступить или уйти без опасения смертного».

Поскольку до начала XX века «благородные» мужчины практически всегда ходили с холодным оружием, то законодатель предписывал им применять последнее только в случае, если его применил предикатный нападающий. Чтобы исключить кривотолки, был изобретен институт дуэли — разновидность поединка — инструмента, весьма распространенного на заре становления надлежащего порядка уголовного судопроизводства.

2.2. Провокация самообороны

Применительно к праву на самозащиту во все времена спорным было право предикатного потерпевшего ответить на слова, действия предикатного нападающего, имеющие, скорее всего, провокационные цели. Например, что делать мужу, если хулиган дерзко прикоснулся к интимным частям тела его жены, а то и вовсе ограничился грубыми и циничными высказываниями в ее адрес. Анализ практически всех норм о самозащите (самообороне) позволяет сделать вывод, что оснований для применения насилия (какого?) предикатный потерпевший в таких случаях лишается полностью.

Скажем больше, например, современное российское законодательство не предусматривает вообще никаких форм порицания для хулиганов. Так, вне зоны внимания остались действия вымогателей, которые, желая получить от мужчины деньги, заставили полностью раздеться его сожительницу. Для сравнения, в советский период подобные действия органами предварительного расследования уверенно квалифицировались как злостное хулиганство по признаку исключительного цинизма.

Нельзя забывать и о том, что действий хулигана, позволившего себе демонстративное прикосновение к интимным частям женщины, часто носят провокационный характер, ибо они «затравка» для планируемого предикатным нападающим нападения на предикатного потерпевшего. Конструируем ситуацию дальше: предикатный потерпевший не стерпел и ответил на действия хулигана насилием, особо подчеркнем, — нелегитимным. Данный факт автоматически превра-

щает этого предикатного потерпевшего в агрессора, ответное насилие по отношению к которому а priori законно.

С другой стороны, агрессия предикатного потерпевшего по отношению к хулигану в виде, например, удара кулаком в лицо, в рамках существующей морали, так как оставив действия хулигана безнаказанным, то есть не прибегнув к насилию в виде удара кулаком в лицо, предикатный потерпевший может понести невосполнимые репутационные издержки, в первую очередь, получит презрение жены, ну а затем и окружающих.

Скажем больше, наш современный российский правоприменитель в уголовном порядке за умышленное деяние преследует женщину, явившуюся жертвой сексуального домогательства, и которая решила ответить на это ударом маникюрных ножниц.

Н. С. Таганцев по данному поводу писал: Признание права обороны жизни, телесной неприкосновенности, свободы и целомудрия, не возбуждает никаких сомнений. Спор существует только относительно чести и имущества» [19, с. 207].

Разрешить данный спор признанный мэтр российской уголовно-правовой науки пытается через анализ ценности охраняемого объекта. Как известно, современный законодатель в кодексах отказался от попыток перечисления в УК ценностей, которые, по его мнению, бы заслуживали самозащиты. Итак, законодатель: проблемы не снял, а всего лишь «умыл руки». Кому решать проблему? Очевидно, что суду. Все ли судьи готовы, как Б. Кардозо варить странную смесь из сомнительных (*discrepant*) обычаев, общих стандартов справедливости (*justice*) и морали? Анализ примеров из новейшей российской практики позволяет вывод, что нет, как правило, наши судьи к этому не готовы. Кого в таком случае защищает закон: женщину (жертву без телесных повреждений), ответившую на сексуальное домогательства со стороны таксиста ударом маникюрных ножниц или таксиста (жертву с телесными повреждениями)? На текущий момент превагирует правило: у кого тяжелее повреждения, тот и жертва! Аморально? Бесспорно, но это распространенная юридическая практика.

2.3. Нападение должно быть реальным

Суждение: допустить защиту от нападения только после его фактического начала, не состоятельно, поскольку на данном этапе защита становится уже невозможной, ибо обороняющийся может просто не успеть.

2.4. Аффект: состояние жертвы нападения

Законники и моралисты, требующие от жертвы нападения адекватного ситуации хладнокровного поведения, судят о том, о чем «по своей шкуре» не знают: для большинства предикатных жертв нападе-

ние — жесточайший стресс, а поскольку «у страха глаза велики», то действия жертвы могут иметь черты поведения лица, пребывающего в состоянии аффекта. Ниже будут приведены примеры, когда предикатный потерпевший, отражая нападение, наносит предикатному нападающему целую серию ударов ножом (десятки ударов), из которых для нападающего смертелен оказывается только один, да сознание этот нападающий теряет не на месте происшествия, а далеко за его пределами. Как правило, установить, каким этот удар был по счету — первым или последним, не удается.

Н. С. Таганцев под необходимой обороной понимал непреступное причинение вреда правоохраняемым интересам лица, нападающего на нас или на других лиц [19, с. 194].

3. Институт необходимой самообороны в США

Некоторыми принято считать, что в США господствует Castle Doctrine (мой дом — моя крепость), ее проявление — Stand your ground (бежать не обязан), базирующееся на принципе Affirmative defense (презумпции невиновности), согласно которому применительно к нашей тематике действует правило Intruder culpability (априори виновен нападающий). Более того, для США характерен Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска). Впрочем, не будем забывать и о концепции Duty to retreat (обязан бежать).

Как известно, половина семей в США вооружена. Казалось бы, данный факт автоматически должен предполагать максимально широкое толкование права граждан Америки на самозащиту вообще, на самозащиту собственности и, естественно, на необходимую самооборону. Изучение национальной доктрины позволяет сделать вывод, что все не столь однозначно. Да, американцы признают общее правило: «если человек причиняет вред другому лицу при самообороне, то он не является преступником, так как не имеет преступного умысла» [13, с. 48].

Только вот это самое общее правило на доктринальном уровне толкуется предельно узко. «Для успешного признания случая самообороны подсудимый должен показать, что при восприятии данной ситуации любым разумным человеком не было никакой возможности избежать причинения вреда другому лицу. В случаях, если была возможность избежать опасности с помощью бегства (при условии, что это можно было сделать безопасно) ибо позвонив в полицию, заявления о самообороне отвергаются. Более того, для самозащиты не должна применяться большая сила, чем это необходимо для предотвращения грозящего вреда. Кроме того, лицо не может защищать собственность с использованием смертоносной силы, если в такой ситуации не имеется угрозы причинения личного вреда» [13, с. 49].

Например, домовладелец из окна видит вора и

стреляет в него. При таких обстоятельствах присяжным надлежит оценить: «обоснованно ли домовладелец решил, что может стать жертвой насильственного преступления» [13, с. 49]. Не случайно, американские юристы говорят: «Если вы уж решились на применение оружия, то стреляйте наповал, ибо раненый в суде докажет, что предикатная жертва не смогла его правильно понять».

Аналогичен подход американцев и к жертвам систематического домашнего насилия (истязания), которые, в режиме постфактум, вдруг, запоздало решились на самозащиту. Доктрина и от них требует: звонить в полицию, по возможности бежать или иным способом уклоняться от применения насилия к предикатному насильнику. Американские криминологи по этому поводу цинично пишут, что женщин на ответное насилие (самооборону) надо провоцировать гораздо сильнее, чем мужчин [13, с. 157].

Безусловный интерес представляет суждение американских криминологов о том, что ответ насилием на насилие, насилием на оскорбление в значительной степени зависит от субкультуры, в которую погружен конкретный человек. Для некоторых субкультур характерно правило: никакую агрессию, вне зависимости, в какой форме она выражена, нельзя оставлять без ответа, в противном случае человек не только теряет уважение в конкретном обществе, но и становится изгоем [13, с. 421].

Отдельным направлением американской криминологии является анализ соотношения понятий «владение оружием» и «самооборона». С одной стороны, «страх перед преступностью является самым важным мотивом к приобретению оружия», с другой, констатируется: только 10–15 % семей приобретают для самозащиты, а «владение оружием для самозащиты — это скорее психологическая вера в безопасность нежели способ реального предотвращения преступного поведения» [13, с. 663–664].

В тоже время, установлено, что, например, в 1988–1993 года оружие в целях самозащиты применялось в 2,5 млн. случаев, то есть в 3–4 раза чаще, чем для его использования в преступных целях [13, с. 665]. По другим данным: американцы до миллиона раз в год применяют другие в целях самозащиты, в процессе этого добропорядочные владельцы огнестрельного оружия убивают от 1,5 тыс. до 2,8 тыс. преступников, что больше, чем число правонарушителей погибших от рук полицейских (до 1 тыс. в год).

Несмотря на то, что для нападающего безразлично, «владеет жертва оружием» или нет, применение огнестрельного оружия наиболее действенное средство для уменьшения виктимизации населения [13, с. 666].

В США существует понятие — «оружие субботней ночи» — дешевый, малоэффективный пистолет

для бедняков, которым вооружены, как потенциальные предикатные нападающие, так и предикатные жертвы. По этому поводу американские криминологи говорят, что «любое оружие, которое можно использовать для самозащиты, бесполезно» [13, с. 670]. Культура использования оружия — элемент общей культуры, неотъемлемая часть воспитания и мировоззрения [13, с. 671].

4. Особенности толкования института необходимой обороны в ФРГ

Проблемам необходимой обороны (§ 32 II StGB) в учебниках уголовного права Германии, как правило, посвящается отдельная глава [20, с. 296–320], в которой после общих слов о балансе интересов общества в целом и «избиваемой» личности, авторы сразу же переходят к анализу предикатного посягательства — нападению, выяснению вопроса, а было ли таковое?

Отвечая на данный вопрос, некоторые немецкие ученые понятие «нападение» толкуют необычайно широко. Под нападением помимо привычного для нас посягательства на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, часть и достоинство, в частности, может пониматься:

- посягательство на чужое имущество;
- использование чужой частной дороги;
- фотографирование без разрешения;
- весьма значимая в германском этикете интимная сфера;
- ночной покой [20, с. 298].

Вот так, не больше ни меньше, по мнению высоко ценящих свой покой немцев: «достала» жильца шумная компания, следовательно, он исключительно правомерно открыл по ней огонь из ружья, что подделаешь: довели бюргера до крайности. Чего в таком поведении лишенного сна человека больше: аффекта, лютой злобы или необходимой обороны, судить читателю.

Для сравнения: 4 апреля 2020 года в темное время суток жителя п. Елатьма Касимовского района Рязанской области Ф. разбудила компания, шумевшая под окнами его квартиры. Ф. сделал «весельчакам» замечание, последние явно «в поисках приключений», пообещав разобраться с Ф., направились к подъезду дома, где в упор были расстреляны высоко ценившим свой покой Ф. [17]. В нашем Отечестве был охарактеризован исключительно как безжалостный, хладнокровный убийца. Не исключено, что в ФРГ могли усмотреть у него и состояние необходимой обороны. Действительно: правонарушители (нападавшие) в ночное время граждан беспричинно беспокоили, на правомерное замечание не только не прореагировали, но «двинулись» разбираться с Ф.

Для сравнения: неизвестный мужчина систематически заглядывал в окна спальни, нарушая тем самым покой супругов (нападение?). В отличие от рязанских

мелких хулиганов, будучи обнаруженным, правонарушитель из Германии сразу же убежал. Установить личность виновного длительное время не удавалось даже с помощью полиции. Тогда хозяин дома принял кардинальное решение: незнакомца подстрелить. Как квалифицировать действия «нападавшего» (§ 32 II StGB)? Мнения немецких юристов разделились [20, с. 303]. Интересно мнение читателя: систематическое назойливое подсматривание за супругами — нападение? Особенно, если полиция бессильна?

Юристы Германии в таких ситуациях подчеркивают: в момент самообороны должна отсутствовать помощь от органов государства [20, с. 298], выдавая тем самым жертвам stalkingа [8] индульгенцию на самооборону. При этом обороняющийся не вправе подменять полицию, например, бороться с порнографией, задерживать агентов иностранной разведки (застрелить шпиона) [20, с. 299].

Особый интерес для российских юристов представляет суждение их немецких коллег о том, что обороняющийся должен проявлять осмотрительность не к самому нападению, а к его противоправности [20, с. 300]. Действительно, предугадать, как далеко в своем посягательстве может зайти нападающий, крайне трудно, порой на оценку данного параметра жизнь отводит жертве доли секунды, в то же время, обороняющийся сразу понимает, что его, например, бьют неправомерно.

Естественно, что юристы Германии проводят границу между обороной и отмщением [20, с. 307], незначительной ценностью защищаемого объекта (например, убийство за курицу) [20, с. 310].

Критических воспринимают юристы их ФРГ и провокацию нападения, полагая, что потенциальный нападающий должен держать себя в руках [20, с. 312].

Наконец, немцы распространяют институт необходимой обороны даже на действия государства [20, с. 314–317].

В рамках субинститута «превышение пределом необходимой обороны», юристы из Германии выделяют: 1) интенсивное и 2) экстенсивное такое превышение [20, с. 317–320].

5. Право на необходимую оборону в СССР

Принято считать, что к началу 70-х годов в СССР удалось сформировать уголовно-правовую доктрину, отвечающую базовым ценностям советского социалистического общества. Основные идеи обновленного уголовно-правового учения были изложены, во-первых, в «Курсе советского уголовного права» (шеститомник) [14, с. 346–380], подготовлен Институтом государства и права Академии наук СССР (редакционная коллегия А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чиквадзе); во-вторых, в «Курсе советского уголовного права» (пятитомник) [15, с. 465–501], подго-

товлен по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета (ответственные редакторы проф. Н. А. Беляев и М. Д. Шаргородский).

В «академической» и «ленинградской» версиях цитируется ст. 13 Основ уголовного законодательства, согласно которой «необходимая оборона — правомерная защита против посягательства на интересы Советского государства, общественные интересы, на лично и права обороняющегося или других лиц путем причинения какого-либо вреда нападающему» [14, с. 346; 15, с. 465]. Авторы курса институт необходимой обороны толковали довольно широко. Они, в частности, приветствовали участие граждан в защите Советской власти, социалистической собственности, удержании преступников [14, с. 347]. Ниже читаем, что «советское уголовное право признает право обороны не только за тем, кто подвергается нападению, но и за всяким третьим лицом, явившимся свидетелем непосредственного преступного посягательства [14, с. 368–369]. Имеется в анналах академической науки также четкий и однозначный ответ тем ученым и практикам, которые расценивают убийство сексуального насильника как превышение пределов необходимой обороны. В анализируемом Курсе читаем: «Не будет превышением необходимой обороны, когда женщина, обороняясь от попытки ее изнасиловать, убивает насильника» [14, с. 371].

Безусловно, особый интерес представляет содержащееся в академическом издании суждение о том, что суды «констатируя факт превышения необходимой обороны, сводят это лишь к доказанности причинения вреда нападавшему, а вопрос в чем именно заключалось это превышение тщательно не исследуется» [14, с. 371–372], что ведет к «неоправданному ограничению общественно полезной деятельности защищающегося» [14, с. 372].

Ниже авторы Курса цитируют постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 года «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» [5] и делают вывод, что советский человек не должен спасаться бегством от насильников, ибо это «чуждо принципам советской морали и социалистическому правосознанию» [14, с. 372].

Авторы «ленинградского» Курса свое повествование начинали с того, что писали: «коммунистическая мораль одобряет общественно опасное посягательство» [15, с. 466]. Однако они тут же предупреждают, что недопустимо причинение существенного вреда для отражения административного правонарушения [15, с. 468]. Ниже в данном Курсе мы читаем, что предикатному «потерпевшему не следует ожидать «первого удара», введение в доказывание понятия «начало нападения» будет только на пользу преступникам» [15; С. 472].

Авторы обоих Курсов иллюстрируют свое по-

вествование обильным цитированием примеров из судебной практики высших судебных инстанций, анализ содержания которых позволяет сделать вывод о том, что институт необходимой обороны всегда трудно давался отечественному правоприменителю в понимание, результат: наказывался не предикатный нападающий, а выживший, лицо, здоровью которого был причинен вред меньшей тяжести. Предикатные потерпевшие предостерегались от «перестраховывания» при причинении вреда здоровью предикатным нападающим [15, с. 496].

Авторы «ленинградского» Курса рассмотрели коллизию (ст. 104 и 105 УК РСФСР): совпадения совершения убийства при превышении необходимой обороны лицом, находящимся в состоянии сильного душевного волнения, обусловленного преступным посягательством предикатного нападающего. Ученые предлагали квалифицировать содеянное по ст. 105 УК РСФСР (до двух лет лишения свободы), чтобы не допускать неоправданного завышения наказания (ст. 104 УК РСФСР — до 5 лет лишения свободы) [15, с. 537].

Если в трудах ученых понятие «необходимая оборона» толковалось широко, адекватно реальным потребностям общества, то в практических комментариях того периода мы отмечаем сужение анализируемого понятия до примитивных ситуаций [12, с. 32–36].

6. Право на необходимую оборону в постсоветском обществе

Крах «коммунистических» воззрений на необходимую оборону предопределил обновление соответствующей уголовно-правовой доктрины. Авторы «Энциклопедии уголовного права» [22, с. 66–169] по этому поводу совершенно справедливо отмечают, что «эффективность использования права на необходимую оборону во многом зависит от гарантированности его государством, отсутствия опасности быть привлеченным к уголовной ответственности для лица, защищающего личные и общественные интересы» [22, с. 67]. Авторы Энциклопедии не менее справедливо отмечают, что «подходы к пониманию права на необходимую оборону за последние десятилетия менялись неоднократно» [22, с. 67], правосудие неспособно защитить интересы простого небогатого россиянина [22, с. 74]. «С горечью приходится констатировать, что во времена царя Алексея Михайловича (см. Уложение 1649 г) честь и достоинство женщины на Руси охранялось на много лучше, чем в наше время» [22, с. 75].

Неудивительно, что авторы Энциклопедии используют в своем повествовании такие термины, как «своевременность защиты» «ее неограниченность», «допустимость причинения вреда» [22, с. 111, 113, 119]. Рассуждая о «соразмерности причинения вреда» [22, с. 123] предикатному нападающему, авторы Энциклопедии анализируют сложившуюся судебную практику,

к сожалению, данное исследование трудно признать удачным, ибо о «красной черте» отграничивающей допустимую самооборону от превышения ее пределов ничего нового практически не сказано [22, с. 604–652].

Продолжение следует

Список источников

1. Выступление Президента России В. В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21161> (дата обращения: 24.05.2022).
2. Законопроекты: № 265537-6 от 23 апреля 2013 года «О внесении изменения в ст. 37 УК РФ»; № 745275-6 от 17 марта 2015 г. «О внесении изменений и дополнений в ст. 37 УК РФ», № 1106899-6 от 23 июня 2016 г. «О внесении изменений в ст. 37 УК РФ» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 26 мая 2009 года № КА09-212 // Электронный архив Верховного Суда РФ.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 года № 67-УД22-6-К8 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2022 года.
5. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 1.
6. Зуева Ю. В. Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника). Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2022. 30 с.
7. Колоколов Н. А. Суд с участием присяжных заседателей : особое внимание к доказательствам, допустимость защиты путем обвинения других лиц // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 32–43.
8. Колоколов Н. А. Угроза убийством. Мотивы : от ревности и сталкинга до хулиганства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 162–174.
9. Колоколов Н. А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84–89.
10. Колоколов Н. А. Обвинение «с запасом» заметила только вторая кассация // Уголовный процесс. 2020. № 3. С. 56–63.
11. Колоколов Н. А. Право на необходимую оборону : практика Верховного Суда РФ // Российский правовой журнал. 2021. №2(7). С. 104–124.
12. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М. : Юридическая литература, 1971. Ст. 13 УК РСФСР «Необходимая оборона».
13. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб, 2003.
14. Курс советского уголовного права. В 6 т. М. : Издательство «Наука», 1970. Т. II. С. 346–380.
15. Курс советского уголовного права. Часть общая. М. : Издательство Ленинградского университета, 1968. Т. 1.
16. «Не давайте отпор бандиту, пока не уточните его планы». Интервью В. Гринкевича у адвоката И. Костромова // Профиль. 2022. № 21–22 от 06.06.2022.
17. Сергиевская Н. «Громко разговаривали под окнами» : мужчина расстрелял пятерых человек в Рязанской области // <https://russian.rt.com/russia/article/734757-elatma-strelba-pyat-pogibshie>.
18. Словарь русского языка в четырех томах. М. : Русский язык, 1985. Т. 1.
19. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994.
20. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. М. : ООО «Интропик Медиа», 2013.
21. Хемингуэй Э. Пятая колонна. Собр. Соч. в 4 т. 1968. Т. 3.
22. Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. Издание проф. Малинина. СПб., 2007. С. 66–169; Т. 13. Преступления против жизни и здоровья. СПб., 2013. С. 604–652.

References

1. Speech of the President of Russia V. V. Putin at the All-Russian meeting of prosecutors // Official website of the President of Russia. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21161> (accessed: 24.05.2022).
2. Draft laws: № 265537-6 of April 23, 2013 «On Amendments to Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation»; № 745275-6 of March 17, 2015. «On amendments and additions to Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation», № 1106899-6 of June 23, 2016 «On Amendments to Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation» // System for ensuring legislative activity of the State Automated System «Lawmaking». [Electronic resource]. Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/> (accessed: 30.05.2022).
3. Ruling of the Cassation Board of the Supreme

- Court of the Russian Federation № KAS09-212 dated May 26, 2009 // Electronic Archive of the Supreme Court of the Russian Federation.
4. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 67-UD22-6-K8 dated June 2, 2022 // Electronic Archive of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022.
 5. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1970. № 1.
 6. Zueva Yu. V. Institute of Self-defense under the legislation of Russia (doctrine, practice, technique). Abstract for the degree of Candidate of Legal Sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 30 p.
 7. Kolokolov N. A. Trial with the participation of jurors: special attention to evidence, the admissibility of defense by accusing other persons // Criminal trial. 2018. № 5. P. 32–43.
 8. Kolokolov N. A. Death threat. Motives : from jealousy and stalking to hooliganism // Bulletin of Economic Security. 2019. № 4. P. 162–174.
 9. Kolokolov N. A. Forced self-defense in a pre-trial detention center. The Cassation Court reviewed the factual circumstances of the case // Criminal trial. 2020. № 11. P. 84–89.
 10. Kolokolov N. A. The accusation «with a margin» was noticed only by the second cassation // Criminal trial. 2020. № 3. P. 56–63.
 11. Kolokolov N. A. The right to necessary defense : the practice of the Supreme Court Courts of the Russian Federation // Russian Legal Journal. 2021. № 2(7). P. 104–124.
 12. Commentary to the Criminal Code of the RSFSR. M. : Legal literature, 1971. Article 13 of the Criminal Code of the RSFSR «Necessary defense».
 13. Criminology / Edited by J. F. Shelley. St. Petersburg, 2003.
 14. Course of Soviet criminal law. In 6 volumes. M. : Publishing House «Science», 1970. Vol. II. P. 346–380.
 15. Course of Soviet criminal law. Part general. M. : Leningrad University Press, 1968. Vol. 1.
 16. «Do not repulse the bandit until you clarify his plans». Interview of V. Grinkevich with lawyer I. Kostromov // Profile. 2022. № 21–22 dated 06.06.2022.
 17. Sergievskaya N. «They were talking loudly under the windows» : a man shot five people in the Ryazan region // <https://russian.rt.com/russia/article/734757-elatma-strelba-pyat-pogibshie>.
 18. Russian Dictionary in four volumes. Moscow : Russkiy yazyk, 1985. Vol. 1.
 19. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law. Lectures. The general part. In 2 t. t. 1. M., 1994.
 20. Frister G. Criminal law of Germany. The general part. M. : LLC «Intropic Media», 2013.
 21. Hemingway E. Fifth column. Collected works in 4 vols. 1968. Vol. 3.
 22. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 7. Circumstances excluding the criminality of the act. Publication of prof. Malinina. SPb., 2007. P. 66–169; Vol. 13. Crimes against life and health. SPb., 2013. P. 604–652.

Информация об авторе

Н. А. Колоколов — заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского педагогического государственного университета, доктор юридических наук, судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке).

Information about the author

N. A. Kolokolov — Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Moscow State Pedagogical University, Doctor of Legal Sciences, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (honorary retired).

Научная статья

УДК 343.34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-133-136>

НИОН: 2003-0059-4/22-365

MOSURED: 77/27-003-2022-04-564

Актуальные вопросы квалификации террористического акта

Мария Радимовна Корниенкова¹, Софья Николаевна Дякина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ KornienkovaMR@yandex.ru

² sofia.dyakina2201@gmail.com

Аннотация. Анализируются такие понятия как терроризм и террористический акт, выявлены актуальные проблемы квалификации террористического акта в судебной практике. Обращается внимание, что изучение отличительных черт состава преступления позволило наиболее объективно и полно выявить пути решения, которые изложены в выводах настоящего исследования.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, специальная цель, преступное бездействие

Для цитирования: Корниенкова М. Р., Дякина С. Н. Актуальные вопросы квалификации террористического акта // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 133–136. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-133-136>.

Original article

Current issues of qualifying a terrorist act

Maria R. Kornienkova¹, Sofia N. Dyakina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ KornienkovaMR@yandex.ru

² sofia.dyakina2201@gmail.com

Abstract. In this article, such concepts as terrorism and a terrorist act are analyzed, actual problems of qualifying a terrorist act in judicial practice are identified. Attention is drawn to the fact that the study of the distinctive features of the crime made it possible to most objectively and fully identify the solutions that are set out in the conclusions of this study.

Keywords: terrorism, act of terrorism, special purpose, criminal inaction

For citation: Kornienkova M. R., Dyakina S. N. Current issues of qualifying a terrorist act. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):133–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-133-136>.

Сегодня проблема противодействия терроризму приобретает глобальный масштаб. Многочисленные террористические акты ставят под угрозу мир и общественную безопасность, препятствуют развитию международных отношений и расшатывают социальную, экономическую и политическую стабильность государств. Несмотря на это, в различных странах законодатели так и не смогли прийти к единому поня-

тию террористического акта, которое наиболее полно бы раскрывало сущность этого деяния. С целью обеспечить единую судебную практику относительно террористической деятельности, террористического акта и в целом терроризма, охватываемых статьями 205–205.5 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации, руководствуясь ст. 126 Конституции РФ [1], принял соответствующее Постановление Пленума [2], в

© Корниенкова М. Р., Дякина С. Н., 2022

котором разъясняет возникающие у судов по вышеперечисленным уголовным делам вопросы. Разумеется, для привлечения виновных к уголовной ответственности, наступающей по ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее — УК РФ), необходимо определить саму сущность и круг деяний, охватываемых понятием «террористический акт».

Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ в ст. 3 дает понятие терроризму, террористической деятельности и противодействия терроризму, контртеррористической операции и антитеррористической защищенности объекта. Конечно, та же статья разъясняет и понятие террористического акта, под которым подразумевается «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий» [4].

Необходимо заметить, что публикации в средствах массовой информации о совершенных террористических актах идут террористам на пользу. Не в том значении, что, таким образом, случаи теракта сокращаются, а в том, что терроризм носит именно публичный характер. Какой смысл в проведении террористической акции, если она останется незамеченной? Получается, что и цель совершенного деяния не будет достигнута. Какова же цель террористического акта?

В основу терроризма положена идеология насилия [5]. Оно и понятно, ведь иначе добиться желаемого результата, а точнее, такого развития событий, к наступлению которых стремится виновный, невозможно. Одно из обязательных условий субъективной стороны, помимо прямого умысла — наличие специальной цели. Выполняя объективную сторону изучаемой уголовно-правовой нормы, виновный должен преследовать, по крайней мере, одну из указанных в законе. Во-первых, дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций. Во-вторых, воздействовать на принятие решений органами власти или международными организациями. Руководствуясь этим, п. 1 ст. 3 вышеуказанного Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ закрепляет понятие терроризма как «идеологии насилия и практики воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Обратим внимание на то, что в редакции УК РФ от 05.01.2006 г. ст. 205 называлась «Терроризм». Диспози-

ция ч. 1 указанной статьи имела следующее содержание: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если это действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

В настоящее время законодатель отказался от указанного понятия, переименовав название нормы с дефиниции «Терроризм» в «Террористический акт», тем самым предприняв попытку более узко определить, за какое уголовно-наказуемое деяние предусмотрена ответственность по рассматриваемой статье.

Также, в предыдущей редакции одним из наступивших последствий виделась гибель людей. Получается, что гибель одного человека не образует общественно-опасных последствий в предыдущей редакции за выполнение той же объективной стороны? Нынешняя редакция, конечно же, устранила это упущение, заменив в этой части множественное число на единственное, а именно слово «людей» на «человека».

Кроме этого, предусматривалось наступление иных общественно опасных последствий, что, на наш взгляд, довольно неявно определяло эти самые последствия. В актуальной же редакции уточняется, что имеет значение наступление именно иных тяжких последствий, содержание которых, в свою очередь, объясняет п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Таким образом, мы полагаем, что законодатель стремится конкретизировать исследуемую уголовно-правовую норму путем перехода от общих, всеобъемлющих понятий к более точной формулировке.

Возвращаясь к действующей редакции УК РФ, следует подчеркнуть, что диспозиция ч. 1 ст. 205 УК РФ является альтернативной, то есть для квалификации деяния необходимо выполнить хотя бы одно из указанных незаконных действий.

Словосочетание «иные действия», прописанное в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ, свидетельствует о том, что законодатель в объективной стороне террористического акта предполагает совершение общественно-опасных деяний только в форме активных действий. Хотя это, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку террористический акт возможен и путём бездействия

в случае, когда не выполняются необходимые требования, обязательные для обеспечения общественной безопасности. Так, примером может быть следующий случай: несвоевременное отключение производственных процессов в добывающей или иной промышленности может привести к наступлению общественно-опасных последствий, предполагаемых ст. 205 УК РФ. Причем для квалификации деяния по рассматриваемой статье в данную категорию бездействия попадает лишь тот субъект, который умышленно не выполнял требования, зная к чему приведет такое его поведение.

Таким образом, при указании на совершение «иных действий» прослеживается объективная невозможность законодателя в одной уголовно-правовой норме предусмотреть абсолютно все разновидности террористического акта.

Рассматривая объект [см., например, б] террористического акта, можно отметить, что он является многообъектным преступлением, так как посягает не на одно общественное отношение, а на несколько общественных отношений, которые охраняются уголовным законодательством. Террористический акт, являясь составным преступлением, несет для государства, общества и человека существенную опасность. Именно поэтому необходимо детально и грамотно регулировать процесс привлечения совершивших преступление лиц к ответственности.

В связи с наступлением информационного XXI века и вышеизложенными обстоятельствами, считаем необходимым изучить и систематизировать типичные способы совершения террористического акта для новой формулировки диспозиции, которая поистине полно отображала бы сущность и круг деяний, подпадающих под исследуемую норму. Также полагаем конструкцию нормы об ответственности за террористический акт, который может быть выполнен не только в активном поведении лица, но и в преступном бездействии, следует редактировать в части изменения формулировки «иные действия» на «иные деяния». Так, законодатель не будет ограничивать объективную сторону террористического акта лишь действиями, указанными в настоящее время в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ

от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022).
4. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму».
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : заключена в г. Шанхае 15.06.2001 // СПС «Консультант-Плюс».
6. Бойцова Ж. А., Калининская Я. С. К вопросу об объекте преступления, предусматривающего ответственность за порчу земли // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 89–92.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS «Consultant-Plus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 № 1 (ed. of 03.11.2016) «On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes».
3. The Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 09.03.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 17.03.2022).
4. Federal Law № 35-FZ dated 06.03.2006 (ed. dated 26.05.2021) «On countering terrorism».
5. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism : concluded in Shanghai on 15.06.2001 // SPS «Consultant-Plus».
6. Boytsova Zh. A., Kalininskaya Ya. S. To the question about the object of a crime involving responsibility for damage to land // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 89–92.

Библиографический список

1. Тарбагаев А. Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. С. 101–106.
2. Шевченко И. В. Вопросы квалификации тер-

рористического акта // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 75–76.

3. URL: <https://moluch.ru/archive/341/76753/> (дата обращения: 09.02.2022).

Bibliographic list

1. Tarbagaev A. N. Problems of criminal-legal

qualification of terrorism // All-Russian Criminological journal. 2013. № 1. P. 101–106.

2. Shevchenko I. V. Questions of qualification of a terrorist act // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 2. P. 75–76.
3. URL: <https://moluch.ru/archive/341/76753/> (accessed: 09.02.2022).

Информация об авторах

М. Р. Корниенкова — преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

С. Н. Дякина — курсант факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

M. R. Kornienkova — Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

S. N. Dyakina — Cadet of the Faculty of Training Employees for Operational police units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-137-142>

НИОН: 2003-0059-4/22-366

MOSURED: 77/27-003-2022-04-565

Некоторые особенности, понятие и виды электронных споров

Коулибали Ласина Пехон

Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия, coulibalylacinapehon@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 оказала большое влияние на цифровизацию различных сфер жизни общества, в частности наблюдается высокие темпы роста электронной торговли в результате принятых разными государствами мер для минимизации физических контактов между людьми с целью борьбы с распространением новокоронавирусной инфекции. В результате развития электронной торговли растет и количество электронных споров, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской деятельности с применением электронных средств связи. Таким образом, представляется целесообразным развивать применение альтернативных и онлайн средств для разрешения электронных споров. В статье раскрываются некоторые отличительные особенности электронных споров, дается определение и рассматриваются виды электронных споров.

Ключевые слова: электронный спор, электронная торговля, сеть Интернет, пандемия COVID-19, электронная сделка, виртуальное пространство

Для цитирования: Коулибали Ласина Пехон. Некоторые особенности, понятие и виды электронных споров // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 137–142. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-137-142>.

Original article

Some features, concept and types of e-disputes

Coulibaly Lacina Pehon

Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia, coulibalylacinapehon@gmail.com

Abstract. The COVID-19 pandemic made a significant impact on the digitalization of various spheres of society, in particular, e-commerce increased as result of measures taken by different states to minimize physical contact between people in order to combat the spread of the new coronavirus infection. With the development of e-commerce, the number of electronic disputes arising in connection with doing business online undoubtedly grows. In this regard, it is appropriate to support the use of alternative and online dispute resolution mechanisms in order to deal with e-disputes. The article considers some of the features of electronic disputes, provides a definition and types of e-disputes.

Keywords: e-dispute, e-commerce, Internet, COVID-19 pandemic, e-transaction, virtual space

For citation: Coulibaly Lacina Pehon. Some features, concept and types of e-disputes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):137–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-137-142>.

Быстрое развитие электронной торговли, несомненно, влечет за собой рост споров, возникающих в связи с совершением электронных сделок, в частности договоров, заключаемых в электронной форме. В этой связи возникает необходимость разрешения таких споров, в частности нужно решить вопрос применимого права и конфликта юрисдикций разных госу-

дарств, так как в подавляющем большинстве случаев сделки, совершаемые в электронной среде, осложнены иностранным элементом.

Более распространенными причинами возникновения споров в электронной торговле являются вводящая в заблуждение информация о продаваемых товарах, браки или дефектные продукты или же неза-

щищенные веб-сайты. В данном случае важным является тот факт, что при возникновении спора каждый участник интернет-отношений имеет возможность и право на доступ к правовым механизмам для защиты своих интересов [11, с. 11]. Рост количества электронных договоров обуславливает необходимость создания и развития соответствующих механизмов решения споров в электронной среде, в частности путем применения альтернативных механизмов и разрешения споров в режиме онлайн.

Электронная торговля приводит к возникновению споров не только по существу сделок, но и относительно применимого права и подсудности, т.е. необходимо решить вопрос о том, какое право применимо к конкретным сделкам и какой суд компетентен разрешить спор, возникающий из электронных договоров, особенно, когда данные договоры заключаются и исполняются в электронной среде, в рамках которой представляется сложным определение границ территории и установления объективных критериев разграничения юрисдикций государств. Можно задаваться вопросом о том, нужно ли говорить о территории в виртуальном пространстве (cyberspace), чтобы определить юрисдикцию государства в сети Интернет и в отношении электронных договоров. Существует точка зрения, согласно которой для территории необходимо отвечать некоторым условиям: физическое нахождение людей на данном участке, наличие общественного взаимодействия связь между данными людьми и культура, без которых нужно говорить о пространстве, а не о территории. Если учитывать данное мнение авторов, невозможно говорить о территории в виртуальном пространстве. Однако, по нашему мнению, территория не должна ограничиваться физическими атрибутами, но необходимо учитывать современную реальность, при которой государства реализуют и должны осуществлять свои суверенные прерогативы и в сети Интернет, в частности реализация судебных функций по разрешению электронных споров, имеющих отношение прямо или косвенно к данному государству, сбор налогов с электронной торговли и т. д. Следует отметить, что государства уже распространяют свою юрисдикцию на споры и действия (сделки), совершаемые в сети Интернет, что позволяет говорить о существовании виртуального пространства, имеющего связь с территорией государства, в рамках которого (виртуального пространства) могут возникать электронные споры, подлежащие разрешению с применением различных средств разрешения споров, в частности альтернативных средств (Alternative dispute resolution — ADR и онлайн-разрешение споров (Online dispute resolution — ODR) [12]. Применение средств онлайн-разрешения споров является востребованным механизмом разрешения традиционных электронных споров, но и споров, связанных со смарт-контрактами

[10]. Онлайн-разрешение споров становится более востребованным также в связи с последствиями, вызванными пандемией COVID-19 на использование традиционных механизмов разрешения споров, что приводит к развитию онлайн-разрешения споров [8] с минимальным контактом между участниками процесса. Необходимо отметить, что онлайн-разрешение споров применяется не только к электронным спорам, но и к обычным спорам в обычных судах государства, особенно в условиях пандемии COVID-19 [7].

Относительно понятия электронного спора, А. В. Незнамов использует понятие «Интернет-спор» и определяет его «как спор, связанный с использованием сети Интернет, при условии, что отношения, из которых возник такой спор, существенным образом обусловлены в своем возникновении или развитии использованием телекоммуникационной сети Интернет». В данном случае отношения, из которых возникает электронный спор не обязательно, чтобы возникали с использованием электронных средств, а достаточно использование таких средств при развитии таких отношений. А. В. Незнамов выделяет следующие существенные признаки Интернет-спора: «спор является связанным с использованием сети Интернет, если его существенным элементом, непосредственно связанным с делом, является сеть Интернет» [2, с. 9]. Отметим, что понятие электронного спора шире чем понятие Интернет-спор, так как электронный спор может возникать из любых сделок, совершенных с применением различных электронных средств связи, в том числе Интернет, тогда как Интернет-спор предполагает обязательное использование сети Интернет.

Можно определить электронный спор как разногласие между участниками правоотношений по сделкам, совершаемым с применением электронных средств связи на любой стадии, в том числе сети Интернет. Использование таких электронных средств связи является определяющим (значимым) для признания такого спора электронным.

Однако в данной работе понятие «Интернет-спор» и «электронный спор» используются как синонимы.

А. В. Незнамов отмечает, что при решении вопроса о юрисдикционных полномочиях органа определенной страны, объектом данных полномочий являются не общественные отношения как таковые, а спор, который содержит определенные правоотношения. Он указывает, что из Интернет-отношений может возникнуть Интернет-спор и что объектом такого спора может быть Интернет-отношение [3, с. 34]. Для разрешения электронных споров из международной торговли необходимо определить применимое право, компетентный суд, а также решить вопрос исполнения решений иностранных судов и арбитража.

Виды электронных споров.

В условиях электронной коммерции между поку-

пателями и продавцами могут возникать споры, которые требуют судебного разбирательства. Такие в сфере электронной коммерции разделяют на следующие виды:

А. Споры из договоров

Споры, возникающие из-за невыполнения каких-либо договорных обязательств, называются договорными спорами, к которым относятся, в зависимости от участников:

- Споры между предприятием и интернет-провайдером (поставщиком интернет-услуг) [9]. Это споры, которые возникают между предпринимателем (предприятием) и поставщиком интернет-услуг или поставщиком услуг веб-хостинга, включая споры по поводу перебоев в обслуживании, нарушений безопасности данных и т. д.

Споры между предпринимателями (B2B). Подобные споры обычно возникают между предприятием и другими предпринимателями, поставщиками услуг, например, невыполнение договорных обязательств, введение в заблуждение и жалобы клиентов в отношении услуг, предоставляемых поставщиками [15].

Споры между предпринимателем и потребителем (B2C). Данный вид споров встречается чаще всего между предпринимателем (продавцом, поставщиком услуг) и его клиентами, например, при неуплате товаров или услуг, невыполнении договорных обязательств, ненадлежащем исполнении договора, нарушении политики конфиденциальности и нарушении безопасности конфиденциальной информации [9].

Несмотря на то, что многие вопросы (например, выбор суда, выбор применимого права, высокая стоимость судебных разбирательств в международных спорах), которые возникают в отношении различных категорий споров, имеют общие черты, больше трудностей встречается в отношении споров между предпринимателями и потребителями (B2C), которые имеют небольшую стоимость [15]. Традиционные методы разрешения международных коммерческих споров, такие как международный коммерческий арбитраж, часто слишком дороги, неудобны и обременительны в контексте потребительских споров. В данном случае, применение онлайн-средств разрешения таких споров является оптимальным.

Б. Внедоговорные споры

Внедоговорные споры — это в основном те споры, которые возникают из-за несоблюдения каких-либо установленных законом обязательств одной из сторон сделки. К таким спорам относятся:

Споры относительно авторских прав. Предприниматель может нести ответственность за нарушение авторских прав, если им используются материалы, защищенные авторским правом, с нарушением установленных требований закона [9].

- Сбой в защите данных.

Предприятие может нести ответственность за передачу или раскрытие конфиденциальных персональных данных о клиентах.

- Нарушение личных прав третьих лиц.

Предприятие может нести ответственности за публикации на своем сайте информации, наносящей ущерб чести и достоинству определенного лица, не находящегося в договорных отношениях с ним.

- Нарушение правовых норм о защите товарных знаков.

К предприятию могут быть предъявлены иски за нарушение прав на товарный знак, если оно нарушает зарегистрированный или иным образом признанный законом товарный знак [9].

А. В. Незнамов выделяет споры о доменных именах (которые относятся к сфере защиты интеллектуальной собственности), споры, возникающие из деятельности Интернет-магазинов и Интернет-провайдеров, споры о защите авторских прав, деловой репутации, а также споры, связанные с дистанционным оказанием услуг [2, с. 4]. В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров» содержится определение доменных споров, согласно которому «под доменными спорами понимаются споры по использованию доменных имен, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками или иными средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» [13]. Отметим, что Суд по интеллектуальным правам был создан в 2013 г. в системе арбитражных судов РФ [1].

В зависимости от характера дела, А. В. Незнамов также разделяет электронные споры на оригинальные и производные [2, с. 9].

Он отмечает, что некоторые категории Интернет-споров формируются и существуют только в сети Интернет. К ним он относит электронные споры о доменных именах, которые могут возникать только в сети Интернет [3, с. 38], а также споры, возникающие в связи с использованием электронных денег, которые являются виртуальными и используются только в сети Интернет [3, с. 38].

Другую группу электронных споров составляют дела, которые возникают из правоотношений, сформированных и существующих в реальном мире, но которые могут быть проецированы в электронную среду, когда использование электронных средств связи, в том числе сети Интернет, становится существенным для таких отношений [3, с. 38].

Данная категория электронных споров включает в себя споры о защите авторских прав и смежных прав в сети Интернет. А. В. Незнамов указывает, что «такие споры являются традиционной категорией дел, однако

использование авторских прав в сети Интернет приобретает не только особый масштаб, но и особые способы и нюансы их защиты». К таким же категориям споров относятся споры, возникающие из договоров купли-продажи товаров при участии интернет-магазина.

Далее А. В. Незнамов указывает на то, что можно группировать «Интернет-споры и в зависимости от того, какая из особенностей Интернет-отношений имеет наибольшее значение при рассмотрении дела» [3, с. 39]. В качестве примера он приводит случаи возможного привлечения к ответственности провайдера за предоставление им доступа пользователю в Интернет, а также использование электронных денег, которые требуют применения специальных программ (электронных кошельков) и компьютерного программного обеспечения [3, с. 40].

В этой связи он отмечает, что «использование специального программного обеспечения также имеет решающее значение в спорах, связанных с осуществлением так называемого Интернет-банкинга, когда пользователь управляет своим банковским счетом посредством удаленного доступа. Защищенность такого соединения и сохранность денежных средств на счете при осуществлении Интернет-операций пользователем, во многом, зависят именно от использования соответствующих компьютерных программ, что может стать ключевым вопросом конкретного спора» [3, с. 40].

И. М. Рассолов, в свою очередь, выделяет следующие виды электронных отношений, из которых могут возникать и соответствующие виды электронных споров в зависимости от участников:

- 1) «между разработчиками трансграничных информационных сетей и их партнерами, которые находятся в договорных отношениях;
- 2) между специалистами, производящими и распространяющими информацию в Интернете;
- 3) между последними и специалистами, предоставляющими различные услуги;
- 4) между перечисленными выше субъектами и потребителями информации в Интернете;
- 5) между гражданами, организациями, фирмами и иными потребителями;
- 6) между провайдерами (операторами) и государственным органом, уполномоченным осуществлять деятельность в области связи и массовых коммуникаций, выдающим лицензии на оказание онлайн-услуг;
- 7) между провайдерами (операторами) и пользователями (клиентами) сетями для своих собственных нужд» [4, с. 35; 5, с. 104].

Е. В. Шестакова выделяет следующие виды споров, возникающих в связи с использованием электронной цифровой подписи:

1. Несвоевременное исполнение обязательств, подтверждаемое электронными документами.

2. Нарушение сроков исполнения обязательств [6].
Арбитражный суд Республики Дагестан в своем решении от 29 августа 2019 г. по делу № А15-2053/2019 установил факт нарушения сроков исполнения обязательств по перевозке грузов с применением электронных документов.

Что касается перевозки грузов, то Правила заполнения перевозочных документов на перевозку грузов железнодорожным транспортом, утвержденных приказом Министерства путей сообщения Российской Федерации № 39 от 18.06.2003 г. [14] предусматривают, что при оформлении документов в бумажном виде оригинал накладной направляется вместе с грузами и дорожной ведомостью до станции назначения, оригинал бумажной накладной и бумажная квитанция выдаются грузополучателю под подпись в дорожной ведомости [6]. В том случае, когда имеется договор об электронном обмене документами, заключенный между перевозчиком и грузоотправителем, то последнему выдается электронная квитанция о приеме груза, подписанная электронной цифровой подписью (ЭЦП) перевозчика. Согласно п. 1.14 данного Приказа подтверждением получения грузоотправителем от перевозчика электронной квитанции о приеме груза является электронный корешок дорожной ведомости, подписанный ЭЦП грузоотправителя. Корешок дорожной ведомости остается у перевозчика на станции отправления [6].

В указанном деле суд принял решение о признании нарушения сроков доставки грузов и постановил взыскать с ответчика штраф.

3. Электронное уведомление о завершении операций
4. Отсутствие аналога собственноручной подписи
5. Подписание электронной цифровой подписью банковских документов [6].

В заключение следует отметить, что количество электронных споров несомненно растет в связи с ростом электронной коммерции, особенно в последнее время в связи с тем, что многим предпринимателям пришлось осуществлять предпринимательскую деятельность с применением электронных средств связи в результате распространения пандемии COVID-19 и принятия государствами ограничительных мер для защиты здоровья граждан. Электронные споры имеют свои особенности с учетом необходимости применения электронных средств связи для осуществления сделок, из которых возникают данные споры и особенностей их разрешения. Можно определить электронный спор как разногласие между участниками правоотношений по сделкам, совершаемым с применением электронных средств связи на любой стадии, в том числе сети Интернет. Использование таких электронных

средств связи является определяющим (значимым) для признания такого спора электронным. Разделение электронных споров на определенные виды является условным и зависит от оснований классификации, выбранных каждым автором, так как отсутствует нормативное деление электронных споров на различные виды. Деление электронных споров в зависимости от сторон правоотношений, из которых они возникают, является более очевидным.

Список источников

1. Бродский А. А. Суд по интеллектуальным правам в системе арбитражных судов РФ // Научный журнал. 2019. № 4 (38). С. 64–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-po-intellektualnym-pravam-v-sisteme-arbitrazhnyh-sudov-rf> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров : национальный и международный аспекты : автореф. дис... канд. юрид. наук / А. В. Незнамов. Екатеринбург, 2010. 28 с.
3. Незнамов А. В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров : национальный и международный аспекты : дис... канд. юрид. наук / А. В. Незнамов. Екатеринбург, 2010. 230 с.
4. Рассолов И. М. Право и интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2008. 383 с.
5. Джакшылыкова Г. Д. Подсудность интернет споров // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2017. № 7. С. 104–107.
6. Шестакова Е. В. Договоры в электронной форме : правовые риски и судебная практика // «Право Доступа», 2020.
7. Arifin H. P., Ferdian A., Djunaedi M. E-Court Implementation In Civil Cities Jurisdiction In The Covid-19 Pandemic Time // YURISDIKSI : Jurnal Wacana Hukum Dan Sains. 2020. T. 17. №. 2. P. 97–107.
8. Bosch J. V. ODR-online dispute resolution and justice, in the post Covid-19 // Tecnología y los objetivos de desarrollo sostenibly. Barcelona, 2020. Permalink : <http://digital.casalini.it/4790839> (дата обращения: 05.05.2021).
9. Mishra S. Determining Jurisdiction over E-Commerce disputes in India. URL: <http://docs.manupatra.in/newslines/articles/Upload/FE4BA350-DBEF-49DA-97D4-09E54ED8B813.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).
10. Ortolani P. Smart Contracts, ODR and the New Landscape of the Dispute Resolution Market // Blockchain, Law and Governance, 2021, P. 215–219, Springer, Cham.

11. Reddy A., Jambulingam M. Online Dispute Resolution : A New Approach for E-Commerce Disputes // South East Asia Journal of Contemporary Business, Economic Law. 2017. T. 13. №. 4. P. 11–17.
12. Rule C. Online Dispute Resolution and the Future of Justice // Annual Review of Law and Social Science, 2020, vol. 16, p. 277–292.
13. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=5759#t8DLniStodmAGFc4>.
14. Приказ МПС РФ от 18.06.2003 г. № 39 (ред. от 03.10.2011) «Об утверждении Правил заполнения перевозочных документов на перевозку грузов железнодорожным транспортом», с изм. и доп., вступающими в силу с 18.01.2012 (не применяется с 9 сентября 2020 года на основании приказа Минтранса России от 19 июня 2019 года № 191). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901866236>.
15. <https://cyber.harvard.edu/olds/ecommerce/disputes.html>.

References

1. Brodsky A. A. Intellectual Property Rights Court in the system of arbitration courts of the Russian Federation // Scientific journal. 2019. № 4 (38). P. 64–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-po-intellektualnym-pravam-v-sisteme-arbitrazhnyh-sudov-rf> (date of address: 12.09.2021).
2. Neznamov A. V. Features of competence in the consideration of Internet disputes : national and international aspects : abstract... cand. jurid. sciences / A. V. Neznamov. Yekaterinburg, 2010. 28 p.
3. Neznamov A. V. Features of competence in the consideration of Internet disputes : national and international aspects : dis... cand. jurid. sciences / A. V. Neznamov. Yekaterinburg, 2010. 230 p.
4. Rassolov I. M. Law and the Internet. Theoretical problems. 2nd ed., add. M. : Norma, 2008. 383 p.
5. Dzhakshylykova G. D. Jurisdiction of Internet disputes // Izvestiya VUZov Kyrgyzstan. 2017. № 7. pp. 104–107.
6. Shestakova E. V. Contracts in electronic form: legal risks and judicial practice // «Right of Access», 2020.
7. Arifin H. P., Ferdian A., Djunaedi M. E-Court Implementation In Civil Cities Jurisdiction In The Covid-19 Pandemic Time // YURISDIKSI : Jurnal Wacana Hukum Dan Sains. 2020. Vol. 17.

- № 2. P. 97–107.
8. Bosch J. V. ODR-online dispute resolution and justice, in the post Covid-19 // *Tecnología y los objetivos de desarrollo sostenibl*. Barcelona, 2020. Permalink : <http://digital.casalini.it/4790839> (accessed: 05.05.2021).
 9. Mishra S. Determining Jurisdiction over E-Commerce disputes in India. URL: <http://docs.manupatra.in/newslines/articles/Upload/FE4BA350-DBEF-49DA-97D4-09E54ED8B813.pdf> (accessed: 05.05.2021).
 10. Ortolani P. Smart Contracts, ODR and the New Landscape of the Dispute Resolution Market // *Blockchain, Law and Governance*, 2021, P. 215–219, Springer, Cham.
 11. Reddy A., Jambulingam M. Online Dispute Resolution : A New Approach for E-Commerce Disputes // *South East Asia Journal of Contemporary Business, Economic Law*. 2017. Vol. 13. № 4. P. 11–17.
 12. Rule C. Online Dispute Resolution and the Future of Justice // *Annual Review of Law and Social Science*, 2020, vol. 16, p. 277–292.
 13. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court of March 28, 2014 № SP-21/4 «On Approval of the Certificate on Issues Arising during the Consideration of Domain Names disputes». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=5759#t8DLniStodmAGFc4>.
 14. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 39 dated 18.06.2003 (ed. dated 03.10.2011) «On Approval of the Rules for Filling in Transportation Documents for the Carriage of Goods by Rail», with Amendments and Additions, effective from 18.01.2012 (not applicable from September 9, 2020 on the basis of Order № 191 of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated June 19, 2019). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901866236>.
 15. <https://cyber.harvard.edu/olds/ecommerce/disputes.html>.

Информация об авторе

Коулибали Ласина Пехон — аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений.

Information about the author

Coulibaly Lacina Pehon – Post-graduate student of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-143-148>

НИОН: 2003-0059-4/22-367

MOSURED: 77/27-003-2022-04-566

Российские соотечественники за рубежом: кто они?

Олег Васильевич Кудин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kudin.mpf@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы законодательного регулирования правового положения российских соотечественников, проживающих за рубежом. Спустя три десятилетия после распада Советского Союза характер связей Российской Федерации с лицами, проживающими в государствах «ближнего» зарубежья изменился: выросло новое поколение соотечественников, не только не имевших гражданства СССР, но и не владеющих русским языком, не знающих ни исторических ни культурных традиций российского общества. В этой связи в законодательство о соотечественниках следует внести изменения, предусматривающие требования к лицам, претендующим на получение статуса российского соотечественника, прежде всего, касающиеся владения русским языком.

Ключевые слова: российские соотечественники, соотечественники за рубежом, правовой статус соотечественников, защита прав соотечественников

Для цитирования: Кудин О. В. Российские соотечественники за рубежом: кто они? // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 143–148. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-143-148>.

Original article

Russian compatriots abroad: who are they?

Oleg V. Kudin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kudin.mpf@yandex.ru

Abstract. The problems of legislative regulation of the legal status of Russian compatriots living abroad are considered. Three decades after the collapse of the Soviet Union, the nature of the Russian Federation's relations with people living in the states of the «near» abroad has changed: a new generation of compatriots has grown up, not only who did not have USSR citizenship, but also who do not speak Russian, who do not know either the historical or cultural traditions of Russian society. In this regard, amendments should be made to the legislation on compatriots, providing for requirements for persons applying for the status of a Russian compatriot, primarily concerning the proficiency in the Russian language.

Keywords: Russian compatriots, compatriots abroad, legal status of compatriots, protection of the rights of compatriots

For citation: Kudin O. V. Russian compatriots abroad: who are they? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):143–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-143-148>.

В Российской империи понятие «соотечественник» изначально означало единоверец, соотчич, единойзычный. К ним причислялись великорусские люди, украинцы и белорусы. Политические и гражданские права единоверцев сводились к свободе вероисповедания. С XIX века Российская империя покровительствовала и активно защищала единоверцев из православных бал-

канских народов.

После Октябрьской революции 1917 года понятие «соотечественник» было забыто, несмотря на массовую эмиграцию, ставшую результатом последовавшей Гражданской войны (1918–1922), приведшую к образованию в зарубежных странах многочисленных российских диаспор.

© Кудин О. В., 2022

Вновь проблема защиты прав соотечественников стала актуальной вскоре после распада СССР. С начала 1992 г. основные усилия Российской Федерации в этой области стали связываться с защитой прав и интересов соотечественников, проживающих в странах СНГ. Помимо значительного числа этнических соотечественников, оказавшихся после распада Советского Союза не гражданами Российской Федерации, для этого появились объективные причины, связанные с ущемлением их правового положения: ограничение в гражданских правах; правовая незащищенность; сужение сферы применения русского языка; ущемление их экономических интересов; проявление бытового, а подчас и государственного, национализма. Анализ опыта ряда государств (США, Франция, ФРГ, Греция, Китай и др.) подтверждает, что внимание государств к проблеме соотечественников является цивилизационной нормой и должно носить государственный программно-целевой характер. Между тем, в Российской Федерации законодательная основа такой поддержки долгое время отсутствовала¹.

Принятие Закона от 24 мая 1999 г. № 99 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (далее — Закон о соотечественниках)² ознаменовало начало нового этапа поддержки соотечественникам в обеспечении основных свобод и гражданских, экономических, социальных, культурных и иных прав, защиту против различных форм дискриминации, поддержку в обеспечении права на равенство перед законом. Закон содержит определение понятия соотечественников³, уточняет принципы и цели государственной политики российского государства в отношении них, а также формирует статус соотечественников, предоставляя им целый ряд гарантий, льгот и преференций.

Основные пробелы в базовом Законе о соотечественниках были восполнены Концепцией поддержки в Российской Федерации соотечественников за рубежом (одобрена Президентом РФ 30 августа 2001

г.), согласно которой в качестве приоритета государственной политики обозначено оказание всестороннего содействия полноценной реализации и адекватному обеспечению прав и свобод соотечественников. Кроме того, уточнено понятие «соотечественники», которыми признаются лица, постоянно проживающие за пределами России, но связанные с ней историческими, этническими, культурными, языковыми и духовными узами, стремящиеся сохранить свою российскую самобытность и испытывающие потребность в поддержании контактов и сотрудничестве с Россией.

Соотечественники имеют право на предоставление льгот и преимуществ (налоговых, таможенных и иных) физическим и юридическим лицам, такое же право имеют иностранные лица и организации, оказывающие поддержку соотечественникам. Соотечественники вправе иметь представительство своих интересов в федеральных и региональных российских органах государственной власти в виде представительных общественно-консультативных органов — советов (комиссий) соотечественников.

В июле 2010 г. вступила в силу новая редакция Закона о соотечественниках, в которой нашли закрепление следующие новеллы: закреплен курс на налаживание партнерского сотрудничества Россия – соотечественники; закреплены права соотечественников на получение содействия в возвращении на историческую Родину; соотечественникам были предоставлены те же права, что и российским гражданам при поступлении в государственные и муниципальные образовательные учреждения России; определены структуры соотечественников (от Всемирного конгресса и Всемирного координационного совета до страновых площадок) [7, с. 142].

В 2013 г. была принята новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой нашли отражение современные подходы в отношении зарубежных соотечественников.

С 2006 года в России начала действовать Государственная программа содействия переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

Соотечественники, становясь участниками соответствующей Госпрограммы, также получают следующие права:

- на создание благоприятных условий для добровольного возвращения российских граждан, вынужденно покинувших места своего постоянного проживания в России и находящихся на других территориях страны, в места их прежнего проживания;
- на создание миграционной привлекательности для жизнедеятельности людей в российских регионах;
- на обеспечение гарантий безопасности российских граждан при реэмиграции в места их

¹ Изначально основы регулирования правоотношений с соотечественниками регулировались постановлением Правительства РФ от 31 августа 1994 г. № 1064 «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». В Указе Президента РФ от 1994 г. «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» категория «соотечественники, проживающие за рубежом» была выделена в качестве находящейся под защитой российского государства. Постановлением Государственной Думы РФ от 8 декабря 1995 г. № 1476-ГД была утверждена Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам. Тогда же был учрежден Совет соотечественников.

² СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

³ Закон признает соотечественниками лиц, родившихся в одном государстве либо проживавших в нем и обладающих признаками общности языка, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомков указанных лиц по прямой нисходящей линии (ч. 1 ст. 1. Закона).

прежнего проживания;

- на информационно-правовое и пропагандистское обеспечение реэмиграции российских граждан в места их прежнего проживания.

При анализе понятия «соотечественник» обращает внимание его чрезмерно широкая законодательная трактовка, затрудняющая его понимание в условиях многонационального российского государства¹.

В частности, Л. Андриченко и В. Елеонский указывают, что «определение «соотечественник» является чрезмерно расплывчатым. В данном случае не совсем ясен критерий определения общности языка, религии, культурного наследия, традиций и обычаев непосредственно для соотечественников за рубежом [1, с. 131].

Признание Законом соотечественником практически каждого, кто проживает в странах СНГ и Балтии, и при этом является гражданином этих государств, некорректно ни с правовой, ни с политической точки зрения. Установление статуса соотечественника должно отвечать интересам как лиц, желающих получить в этой связи определенные возможности и преференции, так и российского государства.

Как вытекает из содержания Закона о соотечественниках, цели государственной политики России в отношении соотечественников разделяются на составляющие: во-первых, поддержка соотечественников, проживающих за рубежом; во-вторых, создание условий для их возвращения в Российскую Федерацию. При этом, по нашему мнению, эти два направления не столько дополняют друг друга, сколько находятся в диалектическом противоречии. К тому же репатриация соотечественников применима только к лицам, не имеющим российское гражданство. Приоритетным направлением следует считать репатриацию соотечественников в Российскую Федерацию, что подтверждает принятие соответствующей Госпрограммы.

На наш взгляд, понятие «соотечественник за рубежом» наполняется конкретным правовым содержанием только в аспекте реализации эффективной иммиграционной политики, приоритетным направлением которой является привлечение в Россию соотечественников². В этом случае соотечественники приобретают право на помощь и льготы, предусмотренные Государственной программой переселения соотечественников, а также право на приобретение гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке.

Поскольку конечной целью и миграционной политики и соотечественников, переехавших в Россию, является получение российского гражданства, законодательное признание правового статуса соотечествен-

ников за рубежом в отношении российских граждан, проживающих за рубежом, является излишним. Российское гражданство предоставляет более прочную правовую связь лица с государством, наделяющую личность качественно иным объемом прав, чем статус соотечественника. Статья 7 Закона о гражданстве Российской Федерации гарантирует предоставление защиты и покровительства гражданам России, находящимся за пределами Российской Федерации, что также превышает уровень гарантий, предоставляемых Законом о защите прав соотечественников, и делает излишним применение последних к российским гражданам, проживающим за рубежом. Также заметим, что в тех случаях, когда Закон о соотечественниках регулирует вопросы гражданства и, как следствие, правового статуса, предоставляемого российским гражданством, он неизбежно вторгается в сферу компетенции Закона о гражданстве Российской Федерации, при этом не всегда соответствуя последнему.

Проживающие за рубежом соотечественники, имеющие российское гражданство, имеют все права российских граждан и вправе пользоваться гарантированной Конституцией и Законом о гражданстве защитой и покровительством российского государства. Поскольку политико-правовая связь гражданства является более стабильной, чем правовые связи российского государства с соотечественниками, предлагаемое в этой связи принятие Федерального закона «О гарантиях защиты граждан Российской Федерации, проживающих за рубежом» не представляется необходимым [3].

Таким образом, получение статуса российского гражданина за рубежом делает излишним получение статуса соотечественника. В этой связи представляется целесообразным внесение изменений в ст. 1 Закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», исключив из категории «соотечественники за рубежом» граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации.

Проводимая в середине 90-х годов прошлого века миграционная политика в отношении соотечественников отличалась непоследовательностью. Экономический характер миграции в Россию определил ориентацию миграционной политики, в первую очередь, на привлечение дешевой рабочей силы из бывших союзных республик и одновременно на препятствование нелегальному характеру трудовой миграции. Одобренная распоряжением Правительства РФ в марте 2003 г. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации³ отличалась декларативным характером, стимулирование возвращения соотече-

¹ Отечество — страна, где родился человек и гражданином которого является. (См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. С. 468).

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию за 2006 г.

³ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-р), разд. III // СЗ РФ. 2003. № 10. Ст. 923.

ственников не было предусмотрено. Концептуальные положения этого документа не только не отвечали основным социально-экономическим задачам страны, но и входили с ними в определенное противоречие [6].

С середины первого десятилетия нового века, с принятием в 2006 году Государственной программы содействия переселению соотечественников, проживающих за рубежом, иммиграционная политика России стала перенаправляться на поощрение переселения соотечественников на свою территорию. Принятая 31 октября 2018 г. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации [10] была направлена, в том числе, на формирование более комфортных условий для переселения в Россию соотечественников на постоянное место жительства, включая создание для соотечественников четких правил въезда в Российскую Федерацию и получения права на проживание, работу, на приобретение российского гражданства.

Новая редакция Концепции, утвержденная Указом Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622, имеет отчетливо выраженный цивилизационный характер, демонстрируя (п. 14) новый подход к проблемам защиты российских соотечественников и собирания «русского мира», к направлению развития российской государственности (защита и сохранение русской культуры, языка, историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного, цивилизационного кода).

Как полагает Э. А. Мамонтова, разработчикам новой редакции Концепции не удалось придать ей безусловно репатриационный характер, из-за сохраняющихся ограничений: во-первых, сохраняется подчеркнута «трудова» характер миграционной политики в отношении соотечественников с привилегиями для высококлассных специалистов; во-вторых, сохраняются ограничения соотечественникам свободы выбора места жительства в России путем навязывания им территорий «приоритетного заселения» (п. 14, 22 подп. «б»).

В этой связи отмечается, что не следует приравнивать репатриантов в правовом отношении к обычным трудовым мигрантам¹.

Репатриационная модель взаимодействия нуждается в законодательном совершенствовании, что подтверждают довольно скромные результаты реализа-

ции Госпрограммы. Необходимо применение более действенных средств, направленных на репатриацию соотечественников².

Реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, имеет свои региональные особенности. Вопросы репатриации соотечественников должны активно решаться не только на федеральном уровне, но и на уровне регионов.

Прошедшие три десятилетия с момента распада СССР не могли не сказаться на характере связей лиц, желающих приобрести статус соотечественников, с Российским государством. Как справедливо отмечается, сегодня следует учитывать то, что сегодня в Россию едут уже не те этнические россияне, которые приезжали 15–20 лет назад, а их потомки, зачастую не владеющие русским языком, для которых российская культура и история не является родной [5].

На этом основании Калужская область приостановила участие в Госпрограмме, к которой присоединилась в 2007 году. Губернатор Калужской области В. Шапша при этом отметил следующее: «Мы приостановили действие этой программы, но рассчитываем, что правила игры изменятся и требование об определенном уровне квалификации кандидатов на переселение и их знании русского языка станет существенным для этой программы. В случае если такого требования, хотя бы формального, не появится, у нас будет неконтролируемый приток граждан, которые языка не знают» [2].

Как пояснил по этому поводу К. Затулин: «Губернатор Калужской области приостановил действие Госпрограммы добровольного переселения соотечественников, потому что за прошедшие годы она выродилась в программу переезда в Россию жителей Средней Азии. Когда-то 80 % тех, кто обращался по этой программе, были русские, украинцы и другие, вполне отвечающие понятию наших соотечественников. А в последние годы их число сократилось до 17 %, а все остальные — это киргизы, таджики, узбеки. Они не должны рассматриваться нами как соотечественники, потому что они соотечественники своих отечеств» [4].

Претендуя на предоставление целого ряда гарантий и преимуществ, кандидаты на получение статуса соотечественников за рубежом должны соответствовать не только формальным требованиям, связанным

¹ В этой связи указывается на необходимость снятия избыточных бюрократических барьеров при предоставлении гражданства соотечественникам или вида на жительство (по возрасту, профессии, квалификации, по территориям вселения, по количеству и затратности процедур оформления гражданства или вида на жительство). Также высказаны небесспорные предложения о снятии ограничений по территориям вселения соотечественников, поскольку новые граждане «сами найдут себе место на Родине без административного давления». (См.: Мамонтова Э. А. Новая реализация Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года: новые акценты // Миграционное право. 2019. № 3.)

² Реализуемая с 2006 г. Госпрограмма демонстрирует свою неэффективность, о чем свидетельствуют результаты ее мониторинга. Так, по состоянию на 1 июля 2011 г. на территорию России суммарно переселились 40090 человек – участников Госпрограммы и членов их семей или 8 % от первоначального планируемого общего количества соотечественников-переселенцев. Предполагалось, что в 2007 г. в Россию приедут 50 тыс. человек, а в 2008 и 2009 годах — 100 и 150 тысяч соответственно. (См.: выступление Директора ФМС России К. О. Ромодановского в «Российской газете» // Миграционное право. 2006. № 4).

с происхождением («правом крови») и территорией («правом почвы»). К таким лицам должны предъявляться содержательные требования, подтверждающие их соответствие общероссийской культурной идентичности. Указанные требования должны касаться знания русского языка, как государственного языка Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации), основ исторического и культурного наследия народов, проживающих на территории Российской Федерации, основ российского законодательства.

Указанное требует корректировки как Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», так и Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом относительно требований, предъявляемых к ее участникам.

28 марта 2022 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен законопроект № 95462-8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», в котором предложена новая редакция определения «соотечественник».

Законопроектом устраняются недостатки неоправданно широкого понятия «соотечественники» и уточняется его значение. Законопроект раскрывает понятие «народов, исторически проживающих на территории Российской Федерации, чего нет в действующем законе. К соотечественникам предлагается причислить представителей украинского и белорусского народов, «связанных с государствообразующим народом общностью судьбы и культуры». Важным уточнением понятия «соотечественник» является включение условия владения соотечественником русским языком как государственным языком Российской Федерации, что является необходимым условием соответствия конституционному требованию к государству обеспечивать общероссийскую культурную идентичность соотечественников, проживающих за рубежом. Если государство заботиться о тех, кто, проживая за рубежом, сохраняет общероссийскую культурную идентичность, одним из составляющих которой является знание общего для всех россиян русского языка как государственного языка России, то, естественно, что условием получения правового статуса «соотечественник за рубежом» должно быть владение русским языком.

В этой связи в ст. 3 Закона о защите прав соотечественников следует предусмотреть, что правовой статус соотечественника, проживающего за рубежом, должен подтверждаться соответствующим свидетельством, для получения которого необходимо докумен-

тальное подтверждение признаков общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев народов, проживающих в составе Российской Федерации.

В пункт 25 Госпрограммы, предусматривающий основания отказа в выдаче свидетельства участника Госпрограммы, следует добавить подпункт «к», следующего содержания «не владеет русским языком» (как вариант «не владеет русским языком в объеме, достаточном для повседневного общения»).

Таким образом, статус соотечественника должен подтверждаться соответствующим сертификатом о владении русским языком, контроль за выдачей которых должен быть ужесточен.

Принятие указанных изменений в Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» и в соответствующую Государственную программу открывает реальную возможность для репатриации в Россию соотечественников, проживающих за рубежом [4].

Взаимодействие российского государства с соотечественниками за рубежом должно быть наполнено новым содержанием в основе которого должны лежать взаимные права и обязанности. Это усилит эффективность репатриационной политики, позволит более полно удовлетворить разнообразные интересы многочисленной зарубежной российской диаспоры, а также будет способствовать переселению части соотечественников в Российскую Федерацию [8].

Список источников

1. Андриченко Л., Елеонский В. Законодательное регулирование прав добровольных переселенцев из стран СНГ и Балтии / Федерализм. 2004. № 1.
2. Боярский А. «Это не должно продолжаться»: губернатор Калужской области — об ужесточении миграционной политики // Рос. газета. 2022. 15 февраля.
3. Галиахметова К. Д. Соотечественники за рубежом как субъекты миграционных отношений: теоретико-правовой аспект // Миграционное право. 2006. № 4.
4. Константин Затулин предложил новую редакцию определения «соотечественник» // Рос. газета. 2002. 29 марта.
5. Макошин П. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Незаконная миграция как основной источник организованной этнической преступности // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 16–21.
6. Мамонтова Э. А. Новая реализация Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года: новые акценты // Миграционное право. 2019. № 3.

7. Прудникова Т. А. Роль субъектов организационно-правового обеспечения взаимодействия российского государства с соотечественниками за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3.
8. Самойлов В. Д. Миграциология. Конституционно-правовые основы. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 487 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1989.
10. Выступление Президента РФ В. Путина 31 октября 2018 г. на VI Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59003>.
11. Выступление Директора ФМС России К. О. Ромодановского в «Российской газете» // Миграционное право. 2006. № 4.

References

1. Andrichenko L., Eleonsky V. Legislative regulation of the rights of voluntary migrants from the CIS and Baltic countries / Federalism. 2004. № 1.
2. Boyarsky A. «This should not continue» : the governor of the Kaluga region — on tightening migration policy // Russian newspaper. 2022. February 15.
3. Galiakhmetova K. D. Compatriots abroad as subjects of migration relations: theoretical and legal aspect // Migration law. 2006. № 4.
4. Konstantin Zatulin proposed a new edition of the definition of «compatriot» // Russian newspaper. 2002. March 29.
5. Makoshin P. V., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Illegal migration as the main source of organized ethnic crime // Journal of Criminology. 2019. № 3. P. 16–21.
6. Mamontova E. A. New implementation of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 : new accents // Migration Law. 2019. № 3.
7. Prudnikova T. A. The role of the subjects of organizational and legal support for the interaction of the Russian state with compatriots abroad // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 3.
8. Samoilov V. D. Migrationology. Constitutional and legal foundations. M. : UNITY-DANA, 2015. 487 p.
9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language, Moscow : Russkiy yazyk, 1989.
10. Speech by the President of the Russian Federation Putin on October 31, 2018 at the VI World Congress of Compatriots Living Abroad. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59003>.
11. Speech of the Director of the Federal Migration Service of Russia K. O. Romodanovsky in Rossiyskaya Gazeta // Migration Law. 2006. № 4.

Информация об авторе

О. В. Кудин — адъюнкт кафедры административного права и административной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Kudin — Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34.04

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-149-150>

НИОН: 2003-0059-4/22-368

MOSURED: 77/27-003-2022-04-567

К вопросу о необходимости законодательного закрепления дефиниции «преступность при чрезвычайной ситуации»

Александр Евгеньевич Леднев¹, Екатерина Андреевна Михайлова²

^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ aleksa-led@yandex.ru

² yourkatynya@mail.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость законодательного закрепления дефиниции «преступность при ЧС»; предлагается собственный подход к определению данной категории.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, преступность, преступность при чрезвычайных ситуациях

Для цитирования: Леднев А. Е., Михайлова Е. А. К вопросу о необходимости законодательного закрепления дефиниции «преступность при чрезвычайной ситуации» // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 149–150. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-149-150>.

Original article

To the question of the need for legislative consolidation of the definition of «Crime in an emergency situation»

Alexander E. Lednev¹, Ekaterina A. Mikhailova²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ aleksa-led@yandex.ru

² yourkatynya@mail.ru

Abstract. The article substantiates the need for legislative consolidation of the definition of «Crime in emergency situations», and also offers its own approach to the definition of this category.

Keywords: emergency, crime, crime in emergency situations

For citation: Lednev A. E., Mikhailova E. A. To the question of the need for legislative consolidation of the definition of «Crime in an emergency situation». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):149–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-149-150>.

В Российской Федерации сфера общественных отношений, возникающих в процессе деятельности государства, общества и граждан в условиях чрезвычайных ситуаций регламентируется ФЗ от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [1]. Статья 1 данного ФЗ, закрепляющая основные понятия, имеющие центральное значение для понимания названного нами выше нормативного акта, к сожалению, упускает и не закрепляет дефиницию определения «преступность при ЧС», которая в свою

очередь имеет немаловажное значение для регулирования общественных отношений, скальвающих в период введения режима ЧС. Значение закрепления в основополагающем нормативном правовом акте в сфере регламентации защиты населения и территорий РФ при ЧС дефиниции «преступность при ЧС» объясняется в первую очередь тем, что большое количество криминогенных процессов в Российском обществе запускается именно на почве введения и развертывания режима чрезвычайной ситуации. Это вполне естественно и объяснимо с точки зрения первоочередной

© Леднев А. Е., Михайлова Е. А., 2022

направленности сил и средств правоохранительных органов на сдерживание масштабов распространения чрезвычайной ситуации и ликвидацию ее последствий.

Немаловажным является и тот факт, что с отменой режима ЧС преступность не уходит вместе с данным явлением за рамки человеческого бытия, а напротив, прогрессирует, приобретая новые формы. В этот момент проблема преступности остро встает для государства и общества, пытающегося вернуться в колею «добедственного» положения. Субъекты общества, возвращаясь к привычному образу жизни, сталкиваются с разрушением социально-организационного порядка, которое, безусловно, ведет к подрыву норм и ценностей социального уклада, порождая при этом все больше злонамеренных деяний. Всему этому есть объяснение: во-первых, введение режима ЧС создает определенный кризис, который даже после его окончания порождает обстоятельства, способствующие, а в некоторых случаях и провоцирующие формирование антиобщественных противоправных мотиваций у граждан, населяющих «пострадавшие» территории. Во-вторых, ослабление управленческих функций, экономическая нестабильность, разрушения и потери, массовая озабоченность проблемами личного характера детерминируют условия, которые облегчают совершение преступления лицами, потенциально способными и подготовленными к их совершению. Таким образом, заметим, что режим чрезвычайной ситуации не может бесследно пройти сквозь социум, не оставив своим бытием и последствиями криминогенных следов.

Убедившись в значимости понимания категории «Преступность при ЧС» и отсутствия ее законода-

тельного закрепления, отметим, что и с доктринальной точки зрения тема также имеет крайне низкую степень исследованности научными деятелями. В связи с этим, предлагаем, исходя из смысла абзаца 1 ст. 1 ФЗ от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ, закрепляющего дефиницию «Чрезвычайная ситуация» [1], сформировать собственное определение преступности при чрезвычайных ситуациях. Полагаем, что под преступностью при ЧС следует понимать совокупность преступлений на определенной территории, совершенных и совершаемых в результате случившейся на данной территории аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Список источников

1. Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 28.03.2022).

References

1. Federal Law № 68-FZ of 21.12.1994 (as amended on 30.12.2021) «On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (accessed: 28.03.2022).

Информация об авторах

А. Е. Леднев — заместитель начальника кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Нижегородской академии МВД России;

Е. А. Михайлова — курсант 407 учебной группы факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

A. E. Lednev — Deputy Head of the Department of Internal Affairs in Special Conditions of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E. A. Mikhailova — cadet of the 407th training group of the Faculty of Training specialists in the Investigation of Economic Crimes of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-151-155>

НИОН: 2003-0059-4/22-369

MOSURED: 77/27-003-2022-04-568

Сравнительные статистические позиции учета лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности

Татьяна Витальевна Молчанова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru

Аннотация. Исследованы отдельные статистические характеристики лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности: социальные и трудовые. Высказаны предположения о факторах, обусловивших рост регистрации лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности за период 2015–2021 гг. Представлена сравнительная субъектная характеристика лиц: индивидуальные предприниматели, работники и сотрудники коммерческих и иных предприятий, сотрудников органов государственной власти, лица без постоянного источника доходов. Изучение особенностей лиц, совершающих преступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ, привело к выводу, что сфера криминализации экономической деятельности обусловлена ростом преступлений из числа предпринимателей без образования юридического лица, самозятыми и лицами, не имеющими постоянного источника доходов.

Ключевые слова: лица, преступления в сфере экономической деятельности, предпринимательская деятельность, статистический учет и отчетность, характеристики лиц, лица, не имеющие постоянного источника дохода, индивидуальные предприниматели, предприниматели без образования юридического лица, латентность

Для цитирования: Молчанова Т. В. Сравнительные статистические позиции учета лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 151–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-151-155>.

Original article

Comparative statistical positions of accounting for persons committing crimes in the sphere of economic activity

Tatyana V. Molchanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, molcha@yandex.ru

Abstract. The certain statistical characteristics of persons who commit crimes in the sphere of economic activity: social and labor, are examined. Assumptions are made about the factors that caused the growth in the registration of persons committing crimes in the sphere of economic activity for the period 2015–2021. A comparative subjective characteristics of persons are presented: individual entrepreneurs, employees and employees of commercial and other enterprises, employees of public authorities, persons without a permanent source of income. The study of the characteristics of persons committing crimes under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation led to the conclusion that the scope of criminalization of economic activity is due to the growth of crimes from among entrepreneurs without forming a legal entity, self-employed and persons who do not have a permanent source of income.

Keywords: persons, crimes in the sphere of economic activity, entrepreneurial activity, statistical accounting and reporting, characteristics of persons, persons without a permanent source of income, individual entrepreneurs, entrepreneurs without forming a legal entity, latency

For citation: Molchanova T. V. Comparative statistical positions of accounting for persons committing crimes in the sphere of economic activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):151–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-151-155>.

© Молчанова Т. В., 2022

В предыдущих наших исследованиях (публикациях), о лицах, совершающих преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) предметом изучения являлись их гендерные, возрастные, образо-

вательные, профессиональные, групповые характеристики. Мы продолжаем статистическое изучение лиц и предлагаем в данной статье описание иных не менее значимых криминологических признаков.

Таблица 1

Соотношение динамики числа всех выявленных лиц и числа лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности за период 2015–2021 гг. [1]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего лиц по России	1075333	1015875	967103	931107	884661	852506	848320
Всего лиц (Глава 22)	8894	9789	11476	14834	15931	15539	16972
Удельный вес, %	0,8	0,96	1,2	1,6	1,8	1,8	2

Динамические статистические характеристики демонстрируют любопытные выводы, даже при минимальных их значениях (с учетом латентности). Общее число выявленных лиц по России показывает тенденцию к снижению регистрации совершения ими преступлений¹. В то время как за 6 лет рост почти в 2 раза лиц, формирующих преступную деятельность в сфере экономической деятельности. Соответственно наблюдается равномерная тенденция увеличения доли лиц в сфере экономической деятельности в структуре всех выявленных лиц, несмотря на их самую минимальную часть среди различных категорий преступников.

Представленные статистические параметры, по количественной оценке, лиц гл. 22 УК РФ в любом случае демонстрируют появившуюся тенденцию положительной динамики. Указанные обстоятельства будут проявляться и в дальнейшем, и связаны они, прежде всего, с ограничением (в отдельных случаях прекращением) экономических отношений как внутри страны, так и за пределами Российской Федерации ввиду введения в отношении наущного государства санкций, которые повлекут различные юридические последствия.

Одним из таких последствий станет увеличение различных форм преступных деяний в экономической сфере. Эти неизбежные следствия приведут к росту разнообразных преступлений, в частности в сфере предпринимательской деятельности, несмотря на формирующуюся государственную поддержку субъектов малого и среднего бизнеса.

Данные, содержащиеся в таблице 1, указывают на значительный рост совершения преступлений такой категорией как «наемные рабочие» в структуре субъектов преступной деятельности. Особый интерес представляет такая социальная категория как субъек-

ты предпринимательской деятельности, они также в значительном удельном весе, что соответствует характеру и виду их профессиональной деятельности.

Сфера криминализации экономической деятельности все более расширяется. Это подтверждается рядом обстоятельств, во-первых, за последние годы произошло значительное разнообразие легальных видов предпринимательской деятельности, что и определило незаконный характер их деятельности, во-вторых, вышеобозначенная тенденция увеличила виды и формы криминализации экономических отношений.

Указанные факторы обусловили увеличение вовлеченности субъектов предпринимательской деятельности в преступные формы своего поведения, что нашло свое естественное отражение в материалах уголовных дел и соответствующих позициях статистического учета. Небольшой рост отмечается среди группы предпринимателей, без образования юридического лица. К такого рода субъектам совершения преступлений относятся: индивидуальные предприниматели и лица, выплачивающие налог на профессиональный доход («Самозанятые»). Статистические позиции учета фиксируют их рост и в регистрации как субъектов предпринимательской деятельности по данным налоговой службы Российской Федерации.

Следует отметить, что позиции указанных субъектов предпринимательских отношений в целом статистически малозначительны. В структуре субъектов преступлений их доля должна быть намного весомей. Это объясняется разного рода факторами. Одними из основных выступают: существенное число возбужденных уголовных дел приостанавливается или прекращается за отсутствием события преступления или отсутствием в деянии состава преступления; сложностью формирования доказательственной базы в силу особого характера экономических отношений, высокими коррупционными рисками.

¹ Мы не указываем истинные причины снижения, поскольку не располагаем подтверждающей информацией. Связаны ли эти процессы с тем, что произошло естественное снижение преступлений, или имеются факты укрытия случаев совершения преступления или иные обстоятельства.

**Динамика числа лиц, совершивших преступления
в сфере экономической деятельности за период 2015–2021 гг. [1]**

Год	Выявлено лиц (глава 22)	Наемные работники	Удельный вес, %	Служащие	Удельный вес, %	Субъекты предпринимательской деятельности	Удельный вес, %	В том числе			
								Собственников, совлад. на паях коллектив. Собственностью, лиц, занимающихся мелкооптовой торговлей	Удельный вес, %	Предпринимателей без образования юридического лица	Удельный вес, %
2015	8894	1639	-	1491	-	-	-	-	-	930	-
2016	9789	1878	-	1464	-	-	-	-	-	952	-
2017	11476	2400	-	1270	-	-	-	-	-	1004	-
2018	14834	3094	20,86	1301	8,77	2622	17,68	855	5,76	965	6,51
2019	15931	3094	19,42	1485	9,32	3270	20,53	1108	6,95	1099	6,90
2020	15539	2862	18,42	1599	10,29	2893	18,62	943	6,07	1076	6,92
2021	16972	3130	18,44	1812	10,68	3022	17,81	925	5,45	1233	7,26

**Динамика числа лиц, совершивших преступления
в сфере экономической деятельности за период 2015–2021 гг. [1]**

Год	Выявлено лиц (глава 22)	Работников, сотрудников сферы здравоохранения	Удельный вес, %	Работников, сотрудников, представителей			
				Коммерческих и иных организаций (предприятий)	Удельный вес, %	Органов государственной власти	Удельный вес, %
2015	8894	-	-	-	-	46	-
2016	9789	-	-	-	-	50	-
2017	11476	-	-	-	-	46	-
2018	14834	-	-	3629	24,46	52	0,35
2019	15931	36	0,23	3860	24,23	47	0,30
2020	15539	52	0,33	3440	22,14	37	0,24
2021	16972	48	0,28	3799	22,38	33	0,19

Особый научный интерес для нашего исследования из Таблицы 3 представляет такая категория как работники, сотрудники, представители коммерческих и иных организаций. Совершение ими преступлений вполне носит очевидный характер и соответствует видовым особенностям коммерческой деятельности.

Коммерческая деятельность сегодня представляет собой часть предпринимательской деятельности на товарном рынке и имеет отличие от нее в том, что не охватывает сам процесс изготовления товара или ока-

зания услуги. В более широком смысле любая организация, которая предлагает на рынок продукты труда своих работников, а, значит, участвующая в процессе обмена, может быть отнесена к категории субъектов продажи [2].

Учитывая продемонстрированные статистические данные и субъектный анализ совершения, речь идет о таких преступных деяниях, как: ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежа-

щих уплате организацией — плательщиком страховых взносов», 199.2 УК РФ «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов», ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность», ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежа», ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг».

Работник, сотрудники сферы здравоохранения участвовали за исследуемый период в совершении преступлений, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ «Соккрытие денежных средств либо имущества организа-

ции или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов», ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок». Данный состав преступлений имеет практику регистрации и в отношении такой категории как работники, сотрудники органов государственной власти (см. таблицу 3). Помимо ст. 200.5 УК РФ указанные субъекты преступлений совершают: ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления».

Таблица 4

Динамика числа лиц без постоянных источников дохода¹, совершивших преступления в сфере экономической деятельности за период 2015–2021 гг. [1]

Год	Выявлено лиц (глава 22)	Лиц без постоянных источников доходов	Удельный вес, %
2015	8894	3301	37,1
2016	9789	3723	38
2017	11476	4995	43,5
2018	14834	6470	43,62
2019	15931	7038	44,18
2020	15539	7370	47,43
2021	16972	8024	47,28

¹ К лицам, не имеющим постоянного источника дохода также можно отнести и лиц нетрудоустроенных, освободившихся из мест лишения свободы и т. д.

Представленные в таблице 4 статистические характеристики позволяют сделать вывод о росте удельного веса лиц, без постоянного источника доходов, совершающих преступления в сфере экономической деятельности. Для сравнения, в 2021 году правоохранительными органами выявлено более 848320 лиц, совершивших преступления. 544 382 тыс. (64 %) из них — лица без постоянного источника доходов. Их доля ниже участия в преступной экономической деятельности, чем в целом по стране. Это вполне объяснимо, тем фактором, что данная категория лиц в значительном числе случаев участвует в совершении преступлений против собственности.

Статическое выделение такой социальной категории лиц связано исключительно с получением ими

дохода. Отсутствие и снижение доходов значительной части россиян обуславливает выбор ими преступного поведения. Это увеличивает их вовлеченность в том числе в теневые экономические отношения. Весьма значима роль преступных групп и преступных сообществ среди лиц без постоянного источника дохода, участвующих в незаконной предпринимательской, в том числе экономической деятельности. Несмотря на то, что государство создает определенные условия для вовлечения данной категории лиц в трудовую деятельность.

В целом преступления в сфере экономической деятельности представляют собой очень разнообразный, сложный и не всегда объективный и достоверный материал для исследования.

Отмеченное выше свидетельствует о том, что, несмотря на активное использование в изучение преступлений в сфере экономической деятельности научного инструментария и всего арсенала иных дополнительных средств, проблемы, связанные с определением объёма (размера), иных качественных и количественных параметров остаются для дальнейшего научного осмысления.

В связи с общей предметной уголовно-правовой спецификой преступлений, дополнительной криминологической их особенностью выступает довольно высокая степень латентности [3].

В процессе исследования мы установили, что доля учтенной преступности в сфере экономической деятельности не обладают приближенными характеристиками «незначительны». Самая высокая латентность (естественная и искусственная) наблюдается исключительно в этом сегменте экономических отношений. Латентность их в десятки раз выше, чем по многим другим видам преступной деятельности. Именно гл. 22 УК РФ многомиллиардная по своему ущербу, но менее выявляема правоохранительными органами.

Вызывает объективность учета преступлений в сфере экономической деятельности, нам неизвестны социально-экономические последствия этой преступности. В этой связи, оценить ее невозможно. Более того, отсутствуют хоть какие-либо объективные возможности для оценки прогнозных тенденций этих форм преступной деятельности, с учетом серьезного влияния пандемии COVID-19 на экономические отношения как внутри государства, так и с другими странами мира. Интенсификация развития экономиче-

ской сферы деятельности государства, происходящие геополитические процессы во многом обуславливают рост преступлений в сфере экономической, в значительной ее части — предпринимательской.

Список источников

1. Форма 492 КН. 1 Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления» Раздел 3. «Сведения о социальном и трудовом составе лиц, совершивших преступления» 2018–2021 гг.
2. Словарь бизнес-терминов. <https://biznes-prost.ru/deyatelnost-kommercheskaya.html>.
3. Молчанова Т. В. Статистическое исследование лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2022. № 3.

References

1. Form 492 Book 1 Summary report on Russia «Information on persons who have committed crimes» Section 3. «Information on the social and labor composition of persons who have committed crimes» 2018–2021.
2. Dictionary of business terms. <https://biznes-prost.ru/deyatelnost-kommercheskaya.html>.
3. Molchanova T. V. Statistical study of persons committing crimes in the sphere of economic activity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 2022. № 3.

Информация об авторе

Т. В. Молчанова — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Molchanova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-156-161>

NIJON: 2003-0059-4/22-370

MOSURED: 77/27-003-2022-04-569

Некоторые особенности административно-процессуального статуса свидетеля и понятого как участников производства по делам об административных правонарушениях

Евгений Анатольевич Никоноров

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Старотеряево, Московская область, Россия

Аннотация. Анализируются источники, раскрывающие особенности реализации правовых норм, посвященных отдельным элементам административно-процессуального статуса свидетеля и понятого в производстве по делу об административном правонарушении. Проводится анализ соответствующих норм иных отраслей российского права и ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: производство по делу об административном правонарушении, свидетель, понятой, участники производства

Для цитирования: Никоноров Е. А. Некоторые особенности административно-процессуального статуса свидетеля и понятого как участников производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 156–161. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-156-161>.

Original article

Some features of the administrative-procedural status of a witness and understood as participants in proceedings on administrative offenses

Evgeny A. Nikonorov

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev village, Moscow region, Russia

Abstract. The sources that reveal the specifics of the implementation of legal norms devoted to certain elements of the administrative procedural status of a witness and understood in the proceedings on an administrative offense are analyzed. The relevant norms of other branches of Russian law and a number of foreign countries are analyzed.

Keywords: proceedings in the case of an administrative offense, witness, understood, participants in the proceedings

For citation: Nikonorov E. A. Some features of the administrative-procedural status of a witness and understood as participants in proceedings on administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):156–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-156-161>.

Производство по делам об административных правонарушениях регламентируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее — КоАП РФ), в частности правовыми положениями закрепляется совокупность органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, а также участников производства.

В отличие иных юрисдикционных производств

рассматриваемое производство по количеству участвующих в нем лиц, объему разрешаемых вопросов является одним из наиболее крупных.

Вместе с тем, не все участники, определенные в гл. 25 КоАП РФ в обязательном порядке принимают участие в каждом отдельном производстве по делам об административных правонарушениях. Данное обстоятельство обуславливается характером административного правонарушения, общественными отноше-

© Никоноров Е. А., 2022

ями, на которые оно посягает, наличием лиц, которым противоправное поведение причинило вред и пр.

Однако любое административное правонарушение может быть совершено в присутствии свидетелей, а в определенных КоАП РФ случаях, привлекаются и понятые.

Показания свидетеля являются самым распространенным и издавна известным источником доказательств, поскольку свидетельские показания упоминались как доказательство еще Аристотелем [2].

Свидетель может быть участником процессов, регламентируемых различными отраслями права. При этом отмечаются некоторые отличия в правовом статусе свидетеля, однако цель их участия в целом идентична.

КоАП РФ в ст. 26.6 закрепил, что в качестве свидетеля по делу об административном правонарушении может быть вызвано лицо, *которому могут быть известны* обстоятельства дела, подлежащие установлению.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [3] (далее — УПК РФ) (ст. 56) определяется, что свидетелем является лицо, *которому могут быть известны* какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением определенных случаев, среди которых определены особенности правового статуса лица или наличие какой-либо охраняемой законом тайны.

Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации [4] (далее — ГПК РФ) в ст. 69 содержит положение о том, что свидетелем является лицо, *которому могут быть известны* какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. При этом не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он *не может указать источник* своей осведомленности.

Приведенные нормы основных отраслей российского права не содержат каких-либо ограничений участия свидетеля в силу отклонений по состоянию здоровья (видимых или невидимых). Вместе с тем, данное обстоятельство может иметь существенное значение. И если данный вопрос в определенной степени обсуждается среди ученых и правоприменителей в уголовно-процессуальном плане [5], то состояние свидетеля в производстве по делу об административном правонарушении мало исследовано [6].

Исходим из того, что по общему правилу в производстве по делу об административном правонарушении участники признаются вменяемыми и только после появления информации о наличии заболеваний (в т. ч. психических) может возникнуть вопрос о допустимости представленных доказательств.

Отметим, что проблема психического здоровья является многоаспектной: лицо либо страдает психическими расстройствами, либо страдает временными

психическими расстройствами, с периодами «обострения» болезни и её ремиссии. Вопрос установления вменяемости участников производства по делу об административном правонарушении актуален. По мнению Т. М. Секретаревой существует явная «проблема обеспечения единства и системности правоприменительных актов в отношении лиц с расстройствами психики в сфере административного принуждения» [7].

В итоге на сегодняшний день ни в административном, ни в уголовном [8, с. 12] законодательстве не содержится правовых норм, регулирующих доказательственное значение показаний таких лиц.

Отдельно стоит рассмотреть такой элемент административно-правового статуса свидетеля как ответственность. Привлечение свидетеля к ответственности в соответствии со ст. 17.9 КоАП РФ возможно в случае дачи им заведомо ложных показаний при производстве по делу об административном правонарушении. Однако практика складывается противоречиво ввиду того, что установить умысел на «заведомо ложные» показания свидетеля довольно проблематично. Довольно часто, исходя из судебной практики, в делах присутствуют формулировки «объяснения отобранные у ФИО и ФИО с соблюдением требований закона, они также предупреждены об административной ответственности по ст. 17.9 КоАП РФ, оснований для оговора лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении с их стороны в судебном заседании не установлено» [напр., 9].

В связи с тем, что дела об административном правонарушении по ст. 17.9 КоАП РФ возбуждаются и должностными лицами, то подобная практика широко не представлена.

На практике ложные показания свидетеля не являются единичными случаями, однако тяжесть содеянного таким свидетелем явно не соответствует размеру административного наказания в виде административного штрафа до 1500 рублей. Обратим внимание на опыт законодателя Республики Казахстан, где «свидетель предупреждается об административной ответственности за уклонение или отказ от дачи показаний, дачу заведомо ложных показаний органу (должностному лицу), уполномоченному рассматривать дела об административных правонарушениях, и об уголовной ответственности за совершение этих деяний в суде» [10]. Возможная адаптация такого опыта в российской законодательство приведет если не к исключению, то уменьшению случаев лжесвидетельства в производстве по делам об административных правонарушениях, когда лица дают ложные показания, помогая, таким образом, своим родственникам или знакомым. Либо установить исключительно уголовную ответственность ввиду наличия общественной опасности такого деяния, как это представлено в ГПК РФ.

Довольно часто при рассмотрении дел об админи-

стративных правонарушениях в области дорожного движения в судах сотрудники ГИБДД привлекаются в качестве свидетелей. Отметим, что подобная практика не противоречит п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 [11], согласно которому должностные лица, составившие протокол об административном правонарушении, не являются участниками производства по делам об административных правонарушениях (исходя из смысла и свидетелями) однако в случае необходимости не исключается возможность вызова в суд указанных лиц для выяснения возникших вопросов. Толкование данного положения вызывает вопрос о качестве участия таких должностных лиц в процессе. С одной стороны, полицейский является должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, и не может являться участником производства, с другой — может быть вызван для дачи пояснений по имеющимся в деле доказательствам. В таком случае ответственность сотрудника полиции за дачу заведомо ложных показаний может наступать в соответствии со ст. 2.5 КоАП РФ и по ст. 17.9 КоАП РФ, поскольку сам сотрудник полиции, составивший протокол, после передачи материалов на рассмотрение судье субъектом производства являться уже не будет и может привлекаться к производству по делу об административном правонарушении в качестве свидетеля [12]. Неоднозначность вопроса заключается в ограничении участия должностного лица в судебном рассмотрении для уточнения обстоятельств.

Весьма показательна практика по уголовным делам, например, когда суд признает показания сотрудников полиции недопустимыми доказательствами лишь по тем основаниям, что они являются работниками правоохранительных органов, что недопустимо [13].

Между тем согласно мнению Европейского Суда по правам человека в спорах, когда единственными свидетелями обвинения являлись сотрудники полиции, судам необходимо использовать все возможности для проверки их показаний [14].

Таким образом, вопрос заключается в наличии заинтересованности полицейского в исходе дела. Однако заинтересованность полицейского должна определяться лишь служебными обязанностями и интересами службы, при этом можно говорить о наличии личной заинтересованности и у лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении.

Участие в производстве по делу об административном правонарушении понятого также закрепляется нормами КоАП РФ (ст. 25.7).

Понятым может быть любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо. В случае необходимости понятой может быть опрошен в качестве свидетеля. Таким образом, одно и то же лицо в юрисдикционном производстве может являться и свидетелем и понятым.

В таком случае возможность участия полицейского в качестве понятого также вызывает дискуссию. Например, в «Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации» [15] указывается, что в силу осуществления полномочий сотрудники милиции могут иметь служебную заинтересованность в исходе данного дела, поскольку являются работниками данного органа и не должны привлекаться в качестве понятых при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ.

Напротив, Определением Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 46-О-О [16] допускается участие сотрудника полиции в производстве по делу об административном правонарушении при условии отсутствия какой-либо заинтересованности. В данной ситуации возникают споры, сторона защиты часто указывает на недопустимость такого участия ввиду наличия служебной заинтересованности [17]. Суд, оценивая показания, таких свидетелей, принимает во внимание их прямую или косвенную заинтересованность в принятии окончательного решения. Однако подобные доводы могут отклоняться [18].

Считаем, что формулировка «не должен» является рекомендательной и, более того, в некоторых случаях может усложнить достижение задач производства по делам об административных правонарушениях и установлению истины.

Другим интересующим вопросом является отсутствие нормативно закрепленной обязанности лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении привлекать в качестве понятых лиц, способных по состоянию здоровья выполнять свои обязанности.

Действительно требований к состоянию здоровья ни к свидетелю, ни к понятому КоАП РФ не содержит. Нормативные предписания КоАП РФ и УПК РФ предполагают возможность привлечения в качестве понятых лишь таких лиц, которые *способны* объективно удостоверить факт производства, ход и результаты процессуальных действий. Наличие или отсутствие у них данной способности *устанавливается в процессе* собирания, проверки и оценки совокупности доказательств по делу [16]. Даже в случае, когда понятой, участвовавший в рассмотрении, решением суда был признан недееспособным вследствие психического заболевания, лишаящего его способности правильно понимать значение своих действий и руководить не явилось основанием для отмены решения по делу.

Полагаем, что исследования вопроса необходимо обратиться к иным источникам. Так ст. 90 Налогового кодекса [19] (далее — НК РФ) закрепляет, что в качестве свидетеля может быть вызвано любое лицо. Исключение составляют лица, которые в силу малолетнего возраста, *своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства*, имеющие значение.

При этом в ст. 98, посвященной правовому статусу понятого, требований к состоянию здоровья или возрасту не содержится, основой участия понятого является лишь отсутствие заинтересованности. В отличие от соответствующей нормы КоАП РФ, НК РФ устанавливает прямой запрет на участие в качестве понятых должностных лиц налоговых органов.

Что же касается ответственности, то по налоговому законодательству свидетель несет ответственность за неявку либо уклонение от явки без уважительных причин. Для сравнения ответственность за неявку свидетеля при рассмотрении дела об административном правонарушении прямо не предусмотрена. Представляется, что разработчиками КоАП РФ соответствующие нормы принятого ранее НК РФ учтены не были.

Следует отметить, что разработанный проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [20] (далее — Проект) содержит ряд новелл, однако, принципиально в исследуемом вопросе изменений нет.

Так, в ст. 2.5 «Свидетель» и ст. 2.6 «Понятой» по-прежнему каких-либо ограничений участия свидетеля и понятого по состоянию здоровья не устанавливается, равно как и возможности или запрета участия, например, сотрудника полиции в качестве свидетеля или понятого в деле об административном правонарушении (в случае осуществления производства по делу об административном правонарушении должностными лицами полиции).

По вопросу возможности участия в деле должностного лица (представителя органа), возбудившего дело об административном правонарушении Проект содержит норму (ст. 2.11) «Должностное лицо (представитель органа), возбудившее дело об административном правонарушении, должностное лицо (представитель органа), вынесшее постановление по делу об административном правонарушении», где данный субъект признается участником производства, так же как, например, следователь в соответствии с УПК РФ. Несомненно, данное обстоятельство позволить «уравновесить» стороны в производстве по делу об административном правонарушении, реализуя принцип состязательности.

Обратившись к законодательству Республики Беларусь отметим, что в Процессуально-исполнительном Кодексе об административных правонарушениях [21] сотрудник органа внутренних дел является участником, ведущим административный процесс. Свидетелем же не может быть лицо, которое в силу возраста, *физических либо психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства*, подлежащие установлению по делу об административном правонарушении, и давать о них объяснения. Аналогичная норма содержится и в Кодексе Азербайджанской Республики об административных проступках [22].

В соответствии с нормами административного законодательства Азербайджанской Республики [22, ст. 5.2] понятой не вправе участвовать в административ-

ном процессе, если они участвовали ранее в этом же деле, если имеются иные обстоятельства, указывающие на заинтересованность в исходе дела, а также ввиду *служебной или иной зависимости* от кого-либо из лиц, заинтересованных в исходе дела.

В административном законодательстве [23] Республики Казахстан содержится норма, декларирующая участие в качестве понятого незаинтересованного совершеннолетнего, однако *способного полно и правильно воспринимать происходящие* в его присутствии действия.

Таким образом, в ходе производства по делу об административном правонарушении лицо, его осуществляющее, так или иначе, определяет соответствие таких участников (свидетеля и понятого) правовому статусу, определенному нормами КоАП РФ в процессе собирания, проверки и оценки совокупности доказательств. В целях устранения неоднозначного толкования предлагается рассмотреть вопрос об уточнении формулировки ч. 1 ст. 25.6 КоАП РФ «Свидетель» следующим содержанием: «Свидетелем не может быть лицо, которое в силу возраста, физических либо психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, подлежащие установлению по делу об административном правонарушении, и давать о них объяснения», а также ч. 1 ст. 25.7 «Понятой» словами: «В качестве понятого не может привлекаться лицо, участвующее в этом же производстве в качестве другого участника. Не допускается участие в качестве понятых должностных лиц органов, осуществляющих производство по делу».

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Канунникова Н. Г. Теоретические аспекты видов доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 41–44.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. 1), ст. 4921.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
5. Уголовный процесс // URL: <https://www.ugpr.ru/news/1938-schitayutsya-li-pokazaniya-svidetelya-avtomaticheski> (дата обращения: 28.02.2022).
6. Ревнов Б. А. Отдельные особенности статуса свидетеля при производстве по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 162–166.
7. Секретарева Т. М. Способы установления состояния невменяемости в административном

- судопроизводстве по материалам судебной практики // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 248–254.
8. Сальников А. В. Доказательственное значение следственных действий с участием лиц, страдающих психическими заболеваниями // Вестник восточно-сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78).
 9. Постановление суда Замоскворецкого районного суда г. Москвы по делу № 5-1107/2016 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/118511.html> (дата обращения: 20.02.2022).
 10. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=10746;-54#pos=10746;-54 (дата обращения: 28.02.2022).
 11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Российская газета», № 80, 19.04.2005.
 12. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 346-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кондрашина Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также решениями судов общей юрисдикции» // КонсультантПлюс.
 13. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 17.11.2020 № 22-1731/2020. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 № 77-3146/2021 // КонсультантПлюс.
 14. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2020. Дело № 78-КГ20-36-КЗ № 2-53/2019 // КонсультантПлюс.
 15. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2006 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.03.2007) (ред. от 04.07.2012) // КонсультантПлюс.
 16. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 г. № 46-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кожанова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 25.7, части 3 статьи 27.7 и части 1 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс.
 17. Зражевская Т. Д., Садчикова У. А. Проблемы административного судопроизводства при рассмотрении мировыми судьями дел в области дорожного движения // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 58–61.
 18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2020 г. № 46-АД20-4 // КонсультантПлюс.
 19. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
 20. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=102945> (дата обращения: 22.02.2022).
 21. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100092> (дата обращения: 28.02.2022).
 22. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках // URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/04b1d6ee18294dbf7ebdb7d7eca2aeb3.pdf> (дата обращения: 28.02.2022).
 23. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=10746.

References

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001, № 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, № 1 (Part 1), art. 1.
2. Kanunnikova N. G. Theoretical aspects of types of evidence in proceedings on administrative offenses // Administrative law and process. 2018. № 5. P. 41–44.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of 18.12.2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, № 52 (Part I), Article 4921.
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation № 138-FZ of 14.11.2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 18.11.2002, № 46, art. 4532.
5. Criminal procedure // URL: <https://www.ugpr.ru/news/1938-schitayutsya-li-pokazaniya-svidetelya-avtomaticheskii> (accessed: 28.02.2022).
6. Revnov B. A. Some features of the witness status in the proceedings on administrative offenses // Legal science. 2016. № 5. P. 162–166.
7. Sekretareva T. M. Methods of establishing the state of insanity in administrative proceedings

- based on the materials of judicial practice // Actual problems of economics and law. 2015. № 2. P. 248–254.
8. Salnikov A.V. The evidentiary value of investigative actions involving persons suffering from mental illness // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (78).
 9. Judgment of the Zamoskvoretsky District Court of Moscow in case № 5-1107/2016 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/118511.html> (accessed: 20.02.2022).
 10. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses of July 5, 2014 № 235-V (with amendments and additions as of 02.03.2022) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=1074654#pos=10746;-54 (accessed: 28.02.2022).
 11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.03.2005 № 5 (ed. dated 23.12.2021) «On some issues arising from courts in the application of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // «Rossiyskaya Gazeta», № 80, 19.04.2005.
 12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.05.2007 № 346-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kondrashin Andrey Vladimirovich on violation of his constitutional rights by a number of provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, as well as decisions of courts of general jurisdiction» // ConsultantPlus.
 13. Appeal Ruling of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 17.11.2020 № 22-1731/2020. The ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 25.08.2021 № 77-3146/2021 // ConsultantPlus.
 14. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.10.2020. Case № 78-KG20-36-KZ № 2-53/2019 // ConsultantPlus.
 15. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2006 (approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.03.2007) (ed. of 04.07.2012) // ConsultantPlus.
 16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.01.2009 № 46-O-O «On refusal to accept for Consideration the complaint of citizen Konyaev Sergey Nikolaevich on violation of His Constitutional Rights by the provisions of Article 60 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 2 of Article 25.7, Part 3 of Article 27.7 and Part 1 of Article 27.10 of the Code of the Russian Federation Federation on administrative offenses» // ConsultantPlus.
 17. Zrazhevskaya T. D., Sadchikova U. A. Problems of administrative proceedings when considering cases by magistrates in the field of traffic // Administrative law and process. 2019. № 2. P. 58–61.
 18. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2020 № 46-AD20-4 // ConsultantPlus.
 19. Tax Code of the Russian Federation (part one) of 31.07.1998 № 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, № 31, 03.08.1998, Article 3824.
 20. Federal portal of draft regulatory legal acts // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102945> (accessed: 22.02.2022).
 21. Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses. National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100092> (accessed: 28.02.2022).
 22. Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses // URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/04b1d6ee18294dbf7ebdb7d7eca2aeb3.pdf> (accessed: 28.02.2022).
 23. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses of July 5, 2014 № 235-V (with amendments and additions as of 02.03.2022) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=10746.

Информация об авторе

Е. А. Никоноров — начальник кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Nikonorov — Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 17.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-162-165>

NIJON: 2003-0059-4/22-371

MOSURED: 77/27-003-2022-04-570

Нормативно-правовое регулирование профилактики дорожно-транспортных происшествий

Виталий Михайлович Палий¹, Егор Игоревич Панасов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ support_mosu@mvd.ru

² egor-panasov2015@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика обеспечения транспортной безопасности и безопасности дорожного движения вследствие нарушений правил дорожного движения. Осуществлен анализ и изучение материалов по профилактике дорожно-транспортных происшествий. Сделаны предложения по устранению причин и условий, способствующих нарушению правил дорожного движения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, правила дорожного движения, обеспечение безопасности дорожного движения, обеспечение транспортной безопасности, водитель, автомобильные дороги, погодные условия, анализ профилактики происшествий, причины дорожно-транспортных происшествий, меры повышения безопасности дорожного движения, нормативно-правовое регулирование безопасности дорожного движения

Для цитирования: Палий В. М., Панасов Е. И. Нормативно-правовое регулирование профилактики дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 162–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-162-165>.

Original article

Regulatory and legal regulation of the prevention of road accidents

Vitaliy M. Paly¹, Egor I. Panasov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ support_mosu@mvd.ru

² egor-panasov2015@yandex.ru

Abstract. The problems of ensuring transport safety and ensuring road safety as a result of violations of traffic rules are considered. The analysis and study of materials on the prevention of road accidents has been carried out. Proposals have been made to eliminate the causes and conditions contributing to the violation of traffic rules.

Keywords: traffic accident, traffic rules, ensuring road safety, transport safety, driver, highways, weather conditions, accident prevention analysis, causes of road accidents, measures to improve road safety, regulatory and legal regulation of road safety

For citation: Paly V. M., Panasov E. I. Regulatory and legal regulation of the prevention of road accidents. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):162–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-162-165>.

В современном государстве невозможно представить повседневную жизнь без транспортных средств, поэтому в свою очередь проблема обеспечения транспортной безопасности и обеспечения безопасности дорожного движения являются актуальными как в России, так и во всех развитых зарубежных странах. Главной и основополагающей угрозой, которая про-

исходит вследствие нарушения ПДД посредством использования транспортных средств, является предупреждение дорожно-транспортных происшествий.

Для выявления, фиксации и дальнейшего анализа ДТП, сотрудники государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации анализируют такие данные, как погодные усло-

© Палий В. М., Панасов Е. И., 2022

вия в момент дорожно-транспортного происшествия, место дорожно-транспортного происшествия, техническое состояние транспортного средства, состояние самого водителя, а также дороги, время суток и время года и другое [1, с. 35]. Достаточно часто назначаются различного вида экспертизы для выяснения обстоятельств, при которых было совершено дорожно-транспортное происшествие.

Научный центр безопасности дорожного движения произвел анализ дорожно-транспортной аварийности в РФ. Так за 9 месяцев 2021 года на территории Российской Федерации зафиксировано 96314 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 10516 человек и получили ранения 121573. В двух субъектах Российской Федерации зарегистрировано повышение количества ДТП, количества погибших и раненых относительно показателей аналогичного периода прошлого года. Самыми частыми видами ДТП в рассматриваемом периоде являлись столкновения транспортных средств, наезд на пешехода, съезд с дороги. Наибольшей тяжестью последствий характеризовались: наезд на гужевой транспорт, наезд на пешехода, наезд на стоящий автомобиль и съезд с дороги. Девять из десяти дорожно-транспортных происшествий совершено из-за нарушения ПДД водителями ТС. Основными видами нарушений правил дорожного движения, допущенными водителями транспортных средств, являлись несоблюдение очередности проезда перекрестков, несоблюдение скоростного режима, несоблюдение дистанции между ТС, выезд на полосу встречного движения, нарушение правил проезда пешеходных переходов. За рассматриваемый период каждое девятое ДТП случилось с участием водителей с признаками опьянения. В данных происшествиях погиб каждый пятый от общего числа погибших на дорогах страны. Достаточно часто назначаются различного вида экспертизы для выяснения обстоятельств, при которых было совершено дорожно-транспортное происшествие.

Первостепенным звеном обеспечения безопасности дорожно-транспортной дисциплины, является сам водитель, так как от него зависит не только, как он будет применять практические навыки по управлению автомобилем и использовать правила дорожного движения, но и правильно оценивать дорожные ситуации. Водитель должен понимать, что существует множество различных причин, затрудняющих правильно оценить безопасность своего движения на конкретном участке автомобильной дороги. Водитель должен отдавать отчет и понимать, в каком состоянии недопустимо садиться за управление транспортным средством.

Квалификация водителя транспортного средства во многом зависит от его способности правильно и на должном уровне воспринимать и обрабатывать поступающую информацию, а также от скорости его реакции.

Информация о дорожно-транспортных происшествиях вследствие нетрезвого состояния водителя

вызывает сильный резонанс в СМИ. Увеличение количества дорожно-транспортных происшествий, произошедших по этой причине, говорит не только о том, что общество относится к этой проблеме безответственно, а водители допускают грубейшее правонарушение.

В свою очередь, для предотвращения данного вида ДТП, сотрудники Госавтоинспекции безопасности дорожного движения РФ обязаны уделять особое внимание профилактике ДТП с участием нетрезвых водителей.

Также довольно часто происходят дорожно-транспортные происшествия, связанные с тем, что водители считают, что их нарушения правил дорожного движения являются незначительными, либо же они недостаточно внимательны, что приводит к созданию аварийной ситуации.

Для предотвращения и пресечения дорожно-транспортных происшествий очень важную роль играет своевременное и законное реагирование сотрудниками дорожно-постовой службы государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД РФ на нарушения правил дорожного движения.

Эффективность и безопасность дорожного движения снижается в связи с метеорологическими и погодными условиями. В связи с этим происходят ДТП, которых в иных условиях возможно было бы избежать. Только анализ аварийности и верный выбор мероприятий по благоустройству УДС будут способствовать снижению количества дорожно-транспортных происшествий.

Следует отметить то, что значительное число дорожно-транспортных происшествий возникает вследствие неудовлетворительного состояния автомобильных дорог. Несмотря на то, что меры по улучшению качества эксплуатационных характеристик автомобильных дорог постоянно совершенствуются и применяются, состояние автомобильных дорог по-прежнему не отвечает на должном уровне установленным требованиям [2, с. 46].

В качестве основополагающих средств, направленных на повышение БДД и дорожно-транспортной дисциплины, применяются различные меры, которые по основным факторам риска дорожно-транспортных происшествий подразделяются на такие группы, как:

- повышение безопасного поведения на дороге всех участников дорожного движения посредством проведения мероприятий в целях формирования у них должной модели поведения;
- повышение общего уровня технического состояния и, следовательно, безопасности транспортных средств в целях проведения мероприятий, которые направлены на повышение безопасности дорожного движения;
- повышение безопасности дорожной инфраструктуры в целях проведения мероприятий, которые связаны с проектированием, планированием и строительством, а также эксплуатацией объектов улично-дорожной сети.

По статистике причиной большого количества до-

рожно-транспортных происшествий является именно человеческий фактор, а именно: водитель находится в состоянии алкогольного опьянения за рулем, не пристегнут ремень безопасности, несоблюдение скоростного режима на дороге, малый водительский стаж, неподготовленный автомобиль в связи с климатическими условиями и др. Все эти факторы являются результатом попадания в ДТП, причинения вреда здоровью не только себе, но и другим участникам дорожного движения, а в большинстве случаев все заканчивается летальным исходом. Ответственность за нарушение данных правил предусмотрена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) в главе 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения», Уголовном кодексе от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021).

В ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ предусмотрена ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния; п. а ч. 2 ст. 264 УК РФ нарушение лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, управляющим автомобилем ПДД или эксплуатации ТС, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека; ст. 12.6 КоАП РФ управление ТС водителем или перевозка пассажиров не пристегнутыми ремнями безопасности влечет наложение административного штрафа в размере 1000 рублей; ст. 12.9 КоАП РФ превышение скоростного режима на 20, но не более 40 км/ч — штраф 500 рублей, на величину более 40, но не более 60 км/ч — штраф от 1000 до 5000 рублей; на 60, но не более 80 км/ч — от 2000 до 5000 рублей или лишение права управления ТС, на величину более 80 км/ч — штраф 5000 рублей или лишение права управления ТС; Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) п. 2.1.2; п. 2.3.1; п. 2.3.2.

Поэтому для комфортных и безопасных условий организации дорожного движения следует придерживаться комплексного подхода к решению различных проблем.

Таким образом, проблему профилактики дорожно-транспортных происшествий следует решать, полагаясь не только на меры административного и уголовного воздействия, но и уделять особое внимание качеству и количеству имеющихся, а также строящихся автомобильных дорог, их оснащению. В статье 17 Федерального закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ (последняя редакция), а именно в ч.4 прописано «...Капитальный ремонт или ремонт автомобильных дорог осуществляется в случае несоответствия транспортно-эксплуатационных характеристик автомобильных дорог требованиям технических регламентов»; Постановление Правительства РФ от 26.10.2020 г. № 1737 «Об утверждении Правил ремонта и содержания автомобильных дорог общего пользования федерального значения» настоящее постановление действует до 1 января 2027 года.

В основе пропаганды БДД и дорожно-транспортной дисциплины следует использовать возможности телевидения, радио, инновационных технологий, в частности информационных порталов, сети Интернет, осуществлять SMS-рассылки, содержащие информацию, направленную на повышение правовой культуры и дорожно-транспортное воспитание людей.

Как дополнительная мера по профилактике дорожно-транспортных происшествий на данный момент существуют курсы водительского мастерства по контраварийной подготовке. Данная программа обучения предусматривает дополнительное повышение квалификации и улучшения навыков вождения автомобиля, и готовят к реагированию на возникающие ситуации, при которых полученных базовых навыков уже будет недостаточно.

Список источников

1. Афанасьев М. Б., Клиновштейн Г. И. Проблемы организации дорожного движения на современном этапе // Сборник научных трудов / под общ.ред. Ю. Н. Ольховникова. М. : НИЦ ГАИ МВД России, 2006.
2. Калюжный Ю. Н. Основные научные подходы к формированию новых форм обеспечения безопасности дорожного движения // Российская юстиция. 2020. № 4.

References

1. Afanasyev M. B., Klinkovshtein G. I. Problems of road traffic organization at the present stage // Collection of scientific papers / under the general editorship of Yu. N. Olkhovnikov. M. : SIC of the Traffic Police of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006.
2. Kalyuzhny Yu. N. Basic scientific approaches to the formation of new forms of road safety // Russian justice. 2020. № 4.

Библиографический список

1. Административная деятельность полиции : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 703 с.

2. Административная деятельность полиции : учебник / под ред. Ю. Н. Демидова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 467 с.
3. Анохина С. Ю. Административно-юрисдикционная деятельность, осуществляемая инспекторами дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России : учебно-методическое пособие / С. Ю. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. 104 с.
4. Головкин В. В. Административная деятельность государственной инспекции безопасности дорожного движения : монография / В. В. Головкин, И. В. Слышалов. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 192 с.
5. Дашкевич М. В. Деятельность дорожно-патрульной службы ГИБДД : учебно-практическое пособие / М. В. Дашкевич, С. И. Иванова, Е. К. Черкасова. 2-е изд., испр. и доп. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 228 с.
6. Жеребцов А. Н., Рыдченко К. Д. Комментарий к Федеральному закону от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». Специально для системы ГАРАНТ, 2020.
7. Рыдченко К. Д. Типовые ошибки сотрудников полиции при составлении административно-процессуальных документов: УМП / К. Д. Рыдченко, Р. В. Никулин, О. А. Федотова. М. : ДГСК МВД России, 2017. 96 с.
- for university students studying in the field of training «Jurisprudence» / edited by O. V. Ziborov, V. V. Kardashevsky. 3rd ed., reprint. and add. M. : UNITY-DANA, 2021. 703 p.
2. Administrative activity of the police : textbook / edited by Yu. N. Demidov. M. : UNITY-DANA : Law and Law, 2018. 467 p.
3. Anokhina S. Y. Administrative and jurisdictional activities carried out by inspectors of the Road Patrol Service of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia : educational and methodical manual / S. Yu. Anokhina. Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 104 p.
4. Golovko V. V. Administrative activity of the State Road Safety Inspectorate : monograph / V. V. Golovko, I. V. Slyshalov. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 192 p.
5. Dashkevich M. V. Activity of the traffic police patrol service: an educational and practical guide / M. V. Dashkevich, S. I. Ivanova, E. K. Cherkasova. 2nd ed., ispr. and add. Tyumen : Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 228 p.
6. Zherebtsov A. N., Rydchenko K. D. Commentary to Federal Law № 196-FZ of December 10, 1995 «On Road Safety». Specially for the GARANT system, 2020.
7. Rydchenko K. D. Typical mistakes of police officers in the preparation of administrative procedural documents: UMP / K. D. Rydchenko, R. V. Nikulin, O. A. Fedotova. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 96 p.

Bibliographic list

1. Administrative activity of the police : a textbook

Информация об авторах

В. М. Палий — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. И. Панасов — Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. M. Paly — Associate Professor of the Department of Administrative Activity of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. I. Panasov — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 20.06.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 20.06.2022.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-166-171>

НИОН: 2003-0059-4/22-372

MOSURED: 77/27-003-2022-04-571

Уголовно-процессуальная деятельность в общей системе организации раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь

Сергей Викторович Петлицкий

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, s.petlitskiy@yandex.by

Научный руководитель: профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

профессор Московской академии Следственного комитета России, доктор юридических наук,

профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист

Российской Федерации **А. Ф. Волынский**

Аннотация. Анализируются особенности уголовно-процессуального обеспечения использования информационных технологий в деятельности белорусских правоохранительных служб. Констатируются проблемные вопросы; обосновываются предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: биометрические документы, информационно-техническое обеспечение, организация, следственные действия, процессуальная трудоемкость, высокие технологии, транскрибация, уголовно-процессуальная деятельность

Для цитирования: Петлицкий С. В. Уголовно-процессуальная деятельность в общей системе организации раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 166–171. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-166-171>.

Original article

Criminal procedure activity in the general system of organizing the disclosure and investigation of crimes in the Republic of Belarus

Sergey V. Petlitskiy

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

s.petlitskiy@yandex.by

Scientific supervisor: Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after

V.Ya. Kikot', Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Doctor of Legal Sciences,

Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A. F. Volynsky**

Abstract. The features of the criminal procedural support of the use of information technologies in the activities of the Belarusian law enforcement services are analyzed. Problematic issues are identified. Proposals for its improvement are substantiated.

Keywords: biometric documents, information technology support, organization, investigative actions, procedural laboriousness, high technologies, transcription, criminal procedural activity

For citation: Petlitskiy S. V. Criminal procedural activity in the general system of organizing the disclosure and investigation of crimes in the Republic of Belarus. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):166–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-166-171>.

© Петлицкий С. В., 2022

Республика Беларусь как правовое государство гарантирует защиту личности и общества от преступных посягательств. В этой связи раскрытие и расследование преступлений является одним из важных направлений деятельности белорусских правоохранительных служб. Ее результативность, как показывает анализ следственной практики, обеспечивается, прежде всего, надлежащей организацией и адекватной правовой регламентацией, чему в Республике Беларусь всегда уделялось пристальное внимание. В последние годы это внимание связано с цифровизацией социально-экономических отношений и развитием IT-технологий, которые неизбежно повлияли на саму преступность, а, соответственно, и на правоохранительную деятельность.

Иными словами, современные информационные технологии развиваются ускоренными темпами, они заметно улучшают быт и качество жизни человека, а вместе с тем в ряде случаев создают реальные угрозы безопасности граждан, общества и государства. Несмотря на ежегодное снижение в Республике Беларусь общего количества зарегистрированных преступлений, по отдельным направлениям правоохранительной деятельности наблюдается положительная динамика роста так называемой высокотехнологичной преступности, то есть связанной с использованием IT-сферы.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, с 2007 по 2021 год почти вдвое сократилось количество зарегистрированных общеуголовных преступлений (с 180427 до 95478) [1]. При этом в сфере высоких технологий за более короткий промежуток времени (с 2015 по 2021 год) отмечается рост информационных преступлений почти в 10,5 раз (с 2440 до 25561 преступлений) [2]. Схожая тенденция наблюдается и в других государствах [3].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что за короткий промежуток времени в структуре преступности Республики Беларусь произошли серьезные количественные и качественные изменения. Очевидно, что детерминантом всего этого процесса являются виртуальное пространство и его трансграничный характер; активное освоение и использование преступниками информационно-телекоммуникационных средств; ускоряющийся процесс развития технологий, и, как следствие, несовершенство законодательства; несоблюдение гражданами правил информационной безопасности.

В этих условиях появились качественно новые виды преступлений, возникли новые задачи, решение которых предопределило необходимость новых подходов к организации раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь. При этом следственная практика в данном случае реально оказалась в ситуации, когда «уровень развития техники определяет систему организации ее применения в заданных

целях» [4, с. 98].

Очевидно, что в условиях активного освоения современных достижений в области информационных технологий и компьютерной техники, должна быть соответствующая их возможностям организация деятельности правоохранительных органов, начиная от рассмотрения ими заявлений (сообщений) о преступлениях, и завершая расследованием уголовных дел. Полагаем, что постепенная цифровизация правоохранительной деятельности позволит убрать ныне существующий технический барьер между киберпреступниками и органами уголовного преследования.

Отметим, что схожего мнения придерживается значительное большинство сотрудников правоохранительных служб Республики Беларусь. В ходе интервьюирования большинство респондентов (61,4 % следователей; 65,9 % оперативников; 69,8 % судебных экспертов) положительно оценили перспективы внедрения в их практическую деятельность современных информационных технологий. Также ими было отмечено, что в настоящее время сложились реальные предпосылки для постепенного перехода к электронной форме документооборота, включая электронные уголовные дела.

Такое мнение сотрудников правоохранительных органов корреспондируется с инициативой белорусского законодателя, который в 2016 году внес дополнения в УПК Республики Беларусь. В частности, появилась законодательная новелла, позволяющая органам уголовного преследования уже на стадии предварительного расследования проводить отдельные следственные действия дистанционно с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) (ст. 224¹). Несколько ранее указанное нововведение было внедрено в работу белорусских судов при рассмотрении ими уголовных дел (ст. 343¹) [5].

Данные решения отечественного законодателя признаются достаточно мотивированными и своевременными. Во-первых, они положительно влияют на качество предварительного расследования, обеспечивают наиболее быстрое всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Во-вторых, при надлежащем осуществлении звуко- и видеозаписи следственного действия формируется более содержательная и устойчивая («стабильная») доказательственная база по расследуемому уголовному делу.

Однако, несмотря на все положительные моменты этого законодательного решения, на практике складывается неоднозначная ситуация в части организации его выполнения. Так, уголовно-процессуальный закон не раскрывает объем и систему мероприятий, необходимых для подготовки и дистанционного проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания, которые должны быть выполнены по месту нахождения потерпевшего или свидетеля (вызов участников следственного действия, организация их доставки в

зал видеоконференцсвязи, принятие решения о приводе при необходимости и т. д.) [6, с. 75].

Помимо того, в ст. 224¹ УПК Республики Беларусь не говорится о том, где должны находиться участники следственного действия. Исходя из буквального толкования данной процессуальной нормы, предполагается, что место нахождения такого участника предопределяется местом расположения должностного лица следственного подразделения, в которое направлено поручение об оказании содействия в проведении следственного действия с использованием видеоконференцсвязи (веб-конференции) (ч. 2).

В случаях, когда участник не может явиться по уважительным причинам в следственный отдел, уголовно-процессуальный закон не запрещает следователю самостоятельно прибывать к месту нахождения последнего и проводить там следственное действие. В таких ситуациях следственное действие фактически осуществляется в порядке уже определенном общими условиями его проведения. Это, в свою очередь, влечет за собой нецелесообразность использования медиа коммуникаций, поскольку проведенное следственное действие на общих условиях имеет равнозначную юридическую силу.

Поэтому, на сегодняшний день, абсолютное большинство — 81,8 % следователей в своей служебной деятельности не сталкивались и не проводили отдельные следственные действия с использованием систем видеоконференцсвязи. При этом 11,4 % следователей были вынуждены отказаться от их проведения в связи с проблемами технического обеспечения. В результате, только лишь 6,8 % следователей использовали при расследовании уголовного дела информационно-телекоммуникационные технологии для дистанционного проведения следственных действий.

Аналогичные ситуации нередко встречаются в следственной практике при использовании в ходе осмотра места происшествия технико-криминалистических средств, фиксирующих акустическую и визуальную информацию. Иначе говоря, глобальная тенденция цифровизации социально-экономических отношений позволила белорусскому законодателю поновому взглянуть на место и роль института понятых, переосмыслить целесообразность их участия в уголовном процессе.

Несмотря на существенную по своему объему регламентацию института понятых, привлечение граждан в этом качестве вызывало и, в настоящее время, продолжает вызывать полемику в научных кругах, а также проблемы в области правоприменения. Наиболее значимые затруднения обусловлены такими факторами, как сложность в подборе надлежащего участника (по возрасту, полу, состоянию здоровья и др.), невозможность обеспечить присутствие понятого в определенных местах и в определенное время суток

(отдаленные по территории места производства следственных действий, ночное время и т. д.), а также нежелание граждан участвовать в уголовном процессе в качестве понятого. Описанные сложности в практической реализации норм об участии понятых и теоретическое осмысление указанных проблем привели к осознанию необходимости законодательной корректировки рассматриваемого института [7, с. 192].

Так, в 2019 году Законом Республики Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» были скорректированы предписания в уголовно-процессуальном законодательстве, согласно которым в определенных законом случаях сохранялось требование участия не менее двух понятых. При этом, ч. 1 ст. 202 УПК Республики Беларусь была изложена в следующей редакции: «в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых следственное действие производится с применением звуко- и видеозаписи». Этим же законом была введена в действие ст. 202¹ УПК Республики Беларусь, которая на законодательном уровне закрепила запрет записи части следственного действия, а также повторение хода проведения следственного действия специально для записи [8].

Изложенное позволяет констатировать факт снижения роли института понятых в уголовном процессе и тенденцию к замене случаев их участия в следственных действиях путем применения технических средств фиксации информации. Вместе с тем, предпринятые отечественным законодателем попытки по упрощению в указанном направлении работы по материалам и уголовным делам, не принесли должного результата.

На сегодняшний день практика работы следственных подразделений Республики Беларусь сложилась таким образом, что в ряде случаев при осуществлении звуко-, и видеозаписи на месте происшествия вместо привлечения к участию понятых возникают процессуальные сложности оформления результатов данного следственного действия. Прежде всего, эти сложности связаны с необходимостью составления бумажной формы протокола и стенограммы, отражающих весь ход и порядок его проведения, в том числе информации, зафиксированной с помощью научно-технических средств.

Как правило, в таких ситуациях у следователя отмечается дефицит времени, поскольку полученные аудио-, и видеоматериалы необходимо предварительно просмотреть, продемонстрировать всем участникам следственного действия, оформить протокол и составить стенограмму, и только после этого, при отсутствии замечаний и дополнений, удостоверить его подписями последних. При этом следует отметить, что круг участников осмотра места происшествия может быть многочисленным и всеразличным по их процес-

суальному статусу.

Кроме того, как отмечают сотрудники правоохранительных служб, для его проведения требуется предварительная подготовка. В условиях экстренной необходимости времени на такую подготовку нет. Все это обуславливает тот факт, что следователями активно не используются звуко- и видеозапись при осмотре места происшествия. На эти организационные проблемы указали 53 % опрошенных респондентов.

Исходя из вышесказанного, становится вполне очевидным, что организация проведения отдельных следственных действий с использованием научно-технических средств, фиксирующих акустическую и визуальную информацию, является достаточно трудоемким процессом, требующим от следователя серьезной специальной подготовки, формирования соответствующих навыков и умений. Из-за потенциально возможных сложностей и возникающих при этом трудозатрат, следователи зачастую не желают осуществлять их проведение. На наш взгляд, столь низкие показатели использования органами предварительного расследования в уголовном процессе информационно-технологических возможностей обусловлены рядом объективных и субъективных факторов.

Первый — организация проведения вышеуказанных следственных действий предопределяется уровнем материально-технического оснащения. Недостаточное обеспечение следственных органов соответствующим техническим оборудованием и программными разработками, отвечающими современным достижениям IT-сферы, негативно сказывается на эффективности их работы по материалам и уголовным делам.

Второй — процессуальная трудоемкость оформления результатов проведенного следственного действия, на которую тратится у следователя значительное количество времени. В случаях привлечения к участию в следственном действии переводчика, иных специалистов, этот процесс и вовсе порой кратно увеличивается по времени.

Третий — протокол следственного действия, как правило, в таких случаях, составляется непосредственно после окончания его проведения. Это, в свою очередь, обязывает должностное лицо еще раз вызывать участников следственного действия для их ознакомления с протоколом, его подписанием, и, при появлении замечаний и дополнений, внесением соответствующих корректировок.

Четвертый — тенденция все более широкого использования достижений научно-технического прогресса в раскрытии и расследовании преступлений требует своевременного решения проблем научно-методического обеспечения. В настоящее время соответствующие методические рекомендации по организации проведения вышеуказанных следственных действий не отличаются должной степенью прорабо-

танности, как следствие из этого, отсутствие планомерности и системности их применения.

Пятый, как нам представляется, является вполне логичным и вытекающим из вышеуказанных факторов, — это упрощение своей работы самим же следователем. Идя по пути наименьшего сопротивления, должностные лица органов предварительного расследования направляют в соответствующий территориальный орган письменное поручение для проведения необходимых им следственных действий на общих условиях, что, в свою очередь, исключает их дальнейшую работу с информационными технологиями.

Таким образом, де-юре, внесенные белорусским законодателем дополнения в уголовно-процессуальное законодательство были направлены на оптимизацию работы органов дознания и следственных подразделений при расследовании ими уголовных дел. Де-факто, процессуальные нормы на практике получились малоэффективными и организационно затруднительными для их реализации.

Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, является: формирование должной материально-технической базы и программного обеспечения для оборудования рабочего места следователя; дальнейшая разработка и совершенствование имеющихся методических рекомендаций; проведение обучающих семинаров с сотрудниками правоохранительных органов; расширение круга использования иных современных достижений науки и техники, в частности, возможностей транскрибации (автоматический перевод речи в текст или же перевод аудио-, видео файлов в текстовый вид), что облегчит работу следователя (дознателя) по оформлению результатов проведенного следственного действия, и, как результат, в ряде случаев отпадет необходимость повторного вызова участников для подписания протокола.

Кроме того, в Республике Беларусь с 2021 года в гражданский оборот введены в действие ряд биометрических документов (ID-карта, биометрический вид на жительство, биометрические паспортные книжки). Отличительной особенностью данных документов является то, что они содержат сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, которые используются для его уникальной идентификации (изображение лица, отпечатки пальцев рук) (п. 1). Помимо этого, в криптографическом токене аутентификации указанных документов содержатся личные ключи электронной цифровой подписи владельца или ее образец (п. 4) [9]. Это, как нам представляется, может быть использовано в дальнейшем для дистанционного удостоверения личности участника следственного действия, подписания им протокола, при условии разработки и внедрения соответствующего программного и технического обеспечения.

В заключении хотелось бы отметить, что, несом-

тра на вышеописанные организационные и правовые проблемы, белорусская модель реагирования на преступные посягательства не вызывает критических замечаний. Однако, отдельные направления организации работы по уголовным делам заслуживают совершенствования. К тому же белорусский опыт может быть полезен для правоохранительных органов Союзного государства, поскольку совсем недавно российским законодателем были внесены дополнения в уголовно-процессуальное законодательство, позволяющие органам предварительного расследования использовать системы видеоконференцсвязи на стадии предварительного расследования (ст. 189.1). До этого их использование допускалось только в судах Российской Федерации (ст. 278.1) [10].

Вышеизложенное служит основанием для следующих выводов.

1. Современные достижения науки и техники предопределили серьезные изменения в структуре преступности. В ответ на ее новые вызовы и угрозы закономерны разработки адекватных криминалистических методов, средств раскрытия и расследования преступлений. Однако, их внедрение в следственную практику, и эффективное применение невозможно без соответствующей организации и правовой регламентации.

2. Анализ белорусской правоохранительной практики показывает, что повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений самым непосредственным образом связано с использованием современных информационных технологий, включая процесс цифровизации деятельности правоохранительных органов. Сложность и объемность задач, требующих в этой связи их решения, обуславливает необходимость создания специальных научно-практических коллективов, действующих на основе программно-целевого планирования, предполагающего взаимосвязанное решение организационных, правовых, научно-технических и методических проблем.

3. Дистанционное проведение следственных действий в Республике Беларусь, как один из элементов цифровизации процессуальной деятельности, сегодня находится на этапе активного развития. Выявленные в ходе исследования организационные, правовые и научно-методические проблемы, связанные с порядком его применения в деятельности следственных органов, нуждаются в дополнительной проработке. При этом важно учитывать организационные возможности и специфику работы субъектов раскрытия и расследования преступлений.

4. Динамика развития уголовно-процессуального законодательства свидетельствуют о том, что институт понятий постепенно утрачивает традиционный практический смысл. С развитием информационных технологий на замену ему приходят более совершенные способы организации проведения следственных

действий, позволяющие осуществить сбор и хранение качественно иной доказательственной базы. Однако, практика организации применения научно-технических средств звуко-, видеозаписи на месте происшествия, свидетельствует только об одном — о существовании комплекса проблем, без разрешения которых на сегодняшний день остается под сомнением целесообразность их использования.

Список источников

1. Преступность в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/annual_data/ (дата обращения: 22.02.2022).
2. Киберпреступность в Беларуси / Белорусское телеграфное агентство. URL: <https://www.belta.by/infographica/view/kiberprestupnost-v-belarusi-24963/> (дата обращения: 22.02.2022).
3. Жданов Ю. Н., Кузнецов С. К., Овчинский В. С. COVID-19 : преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А. Л. Кудрина. М. : Международные отношения, 2020. 448 с.
4. Волынский А. Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России : невыученные уроки истории / А. Ф. Волынский // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июл. 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июн. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 № 112-3 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 22.02.2022).
6. Шкаплеров Ю. П. Следственные действия : пособие / Ю. П. Шкаплеров, И. В. Данько. Могилев : Могилев. институт МВД, 2016. 108 с.
7. Якубель М. М. Институт понятий в уголовном процессе : проблемы, тенденции, перспективы / М. М. Якубель, К. В. Карпицкий // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. П. Шкаплеров [и др.]. Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. С. 191–197.
8. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : Закон

Республики Беларусь от 09.01.2019 № 171-3 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11900171> (дата обращения: 22.02.2022).

9. О биометрических документах : Указ Президента Республики Беларусь от 16.03.2021г. № 107 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32100107> (дата обращения: 22.02.2022).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федерального Закона Российской Федерации от 30.12.2021 № 501-ФЗ / КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.02.2022).

References

1. Crime in the Republic of Belarus / National Statistical Committee of the Republic of Belarus. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/anual_data/ (accessed: 22.02.2022).
2. Cybercrime in Belarus / Belarusian Telegraph Agency. URL: <https://www.belta.by/infographica/view/kiberprestupnost-v-belarusi-24963/> (accessed: 22.02.2022).
3. Zhdanov Yu. N., Kuznetsov S. K., Ovchinsky V. S. COVID-19 : crime, cybercrime, society, police / Introduction. article by A. L. Kudrin. M. : International relations, 2020. 448 p.
4. Volynsky A. F. To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia : unlearned lessons of history / A. F. Volynsky // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (52). P. 90–100.
5. Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus: 16 Jul. 1999 № 295-Z: passed by

the House of Representatives on June 24 1999 : Approved Council of the Republic Jun 30 1999 : ed. Law of the Rep. Belarus dated May 26, 2021 № 112-Z / National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (accessed: 22.02.2022).

6. Shkaplerov Yu. P. Investigative actions : allowance / Yu. P. Shkaplerov, I. V. Danko. Mogilev : Mogilev. Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2016. 108 p.
7. Yakubel M. M. Institute of attesting witnesses in criminal proceedings : problems, trends, prospects / M. M. Yakubel, K. V. Karpitsky // Actual problems of criminal procedure and criminalistics : collection of articles / Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, educational institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus»; editorial board : Yu. P. Shkaplerov [i dr.]. Mogilev : Mogilev. Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2020. P. 191–197.
8. On amendments and additions to some codes of the Republic of Belarus : Law of the Republic of Belarus dated January 9, 2019 № 171-Z / National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11900171> (accessed: 22.02.2022).
9. On biometric documents : Decree of the President of the Republic of Belarus dated March 16, 2021 № 107 / National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p32100107> (accessed: 22.02.2022).
10. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: 18 Dec. 2001 № 174-FZ: adopted by the State. Duma 22 Nov. 2001 : Approved Federation Council 5 Dec. 2001: ed. Federal Law of the Russian Federation of December 30, 2021 № 501-FZ / ConsultanPlus: reference legal system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 22.02.2022).

Информация об авторе

С. В. Петлицкий — иностранный адъюнкт кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

S. V. Petlitskiy — Foreign Adjunct of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-172-174>

NIJON: 2003-0059-4/22-373

MOSURED: 77/27-003-2022-04-572

Общая криминологическая характеристика криминального банкротства

Денис Алексеевич Попов

Адвокатский кабинет Д. А. Попова Адвокатской палаты Краснодарского края, Краснодар, Россия,
popov0702@icloud.com

Аннотация. Анализируется криминологическая характеристика криминального банкротства; установлено, что преступления в сфере криминальных банкротств в большинстве своем осуществляют мужчины, в то время как женщины выполняют пособнические функции. При этом осуществляют их лица в возрасте от 40 до 50 лет, которые имеют высшее образование и значительный опыт предпринимательской и финансово-хозяйственной деятельности. Делается вывод о том, что местом совершения преступления не всегда является место исполнения каких-либо обязательств. В случае участия в криминальном банкротстве аффилированного лица, либо иного бенефициара, местом преступления может являться место нахождения такого выгодоприобретателя, либо место получения имущества.

Ключевые слова: банкротство, финансовое оздоровление, рыночная экономика, недобросовестное поведение, уголовное наказание, кредитор, должник, убытки

Для цитирования: Попов Д. А. Общая криминологическая характеристика криминального банкротства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 172–174. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-172-174>.

Original article

General criminological characterization of criminal bankruptcy

Denis A. Popov

Law Office of D. A. Popov of the Law Chamber of the Krasnodar Territory, Krasnodar, Russia,
popov0702@icloud.com

Abstract. An analysis of the criminological characteristics of criminal bankruptcy shows that crimes in the field of criminal bankruptcy are mostly carried out by men, while women perform aiding and abetting functions. At the same time, they are carried out by persons aged 40 to 50 years who have higher education and significant experience in entrepreneurial and financial and economic activities. The article concludes that the place of commission of the crime is not always the place of fulfillment of any obligations. In the case of participation in criminal bankruptcy of an affiliate, or another beneficiary, the place of crime may be the location of such a beneficiary, or the place of receipt of property.

Keywords: bankruptcy, financial recovery, market economy, unfair behavior, criminal punishment, creditor, debtor, losses

For citation: Popov D. A. General criminological characterization of criminal bankruptcy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):172–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-172-174>.

Криминальные банкротства довольно часто совершаются групповым способом. А. В. Мещеряков справедливо отмечает, что криминальные банкротства преимущественно совершаются не одним лицом, а группой лиц по предварительному сговору. Помимо руководителей организации-должника, акционеров, бухгалтеров, арбитражных управляющих, кредиторов, контролирующих должника лиц, в осуществлении объективной стороны криминального банкротства принимают также участие иные лица — сторонние

© Попов Д. А., 2022

«консультанты» — юристы, оценщики, финансовые эксперты, в том числе так называемые антикризисные управляющие [2].

Данные лица, как правило, не участвуют в самой процедуре банкротства и никак с ней не связаны, но, при этом, осуществляют консультационную деятельность ввиду наличия у них определенных интеллектуальных, информационных, иногда и административных ресурсов. В результате формируется своего рода объединение. При этом особенностью данной группы является то, что она организуется, как правило, для совершения исключительно одного конкретного криминального банкротства, чем отличается от организованных преступных групп, которые создаются для осуществления ряда аналогичных преступлений.

Именно криминальные банкротства, производимые группами лиц по предварительному сговору, обладают крайне высокой латентностью, а расследование подобных преступлений является весьма сложным. Исследователи неоднократно критически обращали внимание на то обстоятельство, что в действующих статьях УК РФ (имеется ввиду до последних изменений) относительно преступлений в сфере банкротства не предусмотрены квалифицирующие признаки, связанные с групповым способом совершения преступления.

С криминологической точки зрения банкротные преступления совершаются в самых различных целях: уклонение от уплаты налогов и сборов, а равно от возврата задолженности контрагенту, неправомерное приобретение имущества, высвобождение материальных ресурсов для более перспективного вида хозяйственной деятельности, защита от предпринимательского риска и др. Подобная ситуация сформировалась и в отношении факторов, влияющих на совершение преступлений в сфере криминального банкротства. Так, самым существенным из них следует полагать противоречие публичных интересов общества и интересов частных лиц. Данное противоречие порождает у субъектов банкротства необходимость искать механизм уклонения от уплаты налогов и сборов, в связи с чем, к примеру, возникают схемы по осуществлению фиктивного банкротства, которые в подобном случае являются весьма эффективными.

Иным фактором выступает развитие глобальных экономических процессов в государстве в разрез с их правовой основой, они оказываются просто оторванными друг от друга. Так, условия ведения бизнеса, продиктованные законодателем, оказываются просто несостоятельными для существующих реалий хозяйственного оборота. Субъекты экономики вынуждены осуществлять предпринимательскую деятельность в разрез с существующим законодательным регулированием, так как оно не обеспечивает их основные права и интересы [2]. Из обзора судебной практики

по вопросам участия в делах о банкротстве аффилированных и контролирующих должника лиц следует, что действительно достаточно часто аффилированное лицо заявляет требования о включении его в процедуру банкротства в реестр требований кредиторов. В данном случае аффилированное и контролирующее лицо либо вообще пытается скрыть наличие связи между ним и должником, укрывая конечного бенефициара, либо пытается повисить и изменить очередность удовлетворения требований. Зачастую участие аффилированных лиц прикрывается фактическим финансированием должника, в том числе компенсационным. В силу закона они не лишены права включения в реестр членов кредиторов, однако подобным образом они могут влиять как на сам конкурсный процесс, так и осуществлять скрытое выведение имущества должника из конкурсной массы. Критерием же определения очередности удовлетворения требований аффилированных лиц выступает наличие или отсутствие корпоративной природы правоотношений. Так, одной из целей выступает и уменьшение в интересах должника количества голосов, которые приходится на долю независимых кредиторов.

Как уже отмечалось ранее, заинтересованными лицами выступают лица, которые либо входят в одну с должником группу лиц, либо являются аффилированным лицом по отношению к должнику в связи с фактом общности экономических интересов как юридической, так и фактической, при этом формальный критерий группы лиц может и не присутствовать. Способом выявления подобных отношений выступает анализ заключенных между сторонами договоров на условиях, которые отличаются от условий, применяемых к иным лицам по аналогичным договорам [1, с. 61].

В анализе взаимоотношений должника и аффилированных с ним лиц, следует учитывать ряд особенностей, к примеру, в случае наличия между должником и аффилированным с ним лицом договора займа, должно быть и наличие фактических действительных отношений между ними. При этом выдача контролирующим лицом должнику займа в какой-либо форме не свидетельствует об участии первого в уставном капитале должника, а возникает на основе автономии воли участников данных правоотношений, в связи с чем форма участия в жизни подконтрольного лица — путем внесения взноса в уставной капитал или предоставлении займа — определяется сторонами самостоятельно. Конечно же, в подобном случае играет важное значение, оказывает ли подобный договор займа влияние на должника перед иными субъектами банкротства или же на процедуру подачи заявления в суд о признании должника банкротом [3, с. 32–33].

Иная ситуация складывается, когда контролирующее лицо обращается с требованием о включении его в число кредиторов на какой-либо из стадий, приме-

няемых при осуществлении процедуры банкротства, если имеет место быть решение суда о взыскании задолженности по договору займа. Так, предоставление подобного займа подконтрольному лицу, которое находится в состоянии кризиса, следует рассматривать как попытку вернуть должника к нормальной хозяйственной жизни, в связи с чем принимает на себя риск неполучения результата от подобного действия, а его требования в рамках процедуры банкротства подлежат удовлетворению послед удовлетворения требований кредиторов.

Внесение изменений в процедуру банкротства неизменно влечет за собой изменение конструкции составов криминальных банкротств. Учитывая тот факт, что институт несостоятельности является динамичной структурой, новшества в специальном законе о банкротстве, в связи с наличием нормативно неурегулированного спектра отношений в данной сфере, должны влечь и внесение изменений в уголовное и административное законодательство в данной области, в случае наличия возможности умышленного использования вновь образованного правового элемента для осуществления противоправных действий, влекущих для субъектов банкротства разнообразные тяжкие последствия, и по своей сути несущих общественную опасность. В полной мере разрешить все проблемные правоприменительные вопросы весьма затруднительно учитывая крайне высокую степень криминализации данного сектора в первую очередь в связи с наличием больших финансовых потоков и заинтересованности каждого из субъектов банкротства в первостепенном удовлетворении своих личных интересов, а также тем, что банкротство может выступать инструментом приобретения различного вида

благ, как непосредственных в виде получения какого-либо желаемого имущества, так и косвенных — увеличение собственной прибыли в связи с устранением конкурента. Как представляется, следует прислушаться к мнению ученых, которые высказываются о необходимости формирования, так называемого криминологического законодательства.

Библиографический список

1. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность : монография. М., 2012.
2. Мещеряков А. В. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие криминальным банкротствам : автореферат дис. ...канд. юрид. наук. М., 2012.
3. Улезько Г. С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения : дис. ...канд. юрид. наук. Грозный, 2020.

Bibliographic list

1. Epifanova E. V. Public danger as a scientific category, legislative definition: history and modernity : monograph. M., 2012.
2. Meshcheryakov A. V. Criminal law and criminological counteraction to criminal bankruptcies : abstract of the dissertation ...cand. jurid. sciences M., 2012.
3. Ulezko G. S. Criminally punishable intentional and fictitious bankruptcy: legislative regulation and practice of application : dis. ...cand. jurid. sciences'. Grozny, 2020.

Информация об авторе

Д. А. Попов — адвокат Адвокатского кабинета Д. А. Попова Адвокатской палаты Краснодарского края.

Information about the author

D. A. Popov — Lawyer of the Law Office of D. A. Popov of the Law Chamber of the Krasnodar Territory.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 347.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-175-182>

НИОН: 2003-0059-4/22-374

MOSURED: 77/27-003-2022-04-573

Реализация прав российского государства в отношении малого бизнеса, обоснованных его экономическим суверенитетом

Галина Алексеевна Прокопович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,
galina-prokopovich@yandex.ru

Аннотация. Исследуются вопросы развития малого бизнеса в условиях принятия в отношении России специальных экономических мер; анализируется состояние нормативно-правовой основы предпринимательской деятельности; рассматриваются условия открытия нового бизнеса на льготных условиях.

Ключевые слова: экономика, бизнес, законодательство, экономический суверенитет

Для цитирования: Прокопович Г. А. Реализация прав российского государства в отношении малого бизнеса, обоснованных его экономическим суверенитетом // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 175–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-175-182>.

Original article

Realization of the rights of the Russian state in relation to small business justified by its economic sovereignty

Galina A. Prokopovich

Russian Academy of National Economy and

Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, galina-prokopovich@yandex.ru

Abstract. The development of small businesses in the context of the adoption of special economic measures against Russia is explored; analysis of the legal and regulatory framework of entrepreneurial activity is made; conditions for opening a new business on preferential terms are considered.

Keywords: economy, business, legislation, economic sovereignty

For citation: Prokopovich G. A. Realization of the rights of the Russian state in relation to small business justified by its economic sovereignty. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):175–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-175-182>.

Уход (приостановка деятельности) транснациональных корпораций, принятие в отношении России специальных экономических мер (санкций) — это то, что даёт возможность активизироваться малому бизнесу, заняв освободившиеся ниши.

Вопросы развития малого бизнеса не всегда освещаются широко. Однако, данная тематика в ближайшие годы станет одной из самых актуальных на российской повестке.

Реализация прав на региональном межгосударственном (международном) уровне.

Соглашение о поддержке и развитии малого предпринимательства в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (далее СНГ) от 17 января 1997 г. является примером не ратифицированного, но подписанного международного договора, который действует в режиме временного применения (ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [1], ст. 23 Федерального закона «О международных договорах РФ» [2]. Данный международный договор подписан всеми государствами СНГ за исключением Республики Узбекистан. Что же каса-

ется вышедшей из СНГ Республики Грузии, то, в соответствии с Решением Совета глав государств СНГ «Об участии Грузии в международных договорах и решениях органов Содружества Независимых Государств» от 9 октября 2009 г. [3].

Грузия, несмотря на выход из СНГ, продолжает участвовать в данном международном договоре как в международном договоре с неограниченным составом государств-участников. Однако, и в подписавших данный международный договор государствах СНГ его положение существенно варьируется — на территории Республики Азербайджан и Республики Туркмении он так и не вступил в юридическую силу. Кроме того, государства, на территории которых он действует, сделали при присоединении к нему ряд оговорок.

Суть данного Соглашения состоит в том, что правовой статус субъекта малого предпринимательства лица на территории государств-участников СНГ приобретают в силу факта регистрации в этом качестве на территории соответствующего государства СНГ (ст. 1 Соглашения о поддержке и развитии малого предпринимательства в государствах участниках СНГ). Таким образом, если лицо зарегистрировано в качестве малого предпринимателя на территории Республики Молдова, то оно не нуждается в приобретении этого статуса на территории Российской Федерации и любого другого государства, на территории которого применяется данное Соглашение.

Также данным международным договором определены формы сотрудничества в сфере малого предпринимательства и создан Консультативный совет по поддержке и развитию малого предпринимательства в государствах-участниках СНГ, положение о котором является неотъемлемой частью этого Соглашения.

Несколько позднее более узким кругом особо тесно связанных с Россией государств СНГ (Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном) совместно с Российской Федерацией было принято и подписано Соглашение о создании благоприятных условий для занятий малым предпринимательством в государствах-участниках Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. от 24 ноября 1998 г. [4]. При этом, согласно пункту 2 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 г., это Соглашение продолжает действовать в части, не противоречащей Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [5].

Согласно данному международному договору, его государства-участники взяли на себя обязательство выработать общие юридические критерии отнесения субъектов предпринимательских отношений к категории субъектов малого предпринимательства.

Вместе с тем, как свидетельствуют современные исследования в сфере правового регулирования от-

ношений малого предпринимательства на территории государств СНГ, эта задача до сих пор не полностью выполнена. Статья 2 указывает на взаимное признание документов о статусе субъекта малого предпринимательства, а статья 3 этого международного соглашения вводит национальный режим для субъектов малого предпринимательства. Наконец, в статье 4 указано на необходимость разработки программы совместных действий по поддержке и развитию малого предпринимательства и определены ее основные направления.

Межгосударственная программа поддержки малого предпринимательства в рамках Содружества Независимых Государств была утверждена Решением Совета глав правительств СНГ через год после заключения данного международного договора 8 октября 1999 г. которое, впрочем, было отменено менее чем через 10 лет Решением Совета глав правительств СНГ «О прекращении действия решений Совета глав правительств Содружества Независимых Государств» [6], принятым в Кишиневе (Республика Молдова) 14 ноября 2008 г.

Параллельно правовое регулирование поддержки малых предприятий развивалось в более успешном интеграционном объединении на территории бывшего СССР по сравнению с СНГ — Союзе России и Белоруссии.

Далее рассмотрим реализацию прав российского государства в сфере поддержки малых предприятий на рынке Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проведение согласованной государственной политики по развитию рыночных отношений и конкуренции, обеспечению прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, применению единообразных мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (далее — субъекты МСП).

В рамках ЕАЭС проводится согласованная макроэкономическая политика, которая предусматривает меры по осуществлению скоординированных действий стран ЕАЭС [5] в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов. При этом относительно субъектов МСП основное внимание уделяется созданию единых правил и механизма их участия в государственных и муниципальных закупках, а также закупках юридических лиц, регулируемых государством.

Система критериев отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к малому и среднему бизнесу в государствах-членах ЕАЭС несколько отличается. И основное отличие связано не с количественным критерием числа работников у субъекта, который в основном совпадает, а с критерием финансовых результатов, поскольку установленные в законодательстве государств-членов ЕАЭС экономи-

ческие показатели — прибыль, среднегодовой доход или валовый доход — могут существенно повлиять на определение статуса и категории субъектов.

Так, в Российской Федерации замена в законе категории «выручка», применявшейся ранее для характеристики финансового показателя деятельности субъекта МСП, на категорию «доход», привело к искусственному росту в 2015 г. числа субъектов малого и среднего бизнеса [см. подробнее: 7].

Международная кооперация в сфере поддержки малого и среднего бизнеса особенно актуальна в современных условиях экономической нестабильности, связанной с применением к России специальных санкционных мер. Как следствие, вовлеченность в процессы глобализации и расширение межрегиональных и международных связей, увеличение импорта и экспорта продукции предприятий МСП являются необходимой составляющей для развития национальных экономик стран Шанхайской Организации Сотрудничества (далее ШОС) и БРИКС (англ. BRICS — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — группа из пяти стран: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР [8].

Национальный уровень.

Необходимо отметить, что к настоящему моменту законодатель ввел ряд мер, которые направлены на поддержку данной категории предпринимателей.

1. Конституция Российской Федерации.

Согласно п.1 ст. 34 Конституции РФ: «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [9].

2. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [10].

К значимым положениям данного закона можно отнести:

- ведение реестров субъектов малого и среднего предпринимательства, которые получают поддержку;
- различные формы поддержки (финансовая, консультационная, информационная, имущественная).

В 2015 г. на основании данного закона была образована Корпорация развития малого и среднего предпринимательства. К ее задачам Закон отнес:

- оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;
- привлечение денежных средств российских, иностранных и международных организаций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;

- организацию системы мер информационной, маркетинговой, финансовой и юридической поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства;
- организацию мероприятий, направленных на увеличение доли закупки товаров, работ, услуг заказчиками, определяемыми Правительством Российской Федерации, у субъектов малого и среднего предпринимательства в годовом объеме закупки товаров, работ, услуг, в годовом объеме закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции;
- обеспечение информационного взаимодействия корпорации развития малого и среднего предпринимательства с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями в целях оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства;
- подготовку предложений о совершенствовании мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе предложений о совершенствовании нормативно-правового регулирования в этой сфере [11].

Кроме того, несколько расширен субъектный состав малых и средних предприятий — в него включены потребительские кооперативы — единственная категория некоммерческих организаций, имеющих юридическую возможность являться субъектом малого и среднего предпринимательства.

3. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12].

Закон предусматривает облегченный режим приобретения недвижимости предпринимателями. В свое время (2010 г.) положения закона оспаривались в Конституционном Суде РФ. Суть закона сводится к следующему: субъекты малого и среднего предпринимательства (за исключением ряда видов) при возмездном отчуждении арендуемого имущества из государственной собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности пользуются преимущественным правом на приобретение такого имущества по цене, равной его рыночной стоимости и определенной независимым оценщиком в порядке, установленном Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Законы, так или иначе направленные на поддержку малого и среднего предпринимательства:

1. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [13] относит к вопросам органов субъектов разработку и реализацию государственных программ (подпрограмм) субъекта Российской Федерации, содержащих мероприятия, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства.

2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [14] содержит ряд гарантий для субъектов малого предпринимательства: а) внеплановая выездная проверка в отношении субъекта малого предпринимательства (по ряду оснований) проводится после согласования с органом прокуратуры по месту осуществления деятельности такого субъекта в порядке, установленном приказом Генерального прокурора Российской Федерации. Иные же проверки иницируются приказом руководителя антимонопольного органа; б) возможности предоставления государственных преференций;

3. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [15] предусматривает возможность установления особенностей участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупке, осуществляемой отдельными заказчиками.

Соответственно, Правительством РФ установлено, что «годовой объем закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства устанавливается в размере не менее чем 25 процентов совокупного годового стоимостного объема договоров, заключенных заказчиками по результатам закупок» [16] и др.

Кроме того, согласно Постановлению Правительства РФ от 19 августа 2016 г. № 819 [17], с 1 января 2018 г. общая стоимость договоров, заключенных за год по результатам закупок, участниками которых могут быть только субъекты малого и среднего предпринимательства, должна составлять не менее 15 % от совокупного годового стоимостного объема договоров, заключенных заказчиками по результатам закупок.

Представляется, что увеличение количественных показателей, на которое направлено развитие действующего российского законодательства, в реальности будет менее эффективным, нежели качественные изменения правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства.

4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [18] предусматривает ряд положений.

Например, статья 30 Закона предусматривает, что заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов

малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее чем двадцать пять процентов совокупного годового объема закупок.

Можно отметить также и Указание Банка России от 11 марта 2014 г. № 3210-У «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства» [19].

5. Федеральный закон от 25.02.2022 № 25-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [20].

6. Федеральный закон от 09.03.2022 № 50-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [21] и др.

Постановления и распоряжения органов исполнительной власти:

1. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») [22].

2. Приказ Минэкономразвития России от 21.01.2022 № 25 «Об утверждении Методики расчета показателя «Объем консолидированной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [23].

3. Постановление Правительства РФ от 06.03.2022 № 297 «Об установлении размера начальной (максимальной) цены контракта и годового объема закупок в целях закупки отдельных наименований медицинских изделий путем проведения электронного запроса котировок» [24], а также ряд других нормативно-правовых актов.

Можно отметить Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» [25].

В заключение отметим, что реализация прав российского государства в отношении малого бизнеса позволит предпринимателям открыть собственное дело в 2022 году на упрощенных условиях. Государство тратит большие средства на развитие малого и среднего бизнеса — это кредитные и налоговые льготы, субсидии на аренду, обновление основных средств,

обучение персонала и др. Необходимо только ознакомиться с доступными опциями и иметь настойчивое желание стать предпринимателем.

Список источников

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Решение Совета глав государств СНГ «Об участии Грузии в международных договорах и решениях органов Содружества Независимых Государств» (Вместе с «Перечнями № 1 и 2 договоров с неограниченным и ограниченным субъектными составами, подписанных в рамках СНГ») (Принято в г. Кишиневе 09.10.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Соглашение о создании благоприятных условий для занятий малым предпринимательством в государствах-участниках Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года (Заключено в г. Москве 24.11.1998) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 01.10.2019 с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
6. Решение Совета глав правительств СНГ «О прекращении действия решений Совета глав правительств Содружества Независимых Государств» (Вместе с «Перечнем решений...») (Принято в г. Кишиневе 14.11.2008) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
7. Прокопович Г. А. Пути совершенствования юридической ответственности в публичном и частном праве. Монография / Г. А. Прокопович; Московский экономико-лингвистический ин-т (МЭЛИ), Каф. гос.-правовых дисциплин. Москва, 2009.
8. Борисова В. И. Институты государственной поддержки малого предпринимательства // Экономика и социум. 2019. № 6 (61). С. 207–210.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
10. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
11. Официальный информационный портал Малого Бизнеса в РФ URL: <http://мойбизнес.рф> (дата посещения: 20.03.2022).
12. Федеральный закон от 22.07.2008 г. № 159-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
13. Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // «Российская газета», № 206, 19.10.1999 (дата обращения: 20.03.2022).
14. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О защите конкуренции» // «Российская газета», № 162, 27.07.2006 (дата обращения: 20.03.2022).
15. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
16. Постановление Правительства РФ от 11.12.2014 г. № 1352 (ред. от 29.12.2021) «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (вместе с «Положением об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках

- товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, годовом объеме таких закупок и порядке расчета указанного объема», «Требованиями к содержанию годового отчета о закупке товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц у субъектов малого и среднего предпринимательства») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) (дата обращения: 20.03.2022).
17. Постановление Правительства РФ от 19 августа 2016 г. № 819 «О внесении изменений в Положение об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, годовом объеме таких закупок и порядке расчета указанного объема» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022)
 18. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.03.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
 19. Указание Банка России от 11.03.2014 г. № 3210-У (ред. от 05.10.2020) «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства» (зарегистрировано в Минюсте России 23.05.2014 г. № 32404) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2022).
 20. Федеральный закон от 25.02.2022 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 25.02.2022 (дата обращения: 20.03.2022).
 21. Федеральный закон от 09.03.2022 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 09.03.2022 (дата обращения: 20.03.2022).
 22. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2020).
 23. Приказ Минэкономразвития России от 21.01.2022 N 25 «Об утверждении Методики расчета показателя «Объем консолидированной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (дата обращения 20.03.2022).
 24. Постановление Правительства РФ от 06.03.2022 г. № 297 «Об установлении размера начальной (максимальной) цены контракта и годового объема закупок в целях закупки отдельных наименований медицинских изделий путем проведения электронного запроса котировок» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 08.03.2022 (дата обращения: 20.03.2022).
 25. Указ Президента РФ от 02.03.2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 02.03.2022 (дата обращения 20.03.2022).

References

1. Vienna Convention on the Law of International Treaties (Concluded in Vienna on 23.05.1969) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
2. Federal Law № 101-FZ of 15.07.1995 (as amended on 08.12.2020) «On International Treaties of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
3. Decision of the Council of CIS Heads of State «On Georgia's participation in international treaties and decisions of the bodies of the Commonwealth of Independent States» (Together with «Lists № 1 and 2 of Treaties with Unlimited and limited subject compositions signed within the CIS») (Adopted in Chisinau on 09.10.2009) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).

4. Agreement on the creation of favorable conditions for small business in the member States of the Agreement on Deepening Integration in the Economic and Humanitarian Fields of March 29, 1996 (Concluded in Moscow on 11/24/1998) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
5. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014) (ed. from 01.10.2019 with amendments and additions, ent. effective from 28.10.2021) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
6. The decision of the Council of Heads of Government of the CIS «On the termination of the decisions of the Council of Heads of Government of the Commonwealth of Independent States» (Together with the «List of decisions ...») (Adopted in Chisinau on 14.11.2008) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
7. Prokopovich G. A. Ways to improve legal responsibility in public and private law. Monograph / G. A. Prokopovich ; Moscow Economic and Linguistic Institute (MELI), Department of State and Legal Disciplines. Moscow, 2009.
8. Borisova V. I. Institutes of state support of small business // Economy and society. 2019. № 6 (61). P. 207–210.
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
10. Federal Law № 209-FZ of 24.07.2007 (as amended on 02.07.2021) «On the Development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2021) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
11. Official information portal of Small Business in the Russian Federation URL: <http://мойбизнес.рф> (accessed: 20.03.2022).
12. Federal Law № 159-FZ of 22.07.2008 (as amended on 08.06.2020) «On the specifics of Alienation of immovable Property owned by the state or municipal Property and Leased by small and Medium-sized businesses, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
13. Federal Law № 184-FZ of 06.10.1999 (as amended on 21.12.2021) «On the General principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022) // «Rossiyskaya Gazeta», № 206, 19.10.1999 (accessed: 20.03.2022).
14. Federal Law № 135-FZ of 26.07.2006 (ed. of 16.02.2022) «On Protection of Competition» // «Rossiyskaya Gazeta», № 162, 27.07.2006 (accessed: 20.03.2022).
15. Federal Law № 223-FZ of 18.07.2011 (as amended on 02.07.2021) «On procurement of goods, works, services by certain types of legal entities» // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
16. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 11.12.2014 № 1352 (ed. dated 29.12.2021) «On the specifics of the participation of small and medium-sized businesses in the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities» (together with the «Regulation on the specifics of the participation of small and medium-sized businesses in the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities, the annual volume of such purchases and the procedure for calculating the specified volume», «Requirements for the content of the annual report on the purchase of goods, works, services by certain types of legal entities from small and medium-sized businesses») (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022) (accessed: 20.03.2022).
17. Decree of the Government of the Russian Federation № 819 dated 19.08.2016 «On Amendments to the Regulation on the Specifics of Participation of Small and medium-sized businesses in the Procurement of Goods, works, services by Certain Types of legal entities, the annual volume of such purchases and the procedure for calculating the specified volume» // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022)
18. Federal Law № 44-FZ of 05.04.2013 (as amended on 30.12.2020) «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for State and municipal needs» (with amendments and additions, intro. effective from 08.03.2022) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
19. Instruction of the Bank of Russia dated 11.03.2014 № 3210-U (ed. dated 05.10.2020) «On the procedure for conducting cash transactions by legal entities and the simplified procedure for conducting cash transactions by individual entrepreneurs and

- small businesses» (registered with the Ministry of Justice of Russia on 23.05.2014 № 32404) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 20.03.2022).
20. Federal Law № 25-FZ of 25.02.2022 «On Amendments to the Federal Law «On Joint Stock Companies» and on Suspension of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> — 25.02.2022 (accessed: 20.03.2022).
 21. Federal Law of 09.03.2022 № 50-FZ «On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> — 09.03.2022 (accessed: 20.03.2022).
 22. Decree of the Government of the Russian Federation № 1083-r dated 02.06.2016 (as amended on 30.03.2018) «On approval of the Strategy for the Development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation for the period up to 2030» (together with the «Action Plan (roadmap) for the implementation of the Strategy for the Development of Small and medium-sized Enterprises in the Russian Federation for the period until 2030») // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 03.12.2020).
 23. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation № 25 dated 21.01.2022 «On approval of the Methodology for Calculating the indicator «Volume of consolidated financial support for Small and medium-sized Businesses» of the federal project «Acceleration of Small and Medium-sized Businesses» of the national project «Small and Medium-sized Entrepreneurship and support for Individual Entrepreneurial Initiative» (accessed 20.03.2022).
 24. Decree of the Government of the Russian Federation № 297 dated 06.03.2022 «On establishing the size of the initial (maximum) contract price and the annual volume of purchases for the purchase of certain names of medical devices by conducting an electronic request for quotations» // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> — 08.03.2022 (accessed: 20.03.2022).
 25. Decree of the President of the Russian Federation № 83 dated 02.03.2022 «On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> — 02.03.2022 (accessed 20.03.2022).

Информация об авторе

Г. А. Прокопович — профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук.

Information about the author

G. A. Prokopovich — Professor of the Department of Theory of State and Law of G.V. Maltsev of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-183-186>

НИОН: 2003-0059-4/22-375

MOSURED: 77/27-003-2022-04-574

Конституционно-правовое регулирование отбора высококвалифицированных специалистов в Испанской Республике

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Раскрываются особенности отбора и трудовая деятельность высококвалифицированных специалистов в Испании, которые получают ряд преимуществ не только для себя, но и для членов своей семьи.

Ключевые слова: высококвалифицированный специалист, труд, отбор, работа, преференции, трудоустройство, оформление, иностранный гражданин, занятость, сфера, экономика

Для цитирования: Прудников А. С. Конституционно-правовое регулирование отбора высококвалифицированных специалистов в Испанской Республике // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 183–186. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-183-186>.

Original article

Constitutional and legal regulation of the selection of highly qualified specialists in the Spanish Republic

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. This article reveals the features of the selection and employment of highly qualified specialists in Spain, who receive a number of advantages not only for themselves, but also for their family members.

Keywords: highly qualified specialist, labor, selection, work, preferences, employment, registration, foreign citizen, employment, sphere, economy

For citation: Prudnikov A. S. Constitutional and legal regulation of the selection of highly qualified specialists in the Spanish Republic. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):183–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-183-186>.

В настоящее время в научной литературе проводятся исследования, посвященные политике различных стран мира в сфере привлечения специалистов высокой квалификации. В научных исследованиях использование категории «высококвалифицированный специалист» [2] сопровождается рядом проблем теоретико-методологического характера, которые, прежде всего, заключаются в отсутствии единого, общепринятого и универсального определения понятия «высококвалифицированный специалист».

В частности, анализ зарубежной литературы позволяет сделать вывод о том, что для обозначения термина «высококвалифицированный специалист» используются такие дефиниции, как «экспаты», «высококвалифицированные мигранты», «высококвали-

фицированные международные мигранты», «квалифицированные мигранты», «транснациональная элита», «транснациональный капиталистический класс», «транснациональные профессионалы», «мигранты развитых стран», «мигранты-профессионалы» и др. В связи с этим при определении подходов к понятию «высококвалифицированный специалист» представляется целесообразным исходить из его тождественности вышеперечисленным терминам. Для начала обратимся к толкованию термина «высококвалифицированный специалист», которое приводится в словаре Европейской миграционной политики [3].

Словарь, апеллируя к Европейскому союзу (далее — ЕС), дает следующее определение понятию «высококвалифицированный специалист»: это граж-

© Прудников А. С., 2022

дане третьих стран, которые ищут работу в государстве-члене ЕС, обладают требуемой компетенцией надлежащего и специального характера, подтверждаемой высокой профессиональной квалификацией.

В соответствии с органическим законом 4/2000 от 11 января «О правах и свободах иностранцев в Королевстве Испания (далее — Испания) и их социальной интеграции» [4] под высококвалифицированным специалистом считается лицо, подтвердившее квалификацию высшего образования или, в исключительных случаях, имеющее как минимум пятилетний опыт профессиональной деятельности, который может считаться сопоставимым со сроками, установленными нормативными правовыми актами. Высококвалифицированные специалисты имеют право получить разрешение на проживание и работу с выдачей голубой карты ЕС. В статье 71 Закона 14/2013 приводится перечень условий, которым должны соответствовать компании, запрашивающие разрешение на проживание в Испании для иностранных специалистов [4].

Если обратиться к содержанию Закона «О предпринимательстве» Королевства Испания от 28.09.2013 года [1], то он предусматривает программу проживания в стране для иностранных специалистов. Любой специалист высокой квалификации может получить вид на жительство на срок трудового контракта. Закон распространяется на компании, желающие привлечь иностранных специалистов из стран, не входящих в зону Европейского Союза. Прежде всего, на момент подачи заявления на визу или временный вид на жительство (ВНЖ), высококвалифицированный специалист должен иметь иностранное гражданство, не связанное с гражданством Европейского Союза.

Изучение практики показало, что специалист может подать заявку на получение соответствующей визы по месту жительства в Консульстве Испании. Если заявитель уже проживает в Испании, заявка подается в полицейский участок по месту жительства. В обоих случаях, заявку необходимо оформлять на испанском языке.

Имея разрешение на работу и проживание в Испании, высококвалифицированный специалист получает ряд преимуществ не только для себя, но и для членов своей семьи [6]:

- разрешение на проживание и работу данного типа действительно в любой точке Испании;
- специалист может оформить аналогичное разрешение для членов своей семьи, если они соответствуют трудовым нормам ожидаемого возраста;
- при получении визы для высококвалифицированного специалиста «Тест рынка труда» не применяется;
- обладатель испанской визы имеет право на свободное передвижение внутри стран-членов

Шенгенской зоны.

Стоит заметить, что обработка заявок по данному типу резиденции упрощена и составляет 20 дней для разрешения на проживание и 10 дней для визы. Предусмотрена также комбинированная обработка документов для членов семьи специалиста. Примечательно, что последующее заявление на получение вида на жительство продляет срок действия ВНЖ или визы владельца до конца процедуры.

В Испании предусмотрены как общие, так и специальные требования для получения ВНЖ для высококвалифицированных специалистов.

Так как общим требованиям относятся:

- разрешенный возраст заявителя — старше 18 лет;
- отсутствие судимости в Испании или в странах, где специалист проживал в течение последних пяти лет. Отсутствие судимости должно быть за преступления, определенные в соответствующем испанском законодательстве;
- наличие государственного или частного полиса медицинского страхования в страховой компании, уполномоченной работать в Испании;
- наличие достаточных финансовых ресурсов для себя и своих семей во время проживания в Испании.

Перед подачей заявки необходимо оплатить пошлины за визу или сборы за авторизацию процедуры получения ВНЖ.

Компания-работодатель или группа компаний, должны выполнить любое из следующих требований (по состоянию на момент подачи заявки):

- наличие в Испании персонала компании — более 250 человек в течение трех месяцев;
- годовой чистый оборот в Испании должен превышать 50 миллионов евро;
- стоимость капитала или чистых активов в стране должны превышать 43 миллиона евро;
- среднегодовой объем валовых инвестиций из-за рубежа — не менее 1 млн. евро в течение трех лет;
- компания с инвестиционной стоимостью более 3 миллионов евро по данным Реестра иностранных инвестиций Министерства промышленности, торговли и туризма Испании.

К особым требованиям деятельности компании [6] относятся:

а) деятельность компании или бизнес-проект, под который берут иностранного специалиста, должны иметь интерес для страны. Следовательно, деятельность или проект должны быть сертифицированы Генеральным директоратом по торговле и инвестициям Испании, в соответствии с одним или несколькими условиями:

- значительное увеличение или поддержание занятости в компании, секторе деятельности

или регионе, где эта деятельность будет осуществляться;

- значительные инвестиции с социально-экономическим эффектом в регионе, где реализуется деятельность компании;

б) общий интерес к торговой политике и инвестициям;

в) значительный вклад в научные и / или технологические инновации.

На основе анализа рынка труда разрабатывается перечень дефицитных профессий. Однако, чтобы получить разрешение на работу по данной профессии, необходимо не только наличие определённой квалификации, но также от работодателя требуется доказательство, что предоставляемая иностранному работнику вакансия не может быть занята за счет граждан данного государства.

Проблемы с обеспечением жильём возникают у большинства трудящихся — мигрантов. Так, в странах Европейского Союза трудящимся мигрантам предоставляется финансовая помощь в форме частичной или полной оплаты аренды жилья. Работодатели в Италии, нанимающие иностранные трудовые ресурсы, обязаны предоставлять им жильё. Для территорий страны с недостаточным количеством жилья предоставляются минимальные квоты по возможности найма иностранных работников.

Практика строительства социального жилья для трудящихся мигрантов широко применяется в Испании [5].

Для решения проблемы с жильём для трудящихся мигрантов в Российской Федерации можно использовать опыт Испании. Используя современные строительные технологии, энергосбережение, можно построить более дешёвое жильё типа небольших гостиц или общежитий для временного проживания трудящихся — мигрантов, особенно в регионах с острым дефицитом трудовых ресурсов, что будет способствовать более равномерному распределению иностранной рабочей силы по стране.

В заключение следует отметить, что одно из преимуществ резиденции для высококвалифицированных специалистов — это возможность воссоединиться с семьёй и получить для них вид на жительство в Испании.

Список источников

1. Закон «О предпринимательстве» Королевства Испания от 28.09.2013 г.
2. Пономарев Э. А. Современная трудовая миграция в России // Новая наука : от идеи к результату. 2016. № 11-1. С. 130–134.
3. Словарь определенных понятий и терминов, объединенных тематикой деятельности Союза — ГЛОССАРИЙ // <https://sxkb.ru/upload/>

worldskills.

4. Рамочный закон 4/2000 «О правах и свободах иностранцев в Испании и их социальной интеграции».
5. Отчет о международной миграции за 2019 год. Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения. Нью-Йорк, 2019. С. 3. // https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.
6. Материалы Представительства МВД России в Испанской Республике // www.mvd.ru.

References

1. The Law «On Entrepreneurship» of the Kingdom of Spain dated 28.09.2013.
2. Ponomarev E. A. Modern labor migration in Russia // New science : from idea to result. 2016. № 11-1. P. 130–134.
3. Dictionary of certain concepts and terms united by the topics of the Union's activities — GLOSSARY // <https://sxkb.ru/upload/worldskills>.
4. Framework Law 4/2000 «On the rights and freedoms of foreigners in Spain and their social integration».
5. Report on International Migration for 2019. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York, 2019. P. 3. // https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.
6. Materials of the Representative Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Spanish Republic // www.mvd.ru.

Библиографический список

1. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные изменения : Факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 57–75.
2. Прудников А. С. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Харламов С. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 215 с.
3. Прудников А. С. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Прудникова Т. А., Дутов П. О. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 191 с.

4. Прудников А. С. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Харламов С. О., Прудникова Т. А. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 535 с.

Bibliographic list

1. Popov E. V., Veretennikova A. Yu., Omonov Zh. K. Institutional mechanism for the formation of social innovations // Economic and Social Changes : Facts, Trends, Forecast. 2016. № 5. P. 57–75.
2. Prudnikov A. S. Activity of divisions of internal

affairs bodies on migration issues. Legal and organizational aspects : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Kharlamov S. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 215 p.

3. Prudnikov A. S. Legal regulation of external labor migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Prudnikova T. A., Dutov P. O. M. : UNITY-DANA, 2018. 191 p.
4. Prudnikov A. S. State-legal bases of population migration in the Russian Federation : textbook/ Prudnikov A. S., Kharlamov S. O., Prudnikova T. A. M. : UNITY-DANA, 2021. 535 p.

Информация об авторе

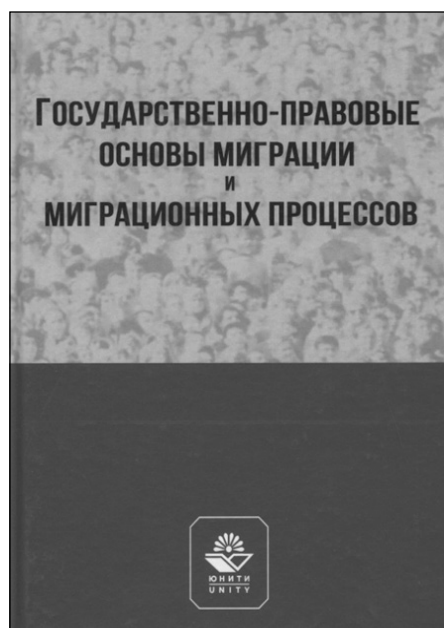
А. С. Прудников — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Additional Information about the author

A. S. Prudnikov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.С. Прудникова. 535 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебное пособие подготовлено с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению миграции и ее правового регулирования, обеспечивающих положительную динамику развития миграционных процессов. В частности, в нем нашли отражение такие понятия, как «миграция и миграционная система», «международные стандарты в области регулирования миграции населения», «порядок приобретения гражданства», «правовые основы предоставления статуса беженца и временного убежища».

Дается общая характеристика деятельности государственных органов, участвующих в реализации национальной миграционной политики.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-187-190>

НИОН: 2003-0059-4/22-376

MOSURED: 77/27-003-2022-04-575

Организационно-правовое регулирование отбора высококвалифицированных специалистов в Австрийской Республике

Татьяна Анатольевна Прудникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Каждый высококвалифицированный специалист, желающий трудоустроиться в Австрии, должен получить разрешение на работу (разрешение на сезонную работу (до 6 месяцев) или первичное разрешение на работу в Австрии оформляется по запросу работодателя). В данной статье раскрываются особенности правового регулирования отбора высококвалифицированных специалистов в Австрии.

Ключевые слова: миграция, гражданин, трудоустройство, иммигрант, реэмигрант, население, регулирование, политика, профессия

Для цитирования: Прудникова Т. А. Организационно-правовое регулирование отбора высококвалифицированных специалистов в Австрийской Республике // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 187–190. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-187-190>.

Original article

Organizational and legal regulation of the selection of highly qualified specialists in the Republic of Austria

Tatiana A. Prudnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. Every highly qualified specialist who wants to find a job in Austria must obtain a work permit (a seasonal work permit (up to 6 months) or a primary work permit in Austria is issued at the request of the employer). This article reveals the features of the legal regulation of the selection of highly qualified specialists in Austria.

Keywords: migration, citizen, employment, immigrant, re-emigrant, population, regulation, politics, profession

For citation: Prudnikova T. A. Organizational and legal regulation of the selection of highly qualified specialists in the Republic of Austria. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):187–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-187-190>.

В условиях глобализационных процессов миграция высококвалифицированных специалистов рассматривается как один из важнейших источников накопления «человеческого капитала». В связи с этим сохранение и преумножение таких специалистов становится стратегической задачей каждого государства. Данное обстоятельство также подтверждается статистическими данными. Так, согласно данным Организации Объединенных Наций (ООН), количество стран, разработавших и внедривших на национальном уровне государственную политику по привлечению и удержанию высококвалифицированных специалистов, неуклонно возрастает с каждым годом. В 2021 г. доля государств, принявших такую политику, составила 39 % от общего числа стран мира по сравнению с

22 % в 2020 г. [6].

Некоторые ученые относят к высококвалифицированным специалистам работников, которые проходят курсы повышения квалификации, и студентов. Однако последняя позиция является не такой уж и бесспорной. Тем более, если исходить из определения высококвалифицированного специалиста как лица, имеющего высшее образование. В связи с этим студентов не следует относить к данной категории.

Анализ практики и юридической литературы показывает, что для регуляции потока мигрантов ввели ряд временных постановлений, направленных на ограничение доступа на территорию Австрийской Республики (далее — Австрия) лицам из стран «новой волны Европейского Союза» (далее — ЕС). Введение

© Прудникова Т. А., 2022

этих мер было в первую очередь вызвано так называемым миграционным цунами (Flutwelle), суть которого заключалась в том, что в Австрию попадало большое количество низкоквалифицированной рабочей силы. Это вело к увеличению безработицы среди высококвалифицированных граждан страны. Для регуляции и фильтрации потока мигрантов были введены Общие временные стандарты и меры (Übergangsregelungen). Эти меры включали в себя три фазы: «2+3+2» по количеству лет их претворения в жизнь [3]. Эта программа в существенной степени позволила сократить приток мигрантов, не удовлетворявших ее требованиям. Ее суть заключалась в предоставлении права доступа негражданам Австрии из числа стран ЕС на австрийский рынок труда с рядом ограничений, необходимых для защиты прав граждан Австрийской республики. На ее реализацию отводились семь лет. Это время было разделено на три периода, в течение которых предпринимались следующие шаги:

- в первые два года после въезда в страну для иностранных работников действовали общие правила доступа на рынок труда, установленные в Европейском Союзе;
- затем в действие вступала вторая фаза, в рамках которой страна должна была на законодательном уровне ограничить доступ на рынок труда гражданам стран-членов после предварительного согласования этих ограничений с Комиссией ЕС;
- в рамках третьей и заключительной фазы Австрия могла продлить действие ограничений в случае, если на рынке труда сохранялось или возникало кризисное положение, а также если в обозримом будущем рынку угрожало возникновение новых кризисных явлений [4].

Следует отметить, что еще в 2011 г. Правительство Австрии предприняло попытку реформирования системы управления миграционными потоками для привлечения высококвалифицированной рабочей силы по схеме «Красно-бело-красная карта» (Rot-Weiss-Rot Card) [6], согласно которой большими привилегиями при въезде в страну пользовались высококвалифицированные специалисты, специалисты в дефицитных профессиях, ценные рабочие кадры, выпускники австрийских вузов. Однако эта программа, хоть и имела определенный успех, не способствовала значительному снижению числа иммигрантов, среди которых и государство, и гражданское общество особенно беспокоили выходцы из мусульманских стран и ассоциируемая с ними террористическая угроза.

Следует отметить, что работа в Австрии — открывает для высококвалифицированных специалистов широкие возможности [5].

Во-первых, здесь можно неплохо заработать. Во-вторых, высококвалифицированные мигранты смогут жить и трудиться в соответствии с европейскими стандартами. В-третьих — открыть для себя и своей

семьи новые жизненные перспективы.

Изучение статистики показывает, что уровень безработицы в стране за 2021 г. составил всего 3,5 %. Ежегодно Федеральное Министерство труда, социальных дел, здравоохранения и защиты прав потребителей Австрии публикует реестр дефицитных специальностей, на которые могут претендовать иностранные работники. В 2021 г. [6] в стране ощущалась острая нехватка высококвалифицированных специалистов рабочих и строительных профессий, технической интеллигенции (металлообработка, энергетика, телекоммуникации, электротехника, IT), бизнес-менеджеров, бухгалтеров и медицинских работников всех направлений. Ставка делается, прежде всего, на высококвалифицированных специалистов из государств ЕС (Австрия строго придерживается общих правил этой организации), а в случае отсутствия таковых — из стран третьего мира (не входящих ни в ЕС, ни в Европейскую экономическую зону).

Граждане из СНГ, имеющие высокую квалификацию и трудовой стаж не менее 3 лет, могут поучаствовать в правительственной программе RWR (Rot-Weiss-Rot Card) — «Красно-бело-красная карта».

Следует отметить, что наиболее часто используемыми критериями для определения данной категории «высококвалифицированных специалистов» являются уровень образования, наличие профессионального опыта, уровень заработной платы, род занятий. Однако, учитывая отсутствие единства мнений, можно было бы подчеркнуть, что понятие «высококвалифицированный специалист» относится к такому виду юридических понятий как к категории неопределенных, хотя она закреплена в национальных действующих законодательствах [1], то есть те, которые нельзя определить однозначно, поскольку их смысл и значение могут зависеть от конкретной обстановки и иных факторов, но понятие «высококвалифицированный специалист» будет всегда включать профессиональное образование, навыки, опыт работы и иные специальные квалификационные требования, которые могут быть к нему предъявлены при приеме на работу на основе оценки экспертной комиссии, принимающей решение на основании представления соответствующего структурного подразделения.

Главные критерии австрийских работодателей при отборе сотрудников — профессионализм и компетентность. Чтобы претендовать на вакантное место, высококвалифицированный специалист должен соответствовать австрийским квалификационным требованиям и набрать по балльной системе не менее:

70 баллов из 100 максимальных — для особо высококвалифицированных работников;

55 баллов из 90 — для претендентов на дефицитные специальности в Австрии, а также для ключевых работников в возрасте до 30 лет с зарплатой 2610 евро в месяц или 3132 евро в возрасте старше 30 лет;

50 баллов из 85 — для учредителей нового бизнеса с согласованным бизнес-планом и капиталом не

менее 50 тыс. евро.

Большинство предприятий в стране принадлежат к среднему и мелкому звену, поэтому неудивительно, что решающую роль при трудоустройстве может сыграть чисто субъективный фактор. Австрийский работодатель обращает внимание не только на документы об образовании, но и на личностные качества претендента (организованность, дисциплинированность и др.), на состояние его бумаг, а также на то, кто подает заявку — мужчина или женщина, какого возраста и др.

Большое внимание в Австрии всегда уделяют знанию немецкого (в крайнем случае, английского языка), причем требования могут варьироваться от базового уровня (A1) до продвинутого (A2, B1), а иногда и B2.

Также, следует отметить, что лица, которые официально трудоустроились в Австрии, обладают такими же правами и социальной защитой, как и австрийские граждане. В том числе на оплату больничного листа с полной оплатой «минимума» в размере 10 недель, медстраховку, детские пособия. Трудовое законодательство Австрии направлено на обеспечение защиты жизни и здоровья работников. А жесткий контроль его соблюдения обеспечивает благоприятные условия труда и высокие стандарты безопасности на рабочем месте.

При необходимости сверхурочных работ работодатель должен дополнительно доплатить работнику 50 % за работу или компенсировать каждый час переработки полутора часами отдыха. Максимальная длительность рабочего времени вместе со сверхурочными ограничена 13 часами в день и 60 часами в неделю (по соглашению с трудовым коллективом).

Важно отметить, что работодателю необходимо подготовить резюме, мотивационное письмо, документы, подтверждающие профессиональное мастерство — дипломы, сертификаты, награды, рекомендательные письма.

Для оформления Вида на жительство, а также визы соискателю (Jobseeker Visa) необходимо: заполненный формуляр; заявление работодателя; оригинал и копия загранпаспорта; свидетельство о рождении; фото (45x35 мм) не старше 6 месяцев; подтверждение юридического права на проживание в Австрии (договор аренды, субаренды, купли-продажи); медицинская страховка с покрытием минимум 30 тыс. евро; трудовой договор или приглашение на работу в Австрию; квитанция об уплате сбора и др.

Каждый высококвалифицированный специалист, желающий трудоустроиться в Австрии, должен получить разрешение на работу. Однако следует отметить, что разрешение на сезонную работу (до 6 месяцев) или первичное разрешение на работу в Австрии оформляется по запросу работодателя. Работники с опытом работы в этой стране могут получить кратко- и долгосрочное разрешение на работу самостоятельно. Выдача разрешения должна произойти в течение 6 недель. Обойтись без разрешения смогут лишь приглашенные преподаватели вузов и ученые исследователи,

участники программы Au-pair, лица, приехавшие по межгосударственному соглашению, дипломатические работники, лица в статусе беженцев, церковнослужители, журналисты.

Здесь еще раз следует отметить, что с 2021 г. высококлассные специалисты на трудоустройство в Австрии должны набирать определенную сумму баллов [2] в темах «Квалификация», «Рабочий стаж», «Возраст», «Владение иностранными языками», «Получение образования в Австрии». Это:

а) наличие технического высшего образования. Это позволит получить сразу 30 баллов. Для обладателей ученой степени Ph.D — 40 баллов.

б) возраст и стаж. Здесь возможны варианты:

Закончив вуз в возрасте 23—24 года (поступив сразу же после окончания школы) можно получить 20 баллов за возраст, 0 баллов — за опыт работы.

Закончив вуз в возрасте 23—24 года и проработав 10 лет на предприятии, можно получить 20 баллов за возраст (менее 35 лет) и 20 баллов — за стаж. Этот вариант дает наибольшую сумму баллов — 40.

Последующие варианты принесут меньшую сумму баллов. Так, претендент в возрасте от 35 до 40 лет получит за возраст 15 баллов и 20 баллов за стаж (35 баллов), от 40 до 45 лет — за возраст 10 баллов и 20 баллов за стаж (30 баллов).

в) владение иностранным языком (немецким/английским). За уровень B1 — 10 баллов, за A1, A2 — 5 баллов.

г) научные публикации, патенты — 20 баллов.

Для начисления баллов потребуется комплект бумаг (в оригиналах и копиях), с помощью которых можно подтвердить:

- получение профобразования;
- зачисление в австрийский университет (для студентов);
- завершение обучения в европейском вузе (не менее 3 лет);
- наличие завершеного высшего образования;
- профессиональные навыки (сертификаты и рекомендации);
- владение немецким (один из сертификатов — Austrian Integration Fund (ÖIF), Goethe-Institut, ÖSD, Telc GmbH) или английским языком (один из дипломов TELC, TOEFL, IELTS, TOEIC).

В заключение следует отметить, что с 2021 г. австрийские миграционные власти применяют систему набора соискателями баллов (за квалификацию, опыт, знание языка и др.). Для оценки компетенции и уровня квалификации высококвалифицированного специалиста в Австрии могут быть использованы сведения:

- о результатах его трудовой деятельности, включая отзывы других работодателей, в том числе иностранных;
- о результатах интеллектуальной деятельности, автором или соавтором которых является

указанный иностранный гражданин;

- о профессиональных наградах и других формах признания его профессиональных достижений;
- об итогах проведенных работодателем конкурсов и т. д.

Благодаря этому получить легальную работу имеют молодые высококвалифицированные специалисты со знанием немецкого языка.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 29.12.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
2. Международная организация труда (МОТ), режим доступа: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot> (дата обращения 12.03.2021).
3. Единый Европейский Акт (ЕЕА), режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901771690> (дата обращения 07.04.2021).
4. Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. Nr. 218/1975 – RIS, 14 Seiten. // https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1975_218_0/1975_218_0.pdf.
5. https://www.zoll.de/DE/Fachthemen/Zoelle/Der_Zollkodex_der_Union/Uebergangsregelungen/uebergangsregelungen_node.html.
6. Материалы Представительства МВД России в Австрийской Республике // www.mvd.ru.

References

1. Federal Law № 115-FZ of 25.07.2002 (as amended, dated 29.12.2021) «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
2. International Labour Organization (ILO), access mode: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot> (accessed: 12.03.2021).
3. Single European Act (EEA), access mode: <http://docs.cntd.ru/document/901771690> (accessed

07.04.2021).

4. Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. Nr. 218/1975 – RIS, 14 Seiten. // https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1975_218_0/1975_218_0.pdf.
5. https://www.zoll.de/DE/Fachthemen/Zoelle/Der_Zollkodex_der_Union/Uebergangsregelungen/uebergangsregelungen_node.html.
6. Materials of the Representative Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Austria // www.mvd.ru.

Библиографический список

1. Закон Республики Беларусь от 30.12.2010 г. № 225-3 «О внешней трудовой миграции» // https://www.legislationline.org/download/id/7192/file/Belarus_law_labour_migration_2010_2016_ru.pdf.
2. Европейская Социальная Хартия (с доп. Протоколами ETS № 128), 1961, режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902298> (дата обращения: 03.05.2021).
3. Gesamte Rechtsvorschrift für ArbeitnehmerInnenschutzgesetz, Fassung vom 21.10. 2021.
4. Австрийский центр информации и статистики // http://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/wanderungen/index.html.

Bibliographic list

1. Law of the Republic of Belarus № 225-Z of December 30, 2010 «On External Labor Migration».
2. European Social Charter (with add. Protocols ETS № 128), 1961, access mode: <http://docs.cntd.ru/document/1902298> (accessed 03.05.2021).
3. Gesamte Rechtsvorschrift für ArbeitnehmerInnenschutzgesetz, Fassung vom 21.10. 2021.
4. http://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/wanderungen/index.html.

Информация об авторе

Т. А. Прудникова — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 18.07.2022. 7-903-185-27-50

Научная статья

УДК 34.342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-191-193>

НИОН: 2003-0059-4/22-377

MOSURED: 77/27-003-2022-04-576

Причины безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации: проблемы и пути решения

Ирина Александровна Ржаницына

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, irina-makharinova@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ причин безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации, а также раскрыты проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, безнадзорность, беспризорность, инспектор ПДН, комиссия по делам несовершеннолетних, профилактические меры, профилактическая работа

Для цитирования: Ржаницына И. А. Причины безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 191–193. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-191-193>.

Original article

Causes of neglect and homelessness in the Russian Federation: problems and ways of solution

Irina A. Rzhanitsyna

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, irina-makharinova@mail.ru

Abstract. The analysis of the causes of neglect and homelessness in the Russian Federation is made, as well as problems and solutions are shown.

Keywords: minor, neglect, homelessness, PDN inspector, commission on juvenile affairs, preventive measures, preventive work

For citation: Rzhanitsyna I. A. Causes of neglect and homelessness in the Russian Federation: problems and ways of solution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):191–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-191-193>.

Безнадзорность — одна из самых распространённых проблем в обществе, относящаяся к несовершеннолетним, это отсутствие контроля со стороны родителей, либо лиц их замещающих.

Безнадзорность является одной из форм социальной дезадаптации несовершеннолетних и тесно связана с такими ее проявлениями, как уклонение от учебы, бродяжничество, ранняя алкоголизация и наркотизация, девиантное и криминальное поведение.

К сожалению, число безнадзорных детей с каждым годом увеличивается и причины такого явления различны.

Данная проблема оказывает влияние на социализацию личности. Первичная социализация важна для несовершеннолетнего, так как именно семья вкла-

дывает в ребенка самые важные качества, которые помогают подростку стать личностью, стимулирует подростка на успех, на карьерный рост, на создание благополучной семьи в будущем.

При отсутствии такой целенаправленной социализации, она начинает складываться стихийно.

Влияние на несовершеннолетних оказывают группы сверстников или компании по интересам, а также другие лица, которые имеют авторитет у подростков. Такая социализация несет в себе большую опасность, так как авторитетная личность для подростка, к кому он захочет прислушаться, неизвестна и направленное влияние может носить отрицательный характер. Таковыми лицами могут оказаться криминальные личности либо члены одной из субкультур.

© Ржаницына И. А., 2022

Для регулирования вопросов по профилактике и предотвращению безнадзорности и преступлений среди несовершеннолетних обратимся к Федеральному закону от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1], в котором изложены основные понятия, связанные с безнадзорностью несовершеннолетних.

Несовершеннолетний — лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, вышеуказанное понятие употребляется в основном в юридической науке.

Безнадзорный — несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц.

Необходимо разделять два понятия: безнадзорный и беспризорный несовершеннолетний. Между безнадзорностью и беспризорностью, несомненно, существует прочная связь, поскольку, по общему правилу, безнадзорность служит благоприятной почвой для беспризорности, однако, они отличны друг от друга и имеют различные значения.

Беспризорный — это лицо, не имеющее места жительства.

Безнадзорный имеет место жительства, но за ним не осуществляется надзор и контроль. В свою очередь, беспризорный несовершеннолетний не имеет ни дома, ни контроля родителей. В большинстве случаев такой ребенок вообще не имеет родственников. Беспризорными они становятся, когда сбегают из детского дома или иных мест, такие несовершеннолетние лица скитаются по вокзалам, живут в картонных коробках и спят на улице или в подъездах.

За безнадзорными же не устанавливается контроль, он может иметь здоровых и полноценных родителей, но жить сам по себе. Родители не осуществляют контроль за развитие своего ребенка.

Обе ситуации являются наказуемыми, только в первом случае в основном для родителей (невыполнение родителями своих обязанностей по воспитанию детей), а во втором для самих несовершеннолетних (бродяжничество).

К отличительным признакам, позволяющим считать ребенка беспризорным, относятся:

- отсутствие всякой связи с семьей, родителями, родственниками;
- нахождение и проживание в местах, не предназначенных для человеческого жилья;
- добывание средств к существованию способами, не допустимыми в обществе (Попрошайничество, воровство).

В связи с ростом детской безнадзорности и беспризорности возникает вопрос, а в чем скрываются

причины такого явления?

Специалисты выделяют 3 основные причины возникновения безнадзорности:

- социально-экономические;
- социально-психологические;
- психологические.

Рассмотрим первую группу причин возникновения данного явления.

1. Экономическая составляющая семьи.

Данная причина часто возникает в семьях, где финансовое обеспечение детей очень маленькое, другими словами, при возникновении бедности.

Такое положение подталкивает детей прибегать к поиску работы, толкает детей на улицу, постепенно они начинают привыкать к самостоятельной уличной жизни. Такие дети приходят домой, но живут уже обособленно, вне семьи.

В таком поведении во многом вина лежит на родителях, которые не смогли обеспечить своего ребенка всем необходимым, что толкнуло его к самостоятельному заработку и в дальнейшем уходу из семьи.

В семье, в которой родители алкоголики и наркоманы, ребенок старается с малых лет искать себе интересы на улице, считая, что целесообразнее находится где угодно, лишь бы не дома. Такие подростки прибегают к психологической защите как избегание. В силу маленького жизненного опыта и возрастных ограничений, такую проблему не под силу решить, не всегда есть помощь от кого-то, в дальнейшем пропадает желание искать выход из трудной ситуации. Дом у таких детей используется только как место для ночлега.

2. Склонность подростка к побегам.

Уход несовершеннолетнего из дома распространённое явление, которое в основном, связано с обидой подростка на родителей, нежелание решать проблему сразу. В данной ситуации, подростки думают, что сбегав, они заставляют родителей волноваться и решать самим возникающие конфликтные ситуации в семье.

В ряде случаев виноваты сами родители. При жестокости обращения, избиении и эксплуатации детей, склонность побегов из дома возрастает. Сложно ответить родителю за жестокое отношение к себе, поэтому многие подростки, таким образом, избегают насилия над собой. Насилие родителей над детьми распространённое явление, в котором жертвой является подросток.

Профилактику в данном направлении сотрудник ПДН и другие службы должны начинать именно работы с семьей [2].

Побеги со школы в подростковом возрасте достаточно распространённое явление. Происходят они в связи с возрастными особенностями 12–15 лет, период, когда компания, друзья становятся первой необходимостью. Учебная деятельность отодвигается на задний план, а во главе становится желание самоутвердиться среди друзей и одноклассников. Многие са-

моутверждаются, используя отрицательные качества, некую непослушность и независимость от школы или родителей, в результате чего попадаю в группу риска.

Рассматривая семьи беженцев, стоит отметить, что такая семья, находится в социально опасном положении. Подростки подвержены самостоятельности, попытки заработать приводят к безнадзорности. В этом виновато социальное положение семьи. Социальная политика Российской Федерации направлена на оказание помощи и поддержки семьям, оказавшимся в таком трудном положении, что оказывает положительное влияние на искоренение безнадзорности среди несовершеннолетних.

Безнадзорность также связана с влиянием групп друзей, либо же криминальных группировок, такое влияние оказывает негативное воздействие. Подросток чувствует себя комфортно и безопасно именно в таких компаниях, где его все понимают и принимают, независимо от того учится ли он в школе, хорошие ли у него отношения с родителями, существуют ли у него проблемы, главное, что он прекрасно функционирует в группе и если данная группа является криминальной, то её влияние оказывается губительной. В данном случае необходимо принимать кардинальные меры для спасения подростка.

Все вышеуказанные причины являются основой безнадзорности.

Причины, указывающие на дезадаптацию детей и подростков, условно делят на две группы: внешние и внутренние, объективные и субъективные, разницу между ними определить достаточно сложно: существует зависимость между внешними и внутренними группами, так как если имеется гармония внутренних факторов, то и внешние не будут проявляться, и наоборот [3].

Внутренними причинами являются многие факторы, это здоровье, самочувствие, спокойствие, удовлетворенность происходящими процессами и т. д.

Среди внешних причин, обуславливающих безнадзорность подростка, фигурируют, прежде всего, неблагоприятные условия развития и воспитания подростка в семье, наличие источников отрицательного влияния на подростка в окружающей его среде, педагогически необоснованная работа с ним в школе.

Необходимо новое мышление, новое видение дан-

ной проблемы, новые способы её решения. Так как безнадзорные подростки не могут в силу своего возраста правильно оценивать ситуацию, необходимы решительные действия сотрудников правоохранительных органов, иных социальных служб.

Список источников

1. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/>.
2. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70585810/>.
3. Федорова И. В. Общий обзор профессиональной деятельности инспектора по делам несовершеннолетних. В сборнике : Портрет инспектора по делам несовершеннолетних. Сборник научных трудов Всероссийской конференции. Москва, 2020. С. 244–247.

References

1. Federal Law of June 24, 1999 № 120-FZ «On the Fundamentals of the State System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency». [Electronic resource] // Information and legal system «Legislation of Russia». URL: <http://pravo.gov.ru/>.
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 № 845 «On approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // SPS «Garant». URL: <http://base.garant.ru/70585810/>.
3. Fedorova I. V. General overview of the professional activities of the juvenile inspector. In the collection : Portrait of a juvenile inspector. Collection of scientific works of the All-Russian Conference. Moscow, 2020. P. 244–247.

Информация об авторе

И. А. Ржаницына — научный сотрудник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. A. Rzhantsyna — Researcher of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 354:34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-194-197>

НИОН: 2003-0059-4/22-378

MOSURED: 77/27-003-2022-04-577

О конституционно-правовом статусе правоохранительной службы

Василий Дмитриевич Самойлов¹, Шамиль Магомедович Нурадинов²,
Александра Владимировна Земскова³

¹ Омское отделение Академии военных наук, Омск, Россия, vas.samoylow2016@yandex.ru

^{2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² trianonnn2017@mail.ru

Аннотация. Становление и развитие правоохранительных органов в качестве институтов Российской Федерации в сфере общественной безопасности осуществляется, преимущественно, на основе отечественных традиций. Вместе с тем, для совершенствования в РФ правоохраны учитываются приемлемые модели аналогичных зарубежных органов. С исторической компаративистики и концептуально-правовых позиций авторы обосновывают тренды в части конституционно-правового статуса правоохранительной службы РФ.

Ключевые слова: правоохранительная служба, конституционно-правовой статус

Для цитирования: Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Земскова А. В. О конституционно-правовом статусе правоохранительной службы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 194–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-194-197>.

Original article

On the constitutional and legal status of the law enforcement service

Vasily D. Samoilov¹, Shamil M. Nuradinov², Alexandra V. Zemskova³

¹ Omsk Branch of the Academy of Military Sciences, Omsk, Russia, vas.samoylow2016@yandex.ru

^{2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² trianonnn2017@mail.ru

Abstract. The formation and development of law enforcement agencies as institutions of the Russian Federation in the field of public security is carried out mainly on the basis of domestic traditions. At the same time, in order to improve law enforcement in the RF, acceptable models of similar foreign bodies are taken into account. From historical comparative studies and conceptual and legal positions, the authors substantiate trends in the constitutional and legal status of the law enforcement service of the RF.

Keywords: law enforcement service, constitutional and legal status

For citation: Samoilov V. D., Nuradinov Sh. M., Zemskova A. V. On the constitutional and legal status of the law enforcement service. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):194–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-194-197>.

Введение. В формате периодической модернизации различных сфер жизнедеятельности граждан Российской Федерации (далее — РФ), их семей в современном социуме возрастает теоретическая и практическая значимость конституционно-правового законодательства, которое призвано обеспечить веру граждан в силу закона, содействовать общественной безопасности, установлению правопорядка. В связи с этим динамично мировоззрение на место и роль органов правоохраны в противодействии преступлениям и иным правонарушениям в различных сферах жизни общества. Претерпевает кардинальные изменения модель функционирования сферы правоохраны. За 30 лет современной РФ наработана право-

© Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М., Земскова А. В., 2022

охранительная практика, которая позволяет органам исполнительной власти адекватно реагировать на нарушения ряда норм действующего законодательства. В то же время органы правоохраны на федеральном, региональном и местном уровнях должны упреждающе противодействовать возможным правонарушениям, пресекать проявления коррупции, нелегальную миграцию, обеспечивать качественную защиту прав и свобод граждан РФ, информационную открытость своей деятельности. В изложенном целеполагании органы правоохраны наделены властными полномочиями [1, ст. 72 б), ст. 114 е)]. Несомненно, что каждый гражданин РФ должен быть законопослушным и вправе рассчитывать на правовые гарантии своей государственной защиты, а тот, кто преступил какую-либо норму закона, должен знать о неотвратимости наказания.

Вместе с тем, правоохрана испытывает потребности в профессионалах, высококвалифицированных, способных защищать права и законные интересы граждан РФ. Общество нуждается в сотрудниках правоохраны, озабоченных не жадой собственной наживы, а служением людям по закону, способных обеспечить их права и свободы, требовать исполнения конституционных обязанностей [2; 3; 5].

Материалы и методы. Государственно-правовая сущность, структура и содержание правоохранительной службы исследованы в научных работах Братко А. Г. (1991); Жаданова И. Л. (1993); Семенова В. М., Скуратова Ю. И. (1998); Зубова И. Н. (2000); Безлепкина Б. Т., Савюка Л. К., Черникова В. В. (2001); Божьева В. П., Григониса Э. П., Гуценко К. Ф., Ковалева М. А. (2002); Галустьяна О. А., Гриненко А. В., Жарикова Ю. С. (2004); Артемьева А. М. и Шелеповой С. А. (2008); Яковлева В. А. (2012); Самойлова В. Д. (2019) и др.

Различным аспектам правоохраны посвящено свыше 130 научных трудов и исследований. Фактически процесс государственно-правового регулирования правоохраны в РФ начался в конце XX в. Тем не менее, при разработке правовой основы правоохранительной службы нельзя замыкаться на правоприменительной функции отдельных органов исполнительной власти, ибо это характерно для полицейского, но не правового государства. Поэтому цели, задачи и полномочия органов правоохраны на федеральном и региональном уровне должны охватывать совокупность социально-правовых и культурно-нравственных явлений [4, с. 191; 5, с. 49–77].

По нашему мнению, недостаточное внимание к формированию основ правоохраны объясняется необходимостью преодоления ведомственных препятствий и барьеров в рамках перманентных административных реформ [7]. Государственно-правовое регулирование правоохранительной службы в России осуществляется в двух формах: с одной стороны, цен-

трализовано в системе федеральных органов исполнительной власти (далее — ФОИВ), с другой — децентрализовано, согласно правоустановлениям для каждого ФОИВ во всех 85 субъектах РФ.

Результаты. В процессе историко-правового анализа отечественных и иностранных органов правоохраны авторами обоснованы: *закономерности* — правоохранительные, социально-экономические, политические [5, с. 89–90]; *противоречия* — в социально-экономической, демографической, политико-правовой, экологической, природоохранной среде [1; 5, с. 220]; *принципы* — адекватности, интеграции, экономичности, целостности и адаптивности; *тенденции* — межведомственная интеграция; общественный контроль; переход на 24-часовой режим; лицензирование отдельных аспектов деятельности юридических лиц органами правоохраны; демократизация; создание интегрированного института правоохраны; упреждение, предупреждение и пресечение трансграничной оргпреступности; совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для сферы правоохраны на основе компьютерных образовательных технологий и моделей; внедрение в органах правоохраны автоматизированных систем и средств [3; 5, с. 196–216; 6, с. 162].

В свою очередь, повышение эффективности правоохраны требует изыскания новых подходов к структуре и модели её функционирования в рамках формирования правоохранительной службы РФ. Для этого следует учитывать детерминирующие субъективные и объективные факторы: *законодательные*, обусловленные слабой нормативной правовой основой правоохранительной службы; *внутригосударственные*, связанные с изменившимся характером противодействия организованной преступности в стране и мире, появлением новых источников угроз безопасности общества и людей; *международные* — необходимость международной интеграции для противодействия терроризму, трансграничной преступности, нелегальной миграции, торговле людьми и наркобизнесу и др. [4, с. 191; 8].

Обсуждение. Разработка проблемных вопросов государственно-правового регулирования статуса институтов исполнительной власти на примере органов правоохраны представляется актуальной научной задачей. Необходимость теоретических изысканий в сфере правоохраны закономерно и объективно актуализирует важность научного обоснования перспектив интеграции в РФ правоохранительных органов, создания и укрепления сети их разрозненно функционирующих территориальных органов.

Ключевая **проблема** исследования заключается в развитии основных положений конституционного права в сфере создания эффективной институциональной основы для формирования в РФ перспективной

правоохранительной службы и разработке предложений и рекомендаций органам исполнительной власти по совершенствованию институтов правоохраны на федеральном и территориальном уровне [2; 6].

Гипотетически возникшее противоречие, с одной стороны, между потребностями государства в эффективно функционирующих органах правоохраны, с другой — моделью их существующей структуры, можно разрешить оптимизацией действующего конституционно-правового статуса для формирования правоохранительной службы РФ. Подчеркнем, что понятие «*правоохранительная служба*» в системе государственной службы России (профессиональной службе россиян по обеспечению исполнения полномочий) введено Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы РФ» (ст. 7). С того времени правоохранительная служба как вид федеральной государственной службы представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению законности, безопасности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите свобод и прав человека и гражданина [5, с. 276–281].

В процессе анализа сущности понятия «правоохранительная служба» авторами были учтены следующие обстоятельства:

а) отнесение к правоохранительной службе «функции по обеспечению безопасности» требует однозначного ответа на вопрос: какой безопасности? Мы полагаем, что в данном случае речь должна идти о безопасности личности, семьи, общества и государства в области обеспечения общественной безопасности [2, ст. 13, 37, 55–56, 71–72, 74, 82, 98 и 114];

б) государственная служба определяет профессиональные полномочия именно *российских* граждан (во всех законах слово «гражданин» подразумевает «гражданин Российской Федерации», а иностранный гражданин и апатрид (лицо без гражданства) обычно объединяются под понятием «иностраный гражданин») [1, ст. 6, 62–63; 4];

в) правоохранительная служба охватывает федеральный, окружной, региональный, районный и местный уровни; г) некорректность применения данного понятия в его определении «на должностях правоохранительной службы», ибо перечень таких должностей должен определить законодатель;

г) полагаем, что полномочия / функции законности и правопорядка должны предшествовать функции безопасности, ибо реализация последней основана на безусловном соблюдении первых двух;

д) в слове «представляющей» более корректно применение окончания «ий», как относящегося к слову «вид»;

е) выражение «по борьбе с преступностью» предполагает, что любой правоохранитель заведомо знает, с кем будет бороться. В связи с этим более корректным нам представляется выражение типа «противодействие преступности» (своевременным выявлением, упреждением и др.) [1, ст. 114].

Заключение. Итак, под правоохранительной службой в Российской Федерации как виде государственной службы, обосновано понимать реализацию российскими гражданами в государственных органах, организациях и учреждениях установленных полномочий по обеспечению законности, правопорядка, безопасности личности, семьи, общества и государства, противодействию преступности, защите и охране прав и свобод человека и гражданина. По нашему мнению, обоснованное определение сущности и содержания правоохранительной службы РФ, представляется закономерным понятием и термином для того, чтобы в существующей структуре правоохранительных органов определить их конституционно-правовой статус в целом, а также каждого органа в отдельности.

Список источников

1. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. (от 01.07.2020) // Российская газета – Федеральный выпуск № 144 (8198). 2020. 4 июля.
2. Нурадинов Ш. М., Самойлов В. Д., Селезнёва К. В. Профессиональная подготовка кадров для сферы миграции : конституционно-правовые аспекты реализации государственной миграционной политики // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 184–187.
3. Нурадинов Ш. М., Самойлов В. Д. О многообразии идей в сфере миграции. Теоретико-правовые аспекты // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 19–23.
4. Панов А. И., Самойлов В. Д. Миграция как социально-экономическое явление // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3(19). С. 191–196.
5. Самойлов В. Д. Методика преподавания юридических дисциплин в системе высшего образования России : курс лекций / В. Д. Самойлов. М. : РУСАЙНС, 2018. 320 с.
6. Самойлов В. Д., Соловьёва М. Л. Институт российского гражданства как инструмент обеспечения безопасности государства (экспертно-аналитическая оценка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия : Экономика и право. 2018. № 7. С. 162–165.
7. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 31 мая; [Электронный ресурс]. URL: <http://>

komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/58-FZ_na_01.01.2021.pdf (дата обращения: 29.01.2022).

8. Яковлев В. А. От правоохранительных органов к созданию правоохранительной службы России : конституционно-правовой аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. С. 100–102.

References

1. Constitution of the R.F. of December 25, 1993 (from 01.07.2020) // Rossiyskaya gazeta–Federal Issue No. 144 (8198). 2020. July 4.
2. Nuradinov Sh. M., Samoylov V. D., Selezneva K. V. Professional training for the sphere of migration : constitutional and legal aspects of the implementation of the state migration policy // Education. The science. Scientific personnel. 2020. № 1. P. 184–187.
3. Nuradinov Sh. M., Samoilov V. D. On the diversity of ideas in the field of migration. Theoretical and legal aspects // Civil service and personnel. 2019.

№ 2. P. 19–23.

4. Panov A. I., Samoilov V. D. Migration as a socio-economic phenomenon // Economic and socio-humanitarian studies. 2018. № 3(19). P. 191–196.
5. Samoilov V. D. Methods of teaching legal disciplines in the higher education system of Russia: course of lectures. Moscow : RUSAINS, 2018. 320 p.
6. Samoilov V. D., Solovyova M. L. Institute of Russian citizenship as a tool for ensuring state security (expert-analytical assessment) // Modern science : actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2018. № 7. P. 162–165.
7. Federal Law № 58-FZ of May 27, 2003 «On the system of Public service of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2003. May 31.
8. Yakovlev V. A. From law enforcement agencies to the creation of the law enforcement service of Russia : constitutional and legal aspect // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2012. P. 100–102.

Информация об авторах

В. Д. Самойлов — корреспондент Вестника Омского отделения Академии военных наук, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, ветеран военной службы, полковник запаса, пенсионер МВД России;

Ш. М. Нурадинов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

А. В. Земскова – профессор кафедры Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the authors

V. D. Samoilov — Correspondent of the Bulletin of the Omsk branch of the Academy of military sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Veteran of military service, Colonel of the reserve, Pensioner of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sh. M. Nuradinov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

A. V. Zemskova — Professor of the Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК: 343.974

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-198-200>

НИОН: 2003-0059-4/22-379

MOSURED: 77/27-003-2022-04-578

Закон и мораль

Григорий Михайлович Сарбаев

Московское адвокатское бюро «ЗаконоведЪ», Москва, Россия, Greg@zakonoved.com

Аннотация. Основное различие между правом и моралью заключается в том, что право относится к набору правил и норм, применяемых государством для регулирования поведения человека в обществе, тогда как мораль относится к этическому кодексу поведения человека. Следовательно, основой закона является нравственность, а нравственность обеспечивается жизнью по закону.

Ключевые слова: мораль, право, общество, государство, принципы, аморальность

Для цитирования: Сарбаев Г. М. Закон и мораль // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 198–200. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-198-200>.

Original article

Law and morality

Grigory M. Sarbayev

Moscow Lawyer Office «Zakonoved», Moscow, Russia, Greg@zakonoved.com

Abstract. The main difference between law and morality is that law refers to a set of rules and norms applied by the state to regulate human behavior in society, whereas morality refers to an ethical code of human behavior. Consequently, the basis of the law is morality, and morality is ensured by life according to the law.

Keywords: morality, law, society, state, principles, immorality

For citation: Sarbayev G. M. Law and morality. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):198–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-198-200>.

Закон и мораль — это две нормативные системы, которые управляют и регулируют поведение в человеческом сообществе в целях содействия мирному и успешному взаимодействию между людьми, которые признают друг друга носителями прав. Обе концепции основаны на принципе индивидуальной автономии и равного уважения ко всем людям.

Многие юристы на протяжении всей истории, от древних греков до современных и даже постмодернистских эпох, пытались, но не смогли определить понятия морали.

Мораль — это набор принципов, которые позволяют людям жить вместе в сообществах. Это то, что культуры считают «правильным» и «приемлемым». Поступая морально, иногда приходится отбрасывать свои краткосрочные интересы в сторону, чтобы служить обществу. Лица, нарушающие эти принципы, могут быть признаны аморальными. По-видимому, мало оснований полагать, что единое определение морали будет применимо ко всем моральным спорам.

Одно из объяснений этого заключается в том, что термин «мораль», по-видимому, используется в двух широких смыслах: описательном и нормативном. Более конкретно, термин «мораль» может быть применен двумя способами: описательно, для описания конкретных правил поведения, принятых сообществом или группой (например, церковью) или принятых отдельным лицом для своих действий; в нормативном плане, чтобы сослаться на правило поведения, которое при определенных обстоятельствах было бы предложено всеми разумными людьми.

Когда антропологи пишут о морали изучаемых ими цивилизаций, они используют описательную форму слова «мораль», в то время как любой, кто удовлетворяет определенным интеллектуальным и волевым требованиям, обычно всегда включающим условие быть рациональным, принимает нормативную версию морали.

Большинство норм морали не высечены на камне. Они склонны меняться и меняться с течением време-

ни. Со временем мнения о том, являются ли некоторые виды практики моральными, такие как добрачный секс, однополые партнерские отношения и употребление каннабиса, изменились. В то время как большинство общественности ранее считало эти действия «плохими», подавляющее большинство сегодня считает их «уместными».

И законы, и мораль призваны контролировать поведение в общине и позволять людям жить в мире. Оба они основаны на идее, что каждый должен обладать автономией и относиться друг к другу с уважением. Но с тех пор, как юриспруденция возродилась, как научная дисциплина, взаимосвязь между правом и моралью горячо обсуждалась, этот вопрос еще предстоит решить, и, возможно, никогда не будет решен. Общее понимание взаимосвязи между законом и моралью состоит в том, что закон существует в некотором роде для поощрения морали, для защиты условий, которые позволяют людям вести нравственную жизнь, а затем позволяют им жить трезвой и продуктивной жизнью.

Принятие нормативного акта государством называется законом. Для его поддержки используется физическое принуждение, его нарушение карается принятым нормам. Закон воплощает намерения государства и служит его целям. Политические, социальные и экономические связи в обществе отражены в законах страны. Он устанавливает права и обязанности людей друг перед другом и государством. Правительство выполняет свои обещания, данные народу, выполняя их с помощью законодательства. Это отражение социальной необходимости общества. Законы обычно основаны на общественных моральных идеалах, и то, и другое определяет поведение индивида в обществе. Они оказывают большое влияние друг на друга. Чтобы быть эффективными, законы должны отражать моральные ценности людей. С другой стороны, эффективные законы могут помочь пробудить моральное сознание людей и создать и поддерживать ситуации, способствующие нравственному росту. Примерами такого рода законодательства являются законы, запрещающие употребление табака и поощряющие расширение базового образования.

На самом деле мораль и политика неразрывно связаны. Развитие общего благосостояния и нравственного совершенства человека — конечная цель государства. Государство несет ответственность за принятие законодательства, которое повысит моральный уровень людей. В результате законы государства придерживаются доминирующей моральной нормы. Закон — это больше, чем просто приказ правителя, он также символизирует понятие добра и зла, основанное на народной морали. Кроме того, соблюдение закона зависит от активной поддержки моральных эмоций людей. Мы осознаем, тот факт, что законы, которые не подкреплены моральной совестью общества, бесполезны, как и законы о запрете на употребление табачных изделий. Поскольку нет общественной моральной

совести и морали со стороны отдельного человека, следовательно, такие законы мертвы, то есть они принимаются только в книгах, а не в реальности [1].

Преступное поведение является чем-то аморальным, когда ущерб серьезен и затрагивает широкую общественность (включая отдельную жертву), государство может принять прямые меры против правонарушителя. В этом случае положения об общественном осуждении или возмещении ущерба являются неэффективными. Такие правонарушения, как массовое убийство, похищение, подстрекательство к мятежу, государственная измена и тому подобное, нарушают структуру закона и порядка, ставя под угрозу выживание государства или вызывая всеобщий страх. В результате государство подчеркивает важность наказания правонарушителя, а не сосредоточения внимания на проблеме выплаты правонарушителем компенсации потерпевшей стороне.

Эта группа правонарушений известна, как «публичные правонарушения» или «преступления», за которые государство инициирует уголовные процедуры и наказывает виновного. Свод законов, касающихся таких преступлений, известен как уголовное законодательство. Он запрещает поведение, которое считается угрожающим, наносящим ущерб или иным образом опасным для имущества, здоровья, безопасности или морального благополучия других, включая вас самих. Большая часть уголовного законодательства формируется посредством нормативных актов, а это означает, что оно принимается законодательным органом.

Цель уголовного права состоит в том, чтобы «снизить преступную активность до такой степени, чтобы общество могло справиться с негативными последствиями криминальности, не ставя под угрозу ее стабильность. Иными словами, цель уголовного закона состоит в том, чтобы гарантировать, что социально деструктивная деятельность наносит как можно меньше вреда обществу».

Это не значит отвергать апостериорную связь между моралью и преступлениями в том смысле, что может быть аморально совершать поступок, который объявляется преступным просто потому, что человек морально обязан следовать позитивным законам общества. Хотя мораль и законность можно различать, они не являются полностью отдельными сущностями. Их объединяет тот факт, что они оба стремятся поддерживать социальный порядок. Существует множество несправедливостей, на которые закон и мораль реагируют с широко распространенной враждебностью. Среди них убийства, изнасилования, поджоги, грабежи, кражи и другие уголовные преступления, в этом случае закон и мораль прочно укрепляют и усиливают друг друга. Все, что считается повышающим моральную виновность в конкретном преступлении, считается оправданием для усиления суровости назначенного ему наказания.

Цель закона состоит в том, чтобы предоставить по-

мощь обществу (во всех подразделениях государства). Закон направлен на создание условий труда, справедливых для всех членов общества. С другой стороны, существует туманная идея морали, которая представляет собой поиск стандарта или компонента нормативной системы. Мораль — это набор социальных эталонов измерения, которые служат ориентирами для человеческого поведения. Хотя в этих принципах нет логики, они, тем не менее, господствуют в нашей культуре. Это полностью частная практика, в которой закон не играет никакой роли. Мораль может оказывать плохое влияние на общество или оказывать положительное влияние на общество. Поскольку и то, и другое является нормативным и институционализированным по своей природе, закон и мораль являются нормативными системами в нашем обществе. Единственное различие между законом и моралью состоит в том, что первое является принудительным по своей природе, в то время, как второе — нет. Принуждение используется для обеспечения соблюдения закона, и постоянное применение закона в сообществе приводит к интернализации закона в человеческом духе [2].

Термин «мораль» относится к идеалам, которые направляют наши действия. Общество не сможет долго процветать, если не будут следовать этим принципам. Каждый следует какому-то моральному кодексу, чтобы обеспечить справедливость и гармонию между людьми; помочь нам стать лучшими людьми, чтобы иметь лучшее сообщество; и поддерживать нас в хороших отношениях с силой, которая нас создала. С помощью этих моральных кодексов каждый преступник в какой-то степени будет избегать выполнения преступной цели.

Мораль человека в какой-то степени останавливает его от совершения преступлений, и если каждый человек выработает, какой-то аморальный кодекс, то его мораль, несомненно, остановит его от совершения преступления.

Не существует жесткой оболочки или универсальной формулы, которая могла бы решить, следует ли применять законодательство для навязывания морали. Можно только сделать вывод, что степень соблюдения моральных норм варьируется от ситуации к ситуации. В тех случаях, когда мораль оказывает положительное и благотворное влияние на общество, закон может быть использован для обеспечения соблюдения такой позитивной морали, если это необходимо. С другой

стороны, любая мораль, которая каким-либо образом наносит вред обществу, никогда не должна соблюдаться с помощью законодательства.

Закон является функцией культуры — он существует во всех цивилизациях, а это значит, что он является функцией морали или ценностей. Закон без морали — это культурное самоубийство, и именно это породят люди, которые захотят разделить их, нравятся им это или нет. Мы должны сделать все возможное, чтобы воспитать самое моральное поколение, с самыми чистыми намерениями и формировать лучшие поступки, на которые мы способны в нашу эпоху более сложных моральных проблем, когда технические усовершенствования опережают моральный рост и понимание. Мы должны гораздо шире использовать закон в качестве моральных стимуляторов и воспитателей [3].

Список источников

1. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Юрист, 2004.
3. Лазарев В. В. Общая теория права и государства. М. : Юрист, 1994.

References

1. Maltsev G. V. Moral foundations of law. M., 2008.
2. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and law. Moscow : Jurist, 2004.
3. Lazarev V. V. General theory of law and state. M. : Lawyer, 1994.

Bibliographic list

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
2. Пиголкин А. С. Теория государства и права. М; 2006.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, 1907. 86 т.

Bibliographic list

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1992.
2. Pigolkin A. S. Theory of State and law. M; 2006.
3. Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. St. Petersburg, 1907. 86 vol.

Информация об авторе

Г. М. Сарбаев — адвокат, общественный деятель, член Европейской ассоциации юристов, доктор права.

Information about the author

G. M. Sarbayev — Lawyer, public figure, member of the European Association of Lawyers, Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-201-208>

НИОН: 2003-0059-4/22-380

MOSURED: 77/27-003-2022-04-579

Актуальные проблемы уголовной ответственности за эвтаназию

Анна Александровна Семочкина¹, Александра Алексеевна Вильмс²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ aniutaart@mail.ru

² aleksandra.vilms@yandex.ru

Аннотация. Эвтаназия — намеренное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий; явление страшное и остро прогрессирующее в современном мире. Поднимается проблема уголовной ответственности за эвтаназию.

Ключевые слова: жизнь человека, эвтаназия

Для цитирования: Семочкина А. А., Вильмс А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за эвтаназию // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 201–208. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-201-208>.

Original article

Actual problems of criminal liability for euthanasia

Anna A. Semochkina¹, Aleksandra A. Vilms²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ aniutaart@mail.ru

² aleksandra.vilms@yandex.ru

Abstract. Euthanasia is the deliberate acceleration of the death of a terminally ill person in order to end his suffering. This phenomenon is terrible and acutely progressive in the modern world. Within the framework of this article, the author raises the problem of criminal liability for euthanasia.

Keywords: human life, euthanasia

For citation: Semochkina A. A., Vilms A. A. Actual problems of criminal liability for euthanasia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):201–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-201-208>.

Жизнь – это, священный дар, который является непререкаемой и высшей ценностью. Процесс появления на свет, старения и физического умирания — естественный, поэтому человек имеет право как на достойную жизнь, так и на достойный уход из нее. Стремление к прекращению как своей, так и чужой жизни — противоестественно. Однако взгляды за «умирание с достоинством» в современном мире становятся все более популярными. Человек, будучи больным, теряет последнюю надежду на выздоровление и просит лишиться себя жизни добровольно. В юридической, медицинской и религиозной литературе такое деяние называется эвтаназией.

Термин «эвтаназия» произошел от слияния прилагательного «ευ» — благо, или эпического «ев» — «хороший, добрый, красивый, доблестный, благородный»; слова «thanatos», означающего «смерть».

В медицине понятие «эвтаназия» впервые было использовано в XVII веке Ф. Бэконом, под которым английский политик обозначал легкую, безболезненную смерть, осуществляемую врачом для облегчения страданий. Дословно данный термин был переведен как «благоумирание», однако стал означать не столько сам факт наступления смерти, а форму ее причинения. В своих сочинениях Ф. Бэкон писал: «Я совершенно убежден, что долг врача состоит не только в том, что-

бы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже не совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать смерть более легкой и спокойной» [6, с. 256]. В высказывании Ф. Бэкона явно выделены признаки, на основе которых среди различных действий медицинского работника можно точно определить, какие из них входят в понятие «эвтаназия». Во-первых, термин определен как «легкая и спокойная смерть», поскольку во время проводимых мероприятий потерпевшему не причиняются иные физические и нравственные страдания помимо испытываемых им вследствие протекающей болезни. Во-вторых, медицинский работник, осуществляющий эвтаназию, совершенно убежден в отсутствии эффективного лечения болезни.

Похожее определение понятия приведено в Большой медицинской энциклопедии, под которым понимают «намеренное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий» [7]. Тем не менее, данная дефиниция, по мнению Капинус О. С., не позволяет полностью сформулировать и конкретизировать термин, так как в нем отсутствуют несколько важных уточнений, необходимых для полного определения понятия. Как отмечает Капинус О. С., в дефиниции «во-первых, не упоминается даже терминологически о просьбе больного; во-вторых, речь идет лишь об ускорении наступления смерти, которое не всегда может совпадать с ее фактическим наступлением» [11, с. 32].

В настоящее время вопрос о легализации эвтаназии достаточно актуален, поскольку события, происходящие в современном мире, затрагивают правосознание населения России. Законодательством большинства зарубежных государств предусмотрен запрет на проведение данной процедуры. Тем не менее, нельзя сказать о полном отрицании данного комплекса мер, так как существует ряд стран, где эвтаназия не просто считается взвешенным и обдуманым решением, но и легализованным процессом.

На сегодняшний день к странам, допускающим осуществление эвтаназии, относятся — Бельгия, Нидерланды, Швейцария и другие. Поскольку Российская Федерация занимает одну из ведущих позиций в мировом рейтинге стран, все нововведения, касающиеся медицинских, юридических и религиозных проблем, не могут быть оставлены без внимания.

Помимо толкования понятия «эвтаназия» немаловажным является установление его уголовно-правовой характеристики в законодательстве Российской Федерации, так как не имеют смысла попытки понять суть деяния, используя только одно лишь понятие.

Для того чтобы определить квалификацию дея-

ния, содержащего признаки различных форм эвтаназии, необходимо рассмотреть наличие четырех элементов состава преступления.

Вопреки существованию запрета на проведение эвтаназии, предусмотренного ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и отсутствии в уголовном законодательстве отдельной статьи, предусматривающей наказание за ее совершение, осуществление данного деяния подлежит квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Кроме того, в виду наличия в убийстве наличия сострадания, при назначении наказания применяется положения п. «д», ч. 1. ст. 61 УК РФ как смягчающее обстоятельство при совершении преступления.

Рассуждая об убийстве, И. Я. Фойницкий отмечает, что оно «не перестает быть убийством, хотя оно было сделано с согласия убитого». Однако в тоже время не мог не согласиться с тем, что «между действующими по мотивам нравственным и безнравственным, социальным и антисоциальным лежит целая бездна, и, хотя бы они нарушали один и тот же уголовный закон, их состояния преступности далеко не одинаковы» [14, с. 256].

Как отмечалось ранее, эвтаназия квалифицируется как убийство, которое совершается по просьбе потерпевшего. Несмотря на наличие этого высказанного желания, осуществление данного деяния ни при каких обстоятельствах не означает освобождение от уголовной ответственности.

Наиболее проблемным из элементов состава преступления убийства в форме эвтаназии является определение объекта.

Под объектом преступления К. А. Амиянц понимает «то, на что посягает преступление, то есть, на что оно направлено, что оно нарушает и чему причиняет или может причинить вред» [5, с. 158]. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, является жизнь человека. В Декларации прав человека закреплено «право на жизнь» каждого человека [1, с. 4]. Конституция Российской Федерации также закрепляет данное право [2, с. 4398]. Однако ни один из этих нормативно-правовых актов не сохраняет за человеком «права на смерть». Из этого можно сделать вывод, одной из основных задач, стоящих и перед Декларацией прав человека, и перед Конституцией Российской Федерации, является сохранение «права на жизнь» как у тяжело больных людей, так и даже у совершенно неизлечимых, поскольку жизнь любого человека — высшая социальная ценность, на которую происходит посягательство как во время простого убийства, так и убийства в форме эвтаназии.

В концепции уголовного права различают такие виды объекта как родовой, видовой и непосредственный.

Под родовым или специальным объектом преступления понимают группу однородных или тождественных общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Кроме того, это мера разграничения, которая является основой разделения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации на разделы с учетом схожести родовых объектов различных составов преступлений.

Родовым объектом убийства являются такие общественные отношения, которые обеспечивают естественные права и свободы любого человека. Анализируя данный объект и отождествляя его с родовым объектом эвтаназии, допустимо говорить об их совпадении.

Однако установление одного этого вида объекта указывает только на определенную группу общественных отношений и не позволяет свидетельствовать о конкретном общественном отношении, на которое совершено посягательство. Поэтому для правильной квалификации, в видах объекта выделены видовой и непосредственный объекты.

Видовой объект — та часть родового объекта, объединяющая более узкие группы отношений, отражающих один и тот же интерес участников этих отношений. То есть, видовой объект — совокупность общественных отношений одного вида, каждое из которых становится непосредственным объектом при совершении преступления, относящегося к данному виду.

Под видовым объектом основного состава убийства понимают те общественные отношения, которые направлены на охрану жизни и здоровья. Рассматривая схожесть родовых объектов убийства и эвтаназии, нельзя говорить о полном сходстве в видовых объектах. Так, в процессе совершения эвтаназии, как одной из разновидностей убийства, видовым объектом признаются общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье неизлечимо больного человека, чья смерть неизбежна.

Непосредственным объектом признается тот конкретный вид общественных отношений, которому непосредственно причиняется вред от преступного деяния, то есть это то, на что конкретно направлено посягательство.

Непосредственным объектом убийства является сама жизнь человека. Говоря о непосредственном объекте эвтаназии, мнение правоведов разделилось. Например, О. С. Капинус понимает его как «возможность человека находиться в живом состоянии» [11, с. 179].

По мнению И. А. Гюлишановой, «потерпевший должен быть безнадежно больным или иным образом обреченным на смерть человеком, к тому же находящимся в беспомощном состоянии и испытывающим непереносимые страдания» [10, с. 52]. То есть автор связывает непосредственный объект с жизнью неиз-

лечимо больным или иным образом обреченным на смерть человеком, который находится в беспомощном состоянии и испытывает невыносимую боль. С ее точкой зрения согласны М. А. Горбатова, Н. И. Щипанова, которые обращают внимание на то, что «указание в нем на признак беспомощности является лишним, так как потерпевший не обязательно должен быть лишен возможности осознавать происходящее или оказывать сопротивление» [9, с. 23].

Анализируя результаты проведенного изучения, допустимо говорить о существенных отличиях непосредственных объектов убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и эвтаназии, ответственность за которую предусмотрена этой же статьей. То есть для квалификации убийства в форме эвтаназии обязательным признаком является неизлечимость потерпевшего. Несмотря на то, что наука и медицина постоянно развиваются, нельзя говорить о том, что все болезни имеют свое лекарство, которое полностью бы избавило человечество от существующего заболевания.

Не менее важной нерешенной проблемой является возможность предоставления права голоса родственникам в силу невозможности получить согласие от самого больного. Так, в виду его нахождения, например, в коме, просьба об умерщвлении, которая исходит от близких, не может свидетельствовать о наличии этого желания от самого потерпевшего. Об этом также нельзя утверждать, когда больной может понимать характера и значения совершаемых с ним действий. В таких случаях, по нашему мнению, оказание медицинской деятельности и умерщвление больного даже с целью облегчения его страданий, должно быть признано как квалифицированное убийство.

В теории уголовного права в вопросах, относящихся к объективным признакам любого предусмотренного уголовным законодательством преступления, помимо объекта, выделен также такой элемент состава, как объективная сторона.

Объективная сторона эвтаназии выражена, в большинстве случаев, с помощью активных действий. Тем не менее, на практике известны случаи, когда в качестве акта эвтаназии было признано бездействие лиц. То есть, говоря об объективной стороне нельзя затронуть формы эвтаназии, ее активную и пассивную разновидности. В связи с этим возникает необходимость отграничения мотива эвтаназии и мотива совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ. Различие составов преступлений явно выражено в диспозиции ранее названной нормы. Не оказание помощи больному будет признано уголовно наказуемым при отсутствии уважительных причин. Перечень этих причин прямо не указан. Их наличие или отсутствие устанавливается в каждом конкретном деле индивидуально. Опираясь на судебную практику, многие правоведы предпринимали попытки вы-

делить эти уважительные причины в определенную классификацию и определить наиболее возможные и важные обстоятельства совершения преступления, предусмотренные ст. 124 УК РФ. Например, Н. В. Щетинина признает одну из возможных классификаций уважительных причин по объективным и субъективным признакам и выделяет такие обстоятельства, как «обстоятельства природного и техногенного характера, общественно опасные действия людей, конкуренция обязанностей по оказанию помощи при наличии одновременных «опасностей», личные обстоятельства объективного и субъективного характера» [13, с. 143]. Однако среди приведенных примеров автор не упоминала о таком обстоятельстве, как наличие у больного неизлечимого заболевания. Поэтому, преследуя цель облегчения страданий потерпевшего путем действий, которые входят также в объективную сторону неоказания помощи больному, виновный по действующему уголовному законодательству совершает преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ, а не ст. 124 УК РФ.

Рассматривая эвтаназию с точки зрения конструкции состава преступления и опираясь на вывод, что в результате деяния обязательно должны наступить общественно опасные последствия в виде смерти потерпевшего, мы не можем говорить о формальности состава преступления. Более того, необходимым является доказательство о наличии причинно-следственной связи между деянием виновного, действием или бездействием, и смертью неизлечимо больного.

Помимо обязательных признаков материальных составов преступления, рассмотренных нами ранее, нельзя не рассмотреть дополнительные признаки объективной стороны, которые в ряде случаев выделены в многочисленных диспозициях статей уголовного законодательства и признаны обязательными наравне с общественно опасным деянием, общественно опасными последствиями и причинно-следственной связью.

В настоящее время под актом эвтаназии признается совершение деяния не только в медицинском учреждении, но и по месту проживания потерпевшего. Причем средства и орудия, используемые виновным, могут быть разнообразными. К примеру, по мнению М. А. Горбатовой и Н. И. Щипановой «смерть потерпевшему может быть причинена путем введения инъекций, ускоряющих процесс умирания, посредством отказа врача от лечения пациента или отключения аппаратов, поддерживающих его жизнедеятельность, и т. п.» [9, с. 26]. Не может идти речи об эвтаназии, когда наступление смерти потерпевшего происходит в результате побочных эффектов вводимого препарата, используемого лишь для уменьшения болей пациента, а не для облегчения его страданий путем умерщвления.

Говоря об активной эвтаназии, мы рассматриваем

случаи, когда перед пациентом стоит выбор: врач или же сам больной введут препарат в организм. Тем не менее, по мнению Т.И.В. Вавилкиной, необходимо отличать активную форму эвтаназии от убийства из милосердия, «то есть когда врач «при отсутствии просьбы безнадежно больного, видя его мучительные страдания, которые обязательно в скором времени приведут к смерти, и будучи не в силах их устранить, совершает деяние, в результате которого наступает смертельный исход» [8, с. 90]. Пассивная форма эвтаназии, в отличие от активной, предусматривает завершение всех процедур, необходимых для лечения.

Поскольку эвтаназии только в настоящее время стало уделяться достаточное количество внимания и в виду того, что данное деяние приравнено к убийству, полного перечня мероприятий, осуществляемых виновным во время эвтаназии, не существует. Поэтому все действия, направленные на умерщвление потерпевшего с его согласия, признаны деяниями, входящими в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ.

Так, например, впервые об эвтаназии, как об одной из форм убийства, стало известно в России в 2004 году. Две несовершеннолетние девушки совершили убийство парализованной женщины по ее просьбе. При этом, в ходе проведенного расследования не удалось представить доказательств, о том, что потерпевшая испытывала непереносимые боли и страдания. Кроме того, опираясь на показания свидетелей, было установлено, что желание уйти из жизни потерпевшая высказывала неоднократно ввиду начавшейся депрессии. Выполнить просьбу согласилась Марта Шкерманова, которой потерпевшая предложила забрать золотые украшения в обмен на совершение умерщвления. Вместе со своей знакомой, Кристиной Патриной, они совершили ряд действий, направленных на убийство: ввели в вены потерпевшей воздух, а затем, понимая безрезультатность, задушили парализованную женщину веревкой. При квалификации деяния несовершеннолетних как убийство, позиции стороны обвинения и стороны защиты о наличии отягчающих или смягчающих обстоятельств были различны. Так, сторона обвинения в лице прокурора, настаивала на том, что деяние было совершено из-за получения вознаграждения, то есть присутствовала корыстная цель. Однако сторона защиты доказала наличие мотива сострадания по отношению к потерпевшей. В результате «приговор был смягчен, потому что девушки активно сотрудничали со следствием» [17].

В судебной практике разрешения дел об эвтаназии, есть случаи, в которых суд признавал наличие такого смягчающего обстоятельства как мотив сострадания. Согласно Приговору № 2-52/2011 от 2 сентября 2011 г. по делу № 2-52/2011 Курганского областного суда «Лобов В. Г. совершил убийство М. заведомо для

него находящейся в беспомощном состоянии при следующих обстоятельствах. 9 января 2011 года с 17 до 20 часов 30 минут Лобов, находясь в квартире №. дома №. по улице в селе района области, из сострадания к тяжело больной М., выполняя ее просьбу о лишении жизни, осознавая, что в силу состояния здоровья она не способна оказать ему сопротивление, с целью убийства сдавил ее шею шнуром, причинив угрожающую жизни странгуляционную борозду, лишил возможности дышать, отчего она скончалась на месте происшествия» [16]. К выводу о виновности Лобова в убийстве М. суд пришел на основании совокупности следующих доказательств. В ходе предварительного расследования Лобов показал, что его супруга страдала тяжелым онкологическим заболеванием. В конце 2010 года состояние здоровья М. ухудшилось, сопровождалось сильными болями, она практически не принимала пищу. 8 января 2011 года соседи принесли супругу домой, так как она не могла передвигаться. Вечером 9 января 2011 года М. сказала ему: «Придуши меня, я уже не могу мучиться от боли». Чтобы прекратить страдания жены, накинул на ее шею ремень и задушил. После этого сообщил соседям о смерти супруги. Суд находит доказанным, что убийство М. подсудимый совершил по мотиву сострадания, выполняя ее просьбу о лишении жизни. Признать Лобова Владимира Григорьевича виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, применяя положения ст. 64 УК РФ, назначить ему 4 (четыре) года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Вместе с тем, несмотря на наличие тождественности убийства и эвтаназии, многие правоведы выделяют принципиальные отличия деяний. По данному факту наиболее полное мнение, на наш взгляд, высказал Н. Е. Алёнкин, который видит разницу в следующем: «принципиальное отличие убийства по просьбе потерпевшего от иных видов убийства (в том числе от любого предусмотренного в настоящее время привилегированного вида убийства) заключается в том, что оно лишено насильственного характера. Любое другое убийство, будучи насильственным преступлением, совершается против воли потерпевшего (или независимо от нее). В случае же убийства по просьбе потерпевшего воля самого «потерпевшего» направлена на уход из жизни, более того, он просит об этом исполнителя, что охватывается умыслом последнего». То есть, в случае совершения эвтаназии нельзя говорить ни о причинении вреда против или помимо его воли, ни о принудительном воздействии.

Помимо объективных признаков для признания деяния преступлением необходимо наличие его субъективных признаков. Субъективная сторона любого преступления представлена в виде вины, выраженная умысла или неосторожности.

Анализ эвтаназии как преступления показал, что субъективная сторона в ней выражена умышленной формой вины и направлена на лишение жизни неизлечимо больного потерпевшего. Однако, продолжая выделять отличительные признаки убийства и эвтаназии, мы не можем говорить о полной схожести. Несомненно, умысел, как в первом, так и во втором акте направлен на умерщвление человека. Однако убийство предполагает совершения деяния в форме как прямого, так и косвенного умысла. О наличии в акте эвтаназии косвенного умысла говорить невозможно в силу того, что этот вид предполагает осознание виновным общественной опасности совершаемого деяния, предвидения возможности наступления общественно опасных последствий и не желание, но сознательное допущение этих последствий либо безразличное отношение к ним. При совершении эвтаназии виновный предвидит возможность того, что его действия причинят смерть другому человеку и желает наступления смерти в силу сострадания к его неизлечимому и приносящему страдания состоянию, а не сознательно допускает наступление смерти или безразлично к этому отнесется.

Такие факультативные признаки субъективной стороны как мотив и цель в данном преступлении переходят в разряд обязательных и играют важную роль для правильной квалификации содеянного. Мотивом признается чувство сострадания к неизлечимо больному, а целью — прекратить страдания неизлечимо больного человека.

Осуществление эвтаназии не может быть основано на иных мотивах и целях. В связи с этим исключена возможность привлечения к уголовной ответственности за данное преступление, совершенное с корыстной целью, например, умерщвление жертвы по ее просьбе для получения вознаграждения за последующую трансплантацию органов. Например, Н. С. Таганцев говорил, что «нельзя поставить на одну доску с убийцей из корысти или мести солдата, заколовшего на поле битвы своего смертельно раненного товарища по его просьбе, чтобы избавить его от дальнейших мучений, доктора, прекратившего мучительную агонию умирающего и т. п.» [12, с. 300].

Например, согласно Приговору Фроловского городского суда Волгоградской области от 02 ноября 2017 г., вынесенного по делу № 1-116/2017, в отношении Ершова Сергея Николаевича, по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РФ, был вынесен обвинительный приговор. Ершов С.Н. совершил убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, при следующих обстоятельствах: «Ершов С.Н. находился в домовладении, совместно с матерью своей сожительницы, которая страдала заболеваниями ног и позвоночника, длительное время испытывая силь-

ные боли. Потерпевшая, не имея возможности продолжать терпеть боли вследствие имеющихся у нее заболеваний, обратилась к Ершову С. Н. с просьбой о лишении ее жизни. В этот момент у Ершова С. Н., испытывающего сострадание к мучениям женщины, возник преступный умысел, направленный на убийство. Реализуя задуманное, Ершов С. Н. осознавая общественную опасность своих преступных действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения смерти и желая этого, находясь в помещении зальной комнаты домовладения, умышленно и целенаправленно, подошел к потерпевшей, лежащей на диване на спине, своими двумя руками обхватил шею потерпевшей, которая является жизненно важным органом и с силой стал сдавливать руки, перекрыв тем самым потерпевшей доступ кислорода в легкие. Предвидя, что в результате своих противоправных действий в виде умышленного сдавливания своими руками шеи женщины, наступит смерть последней, Ершов С. Н. с силой продолжал сдавливать шею потерпевшей до момента, пока потерпевшая не перестала подавать признаки жизни, чем причинил телесные повреждения. Мотивом совершения преступления явилось чувство сострадания к потерпевшей и просьба о лишении её жизни, о чём подсудимый Ершов С. Н. стабильно пояснял в ходе предварительного следствия, а также подтверждено показаниями свидетеля о том, что потерпевшая неоднократно говорила, что устала жить, хочет поскорей умереть, так как ей надоело жить «овошем». Несмотря на то, что показаниями потерпевших, свидетелей о том, что потерпевшая была жизнерадостным человеком и не желала умирать, суд принимает за основу показания о том, что она страдала от физических болей и хотела умереть» [15]. Поэтому одним из обстоятельств, смягчающих наказание виновному, суд признал в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ, совершение преступления по мотиву сострадания.

Однако возникновение умысла на совершение эвтаназии может возникнуть в результате ошибочного суждения виновного о желании потерпевшего умереть, хотя в действительности просьбы не было или она исходила от лица, не осознающего последствий своего решения, либо требование было выражено в форме согласия на предложение субъекта совершить умерщвление.

Субъект эвтаназии также имеет не менее важные отличия от субъекта убийства. Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14-летнего возраста. При этом, лицами, которые совершают непосредственно эвтаназию, признаются определенный круг лиц. К ним относятся медицинский или социальный работник, родственник или знакомое лицо, осведомленное

о тяжелой неизлечимой болезни и страданиях, связанных с этой болезнью. Анализируя возможность совершения действий, предусмотренных объективной стороной эвтаназии, лицами, не относящимися к медицинским работникам, необходимо понимать, что если умерщвление совершается лицом, не имеющим медицинского образования, то может ли оно утверждать точно о таких вещах как: возможно ли прекратить страдания больного, не причиняя ему смерти, а также излечимость или неизлечимость заболевания. Поэтому в данном случае считаем необходимым рассматривать совершенное деяние как простое убийство, а не «избавление человека от страданий» путем его умерщвления.

Говоря о субъективных признаках эвтаназии, нельзя не сказать о ее субъекте, которым является лицо, достигшее 16-летнего возраста. В качестве специального субъекта следует выделить медицинского работника.

Согласно ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» именно медицинским работником запрещается осуществление эвтаназии. Поэтому для правильного определения субъекта преступления необходимо определить: кто является медицинским работником. Статья 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет медицинского работника как «физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность» [3]. Анализ наличия прямого запрета на совершение эвтаназии и существующих взглядов к её легализации в зарубежном законодательстве обосновывает логичность введения в УК РФ отдельной нормы за указанное деяние.

Таким образом, основываясь на исследовании (изучении) нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение как простого убийства, так и эвтаназии, а также на существующие между ними сходные и различные признаки, мы пришли к следующим выводам:

Родовым объектом преступления эвтаназии признаются общественные отношения, которые обеспечивают естественные права и свободы любого человека.

Видовым объектом преступления эвтаназии признаются общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье неизлечимо больного человека, чья смерть неизбежна.

Непосредственным объектом преступления эвтаназии является жизнь неизлечимо больного человека.

Объективная сторона предусматривает деяние (действие или бездействие), направленное на прекращение жизни безнадежно больного; преступное последствие (причинение смерти); причинная связь между деянием (действием или бездействием) и наступлением смерти потерпевшего, означающая, что смерть с внутренней закономерностью должна вытекать из действий (бездействия) виновного, т.е. быть необходимым, а не случайным их последствием. Наличие этих трех признаков говорит о материальной конструкции состава преступления.

Субъективная сторона выражена умышленной формой вины и направлена на лишение жизни неизлечимо больного потерпевшего. При этом, в отличие от убийства, отсутствие возможности совершения преступления с косвенным умыслом предусматривает наличие только прямого умысла, поскольку виновный предвидит возможность того, что его действия причинят смерть другому человеку и желает наступления смерти в силу сострадания к его неизлечимому и приносящему страдания состоянию, а не сознательно допускает наступление смерти или безразлично к этому относится.

Субъект — лицо, достигшее 16-летнего возраста, имеющее медицинское или иное образование, работающее в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2022).
5. Амиянц К. А. Проблемы определения объекта преступления в уголовном праве / К. А. Амиянц // Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики: Мате-

риалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах, Тольятти, 20–21 апреля 2017 года. Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2017. С. 158–162.

6. Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1977.
7. Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ) / под редакцией Петровского Б. В. 3-е изд. <https://бмэ.орг/index.php/ЭЙТАНАЗИЯ>.
8. Вавилкина Т. В. К вопросу об эвтаназии в законодательстве зарубежных стран // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4(8). С. 90–97.
9. Горбатова М. А. Ответственность за убийство из сострадания : некоторые вопросы теории и практики / М. А. Горбатова, Н. И. Щипанова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 22–27.
10. Гюлишанова И. А. Уголовно-правовой статус потерпевшего при эвтаназии // Законность. 2011. № 3. С. 52–55.
11. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление. Монография. М. : Издат. дом «Буквевед», 2006. 400 с.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902.
13. Щетинина Н. В. Неоказание помощи больному : уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 143–149.
14. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. 464 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000751964/ (дата обращения: 31.01.2022).
15. Приговор Фроловского городского суда Волгоградской области от 02 ноября 2017 г., вынесенного по делу № 1-116/2017. URL: https://frolvol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31240091&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2022).
16. Приговор № 2-52/2011 от 2 сентября 2011 г. по делу № 2-52/2011 Курганского областного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uf9YS8E1biN1/> (дата обращения: 15.01.2022).
17. URL: <https://polit.ru/article/2004/12/07/prigovorevtan/> (дата обращения: 15.01.2022).

References

1. Universal Declaration of Human Rights : adopted and proclaimed by the UN General Assembly on December 10, 1948 // Rossiyskaya Gazeta. 1998. December 10.

2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 01.07.2020 № 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, № 31, Art. 4398.
3. Federal Law № 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 02.07.2021) «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions, ent. effective from 01.10.2021).
4. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 04.03.2022).
5. Amiyants K. A. Problems of determining the object of a crime in criminal law / K. A. Amiyants // Tatishchev readings : actual problems of science and practice : Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. In 4 volumes, Togliatti, April 20–21, 2017. Togliatti : Volzhsky University named after V.N. Tatishchev (Institute), 2017. P. 158–162.
6. Bacon F. Soch. : In 2 vol. t. 1. M., 1977.
7. Great Medical Encyclopedia (BME) / edited by B. V. Petrovsky, 3rd edition. <https://бмэ.орг/index.php/ЭЙТНАЗИЯ>.
8. Vavilkina T. V. On the issue of euthanasia in the legislation of foreign countries // Nauka. Society. State. 2014. № 4(8). P. 90–97.
9. Gorbatova M. A. Responsibility for murder out of compassion : some questions of theory and practice / M. A. Gorbatova, N. I. Shchipanova // Bulletin of the South Ural State University. Series : Pravo. 2019. Vol. 19. № 3. P. 22–27.
10. Gulishanova I. A. The criminal-legal status of the victim during euthanasia // Legality. 2011. № 3. P. 52–55.
11. Kapinus O. S. Euthanasia as a social and legal phenomenon. Monograph. M. : Izdat. house «Letterist», 2006. 400 p.
12. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Part of the general. Vol. 1. St. Petersburg., 1902.
13. Shchetinina N. V. Failure to help a patient: criminal-legal characteristics and qualification issues // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (81). P. 143–149.
14. Foynitsky I. Ya. The doctrine of punishment in connection with prison studies. M., 2000. 464 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000751964/ (accessed: 31.01.2022).
15. Verdict of the Frolovsky City Court of the Volgograd region of November 02, 2017, issued in case № 1-116/2017. URL: https://frolvol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31240091&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed: 15.01.2022).
16. Verdict № 2-52/2011 of September 2, 2011 in case № 2-52/2011 of the Kurgan Regional Court. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uf9YS8E1biN1/> (accessed: 15.01.2022).
17. URL: <https://polit.ru/article/2004/12/07/prigovorevtan/> (accessed: 15.01.2022).

Информация об авторах

А. А. Семочкина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А.А. Вильмс — курсант 3 курса Международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. A. Semochkina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Vilms — 3rd year Cadet of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 23.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 23.06.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-209-214>

ИИОН: 2003-0059-4/22-381

MOSURED: 77/27-003-2022-04-580

Зарубежный опыт восстановительной юстиции и медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов

Елена Николаевна Сенина

Российская академия адвокатуры и нотариата, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены первые программы примирения по уголовным делам, датированные 70–80-ми годами XX в. применявшиеся в США и Канаде. На их основе происходит становление концепции восстановительного правосудия, которая доказав свою результативность в странах англо-саксонской правовой семьи, получает развитие и в странах континентального права, поэтому современные его программы по-прежнему основаны преимущественно на североамериканских моделях. При этом первоначальный опыт восстановительного подхода приобретался в сфере ювенальной юстиции, а затем распространялся на совершеннолетних преступников. Исторически первой программой восстановительного правосудия является медиация. В настоящее время медиация потерпевшего и преступника является наиболее распространённой частью большой концепции, называемой «восстановительным правосудием». Настоящая публикация посвящена анализу современных зарубежных моделей медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов.

Ключевые слова: уголовная политика, карательное правосудие, восстановительное правосудие, альтернативы уголовного преследования, медиация

Для цитирования: Сенина Е. Н. Зарубежный опыт восстановительной юстиции и медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 209–214. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-209-214>.

Original article

Foreign experience of restorative justice and mediation in the resolution of criminal law conflicts

Elena N. Senina

Russian Academy of Lawyers and Notaries, Moscow, Russia

Abstract. It is known that the first programs of reconciliation in criminal cases are dated to the 70–80s of the XX century and began to be used in the USA and Canada. On this basis, the concept of restorative justice is being developed, which, having proved its effectiveness in the countries of the Anglo-Saxon legal family, is being developed in the countries of continental law, so its modern programs are still based mainly on North American models. At the same time, the initial experience of the restorative approach was acquired in the field of juvenile justice, and then extended to adult criminals. Historically, the first restorative justice programme is mediation. Currently, the mediation of the victim and the offender is the most common part of a large concept called «restorative justice». This publication is devoted to the analysis of modern foreign models of mediation in the resolution of criminal law conflicts.

Keywords: criminal policy, punitive justice, restorative justice, alternatives to prosecution, mediation

For citation: Senina E. N. Foreign experience of restorative justice and mediation in the resolution of criminal law conflicts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):209–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-209-214>.

Как показывает анализ законодательства многих зарубежных стран, в настоящее время сложился полноценный правовой институт медиации, заклю-

чающийся в предоставлении сторонам права на свои, собственные активные действия по разрешению возникшего между нами конфликта (спора) на взаимовы-

© Сенина Е. Н., 2022

годных или, по крайней мере, на взаимоприемлемых для них условиях, при участии медиатора как нейтрального и беспристрастного лица, содействующего сторонам в достижении соглашения. Данный институт имеет межотраслевой характер и успешно применяется не только в практике урегулирования споров, вытекающих из гражданских, семейных, трудовых, корпоративных и иных частноправовых отношений, но и конфликтов, вызванных преступным поведением. Прежде всего, для общего представления зарубежных коллег о медиации в криминальных конфликтах необходимо обратиться к ее определениям в иностранных официальных и научных изданиях, учитывая новаторский характер зарубежного опыта в этой области.

В документе организации «Mediation UK, 1994» (Великобритания) содержится такое определение: «Медиация: процесс, в котором жертва(-ы) и правонарушитель(-и) общаются с помощью беспристрастной третьей стороны, либо напрямую (лицом к лицу), либо опосредованно через третью сторону, позволяющую жертве(-ам) выразить свои чувства и рассказать о потребностях, а правонарушителю (-ям) принять на себя обязательства и действовать в соответствии с ними» [1]. В «Объяснительном меморандуме» Совета Европы к «Рекомендации, посвященной медиации в уголовных делах» (1999 г.): «Медиация в уголовных делах определяется как процесс, посредством которого жертва и правонарушитель могут получить возможность добровольно принимать активное участие в разрешении проблем, вызванных преступлением, с помощью беспристрастной третьей стороны или медиатора» [2].

М. Лейбман определила медиацию (посредничество) между жертвой и преступником — как процесс, в ходе которого беспристрастная третья сторона помогает жертве(-ам) и преступнику(-ам) общаться, прямо или опосредованно, что может привести большему взаимопониманию между обеими сторонами, а зачастую к ощутимому возмещению причиненного вреда [3, р. 27].

По М. Райту, «медиация является процессом, в котором жертва и правонарушитель встречаются для обсуждения проблемы с участием третьего беспристрастного лица (медиатора), либо непосредственно, «лицом к лицу», либо заочно. Цель медиации — дать возможность жертве выразить свои чувства и претензии, а правонарушителю — осознать и признать свою ответственность» [4, с. 11].

М. Умбрейт пишет, что посредничество между жертвой и преступником — это процесс, который предоставляет заинтересованным жертвам, в первую очередь, имущественных преступлений, возможность встретиться с преступником в безопасной и подготовленной с помощью обученного посредника обстановке с целью привлечения преступника к прямой ответ-

ственности за свое поведение и компенсации жертве [5].

В зарубежной юридической практике, выработано и используется множество программ примирения потерпевших и преступников и урегулирования уголовно-правовых конфликтов (медиация, круги правосудия, общественные советы и конференции и другие восстановительные практики). При этом медиация является наиболее востребованной процедурой.

В научно-аналитической литературе предпринимались неоднократные попытки систематизировать формы и модели медиации, используемые в зарубежных странах по уголовным делам.

Так, в Пояснительной записке к Рекомендации № R (99) 19, разработанной Комитетом экспертов по медиации в уголовных делах (PC-MP), отмечается, что практика медиации в уголовных делах может принимать разные *формы*, которые часто сочетаются друг с другом, например [подробнее о формах и моделях медиации в уголовных делах: 2]:

- обмен мнениями о случившемся для лучшего взаимопонимания между пострадавшим и правонарушителем;
- принесение правонарушителем извинения и добровольное принятие им на себя обязательства загладить причиненный пострадавшему вред;
- добровольное согласие правонарушителя предпринять какое-либо иное действие, например, поработать на сообщество или принять участие в реабилитационной программе («косвенное возмещение вреда»);
- разрешение любого конфликта между пострадавшим и правонарушителем либо между их семьями или друзьями;
- принятие программы согласованных санкций и решений, которая может быть предложена суду в качестве рекомендуемого приговора или судебного предписания.

Медиация в уголовных делах допустима в прямой или непрямой формах, то есть как встреча сторон или как встреча медиатора с каждой стороной по отдельности. Медиацию могут осуществлять профессиональные медиаторы или специально обученные добровольцы. Медиация может осуществляться под эгидой органа уголовной юстиции или на базе независимого органа местного сообщества. Сторонами медиации могут быть пострадавший и правонарушитель (как в «классической» форме посредничества между пострадавшим и правонарушителем), но также и их родственники, члены местного сообщества и представители органов уголовной юстиции (как в семейных и общественных конференциях). Но, несмотря на некоторые различия в формах, во всех случаях существенны беспристрастность медиатора и добровольность участия сторон в программе.

На основе этих форм медиации в уголовных делах, в зарубежных странах с учетом национальных общественно-политических и правовых традиций сложились разнообразные модели медиации, которые часто сопрягаются, сочетаются друг с другом. При этом *основные модели* уголовно-правовой медиации таковы:

1) Неформальное посредничество — осуществляется работниками органов уголовной юстиции в ходе их обычной работы. Это может быть прокурор, приглашающий стороны принять участие в неформальном урегулировании конфликта с намерением прекратить судебное преследование, если будет достигнуто удовлетворительное соглашение.

2) традиционные деревенские или племенные сходы — это древнее установление, предполагающее, что все сообщество встречается для разрешения споров и уголовных конфликтов между его членами, до сих пор распространено в менее развитых странах и сельских районах;

3) посредничество между пострадавшим и правонарушителем предполагает, что стороны (при этом число, как правонарушителей, так и пострадавших не ограничивается) встречаются в присутствии специально назначенного медиатора, ведущего встречу бескорыстно или за плату;

4) программы переговоров о компенсации существуют единственно для того, чтобы определить размер материальной или иной возможной компенсации причиненного вреда, которую должен будет выплатить правонарушитель пострадавшему на основании решения суда;

5) общественные суды предполагают передачу уголовных дел прокуратурой или судами на рассмотрение местным сообществом по принятым в нем правилам, которые отличаются большей гибкостью и отсутствием формализма, часто включают в себя элементы посредничества и переговоров;

6) семейные и общественные конференции представляют собой еще один пример участия местного сообщества в работе системы уголовного правосудия (развившиеся в Австралии и Новой Зеландии). Здесь предполагается встреча не только пострадавшего и правонарушителя, но также родных и близких правонарушителя, представителей таких учреждений как полиция и органы юстиции для молодежи и несовершеннолетних, а также порою и сторонников пострадавшего.

Наиболее распространенной классификацией, имеющей к тому же важное уголовно-правовое значение, является деление медиации (посредничества) исходя из ее взаимосвязи с традиционной системой уголовного правосудия на три базовые модели [подробнее о трех моделях медиации см., например: 6, с. 12–31; 7, с. 15; 8, с. 13–15]. Кроме того, в научной литературе предпринимались неоднократные попытки развить

и дополнить указанную классификацию. Медиацию предлагалось подразделять по стадиям уголовного процесса, на которых она применяется («полицейская» и «судебная» медиации), по лицам, имеющим право осуществлять медиацию («медиация в рамках собственных полномочий» и «делегированная медиация»), по устройству процедуры («медиация лицом к лицу» и «челночная медиация»), по юридическим последствиям, зависящим от тяжести преступления, личности виновного и достигнутого соглашения (от прекращения дела по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, до смягчения ответственности по более серьезным преступлениям) и т. д. [9, с. 73–79, 103; 10, р. 63–64; 11, с. 40]

Разумеется, в силу значительного многообразия и обширной географии программ медиации, изучить весь зарубежный опыт их функционирования и развития в рамках одного параграфа невозможно, да и нет необходимости, учитывая то, что многие вопросы и аспекты применения медиации имеют уголовно-процессуальное, организационное и социально-психологическое значение. Задача настоящего исследования состоит в том, что с позиции материального уголовного права изучить выработанные зарубежной практикой программы медиации. С этой точки зрения, критериями анализа медиации, применяемой для разрешения криминальных конфликтов в зарубежных странах, могут служить следующие уголовно-правовые признаки (аспекты) такого рода программ: круг преступлений и лиц их совершивших, подлежащих медиации, а также юридические последствия (достигнутого примирительного соглашения и факта участия в этой процедуре). Рассмотрим опыт зарубежных стран по применению медиации в уголовных делах подробнее с позиции выделенных нами критериев:

1) Круг преступлений, по которым возможно применение медиации.

При разработке концепции медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов первоочередное значение имеет вопрос о том, по каким категориям преступлений возможна процедура медиации. Как правило, медиация применяется по делам о нетяжких преступлениях против личности и собственности. Некоторые страны предусматриваются в своих законах те категории преступлений, которые не подлежат медиации. Нередко применимость медиации ограничивается определенным видом или размером наказания, предусмотренного за совершение преступления.

Подходы различных стран к решению этого вопроса различаются: одни государства ограничивают круг таких преступлений, другие допускают применение процедуры медиации в отношении любых преступных деяний.

Так, согласно положениям Закона о медиации (№ 21/2007) Португалии на разрешение с помощью

этой процедуры могут быть переданы уголовные дела о преступлениях против личности или собственности, принадлежащие к категории дел частного обвинения, которые наказываются штрафом или лишением свободы, не превышающим пяти лет. К преступлениям, подлежащим процедуре медиации, относятся в частности: словесные оскорбления, легкие телесные повреждения, грабеж, мошенничество, клевета. Вместе с тем медиация не может применяться по делам о преступлениях против половой свободы и в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста [12]. В отличие от Португалии, в Англии и Уэльсе на урегулирование посредством медиации могут быть переданы дела о преступлениях практически любой категории, в том числе в отношении лиц, которые неоднократно совершали преступления [13, р. 52].

В США программы посредничества между жертвами и преступниками, первоначально применявшиеся в делах, связанных имущественными преступлениями и мелкими нападениями, получают все большее распространение применительно к широкому кругу преступлений и в настоящее время используются даже в отношении тяжких насильственных преступлений. Тенденция развития медиации заключается здесь в расширении масштабов таких программ [14]. Достаточно подробно вопрос о круге лиц и преступлений, в отношении которых возможна медиация, регламентируется в законодательстве Республики Казахстан [15; 16].

2) Личность преступника как участника уголовно-правового конфликта.

Как правило, зарубежные государства учитывают данные о лице, совершившем преступление (возраст, повторность преступлений), при решении вопроса о применении медиации. Как уже отмечалось выше, многие страны идут по пути первоначального применения медиации только по делам о преступлениях несовершеннолетних, а затем распространяют эту процедуру и на взрослых преступников. Характерным примером может служить развитие медиации в Португалии, которое началось со сферы ювенальной юстиции. Там медиация для разрешения уголовно-правовых конфликтов впервые появилась в законе, регулирующем применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступление (Educational Guardianship Law № 166/99 as of 14 September 1999). Указанный закон применяется к несовершеннолетним в возрасте от 12 до 16 лет. В отношении совершеннолетних лиц, совершивших противоправные деяния, медиация в Португалии появилась сравнительно недавно, в 2007 г. Медиация для разрешения уголовно-правового конфликта или так называемая медиация жертвы и правонарушителя (Victim-Offender Mediation) в Австрии

первоначально применялась по делам о преступлениях несовершеннолетних (оно было предусмотрено Законом о ювенальной юстиции 1989 г.), а в 1999 г. стала предусматриваться и в отношении совершеннолетних лиц [7, с. 129, 134].

3) Уголовно-правовые последствия процедуры медиации.

Например, согласно финскому закону о примирении (№ 1015/2005) достижение медиационного соглашения, т. е. примирение сторон, закрепленное в соответствующем документе, а также сам факт готовности лица участвовать в процедуре, могут повлечь различные юридические последствия: от прекращения производства по делу (в случае нетяжких преступлений) до смягчения назначаемого наказания или вовсе отказа от его назначения. В США в случаях, связанных тяжкими насильственными преступлениями (убийствами, сексуальными посягательствами), заключение примирительного соглашения не ведет к прекращению уголовного дела, а может признаваться только смягчающим наказанием обстоятельством [14]. Проведенное исследование зарубежного опыта применения медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов позволяет выявить ряд закономерностей развития этого института:

- первоначальные программы посредничества возникают в тех странах, где наиболее развиты традиции общинного разрешения споров и обычаи примирения;
- начальный этап развития медиации в большинстве государств характеризуется неформализованностью процедуры ее применения для разрешения уголовно-правовых конфликтов, затем происходит этап ее институционализации и законодательной регламентации;
- во многих зарубежных странах медиация первоначально применяется для разрешения уголовно-правовых конфликтов, вызванных преступлениями несовершеннолетних, а затем распространяется и на взрослых преступников;
- в странах с богатым практическим и научным опытом применения медиации наблюдается тенденция расширения круга преступлений, по которым возможно проведение медиации, и задач ее использования не только в качестве альтернативы (замены) уголовному преследованию, но и дополнения его возможностей;
- по мере тенденции к углублению процесса медиации и расширению его масштабов происходит дифференциации уголовно-правовых последствий проведения процедуры медиации (от освобождения от уголовной ответственности до обеспечения реинтеграция осужденных в общество);

- по пути внедрения и использования медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов пошли и многие страны СНГ, используя ее как процедуру для примирения преступника с потерпевшим в целях освобождения его от уголовной ответственности.

Список источников

1. Гроенхейзен Г. Медиация жертвы и правонарушителя : правовые и процедурные гарантии / пер. Смагловой Н. // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5. С. 67–78.
2. Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров Совета Европы «По посредничеству в уголовных делах» (вместе с «Пояснительным меморандумом») (принята 15.09.1999 г. на 679-ом заседании представителей министров // СПС «Консультант Плюс».
3. Liebmann M. Restorative justice : how it works. London, 2007.
4. Головизнина М. Преступность несовершеннолетних в Италии // Неволя. 2007. № 12.
5. Bazemore, G., and Umbreit, M. S. Rethinking the Sanctioning Function in Juvenile Court: Retributive or Restorative Responses to Youth Crime. *Crime & Delinquency* 41, no. 3 (1995): 296–316 (перевод автора).
6. Гроенхейзен М. Медиация жертвы и правонарушителя : правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах // Восстановительное правосудие. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003.
7. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2013.
8. Махов В. Н., Василенко А. С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.
9. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002.
10. Pelikan C., Tenczek T. Victim-Offender Mediation and Restorative Justice. The European Landscape // Handbook of restorative justice. Edited by Sullivan D. and Tift L. Routledge, 2006.
11. Карнозова Л. М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе // Восстановительная медиация в России : правовое обеспечение и стратегия развития (сборник материалов) / сост. А. Ю. Коновалов. М., 2013.
12. Santos A. Victim-Offender Mediation and Other Restorative Practices in Portugal : Why Not? // International Institute of Mediation and Arbitration, 2011 (перевод автора).
13. Sherman L. and Strang H. Restorative justice : the evidence. The Smith Institute, 2007 (перевод автора).
14. Alyssa Shenk. Victim-Offender Mediation : The Road to Repairing Hate Crime Injustice // Ohio state journal on dispute resolution. 2001, № 17. P. 185–218 (перевод автора).
15. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV «О медиации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2021 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 08.09.2021).
16. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2021 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 08.09.2021).

References

1. Groenhuizen G. Mediation of the victim and the offender : legal and procedural guarantees / trans. Smaglova N. // Bulletin of restorative Justice. 2003. № 5. P. 67–78.
2. Recommendation № R (99) 19 of the Committee of Ministers of the Council of Europe «On mediation in criminal cases» (together with the «Explanatory Memorandum») (adopted on 15.09.1999 at the 679th meeting of representatives of Ministers // SPS «Consultant Plus».
3. Liebmann M. Restorative justice : how it works. London, 2007.
4. Goloviznina M. Juvenile delinquency in Italy // Captivity. 2007. № 12.
5. Bazemore, G., and Umbreit, M. S. Rethinking the Sanctioning Function in Juvenile Court: Retributive or Restorative Responses to Youth Crime. *Crime & Delinquency* 41, № 3 (1995):296–316 (translated by the author).
6. Groenhuizen M. Mediation of the victim and the offender : legal and procedural guarantees. Experiments and legislation in some European countries // Restorative justice. Moscow : NGO Center «Judicial and Legal Reform», 2003.
7. Arutyunyan A. A. Mediation in criminal proceedings. Moscow : Infotropik Media, 2013.
8. Makhov V. N., Vasilenko A. S. Mediation and other restorative justice programs in the criminal process of the countries of Anglo-Saxon law : monograph. M. : Yurlitinform, 2015.
9. Golovko L. V. Alternatives to criminal prosecution in modern law. St. Petersburg : Publishing house «Law Center Press», 2002.

10. Pelikan S., Trenczek T. Victim-Offender Mediation and Restorative Justice. The European Landscape // Handbook of restorative justice. Edited by Sullivan D. and Tift L. Routledge, 2006.
11. Karnozova L. M. Mediation in criminal cases in the Russian legal system // Restorative mediation in Russia: legal support and development strategy (collection of materials) / comp. A. Yu. Konovalov. M., 2013.
12. Santos A. Victim-Offender Mediation and Other Restorative Practices in Portugal : Why Not? // International Institute of Mediation and Arbitration, 2011 (translated by the author).
13. Sherman L. and Strang H. Restorative justice : the evidence. The Smith Institute, 2007 (translated by the author).
14. Alyssa Shenk. Victim-Offender Mediation : The Road to Repairing Hate Crime Injustice // Ohio state journal on dispute resolution. 2001, № 17. P. 185–218 (translated by the author).
15. Law of the Republic of Kazakhstan dated January 28, 2011 № 401-IV «On Mediation» (with amendments and additions as of 01.07.2021). [Electronic resource]. URL: <https://online.zakon.kz> (accessed: 08.09.2021).
16. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V (with amendments and additions as of 02.07.2021) [Electronic resource]. URL: <https://online.zakon.kz> (accessed: 08.09.2021).

Информация об авторе

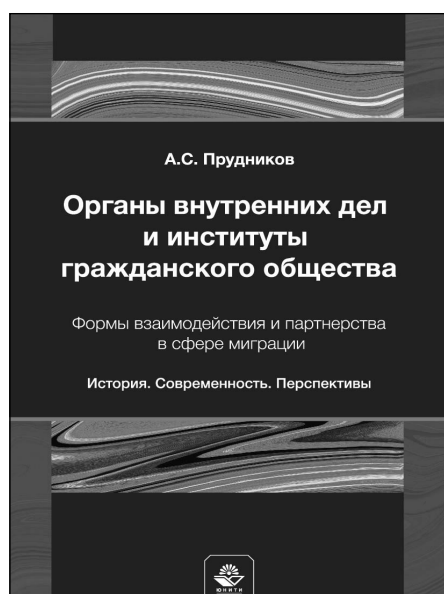
Е. Н. Сенина — соискатель кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин, директор Института медиации Российской академии адвокатуры и нотариата.

Information about the author

E. N. Senina — Candidate of the Department of Lawyers and Criminal Law Disciplines, Director of the Institute of Mediation of the Russian Academy of Lawyers and Notaries.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Органы внутренних дел и институты гражданского общества. Формы взаимодействия и партнерства в сфере миграции. История. Современность. Перспективы. Монография. Прудников А.С. 183 с.

Монография подготовлена с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению основ институтов гражданского общества, закрепляющих их правовое положение, анализ форм участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля, а также их взаимодействия и партнерства с органами публичной власти в сфере миграции.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-215-220>

НИОН: 2003-0059-4/22-382

MOSURED: 77/27-003-2022-04-581

Некоторые аспекты современного состояния законодательного регулирования конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел

Дмитрий Александрович Симоненко

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, dmitrysmk@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы законодательного регулирования конфиденциального содействия отдельным лицам органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность; оценивается его современное состояние; отмечаются некоторые проблемы; на основе в том числе зарубежного опыта предлагается собственное видение их минимизации.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, содействие, конфиденциал, социальная и правовая защита, обязательства, гарантии, органы внутренних дел

Для цитирования: Симоненко Д. А. Некоторые аспекты современного состояния законодательного регулирования конфиденциального содействия отдельным лицам оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 215–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-215-220>.

Original article

Some aspects of the current state of legal regulation of the confidential assistance of individuals to the operational units of the internal affairs bodies

Dmitriy A. Simonenko

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, dmitrysmk@mail.ru

Abstract. Some issues of legislative regulation of confidential assistance of individuals to bodies carrying out operational and investigative activities are examined, its current state is evaluated, some of the problems are noted, and own vision of minimizing them on the basis of, among other things, foreign experience, is offered.

Keywords: operative-investigative activity, assistance, confidant, social and legal protection, obligations, guarantees, internal affairs bodies

For citation: Simonenko D. A. Some aspects of the current state of legal regulation of the confidential assistance of individuals to the operational units of the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):215–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-215-220>.

Нормативное правовое регулирование конфиденциального содействия отдельным лицам органам внутренних дел (далее — ОВД), несмотря на его существенное значение для решения задач в противодействии преступности, характеризуется целым рядом проблем, наличие и значимость которых побуждает не только отмечать это как факт, но и провести их углубленное исследование.

При этом, учитывая ограниченный объем и открытый характер настоящей работы, представляется достаточным ограничить наши рассуждения рамка-

ми отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД), регламентирующего вопросы конфиденциального содействия.

Результаты проведенного анализа позволяют заключить о необходимости редакционной переработки ряда положений Закона об ОРД, преследующей цель более определенной фиксации целого ряда принципиальных положений, так или иначе относящихся к сфере конфиденциального содействия отдельным лицам органам, осуществляющим ОРД. Закон об ОРД (ч. 1 ст.

© Симоненко Д. А., 2022

17) определяет, что «отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в том числе по контракту» [1].

Оценивая позицию законодателя, мы приходим к однозначному выводу, что рассматриваемым лицам допускается участвовать лишь в подготовке и (или) проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ). В связи с этим возникает вопрос: «Охватывают ли ОРМ весь спектр возможностей содействующих лиц?». Для ответа на него следует обратиться к ст. 6 Закона об ОРД, в ч. 1 которой дан исчерпывающий перечень ОРМ. Анализ представленных в нем мероприятий и сопоставление с ними возможностей лиц, содействующих оперативным подразделениям, позволяет судить о наличии в оперативно-разыскной практике вообще, а в сфере содействия, в частности, мероприятий, не включенных в вышеуказанный перечень. К таким мероприятиям можно, например, отнести вербовку (вербовочную беседу), засаду, задержания лица, подозреваемого в совершении преступления (разыскиваемого), его досмотр и т. п.

Более того, далеко не все действия лиц, конфиденциально содействующих ОВД, осуществляются в рамках ОРМ и мероприятий вообще. К какому мероприятию, например, можно отнести выведывание конфиденнтом информации у проверяемого лица в процессе общения. Здесь следует вести речь о решении частных задач (в упрощенном варианте, на наш взгляд, частная задача представляет собой один из шагов по достижению цели) оперативно-разыскной деятельности.

Поэтому представляется верным инициировать изменение фрагмента формулировки ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД «привлекаться к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий» на словосочетание «привлекаться к решению задач оперативно-разыскной деятельности». Закон об ОРД (ст. 17 ч. 1) определяет, что «отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в том числе по контракту». Из этой нормы закона вытекает, что сохранение конфиденциальности общения зависит от желания лица, оказывающего содействие оперативным подразделениям. Полагаем такой законодательный подход к работе с конфиденнтами неприемлемым.

Необходимость конфиденциальности содействия продиктована соблюдением интересов не только конфиденнта. Конспирация, как таковая, является одним

из основных условий эффективности ОРД, ее основополагающим принципом. В этом смысле можно сказать, что конспирацией обеспечивается безопасность не только конфиденнтов, но и других лиц, вовлеченных в сферу ОРД. Анализ рассматриваемой нормы закона позволяет заключить, что она не точна по содержанию и не актуальна. Действительно, вряд ли можно серьезно говорить о стремлении, например, конфиденнта к афишированию своего содействия ОВД. Здесь у нормального человека должно включаться чувство самосохранения.

Далее, в ст. 17 Закона об ОРД указано, что «...эти лица (привлекаемые — Д.С.) обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам». Можно ли предположить, что в подобном случае лица, конфиденциально содействующие оперативному сотруднику, могут быть привлечены к какой-либо ответственности? Естественно, нет, поскольку они не могут являться объектами официального преследования за рассматриваемое нарушение.

Принимая во внимание изложенную позицию, мы предлагаем иной вариант редакции ч. 1 ст. 17 рассматриваемого закона: «Отдельные лица могут с их согласия привлекаться к решению задач оперативно-разыскной деятельности с сохранением в заранее оговоренных случаях конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в том числе по контракту. Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в связи с оказанием содействия указанным органам». Анализ положений ст. 18 Закона об ОРД позволил сделать вывод, что лица, содействующие ОВД, находятся под охраной государства. Их социальная и правовая защита может носить характер обязательств и гарантий. Государственные обязательства лицам, содействующим ОВД в решении оперативно-тактических задач, заключаются в:

1) выдаче им вознаграждений и других выплат, не облагаемых налогами и не указываемых в декларациях о доходах;

2) наличии возможности освобождения от уголовной ответственности лиц из числа членов преступной группы, совершивших противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченных к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, активно способствовавших раскрытию преступлений, возместивших нанесенный ущерб или иным образом загладивших причиненный вред;

3) проведении специальных мероприятий по защите содействующих ОВД лиц и членов их семей в целях обеспечения их безопасности.

Первое из обязательств, на наш взгляд, не нуждается в отдельном анализе, поскольку практически реализуется, хотя и в суммах, не соответствующих уровню и результативности участия содействующих лиц в противодействии преступности. Что касается второго из отмеченных государственных обязательств, следует отметить, что оно является одним из самых проблемных с позиции его реализации, поскольку:

- в законе отсутствует возможная процедура его задействия;
- оно распространяется только на членов преступной группы с соблюдением указанных в норме не очень понятных специалистам условий (может ли быть освобождено от уголовной ответственности внедренное в преступную группу лицо, следует ли учитывать в совокупности все условия, изложенные в данной норме, почему только освобождается от ответственности, а, например, не снижается наказание, и т. п.);
- в Уголовном кодексе РФ отсутствует подобное основание для освобождения от уголовной ответственности.

Здесь следует согласиться с В. А. Галушко, который вскоре после принятия закона предложил собственное видение рассматриваемой нормы, при этом указав, что в ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД «речь должна идти не о самом факте сотрудничества (документально оформления), а об его результативности в раскрытии преступлений, совершенных группой, выявлении и изобличении всех соучастников, обнаружении мест и каналов сбыта или хранения похищенного имущества, других объектов, которые могут иметь значение вещественных доказательств», «условие обязательного привлечения лица к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, излишне и должно быть исключено из статьи» [2, с. 94–95].

Далее комментируемый автор предлагает изложить ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД в следующей редакции: «Лицу из числа членов преступной группы, совершившему противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, активно способствующему раскрытию преступлений, возместившему материальный ущерб либо иным образом загладившему причиненный вред, смягчается уголовное наказание, вплоть до полного освобождения от уголовной ответственности» [2, с. 96]. В связи с этим возникает правомерный вопрос: «Какое отношение предложенная норма имеет к оперативно-разыскному законодательству?» и вполне логичный ответ: «Никакого, место этой нормы — в уголовном кодексе, поскольку ее содержание, с одной стороны, напрямую предлагает либерализацию наказания, с другой — никоим образом не связывает это

с участием гражданина в оперативно-разыскной деятельности».

Кроме того, следует понять: как быть, если упомянутое лицо не является членом преступной группы, но активно способствует раскрытию преступлений, как оценить активность этого способствования? Никакого алгоритма в этом смысле ни в законе, ни в позициях авторов не существует. Более того, что делать, если содействующее лицо оказывает содействие не в раскрытии преступления, а в решении иной задачи — например, предотвращение или пресечение криминальных действий? Кстати, термин «предотвращение» (как одна из задач организации содействия отдельных лиц оперативным подразделениям) в главе IV Закона об ОРД вообще не представлен: в ч. 4 и 5 присутствует «раскрытие», в первом случае применительно к активному способствованию в этом лица из числа членов преступной группы, во втором — в оказании физическим лицом помощи в раскрытии преступлений. Такое впечатление, что предотвращение преступлений не имеет существенного значения для оценки работы органов внутренних дел.

И наконец — почему речь идет о члене преступной группы. Будет ли распространяться на него данное положение, если он таковым не является, но совершив преступные действия, в дальнейшем активно способствует раскрытию не только данного, но и иных преступлений, о которых у него имеются сведения? Что делать, если с его помощью мы обнаружим скрывшегося преступника или пропавшее без вести лицо? Интересен в этом смысле опыт использования правоохранительными органами Италии в борьбе с организованной преступностью так называемых агентов-provokatorov.

Анализ имеющейся информации дает основания сделать вывод о том, что заметный сдвиг в борьбе с организованной преступностью в Италии, произошедший в последнее время, во многом был достигнут благодаря хорошо налаженной работе по внедрению в криминальные структуры сотрудников правоохранительных органов и содействующих им лиц. По инициативе МВД и Финансовой гвардии Италии в уголовно-процессуальный кодекс была включена статья 424, вводящая в оперативную практику понятие «агент-provokator», то есть оперативный сотрудник, действующий под определенной легендой с использованием соответствующих документов прикрытия. Статья определяет круг возможных действий оперативника, в том числе и содержащих признаки преступлений, которые он может совершать в процессе выполнения заданий правоохранительных органов. В этой статье прямо указывается, что итальянские правоохранительные органы в целях получения доказательственной базы в отношении руководителей и

активных членов мафиозных структур имеют право использовать таких агентов. При этом основная цель и мотивация их действий направлена на создание необходимых и достаточных условий для привлечения криминального авторитета к ответственности, а не на достижение преступного результата [3].

Итальянские эксперты считают, что юридическая природа возможных действий внедряемого лица может принимать различные формы, в том числе, материальное соучастие в совершении преступления. В соответствии с УПК Италии устанавливается следующий перечень оснований, освобождающих внедренное лицо от ответственности за совершенные преступления: наличие письменной санкции руководства оперативного подразделения на совершение этих действий, вспомогательный характер действий, а также отсутствие у него умысла на совершение преступления. Вместе с тем уголовный кодекс Италии (ст. 50) предусматривает также и уголовную ответственность как для внедряемых лиц, так и для руководящих ими сотрудников, за совершение следующих видов преступлений: убийства, террористические акты и другие особо тяжкие преступления, независимо от их мотивации [4].

Иной путь избрали в Республике Беларусь. В частности, глава 6 УК РБ среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, в ст. 38 УК РБ «Пребывание среди участников преступления по специальному заданию» фиксирует следующее: «1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению или раскрытию преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершает преступление. 2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь и здоровье человека» [5].

Основываясь на приведенных доводах, представляется возможным предложить следующую редакцию ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД: «Лицу, совершившему противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, но оказавшему содействие в решении задач оперативно-разыскной деятельности, по инициативе осуществляющего ее органа или следователя (дознавателя) могут быть применены меры по смягчению наказания или освобождению от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Кроме того, исходя из содержания рассматриваемой нормы, можно сделать вывод о том, что ее применение и освобождение лица от уголовной ответственности допустимы лишь при наличии совокупности четко указанных в Законе об ОРД (и/или в УК РФ)

обстоятельств. Причем все они должны быть определены официально, доказаны в установленном уголовно-процессуальном законодательством порядке. В противном случае решение об освобождении лица от уголовной ответственности принято быть не может, т.к. для этого не будет необходимых оснований.

Вместе с тем «если же для освобождения от уголовной ответственности официальное установление факта его сотрудничества является обязательным, то доказывание этого обстоятельства ведет к расшифровке такого лица со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями» [6]. Это, на наш взгляд, не учитывает В. Ф. Луговик, предлагая следующую законодательную формулировку: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с настоящим Кодексом специальное задание по выявлению, предупреждению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление, за исключением тяжкого или особо тяжкого, связанного с посягательством на жизнь или здоровье человека» [7, ст. 73].

Действительно, следует отметить, что вышеуказанная норма, закрепленная в оперативно-разыскном законодательстве, формально вступает в противоречие с принципом конспирации, действующими уголовным и уголовно-процессуальным законами, не имеет процедурных механизмов и поэтому является декларативной. Существует ли выход из такой ситуации? Полагаем, да. Но ему, учитывая его значимость для рассматриваемого процесса, посвятим отдельную работу. Государственные гарантии сводятся к:

- 1) выполнению обязательств, предусмотренных контрактом;
- 2) правовой защите, связанной с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга;
- 3) включению в трудовой стаж периода сотрудничества отдельных лиц с ОВД как основного рода занятий;
- 4) праву на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации с зачетом периода такого сотрудничества засчитывается в страховой стаж указанных граждан;
- 5) выплате единовременного пособия близким лицам, сотрудничавшего с ОВД, в случае его гибели в связи с негласной деятельностью, и назначению пенсии по случаю потери кормильца;
- 6) выплате единовременного пособия лицу при получении им травмы, ранения, контузии, увечья, наступивших в связи с его участием в проведении ОРМ и исключающих для него возможность дальнейшего сотрудничества с ОВД, а также назначении пенсии по инвалидности.

Памятуя об ограниченном объеме настоящей ра-

боты, обратим внимание лишь на предписание ч. 9 ст. 18 Закона об ОРД, согласно которой «при получении лицом, сотрудничающим по контракту с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, травмы, ранения, контузии, увечья, наступивших в связи с его участием в проведении оперативно-разыскных мероприятий и исключающих для него возможность дальнейшего сотрудничества с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, указанному лицу выплачивается единовременное пособие в размере пятилетнего денежного содержания и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по инвалидности».

Рассматриваемая норма, полагаем, во-первых, не охватывает ситуацию, при которой лицо по получении указанных повреждений в связи с участием в проведении ОРМ может рассчитывать на компенсационные меры при наличии возможности дальнейшего сотрудничества с ОВД. Для уяснения предложенных нами обстоятельств попытаемся представить условия, в которых в отношении конфиденнта-контрактника, участвовавшего в разработке преступников, последними осуществлены насильственные действия, приведшие к серьезному увечью негласного помощника (например, утрата ноги). Вместе с тем содействующее оперативному подразделению лицо после реабилитации способно и желает продолжать конфиденциальное сотрудничество с органом, осуществляющим ОРД, но содержание нормы накладывает запрет на возможность дальнейшего сотрудничества с указанным лицом.

Таким образом, во-первых, формальное соблюдение рассматриваемой нормы неизбежно приводит к двум негативным результатам — ущемлению гарантии социальной защиты рассматриваемого лица, а также (в некоторых случаях) к возможности распространения указанным лицом информации о правовой незащищенности содействующего правоохранительной системе населения. Во-вторых, тяжесть причинения травм или увечий может существенно отличаться в каждой конкретной ситуации.

В связи с этим представляется закономерной необходимость изменения анализируемой формулировки следующим образом: «При получении лицом, содействующим указанным органам, травмы, ранения, контузии, увечья, заболевания, наступивших в связи с его участием в решении задач оперативно-разыскной деятельности, указанному лицу в зависимости от тяжести возникших в связи с этим последствий выплачивается единовременное пособие и в установленном законодательством Российской Федерации порядке назначается пенсия по инвалидности. Размер единовременного пособия исчисляется в соответствии с положениями

нормативного правового акта Российской Федерации, не подлежащего засекречиванию». По данным отдельных авторов 46,6 % опрошенных оперативных сотрудников указали на необходимость распространения предусмотренных «контрактникам» гарантий и на других лиц, содействующих ОВД [8, с. 170–171]. Проведенный нами опрос руководителей уголовного розыска УВД, ГУВД, МВД субъектов Федерации показал, что аналогичной точки зрения придерживаются 76,9 % респондентов.

В связи с этим предлагается внести изменения в ст. 18 рассматриваемого закона с целью изменения ее содержания в предложенном нами ключе, а также распространения гарантий, предусмотренных ее ч. 2 (правовая защита), 8, 9, на всех лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД. Полагаем, что предложенные нами нововведения минимизируют рассмотренные в работе проблемы, а в целом — позволят, хотя и частично, оптимизировать социальную и правовую защиту конфиденентов.

Список источников

1. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. № 33.
2. Галушко В. А. К вопросу правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск : ЮИ МВД России, 1998.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Италии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/22/Ireland/show> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Уголовный кодекс Италии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imolin.org/doc/amlid/Italy/penal_code.pdf (дата обращения: 14.01.2022).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 14.01.2022).
6. Бабаев Р. Г. О некоторых пробелах в нормативно-правовом регламентировании негласного сотрудничества граждан с органами внутренних дел // Актуальные проблемы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сборник статей. Домодедово : РИПК работников МВД России, 1996. С. 21–22.
7. Луговик В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс

РФ : авторский проект. Омск : Омская юридическая академия, 2014.

8. Ярославцев И. М. Правовая защита конфиденциального содействия граждан органам внутренних дел : дисс... канд. юрид. наук. М., 1999.

References

1. Federal Law of the Russian Federation of August 12, 1995 № 144-FZ «On operational investigative activities» // Collection of Legislation of the Russian Federation of August 14, 1995. № 33.
2. Galushko V. A. On the issue of legal regulation of operational investigative activities // Questions of application of the Federal Law «On operational investigative activities». Omsk : Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998.
3. Criminal Procedure Code of Italy. [Electronic resource]. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/22/Ireland/show> (accessed: 14.01.2022).
4. The Criminal Code of Italy. [Electronic resource]. URL: https://www.imolin.org/doc/amlid/Italy/penal_code.pdf (date of application: 14.01.2022).
5. Criminal Code of the Republic of Belarus. [Electronic resource]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (accessed: 14.01.2022).
6. Babaev R. G. On some gaps in the regulatory and legal regulation of the covert cooperation of citizens with internal affairs bodies // Actual problems of the organization and tactics of operational investigative activities of internal affairs bodies : collection of articles. Domodedovo : RIPC of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. P. 21–22.
7. Lugovik V. F. Operational Search Code of the Russian Federation : author's project. Omsk : Omsk Law Academy, 2014.
8. Yaroslavtsev I. M. Legal protection of confidential assistance of citizens to internal affairs bodies : diss... cand. jurid. M., 1999.

Информация об авторе

Д. А. Симоненко — заместитель начальника Воронежского института МВД России.

Information about the author

D. A. Simonenko — Deputy Head of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-221-227>

НИОН: 2003-0059-4/22-383

MOSURED: 77/27-003-2022-04-582

Механизм реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений

Анна Владиленовна Скачко¹, Анна Викторовна Полякова²

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия

² Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия

Аннотация. Рассматриваются ключевые проблемы реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений. Обращается внимание на тот факт, что законодатель ясно не обозначил механизм реализации принципа состязательности сторон на досудебной стадии расследования преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Если в отношении совершения тяжких и особо тяжких преступлений состязательность в целом присутствует, то в отношении ряда специфических противоправных деяний, например, вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность, пропаганду терроризма, возбуждение ненависти или вражды, а также ряд других, отсутствие четкого механизма порождает проблемы правоприменительной практики. Следствием этого могут выступать нарушения прав и свобод граждан, отступление от принципов уголовного процесса. В ходе исследования была установлена актуальность детальной проработки реализации принципа состязательности сторон в аспекте участия защитника в досудебном производстве, его доступ к своему подзащитному и возможность оказания юридической помощи при расследовании пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: принцип состязательности сторон, досудебное производство, места лишения свободы, пенитенциарные преступления, предварительное расследование

Для цитирования: Скачко А. В., Полякова А. В. Механизм реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 221–227. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-221-227>.

Original article

The mechanism for implementing the principle of competitiveness of the parties in pre-trial proceedings in the investigation of penitentiary crimes

Anna V. Skachko¹, Anna V. Polyakova²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

² Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russia

Abstract. The key problems of implementing the principle of adversarial parties in pre-trial proceedings in the investigation of penitentiary crimes are considered. The attention is drawn to the fact that the legislator did not clearly indicate the mechanism for implementing the principle of adversarial parties at the pre-trial stage of the investigation of crimes committed in places of deprivation of liberty. If competition is generally present in relation to the commission of serious and especially serious crimes, then in relation to a number of specific illegal acts, for example, involvement in terrorist and extremist activities, propaganda of terrorism, incitement of hatred or enmity, as well as a number of others, the lack of a clear mechanism creates problems of law enforcement practice. The consequence of this may be violations of the rights and freedoms of citizens, deviation from the principles of criminal procedure. In the course of the study, the relevance of a detailed study of the implementation of the principle of adversarial parties in the aspect of the participation

© Скачко А. В., Полякова А. В., 2022

of the defender in pre-trial proceedings, his access to his client and the possibility of providing legal assistance in the investigation of penitentiary crimes was established.

Keywords: principle of adversarial parties, pre-trial proceedings, places of deprivation of liberty, penitentiary crimes, preliminary investigation

For citation: Skachko A. V., Polyakova A. V. The mechanism for implementing the principle of competitiveness of the parties in pre-trial proceedings in the investigation of penitentiary crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):221–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-221-227>.

Назначение уголовного судопроизводства ставит своей основной целью защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а также ограничения ее прав и свобод, а также защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

При этом уголовно-процессуальные принципы должны реализовываться вне зависимости от того, идет ли речь о соблюдении прав граждан, находящихся в свободной социальной среде или отбывающих наказания за ранее совершенные преступления в местах лишения свободы. Учитывая цели наказания как исправления и перевоспитания, во втором случае строгое соблюдение принципов уголовного процесса приобретает даже большее значение, ибо обеспечение прав осужденных на законный уголовный процесс задает позитивную тенденцию трансформации их правосознания.

На современном этапе к числу важнейших направлений «деятельности пенитенциарных учреждений являются минимизация или устранение причин и условий распространения экстремизма в местах лишения свободы, а также негативных последствий радикализации осужденных» [1].

Исследователи отмечают, что радикализация тюрем является растущей тенденцией и выступает одной из самых серьезных угроз безопасности общества. Антитеррористическая политика правительств многих стран основывается на том положении, что исправительные учреждения служат идеальными инкубаторами для терроризма, так как тюрьмы полны уязвимых заключенных, которые формируют пленную аудиторию для вербовки преступниками-террористами, а преступники-террористы полны решимости превратить тюрьмы в тренировочные площадки для боевой деятельности [2].

Кроме того, существует опасение, что заключение террористов в тюрьму создаст большую угрозу, объединив их с закоренелыми преступниками (Нейман, 2010), создавая «потенциальную токсичную смесь экстремистской идеологии» и преступных умов, что приведет к более изобретательным и смертоносным фор-

мам террористических актов (Спалек и Эль-Хассан, 2007: 100) [3].

Признавая важность проблемы противодействия радикализации осужденных и совершения ими пенитенциарных преступлений экстремистской направленности, следует обратить внимание на то, что подобное противодействие не может быть сопряжено с нарушением прав и свобод граждан, в том числе и процессуальных принципов. Вместе с тем практика показывает, что соблюдение принципов уголовного процесса и прежде всего принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства при расследовании пенитенциарных преступлений экстремистской направленности отягощено рядом проблем и неразрешенных трудностей. Это определяет необходимость пристального анализа реализации принципа состязательности при расследовании пенитенциарных преступлений вообще и преступлений, направленных на распространение экстремистских идей в местах лишения свободы, в частности.

Согласно Международным пенитенциарным стандартам, один из которых содержится в ст. 55 Европейских тюремных правил, где говорится, что «предполагаемое преступное деяние, совершенное в пенитенциарном заведении, расследуется таким же образом, что и национальным законодательством» [4]. Отсюда следует, что все те преступления, которые совершаются в местах лишения свободы, должны быть расследованы в точном соответствии с нормами УПК РФ.

Однако правоприменительная практика демонстрирует, особую сложность обеспечения принципа состязательности на досудебной стадии в силу того, что учреждение, в котором содержится подозреваемое лицо, является режимным, и поэтому, доступ защитника в данное помещение затруднителен. Следовательно необходимо принять все возможные меры для того, чтобы обеспечить подозреваемому его право на защиту, иначе принцип состязательности сторон в досудебном производстве будет нарушен. Однако механизм равенства сторон в этом случае нарушается в виду заведомо доминирующего положения следователя.

Немаловажное значение имеет сам процесс осу-

ществления следствия по возбужденному уголовному делу. В силу режимности учреждения, затрудняется процесс производства тех следственных действий, которые могут быть проведены только лишь в месте совершения преступления (проверка показаний на месте, следственный эксперимент, очная ставка и др.). Допросы и очные ставки также проводятся в режимных учреждениях, так как возможность вывоза подозреваемых (обвиняемых) лиц за новое преступление в следственные подразделения затруднительна и представляет большую степень опасности (с целью пресечения возможного побега) [5].

Заявление ходатайств подозреваемым (обвиняемым) также достаточно сложный процесс, так как в основном, данные ходатайства отсылаются при помощи средств связи, находящихся в режимном учреждении. Тем самым механизм реализации принципа состязательности сторон не реализуется в полной мере.

Немаловажным моментом остается тот факт, что именно следователь приобщает к материалам уголовного дела доказательства, которые были собраны стороной защиты, а также разрешает заявленные ходатайства. В свою очередь, это затрудняет реализацию принципа состязательности сторон, так как в силу определенных сложностей участия стороны защиты в расследовании преступлений пенитенциарной направленности, так и сама возможность приобщения собранных доказательств вызывает определенные трудности.

Непосредственным эмпирическим материалом, позволяющим ясно увидеть природу имеющихся трудностей в реализации принципа состязательности на досудебной стадии образуют уголовное производство по делам о вовлечении в экстремистскую деятельность, создание экстремистских сообществ, пропаганду терроризма, в отношении лиц, находящихся в местах лишения свободы.

По состоянию на 01.01.2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 2069 осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности (на 1 января 2016 — 1877), из которых в следственных изоляторах содержалось — 639 (586) человек, в тюрьмах — 66 (58) осужденных. Это составляет около 0,32 % от общего количества лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы страны. Следует отметить динамику увеличения количества лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Так, 2005 г., в следственных изоляторах страны содержалось 285 обвиняемых, в колониях и тюрьмах более 450 осужденных за преступления террористического характера, в 2012 г., в исправительных учреж-

дениях Российской Федерации содержалось уже 1056 осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности, 2013 г. — 1294, в 2014 г. — 1446, в 2015 г. — 1649 осужденных за преступления экстремистско-террористической окраски [5].

Следует отметить также, что осужденные, придерживающиеся ценностей религиозного экстремизма, в местах лишения свободы образуют обособленную субкультурную группу. Данную группу можно условно назвать «осужденные, осуществляющие идеологическое противостояние в условиях социальной изоляции («ваххабиты», «зеленые»)» [6]. Эти исламские тюремные общины — джамааты начали вызывать большое опасение у руководства исправительных учреждений в силу опасности рекрутирования новых членов террористических организаций. Исследователи отмечали, что на начало 2016 года «наблюдается тенденция к объединению тюремных джамаатов в единую структуру. На настоящий момент их около 300, и объединяют они более 10000 последователей» [7].

Противодействие данному явлению ведется преимущественно путем привлечения осужденных к ответственности по статье 205.2 УК РФ. Согласно данным, которые предоставляет Информационно-аналитический центр «СОВА», отмечается заметный рост указанных преступлений. С 2019 года по 2021 год, было совершено 23 преступления осужденными по статье 205.2 УК РФ. Следует также отметить тот факт, что расследование таких преступлений вызывает определённые вопросы и сложности [8].

Беря в расчет тот факт, что режимные учреждения имеют свою специфику работы, свой персонал и свой распорядок, который полностью соответствует целям исправительного учреждения то, соответственно, данные учреждения приобретают и свои особенности выявления преступлений и расследования уголовных дел, которые были возбуждены по преступлениям, предусмотренным ст. 205.2 УК РФ.

Вызывает определенный вопрос и правомерность таких обвинений, так как в режимном учреждении гораздо легче сфабриковать доказательства. Тем самым, учитывая положения УПК РФ и особенности расследования данной категории уголовных дел, следовательно необходимо соблюдать все установленные правила и ни в коем случае не умилять их значимость и важность, находясь в режимном учреждении.

Особое внимание хотелось бы уделить механизму реализации принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам. Являясь достаточно понятным, но сложно-реализуемым принципом в уголовном процессе, в силу того, что многие положе-

ния указанного принципа являются недостаточно урегулированными законодателем, тем не менее, в современных реалиях его реализация необходима, и, что не менее важно, реализация указанного принципа делает уголовное судопроизводство более гуманным.

Именно поэтому, при расследовании преступлений террористической направленности нужно соблюдать особую осторожность, учитывая все ключевые моменты, которые закреплены в ст. 15 УПК РФ.

Особый вопрос, при соблюдении принципа состязательности, возникает в момент обеспечения осужденному права на защиту, так как, опять же, определенную сложность вызывает момент участия защитника в уголовном деле, так как заключенный находится в режимном учреждении и зачастую в ином городе. В данном случае, главным вопросом ставится возможность участия защитника при расследовании преступления, совершенного в режимном учреждении, и тем самым, возможность обеспечения принципа состязательности сторон в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений.

Расследуя непенитенциарные преступления в отделах полиции или в следственном управлении, следователь испытывает гораздо меньше затруднений правового и процессуального характера, нежели при расследовании пенитенциарных преступлений. Принцип состязательности сторон в досудебном производстве обеспечить легче, так как видно непосредственное участие защитника в деле, все действия следователя более открыты и заявление необходимых ходатайств при производстве предварительного следствия стороной защиты, и их разрешение следователем, осуществляется более мобильнее. Имеется непосредственная возможность обжалования процессуальных действий и решений должностных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ.

Существует определенный сложившийся алгоритм действий, который включает в себя: предварительную проверку сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, предварительное следствие и т. д. И на всех этих этапах принцип состязательности сторон имеет место быть. На каких-то этапах в большей или меньшей степени, но проследить моменты его реализации все же гораздо удобнее.

Защитник в большинстве случаев активно взаимодействует с подозреваемым (обвиняемым), потерпевший получает необходимую ему информацию от работников следственных органов или представителей, защищающих его интересы в уголовном судопроизводстве. В случае несоблюдения должностными лицами своих обязанностей или злоупотребления ими полномочий, возможна подача жалобы участниками уголовного судопроизводства, чьи права были нару-

шены и рассмотрения ее в порядке ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, мы видим, что в своей основе предварительное следствие все же прозрачно, наглядно и доступно, в отличие от предварительного следствия, которое необходимо осуществлять в местах лишения свободы.

Недостаточная квалификация следователей, которые не обладают специальными знаниями о специфике работы в местах лишения свободы также влияет на качество расследования рассматриваемых преступлений. Многими учеными рассматривается вопрос о возможности создания отдельного следственного подразделения в уголовно-исполнительной системе, которое осуществляло бы расследование преступлений, совершенных в местах лишения свободы. Данное положение имело место в период действия п. 4 ст. 117 УПК РСФСР, в статье которого было закреплено, что «начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых и воспитательно-трудовых профилакториев являлись органами дознания по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений» [9].

Тем самым, следственные подразделения и подразделения ОРД смогли бы взаимодействовать в достаточной степени. С другой стороны, введение данного положения может и усугубить ситуацию, прежде всего, именно с возможностью обеспечения прав и законных интересов лиц, совершивших преступления. В силу закрытости учреждений, их права во многом могут ущемляться и, возможно, не соблюдаться.

Именно поэтому, в силу активного внедрения современных технологий в повседневную жизнь, немаловажным будет выступать возможность применения цифровых технологий при расследовании преступлений. Применение возможностей видеоконференц-связи для участия адвоката в том или ином процессуальном действии, проводимом с его подзащитным, в случае невозможности оказаться в режимном учреждении. Тем самым, реализация принципа состязательности сторон в досудебном производстве была бы возможна в гораздо большей степени.

Трудности связаны также с тем, что это режимное учреждение, закрытое от посторонних, с особенными традициями и субкультурой. Важно учитывать и степень общественной опасности преступления. Ведь с одной стороны, агитация, которая проводится заключенными в среде, склонной к насилию и совершению повторных, более тяжких преступлений — опасна, а с другой стороны ст. 205.2 УК РФ в своей диспозиции

выделяет ключевой момент состава преступления — публичность высказываний, а учитывая тот факт, что во многих случаях аудитория агитации незначительна (камера режимного учреждения), то и, соответственно, степень общественной опасности указанного преступления снижается.

Рассмотрим практические примеры уголовных дел, возбужденных по ст. 205.2 УК РФ.

«2 ноября 2021 года из сообщения прокуратуры Красноярского края стало известно, что 1-й Восточный окружной военный суд приговорил заключенного тюрьмы ГУФСИН России по Красноярскому краю к двум с половиной годам лишения свободы в колонии строгого режима по ч. 1 ст. 205.2 УК. Суд установил, что до 25 ноября 2020 года, находясь в швейном цеху, в разговоре с другими заключенными (число которых в сообщении не приводится) он призывал к осуществлению терактов в Москве, оправдывал терроризм, призывал к насилию в отношении российских военных в Сирии, высказывал идеи ненависти и вражды к российским военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов. Он также героизировал чеченских боевиков и отрицал их причастность к терактам. Приговор вступил в законную силу» [8].

«20 октября 2021 года стало известно, что 1-й Восточный окружной военный суд приговорил к пяти годам колонии строгого режима заключенного ИК-35 в Хакасии. Он был осужден по ч. 2 ст. 205.2 УК (публичное оправдание терроризма в интернете). Не отказавшись от исламистских взглядов, он продолжил пропагандировать идеологию террористической организации «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа» и «Исламское государство». Данные о размере аудитории осужденного в сообщении ведомства не приводятся».

Особый диссонанс вызвал эпизод следующего содержания: «28 сентября 2021 года 2-й Западный окружной военный суд приговорил 36-летнего Хамида Игамбердыева к ч. 1 ст. 205.5 УК (организация деятельности террористической организации) к трем годам колонии. Общий срок его наказания составит 17 с половиной лет. Дело основано на показаниях трех сокамерников по «Бутырке» и видеозаписи, на которой Игамбердыев отрицает террористический характер деятельности радикальной исламской партии «Хизб ут-Тахрир» (которая признана в России террористической организацией).

Игамбердыев в сентябре 2019 года был осужден по делу «московской девятки» последователей радикальной исламской партии «Хизб ут-Тахрир» и приговорен по ч. 1 ст. 205.5 УК (организация деятельности террористической организации) к 16 годам лишения свобо-

ды в строгого режима с дополнительным наказанием в виде года ограничения свободы. Теперь суд приговорил его еще к трем годам лишения свободы; с учётом ранее вынесенного приговора общий срок заключения составит 17 с половиной лет.

Уголовное дело было возбуждено в связи с разговорами, которые Игамбердыев вел с сокамерниками в СИЗО-2 «Бутырка» в 2017 году. Обвинение основывалось на показаниях трёх заключенных и выводах комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы по видеозаписям, предоставленным следствием.

Как передает ПЦ «Мемориал», в последнем слове Игамбердыев отметил, в частности, что один свидетель в суде заявил, что говорил лишь с ним о жизни и быте, а протокол допроса подписал по совету адвоката. Второй свидетель рассказал об одном ночном разговоре с Игамбердыевым, однако данных о таком разговоре нет ни в материалах следствия, ни на видеозаписях; относительно показаний на предварительном следствии он делал в суде противоречивые заявления. Третий свидетель вообще заявил, что никаких показаний в ходе предварительного следствия не давал, а также отметил, что подсудимый в разговорах с ним никогда не оправдывал терроризм.

По словам Игамбердыева, экспертиза не обнаружила в его высказываниях признаков вербовки или призывов к терроризму, а признаки оправдания террористической деятельности усмотрела в отрицании террористического характера организации «Хизб ут-Тахрир», членом которой он по-прежнему себя считает. В частности, на видеозаписях зафиксированы слова Игамбердыева «в наших действиях нет террора» и «мое отношение к террористическим организациям отрицательное» [8].

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что механизм реализации принципа состязательности в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений не определен, так как исходя из представленных фактов уголовных дел многие свидетели отказываются от своих показаний, ссылаются на адвокатов; не все доказательства невиновности лица учитываются в ходе производства предварительного следствия и т. д.

Безусловно, указанные личности совершили преступления, за которые они несут наказания в исправительных учреждениях, но, в том случае, если имеются подозрения о совершении осужденным лицом нового преступления, представляющего большую общественную опасность, то его расследование должно проводиться также тщательно. Должны быть соблюдены все требования уголовно-процессуального

законодательства, в том числе и принцип состязательности сторон.

Лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело должно быть обеспечено право на защиту, что является важнейшим атрибутом соблюдения состязательности. Не должно быть одностороннего подхода к расследованию уголовного дела, и несмотря на специфичность условий и возможные трудности в осуществлении данным лицом права на защиту, они не должны игнорироваться. Иначе, возникают закономерные вопросы о законности привлечения лиц к ответственности по рассматриваемым статьям.

Таким образом, необходимо сделать следующий вывод: реализация принципа состязательности сторон в досудебном производстве имеет определенные правовые проблемы, которые оказывают негативное влияние на расследование пенитенциарных преступлений. Доступ адвоката к своему подзащитному затруднителен, вызывает определенные вопросы законность привлечения лиц к ответственности за преступления, касающиеся пропаганды или оправдания терроризма, так как особую роль в этом играет численность аудитории. Та доказательственная база, которая имеется у работников следственных подразделений, также вызывает определенные вопросы в силу того, что непонятно, каким образом и на каком основании были сделаны выводы о наличии умысла у лица на совершении указанного рода преступлений. Именно поэтому, возможность соблюдения, и, соответственно, реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве при расследовании пенитенциарных преступлений достаточно важна, так как это позволит оградить лицо от незаконного и необоснованного обвинения.

Список источников

1. Яворский М. А. Пенитенциарный экстремизм : современный вектор развития научной мысли в социально-гуманитарных науках // Человек : преступление и наказание. 2016. № 2. С. 72–77.
2. Иринарх. Радикализация тюрем : пасторальный взгляд // Противодействие обращению в свою веру и вербовке последователей неоязычества, радикального ислама, религиозного экстремизма и его наиболее крайнего проявления в общественно-политической жизни общества — терроризма : предотвращение их негативного воздействия на осужденных в местах отбывания уголовного наказания. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 3–8.
3. Илларди Дж. Тюремная радикализация : дьявол кроется в деталях // Документ, представ-

ленный на конференции ARC Linkage Project по радикализации, Понимание терроризма с точки зрения Австралии : радикализация, де-радикализация и противодействие радикализации, Университет Монаша, Австралия. 2010. С. 25–68.

4. Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы «Европейские пенитенциарные правила» (вместе с «Комментарием к тексту...») (принята 11.01.2006 г. на 952-ом заседании представителей министров) // СПС Консультант Плюс.
5. Павлинов А. В. Некоторые проблемы специального предупреждения экстремизма в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3. С. 43–44.
6. Тулегенов В. В., Стулов С. А. Субкультурные особенности религиозных экстремистов, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. № 1. 2017. С. 100–105.
7. Казаринова Л. В., Тепляков О. В. Некоторые оперативно-профилактические мероприятия по противодействию религиозному экстремизму в местах лишения свободы // Пенитенциарное право : юридическая теория и правоприменительная практика. № 2. 2016. С. 42–47.
8. Информационно-аналитический центр «СОВА». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sova-center.ru/about-us/> (дата обращения: 10.12.2021).
9. Гирько С. И. Почему необходимо восстановление уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы российской федерации // Российский следователь. 2018. № 4. С. 25–29.

References

1. Yavorsky M. A. Penitentiary extremism : a modern vector of development of scientific thought in the social sciences and humanities // Man : crime and punishment. 2016. № 2. P. 72–77.
2. Irinarch. Radicalization of prisons : a pastoral view // Counteracting the conversion and recruitment of followers of neo-paganism, radical Islam, religious extremism and its most extreme manifestation in the socio-political life of society — terrorism : preventing their negative impact on convicts in places of serving a criminal sentence. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2016. P. 3–8.
3. Illardi J. Prison Radicalization : The Devil is

- in the Details // Paper presented at the ARC Linkage Project Conference on Radicalization, Understanding Terrorism from an Australian Perspective : Radicalization, Deradicalization and Countering Radicalization, Monash University, Australia. 2010. P. 25–68.
4. Recommendation № Rec (2006) 2 of the Committee of Ministers of the Council of Europe «European Prison Rules» (Together with the «Commentary to the text ...») (adopted on 11.01.2006 at the 952nd meeting of the Ministers' representatives) // ATP Consultant Plus.
 5. Pavlinov A. V. Some problems of special prevention of extremism in places of deprivation of liberty. // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2007. № 3. P. 43–44.
 6. Tulegenov V. V., Stulov S. A. Subcultural features of religious extremists serving sentences of imprisonment // Bulletin of the Kuzbass Institute. № 1. 2017. P. 100–105.
 7. Kazarinova L. V., Teplyakov O. V. Some operational and preventive measures to counter religious extremism in places of deprivation of liberty // Penitentiary Law : Legal Theory and Law Enforcement Practice. № 2. 2016. P. 42–47.
 8. Information and analytical center «SOVA». [Electronic resource]. URL: <https://www.sova-center.ru/about-us/> (date of access: 10.12.2021).
 9. Girko S. I. Why is it necessary to restore the criminal procedural powers of the penitentiary system of the Russian Federation // Russian investigator. 2018. № 4. P. 25–29.

Информация об авторах

А. В. Скачко — профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор юридических наук;

А. В. Полякова — адъюнкт 2-го года обучения кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.

Information about the authors

A. V. Skachko — Professor of the Department of Organization of Financial, Economic, Logistics and Medical Support Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences;

A. V. Polyakova — Adjunct of the 2nd year of study of the Department of Criminal Procedure of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after. V.V. Lukyanov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-228-231>

НИОН: 2003-0059-4/22-384

MOSURED: 77/27-003-2022-04-583

Административно-правовая охрана окружающей среды в субъектах Российской Федерации

Камиль Арифович Султанов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mpkr@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы охраны окружающей среды и экологической безопасности в субъектах Российской Федерации. Многие государства мира активно стараются решить вопросы, связанные с экологией с целью преодоления потенциальных негативных тенденций и предотвращения возможных экологических катастроф. В Российской Федерации вопросам природопользования и экологической безопасности также уделяется пристальное внимание; выделяются средства и ресурсы, направляемые на улучшение текущей ситуации.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экологическая безопасность, КоАП РФ, административная ответственность, правонарушение

Для цитирования: Султанов К. А. Административно-правовая охрана окружающей среды в субъектах Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 228–231. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-228-231>.

Original article

Administrative and legal protection of the environment in the subjects of the Russian Federation

Kamil A. Sultanov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mpkr@mail.ru

Abstract. In the modern conditions of the development of the world economy, the issues of environmental protection and environmental safety in the subjects of the Russian Federation are one of the most important topics. Many countries of the world are actively trying to solve environmental issues in order to overcome potential negative trends and prevent possible environmental disasters. In the Russian Federation, they also try to regularly pay attention to environmental management and environmental safety issues and allocate funds and resources aimed at improving the current situation.

Keywords: environmental protection, environmental safety, Administrative Code of the Russian Federation, administrative responsibility, offense

For citation: Sultanov K. A. Administrative and legal protection of the environment in the subjects of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):228–231. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-228-231>.

На сегодняшний день, охрана окружающей среды является одним из стратегически важных и перспективных направлений во внешней и внутренней политики любого развитого и развивающегося государства.

Мировая экономика не стоит на месте и отрасли производства регулярно выделяют в процессе своей хозяйственной деятельности вредные вещества, которые негативным образом сказываются на объектах окружающей среды.

По мнению ряда современных ученых, принято выделять различные категории объектов, которые нуждаются в охране окружающей среды. Данные объекты схематично отображены на рисунке 1.

Как можно заметить из данных рисунка 1 к таким объектам принято относить [1]:

- земля, почва;
- поверхностные и подземные воды;
- растительные и животные организмы леса;

© Султанов К. А., 2022

- воздух и т. д.

Рис. 1. Объекты охраны окружающей среды

Не стоит забывать и о том, что в вопросы охраны объектов окружающей среды и природопользование является не только национальной приоритетной елью конкретного государства, но и глобальным общемировым вопросом. В этой связи, ученые, которые занимаются исследованиями вопросов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, выделяют ряд ключевых принципов охраны природы и природных ресурсов.

Как можно заметить, основными принципами охраны окружающей среды в рамках мирового хозяйства являются [2]:

- приоритет охраны жизни и здоровья человека;
- гласность в решении природных задач;
- соблюдение требований экологического законодательства;
- международное сотрудничество в вопросах охраны объектов окружающей среды и т. д.

Международные организации и организации, выполняющие спектр функций и обязанностей по охране и экологической безопасности в рамках национального хозяйства, используют для своей деятельности два вида инструментов.

Как можно заметить, все виды инструментов управления природопользованием и охраной окружающей среды можно условно разделить на две большие группы:

- административно-контрольные инструменты;
- экономические инструменты.

К первой категории инструментов принято относить такие инструмент, как:

- экологический аудит;
- лицензирование хозяйственной деятельности;
- экологический мониторинг;
- экологическая сертификация и т. д.

Ко второй категории инструментов, в свою очередь, уже относят такие, как:

- рыночно-ориентированные;
- стимулирующие;
- финансово-кредитные;
- морально-психологические и т. д.

Кончено, все вышеназванные инструменты должны быть максимально эффективны, иначе смысл их применения и внедрения в рамках мирового хозяйства сводится к минимуму.

Несмотря на это, за последние годы в мировой экономике и системе глобального хозяйства остаются нерешенными различные проблемные вопросы, связанные с охраной и с защитой природных ресурсов и объектов.

В мировой практике ежегодно принято учитывать экономические убытки от экологических проблем, динамика которых схематично отобразим в таблице 1.

Таблица 1

Влияние экологических проблем на экономику мировых стран

Группы стран	Страны	В процентах к ВВП
Развитие страны	Великобритания	0.4 -2%
	Нидерланды	
	США	
	ФРГ	
Страны «третьего мира»	Япония	6-18%
	Нигерия	
	Буркина-Фасо	
Страны СНГ	Эфиопия	6 -15%
	Украина	
	РФ	

Помимо всего прочего, регулярно составляются сводные статистические отчеты по уровню экологической обстановки, который схематично представим в таблице 2.

Таблица 2

Рейтинги стран по уровню экологической безопасности

Благополучные страны	Неблагополучные страны
1.Швейцария	1.Бурунди
2.Франция	2.Бангладеш
3. Дания	3.Конго
4. Мальта	4.Индия
....52 РФ	5.Непал

По данным издания The Forbes самой экологически чистой страной является Швейцария. Она набрала 95,5 баллов по 100-бальной шкале [3].

Экологическая статистика в отношении России не такая радужная. Страна занимает в рейтинге 52 место.

Далее исследуем динамику экологических правонарушений в экономике РФ, схематично представленную на рисунке 2.

Как можно заметить из данных рисунка 2, за последние годы наблюдается рост численности экологических правонарушений в экономике РФ. По данным, представленным на рис. 3 можно отметить тесную взаимосвязь между темпами роста ВВП и темпами роста отходов производства и потребления.

В связи с тем, что по данным государственной статистики представлена динамика ВВП в период 2011–2015 г. в ценах 2008 г., а в период 2016–2020 гг. в ценах

2011 г., было рассчитано два коэффициента Пирсона для соответствующих временных периодов (таблица 3).

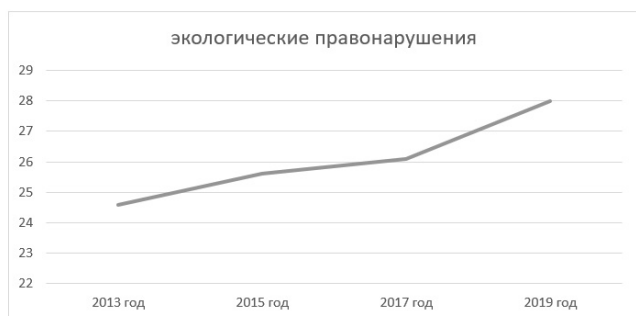

Рис. 2. Динамика экологических правонарушений в РФ в тыс.ед.

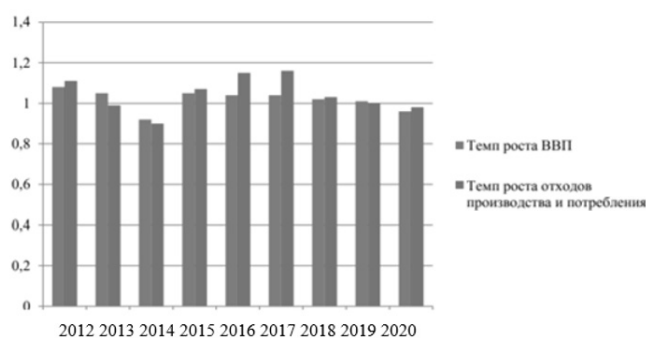

Рис. 3. Темпы роста ВВП и темпы роста образования отходов производства и потребления в РФ

Таблица 3

Коэффициент корреляции ВВП и объема отходов производства и потребления Пирсона

2011–2015 г	2016–2021 г
0,8216	0,8334

Значение коэффициента Пирсона близкое к 1 доказывает наличие взаимосвязи между экономическим ростом и негативным влиянием на экологическую систему [4].

Плавного переходя к исследованию специфики охраны объектов окружающей среды и вопросам экологической безопасности в РФ, стоит отметить, что на сегодняшний день существуют специальные органы, призванные решать проблемы в данной отрасли. Все органы по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности в национальной экономике страны, условно делят на три большие группы:

- комплексные государственные органы;
- отраслевые государственные органы;
- функциональные государственные органы.

К первой категории органов относят Министерство природных ресурсов РФ, Росгидромет, МЧС РФ и т. д.

Ко второй категории органов относят Роскомзем, Россельхоз, Минсельхоз и т. д.

К третьей группе органов относят Минздрав РФ, МВД РФ и т. д.

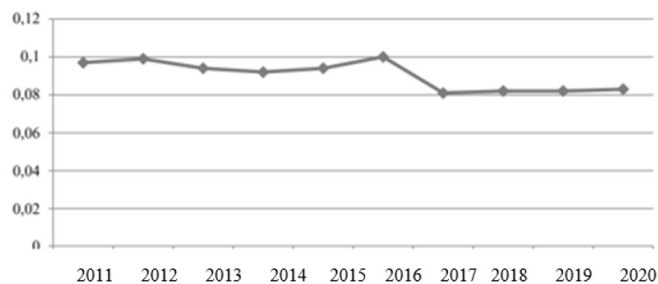

Рис. 4. Динамика удельной экологической нагрузки, т/тыс. руб.

Все вышеназванные категории органов призваны обеспечить стабильную защиту и охрану окружающей среды, и достижение наиболее эффективной комплексной охраны объектов экологии [5].

Несмотря на это, в современных условиях развития национальной экономики РФ принято выделять ряд проблем в сфере защиты и охраны окружающей среды:

- низкая эффективность органов, которые осуществляют свою деятельность в рамках обозначенной сферы деятельности;
- слабый контроль за соблюдением экологического законодательства;
- развитие браконьерства на всей территории РФ;
- низкий уровень наказаний за нарушение экологического законодательства в РФ и т. д.

Для того чтобы преодолеть вышеназванные проблемы в Российской Федерации необходимо:

- создать единый координационный центр по формированию и контролю за реализацией мероприятий в рамках приоритетных национальных проектов, наделив его реальными полномочиями;
- ужесточить государственный надзор за обеспечением экологической безопасности (значительно увеличить санкции за экологические административные правонарушения);
- на уровне субъектов России разработать региональные проекты в области обеспечения экологической безопасности регионов;
- создать механизм проверки эффективности и результативности проведения мероприятий в сфере экологической безопасности.

Реализация направлений из данной концепции позволит существенно улучшить экологическую безопасность и охрану окружающей среды на региональном уровне.

Список источников

1. Башлакова О. И. Проблемы экологической безопасности России // Вестн. МГИМО. 2015. № 3 (42). С. 112–121.
2. Велиева Д. С. Экологическая безопасность России : проблемы и перспективы // Гражданин и право. 2012. № 3. С. 46–54.
3. Голиков Р. А., Суржиков Д. В., Кислицына В. В.,

Штайгер В. А. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения (обзор литературы) // Научное обозрение. Медицинские науки. 2017. № 5. С. 20–31.

4. Ефремова Е. Н. Система управления экологической безопасностью // Форум. Серия : Гуманитарные и экономические науки. 2019. № 2 (17). С. 97–101.
5. Ефремова Е. Н. Состояние экологической безопасности // В сборнике : Инновационный путь развития предприятий АПК. Сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. 2017. С. 18–21.

References

1. Bashlakova O. I. Problems of ecological safety of Russia // Vestn. MGIMO. 2015. № 3 (42). P. 112–121.
2. Veliyeva D. S. Ecological safety of Russia : problems and prospects // Citizen and law. 2012. № 3. P. 46–54.
3. Golikov R. A., Surzhikov D. V., Kislitsyna V. V., Steiger V. A. The influence of environmental pollution on public health (literature review) // Scientific Review. Medical sciences. 2017. № 5. P. 20–31.
4. Efremova E. N. Environmental safety management system // Forum. Series: Humanities and Economic Sciences. 2019. № 2 (17). P. 97–101.
5. Efremova E. N. The state of environmental safety // In the collection : The innovative way of development of agricultural enterprises. Collection of scientific papers based on the materials of the XI International Scientific and Practical Conference of the teaching staff. 2017. P. 18–21.

Библиографический список

1. Фокин А. И. О стратегии экологической безопасности Российской Федерации // В сборнике : Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения. Материалы XIII международной научной конференции. В 2-х частях. Под редакцией

А. В. Семенова, Н. Г. Малышева, Ю. С. Руденко. 2017. С. 96–105.

2. Лазарев С. Е. Экологические правонарушения и экологическая ответственность : новое в Российском законодательстве // Гражданин и право. 2021. № 5. С. 56–63.
3. Васильева Н. Ю. Профилактика и предупреждение экологических правонарушений // Аграрное и земельное право. 2021. № 6 (198). С. 81–86.
4. Султанов К. А., Устинов П. В. Гарантии прав граждан в производстве по делу об административном правонарушении // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России . 2018. № 3 (47). С. 47–50.
5. Куракин А. В. Понятие механизма административно-правового регулирования в обеспечении общественного порядка // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 209–211.

Bibliographic list

1. Fokin A. I. On the strategy of environmental safety of the Russian Federation // In the collection : Ecological and environmental problems of modern society and ways to solve them. Materials of the XIII International Scientific Conference. In 2 parts. Edited by A. V. Semenov, N. G. Malyshev, Y. S. Rudenko. 2017. P. 96–105.
2. Lazarev S. E. Environmental offenses and environmental responsibility : new in Russian legislation // Citizen and Law. 2021. № 5. P. 56–63.
3. Vasilyeva N. Yu. Prevention and prevention of environmental offenses // Agrarian and land law. 2021. № 6 (198). P. 81–86.
4. Sultanov K. A., Ustinov P. V. Guarantees of citizens' rights in proceedings on an administrative offense // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (47). P. 47–50.
5. Kurakin A. V. The concept of the mechanism of administrative and legal regulation in ensuring public order // Civil service and personnel. 2021. № 1. P. 209–211.

Информация об авторе

К. А. Султанов — доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

K. A. Sultanov — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-232-235>

NIJON: 2003-0059-4/22-385

MOSURED: 77/27-003-2022-04-584

Юридическая оценка применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны

Игорь Евгеньевич Теренков

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, stvkup@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношения норм уголовного закона о необходимой обороне и Федерального закона Российской Федерации «О полиции», регламентирующих право на применение огнестрельного оружия.

Ключевые слова: необходимая оборона, применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны, право на применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции

Для цитирования: Теренков И. Е. Юридическая оценка применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 232–235. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-232-235>.

Original article

Legal assessment of the use of firearms by police officers in the state of necessary defense

Igor E. Terenkov

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, stvkup@yandex.ru

Abstract. The issues of correlation between the norms of the criminal law on necessary defense and the Federal Law of the Russian Federation «On the Police», which regulate the right to use firearms, are considered.

Keywords: necessary defense, use of firearms by police officers in the state of necessary defense, right to use firearms by police officers

For citation: Terenkov I. E. Legal assessment of the use of firearms by police officers in the state of necessary defense. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):232–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-232-235>.

Изучение юридической оценки фактов применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны показывает отсутствие у правоприменителей единого подхода относительно правил выбора норм, подлежащих применению в обозначенных ситуациях. В оправдательных приговорах и постановлениях об отказе в возбуждении и прекращении уголовных дел, вынесенных в связи с наличием в действиях сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие, признаков необходимой обороны, в качестве основания признания причиненного вреда правомерным можно встретить указание на:

1) нормы уголовного закона о необходимой обороне; 2) нормы уголовного закона о необходимой обороне и нормы Федерального закона Российской Федерации «О полиции» [3], регламентирующие право на применение огнестрельного оружия; 3) нормы ФЗ «О полиции», регламентирующие право на применение огнестрельного оружия.

Отчасти такой «плюрализм» правоприменительной практики можно объяснить исторической «дуалистичностью» отраслевой законодательной регламентацией права применения сотрудниками полиции (милиции) огнестрельного оружия. Прежде всего, это

связано с тем, что практически во всех нормативно-правовых актах СССР (РФ), регламентирующих право сотрудников милиции на применение огнестрельного оружия, а в настоящее время и полиции, содержались положения, согласно которым они могут применять огнестрельное оружие в состоянии необходимой обороны [5].

Для того, чтобы разграничить сферы отношений, регулируемых нормами уголовного законодательства, предусматривающими право граждан на необходимую оборону, и нормами ФЗ «О полиции», предусматривающими право на применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, следует определиться с юридическими фактами, порождающими эти отношения. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняется, что Уголовный кодекс РФ в целях реализации такой важной функции государства как обеспечение защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств, наряду с определением круга деяний, признаваемых преступлениями, в ст. 37 УК РФ устанавливает основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности [4]. При этом высшая российская судебная инстанция в указанном акте толкования акцентирует внимание на том, что норма уголовного закона, регламентирующая право граждан на необходимую оборону, является одной из гарантий реализации конституционного положения, предусмотренного ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которому каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, она обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства [4].

Соответственно, основываясь на процитированных разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ, можно констатировать, что юридическим фактом, порождающим правоотношения, регулируемые ст. 37 УК РФ, являются деяния лица, причинившего вред уголовно охраняемому объекту в состоянии необходимой обороны. При этом уголовный закон не предусматривает никаких особых условий, расширяющих либо ограничивающих право необходимой обороны в зависимости от статуса обороняющегося лица. Это правило нашло свое законодательное закрепление в ч. 3 ст. 37 УК РФ, где указывается, что «положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения».

Круг отношений, регулируемых нормами ФЗ «О полиции», предусматривающими право на применение огнестрельного оружия, определен в ст. 18 этого закона, где указывается, что сотрудник полиции имеет право на применение огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами. Анализ предусмотренных ст. 23 ФЗ «О полиции» случаев, при наличии которых сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие, показывает, что при наличии некоторых из них, применяя огнестрельное оружие он находится в состоянии необходимой обороны. То есть одни и те же деяния сотрудника полиции, применившего огнестрельное оружие, порождают как уголовно-правовые отношения, урегулированные ст. 37 УК РФ, так и отношения, охватываемые сферой действия положений ст. 18 ФЗ «О полиции». Такая ситуация неизбежно порождает вопросы о правилах применения норм названных отраслей права и об их соотношении. Применительно к теме данной статьи, предмет рассмотрения составляют отношения, возникшие при применении сотрудниками полиции огнестрельного оружия исключительно в состоянии необходимой обороны. Нормы же ФЗ «О полиции», предусматривающие право сотрудников полиции на применение оружия, регламентируют ситуации, как являющиеся необходимой обороной, так и иные, не признаваемые таковой. Так, например, п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» закрепляет право сотрудника полиции «применять огнестрельное оружие для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным». Применение огнестрельного оружия в этой ситуации: во-первых, может регулироваться исключительно п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ РФ «О полиции»; во-вторых, она может охватываться сферой действия как п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ РФ «О полиции» и положениями статей Уголовного кодекса РФ, предусматривающими необходимую оборону (ст. 37 УК РФ) или причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ).

Первая из названных ситуаций может иметь место, когда, например, сотрудник полиции, не имея возможности иными средствами задержать лицо, совершившее убийство и пытающееся скрыться, производит предупредительный выстрел, а затем прицельные выстрелы по скрывающемуся лицу, но промахивается, не причиняя вреда охраняемому уголовным законом отношениям (здоровью, жизни и т. п.). Поскольку эти действия не причинили вреда уголовно охраняемому объекту, то нет и юридического факта, порождающего

уголовно-правовые отношения, предполагающие применение норм уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Применению в данном случае подлежит исключительно п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ РФ «О полиции».

В тоже время применение огнестрельного оружия, при наличии основания, предусмотренного в п. 4 ч. 1 ст. 23 ФЗ РФ «О полиции», в зависимости от наличия ряда объективных и субъективных признаков, его характеризующих, может быть одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных ст.ст. 37 или 38 УК РФ, а, соответственно, являться юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые отношения. Так, например, если лицо было застигнуто при совершении такого преступления как убийство и пытается скрыться, то действия сотрудника, причинившего ему средней тяжести вред здоровью при применении огнестрельного оружия в целях его доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным, являются, предусмотренным ст. 38 УК РФ причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление. Если же лицо совершило, например, такое преступление как разбой и пытается скрыться с похищенным, а сотрудник полиции применяет огнестрельное оружие, преследуя цель пресечь общественно опасное посягательство, то он действует в состоянии необходимой обороны, предусмотренной ст. 37 УК РФ.

Итак, поскольку отдельные случаи применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия регулируются как нормами ФЗ «О полиции», так и нормами, содержащимися в ст. 37 УК РФ, то, прежде всего, следует ответить на вопрос — распространяется ли в таких случаях действие ст. 37 УК РФ на сотрудников полиции? Характерно, что этот вопрос, имеющий принципиальное значение для юридической оценки указанных деяний, в теории уголовного права является дискуссионным [2, с. 35; 5, с. 76]. В качестве, безусловно, положительного момента следует отметить то обстоятельство, что с 2006 года обозначенный вопрос получил свое предельно четкое разрешение на законодательном уровне, а именно в ч. 3 ст. 37 УК РФ, согласно которой положения уголовного законодательства о необходимой обороне в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Принятием процитированной нормы законодатель установил дополнительные гарантии равенства для всех граждан конституционного права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Соответственно, основываясь на положениях ч. 3 ст. 37 УК РФ, можно признать достаточно обо-

снованным подход о признании норм уголовного законодательства о необходимой обороне бланкетными, а нормы ФЗ «О полиции», регламентирующие право сотрудников полиции на применение огнестрельного оружия, выполняющими по отношению к ним конкретизационную функцию. Его реализация предполагает учитывать особенность применения норм, регламентирующих право на необходимую оборону, которая заключается в том, что, если норма является бланкетной, то она находит свое выражение в нескольких нормах, при этом каждая из них признается ее источником.

Список источников

1. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России : основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.08 / Дмитренко Андрей Петрович. Москва, 2010. 522 с.
2. Милуков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России : опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 39–54.
3. О полиции : федер. закон от 07 фев. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 02 фев. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
4. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
5. Об утверждении Положения о советской милиции (с изменениями на 2 августа 1966 года) (утратило силу с 1 июля 1973 года на основании постановления Совмина СССР от 08.06.1973 г. № 385) // Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. Том II. Часть вторая. М. : Юридическая литература, 1972.

References

1. Dmitrenko A. P. The Institute of Circumstances Precluding Crime of an Act in Russian Criminal Law : Fundamentals of Theory, Legislative Regulation and Law Enforcement : dis. ... Doctor of Law : 12.00.08 / Dmitrenko Andrey Petrovich. Moscow, 2010. 522 p.
2. Milyukov S. F., Pobegailo E. F. Actual problems of the use of weapons by law enforcement officers

- // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2006. № 11. P. 39–54.
3. About the police : feder. law of 07 Feb. 2011 № 3-FZ (as amended on December 21, 2021) : adopted by the State. Duma Feder. Sobr. Ros. Federation 28 Jan. 2011 : approved by the Federation Council of the Federation. Sobr. Ros. Federation 02 Feb. 2011 // Collection of legislation Rus. Federation. 2011. № 7, art. 900.
 4. On the application by the courts of legislation on necessary defense and infliction of harm during the arrest of a person who has committed a crime : Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 September. 2012 № 19 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 11.
 5. On the approval of the Regulations on the Soviet militia (as amended on August 2, 1966) (lost force on July 1, 1973 on the basis of the decision of the Council of Ministers of the USSR of 08.06.1973 № 385) // Reference book on legislation for employees of the prosecutor's office, the court and the Ministry internal affairs. Volume II. Part two. M. : Legal literature, 1972.

Информация об авторе

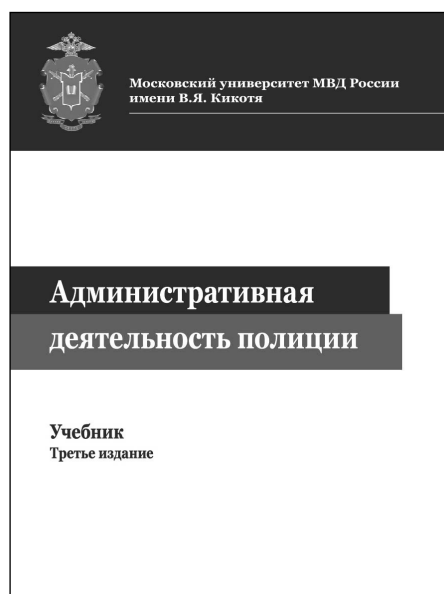
И. Е. Теренков — преподаватель кафедры уголовного права Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. E. Terenkov — Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-236-241>

НИОН: 2003-0059-4/22-386

MOSURED: 77/27-003-2022-04-585

Мошенничество с использованием смарт-контрактов и суррогатов цифровых активов (криптовалют) в гражданско-правовых отношениях, осуществляемых в цифровой среде (сети Интернет)

Максим Геннадьевич Терехов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Maxxx47@inbox.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования

Российской Федерации **С. А. Шаронов**

Аннотация. Анализируются гражданские отношения, в которых используются современные продукты цифровой трансформации общества — цифровые активы (криптовалюты), которые являются разновидностью цифрового имущества.

Определяются риски, связанные с использованием цифровых активов (криптовалюты) в гражданских отношениях при купле-продаже в цифровой среде (сети Интернет).

Одним из основных рисков таких гражданских отношений является ограниченное государственное нормативно-правовое обеспечение безопасности сделок купли-продажи, осуществляемых в цифровой среде (сети Интернет), для физических и юридических лиц, что открывает большие возможности для противоправных посягательств в форме мошенничества.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровое имущество, цифровые суррогаты, цифровые продукты, цифровая трансформация, стейблкоины, криптовалюта, экономическая безопасность, цифровое право, гражданское право, смарт-контракт

Для цитирования: Терехов М. Г. Мошенничество с использованием смарт-контрактов и суррогатов цифровых активов (криптовалют) в гражданско-правовых отношениях, осуществляемых в цифровой среде (сети Интернет) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 236–241. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-236-241>.

Original article

Fraud using smart contracts and digital asset surrogates (cryptocurrencies) in civil law relations carried out in a digital environment (Internet)

Maxim G. Terekhov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Maxxx47@inbox.ru

Scientific supervisor: Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation **S. A. Sharonov**

Abstract. This article will focus on civil relations, which use modern products of digital transformation of society — digital assets (cryptocurrency), which are a kind of digital property.

The author defines the risks associated with the use of digital assets (cryptocurrencies) in civil relations when buying and selling in a digital environment (Internet).

One of the main risks of such civil relations is the limited state regulatory and legal security of the purchase and

© Терехов М. Г., 2022

sale transactions carried out in the digital environment (Internet) for individuals and legal entities, which opens up great opportunities for illegal encroachments in the form of fraud.

Keywords: digital assets, digital property, digital surrogates, digital products, digital transformation, stablecoins, cryptocurrency, economic security, digital law, civil law, smart contract

For citation: Terekhov M. G. Fraud using smart contracts and digital asset surrogates (cryptocurrencies) in civil law relations carried out in a digital environment (Internet). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):236–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-236-241>.

Цель настоящей статьи — осветить перед аудиторией читателей проблематику экономико-правовой защищенности общества в гражданских отношениях при использовании криптовалюты (процессе купли-продажи токенов криптовалюты), что позволит актуализировать и привлечь внимание отдельных научных направлений к данной проблеме и дальнейшим углубленным исследованиям.

Для достижения поставленной цели сформулированы задачи, которые позволят ее поэтапно достигнуть.

Сформулировать отдельные авторские предложения понятийного аппарата по определению гражданско-правового режима одного из продуктов цифровой трансформации общества — криптовалют. Таким образом, читатель в условиях законодательной неопределенности относительно криптовалют более подробно сможет осмыслить правовые свойства криптовалют.

Дать общую гражданскую характеристику правовой неопределенности правового режима криптовалют на территории Российской Федерации.

Рассмотреть на отдельном примере актуальные способы мошенничества в гражданских отношениях с использованием смарт-контрактов и суррогатов цифровых активов (криптовалют).

Объяснить складывающуюся проблему и возможные способы защиты граждан от мошенников в гражданских отношениях.

Далее по тексту, мы оперируем предложениями, которые являются субъективным и инновационным представлением, позволяющим посмотреть на гражданско-правовой режим криптовалют в Российской Федерации относительно законодательной позиции.

К настоящему времени цифровые активы¹ — это сложившийся в обществе результат цифровой трансформации общественных отношений, отвечающий признакам финансового инструмента, обладающего индивидуальными свойствами: 1) платежного средства; 2) накопительного средства; 3) обмена; 4) сбере-

¹ **Примечание:** Законодательное определение «цифровые финансовые активы». Автор настоящей статьи, проводя свое диссертационное исследование в данной области, приходит к выводу, что один из элементов законодательного определения понятия — «финансовый» противоречит действующему законодательству по своему смыслу, исходя из чего, далее по тексту оперирует формулировкой «цифровой актив».

гательного средства (известный представитель цифровых активов — криптовалюта)². По нашему мнению, цифровой актив входит как вид в группу обособленного объекта гражданского права, именуемого нами «цифровое имущество».

В свою очередь, цифровое имущество — это совокупность цифровых объектов цифровой среды сети Интернет гражданско-правовых правоотношений, которые находятся в собственности физического лица или юридического лица, обладающего правом распоряжения: делить, передавать, дарить, хранить, отказаться от него, конвертировать, завещать и вступать в наследство.

Между тем, цифровое имущество обладает особым цивилистическим подходом в регулировании общественных отношений в силу того факта, что фундаментальное понимание, определяемое законодательной властью таких правоотношений, выделяется и имеет свою гражданско-правовую характеристику, закрепляемую в статье 141.1 ГК РФ (Цифровые права) [1].

Раскрывая сущность такого цивилистического подхода, следует отметить, что «цифровые права»,

² **Примечание:** Согласно положениям части 2 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] **дается достаточно противоположное** и запутанное определение понятия для **цифровых активов — «цифровыми финансовыми активами»** признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. В свою очередь **цифровые права**, которые регулируются статьей 141.1. ГК РФ, далее по тексту научной статьи также подвергаются автором анализу, результатом которого является вывод о том, что **цифровые права** устанавливаются информационными системами (обычными гражданами, которые владеют веб-ресурсами, где осуществляется гражданский оборот в частности криптовалют (в субъективном понимании автора относительно того, что имеет ввиду законодатель)), а роль участия в регулировании настоящих процессов законодателем сводится к общей формулировке и неоднозначности правового режима криптовалют, которые согласно части 3 статьи 1 вышеизложенного закона, где говорится о «цифровой валюте» также с отсылкой к положению статьи 141.1 ГК РФ «цифровые права», аналогично не разъясняют правовой режим. Таким образом, криптовалюты не имеют конкретного гражданско-правового режима в проанализированных положениях, который позволит правоприменителю иметь точное понимание о таком продукте цифровой трансформации, как «криптовалюта».

содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, фактически отсылают субъектов гражданских правоотношений в цифровой среде (сети Интернет), в той или иной мере осуществляющих хозяйственную деятельность (согласно цифровой экономики), к правилам, которые определяются физическими и юридическими лицами на свое усмотрение и в своих интересах, что не является верным и несет большие риски для складывающихся общественных отношений.

Одной из проблем, которые можно определить, как побочное воздействие на общественные отношения, является действие расплывчатой законодательной позиции относительно гражданско-правового режима объектов гражданского оборота (цифрового имущества (цифровых активов (криптовалюту))), имеющих обособленную правовую природу, которая обусловлена неотъемлемым характерным признаком — цифровая среда (сеть Интернет).

Следствием чего является возрастающее количество противозаконных действий в форме мошенничества, которые ярко выражены подходами и избытием механизмов совершения противоправных действий в отношении граждан, являющихся собственниками (держателями) цифровых активов.

Об одном из наиболее распространённых способов мошенничества далее в настоящей статье и пойдет речь.

За пример рассматриваемого способа мошенничества возьмем достаточно популярную к настоящему времени в гражданском обороте криптовалюту — Tether USD, которая широко используется у физических лиц при обмене и купле-продаже. Данная криптовалюта распространена по всему рынку криптовалют, блокчейнов и различных площадок для торговли. Более надежным способом совершить сделку купли-продажи является использование смарт-контракта. Такая технология наиболее распространена на блокчейне Эфириум, где предоставляется функциональная возможность создавать без профильных познаний как криптовалюты (с любым названием и иными свойствами), так и смарт-контракты.

Как и другие, взятая за пример криптовалюта Tether USD имеет уникальную страницу в сети Интернет с официальной информацией о своей единице (токене) в данном блокчейне, что и отображается при совершении сделки купли-продажи с использованием смарт-контракта.

В своей сводной информации криптовалюта Tether USD имеет такую информацию о своем токене, как: 1) официальный сайт, 2) максимальный общий запас, 3) трансферы (транзакции), 4) держатели, 5) реестра совершенных транзакций.

Злоумышленники используют функциональную возможность блокчейна эфириум по созданию криптовалют, создавая аналоги (суррогаты) оригинальных криптовалют, в данном случае копию токена Tether USD, которых в блокчейне значительное множество.

Суррогат криптовалюты, имеет аналогичное название, а также ряд отличительных свойств, которые при детальном изучении позволяют отличить суррогатный токен криптовалюты от оригинального, в частности: 1) максимальный общий запас, 2) количество держателей (собственников), 3) количество транзакций, 4) отсутствие ссылки на источник — официальный сайт либо схожий поддельный, 5) список и объем транзакций, который значительно отличается от оригинального токена.

При совершении сделок купли-продажи криптовалюты в реальном мире, злоумышленники, действуя в роли «продавца», активно используют подобный способ создания суррогатов, осуществляя в последующем реальные действия, но с поддельной криптовалютой с таким же наименованием и объемом (суммой) совершения транзакции.

В свою очередь лицо, действующее как «покупатель», которое ввели в заблуждение, не сразу осознает обман, т. к. страница смарт-контракта реальная, сделка реальная, а вот сама криптовалюта поддельная.

Таким образом, делаем вывод, что особое влияние на развитие и существование подобных мошеннических действий оказывает: 1) политика правил поведения, компании создателя блокчейна, в частности «эфириум» которая позволяет совершать пользователям создание суррогатов криптовалют на своей площадке; 2) отсутствие систематизированных законодательных механизмов правовой защиты, что допускает возникновение подобных фактов.

В складывающихся условиях представляется необходимым для решения проблематики реализовать законодательное уточнение гражданско-правового режима криптовалют, что обосновано вышеизложенными положениями о структуре и гражданско-правовом режиме особых объектов гражданско-правового регулирования в сети Интернет.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства. 05.12.1994, № 32. Ст. 3301.
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства. 03.08.2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

Токен Tether USD

Битфинекс | Стейблкоин

Купить | Обмен | Зарабатывать | Игры

Рекомендуемые: проверьте и отзовите доступ dApp к вашим токенам с помощью нашего инструмента утверждения токенов!

Обзор [ERC-20] Диаграмма ↕

ЦЕНА
1,00 доллара США @ 0,000396 эфириума
(+0,01%)

ПОЛНОСТЬЮ РАЗВОДНЕННАЯ РЫНОЧНАЯ
КАПИТАЛИЗАЦИЯⓄ
39 822 488 242,03 долл. США

Максимальный общий запас: 39 822 488 242 . 032626USDT ⓘ

Держатели: 4 461 369 (▼-0,062%)

Трансферы: 140 993 145

Сводка профиля [Редактировать] ⊙ ⊘ ⊙ ⊘ ⊙ ⊘ ⊙ ⊘

Договор: 0xdac17f958d2ee523a2206206994597c13d831ec7

Десятичные: 6

Официальный сайт: <https://tether.to/>

Социальные профили:

Рис. 1. Уникальная страница в сети Интернет с официальной информацией о своей единице (токене) Tether USD

0xf3ea6a0d113d3179c5...	Передача	33 секунды назад	0xdefce9456a09016b28...	→	0x81961de1cf2c616baaf...	4 060,845748
0x28168d62e1c67cea44...	Флеш форвардер...	33 секунды назад	0x18ba45e19d45272b8b...	→	Список монет 2	750
0x14cee4bbb60c347932...	Передача	33 секунды назад	0x3adc5d2cf1dd24897e...	→	Хотбит 3	140,28
0x69f314fc91674ae15a3...	Передача	33 секунды назад	0xfe1ee9514f9ace0d300...	→	0xf89d7b9c864f589bbf5...	1000
0xe5f47e439b20273efea...	Передача	33 секунды назад	0xa3a4f67ba0b49735fe...	→	0xc21f45eeb45d883b8...	980,7
0x3a603986f5b9e93312...	Передача	33 секунды назад	0x7f00520332f2bace518...	→	0x74b35475116a444596...	464,536708
0x1e235d39915a49289f...	Передача	33 секунды назад	Хуоби 2	→	0x3be0ce9eacfe99e48d...	30 593,6964
0xaf63db53271ce8468c...	Передача	33 секунды назад	B2BinPay	→	0x271c3891f038cc05fa6...	849
0xbee7e6d03323ef342c...	Передача	38 секунд назад	0x94902498e6a92327c1...	→	0xa8b3fdfbf87b36fc66da...	243,555855
0x44abf544321cee27b9...	Флеш форвардер...	38 секунд назад	0x7e97eee9f669134fcc9...	→	Список монет 2	100
0xb3803e62c83be5e749...	Флеш форвардер...	38 секунд назад	0xc869bdca9cf28ba7519...	→	Список монет 2	750
0xcd9e6c29fcd8fc2aeaa...	Передача	38 секунд назад	0xc4fd202a5b85e2d846...	→	0xdd5ddc0978effbbaa93...	10 000
0x3f449bb3fcb0a0afe17...	Передача	38 секунд назад	0x231e806f82946d5060...	→	0x5bcbdfb58cc824b999c3...	36,43
0x00456235d484dab100...	Передача	38 секунд назад	Коинбейс 4	→	0x6fdcea143bf27604ed0...	117,56524

Рис. 2. Реестр совершенных транзакций

0xe6354ed5bc4b393a5aad09f21c46e101e692d447	Yearn USD	yUSD	6	https://docs.yearn.finance/
0xdf5e0e61d1ffaf3a7e52ba697820c5e32d806a8	Curve.fi yDAI+yUSDC+yUSD+yTUSD	yDAI+yUSDC+yUSD+yTUSD	18	https://www.curve.fi/
0xdac17f958d2ee523a2206206994597c13d831ec7	Tether USD	USD	6	https://tether.to/
0xf67ed7ba01e313d0a450e5837a20ab86501107b	Staked iBG-USDT LP	S-iBG-USDT LP	18	-
0xf2fbd1c6bafcf2f4bb08b169a7ef48ba85509e	Tether USD	USD	18	-
0xbb962a332f9086e50def44dae53438913386d4a	比特币	USD	18	-
0x9d05473a95eeed654d40c12b06116b3ab3b17d4f	Tether USD	USD	6	-
0x90fd555e737fe4337cb58e9f0c3c96d92ee05	Tether USD	USD	6	-
0xd3415e17acd2150ebd951970328f16d0cbed7b63	Tether USD	USD	6	-
0x173e6a2c2b0407be7300cc49d5107fa4abae31c	Tether USD	USD	6	-
0x3ef5Ec70D48fE69365C92086d470bb7D5fC92Eb	SingleSidedBalancer staBAL3Pool USD...	-	0	-
0xf5c62f90bd9d930d344028942c18766a16a7d743	USD	USD	18	-
0x5967430b2fe05cc5ea66905e7d50eb641d378e	USD	USD	18	-

← оригинал

← суррогат

Рис. 3. Оригинальный токен и суррогаты криптовалюты Tether USD в блокчейне эфириум

Токен Tether USD Купить ▾ Обмен ▾ Зарабатывать ▾ Игры ▾

При поддержке : AAX - Купите BTC со скидкой до 50%. Посетите AAX.com прямо сейчас!

Обзор [ERC-20]		Сводка профиля [Редактировать] О Больше ▾	
Максимальный общий запас:	1 000 000 000USDT Ⓢ	Договор:	0xd3415e17acd215bebd61970328f16fdbcbcd7b63
Держатели:	3	Десятичные:	6
Трансферы:	2	Социальные профили:	Недоступно, обновить ?

Рис. 4. Уникальная страница суррогата токена Tether USD в сети Интернет с официальной информацией о своей единице

Трансферы Держатели Информация Договор Аналитика Комментарии 🔍

Всего найдено 2 транзакции Первый < Страница 1 из 1 > Прошлой

Тхп Хэш	Метод Ⓢ	Возраст	От	К	Количество
👁 0x183b4a2f351d110bf33...	Передача	8 дней 14 часов назад	0x14d2ae444faa9f120ba...	→ 0x68f2099e0bb44477d9...	179 336,349942
👁 0xbea337c149a3e8b79d...	Передача	8 дней 19 часов назад	0x14d2ae444faa9f120ba...	→ 0xc26fe1fc7b7884abc8a...	1 100 000

[Загрузить экспорт в формате CSV 📄]

Рис. 5. Реестр совершенных транзакций суррогата криптовалюты Tether USD

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) : Federal Law № 51-FZ of 30.11.1994 // Collection of Legislation. 05.12.1994, № 32. Art. 3301.
2. On Digital financial assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation : Federal Law № 259-FZ of 31.07.2020 // Collection of Legislation. 03.08.2020. № 31 (Part 1). Art. 5018.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собр. законодательства. 05.07.2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
2. Паспорт национального проекта : Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кондратьев Н. Д., Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры : доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1-е изд. М., 1928. С. 3–40.
4. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция // Die Vierte Industrielle Revolution. Экс-

мо. 2016. С. 15–54.

5. Коротаяев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, С. Ю. Малков. Волгоград : Учитель, 2012. С. 58–109.
6. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва : Проспект, 2021. С. 18–19.
7. Stolterman, Erik; Croon Fors, Anna (2004). «Information Technology and the Good Life». Information systems research : relevant theory and informed practice. P. 689. ISBN 1-4020-8094-8.

Bibliographic list

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 // Collection of legislation. 05.07.2021. № 27 (Part 2). Art. 5351.
2. Passport of the national project : National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol № 7 dated 04.06.2019). [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus».
3. Kondratiev N. D., Oparin D. I. Big cycles of conjuncture : reports and their discussion at the

- Institute of Economics. 1st ed. M., 1928. P. 3–40.
4. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution // Die Vierte Industrielle Revolution. Eksmo. 2016. P. 15–54.
 5. Korotaev A. V., Grinin L. E. Kondratiev waves in the world-system perspective. Kondratiev waves. Aspects and prospects / Ed. A. A. Akaev, R. S. Grinberg, L. E. Grinin, A.V. Korotaev, S. Yu. Malkov. Volgograd : Uchitel, 2012. P. 58–109.
 6. Digital law : textbook / under the general editorship of V. V. Blazheyev, M. A. Egorova. Moscow : Prospekt, 2021. P. 18–19.
 7. Stolterman, Erik; Croon Fors, Anna (2004). «Information Technology and the Good Life». Information systems research : relevant theory and informed practice. P. 689. ISBN 1-4020-8094-8.

Информация об авторе

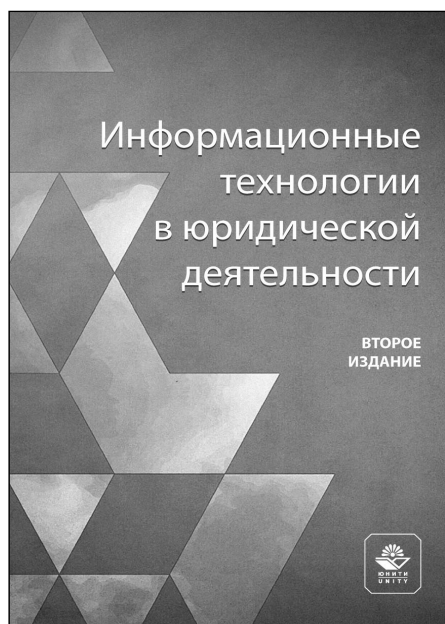
М. Г. Терехов — инспектор отдела международного сотрудничества Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. G. Terekhov — Inspector of the Department of International Cooperation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А.И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т.д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34.07:37.078:35.078.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-242-247>

NIJON: 2003-0059-4/22-387

MOSURED: 77/27-003-2022-04-586

Оценка качества профессионального образования для установления категорий риска при организации государственного надзора

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Рассматривается базовое условие развития экономики любой страны — наличие высококвалифицированных рабочих и инженерных кадров, подготовка которых ведется в системе профессионального образования. Среднее профессиональное образование должно быть нацелено на выпуск качественных рабочих и специалистов среднего звена, которые максимально быстро и эффективно внедряются в производственный процесс. В подготовке высококвалифицированных специалистов заинтересован, прежде всего, конечный бенефициар — бизнес, производство. Государство, в лице органов контроля и надзора за сферой образования, должно оказывать содействие в оценке качества подготовки обучающихся. В России активно реализуется реформа контрольно-надзорной деятельности, которая затронула и сферу образования, в том числе профессионального. Важным является сочетание результативности и эффективности государственного контроля (надзора) с интересами бизнес-сообщества, и, как следствие, экономики в целом.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, критерии оценки, качество образования, независимая оценка, категории риска, зарубежный опыт

Для цитирования: Титор С. Е. Оценка качества профессионального образования для установления категорий риска при организации государственного надзора // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 242–247. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-242-247>.

Original article

Assessment of the quality of vocational education for the establishment of risk categories in the organization of state supervision

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. The basic condition for the development of the economy of any country is the availability of highly qualified workers and engineers, who are trained in the system of vocational education. Secondary vocational education should be aimed at producing high-quality workers and mid-level specialists who are introduced into the production process as quickly and efficiently as possible. First of all, the final beneficiary is interested in the training of highly qualified specialists – business, production. The state, represented by the bodies of control and supervision over the sphere of education, should assist in assessing the quality of training of students. In Russia, the reform of control and supervisory activities is being actively implemented, which has also affected the field of education, including vocational education. It is important to combine the effectiveness and efficiency of state control (supervision) with the interests of the business community, and, as a consequence, the economy as a whole.

Keywords: risk-oriented approach, evaluation criteria, quality of education, independent assessment, risk categories, foreign experience

For citation: Titor S. E. Assessment of the quality of vocational education for the establishment of risk categories in the organization of state supervision. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):242–247. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-242-247>.

© Титор С. Е., 2022

Реформирование контрольно-надзорной деятельности увязывается с внедрением риск-ориентированной модели. Законодательно для сферы образования такой подход закреплен в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», постановлении Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 997 [1] «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования».

Нормативно риск-ориентированный подход основывается на установлении для контролируемых субъектов определенной категории риска возможного причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Для образовательных организаций в сфере законодательства об образовании установлены три категории риска. Критерии для определения категории риска основываются на трех моментах:

- наличие обоснованных жалоб (заявлений, обращений) на нарушения законодательства об образовании или прав и интересов обучающихся;
- привлечение к административной ответственности за допущенные нарушения законодательства в сфере образования по результатам ранее проведенных проверок;
- наличие обоих факторов: обоснованных жалоб и административных наказаний.

Среднее профессиональное образование (далее — СПО), в основном, отнесено к ведению субъектов Российской Федерации. Рособрнадзор в 2015 году направил в субъекты Российской Федерации рекомендации [2] по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в отношении законодательства в сфере образования, где рекомендовал принять меры по сокращению административной нагрузки на образовательные организации, в т. ч. путем дифференцированного подхода к количеству, основаниям и частоте проверок. Органы субъектов Российской Федерации, осуществляющие контроль и надзор в сфере образования, самостоятельно определяли механизмы и новые подходы своей деятельности. Пятилетний опыт позволяет проанализировать результаты новых подходов к государственному контролю (надзору).

В рамках исследования проведен социологический опрос административно-управленческого и учебно-вспомогательного персонала 54 государственных бюджетных и автономных профессиональных образовательных учреждений (колледжей, техникумов) из Белгородской, Свердловской, Липецкой, Новосибирской, Тульской, Московской, Смоленской, Челябинской, Оренбургской, Курской областей, Приморского края, Удмуртской республики.

На вопрос об оценочных критериях отнесения образовательных организаций к соответствующей категории риска только 20 % опрошенных назвали критерии, предусмотренные действующим законодательством.

Среди критериев были названы следующие:

- уровень образовательных результатов обучающихся (результаты федеральных и региональных оценочных процедур);
- уровень материально-технического обеспечения образовательных процедур;
- уровень и система организации внутреннего контроля, что способствует повышению качества образования [3, с. 546];
- уровень квалификации педагогов;
- мониторинговые и статистические отчеты образовательных организаций, наличие положительной динамики образовательных достижений;
- инновационная и научная активность образовательных организаций.

Отнесение своей образовательной организации к соответствующей категории риска респонденты увязывали с имеющимися обоснованными жалобами, административными взысканиями, исполнением ранее выданных предписаний контрольно-надзорных органов в сфере образования.

Ответы на вопрос: влияет ли на отнесение образовательной организации к соответствующей категории риска реализация, кроме основных образовательных программ, еще и дополнительных образовательных программ, голоса разделились приблизительно поровну: да ответили 24 респондента, нет — 30.

В качестве ошибочных или излишних критериев оценки образовательных организаций были названы информации из иных государственных органов, средств массовой информации.

Респонденты отметили, что при оценке образовательной организации и отнесении ее к соответствующей категории риска должны учитываться также следующие критерии:

- воспитательная работа;
- «заполняемость» групп;
- количество одновременного нахождения студентов в лаборатории на практическом занятии;
- степень законопослушания (частота нарушений, число выявленных правонарушений по видам деятельности);
- данные о наличии или отсутствии несчастных случаев и инцидентов в образовательной организации.

По данным социологических опросов, проведенных Министерством труда и социальной защиты, 26,5 % представителей бизнеса считают, что выпускники профессиональных образовательных организаций не способны быстро освоиться на производстве, им требуется дополнительно обучение. Проблема профессионального образования заключается в низком уровне соответствия образования и качества выпускаемой рабочей силы [4, с. 56].

Контроль за качеством подготовки выпускников СПО со стороны работодателей важен и обусловлен, в т.ч. инвестиционной привлекательностью регионов [5, с. 75].

Однако, эти факторы не учитываются как оценочные критерии профессиональных образовательных организаций для организации контрольно-надзорной деятельности. Между тем, качество образования является комплексным показателем, отражающим результативность образовательного процесса, его соответствие потребностям и ожиданиям, государства и бизнеса, в целом экономики региона и страны.

Исследование опыта оценки качества образования в зарубежных странах показал, что такому критерию уделяется большое внимание при государственном контроле (надзоре). В таких странах, как Канада и Германия, широко развиты общественные оценки качества образования, в т. ч. со стороны бизнес сообщества. Выбор стран Канада и Германия для сравнения выбран не случайно: на сегодняшний день качество образования в этих странах находится на самом высоком уровне: Германия занимает 1 место из 189 в рейтинге стран мира по индексу образования, Канада — 17 [6].

Профессиональное образование в Германии имеет свою специфику, которая называется: «дуальное» образование, или, в российской терминологии — это практико-ориентированное обучение. Профессиональное обучение в Германии осуществляется под контролем предпринимателей, а государство лишь определяет общие основы, стандарты. Фактически профессиональное образование находится в ведении Торгово-промышленной палаты и Земель (местных органов власти).

Дуальное обучение заключается в том, что большую часть времени обучающиеся находятся на предприятии, где обучаются практически. Теоретическая часть обучения составляет только 1/3 от всей программы. При этом предприятия, осуществляющие обучение студентов, должны получать соответствующее разрешение от контролирующих сферу образования государственных органов. За год до начала учебного года они объявляют публично о наличии у них рабочих мест и профессий, по которым они готовы начать обучение. По окончании обучения выпускник обязан трудоустроиться на данном предприятии по полученной профессии. Теоретическая часть программы изучается студентами на территории колледжей. Качество образования оценивается работодателями непосредственно в процессе обучения студента, а не после его выпуска. По состоянию на 2020 г. в таком формате обучается в Германии 1,3 миллиона обучающихся [7, с. 1]. Для прохождения такого обучения между обучающимся, предприятием и образовательной организацией заключается трехсторонний договор. Предприятие, которое фактически готовит специалистов для своего производства, вправе выбирать, с каким из колледжей заключить договор о теоретической подготовке обучающегося. Таким образом, непосредственный потребитель квалифицированной рабочей силы не просто контролирует качество подготовки выпускников профессиональных образовательных организа-

ций, но и оценивает сами колледжи еще до начала обучения студентов.

Такая практика для России не является чем-то новым. В советский период времени предприятия имели тесное сотрудничество с профессиональными образовательными организациями. Такой союз регламентировался статьей 64 закона РСФСР «О народном образовании» (1974 г.), постановлением Совета Министров СССР от 22 февраля 1985 г. № 178 «Об утверждении Положения о базовом предприятии (объединении, организации) среднего профессионально-технического училища» [8]. Базовые предприятия были призваны решать, в т. ч., вопросы обеспечения учебно-технической литературой, материально-техническими средствами, техническими нормативами, участвовать в разработке образовательных программ.

Система профессионального образования в России сегодня также строится на практико-ориентированном принципе: образовательные программы СПО содержат до 60–80 % практической части обучения.

Многие исследователи полагают, что практическая часть обучения гораздо важнее, чем теоретическая [9, с. 15]. Слабая практическая подготовка выпускников профессиональных образовательных организаций приводит к трудностям в их трудоустройстве [10, с. 42].

Риск причинения вреда охраняемым законом ценностям в сфере образования необходимо рассматривать не только с количественной стороны ущерба, но и с его качественных измерений. Риски некачественного образования всех уровней могут существенно повлиять на интересы итогового бенефициара. Так, некачественная школьная подготовка выпустит в свет «слабых» абитуриентов. В свою очередь колледжи и вузы, дабы заполнить свои бюджетные и внебюджетные места, будут вынуждены довольствоваться тем уровнем абитуриентов, которых выпустит школа, а соответственно, снижать и свои уровни требований к профессиональному образованию. К рискам в сфере образования следует непременно отнести его качественную оценку.

Общество, как итоговый потребитель образовательной деятельности, вправе осуществлять свой контроль. В российской системе оценки качества образования предусмотрены такие институты, как:

- независимая оценка качества образования;
- общественная аккредитация;
- профессионально-общественная аккредитация;
- независимая оценка квалификаций.

Эти формы контроля качества профессионального образования осуществляются при участии работодателей.

Независимая оценка качества образования осуществляется на принципах открытости, гласности, привлечения широкой общественности. Реализация независимо оценки качества образования на таких принципах должна обеспечить объективные показатели образовательной деятельности. Результатом независимой оценки качества образования, как полагают

многие ученые [11, с. 60], должно стать повышение конкурентоспособности образовательной организации как внутри рынка образовательных услуг, так и на уровне международного рынка.

Независимая оценка качества образования включает в себя две составляющие части:

- независимая оценка качества подготовки обучающихся;
- независимая оценка качества образовательной деятельности образовательной организации.

Результаты независимой оценки качества образования в силу законодательства могут размещаться в Интернете, а также направляться в компетентные органы, осуществляющие управление образованием. Поступившая в соответствующие органы управления в сфере образования информация о результатах независимой оценки качества образования должны быть рассмотрена ими и учтена при выработке и совершенствованию образовательной деятельности. Однако, закон не предусматривает каких-либо негативных последствий для образовательной организации, результаты независимой оценки качества которой дали отрицательный результат.

Второй институт независимой оценки — общественная аккредитация. Общественная аккредитация определена законодательно как признание уровня деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность, соответствующим критериям и требованиям российских и зарубежных организаций. Порядок, методы, формы ее проведения определяются самой общественной организацией, осуществляющей аккредитацию. В научной литературе институт «общественная аккредитация» не справедливо не изучен и не функционирует, а точнее, это понятие фигурирует наряду с другим видом независимой оценки образовательной деятельности — «профессионально-общественной аккредитацией». Между тем, на наш взгляд, это две различные по своей сущности формы независимой оценки. Так, последняя относится к сфере профессионального обучения всех уровней в то время, как, общественная аккредитация может осуществляться и в отношении дошкольного и основного общего образования. Общественная аккредитация оценивает образовательную организацию и ее деятельность в целом, а профессионально-общественная аккредитация проводится в отношении образовательных программ.

Профессионально-общественной аккредитации в научной среде уделяется достаточно внимания. Этот вид независимой оценки проводится, в основном, профессиональным сообществом, бизнесом, т. е. конечным потребителем всей системы образования.

Профессионально-общественная аккредитация проводится в отношении:

- основных профессиональных образовательных программ;
- основных программ профессионального обучения;

- дополнительных профессиональных программ.

Оценка качества образования может и должна осуществляться с различных сторон. Разные слои общества по-разному оценивают это качество: так, работодатели считают, что профессиональное образование плохо готовит профессиональные кадры, ветеранские организации сетуют на слабое патриотическое воспитание молодежи. При оценке качества образования должны быть услышаны и учтены мнения всех сторон общества: работодателей, академического и профессионального сообщества, родителей и обучающихся.

Профессионально-общественная аккредитация, реализуемая конечным потребителем профессионального образования — бизнесом призвана оценить качество, и, кроме того, может делать это с учетом возрастающих и меняющихся требований рынка труда. И это может способствовать скорейшей адаптации вуза к требованиям бизнеса.

Таким образом, риск причинения ущерба охраняемым законом ценностям — качеству образования — может и должен оцениваться, в т. ч., посредством такого механизма, как профессионально-общественная аккредитация.

Еще один вид общественной оценки качества образования является независимая оценка квалификаций, реализуемая в соответствии с Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» [12].

Предпосылкой появления института независимой оценки квалификаций стал «кадровый голод» экономики, когда появилась разрыв между качеством подготовки профессиональных кадров и быстро растущими и обновляющимися компетенциями рынка труда. Такой разрыв появился с развитием рыночных отношений, когда техника и новое производство стало в руках частного бизнеса, а система образования управлялась государством. Государство просто не могло своевременно реагировать на требования работодателей по подготовке квалифицированных специалистов. Техническая революция развивалась стремительно. На определенном этапе специалисты и ученые в области профессионального образования, представители бизнес сообщества пришли к мысли о необходимости более тесного сотрудничества в области подготовки кадров с учетом обновленных потребностей и квалификационных компетенций.

Цель независимой оценки квалификаций — добровольная сертификация специалистов на соответствие их знаний, умений и навыков профессиональным стандартам. Независимая оценка квалификаций проводится в виде профессионального экзамена, состоящего из двух частей: теоретической и практической. Вся система независимой оценки квалификаций выстраивается самими работодателями, как конечными потребителями результатов образования. Система складывается из следующих составляющих:

- работодатели и их объединения (союзы) (со-

веты по профессиональным квалификациям) формируют центры оценки квалификаций;

- они же определяют и утверждают экспертов, которые проводят оценку знаний, умений и навыков проходящих профессиональный экзамен лиц;
- они же выделяют компетенции, по которым проводится независимая оценка квалификаций;
- они же формируют и утверждают фонды оценочных средств для проведения профессионального экзамена;
- они же определяют сроки действия удостоверений о прохождении независимой оценки квалификаций, т. е. периодичность ее проведения;
- они же проводят мониторинг деятельности центров оценки квалификаций, формируют апелляционную комиссию.

На сегодняшний день независимая оценка квалификаций является добровольной. Соискатели вправе самостоятельно решать, подтверждать ли свою квалификацию посредством прохождения независимой оценки квалификаций. Работодатели вправе направить работника на прохождение профессионального экзамена, оплатив все расходы на это.

Много раз поднимался вопрос, и продолжает идти дискуссия среди научных и профессиональных кругов по вопросу объединения независимой оценки квалификаций и государственной итоговой аттестации в профессиональных образовательных организациях [13, с. 43; 14, с. 40]. Но вопрос продолжает быть открытым. Одна из причин – это финансовые преграды [15, с. 53], бюджет образовательных организаций не имеет статьи расхода на независимую оценку квалификаций, а для выпускника это не дешевая процедура.

Между тем, независимая оценка квалификаций, наряду с другими общественными (сторонними) оценками качества образования, могли бы стать реальным механизмом ее повышения.

Административный подход к определению высоко и низко рискованных образовательных организаций в целях контроля (надзора) за ними, не даст возможности, на наш взгляд, решить проблему охраны такого интереса, как качество образования. На наш взгляд, следует корректировать законодательство в этой части, внося в качестве оценочных критериев и результаты общественного мнения, которое формируется по результатам реализации различного рода общественных контролей, аккредитаций, сертификаций, которые рассмотрены выше. Такая практика не новшество.

Необходимо внести изменения в статью 93 Закон об образовании, определив в ней обязанность государственных контрольно-надзорных органов при проведении своей деятельности и вынесении решений в отношении образовательной организации, учитывать результаты общественного контроля (независимой оценки качества образования, общественной и профессионально-общественной аккредитации, независимой оценки квалификаций).

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 2 января 2016 г. № Пр-15ГС по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации 23 декабря 2015 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51143>.
3. Feng, C. (2021). Improvement measures of the internal teaching quality management system in higher vocational college. Paper presented at the ACM International Conference Proceeding Series, 545–548. Doi:10.1145/3452446.3452579. Retrieved from www.scopus.com.
4. Marliyah, L., Sugiyo, Masrukhi, & Rusdarti. (2018). Model of entrepreneurship education in vocational school on agribusiness study programme. *Journal of Entrepreneurship Education*, 21(4). Retrieved from www.scopus.com.
5. Kokovikhin A. Y., Mokronosov A. G., Ogorodnikova E. S. (2019). Institutional modelling of the management system for regional participants of dual education // *Obrazovanie i Nauka*, 21(2), 74–95. Doi:10.17853/1994-5639-2019-2-74-95.
6. Рейтинг стран мира по индексу уровня образования. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения 02.11.2021).
7. Постановление Совета Министров СССР от 22 февраля 1985 г. № 178 «Об утверждении Положения о базовом предприятии (объединении, организации) среднего профессионально-технического училища» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12578.htm.
8. Мартина Фукс, Johannes Westermeyer, Lena Finken, Matthias Pilz. Training activities in subsidiaries of foreign multinational companies : Local embeddedness in Germany? P. 1–19 // https://www.researchgate.net/publication/355354026_Training_activities_in_subsidiaries_of_foreign_multinational_companies_Local_embeddedness_in_Germany/
9. Spedding, T. (2020). Stories of supervision. *Education Sciences*, 10(4) doi:10.3390/educsci10040093.
10. Papier, J. (2017). Improving college-to-work transitions through enhanced training for employment. *Research in Post-Compulsory Education*, 22(1), 38–48. Doi:10.1080/13596748.2016.1272084.
11. Черепова И. С. Принцип нормативного финансирования национальной системы образования : проблемы содержания и реализации //

- Адвокат. 2015. № 3. С. 59–64.
12. Федеральный закон № 238-ФЗ от 03 июля 2017 г. «О независимой оценке квалификации».
 13. Свирин Ю. А., Иногамова-Хегай Л. В., Иванников О. О., Титор С. Е., Шестов С. Н. Современные тенденции развития оценки квалификации выпускников профессиональных образовательных организаций // *Journal of Advanced Pharmacy Education & Research*. Apr–Jun 2019. Vol 9. Issue 2.
 14. Свирин Ю. А., Титор С. Е. Профессиональные стандарты и независимая оценка квалификации работников : проблемы теории и практики // *Современное право*. 2016. № 11. С. 38–42.
 15. Букалерева Л. А., Остроушко А. В., Шагиева Р. В., Байркенова Г. Т. Эндаументы в сфере российского образования // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2020. № 1 (56). С. 52–59.
 - 74–95. doi:10.17853/1994-5639-2019-2-74-95.
 6. Ranking of the countries of the world by the education level index. Access mode: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (accessed 02.11.2021).
 7. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of February 22, 1985 № 178 «On approval of the Regulations on the basic enterprise (association, organization) of the secondary vocational school» // http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12578.htm.
 8. Martina Fuchs, Johannes Westermeyer, Lena Finken, Matthias Pilz. Training activities in subsidiaries of foreign multinational companies : Local embeddedness in Germany? P. 1–19 // https://www.researchgate.net/publication/355354026_Training_activities_in_subsidiaries_of_foreign_multinational_companies_Local_embeddedness_in_Germany/
 9. Spedding, T. (2020). Stories of supervision. *Education Sciences*, 10(4) doi:10.3390/educsci10040093.
 10. Papier, J. (2017). Improving college-to-work transitions through enhanced training for employment. *Research in Post-Compulsory Education*, 22(1), 38–48. doi:10.1080/13596748.2016.1272084.
 11. Cherepova I. S. The principle of normative financing of the national education system : problems of content and implementation // *Advocate*. 2015. № 3. P. 59–64.
 12. Federal Law № 238-FZ of July 03, 2017 «On independent assessment of qualifications».
 13. Svirin Yu. A., Inogamova-Hegai L. V., Ivannikov O. O., Titor S. E., Shestov S. N. Modern trends in the development of qualification assessment of graduates of professional educational organizations // *Journal of Advanced Pharmacy Education & Research*. Apr–Jun 2019. Vol 9. Issue 2.
 14. Svirin Yu. A., Titor S. E. Professional standards and independent assessment of workers' qualifications : problems of theory and practice // *Modern law*. 2016. № 11. P. 38–42.
 15. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V., Shagieva R. V., Bayrkenova G. T. Endowments in the field of Russian education // *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2020. № 1 (56). P. 52–59.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 997 dated 25.06.2021 «On Approval of the Regulations on Federal State control (supervision) in the field of education» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. List of instructions of the President of the Russian Federation dated January 2, 2016 № Pr-15GS following the meeting of the State Council of the Russian Federation on December 23, 2015 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51143>.
3. Feng, C. (2021). Improvement measures of the internal teaching quality management system in higher vocational college. Paper presented at the ACM International Conference Proceeding Series, 545–548. doi:10.1145/3452446.3452579. Retrieved from www.scopus.com.
4. Marliyah, L., Sugiyo, Masrukhi, & Rusdarti. (2018). Model of entrepreneurship education in vocational school on agribusiness study programme. *Journal of Entrepreneurship Education*, 21(4). Retrieved from www.scopus.com.
5. Kokovikhin A. Y., Mokronosov A. G., Ogorodnikova E. S. (2019). Institutional modelling of the management system for regional participants of dual education // *Obrazovanie i Nauka*, 21(2), 74–95. doi:10.17853/1994-5639-2019-2-74-95.

Информация об авторе

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-248-252>

НИОН: 2003-0059-4/22-388

MOSURED: 77/27-003-2022-04-587

О проблемах установления и применения признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

Виктория Викторовна Тростянецкая

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, vikamvd565656@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук **Н. Ш. Козаев**

Аннотация. Проводится практико-теоретический анализ обстоятельств, подлежащих установлению в рамках доказывания наличия прямого умысла при совершении действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Выявлено, что правоохранительные органы недостаточно полно и всеобъемлющее подходят к анализируемому аспекту. Рассмотрены и предложены категории обстоятельств, которые необходимо учитывать при квалификации действий по ст. 282 УК РФ.

Ключевые слова: умысел, экстремизм, обстоятельства, индивидуально-психологические особенности, доказательства, квалификация преступления

Для цитирования: Тростянецкая В. В. О проблемах установления и применения признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 248–252. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-248-252>.

Original article

About problems of establishing and interpreting the signs of the subjective side of the corpus delicti providing for criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity

Victoria V. Trostyanetskaya

Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, vikamvd565656@mail.ru

Scientific head: Doctor of Legal Sciences **N. Sh. Kozhev**

Abstract. A practical and theoretical analysis of the circumstances to be established within the framework of proving the existence of direct intent when committing actions aimed at inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity is provided. It is revealed that law enforcement agencies do not fully and comprehensively approach the analyzed aspect. The categories of circumstances that should be taken into account when qualifying actions under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered and proposed.

Keywords: intent, extremism, circumstances, individual psychological characteristics, evidence, qualification of the crime

For citation: Trostyanetskaya V. V. About problems of establishing and interpreting the signs of the subjective side of the corpus delicti providing for criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):248–252. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-248-252>.

© Тростянецкая В. В., 2022

Квалификация преступных действий — один самых сложных и многогранных механизмов деятельности правоохранительных органов. Это основано, прежде всего, на том, что имеющийся факт совершения преступления не всегда может свидетельствовать о привлечении лица, совершившего данное преступление, к уголовной ответственности. В уголовном законе изложены определенные условия, для выполнения которых следует доказать наличие необходимых признаков в совершенном противоправном деянии. Особую сложность вызывают преступления экстремистской направленности, совершаемые с прямым умыслом и имеющие формальный состав преступления. Так, ст. 282 УК РФ [6], является ярким примером, поскольку в диспозиции указаны обстоятельства, предполагающие совершение умышленного преступного деяния, не требующего наступления общественно опасных последствий.

Основным камнем преткновения при осуществлении квалификации анализируемых нами действий, представляется установление определенного количества доказательств, свидетельствующих о наличии прямого умысла. Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности» (далее — Пленум ВС) определяет: «Преступления, предусмотренные статьей 282 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [4]. Согласно ст. 25 УК РФ преступлениями, совершенными умышленно, считаются действия, при которых:

- лицо осознавало общественную опасность;
- предвидело наступление общественно опасных последствий;
- желало их наступления.

В связи с чем становится ясным, что в большей степени данные условия подходят под преступления с материальным составом преступления, поскольку требуют наступления общественно опасных последствий, для того, чтобы считать преступление оконченным. Как же тогда поступить правоприменителю с преступлением формального состава?

Предполагаем, что при рассмотрении преступлений данной категории важно устанавливать смысловую направленность размещаемой информации (в виде текста, картинки, видео, аудио), выявить коммуникативные интенции (направленность сознания, мыслительной деятельности) говорящего, рассмотреть характер его отношения к увиденному, прочитанному и услышанному со стороны детерминизма (взаимос-

вязь между действиями и внешними событиями, явлениями [8]). Несомненно, установить направленность высказываний достаточно сложно, поскольку они могут быть выражены и в скрытой форме (при помощи неясного изложения мысли, маскировки смыслового содержания речи, скрытых контекстов, неоднозначных высказываний).

Сотрудники правоохранительных органов в рамках квалификации преступных действий по признакам ст. 282 УК РФ должны учитывать, что человек в повседневной жизни выражает свои мысли и избирает модель поведения, основываясь на мотивах, являющихся более выраженными и желанными в данный период времени. В связи с чем, анализу подлежит не только криминальная составляющая субъективной стороны в действиях лица, а также данные о том, какие обстоятельства способствовали выбору именно преступной модели поведения.

Изучая материалы проверки сообщения о преступлении по данной категории, мы столкнулись с достаточно противоречивыми аспектами. Так Гражданкой Н* на своей персональной странице ВКонтакте были размещены фотографии, пропагандирующие и способствующие возбуждению вражды в отношении лиц неславянского происхождения. В рамках материалов проверки, у вышеуказанного лица было взято объяснение, в котором было подробно изложено об испытываемой ненависти к лицам неславянского происхождения, так же указана осознанность в публичности и доступности ее персональной страницы. Присутствовало и понимание того, что данные изображения содержат текст унижающий честь и достоинство, а также прописано, что именно эту цель она и преследовала. Далее, был проведен опрос гражданки Н*, которая, ссылаясь на свою невнимательность, по ошибке подписала объяснение, данное ею ранее, и изложенные в нем цели она не преследовала, оперируя незнанием о публичности совершенных действий, а также непониманием о возможности негативного восприятия данных изображений неограниченным кругом лиц. Таким образом, согласно материалам проверки сообщения о преступлении, следственным отделом следственного комитета по Прикубанскому округу г. Краснодара, было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, на основании отсутствия в действиях состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ [1]. Правоохранительными органами не был выявлен прямой умысел в совершенном деянии, а также в соответствии с ч. 3 ст. 49 Конституции РФ [3] и ч. 3 ст. 14 УПК РФ [7] указано, что любые неустранимые сомнения в виновности лица трактуются в его пользу. Таким образом мы видим, что правоохранительными органами не был установлен и учтен весь спектр необходимых доказательств, которые бы

помогли в достаточно степени оказать содействие в установлении умысла, например, такие как: содержательная часть изображения, были ли размещены комментарии под данной публикацией самим автором, самостоятельно было ли размещено данное изображение или заимствовано, чем занималось и интенсивность обновления [4]. Данные аспекты являются неотъемлемыми, особенно, когда лицо признало свое негативное отношение к определенному кругу лиц.

В данной ситуации считаем необходимым с помощью наглядного примера рассмотреть, какие конкретно обстоятельства могут указывать на наличие прямого умысла.

Следователем следственного отдела по Западному округу г. Краснодара СУ Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю было установлено, что гражданин К*, используя свою Интернет-страницу, являющуюся общедоступной для других зарегистрированных пользователей социальной сети, из виртуального сообщества «Коловрат» поделился на своей странице материалами, содержащими тексты и аудиозаписи песен, в которых имеются высказывания, запрещенные статьей 282 УК РФ. Должностным лицом было принято решение о вынесении постановления о возбуждении уголовного дела.

Прокурором Западного административного округа г. Краснодара вынесено постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела. В обосновании своего решения указал на отсутствие совокупности доказательств, свидетельствующих о наличии прямого умысла в совершенном противоправном деянии. Следствие, в свою очередь, не сочло доводы прокурора убедительными и бесспорно свидетельствующими об отсутствии основополагающего признака субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ [2].

В основу базы аспектов, указывающих на наличие прямого умысла, положены конкретные действия лица, а именно размещение на своей странице записей рок-группы «К*», представляющей радикально националистические взгляды и являющейся культовой среди русских националистов и неонацистов. Также стоит отметить, что размещенные песни Решением Коминтерновского районного суда г. Воронежа от 16.02.2012 года были признаны экстремистскими и внесены в список экстремистских материалов [5]. Музыкальные композиции обосновывают и оправдывают необходимость возбуждения ненависти и вражды по различным аспектам, включая расовые, религиозные, национальные и социальные. Распространение подобных песен порождает напряженность в обществе, провоцируя соответствующие конфликты. Кроме того, о наличии прямого умысла гражданина К* свидетельствуют обнаруженные множественные лозунги и призывы наци-

оналистического характера, преподносимые как свои взгляды на жизнь. Также в своих пояснениях подозреваемое лицо указало, что перед размещением этих песен на своей персональной странице они были им предварительно прослушаны, и они ему понравились, при этом он осознавал, что размещение данных песен может вызвать негативные эмоции и чувства по отношению к лицам других национальностей, поскольку они содержат прямые призывы изгнать лиц других национальностей из России.

В дополнение к основной доказательственной базе, сотрудниками правоохранительных органов были изучены данные о личности, уровне образования и развития гражданина К*, что помогло им установить способность подозреваемого лица к осознанности и понимаю, что совершаемые им действия носят преступный характер, противоречат этическим и моральным нормам поведения в обществе, унижают национальное достоинство и пропагандируют исключительность определенной нации.

Тем самым, предполагаем, для того, чтобы был сформирован и доказан прямой умысел в данной категории преступлений, необходимо также определение мотивов и целей субъекта преступлений. Важно, чтобы к желанию совершить данное преступление, лицо пришло, основываясь на подсознательном уровне, а потом уже и на осознанном влечении к удовлетворению потребности.

Так, ведущий психолог Шапарь В. Б. утверждал, что любой эмоции и чувству предшествуют события, которые так или иначе влияют на их формирование [9]. Проявлению негативных эмоций способствует острое недовольство, основанное на несогласии с теми или иными событиями, систематическое давление со стороны отрицательного источника, тем самым становясь предметом проявляемой ненависти или вражды. В свою очередь, следует понимать, эмоции — это кратковременный процесс, отражающий субъективное оценочное отношение к ситуации, когда чувства — это уже более сформированный, устойчивый и постоянный процесс, привязанный к определенному объекту. Поэтому можно говорить о том, что проявление каких-либо отрицательных эмоций к кому-либо или чему-либо является основой для возникновения устойчивого и готового к проявлению в социуме чувству, выражающему ненависть и вражду. А выражаться это может абсолютно в различных вариациях, начиная от единичного эмоционального всплеска в момент столкновения с объектом и заканчивая продолжительной и целенаправленной деятельностью, формирующей вражду и ненависть в социальной среде.

Следовательно, необходимо устанавливать не конкретное эмоциональное проявление недовольства, а именно принципиальную позицию, составлять цепоч-

ку из предшествующих событий и действий, из психологического состояния и отношения к совершаемому, к тем или иным процессам в обществе, историческим событиям, со стороны лица совершившего подобные действия.

Работа с данной категорией преступлений должна быть более тщательной и глубокой. Доказательства должны прямо свидетельствовать об экстремистской направленности умысла, быть конкретными и прямолинейными, формировать и подкреплять отрицательное отношение субъекта в отношении лиц, иного пола, расы, национальности, языка, происхождения.

Кроме того следует учитывать, что в совокупности со ст. 25 УК РФ, в рамках субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, также под умыслом понимается незыблемое желание лица совершить действия экстремистского характера, которые помимо соответствия его идеологическим взглядам, будут соотноситься с индивидуально-психологическими особенностями и в процессе определения наличия умысла на совершение преступных действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства правоохранительным органам необходимо учитывать целую совокупность прямых и косвенных доказательств.

На основании вышеизложенного, считаем, необходимым при рассмотрении материалов предварительной проверки и расследовании уголовных дел указанной категории больше внимания уделять индивидуальным особенностям личности подозреваемого лица, в связи с чем, перечень обстоятельств, изложенных в абзаце 3 п. 8. Пленума ВС, надлежит дополнить такими аспектами как:

- анализ иных персональных страниц, в других социальных сетях, их содержание;
- изучение круга общения за последний промежуток времени;
- психологическую мотивацию;
- индивидуально-психологические особенности (интеллектуальные, эмоционально-волевые и характерологические).

Список источников

1. Архивный материал проверки сообщения о преступлении КРСП № 1946 от 10.08.2017 г. следственного отдела по Прикубанскому округу г. Краснодара следственного управления Следственного комитета РФ.
2. Архивные материалы уголовного дела № 11707030001000125 от 10.10.2017 г. следственного отдела по Прикубанскому округу г. Краснодара следственного управления Следственного комитета РФ.
3. Конституция Российской Федерации (принята

всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.04.2022).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 06.04.2022).
5. Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа № 2-943/2012 от 16 февраля 2012 г. по делу № 2-943/2012 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UdsZkY07lALO/> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 08.04.2022).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.04.2022).
8. Целиковский С. Б., Романко О. А., Лицук А. А. Деяние, умысел и цель в преступлениях экстремистской направленности : психолого-правовой анализ // Серия Гуманитарные науки. 2016. № 28(249). Выпуск 32.
9. Шапарь В. Б. Словарь практического психолога. М. : АСТ; Харьков : Торсинг, 2005. 734 с.

References

1. Archival material of the verification of the report on the crime of the KRSP № 1946 dated 10.08.2017 of the investigative department for the Prikubansky district of Krasnodar of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation.
2. Archival materials of the criminal case № 11707030001000125 dated 10.10.2017 of the investigative department for the Prikubansky district of Krasnodar of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_

- LAW_28399/ (accessed: 10.04.2022).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 № 11 (ed. of 28.10.2021) «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (accessed 06.04.2022).
 5. The decision of the Kominternovskiy District Court of Voronezh № 2-943/2012 dated February 16, 2012 in case № 2-943/2012 // [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UdsZkY071ALO/> (accessed: 10.04.2022).
 6. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 25.03.2022) // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (accessed: 08.04.2022).
 7. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (ed. of 25.03.2022) // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 10.04.2022).
 8. Tselikovskiy S. B., Romanko O. A., Litsuk A. A. Deed, intent and purpose in extremist crimes : psychological and legal analysis // Humanities Series. 2016. № 28(249). Issue 32.
 9. Shapar V. B. Dictionary of a practical psychologist. Moscow : AST; Kharkiv: Torsing, 2005. 734 p.

Информация об авторе

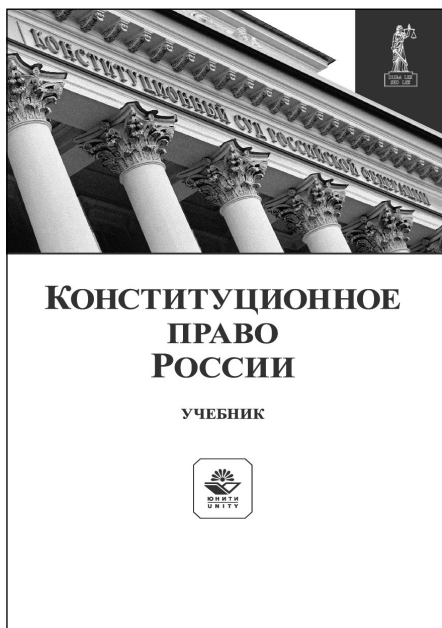
В. В. Тростянецкая — адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России.

Information about the author

V. V. Trostyanyetskaya — Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина; под общ. ред. К.К. Гасанова, Л.Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-253-256>

НИОН: 2003-0059-4/22-389

MOSURED: 77/27-003-2022-04-588

Перспективы развития института существенного изменения обстоятельств в российском гражданском законодательстве

Олег Олегович Фалилеев

falileev-oleg@yandex.ru

Аннотация. Аргументируются перспективы развития института существенного изменения обстоятельств, способные изменять условия договорных правоотношений; обосновываются выводы авторского исследования, направленного на изучение таких перспектив; определяется значение перспектив развития института существенного изменения обстоятельств для обеспечения гарантий соблюдения интересов участников договорных правоотношений.

Ключевые слова: договорные правоотношения, существенные изменения обстоятельств в гражданском праве, исполнение обязательств сторонами договора

Для цитирования: Фалилеев О. О. Перспективы развития института существенного изменения обстоятельств в российском гражданском законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 253–256. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-253-256>.

Original article

Prospects for the development of the institute of significant changes in circumstances in the Russian civil legislation

Oleg O. Falileev

falileev-oleg@yandex.ru

Abstract. The article argues for the prospects for the development of the institute of significant changes in circumstances that can change the terms of contractual legal relations; substantiates the conclusions of the author's research aimed at studying such prospects; determines the importance of the prospects for the development of the institute of significant changes in circumstances to ensure the interests of the parties to contractual legal relations.

Keywords: contractual legal relations, significant changes in circumstances in civil law, fulfillment of obligations by the parties to the contract

For citation: Falileev O. O. Prospects for the development of the institute of significant changes in circumstances in the Russian civil legislation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):253–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-253-256>.

Научный и практический интерес к проблематике расторжения или изменения гражданско-правового договора под воздействием существенно изменившихся обстоятельств объективно продиктован необходимостью сохранения баланса интересов сторон договорных правоотношений с учетом принципов разумности и справедливости. Сам по себе гражданско-правовой смысл положений статьи 451 Гражданского кодекса РФ заключается именно в защите интересов участни-

ков договора, несмотря на какие-либо обстоятельства, даже признаваемые существенными, которые не могли быть учтены участниками правоотношений в момент его заключения. Следовательно, — в обеспечении не только условий их последовательной реализации, но и в целом надежных гражданско-правовых гарантий стабильности договорных отношений. Потому специалисты, участвующие в правоприменительной реализации настоящего гражданско-правового института

© Фалилеев О. О., 2022

всегда оценивают его перспективы с общих позиций влияния на развитие любых договорных отношений, а также применительно к отдельным предметным правоотношениям.

Разумеется, в данном случае на оценку подобных перспектив влияют результаты научных исследований, которые призваны всесторонне и комплексно учитывать как типичные, так и нетипичные для различных правоотношений нюансы изменения и расторжения гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств, в результате которых и вырабатываются новые направления совершенствования соответствующих правовых норм, формируются эффективные правовые механизмы их применения.

Именно таким ориентиром мы руководствовались, оценивая перспективы развития в законодательстве и юридической практике института существенного изменения обстоятельств, ставшие предметом специального исследования. При этом важно подчеркнуть, что процесс развития системы общественных отношений, раскрывающийся, в том числе, в основных закономерностях гражданско-правового оборота, неразрывно связан с совершенствованием института существенно изменившихся обстоятельств. Потому одной из перспектив развития института существенного изменения обстоятельств видится, прежде всего, *интернационализация гражданско-правового оборота*, обусловленная осуществляемыми в обществе глобализационными процессами, которая приводит к стиранию границ в подходах к конструированию *clausula rebus sic stantibus* в национальных системах права. Такие интернациональные экономико-юридические процессы, как издание новых нормативных правовых актов, внесение изменений в них, кризисы в экономике, инфляция и девальвация национальной валюты, меняющаяся ставка рефинансирования, оказывают существенное, причем, часто дестабилизирующее влияние на развитие института существенного изменения обстоятельств в любом государстве.

Дополнительным аргументом к обоснованию перспективы интернационализации гражданско-правовых подходов к определению института существенного изменения обстоятельств является демонстрация в праве зарубежных государств сближения правовых конструкций, общим для которых является то, что:

во-первых, существенное изменение обстоятельств произошло после заключения сторонами договора;

во-вторых, заключая договор, стороны не могли

предвидеть конкретные ситуации наступления существенного изменения обстоятельств;

в-третьих, причины, которые привели к существенному изменению обстоятельств, носят непреодолимый для обеих (а не только одной) сторон характер;

в-четвертых, юридическими последствиями возникновения существенного изменения обстоятельств является изменение или расторжение договора, который не был бы заключен вообще при предвидении сторонами подобного (не прогнозируемого) изменения обстоятельств.

Думается, в перспективе, это должно подтолкнуть наших юристов к более пристальному профессиональному вниманию в рамках осуществления своей правоприменительной деятельности к развитию института существенного изменения обстоятельств в противовес обнаруживающему себя стремлению национальной судебной власти к неоправданному поддержанию «стабильности» гражданского оборота и гражданско-правовых отношений за счет снижения числа судебных расторжений договоров ввиду существенно изменившихся обстоятельств, которые при их росте, якобы, могут дестабилизировать систему существующего правового регулирования договорных правоотношений.

Имеющий соответствующее перспективное значение анализ соотношения принципов «*clausula rebus sic stantibus*» и «*pacta sunt servanda*» показал, что они вовсе не взаимоисключающие, а наоборот, призваны модифицировать друг друга, дополняя свое содержание новыми свойствами, являющимися следствием отражения новых потребностей и интересов участников гражданско-правового оборота. Обоснование «*clausula rebus sic stantibus*» видится в том, что на стадии заключения договора участники сделки должны иметь абсолютную уверенность в получении того, на что рассчитывали при его заключении, а если и возникнет непреодолимое препятствие, то инструментарий гражданского права минимизирует риски потерь или вовсе исключит их, используя право расторгнуть или изменить гражданско-правовой договор. В этом, как видится, содержится весьма перспективная гражданско-правовая гарантия соблюдения интересов участников правоотношений.

Одним из перспективных для развития и, главное, для учета интересов участников кредитных правоотношений результатов стало исследование различий между порядком расторжения и изменения договоров при возникновении существенно изменившихся обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) и в случае существенного

нарушения условий договора (ст. 450 ГК РФ). То есть, если лицом, право которого нарушается при существенном нарушении условий договора, является кредитор, то при возникновении существенно изменившихся обстоятельств нарушенное право принадлежит должнику. В таком случае должник становится более уязвимым участником договора и при таких обстоятельствах он может лишиться потенциальной возможности получить экономический эффект, на который рассчитывал при заключении договора.

Имеет свою гражданско-правовую перспективу обоснованная оценка различий между институтом обстоятельств, имеющих существенное значение, и институтом обстоятельств, обуславливающих невозможность исполнения договора:

- институт существенно изменившихся обстоятельств имеет своей целью создание условий для поддержания баланса интересов между участниками гражданско-правовых отношений, в то время, как целью института невозможности исполнения является прекращение самих договорных обязательств;
- применение инструментария института существенно изменившихся обстоятельств обусловлено одновременным наличием ранее перечисленных условий, при этом нормы невозможности исполнения договора исходят из наличия лишь факта наступления такого обстоятельства, как невозможность.

Представляется перспективной юридическая практика в сфере регулирования договорных отношений, позволяющая применить различные механизмы адаптации гражданско-правовых договоров к изменению имеющих существенное значение обстоятельств. Такие новации реализуются путем насыщения гражданско-правовых договоров различными оговорками, предполагающими модификацию интересов сторон, характеризующуюся имущественной эквивалентностью, основанной на равенстве интересов сторон в гражданских правоотношениях.

Определенная перспектива развития договорных отношений при расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств обосновывается тем, что несмотря на прекращение прав и обязанностей, некоторые из них могут продолжать действовать в случаях, когда:

- а) речь идет о праве стороны, которая исполнила надлежащим образом свои обязательства, требовать встречного предоставления по договору;
- б) сохраняют свое действие после расторжения

гражданско-правового договора так называемые гарантийные обязательства в отношении поставленных товаров, оказанных услуг или выполненных работ;

- в) сторона может воспользоваться правом о применении мер ответственности, в частности: о возмещении убытков, взыскании неустойки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств неисправным контрагентом, если такое нарушение возникло до момента расторжения договора;

- г) при расторжении гражданско-правового договора сохраняются права и обязанности, вытекающие из третейских (арбитражных) оговорок о рассмотрении и разрешении спора в постоянно действующем третейском суде (арбитраже) и пр.

Частные перспективы касаются отдельных правоотношений и их гражданско-правовых последствий для наиболее часто встречающихся видов договоров, подвергающихся изменению и расторжению по причине существенно изменившихся обстоятельств. В правоприменительной практике России таковыми являются: договор в сфере оказания туристических услуг, договор купли-продажи, договор аренды. Особое место в этом ряду занимает договор об оказании туристических услуг, так как туристическая деятельность носит рисковый характер, а также регулируется Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», который не только предусматривает возможность изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, но и определяет критерии, в соответствии с которыми турист получает такую возможность. Среди таких критериев: изменение сроков совершения тура; ухудшение условий поездки; непредвиденный рост тарифов перевозчиков; невозможность совершения туристом путешествия по независящим от него обстоятельствам. Действенным механизмом обеспечения прав участников указанных договоров при их изменении и расторжении в связи с изменившимися обстоятельствами является возможность судебной защиты нарушенных прав, имеющаяся и успешно применяемая нормативная правовая база, а также накопленный отечественный опыт правоприменения.

Особой позитивной перспективой отличается развитие международно-правовых практик обеспечения гарантий соблюдения интересов участников договорных правоотношений. В частности, в отличие от национальной системы права Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» хотя и регламентирует «препятствия исполнения»

договора, но не описывает детально условия наступления существенно изменившихся обстоятельств, а предусматривает для заинтересованной стороны при возникновении указанных обстоятельств возможность, создающую основание для освобождения от ответственности. Указанный подход в Конвенции к институту «препятствия исполнения» уравнивает его с природой обстоятельств непреодолимой силы.

Характерной особенностью правового регулирования расторжения договора для Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» является ст. 82, согласно которой покупатель теряет право расторгнуть договор, если приобретенный товар был им видоизменен или потреблен полностью либо частично. Исключения составляют случаи: а) когда невозможность возвращения возникла по внешним, не зависящим от волеизъявления покупателя причинам; б) когда товар пришел в негодность еще при его осмотре покупателем; в) когда товар был потреблен покупателем, или повторно продан, или изменен в рамках его обычного использования еще до того, как было установлено, что качественные или количественные характеристики товара не соответствуют прописанным в договоре.

Следует подчеркнуть, что положения Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи

товаров» построены на компромиссе, ориентированном на отражение общенациональных интересов стран-участниц Конвенции. Поэтому подходы к существенно изменившимся обстоятельствам в Конвенции отражают различные аспекты и зачастую приводят к смешению четко различаемых в национальных системах права институтов: обстоятельства, имеющие существенное значение; непреодолимая сила; невозможность исполнения. Все это продиктовано наличием прагматических причин — создать условия, при которых у заинтересованной стороны появится возможность освободиться от обязательств при возникновении обременяющих обстоятельств. Поэтому теоретизация такого понятия, как *clausula rebus sic stantibus*, здесь выглядела бы искусственной и излишней.

Разумеется, в одной статье невозможно исчерпывающе представить все научно обоснованные перспективы развития института существенного изменения обстоятельств, имеющих значение для гражданско-правовых договорных отношений. Более того, на этом исследовании не заканчиваются. Именно они, как уже было сказано в начале статьи, своими результатами создают надежные научные основы для укрепления правовых гарантий соблюдения интересов участников гражданских правоотношений.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 23.06.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 19.05.2022; accepted for publication 23.06.2022.

Научная статья

УДК 34.342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-257-262>

НИОН: 2003-0059-4/22-390

MOSURED: 77/27-003-2022-04-589

Меры, применяемые комиссией по делам несовершеннолетних, по защите их прав

Инна Викторовна Федорова¹, Владимир Викторович Кардашевский², Денис Игоревич Синибабов³,
Виктор Андреевич Куксов⁴

^{1,2,3,4} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ karnavalinna73@mail.ru

³ denissin19@yandex.ru

⁴ kuxovviktor@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ мер, применяемых комиссией по делам несовершеннолетних для реализации защиты их прав.

Ключевые слова: несовершеннолетние, деятельность комиссии ПДН, противоправное поведение несовершеннолетних, меры восстановления нарушенных прав

Для цитирования: Федорова И. В., Кардашевский В. В., Синибабов Д. И., Куксов В. А. Меры, применяемые комиссией по делам несовершеннолетних, по защите их прав // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 257–262. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-257-262>.

Original article

Measures applied by the commission on juvenile affairs to protect their rights

Inna V. Fedorova¹, Vladimir V. Kardashevskiy², Denis I. Sinibabov³, Viktor A. Kuksov⁴

^{1,2,3,4} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ karnavalinna73@mail.ru

³ denissin19@yandex.ru

⁴ kuxovviktor@yandex.ru

Abstract. The measures used by the commission on juvenile affairs to implement the protection of their rights are analyzed.

Keywords: minors, activities of the PDN commission, illegal behavior of minors, measures to restore violated rights

For citation: Fedorova I. V., Kardashevskiy V. V., Sinibabov D. I., Kuksov V. A. Measures applied by the commission on juvenile affairs to protect their rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):257–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-257-262>.

Общество в лице страны, а правительство в лице своих представительных органов стремится к размеренному устойчивому совершенствованию и развитию, созданию критерий для настоящего и полноценного развития каждого члена общества, граждан, которые стали совершеннолетними, окончив школу, колледжи либо институт, приступают к активной интеллектуальной работе, молодые люди получают образование, работают, либо организуют предприни-

мательство, создают семьи, рождают и воспитывают детей.

Конечно, в каждом новом поколении наблюдается преемственность от предшествующего поколения, передача удачного опыта, усвоение нужных актуальных практик, все это является залогом размеренно-поступательного развития общества в целом и каждого его члена, в частности. С этой целью правительство направляет свои силы на разработку более точной

нормативно-законодательной базы для поддержки и развития молодых людей, раз в год закладывает в госбюджет и бюджеты субъектов России и городских образований денежные средства, направленные на развитие и поддержку образования, спорта, культуры, медицины, то есть сфер, которые определяют условия развития и становления молодежи, переход их во взрослую жизнь.

Разумеется, что государственные структуры, управляя системой поддержки и развития юного поколения, производят одну из основных функций управления — контроля продуктивности осуществляемых мер, которая была создана для реализации критериев и т. д. В завершении контроля выясняется, что средства потрачены малопродуктивно, есть определенные препятствия для реализации молодежной политики, в результате чего ставится вопрос о ликвидации препятствий и разработке лучших критериев.

Так чем все-таки, как не помехой в целях выполнения стратегических планов страны в отношении подростков, являются деяния, которые квалифицируются как антиобщественное поведение. Употребление алкогольных напитков и наркотических средств разрушает здоровье юного поколения, занятие проституцией, наносит прямой вред молодой женщине, матери будущих детей, а также угрозы её жизни, наносят вред её морально-нравственному состоянию, другими словами, данные деяния нивелируют разложение (экономически-вещественное и морально-моральное) общества, являются девиантным поведением. Кроме реального ущерба, данные деяния содержат внутри себя потенциальную опасность в виде формирования аддиктивного поведения, появления склонности и рвения к ведению незаконного образа жизни, так как для принятия алкогольных напитков либо наркотиков нужны средства, которые в случае ребенка могут быть добыты лишь в итоге незаконного поведения, другими словами, конкретного нарушения законодательных запретов. Например, бродяжничества, что является еще одним доказательством, о том, что подобное поведение может означать начало криминального пути, так как потом несовершеннолетний может склониться к совершению хищения, грабежа, разбоя, мошенничества и т. д.

Конкретно об этих правонарушениях и преступных действиях гласит законотворец, добавляя к перечню актов антиобщественного поведения также «другие деяния, нарушающие права и легитимные интересы остальных лиц». Данные деяния могут по времени следовать за саморазрушением ребенка и быть следствием необходимости приобретения средств для существования, а могут совершаться несовершеннолетним вначале, не зависимо от потребления им каких-то веществ. При любом варианте, данные деяния наносят ущерб определенной личности в итоге со-

вершения правонарушений, а также всему обществу, которое стремится сохранять и поддерживать правопорядок.

Рассматривая правоохранительную и социальную сферы преступности, а также социальное явление, очевидным и явным признаком проблем в области образования и социализации несовершеннолетних являются внутренние факторы их жизнедеятельности. Внутренние факторы включают в себя психологическую структуру и особенности формирования личности детей и подростков. В качестве внешнего фактора следует отметить социальную сиротство детей, бездомность, сложные семейные отношения, пробелы в образовании и воспитании. Факторами, влияющими на рост антиобщественного поведения среди несовершеннолетних в глобальном масштабе, являются социальное расслоение общества, экономический кризис, изменение социальных ценностей и изменение роли семьи в обществе [1, с. 153–169].

Разумеется, что не органы охраны правопорядка, не специальные заведения не в состоянии позволить разлад экономически-финансового характера, но ставят более определенные задачи в такой сфере, которые связаны с действием на самих подростков, формировании у них адаптивных стратегий поведения, способностей социализации и самостоятельного решения актуальных вопросов [2, с. 28].

Асоциальное, антиобщественное поведение ребенка, совершение им правонарушений изучается как последствие воздействия на ребенка определенных критериев и причин, нарушение его прав, свобод и легитимных интересов, потому одним из направлений профилактики безнадзорности и правонарушений подростков является принятие мер для защиты их прав и легитимных интересов. Задача комиссии по делам подростков заключается в том, чтоб нивелировать либо всецело убрать воздействие негативных обстоятельств, параллельно оказывая на ребенка формирующее действие [3, с. 15–25].

Для защиты подростков от негативного воздействия близкого и далекого окружения комиссия по делам подростков решает следующие задачи:

- принимают меры к выявлению предпосылок и условий, которые способствуют беспризорности и безнадзорности подростков, совершению ими незаконных поступков;
- устанавливают факты нарушения прав подростков и принимают конструктивные меры для недопущения этого (нарушение прав может касаться самых различных качеств жизни ребенка, начиная от защиты от оскорбительных высказываний и заканчивая защитой от сексуального насилия);
- принимают участие в подготовке материалов о содержании подростков в учебно-воспита-

тельных учреждениях;

- принимают участие в рассмотрении вопросов об отчислении подростков из учебных заведений;
- помогают решить общественно-бытовые и трудовые вопросы несовершеннолетних, которые вернулись из заведений УИС или из особых учебно-воспитательных заведений.

В итоге, деятельность комиссий по делам подростков охватывает широкий диапазон задач, которые соединены с защитой и обеспечением прав подростков на различных шагах их жизни:

- благодаря этому шагу комиссия по делам несовершеннолетних организует учреждения для разработки стандартов защиты несовершеннолетних от различных нарушений и обеспечения их прав. Он превратится в гражданина, который соблюдает государственные законы и нормы поведения;
- на шаге привлечения ребенка к мерам ответственности комиссия по делам подростков смотрит за выполнением его прав и интересов;
- на шаге содержания ребенка в учреждениях УИС либо учебно-воспитательных учреждениях комиссия по делам подростков отслеживает выполнение прав ребенка в данных критериях, а в случае необходимости собирает материалы и подает их на изучение в суд;
- на шаге освобождения ребенка из заведений УИС либо закрытых учебно-воспитательных заведений комиссия по делам несовершеннолетних помогает ему решить общественно-бытовые и трудовые задачи, обеспечивая выполнение его прав.

В некоторых случаях профилактические меры включают ограничение прав личности несовершеннолетних и их родителей. Эти ограничения должны применяться только в рамках законодательства, и, следовательно, должны применяться только ограничения, установленные законом.

Важно правильно понимать концептуальные положения законодательства и деятельность полиции в соответствующем направлении. Профилактические меры должны быть направлены не только на выявление личности несовершеннолетних, но и на улучшение микросреды подростков. То же самое касается непосредственного окружения и общей ситуации на территориальном участке. В некоторых случаях профилактические меры должны включать меры, направленные на улучшение здоровья ребенка (особенно его ума), чтобы улучшить жизнь подрастающего поколения во всех сферах жизни. При составлении плана восстановления для конкретного ребенка или подростка, совершившего преступление, эти меры должны применяться в сочетании с личными методами.

В рамках изучения предупредительной работы инспекторов ПДН и комиссий по делам несовершеннолетних необходимо целенаправленное обращение к иностранному опыту организации и работе таких же подразделений и руководящих лиц (если в определенной стране преступность подростков минимизирована, есть необходимость изучения этого позитивного опыта и в дальнейшем, применения его на практике).

В этом контексте интересна англо-американская система профилактики правонарушений, которая занимает господствующее и руководящее положение в Европе, Америке и Стране восходящего солнца. В этих странах есть разные классификации теоретических подходов и концепций относительно профилактической работы [4].

Первичная профилактика правонарушений считается в британской (как и в американской) криминологии решающей и базируется на предположении, что большинство правонарушений имеют ситуационный характер и совершаются в результате определенного стечения обстоятельств, при наличии конкретных условий, облегчающих совершение правонарушений. Сама ситуация стимулирует и провоцирует на совершение определенных видов правонарушений [5]. Таким образом, наиболее эффективным направлением превенции является своевременное устранение криминальных факторов внешней среды, а также создание антикриминальных условий, при наличии которых правонарушитель откажется от намерения совершить правонарушение, а именно, условий, которые сделают совершение правонарушений более сложным делом и соответственно сделают объект менее уязвимым; которые сделают совершение правонарушений более рискованным, но менее выгодным.

Ситуационная профилактика реализуется с помощью ряда методов, основными из которых являются:

- усложнение доступа к цели, который предусматривает, что правонарушитель откажется совершить конкретное правонарушение по причине слишком сложного доступа к объекту правонарушения (установление виктимным объектом видеонаблюдения, сигнализации и т. д.);
- устранение потенциального объекта противоправного посягательства (например, меры по профилактике карманных краж — выплата заработной платы не наличными, а перечислением на банковский счет лица. Деньги размещены в банке, а при необходимости человек может рассчитаться или кредитной картой, или чеком);
- план безопасных территорий. Изучаются «горячие точки» правонарушений, при этом решающее значение отводится «географии правонарушений», включая место, время наибольшей концентрации правонарушений, а

также наиболее типичных ситуаций их совершения. На базе полученных данных производятся рекомендации, которые касаются планирования городов и проектов домов с целью профилактики правонарушений. Этот метод предусматривает простые и эффективные средства минимизации возможностей совершения правонарушений [6].

Недочетами этой ситуационной профилактики будет то, что правонарушитель отказывается от совершения определенного правонарушения из-за встреченных им проблем, но он не отказывается от самого плана совершить подобное правонарушение. Он переключается на поиск другого объекта, который наименее защищен и где есть условия для совершения правонарушения. Ситуационная профилактика не рассчитана на ликвидацию обстоятельств совершения правонарушений, а предусматривает только ликвидацию возможности их совершения в каждом определенном случае.

В последнее время исследователи делают акцент на осуществление мероприятий социальной профилактики правонарушений с привлечением самого общества. Правонарушения выступают как социальная проблема, в решении которой должно принимать все общество, при этом перед социальной профилактикой встают следующие задачи:

- улучшение социальных условий жизни;
- усиление роли социальных институтов;
- увеличение количества возможностей для получения образования, достойного трудоустройства, отдыха [6].

Этот вид профилактики правонарушений уделяет значительное внимание работе с несовершеннолетними, так как подростковая среда считается наиболее проблемной с точки зрения потенциальной возможности совершения правонарушений. Одним из направлений осуществления социальной профилактики является работа с несовершеннолетними в школах, где несовершеннолетние получают основной объем информации. Внедрение в программу школьного обучения предметов, способствующих воспитанию несовершеннолетнего как законопослушного гражданина, лекций и бесед по профилактике правонарушений, будет способствовать правильному формированию личности несовершеннолетнего.

Современная англо-американская практика характеризуется наличием ряда разнообразных программ, направленных на предупреждение правонарушений. Среди них важная роль отводится мерам профилактики правонарушений среди детей, в том числе мерам ранней профилактики противоправного поведения детей, поскольку вся последующая профилактическая деятельность и ее результативность во многом зависят от эффективности профилактики правонарушений

среди несовершеннолетних.

Специалисты утверждают, что большинство факторов, оказывающих влияние на противоправное поведение несовершеннолетних, находятся в тесном взаимодействии и взаимозависимости друг от друга, что создает значительные трудности при установлении значимости каждого из них в генезисе противоправного поведения детей, поскольку выделить какой-то один значимый фактор как причину противоправного поведения невозможно, то необходимо оказывать влияние на всю совокупность этих факторов [7].

Наиболее действенной программой профилактики правонарушений среди детей являются программы, направленные на укрепление семьи. Они призваны устранить или ослабить действие семейных факторов риска; программы, направленные на устранение школьных факторов риска, повышение уровня школьного образования и т. п.; программы специальной профилактики преступлений и иных правонарушений среди детей, направленные на профилактику противоправного поведения детей, а также профилактику рецидива со стороны детей, которые уже совершали правонарушения. При осуществлении этих программ используются разнообразные формы контроля и надзора за несовершеннолетними с девиантным поведением, а также карательные методы к подросткам, которые нарушают требования, предъявляемые к ним.

Эти программы представляют собой комплекс разных способов и мер, которые были направлены на решение определенных упредительных задач, в выполнении которых участвуют полиция, юстиция, местные административные органы, представители науки и некоммерческих объединений.

Следует также выделить модели предупредительного действия на подростков, которые направлены на понижение аддикции (зависимости, губительные привычки). Главная задача схожих программ, которые были рассчитаны на подростков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, обучить ребенка брать на себя вину за свои поступки. В рамках обучения несовершеннолетние осваивают принципы здорового поведения, защиту от разных болезней, предохранение от беременности, умение противодействовать зависимостям и т. д. Подростки развивают чувственный ум, осваивают способности коммуникации.

Еще одна группа программ содержит в своей основе формирование социальных альтернатив и переориентирует подростков на социально приемлемое поведение, включая частичное трудоустройство [8, с. 84].

В заграничной практике особенное внимание уделяется воспитательному и психическому воздействию на ребенка, что позволяет в конечном итоге сформировать единую личность, которая ощущает свою грамотность и владеющую самоуважением, что позволяет ей

противодействовать отрицательным вызовам и предложениям из социума.

Таким образом, антисоциальное поведение подростков включает в себя вредное поведение для физического и психического здоровья детей, а также граждан и общества в целом. Общество больше не может полагаться на него как на истинного члена общества. Он создаст семью, родит здоровых детей и воспитает их в соответствии с признанными ценностями. В глобальном масштабе общество может оказаться на грани полного разложения и коллапса. Будущего не будет, это поколение просто не может защитить территорию, в которой оно живет и поддерживает свою собственную целостность, основанную на своих собственных убеждениях безопасности.

Антиобщественное и противоправное поведение являются прямым следствием состояния безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, поэтому, решение задач профилактики строится на воздействии на все аспекты жизни несовершеннолетнего, начиная от защиты его прав и законных интересов на ментальном и физическом уровне (защита от оскорблений, унижений, сексуальных домогательств и эксплуатации), и заканчивая осуществлением профилактической работы с родителями, представителями и должностными лицами, обязанными обеспечивать решение потребностей несовершеннолетнего. Одновременно с этим профилактическая работа направлена на защиту интересов общества и государства, поэтому в самых крайних случаях несовершеннолетние привлекаются к соответствующим мерам ответственности либо вопрос о прекращении неправомерного поведения решается иным образом [9].

В любом случае, эффективная и результативная модель профилактической работы с несовершеннолетними должна отвечать ряду требований:

- иметь четко поставленные цели;
- основываться на специальных принципах;
- представлять собой систему.

Список источников

1. Андриенко В. К. Неблагоприятные условия семейного воспитания, способствующие возникновению педагогической запущенности и правонарушений школьников // Предупреждение педагогической запущенности и правонарушений школьников : сб. науч. трудов / под ред. М. А. Алемаксина. М., 1980.
2. Мордахаев Л. В. Социальная педагогика. М. : РГСУ, 2012.
3. Люты́й В. Социальная профилактика негативных явлений / В. Люты́й // Дети в кризисных ситуациях : профилактика негативных явлений и социально-психологическая помощь /

И. Д. Зверева (отв. ред.). М. : Аст, 2015.

4. Дородонова Н. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии / Н. В. Дородонова, Е. В. Евстифеева, Е. В. Ильгова // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 601–608.
5. Нортхофф Р. Руководство по профилактике преступности : монография / Р. Нортхофф ; перевод с немецкого. Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004. 396 с.
6. Muncie J. The globalization of crime control — the case of youth and juvenile justice : Neo-liberalism, policy convergence and international conventions / J. Muncie // Theoretical Criminology. 2005. Vol. 9 (1). P. 35–64. DOI: 10.1177/1362480605048942.
7. Акестер К. Системы ювенального правосудия [Электронный ресурс] / К. Акестер // Вопросы ювенальной юстиции. 2002. № 1. Режим доступа: <http://juvenjust.org/index.php?showforum=21>.
8. Галич Г. О. Профилактика девиантного поведения у детей и подростков. // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Общественные науки. № 16 (20). 2010.
9. Федорова И. В. Общий обзор профессиональной деятельности инспектора по делам несовершеннолетних. В сборнике : Портрет инспектора по делам несовершеннолетних / Сборник научных трудов Всероссийской конференции. Москва, 2020. С. 244–247.

References

1. Andrienko V. K. Unfavorable conditions of family education, contributing to the emergence of pedagogical neglect and offenses of schoolchildren // Prevention of pedagogical neglect and offenses of schoolchildren : collection of scientific works / edited by M. A. Alemaksin. M., 1980.
2. Mordakhaev L. V. Social pedagogy. M. : RGSU, 2012.
3. Lyutyuy V. Social prevention of negative phenomena / V. Lyutyuy // Children in crisis situations : prevention of negative phenomena and socio-psychological assistance / I. D. Zvereva (ed.). Moscow: Ast, 2015.
4. Dorodonova N. V. Juvenile delinquency prevention: the experience of the USA and New Zealand / N. V. Dorodonova, E. V. Evstifeeva, E. V. Ilgova // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. № 4. P. 601–608.
5. Northoff R. Manual on crime prevention: monograph / R. Northoff; translated from German. Arkhangelsk : Publishing House of the Pomorskogos. un-ta, 2004. 396 p.

6. Muncie J. The globalization of crime control — the case of youth and juvenile justice : Neo-liberalism, policy convergence and international conventions / J. Muncie // Theoretical Criminology. 2005. Vol. 9 (1). P. 35–64. DOI: 10.1177/1362480605048942.
7. Akester K. Juvenile justice systems [Electronic resource] / K. Akester // Issues of juvenile justice. 2002. No. 1. Access mode: <http://juvenjust.org/index.php?showforum=21>.
8. Galich G. O. Prevention of deviant behavior in children and adolescents. // News of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Social sciences. № 16 (20). 2010.
9. Fedorova I. V. General overview of the professional activities of the inspector of juvenile affairs. In the collection : Portrait of a juvenile affairs inspector / Collection of scientific papers of the All-Russian Conference. Moscow, 2020. P. 244–247.

Информация об авторах

И. В. Федорова — доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. В. Кардашевский — начальник кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Д. И. Синибабов — заместитель начальника 1 «О» курса ФПСОПП Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

В. А. Куксов — курсант 105 учебного взвода, 2 «О» курса ФПСОПП Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. V. Fedorova — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

V. V. Kardashevskiy — Head of the Department of Administrative Activities of the internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. I. Sinibabov — Deputy Head of the 1st «O» course of FPSOPP of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

V. A. Kuksov — Cadet of the 105rd training platoon of 2nd «O» course of FPSOPP of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 22.07.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 22.07.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-263-268>

НИОН: 2003-0059-4/22-391

MOSURED: 77/27-003-2022-04-590

**Роль понятия «общие условия» в формировании сущности
общих условий предварительного расследования
(сравнительно-правовое исследование законодательства
Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам)**

Данг Вьет Хынг

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. На основе выявленных проблем при определении перечня и содержания общих условий предварительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам исследуются вопросы, связанные с определением сущности данного правового института. Делается вывод о зависимости родовых понятий «общие условия» и «предварительное расследование», их неразрывной связи с формой расследования, а также со стадиями уголовного судопроизводства и этапами предварительного расследования. Определяется роль и значение термина «общие условия» в формировании сущности правового института «общие условия предварительного расследования», при определении пределов и порядка их применения в уголовно-процессуальной деятельности уполномоченными органами и их должностными лицами.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, общие условия, предварительное расследование; форма расследования, участники уголовного судопроизводства, досудебное производство

Для цитирования: Данг Вьет Хынг. Роль понятия «общие условия» в формировании сущности общих условий предварительного расследования (сравнительно-правовое исследование законодательства Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 263–268. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-263-268>.

Original article

**The role of the concept «general conditions» in forming the essence
of the general conditions of the preliminary investigation
(comparative legal study of the legislation of the Russian Federation
and the Socialist Republic of Vietnam)**

Dang Viet Hung

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. In the article, based on the identified problems in determining the list and content of the general conditions of the preliminary investigation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam, the issues related to determining the essence of this legal institution are explored. The conclusion is made about the dependence of the generic concepts of «general conditions» and «preliminary investigation», their inseparable connection with the form of investigation, as well as with the stages of criminal proceedings and the stages of preliminary investigation. The role and meaning of the term «general conditions» in the formation of the essence of the legal institution «general conditions of the preliminary investigation» is determined, in determining the limits and procedure for their application in criminal procedure activities by authorized bodies and their officials.

Keywords: criminal procedure legislation, general conditions, preliminary investigation; form of investigation, participants in criminal proceedings, pre-trial proceedings

© Данг Вьет Хынг, 2022

For citation: Dang Viet Hung. The role of the concept of «general conditions» in the formation of the essence of the general conditions of the preliminary investigation (comparative legal study of the legislation of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):263–268. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-263-268>.

В уголовно-процессуальной литературе общие условия предварительного расследования представляет собой закрепленные уголовно-процессуальным законом наиболее существенные требования, определяющие порядок предварительного расследования [3, с. 3]. Установленные нормами уголовно-процессуального закона требования (правила), определяют важные существенные условия производства предварительного расследования, эффективное использование которых обеспечивает реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Следуя историческим традициям, общие условия предварительного расследования выделены в отдельные главы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Социалистической Республики Вьетнам (далее — УПК СРВ), что показывает их значимость в ходе производства процессуальных действий, расследования преступлений в целом, а также для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [20, с. 28; 21, с. 34; 12].

Однако до сих пор данный институт должным образом не определен ни в законодательстве, ни в процессуальной науке Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам. Как показывает анализ, в уголовно-процессуальном законодательстве обеих стран понятие общих условий отсутствует не только в соответствующих разделах уголовно-процессуального закона, посвященных этому вопросу, но и в отдельных статьях, определяющих основные понятия уголовного судопроизводства.

Представляется, что отсутствие легального определения исследуемого правового института имеет исторические тенденции не только в Российской Федерации, но и в Социалистической Республике Вьетнам. Анализ норм уголовного судопроизводства, определяющих перечень и содержание общих условий предварительного расследования, показал, что в различные исторические периоды их понятие не давалось, а содержание подвергалось постоянным изменениям.

Следует отметить, что правильное определение понятия, отражающего данное правовое явление, играет важную роль в эффективном его использовании в правоприменительной практике и уголовно-процессуальной науке, так как характеризует его сущность и показывает его основные свойства, позволяющие отличить от других правовых институтов.

Вместе с тем анализ различных определений об-

щих условий предварительного расследования, даваемые юристами в различные периоды уголовного судопроизводства [11, с. 5; 5, с. 4–7; 21, с. 34], а также учебников для подготовки студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов страны показывает отсутствие единства взглядов ученых и практиков. Так, ведущие российские юристы, в одном случае, полагают, что только в 21 главе УПК РФ содержатся общие условия [9, с. 647]; в другом — обозначают, что общие условия предварительного расследования содержатся в 21 и 22 главах УПК РФ [15, с. 236]; в-третьем — указывают, что общие условия содержатся в 21 главе УПК РФ, а также в отдельных статьях, расположенных в некоторых главах [14, с. 304];

На наш взгляд, такой подход свидетельствует, что в уголовно-процессуальной науке в неполной мере определены, во-первых, основные признаки общих условий предварительного расследования, которые позволяет «ответить на вопрос, что это за предмет изучаемого явления и в чем его сущность» [7, с. 168]; во-вторых, роль и место общих условий в досудебном производстве, в частности, и в уголовном судопроизводстве, в целом [6]; в-третьих, основания формирования системы общих условий предварительного расследования, целесообразность включения в их перечень отдельных положений из правовых институтов других глав. Представляется, что указанные обстоятельства влекут за собой не прекращающиеся дискуссии юристов о сущности и содержании общих условий предварительного расследования, их классификации, месте и роли в уголовном судопроизводстве.

В связи с вышеизложенным представляется, что теоретико-прикладное сравнительно-правовое исследование общих условий предварительного расследования в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам позволит выявить не только точки соприкосновения уголовно-процессуальных законодательств двух стран, но и пути дальнейшего совершенствования науки уголовно-процессуального права и правоприменительной практики.

Дефиниция «общие условия предварительного расследования» является многозначным и сложным понятием, которое включает в себя несколько разноплановых терминов и применяется в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве самостоятельного процессуального института. Эти понятия, на наш взгляд, неразрывно связаны друг с другом. С одной стороны, они дополняют и уточняют сущность

и содержание общих условий предварительного расследования; с другой — определяют совокупность факторов, характеризующих их применение в уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам.

В юридической литературе справедливо отмечается, любое видовое понятие содержит в себе все признаки своего родового понятия. Так, по мнению М. Б. Костровой, дефиниция может быть сконструирована только в виде классического родового (через ближайший род и видовое отличие понятия) либо исчерпывающего перечневого (путем казуистического перечисления частей или признаков понятия) определения [8, с. 86].

По нашему мнению, сущность общих условий предварительного расследования, определяют две группы родовых терминов «общие условия» и «предварительное расследование». Представляется, что исследование особенностей содержания этих терминов позволит в некотором роде уменьшить дискуссию о сущности и роли общих условий предварительного расследования, а также определить возможности совершенствования их содержания не только в досудебном производстве, но и при анализе других правовых институтов, схожих по своему характеру и сущности.

Анализ русского языка в одном из своих значений, определяющего термины «общий» — «касающийся основ чего-нибудь; содержащий только самое существенное» и «условия» — «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; правила, установленные в какой-либо деятельности; обстановка, в которой что-нибудь происходит; данные требования, из которых следует исходить» [13, с. 354, 685], а также вьетнамского языка, отмечающего, что термины «общий» — «принадлежащее всем, связанное со всеми; отдельно от частного» [16, с. 145]; «основные, базовые» [19, с. 236] и «условия» — это «определение, чему следовать и что делать» [16, с. 476]; «правила для выполнения» [19, с. 614], «правила и стандарты поведения» [17, с. 17] позволяет выделить ряд особенностей понятия «общие условия».

По нашему мнению, термин «общие условия», определяют следующие основные признаки. В первую очередь следует указать *наличие базовых существенных требований (правил)*, определяющих пределы и порядок их применения в той или иной деятельности. Следует отметить, что общие условия применяются только в ходе производства конкретной деятельности. В сфере уголовного судопроизводства к ней относится уголовно-процессуальная деятельность. Она представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом систему активных действий (операций) участников уголовного судопроизводства [2].

Общие условия могут рассматриваться комплексно и применяться не только на стадии предварительного расследования, но и во всех стадиях уголовного

процесса. Общие условия, закрепленные в уголовно-процессуальных нормах, гарантируют права и свободы участников уголовного процесса на любой стадии уголовного судопроизводства, что сближает их с принципами уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, еще одним важным признаком, характеризующим «общие условия», является наличие уполномоченных субъектов, обязанных соблюдать установленные требования (правила) на любой стадии или этапе уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного расследования. Так, осуществляя уголовно-процессуальную деятельность при производстве по уголовному делу, следователь (дознатель) руководствуется в своей деятельности нормами уголовно-процессуального закона, который определяет не только их полномочия, но и порядок реализации. Эти правила позволяют государственным органам и их должностным лицам не только расследовать преступление, но и обеспечивать права и законные интересы всех участников уголовного судопроизводства.

Вьетнамские ученые поддерживают точку зрения о взаимосвязи государственных органов и их должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и общих условий предварительного расследования. По мнению Чан Доан Хань, под общими условиями предварительного расследования понимаются установленные уголовно-процессуальным законом требования, которые регулируют деятельность компетентных органов в ходе предварительного расследования [20, с. 28].

Следует отметить, что особенности правового положения государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, регулируются нормами Закона об организации органов предварительного расследования [18], который предусматривает принципы и систему организации предварительного расследования в системе органов Народной общественной безопасности, Народной Армии, Верховной народной прокуратуры, определяет их структуру, задачи и функции следственных органов, вопросы взаимодействия и контроля за их деятельностью.

Характеризуя общие условия, следует отметить, что еще одним признаком, неразрывно связанным с определенным порядком (требованиями) уголовно-процессуальной деятельности различных субъектов, в любом случае является установленный законом результат. Как правило, таким результатом уголовно-процессуальной деятельности являются не только раскрытие преступления, предупреждение совершения новых преступлений, но и защита и охрана прав и свобод личности. Представляется, что уголовно-процессуальная деятельность предусматривает защиту прав *не только отдельной личности*, но и общества и государства [4, с. 28].

В то же время результат уголовно-процессуальной деятельности предполагает *наличие цели* [10, с. 44]. Взаимосвязь результата и цели уголовно-процессуальной деятельности не вызывает сомнений, так как исследование показывает, что «целью уголовного процесса выступает достижение общественно полезного результата, получаемого в связи с разрешением уголовно-правового конфликта... защита общества, государства и личности от преступных посягательств» [1, с. 12].

Следует обратить внимание, что в отличие от ст. 6 УПК РФ, определяющей назначением уголовно-судопроизводства защиту прав, свобод и законных интересов личности, ст. 2 УПК СРВ в качестве основной цели предусматривает защиту и охрану общества, государства и личности от преступных деяний: обеспечение точного раскрытия и справедливого, своевременного наказания за все преступления, профилактика и предупреждение преступлений, защита невиновных лиц от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; защита правосудия, защита прав человека, гражданина, защита социалистического режима, защита интересов государства, прав и законных интересов организаций, воспитание всех людей в духе соблюдения закона, борьбы с преступностью.

На наш взгляд, такой результат в процессе реализации общих условий в отличие от уголовного судопроизводства в целом ограничивается пределами конкретной деятельности (например, досудебного производства в целом или предварительного расследования, в частности), так как в противном случае особенности осуществления уголовно-процессуальной деятельности (например, в досудебном производстве или на судебных стадиях) повлечет за собой расширение количества этих условий и, соответственно, превращение их в фикцию.

По нашему мнению, следует обратить внимание на такую особенность в понимании термина «назначение», который в русском языке в одном из своих значений обозначает «область, сфера применения чего-нибудь» [13, с. 305]. Представляется, что именно этот признак позволяет точнее определить пределы действия общих условий и их место в системе норм уголовно-процессуального права, так как в настоящее время теория уголовно-процессуального права этот исследуемый правовой институт связывает с предварительным расследованием, т. е. отдельной самостоятельной стадией.

Например, говоря об общих условиях предварительного расследования, закрепленных в главе 21 УПК РФ, следует согласиться с В. А. Лазаревой, которая отмечает, что в них «содержатся наиболее общие правила расследования. Эти правила выражают существенные черты стадии предварительного расследова-

ния, обусловленные принципами уголовного процесса, и служат гарантиями их осуществления с учетом задач стадии» [14, с. 279].

Действительно, основным назначением общих условий предварительного расследования является создание гарантий законного и обоснованного расследования, защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, воспрепятствования злоупотреблению полномочиями со стороны государственных органов и их должностных лиц.

Таким образом, проведенный анализ понятия «общие условия» показывает, во-первых, наличие базовых существенных требований (правил), определяющих пределы и порядок их применения в той или иной деятельности, в том числе уголовно-процессуальной; во-вторых, неразрывную связь общих условий с конкретной областью любой правовой деятельности и, соответственно, стадиями и этапами уголовного судопроизводства; в-третьих, наличие уполномоченных субъектов, применяющих эти условия (правила, требования) и стремящихся к определенному результату, реализуемого посредством установленной цели.

Список источников

1. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск., 2022.
2. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.04.2020).
3. Власова Н. А., Соловьев А. Б., Токарева М. Е. Общие условия предварительного расследования : монография. М., 2005.
4. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса : закон, теория, практика. М. : Изд-я группа «Юрист», 2006.
5. Горленко С. В. Общие условия предварительного следствия в уголовном процессе (понятие, история и современность) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГЮА, 2000.
6. Клещев С. В. Вопросы реализации общих условий предварительного расследования на первоначальной стадии уголовного судопроизводства // Вопросы взаимодействия следственных и иных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации : материалы Межведомственной научно-практической конференции в Твери. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. С. 68–74.
7. Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
8. Кострова М. Б. Дефинирование понятий и тер-

- минов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 80–88.
9. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016.
 10. Малахова Л. Н. Уголовно-процессуальная деятельность : понятие, предмет и структура. Воронеж, 2003.
 11. Никандров В. И. Общие условия предварительного следствия в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.
 12. Номинова Д. Д. Понятие общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2006 № 12 [Электронный ресурс]: «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.22).
 13. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1988.
 14. Уголовный процесс : учебник / коллектив авторов; под ред. В. А. Лазаревой. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016.
 15. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М. : Высшее образование, 2008.
 16. Dự án từ điển tiếng Việt miễn phí – khoảng 30000 từ. Chủ biên Hồ Ngọc Đức. In lần thứ 10. Có sửa chữa và thay đổi. Nhà xuất bản Nhã Nam. Hà Nội. 2018. 689 trang. Перевод автора: Бесплатный проект вьетнамского словаря : ок. 30000 слов, под общ. ред. Хо Нгок Дук. 10-е изд., испр. и доп. Ханой : Ня Нам, 2018.
 17. Lê Minh Trường. Quy định là gì ? Khái niệm quy định được hiểu như thế nào? Tạp chí Tư vấn pháp luật. 2021. Số 7. Trang 17–18. Перевод автора: Ле Мин Чьонг, «Что такое условие? Как понимается понятие условия?» // Журнал Юридическая консультация. 2021. № 7. С. 17–18.
 18. Luật tổ chức cơ quan điều tra hình sự, số 99/2015/QH13, Hà Nội ngày 26/11/2015. Nguồn: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Luat-to-chuc-co-quan-dieu-tra-hinh-su-2015-298378.aspx> / Перевод автора: Закон об организации органов предварительного расследования № 99/2015/QH13 от 26/11/2015 (Ханой). [Электронный ресурс]: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Luat-to-chuc-co-quan-dieu-tra-hinh-su-2015-298378.aspx> (дата обращения: 14.01.2022).
 19. Từ điển Lạc Việt khoảng 45000 từ. Chủ biên Vũ Minh Biên. In lần thứ 12. Có sửa chữa và thay đổi. Nhà xuất bản Giáo dục. Hà Nội. 2019. 1035 trang. Перевод автора: Словарь Lạc Viet около 45000 слов, под общ. ред. Ву Минь Биен. 12-е изд., испр. и доп. Ханой : Образование, 2019.
 20. Trần Doãn Khánh. Những quy định chung quá trình điều tra và sự vận dụng trong thực tiễn: Luận án tiến sĩ Luật học. Hà Nội. Năm 2015. 185 trang. Перевод автора: Чан Доан Хань. Общие условия производства предварительного расследования и их применение на практике : дисс. ... д-ра юрид. наук. Ханой, 2015.
 21. Vũ Duy Công. Những quy định chung quá trình điều tra trong tố tụng hình sự: Khái niệm và phân loại: Luận án tiến sĩ Luật học. Hà Nội. Năm 2016. 196 trang. Перевод автора: Ву Зуи Конг. Общие условия производства предварительного следствия в судопроизводстве : понятие и виды : дисс. ... д-ра юрид. наук. Ханой, 2016.

References

1. Azarenok N. V. The concept of improving the Russian criminal process within its historical form. Abstract dis. ... Dr. jurid. Sciences. Omsk, 2022.
2. Vandyshchev V. V. Criminal process. General and Special parts : a textbook for law schools and faculties. M. : Contract, Wolters Kluwer, 2010. 720 p. // SPS ConsultantPlus (accessed: 17.04.2020).
3. Vlasova N. A., Soloviev A. B., Tokareva M. E. General conditions of the preliminary investigation : monograph. M., 2005.
4. Volodina L. M. Problems of the criminal process : law, theory, practice. M. : Publishing group «Jurist», 2006.
5. Gorlenko S. V. General conditions of the preliminary investigation in the criminal process (concept, history and modernity) : dis. ... cand. legal sciences. M. : MGYuA, 2000.
6. Kleshchev S. V. Issues of implementation of the general conditions of the preliminary investigations at the initial stage of criminal proceedings // Issues of interaction between investigative and other departments of bodies Internal Affairs of the Russian Federation : materials of the Interdepartmental scientific-practical conference in Tver. Tver : Tver. state un-t, 2019. P. 68–74.
7. Kopnin P. V. Dialectics as logic and theory of knowledge. M., 1973.
8. Kostrova M. B. Definition of concepts and terms used in the Criminal Code of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2003. № 12. P. 80–88.
9. The course of the criminal process / A. A. Arutyunyan, L. V. Brusnitsyn, O. L. Vasiliev and others; ed. L. V. Golovko. M. : Statut, 2016.
10. Malakhova L. N. Criminal procedural activity : concept, subject and structure. Voronezh, 2003.

11. Nikandrov V. I. General conditions of the preliminary investigation in the Soviet criminal process. Abstract dis. ... cand. legal sciences. M., 1973.
12. Nominova D.D. The concept of the general conditions of the preliminary investigation // Russian investigator. 2006. № 12 [Electronic resource]: ConsultantPlus (accessed: 31.01.2022).
13. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language : about 57000 words / Ed. corresponding member USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. 20th ed., stereotype. M. : Rus. yaz., 1988.
14. Criminal procedural law of the Russian Federation / Otv. ed. P.A. Lupinskaya. M., 2003.
15. Criminal process : a textbook for universities / ed. B. B. Bulatova, A. M. Baranov. M. : Higher education, 2008.
16. Free Vietnamese dictionary project — about 30000 words. Editor Ho Ngoc Duc. 10th printing. With corrections and changes. Nha Nam Publishing House. Hanoi. 2018. 689 p.
17. Le Minh Truong. What is the regulation? How is the concept of regulation understood? Legal Advice Magazine. 2021. Issue 7.
18. Law on organization of criminal investigation agencies, № 99/2015/QH13, Hanoi, November 26, 2015. Source: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Luat-to-chuc-co-quandieu-tra-hinh-su-2015-298378.aspx/>
19. Lac Viet dictionary about 45000 words. Editor-in-Chief Vu Minh Bien. 12th printing. With corrections and changes. Education publisher. Hanoi. 2019. 1035 p.
20. Tran Doan Khanh. General provisions of the investigation process and its application in practice : doctoral thesis of jurisprudence. Hanoi. 2015. 185 p.
21. Vu Duy Cong. General provisions of the investigation process in criminal proceedings : concept and classification : doctoral thesis in jurisprudence. Hanoi. 2016. 196 p.

Информация об авторе

Данг Вьет Хынг — адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

Dang Viet Hung — Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Scientific-pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 15.07.2022.

Научная статья
УДК 316.723:004
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-269-274>
НИОН: 2003-0059-4/22-392
MOSURED: 77/27-003-2022-04-591

Анализ деструктивной информации в социальных сетях и мессенджерах

Виталий Николаевич Цимбал

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sedruk@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ популярности и распространенности социальных сетей и мессенджеров как в Российской Федерации, так и за рубежом; приведены статистические данные. Рассмотрены деструктивные направления информации, обрабатываемой в социальных сетях и мессенджерах, которая своим наличием может воздействовать на личность человека и его психическое развитие. Изучены проблемы, возникающие в деятельности правоохранительных органов при выявлении информации деструктивного содержания.

Ключевые слова: Интернет, социальная сеть, мессенджер, экстремизм (терроризм), деструктивная информация, Telegram

Для цитирования: Цимбал В. Н. Анализ деструктивной информации в социальных сетях и мессенджерах // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 269–274. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-269-274>.

Original article

Analysis of destructive information in social networks and messengers

Vitaliy N. Tsimbal

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sedruk@mail.ru

Abstract. The analysis of the popularity and prevalence of social networks and messengers both in the Russian Federation and abroad is made, statistical information is provided. The destructive directions of information addressed in social networks and messengers, which by its presence can affect a person's personality and his mental development, are analyzed. The problems arising in the activities of law enforcement agencies in identifying information of destructive content are considered.

Keywords: Internet, social network, messenger, extremism (terrorism), destructive information, Telegram

For citation: Tsimbal V. N. Analysis of destructive information in social networks and messengers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):269–274. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-269-274>.

Сеть Интернет в последние годы стала неотъемлемой частью жизни людей по всему миру. По информации We Are Social на октябрь 2021 г. Интернетом в мире пользуются 4,88 млрд человек, прирост составляет по сравнению с предыдущим годом на 4,8 % (+220 млн пользователей), а провели они в указанной сети порядка 1,3 млрд лет¹. В России эти показатели на начало 2021 г. следующие — Интернетом пользуются

124 млн человек, рост по сравнению с 2020 г. составил 5,1 % (+6 млн пользователей)².

Положительные и отрицательные стороны данной информационно-телекоммуникационной сети известны и неоднократно проанализированы, и изучены учеными. Тематикой работы будет рассмотрение разновидностей деструктивной информации в социальных сетях и мессенджерах, а также возможность использования

¹ Social media users pass the 4.5 billion mark. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/10/social-media-users-pass-the-4-5-billion-mark/> (дата обращения: 23.01.2022).

² Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 23.01.2022).

данных материалов в оперативно-разыскной и криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Социальные сети по охвату аудитории довольно популярны и распространены среди пользователей сети Интернет. По данным на январь 2021 г., всего активных пользователей этих сетей в мире — 4,2 млрд человек (+13 % за год), в России этот показатель составляет 98–99 млн¹.

Мессенджеры, в свою очередь, не менее популярны, так как возможность оперативной связи, наличие функции видеозвонков, создание групп и сообществ, различных каналов способствует общению и обмену информацией, позволяя им конкурировать с социальными сетями. В табл. 1–2, представлены сравнения популярности различных социальных сетей и мессенджеров в мире и в России.

Опрос мобильных операторов показал, что в «Мегафон» распределение по трафику, следующее WhatsApp (58 %), Telegram (32 %), Viber (2 %), Facebook (1,7 %), в «Билайн», «МТС» и «Tele2» популярность среди мессенджеров аналогичная представленной, а в некоторых компаниях отмечают возросший в 4 раза за год трафик, относительно данных ресурсов².

Распределение по континентам и государствам, согласно данным MessengerPeople³ можно обозначить следующим образом, наиболее популярным мессенджером является WhatsApp, он распространен в странах Южной Америки и Южной Африки, в России и государствах постсоветского пространства; следующим по распространенности является Facebook Messenger — это Северная Америка, Австралия, Северная Африка, некоторые государства Европы; Viber — используется в странах Восточной Европы; WeChat — в азиатских странах, преимущественно в Китае; Telegram в основном используется в Средней Азии; в Японии используют мессенджер Line.

Как видно из представленных сведений, распространенность и популярность социальных сетей и мессенджеров обширна, данные ресурсы используются активно, что демонстрирует статистическая информация по месячной аудитории и количеству пользователей. Повседневная личная жизнь и деятельность бизнеса перенесены на рассматриваемые площадки, это удобно, просто, быстро и эффективно. Однако как показывает практика, помимо положительных черт

все имеет и отрицательную сторону, которая зачастую своим наличием может нивелировать все существующие плюсы. В частности, это наличие в социальных сетях и мессенджерах деструктивной информации или как часто, в последнее время, принято называть «контента».

Обобщенно под таким понятием можно представить информацию в современном виртуальном пространстве в любой «...форме (текстовой, аудиальной, графической, виртуальной), которая своим содержанием может причинять вред психическому, духовному, нравственному, физическому и иному развитию личности» [7, с. 222].

Большое количество отечественных и зарубежных ученых уделяет проблематике наличия деструктивной информации в сети Интернет, а также в ресурсах, функционирующих на его основе (социальных сетях, форумах, мессенджерах и т. п.), степени его воздействия на пользователя (потребителя), технических аспектов выявления подобной информации, серьезное внимание. Данная тематика рассматривалась в работах С. Н. Арифханова, А. В. Райкова [1], М. М. Друкера [2], В. А. Минаева, Е. С. Поликарпова, А. В. Симонова [3], Д. А. Ишкова, О. Н. Чопорова, Д. О. Карпеевой и др. [4], В. П. Охупкина, Е. П. Охупкиной [и др.] [5], А. В. Паринаова, Д. В. Гусева, Е. А. Автонова и др. [6], Madeleine George [8] и других.

Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ в ст. 5 относит к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей следующее: «...побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью...; способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию...; обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости...; оправдывающая противоправное поведение...»⁴ и т. д.

Кодифицированные нормативные правовые акты, предусматривают запрет на распространение деструктивной информации, за которую лицо может быть привлечено к юридической ответственности, например, о способах совершения самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), клевете (ст. 128.1 УК РФ, ст. 5.61.1 КоАП РФ), террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ), заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан либо повлекших тяжкие последствия (ст. ст. 207.1 и 207.2 УК РФ), порнографических материалов (ст. ст. 242, 242.1 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ), наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и т. п. (ст. 6.13 КоАП

¹ Самые популярные социальные сети в России в 2021 году. URL: <https://spark.ru/user/133946/blog/80389/samie-populyarnie-sotsseti-v-rossii-v-2021-godu>; Общая аудитория интернета. URL: <https://webindex.mediascope.net/general-audience> (дата обращения: 23.01.2022).

² Мобильные операторы назвали самые популярные у россиян мессенджеры. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10544793> (дата обращения: 23.01.2022).

³ WhatsApp, WeChat and Facebook Messenger Apps – Global usage of Messaging Apps, Penetration and Statistics. URL: <https://www.messengerpeople.com/global-messenger-usage-statistics/#APAC> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Режим доступа СПС «Консультант Плюс».

РФ), скрытой (завуалированной) вредоносной информации (ст. 13.15 КоАП РФ), демонстрация символики и

атрибутики, запрещенной законодательством (ст. 20.3 КоАП РФ) и др.

Таблица 1

Сравнение популярности социальных сетей, в млн пользователей

Наименование источника данных	Наименование социальной сети					
	YouTube	Instagram	Одноклассники	TikTok	Facebook	ВКонтакте
We Are Social, Hootsuite ¹ (всего пользователей в мире)	2291	1221	–	689	2740	–
Napoleon Cat ² (всего пользователей в России)	–	62,9	–	–	69,4	–
Mediascope ³ (уникальных визитов в России)	78,7	59	40,3	38	83,2	70,3
Brand Analytics ⁴ (авторов в месяц в России)	8,5	38,1	5,1	–	2,9	23,8

Таблица 2

Сравнение популярности мессенджеров, в млн пользователей⁵

Наименование источника данных	Наименование мессенджера					
	WhatsApp	Telegram	Viber	Facebook	SnapChat	Weixin/ WeChat
Statista (активных пользователей в месяц в мире)	2000	550	–	1300	538	1251
Statista (аудитория в России)	76,83	37,88	34,84	–	–	–

¹ Digital 2021 : The latest insights into the 'state of digital'. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital/> (дата обращения: 23.01.2022).

² Social media users in Russian Federation (November 2021). URL: https://napoleoncat.com/stats/social-media-users-in-russian_federation/2021/11/ (дата обращения: 23.01.2022).

³ Топ-10 ресурсов. URL: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ Социальные сети в России : цифры и тренды, осень 2021. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 23.01.2022).

⁵ Most popular global mobile messenger apps as of October 2021, based on number of monthly active. URL: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/> (дата обращения: 23.01.2022).

Рассмотрим наиболее распространенные в сети Интернет и его медиапространстве деструктивные направления информации, которая может своим наличием воздействовать на личность человека и его психическое развитие:

Информация экстремистского содержания и ее продвижение, а также деятельность различных организаций экстремистского и террористического характера.

Глобальная сеть как интеграционное, расширяющееся в масштабах мира средство коммуникации для указанных организаций является удобным инструментом осуществления пропаганды путем вербовки, радикализации и подстрекательства к совершению преступных действий, спонсирования деятельности, обучения, финансирования.

Террористы, используя социальные сети и анализируя их содержание, подбирают аудиторию для

возможной вербовки (вовлечения) по определенным критериям: возрасту, вероисповеданию, грамотности, социальному положению, этническим и национальным особенностям, политическим интересам, психологическим особенностям и др.

Пропагандистская террористическая деятельность осуществляется с помощью поощрения насилия, а также является конкретно направленной: используется на потенциальных сторонниках или противниках какой-либо организации, содержит политическую идеологию. С помощью информации деструктивного характера они стремятся подрвать социальные ценности и устроить определенные группы населения.

Продвижение идеологии убийства – группы (сообщества) о серийных убийствах, насильниках и маньяках. Данные группы позиционируют преступников, относящихся к перечисленной категории, как положительных личностей, которым надо подражать, брать

пример, преподносят их противоправные деяния, с точки зрения, «очищения» населения, борьбу за развитие общества, жертв «системы» и т. п.

Роль преступников характеризуют таким образом, чтобы у субъекта воздействия появлялись сочувствие, уважение, искреннее проникновение к личности убийцы, и в итоге, он оправдывал его действия. Подобного рода сведения, а это могут быть видео, псевдодокументальные фильмы, картинки, фальсифицированные факты, оказывает сильное психоэмоциональное воздействие на несформированное сознание аудитории (к примеру, детей), что в дальнейшем может отразиться на их психическом здоровье.

Социальные сети нередко были отмечены как платформы, на которых в результате травли человека, словесном его унижении, распространении порочащих сведений о личности, приводили к таким последствиям как «колумбайн» («скулшутинг»), суицидам, кибербуллингу и т. д.

Во многих мессенджерах имеется возможность создавать группы (во всех наиболее распространенных) или каналы (как правило, Telegram). Зачастую их тематикой являются служебные или рабочие, социальные (группы детских садов, школ, соседей по дому), новостные, развлекательные вопросы и иные. Однако нередко стали создаваться такие группы, содержание которых имеет негативное и противоправное наполнение — это могут быть и распространение порнографии, видео с насилием над людьми и животным; размещение похищенной информации с личными данными граждан, документами организаций; сведений, связанных с потреблением или местонахождением наркотических и психотропных веществ, и т. п.

Распространение получило размещение рекламы от организаций, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена, например, букмекерских контор, казино, ставок на спорт. Через создание подобных групп и каналов, пользователи имеют возможность переходить на сайты выше указанных организаций, которые могут быть заблокированы по решению суда. Пользование обозначенными ресурсами приводят к игровым зависимостям (например, лудомании, гемблингу).

Перечисленные деструктивные направления не конечны, к ним возможно отнести анархические движения в социальных сетях, суицидальные группы, группы по интересам – порнография, проституция и т. д.

Контролировать информацию, размещаемую в социальных сетях со стороны государственных органов и администраций самих ресурсов в целом возможно, и она осуществляется на достаточно высоком уровне. Но при этом иногда информацию деструктивного содержания встретить возможно, однако она оперативно удаляется, доступ к источнику блокируется, все это результат мониторинга правоохранительных органов,

автоматизированной фильтрации, модерации человеком, жалоб и обращений со стороны пользователей.

Другой проблемой являются мессенджеры, контроль и модерирование которых не всегда возможны или просты. Причиной этому служат соблюдение требований законодательства, в части, обеспечения тайны переписки (являющейся конституционным правом), сложности в техническом аспекте и автоматизации данных процессов, в юридической плоскости (нахождение администраций рассматриваемых ресурсов за границей РФ), а также технологиях защиты некоторых мессенджеров, применяемых ими самими (сквозное шифрование, «секретные чаты» и т. п.).

Приведем несколько примеров коммуникационных платформ на которых выявление деструктивной информации затруднительно.

Telegram — мессенджер, считающийся наиболее защищенным в плане безопасности для пользователя. В нем имеются функции «секретных чатов» с дополнительными параметрами шифрования (хранящие криптографические ключи на конкретном устройстве пользователя), удаление сообщения по заданному интервалу времени, сквозное шифрование, возможность редактировать и удалять сообщения в течение 48 часов, создание ботов (или «телеграмм-ботов» – специальных аккаунтов, созданных для того, чтобы автоматически обрабатывать и отправлять сообщения¹), ограничение в создании снимка экрана на смартфонах (под управлением операционной системы Android) или уведомление о производстве снимка экрана (под управлением операционной системы iOS) в «секретных чатах».

По официальной информации Роскомнадзора, блокировка Telegram была прекращена в июне 2020 г. в связи с тем, что администрация мессенджера «...готова противодействовать терроризму и экстремизму»². Однако, имеющиеся современные механизмы защиты, примененные в Telegram, создают серьезные, с технической точки зрения, преграды в мониторинге и выявлении наличия противоправной и деструктивной информации.

Помимо Telegram, также имеются и иные мессенджеры, которые по тем или иным причинам сложны в проведении мониторинга и выявления информации негативно, влияющей на пользователя: Threema, Wickr, Signal и другие. Такие ресурсы используют шифрование информации, обладают высоким уровнем анонимности.

Clubhouse — социальная сеть, основанная на создании голосовых комнат и ведении в них общения. На

¹ Боты : информация для разработчиков. Сайт про Telegram на русском (неофициальный). URL: <https://tlgm.ru/docs/bots> (дата обращения: 25.01.2022).

² О мессенджере Телерамм. Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73050.htm> (дата обращения: 25.01.2022).

сегодняшний день, не имеет такой популярности в сравнении с другими социальными сетями, по данным на февраль 2021 г. количество загрузок данного приложения составило более 8 млн¹. Особенностью платформы являются: отсутствие возможности включения камеры через приложение и осуществление входа (добавление пользователей) только по приглашению другого пользователя, который уже зарегистрирован в нем. Сервис отмечается своей конфиденциальностью: удаление чатов в автоматическом режиме после окончания беседы, что отличает его от подкаста или стрима.

Рассматриваемая социальная сеть является потенциально опасной. Во-первых, имея один аккаунт нескольким людям возможно слушать ведущуюся беседу и участвовать в ней с одного устройства, то есть установить точное количество участников беседы, их возраст, а иногда и пол, практически невозможно. Во-вторых, с технической точки зрения, сложно проводить мониторинг обсуждаемого, так как автоматизированный семантический анализ речи до сих пор несовершенен и для этого необходимо привлекать человека.

В заключение проведенного анализа социальных сетей и мессенджеров, возможно отметить следующее, распространенность данных ресурсов растет, количество пользователей соответственно увеличивается, появляются другие способы и формы их использования (бизнес, реклама, сфера услуг), однако несмотря на это, даже современные возможности модерации и мониторинга, их автоматизация не позволяют полностью исключить появление, распространение и последующего ознакомления с информацией причиняющей вред пользователю.

Данные коммуникационные платформы, по сути своей, являются отличным источником значимой информации для оперативных подразделений, однако технические трудности, соблюдение законодательных и этических норм, развитие технологий защиты информации создают препятствия и сложности для ее получения и использования в деятельности по противодействию преступности.

Список источников

1. Арифханова, С. Н. Исследование воздействия деструктивного контента на молодежную аудиторию / С. Н. Арифханова, А. В. Райков // Современное образование (Узбекистан). 2021. № 6 (103). С. 36–43.
2. Друкер, М. М. Способы трансляции деструктивных смысловых компонентов контента социальных медиа // Вопросы журналистики,

педагогика, языкознания. Том 39. № 2. 2020. С. 144–150.

3. Минаев, В. А. Применение глубинных нейронных сетей для выявления деструктивного контента в социальных медиа / В. А. Минаев, Е. С. Поликарпов, А. В. Симонов // Информация и безопасность. 2021. Т. 24. № 3. С. 361–372.
4. Определение ареала распространения деструктивного контента в социальной сети / Д. А. Ишков, О. Н. Чопоров, Д. О. Карпеев [и др.] // Информация и безопасность. 2019. Т. 22. № 3. С. 361–372.
5. Охупкин В. П., Охупкина Е. П., Исхакова А. О., Исхаков А. Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие в социальных сетях // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2020;8(1) [электронный ресурс]. Доступно по: https://moit.vivt.ru/wp-content/uploads/2020/02/OkhupkinSoavtors_1_20_1.pdf (дата обращения: 25.01.2022).
6. Социальные сети как среда распространения деструктивного контента / А. В. Паринов, Д. В. Гусев, Е. А. Автонова [и др.] // Информация и безопасность. 2017. Т. 20. № 1. С. 5–38.
7. Тазин, И. И. Правовое обеспечение информационно-психологической безопасности несовершеннолетних // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (121). С. 220–225.
8. George M. The Importance of Social Media Content for Teens' Risks for Self-harm // Journal of Adolescent Health 65 (2019). P. 9–10. URL: [https://www.jahonline.org/article/S1054-139X\(19\)30243-5/fulltext](https://www.jahonline.org/article/S1054-139X(19)30243-5/fulltext) (дата обращения: 25.01.2022).

References

1. Arifxanova, S. N. Study of the impact of destructive content on the youth audience // S. N. Arifxanova, A. V. Rajkov // *Sovremennoe obrazovanie (Uzbekistan)*. 2021. № 6 (103). P. 36–43.
2. Druker M. M. 2020. Ways to broadcast destructive semantic components in social media content. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (2):144-150 (in Russian).
3. Minaev V. A., Polikarpov E. S., Simonov A. V. Application of deep neural networks to identify destructive content in social media // *Information and Security*. 2021. Vol. 24. № 3. P. 361–372.
4. Ishkov D. A., Choporov O. N., Karpeev D. O., Parinov A. V., Stefanovich Y. Determination of areal of spread of destructive content in the social network // *Information and Security*. 2019. Vol. 22.

¹ Количество загрузок аудиоприложения Clubhouse в мире превысило 8 млн. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/421557-kolichestvo-zagruzok-audioprilozheniya-clubhouse-v-mire-prevysilo-8-mln> (дата обращения: 25.01.2022).

- № 3. P. 361–372.
- Okhapkin V. P., Okhapkina E. P., Iskhakova A. O., Iskhakov A. Y. Destructive informational and psychological influence in social networks. Modeling, Optimization and Information Technology. 2020;8(1). [Electronic resource]. Available from: https://moit.vivt.ru/wp-content/uploads/2020/02/OkhapkinSoavtors_1_20_1.pdf (accessed: 23.01.2022).
 - Parinov A.V., Gusev D. V., Antonova E. A., Gusev E.V., Kurguzkin V.A., Tikhonova S. S. Social networks as a propagation medium of destructive content // Information and Security. 2017. Vol. 20. № 1. P. 5–38.
 - Tazin I. I. Legal security for information psychological safety of minors // TSPU Bulletin. 2012. 6 (121). P. 220–225.
 - George M. The Importance of Social Media Content for Teens' Risks for Self-harm // Journal of Adolescent Health 65 (2019). P. 9–10. URL: [https://www.jahonline.org/article/S1054-139X\(19\)30243-5/fulltext](https://www.jahonline.org/article/S1054-139X(19)30243-5/fulltext) (accessed: 23.01.2022).

Информация об авторе

В. Н. Цимбал — заместитель начальника кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. N. Tsimbal — Deputy Head of the Department of Information Security of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.07.2022.

Гражданский процесс. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья
УДК 343.43:34.05
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-275-279>
НИОН: 2003-0059-4/22-393
MOSURED: 77/27-003-2022-04-592

Противодействие незаконной трансплантации органов и тканей в зарубежном законодательстве

Вадим Андреевич Чукреев

Прокуратура Свердловской области, Екатеринбург, Россия, chukreevva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовно-правовых норм зарубежных стран, таких как США, Индии и других в области криминализации незаконной торговли органами и тканями и противодействия указанным преступлениям.

Ключевые слова: незаконная трансплантация, торговля органами и тканями, зарубежное законодательство, уголовно право, имплементация

Для цитирования: Чукреев В. А. Противодействие незаконной трансплантации органов и тканей в зарубежном законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 275–279. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-275-279>.

Original article

Countering illegal organ and tissue transplantation in foreign legislation

Vadim A. Chukreev

Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, chukreevva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the criminal law of foreign countries in the field of criminalization of illegal trade in organs and tissues, reveals a number of legal acts regulating this issue, and displays the main approaches of different criminal systems of foreign law.

Keywords: illegal transplantation, trade in organs and tissues, foreign legislation, criminal law, implementation

For citation: Chukreev V. A. Countering illegal organ and tissue transplantation in foreign legislation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):275–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-275-279>.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), торговля органами — это коммерческая трансплантация, приносящая прибыль, или трансплантации, которые происходят за пределами национальных медицинских систем. Существует глобальная потребность или спрос на здоровые части тела для трансплантации больным людям, они, к сожалению, превышают доступные количества.

Во всем мире существует нехватка органов, доступных для трансплантации [28], однако коммерческая торговля человеческими органами запрещена во всех странах, кроме Ирана. Несмотря на эти запреты, незаконная торговля органами и трансплантационный туризм остаются широко распространенными во всем мире. Тайный характер преступления в сочетании с недостаточной осведомленностью со стороны правоохранительных органов и отсутствием каналов обмена

информацией между медиками и сотрудниками полиции привели к тому, что незаконная трансплантация органов стала одной из наименее регистрируемых форм торговли людьми во всем мире. Вопрос о том, следует ли легализовать и регулировать торговлю органами для борьбы с их незаконным оборотом и нехваткой органов, широко обсуждается.

Иран является единственной страной в мире, где продажа органов является законной, и установлена базовая цена на органы в размере 4600 долларов, но это только в том случае, если органы приобретаются легально, что часто не так, поскольку бедняки все еще обращаются к посредникам, которые получают неизвестные суммы [1].

Можно было бы надеяться, что только несколько изолированных стран являются основными участниками торговли органами, но, к сожалению, это гло-

© Чукреев В. А., 2022

бальный бизнес, когда органы покупаются у бедных и продаются богатым [2]. Реципиенты органов, участвующие в трансплантационном туризме, в основном поступают из США, Канады, Саудовской Аравии, стран Персидского залива, Японии и Тайваня направляют их в Коста-Рику, Панаму, Эквадор, Колумбию, Египет, Косово, Кипр, Израиль, Азербайджан, Китай и Филиппины [3].

По состоянию на январь 2020 года в США более 100 000 кандидатов ожидают пересадки органов [4]. Среднее время ожидания пересадки сердца и печени в США в период с 2003 по 2014 год составляло примерно 148 дней, а примерное время ожидания донорских органов значительно варьируется в зависимости от статуса пациента, так, пациенты со статусом сердца A1 ждут в среднем 73 дня [5].

До введения NOTA не существовало четкой юрисдикции в отношении прав собственности на человеческий труп. Вместо этого Америка применила к трупу «квазиправо», что означало, что родственники умершего имели право достаточно долго решать как похоронить или избавиться от трупа. Это не было правом собственности и не давало им право передавать или сдавать в аренду человеческие органы и ткани [6]. Из-за нехватки органов и растущего спроса на трансплантацию, люди начали использовать другие способы приобретения органов, чаще — вне больничных условий, незаконно. Так оборот органов начал превращаться в коммерческий рынок. Х. Барри Джейкобс, глава компании из Вирджинии, объявил в 1983 г. о новом плане по покупке и продаже человеческих органов по которому здоровые человеческие почки стоили до 10 000 долларов плюс комиссионный сбор от 2 000 до 5 000 долларов для Джейкобса [6]. Это вывело проблему на чистую воду. Национальный закон о трансплантации органов от 1984 года (NOTA) стал ответом на это предложение, объявивший преступлением передачу человеческих органов за вознаграждение в целях трансплантации человеку [7]. NOTA запретил покупку и продажу органов для трансплантации, создал целевую группу по трансплантации органов и административное подразделение в Министерстве здравоохранения и социальных служб для управления реестрами доноров и реципиентов органов.

В Соединенных Штатах, также было принято 26 законодательных акта, направленных на регулирование трансплантации и донорства органов (Управление ресурсов и услуг здравоохранения (HRSA)). Эти правила определяют, например, что считается смертью, что представляет собой согласие на донорство органов и устанавливают положения о национальных наградах за донорство органов.

Правоохранительные органы и Министерство юстиции США (DOJ) могут выдвигать обвинения в преступлениях, связанных с международной торговлей органами. 11 июля 2012 года Исаак Розенбаум, гражданин Израиля, был осужден за приобретение,

получение и передаче человеческих органов за ценное вознаграждение для использования при трансплантации человека [8]. Согласно пресс-релизам Министерства юстиции, Розенбаум способствовал продаже органов от граждан Израиля, которые отправлялись в Соединенные Штаты для трансплантации своих органов американским реципиентам. Розенбаум фабриковал легенды для прикрытия, чтобы ввести в заблуждение практикующих врачей США относительно соглашений, заставив их поверить в то, что органы были действительно пожертвованы [9; 10]. Дело Розенбаума было первым федеральным приговором за незаконную трансплантацию почек в соответствии с Национальным законом о трансплантации органов [11].

Соединенные Штаты остаются главным получателем органов — предметов торговли.

В 2008 году представители научных и медицинских организаций со всего мира, правительственные чиновники, социологи и специалисты по этике приняли участие в саммите в Стамбуле для решения проблем незаконной продажи органов, трансплантационного туризма в контексте глобальной нехватки органов [12]. В результате страны приняли Стамбульскую декларацию о торговле органами и трансплантационном туризме, в которой рекомендуется странам сформировать правовую основу для регулирования деятельности по донорству органов и трансплантации. Кроме того, Стамбульская декларация (2008 г.) была разработана более чем 150 представителями из 78 стран мира и определила понятие торговли органами, коммерциализации трансплантации и трансплантационный туризм, а также дала конкретные рекомендации по возмещению расходов и набору живых доноров. В пересмотренном издании Стамбульской декларации 2018 года были даны дополнительные определения торговли органами, в частности торговля людьми с целью извлечения органов, самообеспеченность донорством органов и финансовые аспекты донорства органов.

После Стамбульской декларации Всемирная организация здравоохранения, Всемирная медицинская ассоциация опубликовали руководящие принципы и принципы этического получения органов от живых и умерших доноров по их согласию, а также этические ограничения для медицинских работников, выполняющих трансплантацию органов. Однако, к сожалению, ни один из этих документов не имеет обязательной юридической силы, а Европейская конвенция обязательна только для тех европейских государств-членов, которые ее ратифицировали.

Форма торговли людьми, которая, как предполагается, в значительной степени затрагивает Северную и Западную Африку, где бедные общины более уязвимы для эксплуатации. Все страны Северной Африки одобрили Стамбульскую декларацию через национальное общество нефрологических учреждений. Из Западной Африки только Мали поддержала Декларацию [13]. Во всех странах Северной Африки есть программы транс-

плантации, хотя и развитые на разном уровне [14]. В Западной Африке, Нигерии и Гане созданы центры трансплантации. В Гане в 2015 г. был создан национальный регистр терминальной стадии болезни почек и трансплантации почки [15]. В 2012 г. в Кот-д'Ивуаре было разрешено донорство органов.

В Северной и Западной Африке число стран, в которых действуют юридические требования в отношении донорства органов и тканей от живых доноров очень низкое. В некоторых странах нет конкретных руководств или органов для судебного преследования за незаконную трансплантацию, вместо этого это преступление регулируется национальным законодательством о борьбе с торговлей людьми.

После Стамбульской декларации Египет принял Закон о трансплантации органов и тканей человека (2010 г.) и учредил «Высший комитет по трансплантации органов», ответственный за регулирование и надзор за всеми процедурами. Закон устанавливает уголовную ответственность за торговлю органами и устанавливает строгие наказания для врачей, больниц и медицинских учреждений, выполняющих незаконные процедуры трансплантации органов. В 2017 году Законодательный комитет парламента Египта одобрил поправки к Закону о трансплантации органов и тканей человека с целью ужесточения наказаний за незаконный оборот органов [16]. В целом, национальные правовые запреты в Северной и Западной Африке недостаточны для обеспечения эффективного надзора, необходимого для внедрения стандартов качества трансплантации органов [17].

Многие страны, в которых действуют программы для живых доноров, основанные на альтруизме, предусматривают, что между донором и реципиентом должна быть какая-то форма отношений, чтобы свести к минимуму риски. В Египте, например, запрещена трансплантация органов иностранным пациентам (за исключением случаев супружеских отношений с иностранцами). Тем не менее преступным сообществам удается маскировать ложные отношения под законные, подделывая официальные документы.

С конца 1980-х годов Китай полагался на казенных заключенных, которые обеспечивали большую часть пересаженных органов [18]. Этот готовый источник органов сделал его вторым после Соединенных Штатов по количеству выполненных трансплантаций [32]. Есть свидетельства того, что правительство пыталось приуменьшить масштабы извлечения органов с помощью соглашений о конфиденциальности [19] и законов, например, таких как Временные правила использования трупов или органов из трупов казенных заключенных [20]. Критики утверждают, что органы распределялись не по необходимости, а распределялись через коррумпированную систему или просто продавались богатым китайцам и иностранцам. По оценкам одного источника, в 2006 году Китай казнил не менее 4000 заключенных, чтобы поставить пример-

но 8000 почек и 3000 печенок иностранным покупателям [21].

В 2000-х годах Китай подвергся растущему международному и внутреннему давлению с требованием положить конец практике использования органов заключенных. С тех пор он осуществил ряд реформ, касающихся этих обвинений. Он разработал реестр добровольных доноров, не находящихся в заключении; считается, что эти живые и умершие доноры поставляют большую часть органов, пересаживаемых сегодня в стране. Китай также стандартизировал процесс забора органов, указав, какие больницы могут проводить операции, и установив юридическое определение смерти мозга. В 2007 году Китай запретил трансплантацию иностранным пациентам, и официально объявил вне закона продажу органов и сбор органов человека без их согласия [33].

Многие некоммерческие организации и международные юристы скептически относятся к тому, что Китай действительно реформировал свою индустрию трансплантации органов, тем не менее в уголовный кодекс Китая предусматривает наказание за незаконную торговлю органами. Согласно статье 234 (1) Уголовного кодекса: «лица, причастные к незаконной торговле органами, могут быть привлечены к ответственности с организацией других для продажи человеческих органов, умышленное нападение, приведшее к телесным повреждениям или убийству, в случае изъятия органа у человека без его согласия или от несовершеннолетнего в возрасте до 18 лет, принуждение или обман другого человека к пожертвованию органов или кражи или в случае извлечения органов умершего человека» [22].

До 1994 года в Индии не было законодательства, запрещающего продажу органов [29]. Низкие затраты и высокая доступность позволили привлечь клиентов со всего мира и превратили Индию в один из крупнейших центров трансплантации почек в мире. Пациентам часто обещали выплаты, намного превышающие те, что они фактически получали. Другие пациенты сообщили, что их почки были удалены без их согласия после того, как они прошли медицинские процедуры по другим причинам [23].

В 1994 году в стране был принят Закон о трансплантации органов человека, запрещающий торговлю органами и поощряющий посмертное донорство органов [30]. Основным механизмом закона для предотвращения продажи органов было ограничение по донорам, в частности, запрещено незнакомцам делать пожертвования друг другу; человек может пожертвовать только родственнику, супругу или кому-то, связанному с ним какой-либо «привязанностью». Однако на практике люди обходят ограничения закона, чтобы продолжать торговлю органами. Часто заявления о «привязанности» необоснованно, а донор органов не имеет никакого отношения к реципиенту. Во многих случаях донор может не быть индийцем или даже говорить на том же языке, что и реципиент, иногда доно-

ры вступали в фиктивный брак с реципиентами [24].

Для противодействия неконтролируемой торговле органами, индийский парламент в 1994 году принял закон, запрещающий коммерческие сделки с человеческими органами. Существуют ограничения на изъятие человеческих органов, а также правила специализированных больниц, чтобы обеспечить прозрачность для всех заинтересованных сторон. Цель Закона о трансплантации органов человека состоит в том, чтобы обеспечить регулирование изъятия, хранения и трансплантации органов человека в терапевтических целях и для предотвращения коммерческих сделок с человеческими органами.

Принятие Закона о трансплантации органов человека ознаменовало новую эру в индийской медицине, он был написан по тому же принципу, что и Закон Великобритании о трансплантации. Закон содержит положения о признании смерти мозга как определение смерти человека, запрет на коммерческую торговлю органами и определяет родственников (отца, мать, брата, сестру, сына, дочь и жену), которые могут без разрешения правительства пожертвовать органы.

Также Закон не разрешает самостоятельные денежные отношения между донором и реципиентом, неродственный донор должен подать в суд магистрата заявление под присягой, в котором говорится, что орган передается из чувства привязанности. После чего донор должен пройти ряд тестов, прежде чем состоится фактическая трансплантация. Уполномоченный комитет, созданный для этой цели, обеспечивает проверку всех документов, требуемых в соответствии с законом. Если выяснится, что деньги были уже переданы, то и получатель, и даритель признаются преступниками.

Согласно индийскому законодательству, продажа органов за рубеж запрещена, поэтому ни один иностранец не может получить местного донора. Законы о пересадке органов человека в Индии очень строгие, и штрафы за торговлю органами также очень высоки [25].

Хотя продажа органов не была законной на Филиппинах, до 2008 года эта практика допускалась и даже поддерживалась правительством. Филиппинское информационное агентство — подразделение правительства, даже продвигало пакет услуг «все включено» для трансплантации почки, которые продавались в розницу примерно за 25 000 долларов. Сами доноры часто получали за свои почки всего 2000 долларов [26]. Страна была популярным местом для трансплантационного туризма, до 2008 г. в стране ежегодно продавалось 800 почек [27], а в 2005 г. ВОЗ включила его в пятерку лучших мест для трансплантационных туристов.

В марте 2008 года правительство приняло новый закон, вводящий в действие запрет на продажу органов, после этого количество трансплантаций сократилось с 1046 в 2007 г. до 511 в 2010 г. [31] С тех пор правительство заняло гораздо более активную позицию в отношении трансплантационного туризма.

Хотя существует множество законодательных ак-

тов, касающихся торговли органами, правоохранительным органам не удалось обеспечить их выполнение. Одним из препятствий для правоприменения является отсутствие связи между медицинскими и правоохранительными органами, зачастую доступ сотрудников полиции к информации о лицах, причастных к незаконной пересадке органов затруднен из-за правил конфиденциальности медицинской информации. Ученые говорят, что для эффективного противодействия незаконной торговле органами, полиция должна сотрудничать с медицинскими работниками, также необходимо международное сотрудничество в трансграничных правонарушениях; и дальнейшая специальная подготовка сотрудников полиции.

Список источников / References

1. Krishnan, M. (2018). Legalizing trafficking : Iran's unjust organ market and why legal selling of organs should not be the resolve. Berkeley Political Review. Retrieved from <https://bpr.berkeley.edu/2018/05/03/legalizing-trafficking-irans-unjust-organ-market-and-why-legal-selling-of-organs-should-not-be-the-resolve/>
2. European Union. (2015). Trafficking in Human Organs. European Union Directorate-General for External Policies Policy Department. Retrieved from http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549055/EXPO_STU%282015%29549055_EN.pdf
3. Shimazono, Y. (2007). The state of the international organ trade : a provisional picture based on integration of available information. Bulletin of the World Health Organization, 85(12), 901–980. Retrieved from <https://www.who.int/bulletin/volumes/85/12/06-039370/en/>
4. «Data — OPTN». optn.transplant.hrsa.gov. Archived from the original on 2017-10-01. Retrieved 2019-11-12.
5. «National Data — OPTN». optn.transplant.hrsa.gov. Archived from the original on 2019-11-07. Retrieved 2019-11-12.
6. Mayes, Gwen. «Buying and Selling Organs for Transplantation in the United States». Medscape Education 4, № 3 (2003): 1–4.
7. National Organ Transplantation Act of 1984, Pub L. 98–507, 98 Stat. 2339–2348 (Oct. 19, 1984).
8. Per the U.S. District Court indictment, Rosenbaum was charged pursuant to 18 U.S.C. §371, conspiracy to defraud the United States, and 42 U.S.C. §274e, prohibition of organ purchases and was subject to criminal forfeiture under 18 U.S.C. §982. United States of America v. Levy Lzhak Rosenbaum, Crim. № 11, U.S. District Court, District of New Jersey (2011).
9. DOJ, «First Federal Defendant Convicted For Profiting From Illegal Kidney Transplants Sentenced To Prison», press release, July 11, 2012.
10. DOJ, «Brooklyn Man Pleads Guilty In First Ever

- Federal Conviction For Brokering Illegal Kidney Transplants For Profit», press release, October 27, 2011.
11. According to DOJ, there are no DOJ records of other cases being filed pursuant to the statute. CRS correspondence with DOJ, October 18, 2021. Individuals have also been charged for other offenses relating to organ trafficking.
 12. Declaration of Istanbul, Preamble.
 13. Information retrieved from Declaration of Istanbul website, <https://www.declarationofistanbul.org/endorsements> (accessed: 02.12.2020).
 14. Saraladevi N. & Vivekanand J. «Nephrology in Africa: forgotten no more», International Society of Nephrology, 2020, <https://www.kidney-international.org/action/showPdf?pii=S0085-2538%2820%2930908-X> (accessed: 26.04.2021).
 15. A review of policies and programmes for human organ and tissue donations and transplantations, WHO African Region, Bulletin of the World Health Organization, 98:420–425, 2020, <http://dx.doi.org/10.2471/BLT.19.236992> (accessed: 20.04.2021).
 16. Parliament committee approves harsher penalties in Organ Transplant Law, Egypt Independent, 4 May 2017, <https://egyptindependent.com/parliament-committee-approves-harsher-penalties-organ-transplant-law/> (accessed: 26.04.2021).
 17. Organ Donation and Transplantation in Sub-Saharan Africa : Opportunities and Challenges, INTECHOPEN, Op. Cit.
 18. Annika Tibell. The Transplantation Society's Policy on Interactions With China Archived 2018-07-12 at the Wayback Machine 2007.
 19. Hemphill, Joan E. (2007). «China's Practice of Procuring Organs From Executed Prisoners : Human Rights Groups Must Narrowly Tailor Their Criticism and Endorse the Chinese Constitution to End Abuses». Pacific Rim Law & Policy Journal Association. 16 (2): 431–57.
 20. Glaser, Sheri R. (2007). «Formula to Stop the Illegal Organ Trade: Presumed Consent Laws and Mandatory Reporting Requirements for Doctors». Human Rights Brief. Archived from the original on 2020-12-05. Retrieved 2018-12-16.
 21. Delmonico, Francis L. (2009). «The Implications of Istanbul Declaration on organ trafficking and transplant tourism». Current Opinion in Organ Transplantation. 14 (2): 116–19. doi:10.1097/MOT.0b013e32832917c9. PMID 19300258. S2CID 205837499. Archived from the original on 2021-10-26. Retrieved 2020-01-21.
 22. Criminal Code of the Republic of China / Ministry of Justice 法務部// <https://law.moj.gov.tw/ENG/LawClass/LawAll.aspx?pcode=C0000001>.
 23. Hub For Global Organ Trade. Archived from the original on 2011-06-11. Retrieved 2008-05-01.
 24. The trade in human organs in Tamil Nadu : the anatomy of regulatory failure. Archived from the original on 2008-05-18. Retrieved 2008-05-01.
 25. Nupur Nadir, Organ Transplantation Law In India // <https://legalserviceindia.com/article/I224-Organ-Transplantation-Law-In-India.html>.
 26. Turner, Leigh (2009). «Commercial Organ Transplantation in the Philippines». Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 18 (2): 192–96. doi:10.1017/S0963180109090318. PMID 19263601. S2CID 18672908. Archived from the original on 2021-10-26. Retrieved 2019-12-06.
 27. Cabral warns : No more organs for sale in Philippines. Arab News. 2009-06-26. Archived from the original on 2020-11-24. Retrieved 2018-12-20.
 28. Experts warn against organ trade. BBC News. 2007-01-08. Archived from the original on 2019-03-30. Retrieved 2008-02-18.
 29. Unnithan, Sandeep; Datta, Damayanti (14 February 2008). «Life and crimes of a kidney don». India Today. Archived from the original on 2018-12-21. Retrieved 2018-12-20.
 30. India Kidney Trade. Archived from the original on 2008-05-01. Retrieved 2008-05-01.
 31. Agence France-Presse (July 28, 2010). «Ban on human organ sales working». The Sydney Morning Herald. Archived from the original on August 12, 2017. Retrieved February 20, 2020.
 32. Denyer, Simon (15 September 2017). «China used to harvest organs from prisoners. Under pressure, that practice is finally ending». Archived from the original on 4 October 2017. Retrieved 13 December 2018.
 33. «人体器官移植条例». www.gov.cn. Archived from the original on 2018-10-09. Retrieved 2018-12-13.

Информация об авторе

В. А. Чукреев — заместитель прокурора Прокуратура Свердловской области, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. A. Chukreev — Deputy Prosecutor of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.
The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-280-283>

НИОН: 2003-0059-4/22-394

MOSURED: 77/27-003-2022-04-593

О месте криминалистического сканирования в системе криминалистической техники

Владислав Николаевич Чулахов¹, Иван Сергеевич Лукинский²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ chulahov@mail.ru

² ivanlukinsky@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс развития отрасли криминалистической техники — криминалистическая фотография и видеозапись. Предлагается перспектива дополнения существующей отрасли новым направлением криминалистически значимых знаний, объединяющим способы и методы применения трехмерных сканеров во всей совокупности криминалистической деятельности.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, криминалистика, криминалистическая техника, криминалистическая фотография и видеозапись, трехмерное сканирование, 3-D сканер

Для цитирования: Чулахов В. Н., Лукинский И. С. О месте криминалистического сканирования в системе криминалистической техники // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 280–283. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-280-283>.

Original article

About the place of forensic scanning in the system of forensic technology

Vladislav N. Chulakhov¹, Ivan S. Lukinsky²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ chulahov@mail.ru

² ivanlukinsky@yandex.ru

Abstract. The article deals with the process of development of forensic technology branch — forensic photography and video recording. It is proposed the prospect of supplementing the existing industry with a new direction of forensically significant knowledge, unifying methods of using three-dimensional scanners in the whole range of forensic activities.

Keywords: forensic activity, criminalistics, forensic equipment, forensic photography and video recording, three-dimensional scanning, 3-D scanner

For citation: Chulakhov V. N., Lukinsky I. S. About the place of forensic scanning in the system of forensic technology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):280–283. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-280-283>.

Криминалистика, как и любая другая наука, имеет свою систему накопленных знаний, состоящую из взаимосвязанных, но в то же время обособленных разделов в соответствии с решаемыми задачами. Одним из таких разделов является криминалистическая техника, которой принадлежала ключевая роль в развитии

криминалистики как науки на начальном этапе, поскольку в ходе становления последней основная часть функций отводилась именно техническим средствам получения доказательств. Сегодня криминалистическая техника — это раздел криминалистики, представляющий собой систему теоретических положений

© Чулахов В. Н., Лукинский И. С., 2022

и разработанных на их основе практических рекомендаций по применению научно-технических средств и методов собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Стоит отметить, что в условиях современного активного технического прогресса система криминалистической техники очень динамична — появляются новые отрасли и содержательно изменяются старые. Сложилось так, что отрасли криминалистической техники выделены не по единому основанию. Большинство из них сформировались по видам используемых в доказывании следов и соответственно методам, способам их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования. К таковым относятся трасология, судебная баллистика, криминалистическая одорология, криминалистическая фоноскопия и т. д.

Но есть в системе криминалистической техники отрасль, которая отличается от всех остальных тем, что посвящена отдельным техническим средствам, которые используются в криминалистической практике. Таковой является «Криминалистическая фотография и видеозапись». Данная отрасль сложилась одной из первых как система научных и практических положений и образовалась благодаря изобретению фотографии, возможности которой для расследования преступлений полицейские оценили по достоинству и стали применять в своей деятельности. В задачи отрасли входили разработка и совершенствование фотографических средств и методов для использования при проведении осмотров мест преступлений с целью фиксации произошедшего и обнаруженных доказательств (запечатлевающая, измерительная фотография), в уголовной регистрации преступников (опознавательная фотография), а также в исследовании доказательств (исследовательская фотография).

На протяжении всего времени содержание и, соответственно, название отрасли исторически менялись по мере развития и внедрения в криминалистическую практику соответствующих технических средств. Происходило это не сразу, а постепенно, и только тогда, когда новые средства вытесняли предыдущие, превосходя их по мобильности и качеству. Каждое новое техническое средство фиксации приносило новые возможности для криминалистики, а также удобство и простоту в использовании.

На первоначальном этапе содержание «молодой» криминалистической фотографии соответствовало состоянию общей фотографии того времени и разви-

валось вместе с ней. Постепенно модернизировались новые фотоаппараты, дополнительные приспособительные средства к ним и фотоматериалы, совершенствовался сам процесс получения фотоснимков.

С появлением кино и развитием киноиндустрии в судебно-следственной практике стали активно использовать наряду с фотоаппаратами кинозаписывающую аппаратуру. По сравнению с фотографией кино съемка позволяла запечатлевать происходящие действия в динамике, что расширяло возможности визуализации. Кино съемку стали использовать при производстве не только осмотра места происшествия, но и следственного эксперимента и других следственных действий, а сама отрасль получила название «Криминалистическая фотография и кино съемка».

Со временем кино съемку заменила видеозапись. Видеозаписывающая аппаратура превосходила кинозаписывающую по многим параметрам, и в первую очередь, по возможности производить съемку одновременно с аудиозаписью. Да и сам процесс подготовки конечного результата фиксации стал намного проще, быстрее и менее затратнее, а процесс ознакомления участников следственного действия с произведенной записью еще удобнее. Но, несмотря на явные преимущества видеозаписи перед кинозаписью, еще довольно продолжительное время отрасль называлась «Криминалистическая фотография, кино съемка и видеозапись», пока производство киноаппаратов и материалов к ним не прекратилось полностью, и кино съемка как средство фиксации в судебном производстве перестала использоваться совсем.

Качественные изменения произошли и в самой фотографии. Аналоговую фотографию заменила цифровая фотография, основывающаяся на получении изображения на оптоэлектронных световоспринимающих устройствах с последующей обработкой с помощью компьютерных средств и технологий. Несмотря на объективные преимущества цифровой фотографии над ее предшественницей – быстрота и простота изготовления, передачи, размножения, хранения, обработки фотоснимков, удобство составления фототаблиц с помощью автоматизированных программ — у этого технического новшества вначале были противники внедрения в судебную практику. Сегодня об этом никто не спорит, и цифровую фотографию повсеместно используют в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Сегодня мы являемся свидетелями появления и быстрого распространения нового средства фиксации — сканирующих устройств. Современный этап

развития науки и техники предоставил человечеству такую инновационную систему как трехмерное моделирование, действующую на основе трехмерного сканера и специализированного программного обеспечения. Трехмерный сканер представляет собой аппаратно-программный комплекс, способный создавать цифровые данные формы исследуемого объекта в трех измерениях. Принцип работы такого аппарата заключается в формировании массива точек с пятью характеристиками (пространственные координаты (x, y, z), интенсивность и реальный цвет) за счет отражений лазера от объектов, находящихся в поле зрения сканера.

Сопоставляя принципы, на которых основаны фотографирование и сканирование, следует отметить следующее. Фотография представляет собой способ получения, видимого изображения предметов на светочувствительных материалах с помощью специального оптического аппарата [1, с. 580]. Сканирование элемента исследуемого объекта (сканирование) — это построчное перемещение зонда над выбранным элементом рельефа поверхности исследуемого объекта с одновременной регистрацией информативного сигнала [2]. Как следует из сущности двух видов фиксации, способ получения цифровой модели (изображения) фиксируемого объекта с помощью трехмерного сканера принципиально отличается от фотографического. При этом сканирование для расследования имеет следующие дополнительные преимущества:

1) благодаря трехмерному изображению при сканировании максимально полно и точно фиксируются обстановка, предметы и их особенности, а также размеры и расстояния;

2) субъекты расследования имеют возможность виртуального присутствия на месте происшествия с помощью шлема виртуальной реальности;

3) по сканированным отображениям объектов в дальнейшем возможно проводить судебные экспертизы, например, трасологические, автотехнические и другие;

4) в результате сканирования имеется возможность автоматизированного составления точной схемы места происшествия в соответствующем масштабе, что исключает составление планов и схем вручную.

Указанные отличия позволяют заключить, что трехмерный сканер не является средством судебной фотографии, в т. ч. видеозаписи. В связи с этим полагаем необходимым дополнить систему криминалистической техники новой отраслью криминалистически значимых знаний, отражающей способы и методы

применения трехмерных сканеров в криминалистической деятельности. Предлагается сформировать новую систему теоретических и практических знаний под названием «Криминалистическое сканирование» и структурно включить ее в отрасль, посвященную средствам фиксации и исследования доказательств, дав ей общее название «Криминалистическая фотография, видеозапись и криминалистическое сканирование». При этом криминалистическое сканирование следует рассматривать как дополнительное средство фиксации к фотографированию и видеозаписи.

Список источников

1. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. Москва : Русский язык, 1985–1988.
2. ГОСТ Р 8.635-2007 : Государственная система обеспечения единства измерений. Микроскопы сканирующие зондовые атомно-силовые. Методика калибровки.

References

1. Dictionary of the Russian language : in 4 volumes. / Academy of Sciences of the USSR, In-t Rus. yaz.; [Chief editor A. P. Evgeniev; performed by L. P. Alektorova, etc.]. 3rd edition, erased. Moscow : Russian Language, 1985–1988.
2. GOST R 8.635-2007 : State system for ensuring the uniformity of measurements. Scanning probe atomic force microscopes. Calibration procedure.

Библиографический список

1. Криминалистика. Полный курс. В 2 ч. Часть : учебник для бакалавриата и специалитета / Под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2018. 449 с.
2. Естественно-научная криминалистика : (опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений) : Пер. с нем. М. : Юрид. лит., 1985. 304 с. с илл.
3. Криминалистика : учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. 781 с.

Bibliographic list

1. Criminalistics. Full course. At 2 p. Part : a textbook for undergraduate and specialist studies

- / Under the general. ed. V. V. Agafonova, A. G. Filippova. 6th ed., revised. and additional. M. : Yurayt Publishing House, 2018. 449 p.
2. Natural science forensics : (experience in the use of scientific and technical means in the investigation of certain types of crimes) : Per. with him. M. : Yurid. lit., 1985. 304 p. with ill.
3. Criminalistics : textbook / Chief ed. N. P. Yablokov. 3rd ed., revised. and additional. M. : Jurist, 2005. 781 p.

Информация об авторах

В. Н. Чулахов — начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор:

И. С. Лукинский — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. N. Chulakhov — Head of the Department of Technical and Forensic Support of Expert Research of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

Lukinsky I. S. — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 11.08.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 11.08.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-284-289>

NIJON: 2003-0059-4/22-395

MOSURED: 77/27-003-2022-04-594

Проблемные вопросы уголовно-правового противодействия общественно опасной деятельности некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан

Иван Александрович Шаруха

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Diplomatus1216@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются современные проблемы, связанные с регламентацией и реализацией уголовной ответственности за общественно опасные действия, состоящие в создании различных некоммерческих организаций, включая религиозные и общественные объединения, посягающих на личность и права граждан, а также в руководстве такими организациями или участии в их деятельности. Анализируется действующее законодательство и позиции учёных, приводятся статистические данные и примеры из судебной практики, формулируются выводы и предложения по выделенным проблемным вопросам.

Ключевые слова: некоммерческая организация, общественно опасная деятельность, религиозное или общественное объединение, уголовная ответственность

Для цитирования: Шаруха И. А. Проблемные вопросы уголовно-правового противодействия общественно опасной деятельности некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 284–289. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-284-289>.

Original article

Problems of criminal law counteraction to socially dangerous activities of non-profit organizations that infringe on the identity and rights of citizens

Ivan A. Sharukha

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Diplomatus1216@gmail.com

Abstract. The current problems related to the regulation and implementation of criminal liability for socially dangerous actions, consisting in the creation of various non-profit organizations, including religious and public associations, encroaching on personality and the rights of citizens, as well as in the management of such organizations or participation in their activities are considered. The current legislation and the positions of scientists are analyzed, statistical data and examples from judicial practice are provided, conclusions and proposals on the highlighted problematic issues are formulated.

Keywords: non-profit organization, socially dangerous activity, religious or public association, criminal liability

For citation: Sharukha I. A. Problems of criminal law counteraction to socially dangerous activities of non-profit organizations that infringe on the identity and rights of citizens. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):284–289. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-284-289>.

Каждый человек имеет гарантированную Конституцией Российской Федерацией возможность осуществлять свои права и свободы не только лично, но и совместно с другими людьми, в том числе в составе

различных коллективных образований, например, в качестве участника религиозного или иного общественного объединения, относящихся к категории некоммерческих организаций. При этом важно не

допустить, чтобы данные организации в своей деятельности фактически преследовали противозаконные цели, связанные с нарушением прав и законных интересов их участников, а равно других граждан, охраняемых законом интересов общества и государства. В частности, для предотвращения общественно опасной деятельности подобных организаций в ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрена ответственность за следующие виды общественно опасной деятельности организаторов (руководителей) и (или) иных участников некоммерческих организаций:

- создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением (ч. 1);
- создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией либо ее структурным подразделением (ч. 2);
- участие в деятельности данных организаций, а равно пропаганда указанных деяний (ч. 3).

Перечисленные преступные деяния посягают на комплекс общественных отношений, обеспечивающих как здоровье населения и общественную нравственность, так и установленный порядок создания, функционирования указанных организаций и объединений, а также беспрепятственную реализацию человеком и гражданином своих конституционных прав и свобод, включая право на свободу совести и вероисповедания.

Среди прочих объектов, нарушаемых деяниями, наказуемыми по ст. 239 УК РФ, особого внимания заслуживает религиозная свобода, представляющая собой одну из важнейших форм духовно-нравственного самоопределения личности. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, эта свобода является внутренним делом каждого человека и гражданина, причем она не может быть ограничена только пространством личной (частной) жизни человека и гражданина, поскольку она реализуется во внешней среде, включая массовые, коллективные формы ее выражения [1]. Поэтому конституционное право на свободу совести и вероисповедания неразрывно связано с другими правами и свободами, гарантированными Конституцией РФ, в первую очередь с правом каждого человека на

объединение (ст. 30), предполагающее обеспечение реальной возможности объединяться с другими людьми в целях исповедания определенной религии, осуществления религиозных обрядов и церемоний, распространения имеющихся религиозных убеждений, религиозное обучение и воспитание, благотворительность, миссионерскую, подвижническую и иную деятельность, основанную на соответствующем вероучении [2].

Отметим, что общественные отношения в области права человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания регулируются Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [3], тогда как правовое положение религиозных организаций (объединений) и порядок их создания, реорганизации, ликвидации и управления ими определяются еще и Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [4].

В целях обеспечения баланса конституционно значимых интересов в данной области уголовным законом установлена ответственность как за создание и участие в деятельности религиозных и иных объединений, цели и действия которых противоречат закону (ст. 239 УК РФ), так и за нарушение конституционного права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ). Считаем, что данные уголовно-правовые нормы следует применять с учетом взаимосвязей друг с другом, равно как и со статьями 282¹ и 282² УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества или деятельности экстремистской организации, участие в указанных сообществе или организации либо вовлечение в таковые.

Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 239 УК РФ, поступают в суды относительно редко. Так, согласно данным судебной статистики за период с 2016 г. по первое полугодие 2021 г. включительно по ст. 239 УК РФ по основной и дополнительной квалификации было осуждено всего 22 лица. Из них по ч. 1 ст. 239 УК РФ за создание религиозного объединения, деятельность которого связана с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно за руководство данным объединением было осуждено 7 лиц. В этот же период по ч. 2 ст. 239 УК РФ об ответственности за создание некоммерческой организации, в том числе выполняющей функции иностранного агента, структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых имеет указанный выше противоправный характер, а также за руководство такими организациями было осуждено 1 лицо. За участие в деятельности таких организаций, а равно пропаганду указанных деяний по ч. 3 ст. 239 УК РФ было осуждено 14 лиц [5].

Отметим, что уголовные дела по обвинению по ч. 1 или ч. 3 ст. 239 УК РФ за создание общественных объединений, руководство или участие в них в суды в указанный период не поступали, то есть во всех случаях правоохранительные органы выявляли противоправную деятельность именно религиозных объединений. По смыслу уголовного закона создание религиозного или общественного объединения предполагает совершение действий, в результате которых соответствующее объединение становится готовым к функционированию (подыскание участников, разработка идеологии объединения, выработка устава, регистрация учредительных документов и т. п.), тогда как руководство, по сути, заключается в выполнении функций лидера, «распорядителя» созданного объединения. При этом организованный и непрерывный характер противоправной деятельности данных объединений обеспечивается усилиями их организаторов (руководителей) и отдельных участников, вовлекающих новых членов, удерживающих их от выхода из объединения, воздействующих на их сознание и волю в своих противоправных целях [6].

Так, К. был осужден по ч. 1 ст. 239 и п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Он был признан виновным в создании религиозного объединения «Возрождение XXI век г. Омск», деятельность которого была сопряжена с насилием над гражданами, руководстве этим объединением, а также в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью двум и более лицам, выразившегося в их психическом расстройстве. По делу, в частности, установлено, что К. заключил договоры аренды помещений, организовал их оборудование для целей богослужения, вовлек других участников религиозного объединения, которым поручил выполнять обязанности бухгалтера, видео- и звукооператора, музыкантов, охранников, организовал издание и распространение брошюр с призывами к посещению богослужений. В дальнейшем К. еженедельно проводил богослужения, в ходе которых помимо воли граждан использовал в их отношении «технологии психологического воздействия, в том числе гипнотические техники, вводил участников богослужения в состояние измененного сознания (транса)», внушал им необходимость посещать богослужения и совершать пожертвования, желая таким образом достигнуть имевшуюся у него цель — получать доход от пожертвований граждан. В результате систематического применения К. указанного противоправного воздействия на лиц, посещавших такие «богослужения» у шести потерпевших развилось психическое расстройство в виде синдрома психической зависимости [7].

В приведённом и последующем примерах из судебной практики мы видим проявление типичного мотива противоправных действий организаторов (руководителей) подобных религиозных объединений,

закрывающегося в корысти, что, на наш взгляд, при наличии к тому оснований нуждается в дополнительной юридической оценке в качестве неоконченного либо оконченного хищения чужого имущества.

Для привлечения к ответственности по ч. 3 ст. 239 УК РФ за участие в деятельности соответствующего религиозного объединения необходимо установить, что лицо входило в его состав и непосредственно участвовало в осуществлении действий, присущих такому преступному объединению (например, побуждало граждан к противоправным деяниям, принуждало их к продолжению участия в религиозном или ином объединении и т. д.).

Так, П. была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 239 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, заключавшихся в участии в религиозном объединении, деятельность которого связана с насилием в отношении граждан, а также в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Суд установил, что П. являлась участником религиозного объединения «Орда», созданного Д., применявшей методики воздействия на личность человека с целью извлечения имущественной выгоды и получения «личной власти» над определенной группой людей. Д., декларируя возможность получения «исцеления», карьерный рост и т. п., за денежное и иное материальное вознаграждение проводила в отношении граждан, обратившихся к ней за помощью, обряды «окультурно-мистического характера», используя методики воздействия на личность человека. В свою очередь, П. осуществляла активную деятельность в этом религиозном объединении. В частности, П., выполняя указания Д. и зная о наличии у потерпевшей И. проблем психоэмоционального характера, проводила ее «исцеление» и сообщала заведомо ложную информацию, что повлияло на психическое состояние потерпевшей — привело к формированию у нее зависимого расстройства личности, относящегося к тяжкому вреду здоровью человека [8].

Изучение практики применения ст. 239 УК РФ показало, что одной из особенностей предусмотренных в ней преступлений является сопряженность противоправной деятельности религиозных или иных некоммерческих объединений с таким воздействием на психику людей, которое признается насилием, как по характеру совершаемых при этом действий, так и по причиняемым в их результате последствиям. Вместе с тем, как следует из содержания данной уголовно-правовой нормы, насилие над гражданами может выражаться в совершении участниками соответствующих объединений и других действий, посягающих на личную свободу, телесную неприкосновенность или здоровье потерпевших [9, с. 87–88; 10]. Такие действия, если они непосредственно были сопряжены с созда-

нием указанных в ст. 239 УК РФ объединений либо с участием в них, охватываются данной статьей при условии, что они не повлекли общественно опасные последствия, умышленное причинение которых требует дополнительной квалификации по соответствующей более строгой статье гл. 16 УК РФ, например, об умышленном причинении средней тяжести или тяжкого вреда здоровью человека. Дополнительная квалификация требуется и при совершении организатором или иным участником религиозного или иного объединения других насильственных преступлений, за которые предусмотрено более строгое наказание, в частности, посягательств на половую свободу или половую неприкосновенность личности.

Например, К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 239 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Суд посчитал доказанным, что К. создал «тоталитарную секту», функционирование которой было связано с применением физического и психического насилия к гражданам, а также неоднократно совершал насильственные действия сексуального характера в отношении малолетней. Свои противоправные действия, осуществляемые в присутствии матери потерпевшей, виновный обосновывал «необходимостью» таким образом «передать божественную энергию и духовные знания» [11].

Полагаем, что этот пример одновременно указывает на целесообразность подготовки разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно правил квалификации содеянного по ст. 239 УК РФ, в том числе с учетом возможного сочетания с другими преступлениями, имеющими насильственную, корыстную или иную направленность. В частности, представляется важным разъяснить, что все противоправные действия, выходящие за рамки создания религиозного или иного объединения, руководства таковым или участия в нем, подлежат дополнительной квалификации по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Это правило квалификации обосновывается тем, что сами по себе действия по созданию указанных объединений, руководству или участию в них не обязательно связаны с насилием, хищениями или иным противоправным поведением организаторов или иных участников соответствующих некоммерческих организаций, тогда как совершение таких общественно опасных действий может быть связано с достижением преступных целей уже созданного и функционирующего объединения и выходить за границы участия в нем. Поэтому считаем более обоснованным законодательный подход, использованный, например, в статьях 205⁴ и 282¹ УК РФ, состоящий в закреплении целей преступного объединения, а не содержания его деятельности [12, с. 91–96; 13, с. 52]. Также поддерживаем предложение о расширении законодательно определенного объема возможной противоправной

деятельности религиозных и иных объединений за счет его дополнения указанием на различные угрозы, хищения чужого имущества или нелегальное приобретение права на него [13, с. 52].

Таким образом, содержание ст. 239 УК РФ и практики ее применения нуждаются в дальнейшем совершенствовании, направленном на повышение эффективности уголовно-правового противодействия деструктивной деятельности религиозных сект и иных объединений, изначально преследующих цели, не совместимые с обеспечением защищенности здоровья граждан и иных правоохраняемых интересов личности, общества и государства. Для этого требуется не только внесение законодательных изменений, способствующих устранению неопределенности данной уголовно-правовой норм, но и формирование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно толкования признаков составов соответствующих преступлений и правил их квалификации.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2012 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51, ст. 7324.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 179-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Князева Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 24¹ Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision517729.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 05.04.2021.
4. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 30.12.2021.
5. Сайт Судебного департамента при Верховном

- Суде РФ, раздел «Данные судебной статистики»: URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 25.03.2022).
- Иванцов С. В. К вопросу о противоречиях законодательной регламентации уголовной ответственности за организованную, террористическую и экстремистскую деятельность // Закон и право. 2016. № 4. С. 21–25.
 - Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 24 декабря 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 21 марта 2019 г. // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ.
 - Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 3 апреля 2019 г. // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ.
 - Розенко С. Насилие как признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» // Уголовное право. 2014. № 5. С. 87–89.
 - Иванцов С. В., Узембаева Г. И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей : уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. Москва, Юрлитинформ. 2018. Сер. Уголовное право. 144 с.
 - Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 12 мая 2017 г. // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ.
 - Иванцов С. В., Борисов С. В. Организованные формы экстремистской и террористической деятельности : регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2. С. 91–97.
 - Мондохонов А. Н. Понятие, признаки и виды преступных объединений // Законность. 2020. № 3. С. 50–54.
 - Волков А. В. Опыт прокуратуры Оренбургской области по противодействию религиозным организациям деструктивного толка // Прокурор. 2016. № 2. С. 98–100.
 - Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 30-P dated December 5, 2012 «On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» and paragraph 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» in connection with the complaint of the Commissioner on human rights in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 51, article 7324.
 - Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 11, 2021 № 179-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Knyazev Dmitry Alekseevich for violation of his constitutional rights by paragraph 2 of Article 24¹ of the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations» // Website of the Constitutional Court of the Russian Federation: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision517729.pdf> (date of application: 03/25/2022).
 - Federal Law № 125-FZ of September 26, 1997 (as amended on 11.06.2021) «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» (with amendments and additions, intro. effective from 03.10.2021) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> — 05.04.2021.
 - Federal Law № 7-FZ of 12.01.1996 (as amended on 02.07.2021) «On Non-profit organizations» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022) // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> — 30.12.2021.
 - Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, section «Judicial statistics data»: URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (date of appeal: 25.03.2022).
 - Ivantsov S. V. On the issue of contradictions in the legislative regulation of criminal liability for organized, terrorist and extremist activities // Law and Law. 2016. № 4. P. 21–25.
 - The verdict of the Kuibyshev District Court of Omsk dated December 24, 2018 and the appellate ruling of the Judicial board for Criminal Cases of the Omsk Regional Court dated March 21, 2019 // Archive of the Department of Systematization of Legislation and analysis of judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation.
 - The verdict of the Central District Court of Chelyabinsk dated April 3, 2019 // Archive of the Department of Systematization of Legislation and analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation.
 - Rozenko S. Violence as a sign of a crime under Part 1 of Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation «Creation of a non-profit organization encroaching on the personality and

References

- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 30-P dated December 5, 2012 «On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of paragraph 5 of Article 16 of

- rights of citizens» // Criminal law. 2014. № 5. P. 87–89.
10. Ivantsov S. V., Uzembayeva G. I. Countering extremist crimes committed using mass media or information and telecommunication networks : criminal law and criminological aspects : monograph. Moscow, Yurlitinform. 2018. Ser. Criminal law. 144 p .
 11. Verdict of the Krasnoarmeysky District Court of Krasnodar Krai dated May 12, 2017 //Archive of the Department of Systematization of Legislation and analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation.
 12. Ivantsov S. V., Borisov S. V. Organized forms of extremist and terrorist activity: regulation and implementation of responsibility // Society and Law. 2016. № 2. P. 91–97.
 13. Mondokhonov A. N. The concept, signs and types of criminal associations // Legality. 2020. № 3. P. 50–54.
 14. Volkov A. V. The experience of the Orenburg Region Prosecutor's Office in countering destructive religious organizations // Prosecutor. 2016. № 2. P. 98–100.

Информация об авторе

И. А. Шаруха — соискатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. A. Sharukha — Applicant of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel for the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены

пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-290-297>

НИОН: 2003-0059-4/22-396

MOSURED: 77/27-003-2022-04-595

Юридические презумпции в парадигме развития российского налогового права

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Александр Иванович Григорьев², Вера Алексеевна Мочалова³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

^{2,3} Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия

² altr1960@mail.ru

³ v.mochalova2015@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено наличие в действующем налоговом законодательстве Российской Федерации наличие юридических презумпций, которые, по своей природе могут быть опровержимыми; некоторые презумпции являются презумпциями-принципами. Однако в налоговом праве можно говорить о существовании презумпции виновности лица, которая опосредованно выявляется из буквального прочтения правовых норм либо находит отражение в разъяснениях налогового регулятора и судебных инстанций. Вопросы, связанные с наличием юридических презумпций в налоговой сфере, неоднократно подвергаются дискуссионному обсуждению в профессиональном юридическом сообществе, поскольку, с одной стороны, ими затрагиваются интересы государства в отношении наполняемости бюджета, а с другой — интересы налогоплательщиков и иных приравненных к ним лиц. Авторы попытались проанализировать нормы налогового законодательства РФ, а также судебную практику и разъяснения финансовых и налоговых органов в вопросах воздействия юридических презумпций на правоприменителя.

Ключевые слова: Постановления КС РФ, определения КС РФ, постановления ВАС РФ, рыночное ценообразование, необоснованная налоговая выгода, недобросовестность налогоплательщика, налоговая ответственность, вина в совершении налогового правонарушения

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Юридические презумпции в парадигме развития российского налогового права // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 290–297. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-290-297>.

Original article

Legal presumptions in the development paradigm of Russian tax law

Nodari D. Eriashvili¹, Alexander I. Grigoriev², Vera A. Mochalova³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

^{2,3} Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

² altr1960@mail.ru

³ v.mochalova2015@yandex.ru

Abstract. In the current tax legislation of the Russian Federation, the legislator has provided for the existence of legal presumptions, which, by their nature, are refutable, some act as presumptions-principles. At the same time, there is a certain part of the presumption of guilt of a person, which can be indirectly identified from a literal reading of the legal norm, or they manifest themselves in the explanations of the tax regulator and judicial authorities. Issues related to the existence of legal presumptions in the tax sphere have repeatedly been subject to discussion in the scientific field among legal scholars, since, on the one hand, the interests of the state in relation to the filling of the budget are affected, and

on the other hand, the interests of taxpayers and other persons equated to them. The authors, in the scope of the study, tried to analyze the norms of the tax legislation of the Russian Federation, as well as judicial practice and explanations of financial and tax authorities regarding the impact.

Keywords: Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation, resolutions of the Supreme Court of the Russian Federation, market pricing, unjustified tax benefit, dishonesty of the taxpayer, tax liability, guilt in committing a tax offense

For citation: Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Mochalova V. A. Legal presumptions in the development paradigm of Russian tax law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):290–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-290-297>.

Презумпция рыночности цен

Действующее налоговое законодательство Российской Федерации за последние двадцать лет претерпевает значительные изменения, затрагивающие интересы всех участников налоговых отношений. Одним из наиболее сложных вопросов является правильное применение принципа рыночности цен при проведении мероприятий налогового контроля, а также вопросы трансфертного ценообразования в международных контрактах. Особенно остро вопрос о соблюдении контрагентами рыночности цен возникает, если они являются взаимозависимыми лицами. В ст. 40 НК РФ законодателем выведена презумпция рыночности цен. Изначально предполагается, что цена, установленная в договоре (контракте), соответствует уровню рыночных цен. Эта презумпция опровергается, если будет доказано иное. Причем обязанность опровержения данного предположения возлагается на налоговые органы. Положение ст. 40 НК РФ коррелирует с диспозицией ст. 105.3 НК РФ (пункт 3), а именно, цена, установленная взаимозависимыми лицами, признается рыночной, если ФНС России не доказано обратное либо если налогоплательщик не произвел самостоятельно корректировку сумм налога (убытка). При этом нужно иметь в виду, что предмет выездных и камеральных налоговых проверок не может быть контроль за соблюдением рыночности цен между взаимозависимыми лицами, если договор (контракт) соответствует критериям контролируемости сделки (абз. 3 п. 1 ст. 105.17 НК РФ). Подчеркнем, что контроль за ценообразованием между взаимозависимыми лицами, осуществляет центральный аппарат ФНС России [1].

По утверждению И. А. Хавановой, в ст. 105.3 НК РФ идет речь о закреплении двух презумпций. Во-первых, это презумпция рыночности цен между независимыми лицами и доходы (прибыль), полученные этими лицами. Она расширяет диапазон рыночности цен, поскольку законодатель упоминает кроме всего и иные критерии, такие как доход, прибыль, выручка. Во-вторых, в п. 3 ст. 105.3 НК РФ указывается опровержимая презумпция о рыночной цене, примененной для целей налогообложения сторонами любой сделки,

т.е. цене для расчета налоговой базы; здесь фискальный орган должен доказать ее несоответствие рыночной цене [2].

Стоит заметить, что юридические презумпции, косвенно правда, закреплены в арбитражном процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 65 АПК РФ), где законодателем, в частности, оговорено, что «обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, органами местного самоуправления, иными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующие орган или должностное лицо».

По мнению А. Г. Дуюнова, и с ним можно согласиться, в действующем налоговом законодательстве бремя доказывания перекладывается от налоговых органов на налогоплательщика. Именно последний должен доказать, что при проведении мероприятий налогового контроля по проверяемым сделкам было соответствие цен рыночным, а контролирующий орган либо с этим должен соглашаться, либо опровергать [3, с. 15.]. Такое положение дел изначально предполагает недобросовестность налогоплательщика при совершении финансово-хозяйственных операций с целью занижения им налоговой базы. Считаем, что такое трактование законодательства имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, как не раз обращал внимание КС РФ [4], налогоплательщик является наиболее слабой стороной в налоговых правоотношениях, а налоговый контроль не может быть инструментом подавления экономической самостоятельности, ограничения свободы предпринимательской инициативы, в противном случае это может привести к нарушению конституционных прав (статья 1 (часть первая), статья 17 (часть третья) Конституции Российской Федерации). Во-вторых, в резолютивной части определения КС РФ отметил, что «налоговое законодательство не использует понятие экономической целесообразности и не регулирует порядок и условия ведения финансово-хозяйственной деятельности, а потому обоснованность расходов, уменьшающих в целях налогообложения полученные доходы, не может оцениваться с точки зре-

ния их целесообразности, рациональности, эффективности или полученного результата. В силу принципа свободы экономической деятельности (статья 8, часть 1, Конституции РФ) налогоплательщик осуществляет ее самостоятельно на свой риск и вправе самостоятельно и единолично оценивать ее эффективность и целесообразность» [5]. Таким образом, КС РФ фактически установил запрет при проведении мероприятий налогового контроля на вторжение в экономическую деятельность налогоплательщика. Справедливости ради, стоит отметить, что данной позиции придерживался и ВАС РФ [6].

Налоговые органы при проведении мероприятий налогового за ценообразованием между взаимозависимыми лицами исходят из так называемого правила «вытянутой руки» (*arm's length principle*), широко используемого в мировой практике [7]. Основные положения этого правила, изложены в п. 1 ст. 105.3 НК РФ, а именно, цена сделки между взаимозависимыми лицами должна соответствовать рыночной. Ошибочность данного подхода заключается в том, что в налоговых правоотношениях, при проведении мероприятий налогового контроля, налоговые органы, оценивая ту или иную сделку на предмет наличия необоснованной налоговой выгоды, должны руководствоваться доктриной, что именно ее содержание должно превалировать над формой (*equity above the form*), но не наоборот. В качестве доказательства своей позиции, стоит обратить внимание на судебную практику Верховного суда Российской Федерации (Определение ВС РФ от 29.03.2018 № 303-КГ17-19327 по делу № А04-9989/2016 (ИП Бурдинский А. В.)). Суть спора. ИП реализовывал своим взаимозависимым организациям товары по ценам ниже рыночных, причем отклонение цен от рыночных было более чем 50 %. Исходя из требований п. 3 ст. 40 НК РФ, отклонение цены от рыночной в сторону уменьшения превысило 20 %. Контролирующий орган по результатам налоговой проверки доначислил налогоплательщику НДС, НДФЛ, пени и привлек его к налоговой ответственности. В мотивировочной части своего решения судьи обратили внимание на следующие правовые моменты. Первое: только многократное (подчеркнуто нами) отклонение цены сделки от рыночной может учитываться в качестве получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды в совокупности и взаимосвязи с иными обстоятельствами, указывающими на несоответствие между оформлением сделки и содержанием финансово-хозяйственной операции. Второе: налоговой инспекцией сделки между взаимозависимыми и иными лицами не были сопоставлены по такому критерию, как объем отгрузки товаров в пользу иных лиц. Судом было установлено, что продажа товара иным лицам была

во много раз меньше, следовательно, продажа таким покупателям имеет разумное экономическое обоснование. Каков вердикт суда? ВС РФ пришел к выводу об отсутствии оснований для признания законными доначисление налогов, пени и привлечение налогоплательщика к налоговой ответственности. Стоит заметить, что такой же позиции Верховный Суд придерживался и ранее [8].

Правда, надо заметить, что в некоторых ситуациях, а именно, рассматривая международные контракты, налоговым органам, необходимо кроме всего, руководствоваться СИДН (соглашениями об избежании двойного налогообложения), а это подразумевает и изучение сделки на соответствии требованиям международного законодательства, то есть и формальному соответствию. В качестве примера, можно привести постановление АС Дальневосточного округа № Ф03-1016/2020 по делу № А59-8433/2018 (ООО «КСА Дойтаг Дриллинг»). Поскольку Российская Федерация заключает соглашения об избежании двойного налогообложения на основе Модельной конвенции ОЭСР, то и термины, применяемые в международном законодательстве, значительно отличаются от принятых определений НК РФ. Так, в соответствии с п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров (заключена в Вене 23.05.1969), «международный договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам этого договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора».

Подводя предварительный итог, можно скептически отнестись к мнению В. Г. Акимовой, А. Н. Башкирова и Д. П. Джальчинова, которые считают презумпцию рыночности цен в налоговом законодательстве опровержимой, поскольку на налогоплательщика возлагается обязанность доказать рыночный уровень цен, а на налоговый орган — их несоответствие. [9, с. 17] Действительно, опровержимый характер презумпции рыночности цен не подвергается сомнению, но ее содержание необходимо понимать в ином контексте. Налоговое законодательство, признавая равенство прав всех участников в налоговой сфере, отстаивая баланс соблюдения публичных и частных интересов, изначально признает, что налогоплательщик поступает добросовестно, в соответствии с установленными нормами действующего законодательства, а налоговый орган, в рамках предоставленной ему широкой дискреции, при выявлении допущенных отклонений в заключенных сделках должен доказать обратное. Иное толкование может подвергнуть сомнению тезис — принцип, сформулированный в п. 7 ст. 3 НК РФ, что все неустранимые сомнения и неясности в налоговом законодательстве трактуются в пользу налогоплательщика и приравненных к нему лиц.

Презумпция невиновности (виновности) и презумпция добросовестности в налоговых правоотношениях

Дефиниция презумпции невиновности установлена законодателем в п. 6 ст. 108 НК РФ, и является, по существу, «дочкой» презумпции невиновности, установленной статьей 49 Конституции РФ. В этой норме высшим законодательным актом установлена презумпция — принцип, провозглашающая, что лицо, обвиняемое в преступлении, считается невиновным, пока его невиновность не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда. Причем на виновное лицо не возлагается обязанность доказывать свою вину, «а все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого». Казалось бы, Конституция РФ закрепляет в данном случае регулирование уголовно-правовых отношений. Как это соотносится с другими отраслями права? Высшие судьи в Постановлении КС РФ пришли к выводу, что законодатель в процессе нормативного правового регулирования вправе применять данную норму и в других отраслях права при решении вопроса о распределении бремени доказывания вины [10]. Возникает другой закономерный вопрос: как соотносить положения, установленные в п. 7 ст. 3 НК РФ с п. 6 ст. 108 НК РФ? Логично, на первый взгляд, предположить, что и в ст. 3 НК РФ, и в ст. 108 НК РФ законодатель в разной интерпретации повторяет идентичное правило, что все неустранимые сомнения толкуются в пользу налогоплательщика либо неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу последнего.

В этой связи нельзя не остановиться на позиции И. И. Кучерова, по мнению которого, на взаимоотношения между налогоплательщиками и налоговыми органами презумпция невиновности не распространяется [11, с. 119]. Еще дальше в своих размышлениях пошел С. Д. Шаталов, считая, что применение презумпции невиновности преждевременно, так как Россия, если хочет собирать налоги и существовать как единое государство, должно отказаться от этой популистской затеи [12, с. 508] Правовая порочность таких высказываний связана с тем, что они вступают в противоречие с Основным законом нашей страны и международными судебными актами. Например, в решении Европейского Суда по правам человека было презюмировано: «Ошибки или недостатки работы органов государственной власти должны работать в пользу подсудимого» [13]. В Постановлении КС РФ от 01.03.2012 № 6-П высшие судьи который раз обращают внимание на то, что налоговая политика должна соответствовать принципам социального государства (статья 1 (часть 1), статья 7), а также принципам, устанавливающим равенство пред законом и судом (статья 19 (часть 1) Конституции РФ [14].

В несколько иной формулировке, выражая свое негативное отношение к содержанию п. 7 ст. 3 НК РФ и п. 6 ст. 108 НК РФ, В. Г. Пансков высказал мнение, что необходимо создавать такое законодательство, которое бы исключало возможность дополнительного толкования. В своих суждениях, он приходит к выводу, что «цивилизованное общество не имеет право создавать несовершенные законы, избыточное недомолвками, неточностями, правовыми погрешностями, а зачастую и правовым вакуумом, успокаивая общество сладкой пилюлей, типа ст. 3 и 108 НК РФ» [15, с. 11, 13, 14]. Нельзя не отдать должное, в какой-то мере прозорливости В. Г. Панкова в отношении совершенства норм налогового законодательства. В идеале законодатель в п. 6 ст. 3 НК РФ закрепил императивное положение, что нормы налогового законодательства должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги и когда он должен заплатить. К сожалению, приходится констатировать факт наличия в НК РФ бланкетных норм права или норм-коллизий. Кроме того, в настоящее время нельзя не исключать и факт наличия в налоговом законодательстве РФ судебного прецедента; да и не редкость, когда разъяснения финансового органа и налогового регулятора по своему содержанию устанавливают новое правовое регулирование.

Стоит обратить внимание на размышления Ю. С. Сидорович и А. А. Минаева, которые, почему-то считают, что в налоговом праве предусмотрены процедуры досудебного порядка привлечения к налоговой ответственности, а также ими высказано предложение о наделении налоговых органов полномочиями устанавливать вину налогоплательщика в совершении налогового правонарушения [16, с. 114].

Рассуждения такого рода подвергают сомнению незыблемость статьи 46 (часть 1) Конституции РФ, в которой в императивной форме дается право на судебную защиту. Кроме того, в постановлении Правительства РФ от 30.09.2004 № 506, утвердившим Положение о Федеральной налоговой службе (п. 5.1.1) четко сказано, что налоговые органы имеют права осуществлять контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах, в том числе в области уплаты страховых платежей. Но чтобы наделять налоговые органы судебными правами — это нонсенс.

Грань между презумпцией невиновности и презумпцией вины, как полагает Т. Ю. Серебрякова, зачастую стирается. По ее мнению, в случае, если налоговый орган по результатам проведенного налогового контроля направит исковое заявление в суд о признании налогоплательщика виновным в совершении налогового правонарушения и об уплате доначисленных платежей и санкций, то тогда в полной мере можно признавать наличие презумпции невиновности в на-

логовом праве [17, с. 1468].

Юридическая некорректность данного предложения очевидна. Ясно, что контролирующий орган самостоятельно, по своей инициативе, не может привлечь лицо к налоговой ответственности. В случае выявления недоимки по обязательным платежам налоговый орган направляет налогоплательщику требование о ее погашении с начислением процентов, причем это требование направляется налогоплательщику **независимо от привлечения последнего к налоговой ответственности** (п. 3 ст. 69 НК РФ). Кроме того, взыскание с виновного лица штрафа осуществляется только по решению суда (ст. 115 НК РФ).

В качестве примера смоделируем ситуацию: контролирующий орган по результатам мероприятий налогового контроля вынес решение о привлечении лица к налоговой ответственности. Решение налогового органа вступает в силу по истечении одного месяца со дня его вручения лицу (вступает в силу со дня вручения, если решение было вынесено ФНС России) (п. 9 ст. 101 НК РФ). В случае несогласия с выводами налогового органа лицо имеет право обжаловать решение фискального органа в процедурном порядке (ст. 137–140 НК РФ). Таким образом, у налоговых органов есть право предложить налогоплательщику добровольно уплатить санкцию. Еще раз — только в добровольном порядке.

Проблемы института презумпции невиновности в налоговом законодательстве, по выражению Д. В. Тютина, не получила однозначного разрешения [18, с. 56]. В частности, определенная группа авторов отрицает наличие презумпции невиновности, утверждая, что налогоплательщик должен собирать материалы, в том числе и негативного характера, на себя сам [19, с. 110]. И с этой сентенцией, надо признать, можно согласиться. Поводом для такого утверждения стало небезызвестное письмо ФНС России 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» (далее — письмо ФНС от 10.03.2021). В своем разъяснении (на наш взгляд, новым правовым регулированием ст. 54.1 НК РФ), налоговый регулятор выделил несколько случаев, которые заслуживают внимания. Во-первых, в 17.2 письма ФНС от 10.03.2021 г. контролирующий орган пришел к выводу, что если налогоплательщик в результате проводимых контрольных действий окажет помощь в выявлении технических компаний и иных схем, связанных с уходом от уплаты налогов, то может претендовать на признание налогов расчетным методом. Подверг сомнению презумпцию невиновности и А. Илларионов, который ссылаясь на Определение ВС РФ от 26.10.2020 по делу № 305-ЭС20-15614 (ООО «Мизука»), обратил внимание, что «по мнению Верховного Суда, до момента вынесения решения налогового органа налогоплательщику фактически нечего

обжаловать. Верховный суд РФ фактически призывает обжаловать такие нарушения уже после получения решения, не видя в процессуальных нарушениях самостоятельного основания для признания таких действий незаконными» [20].

К сожалению, приходится констатировать факт наличия в налоговых правоотношениях и презумпции виновности лица. В свое время, в п. 8 Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» высшие судьи пришли к выводу, что в случае определения налогов по правилам подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ (расчетный метод) бремя доказывания доходов и расходов возлагается на налогоплательщика. Позднее, в письме ФНС от 10.03.2021 скорректировал позицию ВАС РФ, указав, «что бремя доказывания с фактическим исполнителем возложено на налогоплательщика, который должен представить подтверждающие документы в ходе установления проверки или на стадии возражений на акт проверки».

Тем не менее, в налоговом законодательстве РФ, начиная с 2006 года, сначала судебным актом, а позднее, на законодательном уровне была закреплена презумпция добросовестности налогоплательщика. Поводом принятия нового института презумпции добросовестности стали многочисленные судебные споры бизнес-сообщества о необоснованном вторжении фискальных органов в хозяйственную деятельность предпринимателей, а также порочная практика формального применения подп. 7 п. ст. 31 НК РФ для начисления налогов расчетным методом, полностью при этом не учитывающая налоговые вычеты по НДС и расходы по налогу на прибыль.

ВАС в своем Постановлении (далее — Постановление № 53) были сформулированы основные доктринальные положения добросовестности налогоплательщика, а именно: изначально предполагается, что действия налогоплательщика, «имеющее своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданны, а сведения, содержащиеся в налоговой декларации и бухгалтерской отчетности, — достоверны». Презумпция добросовестности опровергается, если налоговым органом будет доказано обратное [21]. В Постановлении № 53 высшими судьями впервые было дано определение «налоговой выгоды», изложены основания, когда ее получение является необоснованным. Кроме того, впервые в налоговом законодательстве были установлены критерии разумной осторожности и осмотрительности при выборе налогоплательщиком контрагентов. Не вдаваясь в дискуссию о наличии новой доктрины в налоговом законодательстве или очередном судебном прецеденте, Постановление № 53 стало новым эволюционным шагом в развитие налогового законодательства РФ.

Принятая в 2017 году новелла статьи 54.1 Налогового кодекса РФ, повторяя основные положения Постановления № 53, построена законодателем от обратного: диспозиция нормы указывает на то, от чего налогоплательщик должен воздержаться или не совершать.

В своем пространном письме налоговый регулятор обратил внимание, что с принятием ст. 54.1 НК РФ, налоговые органы больше не будут руководствоваться положениями Постановления № 53 [22]. Интересно, что под этим высказыванием имел в виду фискальный орган? Зададимся вопросом: а что положения Постановления № 53 не несут в себе нормативное правовое регулирование, и что, на протяжении одиннадцати лет, да и сейчас, арбитражные суды не руководствовались и не руководствуются выводами высшего суда?

Те тенденции, которые были наработаны судебной практикой, нашли отражение в институте «налоговой реконструкции». По образному выражению А. Илларионова, «налоговая реконструкция» позволяет утвердиться во мнении, что даже установление налоговым органом фиктивности документооборота со спорным контрагентом — это не основание для полного неприятия расходов, если доказан факт выполнения работ [23]. Надо подчеркнуть, что письмо ФНС от 10.03.2021 г. признало возможность применения «налоговой реконструкции» маловероятным фактом. Теми же соображения руководствовался и В. Саськов, считая, что если в бюджете не сформирован источник возмещения НДС, то и возвращать нечего (хотя судебная практика, ранее шла по другому пути) [24; 25; 26]. Верно им было отмечено и то обстоятельство, что налоговые органы в настоящее время смогут без труда доказать проявленную неосмотрительность налогоплательщика, связанную с фактом неуплаты НДС всеми звеньями контрагента [27].

Подводя итог, можно с грустью констатировать, что в настоящее время происходит выхолащивание презумпции добросовестности налогоплательщика из-за складывающегося явного профискального уклона разъяснений налогового регулятора и судебной практики высших и кассационных инстанций. Действующая в налоговом законодательстве презумпция невиновности по своему содержанию видоизменяется в презумпцию виновности, что никоим образом не дает оснований считать, что происходящие эволюционные процессы будут положительно влиять на развитие бизнес-сообщества в России.

Список источников

1. Письмо ФНС России от 02.11.2012 № ЕД-4-3/18615 «О применении отдельных положений статьи 105.3 Налогового кодекса Российской Федерации» (вместе с письмом Минфина России от 18.10.2012 № 03-01-18/8-145 «О применении положений статьи 105.3 Налогового кодекса Российской Федерации»).
2. Хаванова И. А. Категория рыночной цены в современном налоговом праве // Журнал российского права. 2016. № 7.
3. Дуюнов А. Г. Презумпция рыночности цен : есть сейчас, будет ли завтра // Налоговед. 2010. № 4.
4. Определение КС РФ от 08.04.2010 № 441-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Измайловой Галины Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации».
5. Определение КС РФ от 04.06.2007 № 320-О-П «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации».
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.10.2008 г. № 6272/08 по делу № А40-77926/06-111-446 (ОАО нефтегазовая компания «РуссНефть»).
7. Письмо Федеральной налоговой службы от 29.04.2014 г. № 03-01-РЗ/20100.
8. Определение ВС РФ от 01.12.2016 № 308-КГ16-10862 по делу № А32-2277/2015 (ООО «Аквипарк») // Обзор правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации за второе полугодие 2016 года.
9. Акимова В. Г., Башкиров А. Н., Джальчинов Д. Л. Цены под контролем // Налоговед. 2011. № 11.
10. Постановление КС РФ от 27.04.2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А. Д. Чулкова».
11. Кучеров И. И. Налоговые преступления : учебное пособие. М., 1997.
12. Комментарий к Налоговому кодексу РФ, части первой (постатейный) // учебное пособие. Сост. и авт. коммент. С. Д. Шаталова. М., 1998.
13. Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. по делу «Радчиков против России» (жалоба № 65582/01), § 50.
14. Постановление КС РФ от 01.03.2012 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1

- статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».
15. Пансков В. Г. О критике критиков Налогового кодекса // *Налоговый вестник*. 1999. № 4.
 16. Сидорович Ю. С., Минаев А. А. Презумпция невиновности налогоплательщика // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2013. № 3 (104).
 17. Серебрякова Т. Ю. К вопросу о невиновности в налоговых правоотношениях. // *Международный бухгалтерский учет*. 2018. Т. 21. № 12 (450).
 18. Тютин Д. В. *Налоговый контроль. Ответственность и защита прав налогоплательщика : монография*. М., 2014.
 19. *Налоги и налогообложение : учебное пособие для вузов / под ред. И. Г. Русаковой*. М., 1998.
 20. Илларионов А. *Налоговые маневры. Нарушения за и против предпринимателя* // *Финансовая газета*. 2020. № 42. 16 ноября.
 21. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».
 22. Письмо ФНС России от 31.10.2017 г. № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».
 23. Илларионов А. *Реконструкция в суде* // *Финансовая газета*. 2021. № 14. 19 апреля.
 24. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.10.2006 г. № 5801/06 по делу № А50-20003/2005-А1 (ООО «Боско»).
 25. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.04.2010 г. № 18162/09 по делу № А11-1066/2009.
 26. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11.10.2013 г. по делу № А26-5695/2012 (ОАО «Петрозаводский хлебокомбинат»).
 27. Саськов В. Верховный суд поправил ФНС. Как можно применить расчетный метод по НДС // *Финансовая газета*. 2021. № 06. 22 февраля.
- № 7.
 3. Duyunov A. G. The presumption of market prices: is there now, will there be tomorrow // *Tax expert*. 2010. № 4.
 4. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 08.04.2010 № 441-О-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Izmailova Galina Vasilyevna for violation of her constitutional rights by paragraph 1 of Article 89 of the Tax Code of the Russian Federation».
 5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.06.2007 № 320-О-Р «At the request of a group of deputies of the State Duma on checking the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of paragraph 1 of Article 252 of the Tax Code of the Russian Federation».
 6. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 6272/08 dated 28.10.2008 on case № А40-77926/06-111-446 (ОАО RussNefit Oil and Gas Company).
 7. Letter of the Federal Tax Service dated 29.04.2014 № 03-01-RZ/20100.
 8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.12.2016 № 308-KG16-10862 in case № А32-2277/2015 (LLC «Aquapark») // Review of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation for the second half of 2016.
 9. Akimova V. G., Bashkirov A. N., Dzhaltchinov D. L. Prices under control. 2011. № 11.
 10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 7-Р dated 27.04.2001 «On the Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of the Customs Code of the Russian Federation in connection with the request of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and the Leningrad Region, complaints of Open joint Stock Companies AvtoVAZ and Severonikel Combine, Limited Liability Companies Fidelity, Vita-Plus and Nevsko-Baltiyskaya Transport Company, limited liability partnerships «Joint Russian-South African Enterprise «Econt» and citizen A. D. Chulkov».
 11. Kucherov I. I. *Tax crimes : textbook*. М. 1997.
 12. *Commentary to the Tax Code of the Russian Federation, part one (article by article)* // *textbook. Comp. and auth. comment. S. D. Shatalova*. М., 1998.
 13. ECHR Ruling of May 24, 2007 in the case «Radchikov v. Russia» (complaint № 65582/01), § 50.
 14. Resolution of the Constitutional Court of the

References

1. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 02.11.2012 № ED-4-3/18615 «On the Application of Certain Provisions of Article 105.3 of the Tax Code of the Russian Federation» (together with the letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 18.10.2012 № 03-01-18/8-145 «On the application of the provisions of Article 105.3 of the Tax Code of the Russian Federation»).
2. Khavanova I. A. The category of market price in modern tax law // *Journal of Russian Law*. 2016.

- Russian Federation of 01.03.2012 № 6-П «In the case of checking the constitutionality of the provision of the paragraph of the second subparagraph 2 of paragraph 1 of Article 220 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation».
15. Panskov V. G. On criticism of critics of the Tax Code // Tax Bulletin. 1999. № 4.
 16. Sidorovich Yu. S., Minaev A. A. Presumption of taxpayer's innocence // Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. Right». 2013. № 3 (104).
 17. Serebryakova T. Y. On the question of innocence in tax relations. // International Accounting. 2018. Vol. 21. № 12 (450).
 18. Tyutin D. V. Tax control. Responsibility and protection of taxpayer's rights : monograph. M., 2014.
 19. Taxes and taxation : a textbook for universities / edited by I. G. Rusakova. M., 1998.
 20. Illarionov A. Tax maneuvers. Violations for and against the entrepreneur // Financial newspaper. 2020. № 42. November 16.
 21. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 53 dated 12.10.2006 «On the Assessment by Arbitration Courts of the validity of the Taxpayer's receipt of tax benefits».
 22. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 31.10.2017 № ED-4-9/22123@ «On recommendations on the application of the provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation».
 23. Illarionov A. Reconstruction in court // Financial newspaper. 2021. № 14. April 19.
 24. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 24.10.2006 № 5801/06 in case № A50-20003/2005-A1 (LLC «Bosco»).
 25. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.04.2010 № 18162/09 in case № A11-1066/2009.
 26. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District of 11.10.2013 in case № A26-5695/2012 (JSC «Petrozavodsk bakery»).
 27. Saskov V. The Supreme Court corrected the Federal Tax Service. How can I apply the calculation method for VAT // Financial Newspaper. 2021. № 06. February 22.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники;

А. И. Григорьев — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент;

В. А. Мочалова — доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of the Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology;

A. I. Grigoriev — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin Russian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Mochalova — Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines of the Kosygin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-298-300>

НИОН: 2003-0059-4/22-397

MOSURED: 77/27-003-2022-04-596

О проблемах железнодорожной инфраструктуры транспортной системы России

Андрей Гаврилович Биртанов¹, Александр Викторович Никитин², Марина Павловна Перякина³

¹ Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, gavriilovich@gmail.ru

² Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, aleksandr-nikitin.63@mail.ru

³ Филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Пятигорск, Россия, marihenka.78@mail.ru

Аннотация. Анализируется современное состояние инфраструктуры железнодорожного транспорта, выявлены проблемные аспекты её оценки.

Ключевые слова: железнодорожная инфраструктура, оценка, информатизация

Для цитирования: Биртанов А. Г., Никитин А. В., Перякина М. П. О проблемах железнодорожной инфраструктуры транспортной системы России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 298–300. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-298-300>.

Original article

On the problems of railway infrastructure of the transport system of Russia

Andrey G. Birtanov¹, Alexander V. Nikitin², Marina P. Peryakina³

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, gavriilovich@gmail.ru

² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, marihenka.78@mail.ru

³ Branch of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Pyatigorsk, Russia, vikttor1@rambler.ru

Abstract. The analysis of the current state of the railway transport infrastructure has been carried out, problematic aspects of its assessment have been identified.

Keywords: railway infrastructure, evaluation, informatization

For citation: Birtanov A. G., Nikitin A. V., Peryakina M. P. On the problems of railway infrastructure of the transport system of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):298–300. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-298-300>.

Несмотря на существенные изменения, произошедшие на рубеже XX–XXI веков в сфере транспорта, лидирующие позиции в плане грузоперевозок все еще принадлежат железнодорожному транспорту.

Железнодорожная инфраструктура представляет собой «технологический комплекс, включающий в себя железнодорожные пути общего пользования и другие сооружения, железнодорожные станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы и систему управления движением и иные обеспечивающие функционирова-

ние этого комплекса здания, строения, сооружения, устройства и оборудование» [1]. В настоящее время в результате разделения функций государственного регулирования и хозяйственного управления в соответствии с Программой структурной реформы [2] на железнодорожном транспорте вся инфраструктура и централизованное диспетчерское управление находятся в собственности ОАО «РЖД».

Уровень нагрузки на инфраструктуру ОАО «РЖД» при нормальном функционировании экономических систем имеет тенденцию к постепенному росту.

Высокий уровень нагрузки способствует быстро-

му износу имеющейся инфраструктуры, вызывает необходимость постоянного обновления, и предъявляет повышенные требования к более эффективному использованию имеющихся средств. Современное состояние железнодорожной инфраструктуры характеризуется высокой степенью износа, по официальным данным степень износа основных средств железнодорожного транспорта по состоянию на 2019 год, связанным с грузоперевозками составляет 38,7 %, с перевозками пассажиров — 56,5 %, более объективным считается мнение некоторых специалистов, которые отмечают износ основных средств железнодорожного транспорта более чем в 60 % [3]. Такой высокий процент износа связывают с накопительным эффектом значительного хронического недоинвестирования железнодорожной инфраструктуры в сравнении с экономическим развитием страны и уровнем потребности в грузо- и пассажироперевозках.

В последние годы объем инвестиций в развитие железнодорожной отрасли неуклонно растет, при этом более 50 % денежных средств расходуется на обновление и развитие инфраструктурных объектов.

По нашему мнению, уровень инвестиций все еще является недостаточным для компенсации потерь в прошлом, но ввиду ограниченности их объема, в настоящее время особое внимание необходимо обращать на максимально оптимальное их распределение и эффективное использование, а также пресечение преступлений экономической направленности, в том числе коррупционных проявлений при их освоении. На железнодорожном транспорте регулярно совершается большое количество преступлений.

Так, например, в Красноярском отделе следственного комитета Восточного МСУ на транспорте СК РФ в 2021 год при расследовании одного факта было выявлено еще 8 эпизодов, связанных с коррупцией при выполнении контрактов по ремонту инфраструктурных объектов ОАО «РЖД» (приемкой некачественно выполненных или фактически невыполненных работ) [5]. Стоит также отметить, что данные преступления обладают высоким уровнем латентности.

Косвенно провести оценку эффективности инвестирования, связанного с обновлением инфраструктуры и в целом её состояния возможно с помощью статистических данных по видам чрезвычайных происшествий ОАО «РЖД», например, таких как, сход вагонов с рельсов, при которых специалисты обращают внимание на два основных фактора данного происшествия: износ или низкое качество рельсов и технические проблемы подвижного состава, в первую очередь локомотивов, возгораний локомотивов, размытии насыпей, обрывав контактных сетей и т. п., но в настоящее время для анализа доступна лишь обобщенная статистика «транспортных происшествий и иных событий». Согласно имеющимся данным число

транспортных происшествий имеет позитивную тенденцию к снижению, но объективно оценить повышение безопасности железнодорожной инфраструктуры по данным сведениям не представляется возможным. Так, в 2010 году было зафиксировано 4327 происшествий, в 2017 — 3707, в 2018 — 3120, в 2019 — 2877, в 2020 — 2401. Ранее, ОАО «РЖД» предоставляло более подробную статистику происшествий, которая представляется более объективной. Считается, что необходимо вернуть данную практику.

Особое внимание уделяется инновационному развитию всех инфраструктурных отраслей России, в транспортной отрасли это нашло отражение в стратегии цифровой трансформации до 2025 г. [3] и стратегии развития железнодорожного транспорта в России на период до 2030 года [4].

Наличие консолидированной информации о состоянии объектов инфраструктуры будет способствовать своевременному выводу из эксплуатации рискованных объектов инфраструктуры, проведения их обновления и модернизации, однако представляется, что в полной мере позитивный эффект будет иметь отложенный характер, т. к. для объективного анализа необходим достаточно большой объем данных. Также представляется возможной проведения корреляций между инвестиционными проектами и улучшением тех или иных показателей на объектах железнодорожной инфраструктуры.

Ввиду пространственного распределения железнодорожной инфраструктуры и увеличения хакерской активности ввиду политически нестабильной ситуации остро встает вопрос киберзащищенности автоматизированных систем управления. Ввиду требований, предъявляемыми к ОАО «РЖД» приборы безопасности подвижного состава должны быть только отечественного производства, также в 2018–2021 гг. ОАО «РЖД» должно было перейти на использование преимущественно отечественного программного обеспечения, но эффективность данных мер представляется сомнительным. Считается, что информационно-управляющие системы не имеют той степени защиты, которая могла бы гарантировать их киберзащищенность, а упущения киберзащищенности могут привести к значительному ухудшению инфраструктурного состояния, при их использовании [5].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что железнодорожная инфраструктура России находится в неудовлетворительном состоянии, инвестиционная деятельность ОАО «РЖД» хоть и ведется преимущественно в направлении её улучшения, но недостаточно эффективна, в том числе ввиду уязвимости железнодорожной отрасли к экономическим преступлениям. Более реальной и объективной оценке состояния железнодорожной инфраструктуры должно способствовать ведение детальной статисти-

ки по чрезвычайным происшествиям, возникающим на объектах инфраструктуры и анализ информации, полученной с помощью вводимых информационных систем управления инфраструктурой. При этом стоит осознавать, что информатизация железнодорожной отрасли должна проводиться с уклоном на её максимальную защищенность, т. к. с использованием её уязвимостей возможно нанесения серьезного вреда железнодорожной инфраструктуре.

Список источников

1. Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 № 18-ФЗ.
2. Постановление Правительства РФ от 18.05.2001 № 384 (ред. от 22.07.2009) «О Программе структурной реформы на железнодорожном транспорте».
3. Потапова Е. Н., Потева П. М., Шклярук М. С. Стратегия цифровой трансформации : написать, чтобы выполнить. М. : РАНХиГС, 2021. 184с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2008 № 877-р «О Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года».
5. Акимова И. В., Багдасарянц Н. Г., Ермолова М.

Н., Краснова В. В., Кузьмичева Л. Б., Максимов П. Н., Муллокандов Б. Ф., Полянская Е. В. Транспорт в России. 2020 : Стат.сб. / Росстат. Т. 65. М., 2020. 108 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UbzIvBZj/Transport_2020.pdf.

References

1. Federal Law «Charter of Railway Transport of the Russian Federation» dated 10.01.2003 № 18-FZ.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of May 18, 2001 № 384 (as amended on July 22, 2009) «On the Program for Structural Reform in Railway Transport».
3. Potapova E. G., Poteeva P. M., Shklyaruk M. S. Digital transformation strategy : write to execute. M. : RANEPА, 2021. 184 p.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of June 17, 2008 № 877-r «On the Strategy for the Development of Railway Transport in the Russian Federation until 2030».
5. Akimova I. V., Bagdasaryants N. G., Ermolova M. N., Krasnova V. V., Kuzmicheva L. B., Maksimov P. N., Mullokandov B. F., Polyanskaya E. V. Transport in Russia. 2020 : Stat. sb. / Rosstat. T. 65. M., 2020. 108 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UbzIvBZj/Transport_2020.pdf.

Информация об авторах

А. Г. Биртанов — аспирант Байкальского государственного университета;

А. В. Никитин — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России;

М. П. Перякина — заведующий кафедры уголовного права и процесса филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Пятигорск.

Information about the authors

A. G. Birtanov — Post-graduate student of the Baikal State University;

A. V. Nikitin — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of internal affairs bodies of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

M. P. Peryakina — Head of the Department of Law and Process Management of the branch of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Pyatigorsk.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 09.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 336.273.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-301-305>

НИОН: 2003-0059-4/22-398

MOSURED: 77/27-003-2022-04-597

Оценка проблем и перспектив развития рынка микрофинансирования в России

Алексей Владимирович Долбилов¹, Елена Ивановна Кузнецова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ aleksej-dolbilov@yandex.ru

² elenkuz90@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности деятельности на финансово-кредитном рынке микрофинансовых организаций. По мнению авторов, несмотря на активное развитие микрофинансирования и высокого потребительского спроса на эти услуги, не все механизмы его регулирования и контроля созданы и эффективно функционируют, свидетельством чего является большое количество проблем, сопутствующих данному сегменту рынка и требующих взвешенного решения. Только комплексный подход к изучению и решению текущих и долгосрочных проблем, осуществляемый с учетом особенностей микрофинансирования и мнений всех его участников, позволит создать все предпосылки для дальнейшего эффективного развития микрофинансовой индустрии.

Ключевые слова: микрофинансовая организация, МФО, кредит, займ, финансовый рынок

Для цитирования: Долбилов А. В., Кузнецова Е. И. Оценка проблем и перспектив развития рынка микрофинансирования в России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 301–305. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-301-305>.

Original article

Assessment of problems and prospects for the development of the microfinance market in Russia

Aleksey V. Dolbilov¹, Elena I. Kuznetsova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ aleksej-dolbilov@yandex.ru

² elenkuz90@mail.ru

Abstract. The features of activity in the financial and credit market of microfinance organizations are considered. According to the authors, despite the active development of microfinance and high consumer demand for these services, not all mechanisms of its regulation and control have been created and are functioning effectively, as evidenced by the large number of problems associated with this market segment and requiring a balanced solution. Only an integrated approach to the study and solution of current and long-term problems, carried out taking into account the peculiarities of microfinance and the opinions of all its participants, will create all the prerequisites for further effective development of the microfinance industry.

Keywords: microfinance organization, MFO, credit, loan, financial market

For citation: Dolbilov A. V., Kuznetsova E. I. Assessment of problems and prospects for the development of the microfinance market in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):301–305. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-301-305>.

Микрофинансовые организации в России (далее — МФО) получили широкое распространение в последние полтора десятилетия. Особенностью их деятельности является то, что проводя агрессивную политику на рынке кредитования, они не раскрывают механизм своей работы. Деятельность МФО похожа на

© Долбилов А. В., Кузнецова Е. И., 2022

банковскую в части кредитования.

1. Кредиты, выданные МФО, носят возвратный характер, а срок возврата назначается самой организацией.

2. На кредиты, выданные МФО, также начисляются проценты. МФО не является в чистом виде кредитным учреждением и не обязано следовать требованиям Банка России и другим нормативным актам, регулирующим деятельность кредитных организаций. Деятельность МФО регламентируется собственными правилами и нормативными документами. Кредитные организации имеют одинаковые подходы к андеррайтингу заемщиков. Так при помощи информации, хранящейся в Бюро кредитных историй (БКИ), банки узнают о кредитной истории заемщика. Если она неудовлетворительна, с большой вероятностью заемщику будет отказано в выдаче кредита не только в этом банке, но и в других. Для таких клиентов единственной возможностью становится получение займа в МФО. В таких организациях не требуется подтверждения хорошей кредитной истории, отсутствия задолженности по платежам, наличия официального дохода и предоставление справки 2-НДФЛ или по форме банка, отсутствия судимостей.

В то же время история погашения займов заемщиками в МФО отправляется в БКИ. В случае неукоснительного соблюдения графика выплат и своевременного погашения задолженности, заемщик может

восстановить свой положительный «имидж».

В настоящее время займ в МФО можно получить через интернет. Для этого потребуется только паспорт. Здесь не играют значения анкеты и другие формальности. Основное значение имеет личное общение с заемщиком. Для этого практикуются даже выезды на дом к потенциальным клиентам.

Большую долю среди всех выданных кредитов занимают небольшие по размеру займы, сравнимые со средней зарплатой по региону или по отрасли.

График платежей по займам не составляется, так как выданные средства возвращаются, как правило, единовременно. Причиной этого являются короткие сроки для погашения займа.

Кредиты МФО выдаются сроком от нескольких дней до месяца. Ввиду этого проценты рассчитываются не по месяцам, как в случае выдачи кредита банком, а ежедневно. Как правило, они составляют 1–2 % в день.

Клиентами МФО являются частные лица, которые обращаются за займами «до зарплаты», мелкие предприниматели, стартапы, бизнес, находящийся на начальных стадиях, когда предприниматели не могут убедить банки в своей благонадежности. Невозвратные ссуды МФО продают коллекторам

Различия между МФО и кредитными организациями представлены нами в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение кредитных организаций и МФО

<i>Кредитные организации</i>	<i>МФО</i>
Вид продукта	
Выдача кредитов	Выдача займов
Целевая группа	
Выдача заемщикам, прошедшим процедуру андеррайтинга	Выдача заемщикам, которым отказали в кредитной организации
Порядок работы	
Максимальное хеджирование кредитных рисков	Выдача займов, которые невыгодны банкам из-за трудоемкости оформления и высоких рисков

Источник: составлено авторами

Согласно данным, представленным в таблице 1, можно сделать вывод о том, что, несмотря на различия, у кредитных организаций и МФО есть схожие черты.

Деятельность МФО не ограничивается выдачей займов. Наряду с банками МФО принимают вклады от физических лиц. Причем проценты по ним выше, чем предлагают кредитные организации. На вклады в МФО не распространяется действие системы государственного страхования вкладов, ввиду этого они являются рисковыми.

МФО функционируют под надзором Банка России,

который отслеживает их деятельность путем направления рекомендаций по деятельности, информационных писем, стандартов документации, типовых форм.

Необходимо отметить, что регулирование со стороны государства несколько снизило уровень мошенничества со стороны МФО и дало возможность добросовестным МФО функционировать по унифицированным правилам. У заемщиков так же появились права и возможность защиты.

В настоящее время МФО объединяются в ассоциации, выстраивают общие организационные структу-

ры, разрабатывают единые стандарты документации и принципы работы, что позволяет говорить о возникновении прозрачного рынка микрозаймов.

В настоящее время существует два вида МФО: микрофинансовые компании (МФК) и микрокредит-

ные компании (МКК). Существуют законодательные ограничения для определенных видов деятельности для МФК и МКК.

Классификация МФО по выделенным нами признакам приведена в таблице 2.

Таблица 2

Классификация МФО

Микрофинансовая компания	Микрокредитная компания
Размер собственного капитала	
Свыше 70 миллионов рублей	Нет
Источник фондирования	
Выпуск облигаций, средства от физических лиц и индивидуальных предпринимателей	Только юридические лица. От физических лиц поступления возможны только в случае, если они являются учредителями или акционерами
Ограничение на привлеченные средства	
От физических лиц — от 1500 000 рублей, от индивидуальных предпринимателей — нет	Нет

Источник: составлено авторами

На основании приведенных в таблице 2 классификации можно выделить ограничения отдельно для МФК и МКК. Рассмотрим общие запреты для них, которые распространяются на все МФО.

В настоящее время для МФО в России существуют следующие ограничения:

1. Запрет на поручительство по обязательствам своих учредителей;
2. Запрет выдачу займов в иностранной валюте;
3. Запрет увеличение процентных ставок по договорам в одностороннем порядке;
4. Запрет на увеличение размера комиссий без согласия клиента;
5. Запрет на профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг.

Кроме того, существуют отдельные запреты для МФК. Они не могут:

1. привлекать средства индивидуальных предпринимателей и физических лиц, не являющихся учредителями (исключение — займы по отдельному договору от 1 500 000 рублей, в установленных случаях — реализация облигаций);
2. выдавать деньги за кредитованным гражданам (если долг превысит 1000 000 рублей);
3. вести производственную и (или) торговую деятельность;
4. менять в одностороннем порядке существенные условия договоров о привлечении средств граждан.

Отдельные запреты для МКК. Они не могут:

1. привлекать средства индивидуальных предпринимателей и физических лиц, не являющихся учредителями (без исключений);

2. заключать договоры с за кредитованными гражданами (если обязательства превысят порог в 500 000 рублей);

3. выпускать и размещать облигации.

Таким образом, различные виды МФО позволяют предоставлять заемщикам большее разнообразие кредитных продуктов, что способствует развитию рынка микрозаймов в целом.

К группе проблем в отношении МФО в части незаконной деятельности и нарушения прав заемщиков.

Основные проблемы развития рынка микрофинансовых организаций:

1. Группа проблем в отношении МФО в части незаконной деятельности и нарушения прав заемщиков:
 - наличие установленной законом регистрации МФО в реестре Центрального банка (Банк России).
 - прозрачные условия выдачи займа и порядка начисления процентов.
 - заемщику необходимо уточнить штрафные санкции за просрочку возврата. Обстоятельства могут складываться по-разному, а штрафы иногда становятся для займодавцев выгодным источником дохода.
 - заемщику необходимо внимательно прочесть все пункты договора, прежде чем подписать его.
2. Группа проблем в отношении текущей деятельности МФО — это недостаток ликвидности, снижение спроса на ссуды, рост теневого сектора.

В большинстве своем данные проблемы характерны для небольших офлайн-организаций. Крупные онлайн-организации или гибридные онлайн-офлайн МФО находятся в более выгодном положении.

Ряд заемщиков, испытывающих трудности со средствами запрашивает пролонгацию займа без введения штрафных санкции. В ряде случаев, если это проверенный ранее заемщик, МФО идет навстречу. Часть заемщиков гасит кредит заранее, предполагая проблему со средствами в будущем.

В условиях обычных кризисов доходы населения падают, банки ужесточают процедуры андеррайтинга заемщиков, что ведет к увеличению рынка микрозаймов и повышению роли МФО. Однако в условиях настоящего кризиса самим МФО приходится ужесточать требования к заемщикам, чтобы остановить рост просроченной задолженности по кредитам.

В итоге на рынке остаются МФО, у которых есть инвесторы, антикризисные менеджеры и у которых нет проблем с ликвидностью, а небольшие МФО уходят с рынка.

3. Существенной проблемой остается проблема фондирования. Стандартный баланс МФО можно представить следующим образом: основным источником фондирования являются банковские кредиты, которые составляют около 50 % от общего объема фондирования, порядка 30 % объема пассивов формируется за счет собственных ресурсов учредителей и только 20 % финансирования привлекаются при помощи займов квалифицированных инвесторов.

4. Важной проблемой является недостаточное нормативное регулирование деятельности МФО. В настоящее время деятельность МФО регулируется Банком России. Следующим шагом будет разделение рынка микрокредитов на ссуды для физических и юридических лиц.

5. Существенной проблемой остаётся низкий уровень финансовой грамотности населения и осведомленности заемщиков о стоимости услуг МФО. Это является причиной роста ссудной задолженности по кредитам, так как заемщики не рассчитывают итоговую стоимость кредита. Кроме того, недостаток элементарных знаний и финансовой грамотности у населения приводит к низкой финансовой дисциплине и пунктуальности в отношении выплат.

Еще одним следствием финансовой неграмотности населения является рост теневого рынка кредитов. Обращаясь к мошенникам, занимающимся нелегальной деятельностью, строящих финансовые пирамиды, заемщики непроизвольно стимулируют их рост. Мошенники гарантируют помощь в погашении долгов за невысокий процент и, по сути, увеличивают сумму задолженности. Последующее обращение к кредитным брокерам может привести к обвинению в мошенничестве самого заемщика.

В настоящее время данную проблему пытаются решить на законодательном уровне при помощи раскрытия информации о микрозаймах и их полной стои-

мости для заемщика. Также Банком России были установлены ограничения в отношении штрафов и пени. Безусловно, подобные меры необходимы не только для заемщиков, но и для всего рынка в целом, а в перспективе эти меры приведут к уменьшению долговой нагрузки. Однако с нашей точки зрения, чрезмерная зарегулированность может негативно повлиять на развитие рынка микрозаймов и повлечь снижение их привлекательности для заемщика.

Специфика категорий населения, на который направлены деятельность МФО, не предполагает наличие большого числа ограничений, так как это, в конечном счете, может приблизить МФО к кредитным организациям. Это снизит доступность услуг МФО для населения.

б) Затруднения в части взыскания долгов. В случае возникновения безнадёжных долгов, кредитные организации перепродают портфели коллекторам. В случае с МФО это влечёт ряд трудностей:

- Утяжеление баланса коллекторских компаний долгами по микрозаймам;
- Агентская схема, которая менее выгодна, чем продажа портфелей;
- Высокие комиссии коллекторских компаний;
- Невысокая эффективность взыскания долгов по микрокредитам;
- Сложности в анализе портфелей микрофинансовых организаций;
- Сегмент должников МФО специфичен, поскольку это зачастую население с минимальными доходами и продуктивность взыскания гораздо ниже, чем по банковским долгам;
- МФО поздно передают просроченную задолженность, а по старым долгам проблематично работать;
- Отсутствие ясной системы возврата долгов у разных компаний.

Многие МФО не могут найти коллекторские агентства, ввиду чего создают собственные службы взыскания долгов по займам, что малоэффективно и дает дополнительную нагрузку на их баланс. В худшем случае это оказывается причиной сотрудничества микрофинансовых организаций с сомнительными агентствами, что создает отрицательный фон всему рынку МФО.

Таким образом, МФО являются организациями, которые выдают микрозаймы для тех категорий населения, которые являются неблагонадежными с точки зрения банков. В настоящее время деятельность МФО регулируется Банком России, что позволяет говорить о появлении регулируемого рынка микрозаймов. Несмотря на схожесть, существует множество отличий между МФО и банками, так как их работа строится на разных юридических и экономических основани-

ях. Анализ текущего состояния и тенденций формирования микрофинансирования говорят о том, что в перспективе рынок микрофинансирования будет продолжать качественно совершенствоваться на фоне уменьшения количества его участников.

Библиографический список

1. Винникова И. С., Кузнецова Е. А., Мухина Е. С. Проблемы формирования финансовой грамотности в России // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-finansovoy-gramotnosti-v-rossii> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Михеева М. В. Оценка современного состояния сектора малого и среднего бизнеса в Российской Федерации и актуальных проблем его развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 259–262.
3. Пузырев С. А. Финансово-кредитная система : учебно-практическое пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 179 с.
4. Сплендер В. А. Комплексная оценка уровня инвестиционной привлекательности стартапа

/ В. А. Сплендер, А. В. Орлов // Отходы и ресурсы. 2019. Т. 6. № 3. С. 10.

Bibliographic list

1. Vinnikova I. S., Kuznetsova E. A., Mukhina E. S. Problems of financial literacy formation in Russia // Problems of modern pedagogical education. 2019. № 64-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-finansovoy-gramotnosti-v-rossii> (date of address: 03/20/2022).
2. Mikheeva M. V. Assessment of the current state of the small and medium-sized business sector in the Russian Federation and current problems of its development // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 5. P. 259–262.
3. Puzyrev S. A. Financial and credit system : educational and practical manual. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2016. 179 p.
4. Splender V. A. Comprehensive assessment of the level of investment attractiveness of a startup / V. A. Splender, A.V. Orlov // Waste and resources. 2019. Vol. 6. № 3. P. 10.

Информация об авторах

А. В. Долбилов — начальник кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук;

Е. И. Кузнецова — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Dolbilov — Head of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences;

E. I. Kuznetsova — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economics, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Научная статья

УДК 331.556

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-306-311>

NIJON: 2003-0059-4/22-399

MOSURED: 77/27-003-2022-04-598

Статистический инструментарий исследования взаимосвязи налоговой нагрузки и уровня теневой экономики

Андрей Евгеньевич Ляпин

Главное Управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, Москва, Россия,
Lyapin-obep@yandex.ru

Аннотация. Систематизированы взгляды различных учёных на причины существования теневой экономики, количественно оценена степень влияния налоговой нагрузки на её масштабы. Рассмотрены данные по поступлению налогов в бюджеты в динамике, исследованы изменения в поступлении НДС при повышении ставки налога в 2019 г. и снижении количества зарегистрированных организаций в период пандемии. При написании статьи использовались статистические данные Федеральной налоговой службы и Федеральной службы государственной статистики.

Ключевые слова: налоговое бремя, налоговая нагрузка, теневая экономика, уклонение от уплаты налогов, экономический анализ, статистика

Для цитирования: Ляпин А. Е. Статистический инструментарий исследования взаимосвязи налоговой нагрузки и уровня теневой экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 306–311. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-306-311>.

Original article

Statistical tools for studying the relationship between the tax burden and the level of the shadow economy

Andrey E. Lyapin

Main Directorate of Economic Security and Anti-corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
Lyapin-obep@yandex.ru

Abstract. The article examines the views of various authors on the causes of the functioning of the shadow economy, as well as the degree of influence of the tax burden on its scale. Data on the receipt of taxes to budgets in dynamics are considered, changes in the receipt of VAT with an increase in the tax rate in 2019 and a decrease in the number of registered organizations are investigated. When writing the article, statistical data of the Federal Tax Service and the Federal State Statistics Service were used.

Keywords: tax burden, tax burden, shadow economy, tax evasion, branch economy, economic analysis, statistics

For citation: Lyapin A. E. Statistical tools for studying the relationship between the tax burden and the level of the shadow economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):306–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-306-311>.

Теневая экономика является серьезной проблемой не только в развивающихся странах, или меняющих экономическую формацию, или испытывающих депрессивное состояние, но и в развитых Европейский странах. В условиях затянувшегося кризиса в экономике, вызванным пандемией - проблема противодействия теневой экономики стоит наиболее остро. Рос-

сийские и иностранные ученые расходятся во мнении, что на самом деле является драйвером роста «теневых» экономических отношений. Можно ли считать организации, которые не платят налоги составляющей частью теневой экономики? Как налоговая нагрузка влияет на принятие решения об уходе организации в «тень»?

© Ляпин А. Е., 2022

По мнению большинства Российских и иностранных ученых одной из главных причин ухода предпринимателей в тень является высокая налоговая нагрузка. Так, Арипов М. Г. в своих трудах заявляет, что налоговое бремя является главной причиной ухода хозяйствующих субъектов в тень. Если обратиться к показателям поступлений НДС от реализации товаров на внутреннем рынке за период 2018–2021 гг., когда произошло увеличение ставки НДС с 18 % до 20 % (таблица 2), то мы увидим, что поступление налогов не только не сократилось, а увеличилось на 37 % в 2021 по сравнению с уровнем 2018 года.

Мнение о влиянии высоких налогов в качестве основной из причин, влияющих на уровень теневой экономики, разделяют не все авторы. Многие иностранные ученые считают, что налоговая нагрузка не влияет на мотивацию предприятий уходить в тень. Так, Эрнандо де Сото в своих исследованиях приводит данные, что при анализе финансово-хозяйственных показателей Перуанских организаций расходы на налоги не превышают 22 %. Свои доводы Перуанский экономист сделал на основе анализа уличных торговцев, которые не имели разрешения на осуществление торговой деятельности, при этом оплачивали налоги в полном размере. Основной причиной оплаты налогов являлась квитанция об оплате, которую уличные торговцы демонстрировали проверяющим органам. Примечательно, что уплата налога не предоставляла им права торговать на улице, но несмотря на это, власти принимали факт оплаты и не прогоняли торговцев. Более того, сумма налогов, поступающая в бюджет от уличных торговцев, была сопоставима с розничными магазинами. На основании данных показателей Эрнандо де Сото сделал вывод, что причиной ухода в тень является не высокое налоговое бремя, а иные издержки, связанные с осуществлением легальной предпринимательской деятельности [1, с. 71].

Также существует мнение, что налоговая нагрузка никак не влияет на масштабы теневой экономики. Внимания заслуживает работа Р. Нека, Ю. Вотчера и Ф. Шнайдера, в которой коллектив авторов рассчитал показатели финансово-хозяйственной деятельности организаций после налоговой реформы, проведенной в Австрии в конце 1980-х годов. В рамках реформы были снижены налоговые ставки. Ожидаемого роста налоговых платежей, а равно снижений масштабов теневой экономики, не произошло, напротив, данные изменения способствовали спаду собираемости налогов. Основной причиной, по мнению ученых, была не высокая налоговая нагрузка, а сложные процедуры уплаты налогов, которые складывались в тот период в Австрии [2].

По оценкам Международного валютного фонда размер теневой экономики в России в 2021 году со-

ставляет 38 % ВВП (136 трлн рублей). Депутат Госдумы от КППРФ Николай Арфьев заявил, что если учесть неуплаченные налоги, то прибавится еще 15 трлн рублей [3].

В начале 2022 года с целью стимулирования экономической активности населения в Государственной думе Российской Федерации предложили отменить НДС и НДСФЛ для нового бизнеса сроком до 3 лет.

Стоит отметить, что почти половину доходов бюджета России составляет НДС. В 2020 году доля доходов от НДС составила 38,5 %, [4] остальная доля приходится на нефтегазовые и иные доходы.

Идея с отменой НДС и НДСФЛ вызывает интерес, но реализовать ее невозможно. По задумке депутата Госдумы вновь созданная организация освобождает от уплаты НДС и НДСФЛ на 3 года. На наш взгляд, данным послаблением будут пользоваться с целью уклонения от уплаты налогов. В большинстве случаев, если организация создается с целью оптимизации налогов или задействована в «теневых» операциях, то срок её существования небольшой, а три года — это предел её функционирования. В настоящее время зарегистрировать организацию на подставное лицо не является проблемой, при этом директором организации будет не лицо, ведущее аморальный образ жизни, а вполне интеллигентный среднестатистический человек. Данным предложением заполонен интернет и интернет-мессенджеры. Вопрос лишь в цене данной услуги. Разумеется, за данные действия предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 173.1 УК РФ, но возможная прибавка к доходу перевешивает возможное привлечение к уголовной ответственности.

Рассмотрим данные, представленные в таблице 1.

Забегая вперед, отметим, что одним из факторов повышения налоговых платежей в бюджет как раз является применение ст. 173.1 УК РФ в отношении номинальных руководителей организации. Если до 2017 года отсутствие неизбежности наказания для номинальных руководителей и это было одним из факторов увеличения числа налоговых преступлений, то на сегодняшний день применение данной нормы Уголовного кодекса позволило повысить платежи в бюджет.

Структуру доходной части бюджета в основной состоит из налоговых платежей, при этом основная доля приходится на НДС, НДСПИ и акцизы. Последние годы сумма, поступающая в бюджет от НДСФЛ, также имеет положительную динамику. В 2020 г. поступления данного налога достигли значений 4,2 трлн руб. В случае отмены НДС и НДСФЛ, доходная часть бюджета страны сильно сократится, что повлияет на финансировании социальной сферы и стабильности налоговой системы в целом.

**Данные по количеству возбужденных уголовных дел
и числу привлеченный к уголовной ответственности лиц по ст. 173.1 УК РФ**

	Количество выявленных преступлений	Из которых уголовные дела направлены в суд с обвинительным заключением	Количество преступлений, уголовные дела по которым приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ	П.1	П.2	П.3	П.4	Выявлено лиц	Осуждено	Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям по основной статье
2017	2936	499	1164	1137	19	2	6	385	96	35
2018	5330	708	2086	2025	47	10	4	832	211	161
2019	6421	766	3185	3136	42	6	1	1036	276	199
2020	7036	815	3473	3415	30	16	12	993	200	212
бмес 2021	4885	393	1673	1658	4	0	11	553	-	-

Более того, отмена НДС не приведет к снижению уровня цен, так как в условиях рыночных отношений ценообразование зависит в большинстве случаев от соотношения спроса и предложения на товары, а не от ставки налога. В случае с НДС, вся сумма налога в любом случае оплачивается покупателем.

Определить масштабы теневой экономики для различных стран — сложная задача, а в её отдельных регионах и городах иногда и невыполнимая. В условиях цифровизации и изменений в экономике, процессы, протекающие в теневой секторе также трансформируются и все больше переплетаются с официальной экономикой. При этом, использование различных платежных систем, применение электронных денежных средств и криптовалют затрудняет не только выявление лиц, задействованных в теневых процессах, но и создает дополнительные сложности для учета и анализа данных.

По данным новостного агентства Bloomberg граждане Российской Федерации владеют криптовалютами на общую сумму 200 млрд долл. США, что составляет 1/3 капитализации всего Российского фондового рынка.

Результаты исследования, посвященные определению масштабов и уровню теневой экономики сильно разнятся, как в стоимостном выражении, так и по охвату задействованного в теневых процессах трудоспособного населения. Несмотря на это, практически все авторы в числе отраслей лидеров теневой экономики выделяют сферу строительства, рынок услуг, розничную торговлю и общественное питание.

Различие применяемых методов и различие в получаемых результатов обусловлены большой экономической дифференциацией между регионами. При анализе научных трудов, посвященных изучению те-

невой экономики, мы обнаружили, что работ, посвященных исследованию теневых отношений на макроуровне достаточно большое количество, в то же время на микроуровне, или в разрезе отраслей экономики — недостаточно.

Несмотря на то, что существует множество подходов, применяемых для исследования уровня теневой экономики, не существует одного, используя который, с высокой достоверностью можно измерить уровень теневой экономики. Каждый из применяемых методов имеет свои недостатки.

Основной причиной получения искаженных данных по уровню теневой экономики является использование методов, которые неприемлемы к конкретному объекту исследования. Так, методы оценки теневой экономики на уровне государства не всегда подходят для использования на региональном уровне.

Например, при использовании прямых методов, к которым относится метод опроса, сопоставление доходов и расходов физических хозяйствующих субъектов и т. д., получаемые результаты обычно занижаются. Прямые методы обычно применяются для оценки теневой экономики на уровне регионов, отраслей экономики. При использовании прямых методов на макроуровне, результаты будут недостоверны.

Для оценки теневой экономики на региональном уровне обычно применяют косвенные методы, которые основаны на применении данных официальной статистики различных служб и ведомств (балансовый метод, монетарный метод и т. д.). Особенностью применения косвенных методов является получение завышенных показателей уровня теневой экономики.

Можно ли использовать данные по количеству выявленных преступлений экономической направлен-

сти для оценки уровня теневой экономики? Можно, но только в определенной части и не весь перечень статей. На наш взгляд, для этого подходят статьи, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью (ст. 171 УК РФ), оборотом немаркированных товаров (ст. 171.1 УК РФ), связанные с незаконным образованием и реорганизацией юридических лиц или незаконным использованием документов (ст. 173.1, ст. 173.2 УК РФ), незаконной банковской деятельностью (ст. 172 УК РФ), неправомерным оборотом средств платежа (ст. 187 УК РФ) и т. д.

При анализе данных ФНС России отметим, что несмотря на общий спад экономической активности населения ввиду распространения коронавирусной инфекции, за первое полугодие 2021 года поступления налогов в бюджет выросли почти на

30 % (на 2,9 трлн руб.).

Определим факторы, которые способствовали росту поступления налогов в бюджет.

Обратимся к данным по количеству зарегистрированных организаций и ИП за период с 2019 по 2021 гг. Для этого обратимся к статистическому отчету по форме № 1-ЮР [5].

Из приведённых данных следует, что количество зарегистрированных организаций с 2017 года снизилось почти на 40 %, численность также сократилась на 3 %, при этом доля безработных увеличилась более чем на 10 %. Данные показатели объясняются тенденциями, складывающееся последнее десятилетие не только в России, но и в развитых странах в части изменения ценностей и экономической ориентации трудоспособного населения в возрасте от 18 до 35 лет.

Таблица 2

**Количество зарегистрированных организаций,
численность населения, занятых и среднемесячная начисленная заработная плата**

	По состоянию на начало года, млн. чел.					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Зарегистрировано организаций в ЕГРЮЛ	4 553 818	4 371 335	4 085 035	3 744 617	3 436 556	3 274 285
Численность населения	146,8	146,8	146,7	146,7	146,1	145,4
Численность занятых	72,3	72,5	71,9	70,6	71,5	-
Численность безработных	3,9	3,6	3,4	4,3	4,3	-
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	36 709	39 167	43 724	47 867	51 344	-
Официальная инфляция, %	2,52	4,27	3,05	4,91	8,39	-

Таблица 3

Доходы федерального бюджета России, млрд. руб.

Показатель	2018	2019	2020	2021
ДОХОДЫ, ВСЕГО	18 747,5	19 969,3	20 218,6	20 978,0
НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	8 714,3	8 298,2	7 936,3	8 018,2
Базовые нефтегазовые доходы	4 699,4	4 929,1	5 159,3	5 386,2
НЕНЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	10 033,2	11 671,1	12 282,3	12 959,8
НДС на товары, реализуемые на территории РФ, в т.ч.	3 446,5	3 986,4	4 279,3	4 609,4
Акцизы на производимые товары,	845,2	969,6	959,1	948,8
Налог на прибыль	896,5	960,3	978,0	1 019,7
Связанные с импортом	3 151,8	3 667,5	3 916,9	4 204,6
НДС на ввозимые товары в т.ч.:	2 432,7	2 913,3	3 115,9	3 348,7
повышение ставки НДС с 18% до 20%	-	268,5	287,1	308,6
Акцизы на ввозимые товары	95,7	98,7	106,3	111,9
Ввозные таможенные пошлины	623,4	655,5	694,7	744,0
Прочие доходы	1 693,2	2 087,3	2 149,0	2 177,3

Исходя из данных таблицы 2, следует, что доля дохода бюджета от поступления налоговых платежей с каждым годом растет. Так, доля дохода от поступлений НДС (на товары, реализуемые на территории РФ) — увеличилась на 30 %, от акциза — 12 %, от налога на прибыль — 13 %, НДС на ввозимые товары почти на 40 %. То есть возникла парадоксальная ситуация, вместе с сокращением хозяйствующих субъектов на 40 % произошел рост поступления налогов на аналогичную величину. Какие факторы способствовали данной трансформации?

Во-первых, на снижение числа зарегистрированных организаций повлияло повсеместное снижение экономической активности населения и введение локдаунов, перевод сотрудников на удаленный режим работы, отказ от аренды больших площадей, оптимизация численности организаций, регистрация сотрудников в качестве самозанятых и т. д. Также этому способствовало изменение методов работы налоговых органов и массовое внесение в ЕГРЮЛ сведений о недостоверности по результатам работы, проведенной контрольными и надзорными органами. Также на снижение количества зарегистрированных организаций влияют результаты работы кредитно-финансовых учреждений и ЦБ России, в части блокировки расчетных счетов на основании Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ. В случае блокировки счетов организации или физического лица, осуществлять предпринимательскую деятельность невозможно. Открыть новые расчетные счета после блокировки также проблематично.

Кроме этого, развитие интегрированных баз данных, автоматизированных систем контроля и иных информационно-справочных массивов способствовало более качественному уровню проводимой работы налоговыми и правоохранительными органами. Центром внимания стали не «технические» и «транзитные» организации, а бенефициары и выгодоприобретатели различных схем по уклонению от уплаты налогов или обналичиванию денежных средств. В связи с этим, если в цепочке дерева связей до 4 звена имеются разрывы, то в большинстве случаев налоговый инспектор направит требование о предоставлении документов не только сомнительному контрагенту, но и всем организациям по цепочке до конечного бенефициара.

На первый взгляд снижение количества организаций носит только позитивный характер, однако это не так. Вместе с сокращением числа сомнительных организаций сокращается доля вновь созданных компаний, что ведет к снижению конкуренции между субъектами малого и среднего предпринимательства, отсутствию новых рынков сбыта, а как следствие к

стагнации экономики и перетекания финансов в бюджетный сектор.

Топливом теневой экономики являются денежные средства, а точнее наличных денежные средства и получившие распространение последние годы различные криптовалюты.

С одной стороны из года в год растет доля безналичных платежей, в конце года 2021 года, объем безналичных транзакций впервые превысил объем денежных средств, снятых с банкоматов. Причин тут несколько, во-первых, с введением карантина возросла доля онлайн заказов, оплата услуг и т. д. Во-вторых, в связи с потерей и снижением доходов население стало чаще использовать кредитные карты. Повсеместно использование безналичных денежных средств позволит осуществлять контроль не только над расчетными счетами организаций, но и контролировать расходы самих граждан, что в долгосрочной перспективе облегчит налоговое администрирование недекларируемых доходов.

Высокая налоговая нагрузка не единственная причина ухода предприятий в тень, поэтому решение данной проблемы должно быть комплексным. Анализ представленных данных показал, что последние годы доход бюджета увеличился благодаря налоговым поступлениям, но при этом происходило сокращение количества хозяйствующих субъектов, что в долгосрочной перспективе приведет к стагнации экономики и снижению благосостояния населения страны. В связи с этим необходимо активизировать поддержку Российских производителей и повышать инвестиционную привлекательность страны.

Список источников

1. Сото Э. де. Иной путь : Экономический ответ терроризму / пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск : Социум, 2007.
2. Neck R., Wächter J.U., Schneider F. Tax avoidance versus tax evasion: on some determinants of the shadow economy // *International Tax and Public Finance*. 2012. Vol. 19, iss. 1. P. 104–117.
3. Электронное издание журнала «Эксперт» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://expert.ru/2022/01/9/deputat-nazval-summu-nakotoruyu-gosudarstvo-ograbilo-rossiyan/> (дата обращения 15.02.2022).
4. Письмо Минфина России от 05.10.2021 № 03-07-14/80344 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.02.2022).
5. Отчет по форме № 1-ЮР [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10553558/ (дата обращения 15.02.2022).

References

1. Soto E. de. Another way : An Economic Response to terrorism / translated from the English by B. Pinsker. Chelyabinsk : Socium, 2007.
2. Neck R., Wächter J.U., Schneider F. Tax avoidance versus tax evasion: on some determinants of the shadow economy // International Tax and Public Finance. 2012. Vol. 19, iss. 1. P. 104–117.
3. Electronic edition of the Expert magazine [Electronic resource]. Access mode: <https://expert.ru/2022/01/9/deputat-nazval-summuna-kotoruyu-gosudarstvo-ograbilo-rossiyan/> (accessed: 15.02.2022).
4. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 05.10.2021 № 03-07-14/80344 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 18.02.2022).
5. Report on Form № 1-JUR [Electronic resource]. Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10553558/ (accessed: 15.02.2022).

Библиографический список

1. Латов Ю. В. Эволюция исследования неформального сектора экономики за рубежом (Научно аналитический обзор) // Теневая экономика : экономический и социальный аспекты : пробл. темат. сб. М., 1999. С. 30–66.
2. Леонов С. А. Неиспользуемые возможности по снижению налоговой нагрузки индивидуальных предпринимателей и особенности расчета

косвенных платежей // Дневник науки. 2020. № 10 (46). С. 26.

3. Купрешенко Н. П. Теневая экономика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н. П. Купрешенко. Москва : Закон и право : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 199 с.
4. Сидоренко К. А. Оценка изменения налоговой нагрузки на малый бизнес // Экономика и бизнес : теория и практика. 2021. № 12-3 (82). С. 62–65.

Bibliographic list

1. Latov Yu. V. Evolution of the study of the informal sector of the economy abroad (Scientific and analytical review) // Shadow economy : economic and social aspects : probl. temat. sb. M., 1999. P. 30–66.
2. Leonov S. A. Unused opportunities to reduce the tax burden of individual entrepreneurs and features of the calculation of indirect payments // Diary of Science. 2020. № 10 (46). P. 26.
3. Kupreschenko N. P. Shadow economy : a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty «Jurisprudence» / N. P. Kupreschenko. Moscow : Law and Law : UNITY-DANA, 2015. 199 p.
4. Sidorenko K. A. Assessment of changes in the tax burden on small businesses // Economics and Business: theory and practice. 2021. № 12-3 (82). P. 62–65.

Информация об авторе

А. Е. Ляпин — кандидат экономических наук.

Information about the author

A. E. Lyapin — Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Научная статья

УДК 336.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-312-319>

NIJON: 2003-0059-4/22-400

MOSURED: 77/27-003-2022-04-599

Риски и угрозы при обеспечении экономической безопасности коммерческих банков в сфере потребительского кредитования в России

Андрей Владимирович Минаков¹, Мария Михайловна Милославская²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² mmmson@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что современный этап характеризуется высоким уровнем турбулентности среды, учитывая процессы глобализации, что в свою очередь приводит к появлению новых и обострению уже существующих рисков. Именно в такой среде осуществляет свою деятельность банковская система России. Существующие угрозы, а именно санкции со стороны ряда стран, резко возросшие с февраля-марта 2022 года, высокая волатильность национальной валюты и экономическая нестабильность российского рынка, для банковского сектора, обуславливают сложность проблем его развития. Основной целью исследования выступает обобщение существующих рисков и угроз для безопасности банков в сфере потребительского кредитования, для выявления перспектив и основных возможностей в этом направлении. Методика исследования заключается в использовании общенаучных методов (анализа, синтеза, сравнения) и специально-научных методов. К основным задачам исследования можно отнести изучение теоретических подходов к пониманию потребительского кредитования, а также выявление основных рисков и угроз в данной сфере, что даст возможность выявить основные направления обеспечения экономической безопасности банков в сфере потребительского кредитования. Областью применения результатов являются прикладные исследования в рамках обеспечения экономической безопасности коммерческих банков относительно сферы кредитования (отдельных ее направлений). В рамках основных выводов можно обозначить, что постоянно меняющиеся условия внешней (международные, политические и иные отношения между странами) и внутренней (проводимая политика внутри страны, действия государства в данном направлении) среды на современном этапе требуют постоянного изучения данного вопроса, поскольку все его участники играют значимую роль в развитии страны и представляют собой определенный механизм, нарушение которого может привести к негативным последствиям.

Ключевые слова: потребительское кредитование, кредитование населения, риски кредитования, безопасность кредитования, кредитные риски

Для цитирования: Минаков А. В., Милославская М. М. Риски и угрозы при обеспечении экономической безопасности коммерческих банков в сфере потребительского кредитования в России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 312–319. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-312-319>.

Original article

Risks and threats in ensuring the economic security of commercial banks in the field of consumer lending in Russia

Andrey V. Minakov¹, Maria M. Miloslavskaya²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² mmmson@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the fact that the current stage is characterized by a high level of environmental turbulence, given the processes of globalization, which in turn leads to the emergence of new and

aggravation of existing risks. It is in this environment that the Russian banking system operates. The existing threats, namely sanctions from a number of countries, which have increased sharply since February-March 2022, the high volatility of the national currency and the economic instability of the Russian market, for the banking sector, determine the complexity of the problems of its development. The main purpose of the study is to summarize the existing risks and threats to the security of banks in the field of consumer lending, to identify prospects and main opportunities in this direction. The research methodology consists in the use of general scientific methods (analysis, synthesis, comparison) and special scientific methods. The main objectives of the study include the study of theoretical approaches to understanding consumer lending, as well as identifying the main risks and threats in this area, which will make it possible to identify the main directions for ensuring the economic security of banks in the field of consumer lending. The scope of the results is applied research in the framework of ensuring the economic security of commercial banks in relation to the sphere of lending (its individual areas). As part of the main conclusions, it can be noted that the constantly changing conditions of external (international, political and other countries, the actions of the state in this direction) environments at the present stage require constant study of this issue, since all its participants play a significant role in the development of the country and represent a certain mechanism, the violation of which can lead to negative consequences.

Keywords: consumer lending, household lending, lending risks, lending security, credit risks

For citation: Minakov A. V., Miloslavskaya M. M. Risks and threats in ensuring the economic security of commercial banks in the field of consumer lending in Russia. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(4):312–319. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-312-319>.

На современном этапе обеспечение экономической безопасности начинает приобретать наибольшее значение для всех экономических субъектов, не являются исключением и коммерческие банки. Гарантом суверенитета последних выступают эффективное использование ресурсов и эффективная реализация управленческих решений, что в совокупности обеспечивает защищенность от воздействия угроз, как внешних, так и внутренних, в данной ситуации обеспечивая стабильность или другими словами экономическую безопасность коммерческого банка. Наибольшую существенность приобретает обеспечение стабильности в сфере потребительского кредитования, что обусловлено проведением большого массива операций в прямом взаимодействии с населением. В условиях роста санкций против России, включая ее финансовый сектор, в финансовой системе страны значительно выросли угрозы, риски. Одним из важнейших направлений банковской деятельности является кредитование. Сектор потребительского кредитования — одно из направлений банковского кредитования, развитию которого большинством коммерческих банков уделяется много внимания. В условиях роста рисков в банковской сфере обостряется проблема просроченной задолженности по потребительским кредитам, в тоже время для банков существует риск потери ликвидности, что может привести к сдерживанию и сокращению объемов кредитования. Рост ставок по кредитам во многом зависит и от обостряющихся кредитных рисков, от роста просроченной задолженности заемщиков. Значительное увеличение Банком России ключевой ставки в связи с ростом рисков в банковской сфере заставляет банки также увеличивать процентные

ставки по кредитам, что ведет к сокращению объемов кредитования. В то же время, рост стоимости ресурсов для банков (межбанковского кредита, депозитов) также является фактором роста ставок по кредитам, иначе банки получают отрицательный маржинальный доход. В данной ситуации актуальность вопроса обеспечения экономической безопасности коммерческих банков в секторе потребительского кредитования достаточно высока.

Кратко рассмотрим теоретические аспекты исследования относительно основных понятий.

Часть авторов понимают под кредитованием, сопряженные с большими рисками, операции, учитывая значительное многообразие таких операций [1, с. 7]. В данной ситуации потребительское кредитование выступает одним из видов кредитования.

На современном этапе потребительское кредитование среди финансовых услуг, предоставляемых коммерческими банками и иными кредитными организациями, является одной из самых популярных. Данный вид кредитования является своего рода драйвером в развитии экономики страны, поскольку стимулирует спрос на товары и услуги, тем самым оказывая влияние на объемы производства этих товаров и услуг, увеличивая их [2, с. 181].

Понятие потребительского кредита раскрываются и в Федеральном законе «О потребительском кредите (займе)» и понимается как, предоставляемые заемщику денежные средства (средства предоставляются кредитором). Основой такого предоставления денежных средств выступает кредитный договор с использованием электронных средств платежа. Основная цель предоставления денежных средств от кредитора за-

емщику не связанна с предпринимательской деятельностью, ее исполнением [3]. В данной ситуации можно проследить определенное отличие данной формы кредитования (потребительский кредит) от его других форм, а именно его предоставление только физическим лицам, а характер такого кредитования является исключительно потребительский.

Относительно подхода к определению кредита потребительского, можно обозначить два направления, которые оказывают влияния, это касается потребительских целей, которые могут иметь потребительский (кредиты на текущие нужды, кредиты наличными) характер и производительный (кредиты: на ведение хозяйства, на улучшение жилищных условий, либо на приобретение жилья, либо на строительство такого жилья) [4, с. 227].

Некоторые авторы склоняются к следующей дифференциации потребительских кредитов [5, с. 5]:

- с условиями рассрочки;
- с использованием карточек: расходных и кредитных;
- в виде ссуд, возобновляемых автоматически.

Если рассматривать объекты и субъекты потребительского кредитования, то к первым можно отнести используемый с целью конечного потребления ссудный капитал. Что касается субъектов, то в качестве них выступают кредиторы с одной стороны и заемщики с другой стороны. Соответственно кредиторами могут быть как, получившие по договору кредита в порядке уступки право требования к данному заемщику, так и некредитные финансовые организации (специализирующиеся на узких направлениях) и кредитные финансовые организации (коммерческие банки). Соответственно в качестве заемщика выступает, обратившееся к кредитору, физическое лицо с целью получения потребительского кредита.

Все сказанное дает возможность утверждать относительно сущности потребительского кредитования — основу его составляет предоставление денежных средств на таких условиях как: срочность, платность и возвратность, то есть средства предоставляются по целевому назначению в долг с рассрочкой платежа. На основании этого можно говорить и о том, что цель такого вида кредитования, за счет ускорения процесса сбыта и стимулирования труда его эффективности, заключается в перераспределении капитала, в том числе и между отраслями [6, с. 126].

В целом можно выделить в рамках потребительского кредитования некоторые особенности. Коротко можно утверждать, что займ физическому лицу для личных целей (либо целенаправленно (на покупку чего-либо), либо без целевого назначения) и представляет собой потребительский кредит. Также часть

кредитных организаций понимают в качестве ссуды потребительские кредиты, которые осуществляются в наличных деньгах [7, с. 785]. В данной ситуации и проявляются определенные особенности, но в большей степени они отражают некоторую классификацию потребительского кредитования:

- потребительский кредит (ссуда) может зависеть от наличия обеспечения, в данной ситуации речь идет о потребительском кредите: под залог приобретаемого чего-либо (товара, предмета и иное); без залога;
- потребительский кредит под залог зависит от того, что приобретает физическое лицо: имущество, так же это могут быть гарантии поручителей.

В тоже время потребительский кредит может применяться как в форме наличности (наличных денежных средств), так и в натуральной форме, то есть в форме товара (в этом случае сумма кредита для заемщика, минуя его самого, направляются на счет продавца, минуя заемщика). Последнее может быть сделано с использованием банковской кредитной карты, по которой установлен кредитный лимит, в пределах которого возможен расчет с продавцом с условием обязательного погашения использованной суммы заемщиком в установленные сроки, а также начисленных процентов за пользование кредитным лимитом.

Также возможна классификация потребительского кредита относительно его формы, а именно: в форме банковского кредита (относительно потребительской цели это ссуда) и в форме коммерческого кредита (в данной ситуации действует отсрочка платежа при продаже товара) [8, с. 184].

Также одной из особенностей такого вида кредитования является влияние таких факторов, как запрашиваемая заемщиком сумма или относительно приобретаемого товара его стоимость, на срок кредитования. В данной ситуации можно обозначить:

- кредиты, выдаваемые до одного года, они могут выдаваться сроком от одного до 12 месяцев, в данной ситуации речь идет о краткосрочных кредитах;
- кредиты, выдаваемые от одного до трех лет, в данной ситуации можно говорить о среднесрочных кредитах;
- кредиты, выдаваемые свыше трех лет (иногда сроки таких кредитов могут быть и 15 и 30 лет, что будет зависеть от условий кредитора), такие кредиты являются долгосрочными.

Можно обозначить основные составляющие кредитного договора, так называемые ключевые условия: это срок обязательств, указанных в договоре, сумма и ставка по кредиту. Последняя представляет собой издержки за пользование деньгами, которые заемщик

платит кредитору, она выражена в процентах (как правило, годовых) и представляет собой сумму этих издержек. Помимо этого, существует прямая зависимость величины ставки от таких условий как страховка, срок кредитования и сумма кредита.

В настоящее время банки осуществляют свою деятельность в условиях высоких рисков, обусловленных существующими угрозами экономической безопасности страны, в результате негативного воздействия различных факторов макроокружения (внешней среды).

В данной ситуации можно рассматривать угрозу как риск, который может оказать негативное воздействие на результат деятельности коммерческого банка, а именно привести к негативным финансовым последствиям.

Часть авторов считают, что кредитный риск является одним из основных, которому подвержены кредитные организации. Поскольку при неспособности заемщика отвечать по своим обязательствам перед банком, для последнего это может выразиться потерей его финансовых активов. В данной ситуации необходимо учитывать масштаб, поскольку кредитные организации в большей доле работают с физическими лицами, предоставляя определенные виды потребительского кредита [9, с. 41].

Рассматривая риски и угрозы обеспечения безопасности банков в сфере кредитования можно также выделить кредитно-денежную политику, проводимую Банком России (ЦБ РФ), поскольку именно она является, относительно экономики страны, основным инструментом ее регулирования.

Все факторы, значимые для коммерческого банка становятся таковыми именно посредством реагирования на них мерами регулятора [10, с. 265]. Примером может служить следующее: снижение объемов кредитования за счет увеличения ставки процента ЦБ РФ для снижения инфляционного процесса (толчком для такого процесса послужила, например, чрезмерная эмиссия). В данной ситуации присутствует и риск ликвидности, который оказывает значительное влияние на объемы кредитования коммерческих банков в основном к их снижению [11].

В тоже время, негативные тенденции, происходящие в экономике страны также оказывают отрицательное влияние на финансовую ее безопасность, транслируя определенные риски и угрозы, сюда также можно отнести снижение доходов населения, что приводит, и к снижению качества заемщиков, и к росту массовости неплатежей и соответственно задолженности, а учитывая то, что в определенный период был всплеск кредитования физлиц (банки ослабляли требования к заемщикам, конкурируя за них) [12], в данной ситуации рост необеспеченной задолженности.

Значительные риски и угрозы несут факторы

внешнего воздействия: чрезмерный вывод из банков денежных средств, отказ реструктуризации задолженности, волатильность валютных курсов и цен на углеводородное сырье на мировом и российском рынке, снижение стоимости акций и долговых обязательств банков на мировом и российском фондовом рынке, а также наложенные на Россию санкции, которые препятствуют привлечению относительно дешёвых ресурсов на зарубежных финансовых рынках.

Если возвращаться к внутренним факторам, которые несут в себе определенные риски и угрозы для безопасности коммерческих банков, в том числе и в сфере кредитования, то также можно отметить нормативно-правовое регулирование, которое оказывает негативное воздействие, намеренное банкротство, потеря активов или их преступный вывод из страны, недружественные поглощения, коррупция, слабая организация оценки кредитоспособности заёмщиков, которая нередко влекла за собою рост просроченной задолженности вследствие высоких кредитных рисков [13, с. 175].

Часть специалистов рассматривают первичным риск ликвидности, ее потери, а уже потом кредитный (в основном кредиты посредством «массовых технологий» — розничный портфель) [14].

В тоже время важно отметить и тот факт, что сама кредитная организация также может повлиять на платежную дисциплину, повышая кредитные ставки (при росте ключевой ставки, банки вынуждены прибегать к изменению ставок по кредитам в целях сохранения своих финансовых активов).

Отследить сложившуюся ситуацию и риски безопасности коммерческих банков в сфере кредитования (в частности потребительского кредитования) можно на основании изучения тенденций в данном секторе в банковской сфере. В основу такого исследования положены методы статистического анализа в основном анализ динамических рядов, основанный на статистических и аналитических данных из отчета Центрального банка РФ. Основными показателями для анализа выступили: объем потребительского кредитования, в том числе и без учета ипотечного кредитования и автокредитования, динамика процентных ставок по потребительским кредитам и ключевой ставки, динамика задолженности. Период исследования по месяцам с декабря 2019 года по январь 2022 года.

На рисунке 1 представлена динамика объемов потребительского кредитования с учетом темпов прироста (в сопоставлении с предыдущим периодом).

Несмотря на незначительный рост в абсолютном выражении в начале 2022 года, динамика темпов прироста показывает замедление. Замедление наблюдается по всем сегментам потребительского кредитования, в том числе и в розничном кредитовании (см. рис. 2).

Рис. 1. Динамика объемов потребительского кредитования в России [15]

Рис. 2. Прирост потребительского кредитования (розничное) без учета ипотечного кредитования и автокредитования [15]

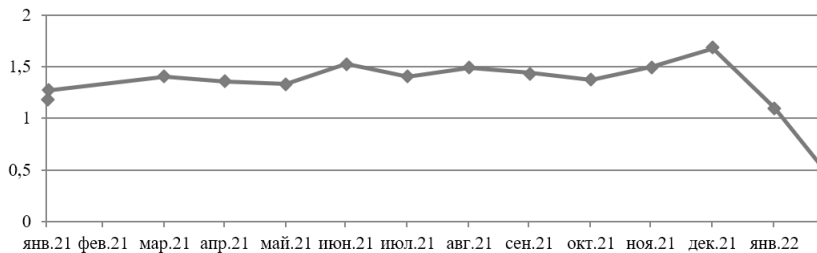

Рис. 3. Количество выданных розничных потребительских кредитов в России, млн. ед. [16]

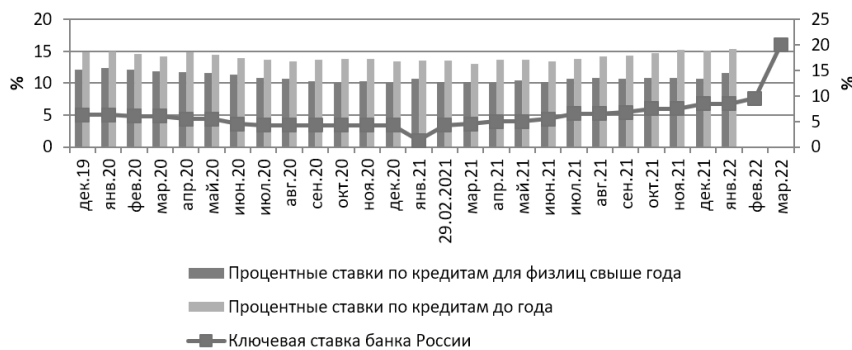

Рис. 4. Средневзвешенные значения процентных ставок по кредитам до года и свыше года и ключевой ставки в России [15], %

В то же время по оценкам Национального бюро кредитных историй происходит значительное сокращение количества выданных кредитов (см. рис. 3).

Основная причина такого снижения — условия неопределенности (это касается и внешнеэкономических и внешнеполитических связей и в то же время ситуации в стране, которая обусловлена влиянием извне) как для населения, так и для кредитных организаций. Помимо этого на снижение потребительского кредитования, всех его видов, в том числе и розницы, оказала влияние динамика ключевой ставки ЦБ РФ (см. рис. 4).

Окончание 2021 года и начало 2022 года ознаменовались ростом ключевой ставки до 8,5 %, уже в феврале она поднялась до 9,5 % и в марте составила 20 % [15], причиной такой динамики стали события, происходящие на Украине и поведение Западных стран (санкционная политика). В такой ситуации коммерческие банки были вынуждены поднять процентные ставки по потребительским кредитам (см. табл. 1). Динамика по средневзвешенной процентной ставке взята на конец года (декабрь), начало года (январь) и на полугодие (июль).

Таблица 1

Динамика средневзвешенной величины процентных ставок по потребительским кредитам в России [15]

	Всего							
	до 30 дней, включая	от 31 до 90 дней	от 91 до 180 дней	от 181 дня до 1 года	до 1 года, включая	от 1 года до 3 лет	свыше 3 лет	свыше 1 года
Декабрь 2019	13,21	12,22	16,93	14,80	14,83	13,98	11,75	12,05
Январь 2020	11,96	13,96	16,93	14,93	15,00	14,32	12,05	12,37
Июль 2020	11,09	12,29	15,11	13,61	13,63	13,46	10,52	10,85
Декабрь 2020	11,93	15,19	14,85	13,38	13,41	13,01	9,73	10,05
Январь 2021	12,08	15,76	14,66	13,49	13,51	13,26	10,30	10,63
Июль 2021	15,95	15,94	16,09	13,56	13,82	13,27	10,48	10,75
Декабрь 2021	10,46	19,60	16,27	14,59	15,04	13,82	10,43	10,73
Январь 2022	21,64	21,12	16,14	14,68	15,33	13,92	11,23	11,50

Значительно выросло значение процентной ставки по краткосрочным кредитам вслед за ключевой ставкой. Такие меры будут способствовать снижению количества вы-

даваемых кредитов, а что касается заемщиков с высокой долговой нагрузкой, то такая мера должна способствовать замедлению роста дефолта по таким заемщикам (см. рис. 5).

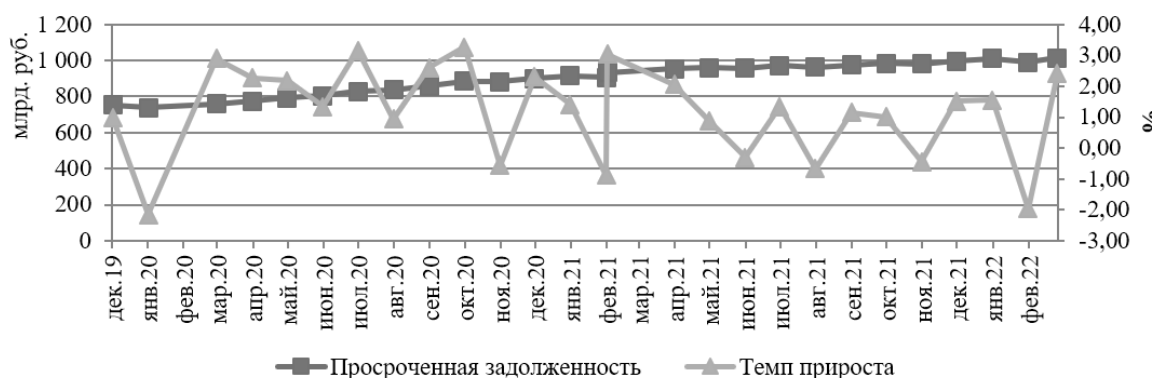

Рис. 5. Динамика просроченной задолженности по потребительским кредитам (розница) в России [15]

Уже в феврале-марте 2022 года наблюдается прирост задолженности по кредитам. В данной ситуации

рост ключевой ставки ЦБ РФ рассматривает, как определенную меру, в сфере кредитования, по снижению

такой задолженности.

Выводы.

На современном этапе существенно возрастают риски для безопасности коммерческих банков в секторе потребительского кредитования, что обусловлено событиями на Украине и ужесточением санкционной политики Западных стран. Происходящее привело к снижению доходов населения тем самым снизив его платежеспособность относительно кредитов, соответственно привело к росту дефолта среди заемщиков (с несколькими кредитами). Для снижения кредитования ЦБ РФ поднял ключевую ставку, что привело к росту процентных ставок по кредитам в коммерческих банках, помимо этого были ужесточены меры относительно показателя предельной долговой нагрузки. В данной ситуации банкам просто придется создавать резервы на возможные потери от неплатежей. То есть — фактически, в убытки списывать значительную часть выданного портфеля кредитов. Такая ситуация может негативным образом отразиться на стоимости активов, в совокупности с другими факторами (негативная тенденция на бирже, снижение стоимости ценных бумаг и другие) и привести к тому, что обязательства банков (пассивы) не будут покрываться активами, что также будет способствовать оттоку вкладов. Все это может спровоцировать закрытие многих кредитных организаций. Однако в настоящем ЦБ РФ проводит поддерживающую политику для коммерческих банков, в частности, используется механизм макропруденциального регулирования. В рамках проведения контрциклической макропруденциальной политики Банк России с февраля распускает накопленный макропруденциальный буфер капитала по необеспеченным потребительским кредитам в рублях и иностранной валюте (733 млрд. рублей на 1 февраля 2022 года) [15]. Срок действия меры — бессрочно. Уровень надбавок к коэффициентам риска по новым требованиям при необходимости будет пересмотрен позднее.

Список источников

1. Евтушенко Е. В. Основные принципы и условия банковского кредитования / Е. В. Евтушенко, Ю. А. Павлова, М. М. Гайфуллина // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия : Экономика. 2017. № 2(20). С. 7–15.
2. Журавлева Т. В. Роль потребительского кредита в развитии реального сектора экономики / Т. В. Журавлева, Д. А. Егорова // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 3-1. С. 181–192.
3. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (в ред. от 8 марта 2022 г.) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70544866/>
4. Макаров И. А. Актуальные проблемы по-

требительского кредитования // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. №5-1(44). С. 227–231.

5. Авдеева В. И., Кулакова Н. Н. Потребительское кредитование в России в современных экономических условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9. С. 5–11.
6. Быкова К. В., Черненко А. А. Теоретический аспект экономической безопасности в сфере потребительского кредитования населения // Актуальные вопросы экономических наук. 2017. № 6. С. 126–133.
7. Юшаева Р. С-Э., Абдуев М. Х., Исакова Б. Л. Особенности потребительского кредитования // Индустриальная экономика. 2021. № 5. С. 785–790.
8. Газаралиева Р. М. Роль кредита в современных условиях и его виды // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 1. С. 184–187.
9. Антипов Р. А. Кредитный риск как одна из угроз экономической безопасности коммерческого банка // Economics. 2020. № 3. С. 41–45.
10. Сулимова Е. А., Николаев А. В. Особенности влияния макроокружения на деятельность организаций на примере АО «Тинькофф банк» // Инновации и инвестиции. 2022. № 2. С. 265–271.
11. Шамин С. Дежурные по банкам [Электронный ресурс] // Ассоциация Российских банков. 2022. Режим доступа: <https://arb.ru/>
12. Черкасова Н. Какие риски являются сегодня наиболее значимые для банков? [Электронный ресурс] // Ассоциация Российских банков. 2022. Режим доступа: <https://arb.ru/>
13. Поддубная М. Н., Симонянц Т. С. Управление международной банковской деятельностью в условиях экономической нестабильности // Journal of Economy and Business. 2022. № 1-1(83). С. 175–179.
14. Комарова И. Риски наиболее значимые для банков [Электронный ресурс] // Ассоциация Российских банков. 2022. Режим доступа: <https://arb.ru/>
15. Статистика Банка России // Банк России. 2022. URL: <https://cbr.ru/>
16. Волков А. НБКИ : выдача потребкредитов в январе 2022 года снизилась на 6,4 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года // НБКИ. Новости. 2022. URL: <https://www.nbki.ru/>

References

1. Evtushenko E. V. Basic principles and conditions of bank lending / E. V. Evtushenko, Yu. A. Pavlova, M. M. Gaifullin // Vestnik UGNTU. Science, education, economics. Series : Economy.

2017. № 2(20). P. 7–15.
- Zhuravleva, T.V. The role of consumer credit in the development of the real sector of the economy / T.V. Zhuravleva, D.A. Egorova // *Issues of sustainable development of society*. 2020. № 3-1. P. 181–192.
 - Federal Law of December 21, 2013 № 353-FZ «On consumer credit (loan)» (as amended on March 8, 2022) // *Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70544866/>
 - Makarov I. A. Actual problems of consumer lending // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. № 5-1(44). P. 227–231.
 - Avdeeva V. I., Kulakova N. N. Consumer lending in Russia in modern economic conditions // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019. № 9. P. 5–11.
 - Bykova K. V., Chernenko A. A. Theoretical aspect of economic security in the sphere of consumer lending to the population // *Topical issues of economic sciences*. 2017. № 6. P. 126–133.
 - Yushaeva R. S-E., Abduev M. Kh., Isakova B. L. Features of consumer lending // *Industrial economy*. 2021. № 5. P. 785–790.
 - Gazaralieva R. M. The role of credit in modern conditions and its types // *Actual issues of modern economics*. 2020. № 1. P. 184–187.
 - Antipov R. A. Credit risk as one of the threats to the economic security of a commercial bank // *Economics*. 2020. № 3. P. 41–45.
 - Sulimova E. A., Nikolaev A. V. Features of the impact of the macro environment on the activities of organizations on the example of JSC «Tinkoff Bank» // *Innovations and investments*. 2022. № 2. P. 265–271.
 - Shamin S. Bankers on duty [Electronic resource] // *Association of Russian Banks*. 2022. Access mode: <https://arb.ru/>
 - Cherkasova N. What are the most significant risks for banks today? [Electronic resource] // *Association of Russian Banks*. 2022. Access mode: <https://arb.ru/>
 - Poddubnaya M. N., Simonyants T. S. Management of international banking activities in conditions of economic instability // *Journal of Economy and Business*. 2022. № 1-1(83). P. 175–179.
 - Komarova I. The most significant risks for banks [Electronic resource] // *Association of Russian Banks*. 2022. Access mode: <https://arb.ru/>
 - Statistics of the Bank of Russia // *Bank of Russia*. 2022. URL: <https://cbr.ru/>
 - Volkov A. NBKI : the issuance of consumer loans in January 2022 decreased by 6.4 % compared to the same period last year // *NBKI. News*. 2022. URL: <https://www.nbki.ru/>

Информация об авторах

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

М. М. Милославская — доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the authors

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

M. M. Miloslavskaya — Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 338.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-320-323>

НИОН: 2003-0059-4/22-401

MOSURED: 77/27-003-2022-04-600

Пути повышения финансовой устойчивости предприятия электронной торговли в целях обеспечения его экономической безопасности

Ольга Владимировна Сараджева

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва, Россия, saradzheva-ov@rguk.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные основные пути повышения финансовой устойчивости предприятия электронной торговли, которые смогут обеспечить экономическую безопасность предприятия в условиях пандемии.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, электронная торговля, пандемия, экономическая безопасность

Для цитирования: Сараджева О. В. Пути повышения финансовой устойчивости предприятия электронной торговли в целях обеспечения его экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 320–323. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-320-323>.

Original article

Ways to increase the financial stability of an e-commerce enterprise in order to ensure its economic security

Olga V. Saradzheva

A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia, saradzheva-ov@rguk.ru

Abstract. Some of the main ways to improve the financial sustainability of e-commerce enterprises, which can ensure the economic security of the enterprise in a pandemic have been considered.

Keywords: financial sustainability, e-commerce, pandemic, economic security

For citation: Saradzheva O. V. Ways to increase the financial stability of an e-commerce enterprise in order to ensure its economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):320–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-320-323>.

Последние изменения, охватившие не только национальную экономику, но и экономики всех стран мира, связаны с возникновением коронавируса нового типа, вызвавшего пандемию. Конечно, данное событие несёт за собой преимущественно негативное влияние на экономические и политические взаимоотношения стран, что изменило образ жизни людей в целом [3].

Большинство хозяйствующих субъектов наблюдало за этот период отрицательную динамику своей деятельности, многие малые организации вынуждены были закрыться. Тяжёлый 2020 год не пережили такие известные магазины, как «Юлмарт», «Олди», Mamsy, Mytoys, Aizel и другие. В «Юлмарте» продолжают судебные разбирательства. «Олди» оставил только один

оффлайн-магазин. Aizel сейчас по посещаемости почти в 7 раз меньше ЦУМа и в 4 раза меньше Brandshop, своих конкурентов. Mamsy постепенно сдаёт под конкуренцией с WildBerries: в 2020 они обвалились примерно в 2 раза. Mytoys.ru не может противостоять расширению «Детского мира», который нарастил онлайн-продажи в 2,4 раза за прошлый год [1].

Несмотря на это существуют и положительные факторы, вызванные данным событием. Пандемия существенно повлияла на образ жизни большинства людей, которые оказались вынужденными соблюдать режим самоизоляции. В связи с этим резко вырос спрос на доставку различных товаров, в частности, продовольственных, дезинфицирующих и относящихся к

категории хобби. Большинство крупных предприятий адаптировались и перешли в режим работы онлайн, начали осуществлять доставку заказов, в сжатые сроки наладили логистику и курьерские службы.

Общее количество заказов во всех сегментах электронной торговли в 2020 году резко выросло на 78 % до 830 млн. Вместе с тем средний чек сократился на 14 % год к году до 3260 рублей.

Рис. 1. Количество интернет-заказов на одного жителя по отдельным городам России [4]

В связи с резким ростом спроса на доставку были выявлены некоторые проблемы: увеличение сроков доставки, контроль передвижения курьеров, соблюдение социальной дистанции. Тем не менее, крупные предприятия обладали достаточными возможностями для преодоления возникших трудностей, а спрос не уменьшался в связи с отсутствием альтернативы.

Как следствие, пандемия не просто повлияла на электронную торговлю, а коренным образом изменила отношение большинства людей к совершению покупок. Теперь люди предпочитают избегать общественные места и заказывать необходимую продукцию на дом. Помимо этого, электронная торговля позволяет людям экономить время, не тратя его на походы по магазинам, предоставляет информацию о качестве и стоимости продукта на разных торговых площадках, предоставляя сравнивать и выбирать наиболее выгодный для потребителя вариант.

Данное обстоятельство способствует росту рынка электронной коммерции. Например, крупная торговая площадка «Вайлдберриз» укрепляет свои позиции на рынке, расширяет сеть запуском франшиз в Беларуси, Казахстане и Армении, обеспечивая рост экономических показателей в таких изменившихся условиях. Кроме того, «Вайлдберриз» расширяет категории товаров, включив с сентября 2021 г. фармацевтические препараты, доставляемые напрямую от крупных аптечных сетей [5].

С каждым годом объем продаж, совершенных с помощью интернета, увеличивается. На фоне последних мировых событий темпы роста лишь увеличились. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли

(АКИТ) в 2019 году объемы реализации составляли 2 трлн. руб., а в 2020 году — 2,9 трлн. руб., что больше в 11 раз по сравнению с объемами десять лет назад. В общем обороте розничной торговли доля интернет-продаж составляет 10,9 %, что приближает РФ к другим информационно и экономически развитым странам (например, в США – 13,9 %) [2].

Планирование и укрепление финансовой устойчивости любой организации носит достаточно сложный и непредсказуемый характер, обусловленный изменчивыми и нестабильными условиями внешней среды:

- отсутствует возможность точного прогнозирования ожидаемого будущего, поскольку причинно-следственные связи в конкурентной среде достаточно сложно отслеживать;
- сложность взаимозависимости и взаимовлияния структур, осуществляемая различными способами, что приводит к непредсказуемым событиям.

Каждая организация должна обеспечить непрерывный мониторинг за участниками рынка и экономико-политическими изменениями в государстве и в мире. Необходимо обеспечить максимальную гибкость под изменения внешней среды и создать эффективную систему обеспечения экономической безопасности для работы с угрозами, возникающими с данными изменениями.

Основные направления повышения действующего уровня финансовой устойчивости организации:

уменьшение остатков запасов и затрат — данное сокращение возможно с помощью продажи остатков со складов по оптовым ценам, эффективного управле-

ния ресурсами и возможностями организации по реализации товаров. В противном случае данный метод лишь повышает риск банкротства, неустойчивое положение и зависимость от кредиторов и заемщиков;

увеличение доли собственного капитала — один из самых надёжных методов, поскольку не требует сторонних участников рынка в целях повышения финансовой устойчивости. Увеличить долю собственных средств можно путем:

- наращивания прибыли организации;
- проведения переоценки имеющихся основных средств;
- получения основных средств на безвозмездной основе (получение финансовой поддержки);
- дополнительного выпуска ценных бумаг организации или выхода на биржевой рынок;
- рациональное использование внешних источников финансирования — подобное направление можно реализовать только в том случае, если организация кредитоспособна. Самым оптимальным вариантом может стать привлечение долгосрочного кредита или займа под оптимальный процент. Также стоит учитывать тот факт, что заёмные средства должны быть экономически выгодными для организации, то есть рентабельность всего капитала должна превышать процент получения внешних источников;
- комплексный метод — является оптимальным, поскольку включает в себя несколько вышеуказанных мер по снижению доли заемных средств путем мобилизации имеющихся средств на покрытие обязательств.

Учитывая специфику анализируемой организации, предложен список факторов экономической безопасности, который необходимо учитывать для обеспечения устойчивого и бесперебойного ведения деятельности:

- логистика — ключевой элемент электронной коммерции, который включает в себя следующее: стоимость и сроки доставки, возврат, предварительные заказы на доставку, разрешение инцидентов, гарантийное обслуживание и прочее;
- платежная система — следующий по значимости фактор, который присутствует в интернет-магазине для доверия клиентов;
- таможенные расходы — деятельность интернет-торговли осуществляется на территории множества стран и регулируется таможенными службами, а также последующим сбором таможенных налогов и пошлин. Некоторые стратегически значимые рынки создают в качестве средств безопасности специально сложный вход;

- недостаток квалифицированных кадров — многие проекты организаций не находят своей реализации, поскольку отсутствует достаточная база знаний и практики в области бизнес-стратегий, информационной безопасности, программирования.

В связи с приведенными факторами в целях повышения финансовой устойчивости предприятий электронной торговли предлагается:

- создание в разрезе организационной структуры отдела экономической и информационной безопасности — для магазина, работающего с помощью сети интернет, информационная безопасность является приоритетной в целях обеспечения конфиденциальности информации, бесперебойной работы сайта и предупреждения киберпреступности;
- разработка и внедрение политики обеспечения экономической безопасности, в которой должны быть определены внутренние и внешние угрозы, а также показатели, способные охарактеризовать степень влияния данных угроз. Также необходимо установить пороговые значения отобранных показателей, на основании которых можно судить об уровне экономической безопасности;
- усовершенствование системы логистики с учетом все возрастающего спроса на покупку товаров дистанционным путем;
- обеспечение организации необходимыми кадровыми ресурсами, в целях оптимизации деятельности;
- разработка системы управления налоговыми рисками, а также подбор квалифицированного персонала по управлению таможенными налогами и сборами;
- увеличение доли собственного капитала в структуре пассивов, например, при помощи IPO (выхода на биржевой рынок). Так в 2021 году уже поступила компания Ozon.

Для достижения устойчивого положения интернет-компаний не только среди конкурентов, но и на рынке в целом, необходимо организовать комплексный подход, уделив внимание каждому из вышеперечисленных пунктов. Необходимо установить систему непрерывного мониторинга за показателями, характеризующими текущее состояние внешней и внутренней среды. Это, в свою очередь, позволит своевременно обнаружить потенциальные риски и угрозы и отреагировать на них, разработав необходимый комплекс мер по нивелированию, сдерживанию или их нейтрализации.

Список источников

1. Отчёт «ТОР100 интернет-магазинов : рейтинг 2020» составлен на основе рейтинга TOR100

- крупнейших интернет-магазинов России 2020 года. [Электронный ресурс]. <https://top10z.ru/top-goods/top-e-kommers-2020.html> (дата обращения: 12.12.2021).
2. Российский рынок интернет-торговли может вырасти в 2020 году до 2,9 трлн рублей. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9417161> (дата обращения: 28.11.2021).
 3. Сараджева О. В. Влияние COVID-19 на экономическую безопасность России // Последствия и вызовы пандемии коронавируса для технологического и социально-экономического развития общества : Сборник трудов III Международной научно-практической конференции, Ярославль, 10 декабря 2020 года / Под общей редакцией к.э.н. С. В. Шкиотова, д.э.н. В. А. Гордеева. Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2020. С. 111–116.
 4. Top e коммерс 2020. [Электронный ресурс]. <https://top10z.ru/top-goods/top-e-kommers-2020.html> (дата обращения: 05.02.2022).
 5. Wildberries — модный интернет магазин. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wildberries.ru/presscenter/> (дата обращения: 18.11.2021).

References

1. The report «TOP100 online stores : rating 2020» is based on the rating of the TOP100 largest online stores in Russia in 2020. [Electronic Resource]. <https://top10z.ru/top-goods/top-e-kommers-2020.html> (accessed: 12.12.2021).
2. The Russian Internet trading market may grow in 2020 to 2.9 trillion rubles. TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9417161> (accessed: 28.11.2021).
3. Saradzheva O. V. The influence of COVID-19 on the economic security of Russia // The consequences and challenges of the coronavirus pandemic for the technological and socio-economic development of society : Collection of works of the III International Scientific and Practical Conference, Yaroslavl, December 10, 2020 / Edited by Doctor S. V. Shkiotova, Doctor V. A. Gordeeva. Yaroslavl : Yaroslavl State Technical University, 2020. P. 111–116.
4. Top e kommers 2020. [Electronic Resource]. <https://top10z.ru/top-goods/top-e-kommers-2020.html> (accessed: 05.02.2022).
5. Wildberries — Fashion Store. [Electronic Resource]. URL: <https://www.wildberries.ru/presscenter/> (accessed: 18.11.2021).

Информация об авторе

О. В. Сараджева — доцент кафедры экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Saradzheva — Associate Professor of the Department of Economic Security, Audit and Controlling of the A.N. Kosygin Russian State University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 21.07.2022; принята к публикации 11.08.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 21.07.2022; accepted for publication 11.08.2022.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-324-328>

NIJON: 2003-0059-4/22-402

MOSURED: 77/27-003-2022-04-601

Профилактика конфликтов в управленческой деятельности

Юлия Валерьевна Николаева¹, Оксана Алексеевна Мусатова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ulmit@yandex.ru

² Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия, muoxa@mail.ru

Аннотация. Анализируется проблема конфликтов в профессиональной деятельности современного человека, которая имеет особое значение для управленческой деятельности. Управленческая деятельность характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и когнитивной сложностью, предполагает принятие ответственных решений в ситуациях, связанных с неопределенностью и риском. В связи с этим возникает необходимость в поиске новых путей их разрешения и профилактики.

Ключевые слова: конфликты, управленческая деятельность, руководитель, уровень субъективного контроля, профилактика, медиация

Для цитирования: Николаева Ю. В., Мусатова О. А. Профилактика конфликтов в управленческой деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 324–328. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-324-328>.

Original article

Prevention of conflicts in management activities

Yulia V. Nikolaeva¹, Oksana A. Musatova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ulmit@yandex.ru

² National Research Nuclear University «MEPhI», Moscow, Russia, muoxa@mail.ru

Abstract. The problem of conflicts in the professional activity of a modern person, which is of particular importance for management activities, is analyzed. Managerial activity is characterized by high emotional tension and cognitive complexity, involves making responsible decisions in situations involving uncertainty and risk. In this regard, there is a need to find new ways to resolve and prevent them.

Keywords: conflicts, managerial activity, manager, level of subjective control, prevention, mediation

For citation: Nikolaeva Yu. N., Musatova O. A. Prevention of conflicts in management activities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):324–328. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-324-328>.

Сегодня в рамках психологической науки существует запрос на снижение уровня напряженности и конфликтности не только в обществе, но и в профессиональном пространстве. Мировые, государственные, общественные и личностные факторы, которые становятся обширной базой для возникновения и развития конфликтов в профессиональной деятельности современного человека, заставляют искать новые пути их разрешения и профилактики, а также пересматривать

те, которые уже широко известны. С нашей точки зрения, одной из ключевых фигур процесса разрешения конфликта в организации является ее руководители всех уровней.

Эта проблема приобретает особое значение для управленческой деятельности, в виду того, что она сама по себе характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и когнитивной сложностью, насыщена необходимостью быстрого реагирования на постоянно

меняющейся запрос социальной среды. Помимо всего прочего, именно управление как целенаправленный процесс, предполагает принятие ответственных решений в ситуациях, связанных с неопределенностью и риском (Ю. А. Борисов, А. Л. Журавлев, А. А. Качина, В. В. Новиков, Ю. М. Забродин, Ю. В. Постылякова, S. L. Cordes, T. W. Dougherty, M. Blum, S. A. Kirk, G. F. Koeske и др.). Одним из негативных последствий столкновения личности руководителя со столь сложными условиями современной жизни становится конфликтность на всех общественных и личностных уровнях.

Для решения поставленных задач использовался комплекс психологических методов и методик, который включил в себя:

- мультифакторный опросник 16 PF Р. Кеттелла в адаптации НПЦ «Психодиагностика»,
- опросник уровня субъективного контроля Е. Ф. Бажина.

В исследовании использовался аналитический метод — авторская анкета.

Для проведения исследования нами были продиагностированы руководители среднего звена в общем количестве 52 человека, выполняющих функции руководителей и заместителей отделов и отделений различных московских организаций, проходящих повышение квалификации.

Одной из стратегической целей современной организации является повышение операционной и управленческой эффективности, что напрямую затрагивает тему настоящего исследования.

В виду своей географической расположенности (ведь Москва — это не только столица нашей Родины, но и город, в котором живут и работают самые разнообразные люди, ведь крупный мегаполис является «магнитом» для самых амбициозных, самых способных и

самых активных людей, которые реализуют свой потенциал в управленческой деятельности) нам представилась возможность сформировать выборку из:

- 25 начальников отделов различного профиля,
- 27 заместителей руководителей.

Из них 34 респондента мужского пола и 18 женского, при этом средний возраст выборки составил 48 лет, что свидетельствует прохождении большей частью испытуемых возрастных кризисов, наличием социального опыта, зрелостью личности.

По результатам тестирования в целях уточнения его результатов в случае такой необходимости, было проведено индивидуальное собеседование.

Для соблюдения этических норм исследование проводилось с согласия респондентов, а статистический анализ выборки был произведен только после обезличивания результатов тестирования и анкетирования.

При этом были использованы: мультифакторный опросник 16 PF Р. Кеттелла в адаптации НПЦ «Психодиагностика», опросник уровня субъективного контроля Е. Ф. Бажина, а также авторская анкета.

После проведения процедуры тестирования и анкетированная весь массив данных был систематизирован и обработан в порядке, установленном авторами методик. Цифровые результаты для дальнейшей обработки и анализа были представлены в виде массива данных в программе Microsoft Excel, после чего подверглись первичному анализу. Для большей наглядности полученные результаты представлены в графической и словесной форме.

Для изучения характера нами использовался мультифакторный опросник 16 PF Р. Кеттелла, благодаря которому был составлен среднестатистический профиль руководителя среднего звена (рис. 1).

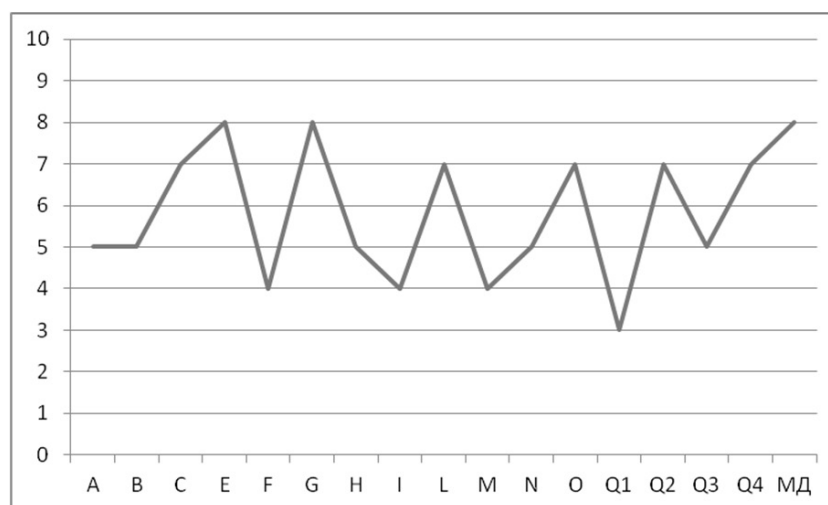

Рис. 1. Результаты тестирования по мультифакторному опроснику 16 PF Р. Кеттелла (в стэхах)

Согласно представленному профилю, респонденты обладают следующими чертами:

- эмоциональной устойчивостью, трезвостью в оценке действительности, активностью, зрелостью (С-7);
- самоуверенностью, независимостью мышления, склонностью к аскетизму, руководствуется собственными правилами поведения, враждебностью и авторитарностью, командует другими, отсутствием авторитетов (Е-8);
- трезвостью, осторожностью, серьезностью, молчаливостью (F-4);
- требовательностью к себе, чувством долга, настойчивостью, ответственностью, добросовестностью, морализирование (G-8).
- независимостью, полаганием на себя, реалистичностью, не терпимостью бессмысленности (I-4);
- подозрительностью, не податливостью обману (L-7);
- практичностью, тщательностью, управляемостью внешними реальными обстоятельствами (M-4);
- тревожностью, депрессивностью, обеспокоенностью, чувством вины (O-7);
- убежденностью в правильности того, чему его учили, склонностью к осторожности и к компромиссам в отношении новых людей (Q1-3);
- самоудовлетворенностью, предлагающий собственное решение, предприимчивостью (Q2-7);
- напряженностью, фрустрированностью, сверхреактивностью (Q4-7).

Данные особенности, по нашему мнению, обусловлены следующими факторами:

1) половозрастными особенностями выборки (преобладанием мужчин над женщинами, возрастной диапазон и свойственные ему психологические особенности);

2) статусом управленца в крупной и престижной компании (социальная роль «руководителя» предполагает набор статусов и ролей, которые в стереотипном восприятии формируют образ серьезного, скептического, ответственного и т. д. человека);

3) профессиональным опытом (большинство респондентов работают в организации много лет и стремятся соответствовать желаемому образу);

4) организационными реформами вызванными глубинными перестройками ввиду эпидемиологической ситуации и внешнеполитическими условиями.

Выявленные особенности личности руководителя могут послужить основой для усвоения знаний о медиации как альтернативном способе разрешения конфликтов и их эффективному применению в управленческой деятельности. Так эмоциональная устойчивость, трезвость, осторожность и компромиссность могут послужить основой для формирования психоло-

гической готовности к применению техник медиации и снижению уровня конфликтности в организации.

Анализ данных, полученных по опроснику уровня субъективного контроля Е. Ф. Бажина, показал, что у руководителей среднего звена выявлен низкий уровень интернальности, что свидетельствует о том, что респонденты мало прослеживают связь между своими действиями и значимыми для них событиями жизни. Они не считают себя способными контролировать развитие таких событий и полагают, что большинство их является результатом случая или действия других людей. Поэтому «экстерналы» эмоционально неустойчивы, склонны к неформальному общению и поведению, малообщительны, у них плохой самоконтроль и высокая напряженность.

Овладение навыками разрешения конфликтов в качестве третьей стороны способно снизить негативные проявления экстернальности и повысить уровень конструктивности в разрешении конфликтов в профессиональной среде.

Как видно из представленных данных психологический портрет сочетает в себе противоречивые характеристики, что, по нашему мнению, связано с высоким уровнем напряжения и конфликтов в организациях.

Для подтверждения данного положения нами было проведено анкетирование, которое позволило получить следующие данные:

- при ответе на вопрос «Как часто Вы испытываете стресс на работе?» ответы респондентов распределились следующим образом: никогда — 0 %; редко — 4 %; часто — 34 %; очень часто — 52 %; всегда — 10 %.

Эти данные еще раз подтвердили выявленную ранее тенденцию повышенной стрессогенности профессиональной деятельности руководителя среднего звена.

- при ответе на вопрос «Влияет ли конфликт в организации на эффективность Вашей профессиональной деятельности?» были получены следующие данные: не влияет — 0 %; незначительно ухудшает — 2 %; значительно ухудшает — 96 % и делает невозможной — 2 %.

Полученные ответы полностью подтверждают результаты тестирования.

- при ответе на вопрос «Влияет ли конфликт на общение с коллегами?» были получены следующие данные: не влияет — 2 %; незначительно ухудшает — 4 %; значительно ухудшает — 90 % и делает невозможным — 4 %.
- при ответе на вопрос «Влияет ли профессиональный конфликт на Вашу личную жизнь?» были получены следующие данные: не влияет — 0 %; незначительно ухудшает — 2 %; значительно ухудшает — 82 % и делает невозможной — 16 %.

Данные ответы отражают глубину и негативную направленность психических процессов.

- при ответе на вопрос «Влияет ли профессиональный конфликт на Ваше здоровье?» были получены следующие данные: не влияет — 2 %; незначительно ухудшает — 4 %; значительно ухудшает — 74 % и приводит к болезням — 20 %.

Эти данные свидетельствуют о том, что негативные тенденции смещаются не только на психологический, но и на соматический уровень и могут привести к серьезному ухудшению здоровья, тем самым помешать эффективной профессиональной деятельности руководителей. Именно поэтому расширение навыков разрешения конфликтов – основная задача психологов, осуществляющих сопровождение деятельности руководителей различного уровня.

По нашему мнению, перспективной технологией разрешения конфликтов является медиация. Именно она предполагает выступление руководителя в качестве третьей независимой стороны, что дает возможность не вовлекаться ему в деструктивное взаимодействие. А выявленные в ходе исследования личностные качества служат основой для эффективного использования данной технологии.

Библиографический список

1. Башкин М. В. Конфликтная компетентность личности : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук (19.00.05, 19.00.01). Ярославль, 2009. 26 с.
2. Гафнер К. Е. Медиация как социо-коммуникативная технология конфликторазрешения : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук (22.00.06). СПб., 2019. 27 с.
3. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 296 с.
4. Леонов Н. И. Медиация и копинг-ресурсы при урегулировании конфликта / Психология стресса и совладающего поведения : вызовы, ресурсы, благополучие : материалы V Междунар. науч. конф. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 517–522.
5. Мусатова О. А. К вопросу о коммуникативной компетентности руководителей органов внутренних дел. В сб. : Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности : взаимодействие науки, нормотворчества и практики. 2019. С. 355–358.
6. Мусатова О. А. Теоретический анализ влияния стиля руководства на эффективность деятельности служебного коллектива ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 3. С. 64–67.
7. Мусатова О. А. Анализ современных исследований психологии профессиональной мотивации личности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 202–204.
8. Николаева Ю. В. Психологическое консультирование как одно из направлений деятельности практического психолога ОВД / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (васильевские чтения — 2020). Санкт-Петербург, 2020 г. С. 403–409.
9. Николаева Ю. В., Иванова А. И. Управленческое консультирование как направление деятельности психолога органов внутренних дел / Совершенствование профессиональной подготовки психологов для подразделений органов внутренних дел. Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 127–132.
10. Рубцова Н. Е. Основные направления классификаций профессиональной деятельности // Психология и психотехника. 2015. № 5 (80). С. 501–510.
11. Хазова С. А. Когнитивные ресурсы совпадающего поведения : эмпирические исследования, 2010. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 152 с.

Bibliographic list

1. Bashkin M. V. Conflict competence of personality : abstract. dis. on the job. learned. step. cand. psychological sciences (19.00.05, 19.00.01). Yaroslavl, 2009. 26 p.
2. Gafner K. E. Mediation as a socio-communicative technology of conflict resolution : abstract. dis. on the job. learned. step. cand. social Sciences (22.00.06). St. Petersburg, 2019. 27 p.
3. Kryukova T. L. Psychology of coping behavior in different periods. Kostroma : N.A. Nekrasov KSU, 2010. 296 p.
4. Leonov N. I. Mediation and coping resources in conflict resolution / Psychology of stress and coping behavior: challenges, resources, well-being : materials of the V International Scientific Conference. Kostroma : Publishing House of Kostroma State University, 2019. Vol. 1. P. 517–522.
5. Musatova O. A. On the issue of communicative competence of heads of internal affairs bodies. In the collection : Issues of improving law enforcement: the interaction of science, rulemaking and practice. 2019. P. 355–358.
6. Musatova O. A. Theoretical analysis of the influence of leadership style on the effectiveness

- of the work of the service staff of the Department of Internal Affairs // Psychology and pedagogy of official activity. 2019. № 3. P. 64–67.
7. Musatova O. A. Analysis of modern studies of psychology of professional motivation of personality // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 6. P. 202–204.
 8. Nikolaeva Yu. V. Psychological counseling as one of the activities of a practical psychologist of the Department of Internal Affairs / Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilievsky readings — 2020). St. Petersburg, 2020. P. 403–409.
 9. Nikolaeva Yu. V., Ivanova A. I. Managerial consulting as a field of activity of a psychologist of internal affairs bodies / Improving the professional training of psychologists for divisions of internal affairs bodies. Collection of materials of the interdepartmental scientific and practical conference. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2020. P. 127–132.
 10. Rubtsova N. E. Main directions of classifications of professional activity // Psychology and Psychotechnics. 2015. № 5 (80). P. 501–510.
 11. Khazova S. A. Cognitive resources of matching behavior : empirical research, 2010. Kostroma, N.A. Nekrasov KSU, 2010. 152 p.

Информация об авторах

Ю. В. Николаева — заместитель начальника кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент;

О. А. Мусатова — специалист учебного департамента Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

Yu. V. Nikolaeva — Deputy Head of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

O. A. Musatova — Specialist of the Educational Department of the National Research Nuclear University «MEPhI», Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 03.08.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 03.08.2022.

Научная статья

УДК 34.342.9:159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-329-331>

НИОН: 2003-0059-4/22-403

MOSURED: 77/27-003-2022-04-602

Профилактика правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений как широкий комплекс мероприятий воспитательного характера

Елена Владимировна Ренкас¹, Мария Алексеевна Тарасова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ l.pudik@mail.ru

² masha.tar201560@gmail.com

Аннотация. Анализируется процесс реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений и решения проблемы через комплекс мероприятий воспитательного характера. Защита несовершеннолетних от действий деструктивного и противоправного характера родителей в семье является одним из наиболее приоритетных направлений государственной политики, включая информацию, причиняющую вред их здоровью и развитию. Данный вопрос базируется, прежде всего, на практике применения определенных методик мониторинга и защиты несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, детско-родительские отношения, профилактика, насилие в семье, микросреда, жестокое обращение, семья

Для цитирования: Ренкас Е. В., Тарасова М. А. Профилактика правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений как широкий комплекс мероприятий воспитательного характера // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 329–331. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-329-331>.

Original article

Prevention of offenses in the sphere of family and household relations as a wide range of educational measures

Elena V. Renkas¹, Maria A. Tarasova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ l.pudik@mail.ru

² masha.tar201560@gmail.com

Abstract. The implementation of state policy in the field of crime prevention in the field of family and household relations is analyzed and the solution of the problem through a set of educational measures is made. Protection of minors from destructive and illegal actions of parents in the family is one of the most priority areas of state policy, including information that harms their health and development. This issue is based primarily on the practice of applying certain methods of monitoring and protection of minors.

Keywords: minors, child-parent relations, prevention, domestic violence, microenvironment, abuse, family

For citation: Renkas E. V., Tarasova M. A. Prevention of offenses in the sphere of family and household relations as a wide range of educational measures. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):329–331. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-329-331>.

Бытовое насилие — это противоправные действия, совершенные наиболее близкими людьми: отцом, матерью, сестрой, братом.

Работа с семьей, которая находится в социально

опасном положении, включает в себя наиболее эффективные методы:

- беседа — выполняет консультативную функцию, является методом выяснения проблем

© Ренкас Е. В., Тарасова М. А., 2022

семьи, а также средством воздействия на эту семью;

- метод социального патронажа — представляет собой регулярное посещение семьи, для изучения условий жизни и атмосферы в семье;
- метод решения конфликтов — основывается на анализе взглядов конфликтующих, то есть родителей и детей.

Алгоритм действий школьного социального педагога:

1. Сбор информации о социально неблагополучных детях, обучающихся в образовательной организации.

2. Изучение социально-образовательных особенностей личности ребенка, его микросреды.

3. Создание индивидуальной карты сопровождения ребенка для оказания социально-педагогической поддержки и помощи.

4. Взаимодействие со всеми субъектами практики.

5. При необходимости подготовка и отправка материалов в КДН.

Для решения проблемы детско-родительских конфликтов в семьях, в школах должны функционировать службы примирения (медиации), кураторами которых должны быть социальные педагоги, прошедшие курс обучения методам и техникам примирения с молодежью в целях совершенствования навыков проведения корректирующей медиации.

В целях организационно-методической поддержки развития служб примирения для специалистов этой службы могут проводиться совещания, семинары, круглые столы, способствующие обмену опытом между школьными медиаторами, на которых будут обсуждаться план разработки базовой программы воспитания учащихся общеобразовательных организаций.

Именно школьные службы медиации должны организовывать для родителей обучение по отработке механизма примирительных технологий, основам детской психологии, проблемным ситуациям и конфликтам в детско-родительских отношениях.

Также для родителей могут проводиться проводятся общешкольные родительские собрания, индивидуальные консультации и беседы, направленные на изменение традиций реагирования на конфликтные ситуации, оптимизацию семейных и межличностных отношений, разрешение конфликтов и т. д.

В целях информирования родителей также могут быть распространены информационные буклеты и памятки.

Важную роль в предупреждении жестокого конфликтного обращения с детьми играют органы опеки и попечительства [1].

Можно выделить направления работы органов опеки и попечительства по предупреждению жестокого обращения с детьми:

- внесудебное разрешение конфликтов, связанных с воспитанием детей, а также с отношениями между членами семьи;
- обращение с иском в суд при грубом нарушении родителями прав и законных интересов ребенка;
- участие в судебном рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, включая подготовку заключения по существу спора;
- принятие органами опеки и попечительства правовых актов, направленных на защиту прав и законных интересов детей, решений по вопросам, отнесенным к их компетенции [2].

Именно на органах опеки и попечительства лежит обязанность урегулирования конфликтов, связанных с воспитанием детей, а также конфликтных отношений между членами семьи путем поиска компромисса, разъяснения сторонам конфликта требований закона и необходимости строгого соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Внесудебное разрешение семейных конфликтов позволяет на ранних сроках развития семейного кризиса выявить семьи из группы риска по насилию над ребенком, указать родителям на ошибки в воспитании детей, принять меры по устранению причин возникновения трудной жизненной ситуации, в которой оказалась семья, повысить компетентность родителей как воспитателей.

Мониторинг и защита несовершеннолетних от насильственного воздействия, базируется на положениях действующего законодательства, и, прежде всего, Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 45) [3].

Реализация прав и свобод ребенка основана на нормах международного и национального права.

Существуют и специальные гарантии, направленные на соблюдение и реализацию прав несовершеннолетних. К ним следует отнести:

- деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по вопросам обеспечения безопасности и правопорядка;
- различные средства правовой защиты;
- установление мер юридической ответственности;
- пресекающие и профилактические мероприятия, проводимые уполномоченными органами государственной власти;
- меры судебной защиты нарушенных прав;
- гражданско-правовые средства защиты;
- средства административного характера [4];
- меры уголовного принуждения [5].

Профилактика насилия в семье считается одним из приоритетных направлений работы органов внутренних дел.

К работе правоохранительных органов по пред-

упреждению семейно-бытовых правонарушений можно отнести следующие меры:

- проводить анализ сообщений в средствах массовой информации, заявлений, обращений граждан в органы внутренних дел;
- создавать «паспорта» наиболее криминогенных мест по таким категориям дел с указанием адресов жилых домов, общежитий, квартир, где проживают лица, совершающие вышеуказанные правонарушения, и данных на них;
- выступать в средствах массовой информации, на собраниях граждан по месту жительства по вопросам профилактики семейно-бытовых правонарушений, с разъяснением действующего законодательства;
- изготавливать и распространять специальные памятки о способах защиты от насилия в семье.

Таким образом, органы внутренних дел продолжают увеличивать усилия в противодействии семейно-бытового насилия, применяя предоставленные законодательством возможности, активизируя взаимодействие с заинтересованными органами по предупреждению насилия в сфере семейно-бытовых отношений.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021).
2. Бирюкова А. С. Насилие в семье как социальная проблема : организационно-правовой аспект // Вестник Кемеровского государственного университета, 2010.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Family Code of the Russian Federation № 223-FZ dated 29.12.1995 (as amended on 04.02.2021, with amendments. from 02.03.2021).
2. Biryukova A. S. Domestic violence as a social problem: organizational and legal aspect // Bulletin of Kemerovo State University, 2010.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020).
4. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30.12.2001. № 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1 (part 1). Art. 1.
5. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.

Информация об авторах

Е. В. Ренкас — преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

М. А. Тарасова — курсант 882 учебного взвода института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

E. V. Renkas — Lecturer of the Department of Administrative Activities of internal affairs bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

M. A. Tarasova — Cadet of the 882-training platoon of the Institute of Psychology of Service Activity of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-332-335>

ИИОН: 2003-0059-4/22-404

MOSURED: 77/27-003-2022-04-603

Позитивная психология как инструмент социализации, воспитания и ресоциализации личности

Алексей Андреевич Ставцев

Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия, stavtsev.alex@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>

Аннотация. Рассматривается современное научное направление позитивной психологии и возможности его применения для социализации, воспитания и ресоциализации личности. Позитивные психологические интервенции, как главный практический инструмент позитивной психологии, представлены с точки зрения применения в рамках образовательных учреждений, а также с точки зрения ресоциализации личности в виде формирования факторов противодействия рецидивной преступности, применяемых в зарубежных исправительных учреждениях.

Ключевые слова: позитивная психология, позитивная криминология, социализация, ресоциализация

Для цитирования: Ставцев А. А. Позитивная психология как инструмент социализации, воспитания и ресоциализации личности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 332–335. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-332-335>.

Original article

Positive psychology as a tool of socialization, upbringing and re-socialization of a person

Alexey A. Stavtsev

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, stavtsev.alex@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>

Abstract. The modern scientific direction of positive psychology and the possibilities of its using for socialization, upbringing and re-socialization of a person is considered. Positive psychological interventions, as the main practical tool of positive psychology, are presented from the point of view of application within educational institutions, as well as from the point of view of re-socialization of the individual in order to counteract recidivism on the example of foreign correctional institutions.

Keywords: positive psychology, positive criminology, socialization, re-socialization

For citation: Stavtsev A. A. Positive psychology as a tool of socialization, upbringing and re-socialization of a person. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):332–335. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-332-335>.

Введение

Позитивная психология (ПП) — это одно из наиболее обширных направлений в психологической науке на сегодняшний день, берущее свое начало с 1998, а именно с выступления выдающегося американского психолога, автора концепции «выученной беспомощности» и одного из основателей направления ПП —

Мартина Селигмана. В своей речи при избрании президентом Американской психологической ассоциации (АРА), он отметил, что за последние 50 лет психология как наука сделала огромный рывок, однако фокус внимания в рамках изучаемых проблематик был смещен в сторону патологий. Благодаря тому, что в большей степени психологи занимались изучением и лечением

психических и психологических отклонений, были получены четкие описания заболеваний, разработаны надежные научные методы выявления разного рода нарушений и воздействия на них. Однако такое «увлечение» патологиями привело к тому, что позитивные стороны человеческой психики остались вне внимания специалистов. Селигман призвал коллег заниматься позитивными аспектами психологии с таким же усердием и тщательностью, с какой изучаются патологии и негативные стороны человеческой психики [13]. В рамках позитивной психологии изучается психологическое благополучие отдельных персон, социальных групп, а также общества в целом и способы его достижения. Обобщая, можно сказать, что в рамках позитивной психологии исследуются все концепты и понятия, делающие жизнь индивида субъективно счастливой. За прошедшие два десятка лет, данное направление заслужило признание и уважение научного сообщества, а также сформировало «солидный багаж» эмпирически доказанных методик и практик [1; 15]. Совокупность практических концепций применения позитивной психологии в виде определенных программ, методик психологического воздействия, тренингов, упражнений и организованных групповых и индивидуальных активностей, направленных на культивирование психологической жизнестойкости, положительных эмоций, социально-одобряемого поведения, а также оптимистичного-реалистичного когнитивного восприятия действительности, получило название — позитивные психологические интервенции (ППИ) [14]. Эффективность ППИ доказана рядом эмпирических исследований, а также подтверждена мета-анализами [4; 5]. В рамках данной статьи позитивная психология и ее практический аспект в виде ППИ рассматриваются как инструмент социализации и воспитания личности, а также как эффективный механизм не только формирования полноценной личности с просоциальными моделями поведения, но и коррекции асоциальных паттернов поведения и ресоциализации индивидов склонных демонстрировать делинквентное поведение.

Образовательные учреждения как субъект применения ППИ

Говоря о социализации в целом, а также воспитании как целенаправленном и контролируемом процессе социализации в практическом ключе, мы неизбежно связываем данные концепции с детским и подростковым возрастом, поскольку объектом воспитания выступает именно формирующаяся личность. Безусловно, количество факторов, влияющих на формирование личности в ходе взросления бесчисленное множество, однако возможно выделить 3 наиболее значимых аспекта, оказывающих влияние на процесс формирования личности — это «агенты социализа-

ции»: семья, образовательное учреждение, социальное окружение [2]. При этом с точки зрения целенаправленного методологического воздействия семья и образовательные учреждения — социальные институты в рамках, которых возможно более эффективно, контролируемо и целенаправленно воздействовать на личность с помощью педагогических процессов. Социальное окружение, представляет собой более «нестабильную» составляющую формирования личности человека с точки зрения оказываемого воздействия на развитие личности, приобретения ценностных и моральных установок и навыков. В тоже время, при рассмотрении возможности воздействия на личность с помощью инструментов позитивной психологии, семья, как субъект воспитательного воздействия, несмотря на свою чрезвычайную значимость в формировании личности детей и подростков [2], зачастую представляет собой достаточно «закрытую» социальную группу, с объяснимым подозрением относящаяся к влиянию извне. Исходя из изложенного выше, именно образовательные учреждения могут и должны выступать субъектом процесса воспитания личности, в рамках которого внедрение и применение позитивных психологических интервенций будет наиболее уместно и способствовать формированию психологически благополучной личности с просоциальными паттернами поведения. Для проведения данной работы необходима организация совместной деятельности: школа — родительское сообщество (через родительские общественные организации) — семья [3]. Важной особенностью ППИ как метода воздействия является комплексность, помимо обучения знаниям, умениям и навыкам, позволяющим эффективно взаимодействовать в социуме, происходит развитие личностных характеристик, тесно связанных с психологической жизнестойкостью и психологическим благополучием индивида, а также моральное развитие личности, что выступает как профилактикой асоциального поведения, так и корректирующим воздействием при необходимости [4].

ППИ как инструмент ресоциализации личности

Ресоциализация личности в отличие от воспитания и социализации представляет собой задачу не только формирования паттернов поведения ведущих к психологическому благополучию личности и стимулирующих просоциальность индивида, что в свою очередь также решает задачи профилактики и коррекции возникновения асоциальных паттернов, но и редуцирование существующих, можно сказать укоренившихся асоциальных моделей поведения. В рамках рассмотрения позитивной психологии как инструмента ресоциализации личности можно выделить несколько значимых направлений позитивного воздействия, в зарубежной научной литературе дан-

ное проблемное поле часто обозначается термином «positive criminology» (рус. «позитивная криминология») [12]. Позитивное воздействие с целью ресоциализации личности в виде формирования факторов противодействия рецидивной преступности, применяемое в исправительных учреждениях, показало эффективность в виде снижения процента бывших заключенных повторно совершавших правонарушения [17]. Данные ППИ были направлены на:

- развитие психологической устойчивости осужденных и заключенных в виде научения адаптивным копинг-стратегиям совладания с стрессом и негативными эмоциями, научению социальным навыкам эффективного межличностного взаимодействия, способствующих социальной адаптации и формированию значимых межличностных взаимоотношений, стимулирующих просоциальное поведение [9; 10; 11];
- проработку психологических травм и личностных факторов риска тесно связанных с асоциальным поведением, например, алкоголизм, наркомания и другие виды зависимостей [8; 11];
- приобщение к просоциальным активностям, например, волонтерству [16], а также стимулирование положительных качеств личности, в частности ППИ стимулирующие качество личности «благодарность» [4] показало высокую эффективность в увеличении показателей психологического благополучия и уменьшения уровня агрессии, заключенных в исправительных учреждениях КНР [6];
- формирования условий для социальной адаптации, в виде предоставления возможности получения образования в исправительном учреждении, как условия получения трудоустройства после освобождения из мест заключения [12].

Эмпирические исследования применения позитивных психологических интервенций с целью ресоциализации личности, демонстрируют положительную динамику, что свидетельствует об эффективности использования ППИ как инструмента ресоциализации личности.

Заключение

Практическая позитивная психология выступает крайне эффективным инструментом социализации, воспитания и ресоциализации личности. На сегодняшний день позитивные психологические интервенции активно применяются и показывают высокие положительные результаты как часть школьных программ в США, Великобритании, Австралии, Китае, Португалии и других стран мира. Что же касается аспекта ресоциализации личности и вопроса примене-

ния ППИ в исправительных учреждениях, точечные, пилотные исследования свидетельствуют об эффективности данных методик, однако необходима большая достоверность, через проведение масштабных исследований на широких выборках заключенных. Мы считаем, что ППИ могут стать ценным и эффективным инструментом исправительной системы РФ, способствующей снижению числа рецидивной преступности через эффективную социальную адаптацию бывших заключенных. Мы понимаем скептицизм научного и практического сообщества, связанный с схожей парадигмой подходов к воспитанию подрастающего поколения и реабилитации асоциальных элементов общества, однако обилие эмпирических данных указывает на уместность и даже эффективность подобного подхода. На наш взгляд, при позитивно психологическом подходе, «джентльмены удачи» имеют все возможности изменения паттернов поведения «украл, выпил, в тюрьму» на просоциальные и адаптивные.

Список источников / References

1. Леонтьев Д. А. Позитивная психология повестка дня нового столетия // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. №. 4. (1. Leontiev D. A. Positive psychology agenda of the new century // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2012. Vol. 9. № 4.)
2. Реан А. А. Психология личности. «Питер», 2016. (2. Rean A. A. Psychology of personality. «Peter», 2016.)
3. Реан А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. 2018. № 2(30). С. 3–12. (3. Rean A. A. Prevention of aggression and antisociality of minors // National Psychological Journal. 2018. № 2(30). P. 3–12.)
4. Реан А. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. 2020. №. 3. (4. Rean A. A., Stavtsev A. A. Positive psychological interventions as prevention of school distress, aggression and bullying // Questions of education. 2020. №. 3.)
5. Carr A. et al. Effectiveness of positive psychology interventions : a systematic review and meta-analysis // The Journal of Positive Psychology. 2020. P. 1–21.
6. Deng Y. et al. Counting blessings and sharing gratitude in a Chinese prisoner sample : Effects of gratitude-based interventions on subjective well-being and aggression // The Journal of Positive Psychology. 2019. Т. 14. №. 3. P. 303–311.
7. Huynh K. H. Establishing Efficacy of the Positive

- Re-entry in Corrections Program : A Consensual Qualitative Research Evaluation of a Positive Psychology Intervention for Prison Offenders. Seattle Pacific University, 2014.
8. Keaveny M. E. Life events and psychological well-being in women sentenced to prison // *Issues in mental health nursing*. 1999. T. 20. №. 1. P. 73–89.
 9. Kobasa S. C. et al. The hardy personality : Toward a social psychology of stress and health // *Social psychology of health and illness*. 1982. T. 4. P. 3–32.
 10. Lo L. et al. Improving the Wellbeing of Female Prisoners via Psychological Skills Training : A Feasibility Study // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2020. T. 64. №. 15. P. 1571–1586.
 11. Maruna S., Immarigeon R., LeBel T. P. Ex-offender reintegration : Theory and practice // *After crime and punishment*. Willan, 2013. P. 21–44.
 12. Ronel N., Elisha E. A different perspective : Introducing positive criminology // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2011. T. 55. №. 2. P. 305–325.
 13. Seligman M. E. P. Positive social science // *Journal of Positive Behavior Interventions*. 1999. T. 1. №. 3. P. 181.
 14. Sin N. L., Lyubomirsky S. Enhancing well being and alleviating depressive symptoms with positive psychology interventions: A practice friendly meta analysis // *Journal of clinical psychology*. 2009. T. 65. №. 5. P. 467–487.
 15. Snyder C. R. et al. (ed.). *The Oxford handbook of positive psychology*. Oxford university press, 2020.
 16. Williams N. R. et al. From trauma to resiliency : Lessons from former runaway and homeless youth // *Journal of Youth Studies*. 2001. T. 4. №. 2. P. 233–253.
 17. Wormith J. S. et al. The rehabilitation and reintegration of offenders : The current landscape and some future directions for correctional psychology // *Criminal Justice and Behavior*. 2007. T. 34. №. 7. P. 879–892.

Информация об авторе

А. А. Ставцев — аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, ассистент кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Московского государственного педагогического университета, магистр психологии.

Information about the author

A. A. Stavtsev — Research Analyst of The Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, Assistant of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of the Moscow Pedagogical State University, Master of Psychology.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 22.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 22.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-336-341>

НИОН: 2003-0059-4/22-405

MOSURED: 77/27-003-2022-04-604

Социальная психология преступности: теоретико-отраслевой аспект

Анатолий Николаевич Сухов

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Раскрывается актуальность исследования проблемы преступности, её сущность. Также рассматриваются возможности социально-психологического подхода к пониманию преступности. При этом анализируются трудности, которые имеют место при определении понятия, структуры, анализе различных видов преступности. С их преодолением связана эффективность борьбы с преступностью. Поэтому неслучайно наиболее важной задачей является создание социально-психологической теории преступности. В то же время теория различных видов преступности является составной частью общей теории и практики её превенции.

Ключевые слова: преступность, вид, понятие, сущность, теория, системный анализ, компетентность, социально-психологический подход

Для цитирования: Сухов А. Н. Социальная психология преступности: теоретико-отраслевой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 336–341. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-336-341>.

Original article

Social psychology of crime: theoretical and sectoral aspect

Anatoly N. Sukhov

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. This article reveals the relevance of the study of the problem of crime, its essence. It also examines the possibilities of a socio-psychological approach to understanding crime. At the same time, the difficulties that occur in defining the concept, structure, and analysis of various types of crime are analyzed. The effectiveness of the fight against crime is connected with their overcoming. Therefore, it is not by chance that the most important task is to create a socio-psychological theory of crime. At the same time, the theory of various types of crime is an integral part of the general theory and practice of its prevention.

Keywords: crime, type, concept, essence, theory, system analysis, competence, socio-psychological approach

For citation: Sukhov A. N. Social psychology of crime: theoretical and sectoral aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):336–341. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-336-341>.

Введение.

Традиционные подходы, ориентированные на понимание индивидуального криминального поведения, не в состоянии объяснить масштабы, характер, механизмы и формы проявления современной преступности.

Представляется, что сегодня наиболее приемлемым является социально-психологический взгляд на

природу данного социального явления.

Изложение основного материала.

В связи с этим «Социальная психология преступности» должна стать полноценной отраслью и занять подобающее место в учебном процессе, науке и практике [4].

Её реализация может происходить в различных

форматах, например, при профилизации профессиональной подготовки психологов и т. д., но прежде всего в рамках криминальной психологии как одного из её разделов.

Предмет «юридической психологии» по существу складывается из предметов двух дисциплин: психологии служебной деятельности, в том числе спецподразделений в экстремальных ситуациях, оперативно-разыскной деятельности; криминальной психологии.

В настоящее время «юридическая психология» как самостоятельная научная специальность объединена под одним шифром с «психологией безопасности».

В свою очередь, предмет психологии служебной деятельности во многом пересекается с предметом психологии управления.

Криминальная психология опирается на теории различных отраслей.

Социальная психология позволяет сформулировать более или менее адекватное понимание природы не только общеуголовной, но и организованной преступности на основе анализа её признаков, структуры и механизма [1].

Опыт по созданию аналогичной отрасли есть. Имеется в виду учебное пособие А. Н. Сухова «Социальная психология преступности». М., 2007; монография «Социальная психология организованной преступности». М., 2017. На основе этого разработаны и читаются соответствующие курсы.

О социальной психологии преступности можно говорить в разных аспектах. Она существует в виде теории, учебной дисциплины и практики. Поэтому структуру социальной психологии преступности образуют теоретические, методические и практические составляющие. При этом каждый из них имеет свою подструктуру.

Подробное изложение традиционных западных теорий преступности в ряде публикаций, в том числе Р. Блэкборна «Психология криминального поведения». Питер, 2004.

Известно, что проблема преступности является составной частью предмета юридической психологии. Это вполне понятно и объяснимо.

Но, помимо этого, она занимается и расследованием, и судопроизводством, и ресоциализацией лиц, совершивших преступления, и деятельностью персонала правоохранительных органов.

Лишь одна отрасль юридической психологии, а именно, криминальная психология непосредственно занимается исследованием проблемы преступности. Все остальные отрасли юридической психологии скорее имеют отношение к обеспечению различных ви-

дов безопасности государства, экономики, общества и личности.

Такую точку зрения на предмет юридической психологии мы высказывали и раньше в печати и считаем ее правомерной. Именно безопасность является конечной целью деятельностью всех правоохранительных органов.

Но при этом, только на первый взгляд кажется, что можно обойтись без криминальной психологии при обеспечении различных видов безопасности. На самом деле криминальная психология — исходная точка при этом. Не зная природы преступности, криминальных угроз, нельзя говорить всерьез о безопасности.

Но здесь исследователей подстерегают трудности. Эти трудности носят теоретический характер. Они касаются и юридической психологии в целом, и криминальной, в частности.

В основном криминальная психология базируется на общепсихологической теории, теории личности, клинической психологии и т. д. Об этом говорят известные теории отклоняющегося поведения личности, например, агрессии, аддиктивного поведения и пр.

Но можно ли с помощью данных теорий в полном объеме объяснить природу современной преступности?

Ответ очевиден: нет, хотя и пытаются применить психоанализ для интерпретации организованной преступности.

Однако известны и прямо противоположные случаи, скажем, книга Шоу «Наше преступное общество» и другие. В ряде стран широкую известность получили криминологические теории, связанные с учетом экономических, социальных факторов и условий при анализе преступности.

Нельзя сказать, что Россия в этом плане является исключением. И здесь в свое время опубликованы и «Социология преступности», и «Социальные отклонения» и т. п.

Тем не менее, до сих пор в криминальной психологии доминирует личностный подход к анализу преступности.

Увы, на дворе XXI век. Это время не только прогресса, но и невиданных конфликтов, санкционных войн и тотальной агрессии, террора и экспансии, глобализации мира, экономики и политики.

В связи с этим можно категорично утверждать, что понимание современной преступности невозможно без обращения к социальной психологии. Она обладает наиболее адекватными возможностями для интерпретации преступности XXI века.

Это не голословные утверждения, а вывод, ос-

нованный на знании того, что происходит реально в области экономики и общества и что может сделать социальная психология для понимания причин криминализации этих областей.

Значит, вывод можно сделать один: в структуру традиционной криминальной психологии должен войти раздел «Социальная психология преступности» и занять подобающее место в учебном процессе и науке.

Современная преступность далека от классической, традиционной. Этот факт признают и сами правонарушители. Она модернизирована, легализована, адаптирована и присутствует практически во всех сферах.

Современная преступность — это не только уличная и бытовая преступность. Это и получение прибыли за счет выпуска и реализации контрафактной продукции, которая в различных сферах достигает колоссальных масштабов, и картельные сговоры относительно цен на бензин, телефонные услуги и стоимости метра жилья и т. д.

Между тем в литературе, как научной, так и публицистической, по-прежнему наблюдается подмена организованной преступности — общеуголовной.

Например, когда говорят об истории преступности в России, ограничиваются лишь хронологией развития общеуголовной преступности.

Однако в этой сфере в настоящее время произошли «реформы»: появились «новые воры в законе», а старые понятия уже не действуют. Главное заключается в том, что статус «вора в законе» в иерархии организованной преступности изменился радикально.

Не видеть этого, делать вид, что криминальная ситуация по сравнению с прошлым осталась прежней, значит, грешить против истины.

Таким образом, традиционные теории преступности объясняют только общеуголовную преступность, не затрагивая при этом природу организованной преступности. Ограниченность — главный их недостаток. Второй их недостаток связан с тем, что криминальное поведение, преступность сводят к личностному аспекту, что далеко не так на самом деле.

При этом преступления часто связывают с психофизиологическими и индивидуально-психологическими особенностями личности. Что же касается собственно социально-психологических исследований этих явлений, то они встречаются крайне редко.

Сложились традиционные подходы к пониманию преступности: криминологический, социологический и психологический. С позиции этих подходов решаются вопросы, связанные, прежде всего, с определением преступности, понятием причин и механизмов ее возникновения и функционирования. Однако научные

публикации на этот счет далеко не всегда устраивают профессионалов. Ранее уже говорилось, что они не в полной мере отражают природу современной преступности. Складывается впечатление, что теория сама по себе, а преступность сама по себе и они между собой не пересекаются.

К сожалению, в отечественной психологической и криминологической литературе довольно долгое время имели место дискуссии о роли биологических и социальных факторов в возникновении преступности. Декларировалось, что в основе преступности лежат социальные причины. Но дальше деклараций дело не шло. В результате выходило: преступность есть, но ни биологические (роль генетики также отрицалась), ни социальные причины к преступности отношения не имеют. Беспричинная получалась какая-то преступность, виртуальная.

Но если и назывались какие-то общего характера, следовательно, мало о чем говорящие причины преступности, то при этом все их многообразие в основном сводилось к индивидуальным особенностям, т. е. психологии личности преступника.

До самого последнего времени, за редким исключением, почти не отмечался выход за рамки традиционного понимания преступности. Но без этого нельзя. Лишь междисциплинарный подход позволяет ее объяснить.

Важное место среди других наук, занимающихся анализом преступности, принадлежит социологии и социальной психологии. Среди теорий преступности наиболее продуктивными и многочисленными являются именно социально-психологические теории.

При попытке обоснования понятия «преступление» возникают сложности. Прежде всего проблемы связаны с тем, что многие преступления остаются нераскрытыми и незарегистрированными, а осуждение того или иного преступника может зависеть от объективности системы уголовного правосудия. В связи с тем давно ведутся дебаты о том, что такое преступность (Mannheim, 1965; Bottomley, 1979; Young & Matthews, 1992).

История организованной преступности описана в работе, основанной на документах, Ф. Мессик и Б. Голдбланд «Бандитизм и мафия», опубликованной в журнале «Иностранная литература», № 11-12, 1992 г., с. 229–281.

Строго говоря, мафия — это название сицилийской преступной группировки. Однако по мере распространения влияния мафии это слово стало нарицательным.

Позднее общество переросло в Национальный

преступный синдикат, который назвали «Синдикат», «Товарищество», «Ко́за Ностра», «Ндрагетта», «Каморра», «Сакра Корона Юнити» и т. д. Основная сфера преступной деятельности итальянской мафии — контрабанда наркотиков, оружия и алкоголя, игорный, мусорный и строительный бизнес, рэкет, отмывание денег и контроль над проституцией.

Структура организации, руководство ею, сферы влияния приобрели международный характер. Долгое время история мафии была покрыта тайной в силу действия обета молчания («омерты») её членов.

Мафия в США возникла в результате массовой итальянской иммиграции в Америку в конце 19-го века. Во время действия «сухого закона» мафия в США полностью контролировала теневой алкогольный бизнес и достигла успехов. После окончания действия «сухого закона» мафия в США претерпела трансформацию. Интересы, доходы и функции контроля современной американской мафии носят глобальный характер.

Понятно, что история восточной мафии неотделима от истории мафии в Японии («Якудзы», «Борикудан»), Корее, Афганистана и на Ближнем Востоке. Особого внимания заслуживает детальный анализ истории афганской и ближневосточной мафии. Это связано с необходимостью повышения эффективности борьбы с международным терроризмом и наркобизнесом [2].

На уровне личности все происходит просто: преступление — это её решение о тактике поведения в конфликте, точнее, о выборе способов разрешения конфликта. Если личность может сказать «нет», несмотря на то, что хочется, то никакого криминала произойти не может. Но если не может, то конфликт приводит к преступлению, т. к. избраны такие способы разрешения конфликта, которые носят криминальный характер.

Деструктивный внутриличностный конфликт — это принятие решения личностью под влиянием деформированных социальных представлений о достижении негативных целей с помощью противоправных и аморальных средств.

Он возникает тогда, когда личность в условиях принятия решения о выборе средств достижения цели не может сказать себе «нельзя» делать то, что расходится с нормами права и морали. Вместо этого она говорит «можно» всё для реализации любых желаний, влечений, планов и т. п. Никаких фильтров, табу, ограничений, запретов. Полный «беспредел».

Но это происходит не только в силу действия фрейдовской формулы внутриличностного конфликта между ИГО, ЭГО и СУПЕР-ЭГО, где бессознательные инстинкты (в основном-сексуальные, т. е. ИГО) доминируют и диктуют правила поведения.

На самом деле деструктивный внутриличностный конфликт связан с социально-психологической структурой личности, деформацией когнитивной, ценностно-смысловой сферой (смысловых конструктов), социальных представлений. В этом случае «перевернутый мир» становится нормальными картинами мира, конструктами, «воровские законы» — единственными законами, которые следует соблюдать. Для такой личности нет «зеленой черты», переступить которую нельзя, когнитивного диссонанса, т. е. совести.

Они «крутые», «борзые». Им всё позволено. Закон для них «не писан», просто не существует. К сожалению, мало кто из преступников признаёт себя виновным. Не лишне повторить ещё раз для ясности, что этот когнитивный эффект сравним с хрусталиком в глазу Кая из «Снежной королевы» Г. Х. Андерсена.

В то же время, может происходить блокировка позитивных действий, связанных с самоактуализацией.

В этих условиях на всю мощь «работает» внутриличностный деструктивный конфликт [5].

Однажды в школе произошёл такой случай. Мама одного из учеников вышла на перемене из буфета, где она работала. Сын в её отсутствие раздал бесплатно много конфет своим одноклассникам. О пропаже тут же узнали. Стали спрашивать школьников: «Почему они звали конфеты?». Ответ был таков: «Нам дали — мы взяли». Лишь один сказал: «Не платил, потому не взял».

Не трудно догадаться, какой из конфликтов лежал в основе поведения абсолютного большинства учеников. Конечно, деструктивный. Поступок только одного ученика явился следствием конструктивного конфликта.

Деструктивный внутриличностный конфликт напрямую зависит от деформации социальных представлений.

В свою очередь, существует четко выраженная связь между деформацией социальных представлений и деформацией социальных ценностей. Это с одной стороны. Однако, с другой стороны, деформация социальных ценностей возникает не в вакууме, не в пустоте. Она в свою очередь определяется деформацией социальных отношений, институтов и групп. Такая причинно-следственная связь получается.

В основе деструктивных конфликтов лежит общепризнанный факт, связанный с принятием решения о совершении проступка, криминального действия. Речь идет о способе разрешения внутриличностного конфликта.

В данном случае от личности требуется совершить выбор между социально позитивными нормами и кри-

минальными. Эту альтернативу приходится решить в пользу или закона, или его нарушения любому лицу, независимо от статуса, образования, возраста, семейного положения и т. д.

Во многих случаях данная дилемма в настоящее время под влиянием различных факторов решается не в пользу закона. Многие не могут отказать и сказать себе, что нельзя переходить на красный свет, делать что-то безнравственное, брать взятки и пр.

Происходит это в силу различных причин: корысти, моды, безнадежности, когда других шансов и вариантов не остается, влияния криминальной субкультуры, которая одобряет отклонение и поощряет «крутизну».

Деструктивный внутриличностный конфликт прямо коррелирует с деформацией социальных представлений об успехе и карьере и связан с безнравственной и криминальной моделями их достижения [3].

Преступление как юридический факт — это действия, содержащие состав преступления и признанные таковыми в судебном порядке. С точки зрения философии, психологии, этики, преступление — это факт не только юридического, но и психологического, нравственного порядка, который характеризуется борьбой мотивов, когнитивным диссономом, значимыми переживаниями: чувством вины, совести, позитивной ответственности безотносительно тому, дана ли этому событию юридическая оценка.

Однако такой подход к измерению преступления юристы считают неприемлемым, так как он может привести к произволу.

Конечно, существует презумпция невиновности. Вина может быть установлена лишь в судебном порядке. Тем не менее, литература (например, роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») и психоанализ заставляют говорить о преступлении не только в юридическом смысле.

Преступление — за исключением отдельных случаев — это исход деструктивного внутриличностного конфликта. Можно сказать, что преступление — это деструктивно конфликтный способ удовлетворения потребностей, достижения целей.

Но собака зарыта совершенно в другом: с каких позиций, т. е. социальных представлений рассматривать деформацию личности. Вот в чём вопрос. Для одних это, действительно, личностная и профессиональная деформация. Это никуда не годно, не приемлемо. Для других, наоборот, — квалификационный рост стержневости, протитуированности, криминальной карьеры, неограниченных возможностей. Они убеждены: это то, что надо, классно.

Деструктивный внутриличностный конфликт прямо коррелирует не только с деформацией социальных представлений о моделях достижения успеха, но и связан с криминальной карьерой [3].

На уровне группы механизм преступления иной. Он не всегда зависит от личности. Соучастие возникает как на добровольной, так и на принудительной основе с помощью шантажа, слухов, насилия, мошенничества и т. п.

На уровне организаций, институтов механизм преступности включает в себя комплекс факторов и условий.

Преступность существует на различных уровнях, поэтому организованную следует рассматривать на транснациональном; национальном; региональном; корпоративном и личностном.

Что же касается общеуголовной преступности (различные виды мошенничества, насилия, аддиктивного поведения и т. д.), то она выступает как массовое, групповое, межличностное и индивидуальное явление.

Причины и механизмы организованной и общеуголовной преступности далеко не одинаковы и неоднозначны.

В чем-то они совпадают, но в основном — расходятся.

Так, в качестве механизма как организованной, так и общеуголовной преступности выступает криминогенное общение. Но в рамках организованной преступности оно используется более квалифицированно, профессионально.

Как уже отмечалось, механизм преступности носит как добровольный, так и принудительный характер. К числу средств добровольного приобщения к преступному миру (асоциализации) относятся: криминальная мода, наколки, жаргон, одежда и другие атрибуты.

Ясно, что во многом эти явления имеют социально-психологическую природу, что лишний раз говорит о необходимости социально-психологического подхода к пониманию преступности.

Современное криминогенное общение — это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений и деструктивных конфликтов на более профессиональном уровне. Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно, к сожалению, возросли [6].

Криминогенное общение по-разному проявляется в процессе межличностных, групповых, семейных, организационных и массовых деструктивных конфликтов.

Таким образом, социальная психология преступ-

ности как отрасль может и должна быть реализована в различных форматах, в том числе в рамках криминальной психологии в виде одного из её разделов.

Природу преступности адекватно понять и объяснить можно лишь с позиции социальной психологии.

В частности, социально-психологическая компетентность сотрудников правоохранительных органов позволяет раскрыть все ухищрения, тайны, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений при помощи традиционных и современных средств криминогенного общения.

В контексте антикриминальной безопасности изучение накопленного опыта борьбы с преступностью имеет огромное теоретическое и практическое значение.

Список источников

1. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности. М., 2017.
2. Сухов А. Н. Организованная преступность : исторический аспект. // Российский следователь, 2019, № 1.
3. Сухов А. Н. Успех, карьера и развитие : социально-психологический аспект. М., 2016.
4. Сухов А. Н. Социальная психология преступности. М., 2007.
5. Сухов А. Н. Социальная конфликтология. М., 2021.
6. Сухов А. Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 267–272.

Информация об авторе

А. Н. Сухов — заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор психологических наук, профессор, почётный работник высшего образования.

Information about the author

A. N. Sukhov — Head of the Department of Social Psychology and Social Work of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 11.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 11.07.2022.

References

1. Sukhov A. N. Social psychology of organized crime. Moscow, 2017.
2. Sukhov A. N. Organized crime : a historical aspect. // Russian Investigator, 2019, № 1.
3. Sukhov A. N. Success, career and development : socio-psychological aspect. M., 2016.
4. Sukhov A. N. Social psychology of crime. M., 2007.
5. Sukhov A. N. Social conflictology. M., 2021.
6. Sukhov A. N. Traditional and modern means of criminogenic communication // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 267–272.

Библиографический список

1. Босхолов С. С. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с организованной преступностью. М., 1998.
2. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
3. Сухов А. Н. Организованная преступность и коррупция // Российский следователь. 2015. № 14. С. 18–21.

Bibliographic list

1. Bosholov S. S. Problems of legislative support of the fight against organized crime. M., 1998.
2. Dolgova A. I. Crime, its organization and criminal society. M., 2003.
3. Sukhov A. N. Organized crime and corruption // Russian investigator. 2015. № 14. P. 18–21.

Рецензия

УДК 159:37:34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-342-344>

НИОН: 2003-0059-4/22-406

MOSURED: 77/27-003-2022-04-605

**Может ли в принципе существовать хороший учебник
для хорошего научного наставника и для хорошего студента?
Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований
и прикладной аналитики : учебник. Изд. 3-е, доп. и перераб.
М. : Буки Веди, 2022. 754 с.**

Леван Теймуразович Чихладзе

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Представляется рецензия на новое издание учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики». Обсуждаются вопросы о мере должного в научной подготовке и в обеспечении таковой учебными пособиями.

Ключевые слова: теоретическая и практическая наука, практическая аналитика, научная подготовка, научное наставничество, науковедение

Для цитирования: Чихладзе Л. Т. Может ли в принципе существовать хороший учебник для хорошего научного наставника и для хорошего студента? // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 342–344. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-342-344>.

Review

**Can there really be a good textbook
for a good scientific mentor and for a good student?
Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research
and applied analytics : textbook. 3rd ed., supp. and revis.
M. : Buki Vedi, 2022. 754 p.**

Levan T. Chikhladze

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. A review of the new edition of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva «Methodology of scientific research and applied analytics» is presented. The article discusses the issues of the degree of due in scientific training and in providing such with teaching aids.

Keywords: theoretical and practical science, practical analytics, scientific training, scientific mentoring, science studies

For citation: Chikhladze L. T. Can there really be a good textbook for a good scientific mentor and for a good student? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022;(4):342–344. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-342-344>.

Третье издание учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики» [1] 2022 года (в его развитии — а это на две сотни страниц больше, чем во втором издании, на многие сотни сносок больше, на 2 общенаучных и на 15 специальных ана-

литических методов больше описаний, обособленная большущая глава, очень подробно рассказывающая о многих элементах, аспектах и особенностях прикладной аналитики в самых разных профессиональных сферах) продолжает оттачивать и дорабатывать

© Чихладзе Л. Т., 2022

оригинальную авторскую модель И. В. Понкина и А. И. Лаптевой по представлению актуальной и подробной информации о том, как обучать будущих профессиональных исследователей (в науке и в практической аналитике) и/или как им самим обучаться всему этому, да ещё на высоком уровне профессионального ремесла, мастерства и искусства. Это одна из тех немногих книг, где всегда следует приобретать следующую дополненную и переработанную редакцию. Третье издание — много более продвинутое в сравнении со вторым, и много более убедительное, хотя достойны похвалы были и первое, и второе издания, уже завоевывавшие умы заинтересованных во всём этом специалистов.

Каждый научный руководитель и каждый аспирант сегодня знает, насколько критично переполнена эта тематическая область макулатурой — откровенно низкого качества изданиями, выпускаемыми «для галочки» или самолюбования, но тщетными для ищущих пользы для себя в такой литературе. Иоганн Готлиб Фихте справедливо задавал вопрос: «Должен ли я говорить с почтением о тех, кто повторяет чужие слова и высказывает поверхностные суждения, что не внушает мне ни малейшего уважения? Что должно было обязать меня к этому?» [2, с. 278]. Ведь именно через открытое активное и принципиальное обсуждение ключевого для данной области вопроса — как и чему учить в науке — мы только и сможем поднять качество научной подготовки в аспирантуре и докторантуре, на иных уровнях образования.

Сложность написания современных практико-ориентированных пособий понятна каждому, кто сам осуществляет научное руководство, повседневно организует научную подготовку и научную работу студентов и диссертантов. И хотя, как сказал всё тот же Иоганн Готлиб Фихте: «Я устал постоянно повторять то, что было уже столько раз сказано» [2, с. 534], вопрос издания новых таких пособий — это не вопрос повтора, дублирования, а вопрос поиска меры и образов необходимого и эффективного в таком обучении. Хорошие пособия в этом очень сегодня потребны.

Более того, в пособиях по научной подготовке в абсолютном большинстве случаев забывается, что помощь нужна опытным профессионалам не меньше, чем новичкам в науке, только на более продвинутом уровне. И рассматриваемое пособие здесь является ярким исключением, являя собой научение искушённых в этом обучающих.

Надо сказать, проведя многие тысячи часов на научную подготовку аспирантов и магистрантов, понимая насколько многотруден и затратен (по времени, по нервам и душевным силам) труд научного руководителя и насколько, вместе с тем, грандиозен голод на действительно хорошие учебные программы и пособия в этой области, поражаешься масштабам и раз-

маху раскладок тем, объяснённых в рассматриваемом учебнике «Методология научных исследований и прикладной аналитики». Причём поражает адекватность и толковать излагаемых материалов, учебник, можно сказать, определяет свод правил, которые показывают вам, как вести исследования с максимальными эффективностью, ответственностью, добросовестностью.

Авторы не пожалели времени и сил, чтобы поделиться своим опытом, знаниями, наконец, секретами подготовки учеников. Авторы — высоко квалифицированы, и мы убеждены, что их вклад в искусство и мастерство исследования является и будет на долговременную перспективу весьма полезным.

В учебнике «Методология научных исследований и прикладной аналитики» учебнике «Методология научных исследований и прикладной аналитики» очень много всего, что обычно оставляется за рамками такого рода изданий. И объяснения роли и значения замысла дизайнера, конспекта, черновика в науке. И объяснения интуитивных методов, инструментариев, подходов в науке и практической аналитике. И целая энциклопедия исследовательских методов, с подробными и информативными объяснениями и, по сути, с пошаговыми руководствами по их применению, предоставляя необходимые знаниевые ресурсы. А ещё этот учебник является важным шагом на пути к пониманию и общедоступному толкованию той роли, которую научные руководители (консультанты) и научные школы играют в науке, а наставники в практической аналитике — соответственно, в этой сфере. И ещё много-много другое. Никто другой из авторов подобного рода литературы не делает этого столь тщательно и скрупулёзно.

Издание очень большое по объёму, и в листаже, и в перечнях тем и подтем. Да, возможно, что-то из этого не пригодится диссертанту, но, во-первых, общеизвестная и многократно опубликованная максима гласит: «90 % того, что вы изучаете, вам не понадобится никогда. Зато вам очень понадобятся те нейронные связи, которые при этом возникли», а во-вторых, просто невозможно заранее спрогнозировать, за ответом на какой именно вопрос к этому учебнику обратится студент или его профессор. И главное, что в этом издании нет лишнего, пустословного. Всё исключительно по делу.

Достоинства всегда, увы, соседствуют с недочётами. В данном случае самым большим недочётом мы видим отсутствие в издании одной, а лучше нескольких (можно — в приложениях) программ с тематическими раскладками тем, исходя из уровней и целеполагания подготовки. Невозможно подумать, что у авторов нет таких наработок, и их сильно не хватает в издании. Вторым недочётом видится отсутствие списков вопросов для объективного контроля и самоконтроля обучающихся.

В любом случае, учебник этот — незаменимое и бесценное руководство по множеству наиболее важных и при этом наименее объяснённых вопросов организации и осуществления научной подготовки. Этот учебник заставляет крепко задумываться и позволяет самосовершенствоваться. А в силу того обязателен к прочтению не только студентам и диссертантам, но всем, кто стремится повысить и существенно усовершенствовать свои навыки в научном руководстве, научном наставничестве. Настоятельно рекомендуется.

Но также следует отметить, что глава вторая и глава восьмая будут в высшей мере полезны аналитикам разведки — финансовой, бизнес-, информационной, военной. При общей востребованности этой тематики пособия по ней отсутствуют напрочь, за исключением как раз вышеуказанного и рассмотренного учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики» И. В. Понкина и А. И. Лаптевой. И это новое издание есть важный шаг в профессионализации разведывательного образования, подготовки в области безопасности и смежных областях.

Эрнесту Хемингуэю приписывают слова: «Все люди делятся на две категории. С первыми легко, как легко и без них. Со вторыми очень сложно, но без них невозможно совсем» [3], вполне справедливо адресуемые к рассматриваемому учебнику. Он — очень сложный и трудно осваиваемый, но, единожды прочтённый, он уже не будет заложен на дальнюю полку, став книгой настольной.

Информация об авторе

Л. Т. Чихладзе — заведующий кафедрой муниципального права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

L. T. Chikhladze — Head of the Department of Municipal Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 21.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

Submitted 15.06.2022; approved after reviewing 21.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Список источников

1. Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник. Изд. 3-е, доп. и перераб. М. : Буки Веди, 2022. 754 с. https://moscou-ecole.ru/2022/03/31/methodology_research_analytics_3_ed/
2. Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М. : Ладомир, 1995. 656 с.
3. 12 цитат Эрнеста Хемингуэя, которые пригодятся в трудную минуту // <http://izbrannoe.com/news/mysli/12-tsitat-ernesta-khemingueya-kotorye-prigodyatsya-v-trudnuyu-minutu/>. 22.04.2016.

References

1. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research and applied analytics : textbook. Ed. 3rd, supplement and revision M. : Buki Vedi, 2022. 754 p. https://moscou-ecole.ru/2022/03/31/methodology_research_analytics_3_ed/
2. Fichte I. G. Essays. Works of 1792–1801, Moscow: Ladoimir, 1995. 656 p.
3. 12 quotes by Ernest Hemingway, which will be useful in a difficult moment // <http://izbrannoe.com/news/mysli/12-tsitat-ernesta-khemingueya-kotorye-prigodyatsya-v-trudnuyu-minutu/>. 22.04.2016.